This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

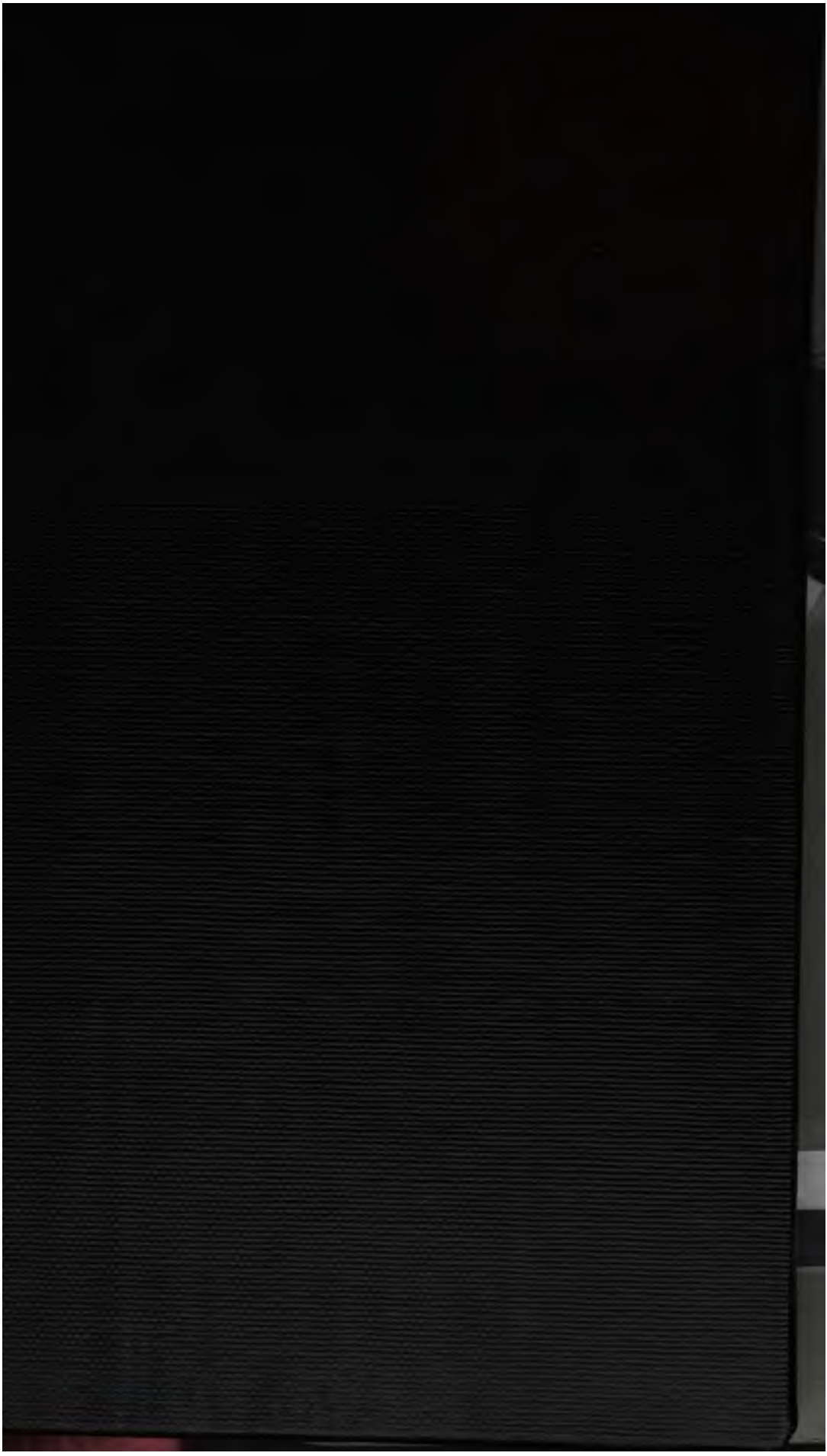
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



Ermolov, A. S.

А. ЕРМОЛОВЪ

НАРОДНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ

ВЪ

ПОСЛОВИЦАХЪ, ПОГОВОРКАХЪ И ПРИМѢТАХЪ

III

ЖИВОТНЫЙ МІРЪ

ВЪ

ВОЗЗРѢНІЯХЪ НАРОДА

Вся живая тварь покорится человѣку.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1905

103.61.(KH.)

HCC 7588

v.3

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе V

I.

Животный міръ въ воззрѣніяхъ народа 1

II.

Лошадь и оселъ—работники 17

III.

Крупный рогатый скотъ 67

IV.

Мелкій домашній скотъ—овцы, козы и свиньи 115

V.

Собака и кошка—людскіе сожители 152

VI.

Домашняя птица 189

VII.

Пчела-медуница 219

VIII.

Вольное звѣрье четвероногое 239

IX.

Вольное пернатое царство 288

СТРАН.

X.

Подводное царство—рыбы и рыбачество 355

XI.

Гадъ и гнусъ 383

Дополненія и варіанты 425

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая, третья, часть моего труда касается воззрѣній народа на окружающій его животный міръ, съ которымъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе повседневно, на всѣхъ путяхъ своей жизни и дѣятельности. Хотя нѣкоторыя изъ главъ этой книги и не могутъ считаться непосредственно входящими въ область сельскохозяйственной народной мудрости, тѣмъ не менѣе вопросы, въ нихъ затрогиваемые, имѣютъ къ ней столь близкое соотношеніе, что я счелъ возможнымъ включить ихъ въ свой трудъ, подъ общимъ, присвоеннымъ ему, заглавіемъ. Главы о лошади, о домашнемъ скотѣ, крупномъ и мелкомъ, о домашней птицѣ и о пчелѣ, очевидно, имѣютъ чисто сельскохозяйственный характеръ, такъ какъ безъ бо̀льшей части этихъ животныхъ никакое хозяйство не стоитъ. Отражается на успѣхѣ хозяйства и пагубная для земледѣльца дѣятельность разныхъ вредителей культуры изъ міра животнаго, различныхъ хищниковъ, грызуновъ, нѣкоторыхъ птицъ, насѣкомыхъ и т. п. Остаются, затѣмъ, главы, касающіяся такихъ животныхъ — четвероногихъ, птицъ, рыбъ, — которыя хотя прямого касательства къ сельскому хозяйству и не имѣютъ, но съ которыми часто сталкивается сельскій хо-

зяинъ, которыя служатъ для него предметомъ промысла, въ подспорье земледѣлію, либо которыхъ онъ наблюдаетъ въ своей и ихъ повседневной жизни, наблюдаетъ, конечно, не ради науки и не изъ празднаго любопытства, но потому, что онъ живетъ, такъ сказать, бокъ-о-бокъ съ ними, что онъ по нимъ судитъ о томъ, что ему самому, или его хозяйству предстоитъ, что они составляютъ для него разверстую книгу природы, изъ которой онъ почерпаетъ свои, не всегда исключительно сельскохозяйственныя, заключенія, а иногда и полезныя для себя поученія. Думается мнѣ, что если включеніе этихъ главъ въ мой настоящій трудъ и можетъ быть признано нѣкоторой натяжкой, нѣкоторымъ расширеніемъ первоначальной, болѣе узкой и спеціальной, задачи, то еще бо̀льшимъ грѣхомъ было бы опустить ихъ совершенно, тѣмъ болѣе, что вся жизнь сельскаго населенія складывается такъ, что всѣ явленія окружающаго его міра, такъ или иначе, отражаются и на его сельскохозяйственной дѣятельности, составляющей основу его жизни, къ которой сводятся и всѣ его помыслы и всѣ его заботы. Всякіе звѣри, какъ домашніе, такъ и дикіе, несутъ крестьянину свою службу, работаютъ для него, прокармливаютъ его, либо одѣваютъ. Вольныя птицы поютъ ему свои пѣсни, услаждая его слухъ, призывая его къ работѣ. Рыбы въ рѣкахъ и въ морѣ ему пропитаніе доставляютъ, и даже среди насѣкомыхъ онъ имѣетъ своихъ друзей и своихъ враговъ. Одни изъ представителей животнаго царства всецѣло порабощены человѣкомъ и являются его помощниками въ его производительномъ трудѣ, другіе поселились съ нимъ вмѣстѣ ради взаимныхъ удобствъ и услугъ, третьимъ онъ обезпечиваетъ до поры до времени кровъ и пищу, чтобы по-

томъ принести ихъ въ жертву своимъ потребностямъ, четвертые составляютъ для него предметъ подспорнаго къ земледѣлію или даже самостоятельнаго промысла,— съ остальными, наконецъ, онъ живетъ на правахъ сосѣдства, не всегда добраго,—но всѣхъ онъ одинаково изучаетъ и на нихъ распространяетъ свою наблюдательность, результаты которой и отмѣчаетъ своими мѣткими словами и изреченіями. Многихъ народъ за одно надѣляетъ и чисто фантастическими свойствами, которыми стремится скрасить голую прозу ихъ жизни, почему этотъ элементъ— народной поэтической фантазіи,— найдетъ себѣ, мимоходомъ, мѣсто и на страницахъ настоящаго труда. Такимъ образомъ, въ этой книгѣ животный міръ рисуется не всегда такимъ, какимъ онъ есть, но такимъ, какимъ народъ его себѣ представляетъ, перемѣшивая дѣйствительность съ легендой и вымысломъ, входящимъ подчасъ уже въ область настоящей сказки.

III

Животный міръ

I.

ЖИВОТНЫЙ МІРЪ ВЪ ВОЗЗРѢНІЯХЪ НАРОДА.

Въ этомъ отдѣлѣ нашего собранія помѣщаются изреченія народной мудрости, касающіяся животнаго царства. Живя на лонѣ природы и наблюдая за различными ея явленіями, народъ приходитъ въ самое тѣсное соприкосновеніе съ разнообразными представителями міра животнаго, которыхъ онъ, какъ и все его окружающее, наблюдаетъ изо дня въ день и изучаетъ, какъ съ точки зрѣнія приносимыхъ ими человѣку пользы или вреда, такъ и съ болѣе широкой точки зрѣнія условій ихъ жизни, ихъ свойствъ, особенностей ихъ существованія и т. п. Въ нѣкоторыхъ своихъ наблюденіяхъ надъ животными народъ вдается, можно сказать, даже въ ихъ психологію, въ ихъ внутренній міръ, подмѣчая иногда весьма тонкія черты ихъ жизни и характера. Такимъ образомъ, эта область народной наблюдательности охватываетъ не одну только внѣшнюю, зоологическую сторону животнаго царства, но проникаетъ гораздо глубже, старается уловить самый духъ различныхъ его представителей, съ которыми народу всего чаще приходится сталкиваться и которыхъ онъ надѣляетъ разными свойствами, то симпатичными ему, то отталкивающими, но бо̀льшею частью вѣрно подмѣченными и обрисовывающими различныхъ животныхъ вполнѣ правильно. Конечно, не мало тутъ и самыхъ фантастическихъ представленій, не мало и легендъ, сложенныхъ народомъ въ отношеніи тѣхъ или другихъ животныхъ; но и эти фантазіи народнаго поэтическаго творчества представляютъ не малый интересъ и заслуживаютъ, чтобы хотя

мимоходомъ и на нихъ остановиться. Болѣе того, народъ старается проникнуть въ смыслъ языка животныхъ и особенно птицъ, въ пѣніи которыхъ онъ думаетъ уловить знакомые звуки родной ему человѣческой рѣчи. Птицы поютъ ему свои пѣсни—онъ думаетъ, что онѣ съ нимъ разговариваютъ, даютъ ему совѣты или полезныя предостереженія, принимаютъ то или иное участіе и въ жизни человѣка. Одни животныя сулятъ ему счастье и радость, другія—зло на него накликаютъ, но всѣ живутъ близкой съ нимъ жизнью и, приходя съ нимъ въ тѣсное соприкосновеніе, являются его друзьями или врагами, въ зависимости отъ ихъ свойствъ и условій ихъ собственной жизни. Такимъ образомъ, народъ стремится и весь окружающій его животный міръ, такъ сказать, одухотворить, проникнуть во внутренній, сокровенный смыслъ этого міра, отыскивая въ немъ иногда близкія ему, совершенно человѣческія черты.

Въ настоящей главѣ приводятся изреченія, касающіяся животныхъ вообще, или хотя и относящіяся къ отдѣльнымъ представителямъ животнаго царства, но обрисовывающія не спеціально каждому виду ихъ присущія свойства, а болѣе или менѣе общія имъ всѣмъ. Въ послѣдующихъ главахъ приведены будутъ народныя изреченія, наблюденія и легенды, уже болѣе спеціально касающіяся различныхъ представителей животнаго царства, начиная съ домашнихъ животныхъ, которыя играютъ такую важную роль въ хозяйственной жизни и дѣятельности поселянъ, и кончая дикими животными, рыбами, гадами, насѣкомыми.

На первый планъ будутъ поставлены наиболѣе близкія человѣку животныя, живущія съ нимъ вмѣстѣ, бокъ-о-бокъ, и ему непосредственно служащія: лошади и ослы, рогатый скотъ, крупный и мелкій, свиньи, домашнія птицы, собаки и кошки и изъ насѣкомыхъ пчелы, которыя несутъ свою службу не только человѣку, но и Богу, а также шелковичные черви. Далѣе, пойдутъ представители вольнаго животнаго царства, сперва четвероногія и затѣмъ птицы; потомъ рыбы, земноводныя и гады и, въ заключеніе, разныя насѣкомыя, которыхъ народъ обнимаетъ подъ однимъ общимъ названіемъ «гнуса».

Изучая и наблюдая различныя внѣшнія проявленія животной жизни, народъ строитъ по нимъ различныя примѣты, разныя предсказанія добра или зла для себя,—при чемъ послѣднія будутъ бо́льшею частью совсѣмъ отброшены, какъ явно фантастичныя и непредставляющія особого интереса съ точки зрѣнія задачъ

настоящаго труда; основанныя на разныхъ явленіяхъ животной жизни, примѣты на будущій урожай всѣхъ вообще или отдѣльныхъ хлѣбовъ, какъ равно и соприкасающіяся съ разными моментами сельскохозяйственнаго дѣла, уже были приведены въ предыдущихъ главахъ; весьма же многочисленныя примѣты на погоду, предсказателями которой животныя почитаются, найдутъ себѣ мѣсто въ послѣдующемъ отдѣлѣ, посвященномъ народной метеорологіи.

Наблюдая животный міръ съ внутренней, духовной его стороны, народъ придаетъ животнымъ понятіе о Богѣ-Создателѣ вселенной, Который и о всякой твари неразумной по Своей милости печется. Эта мысль выражается въ цѣломъ рядѣ интересныхъ изреченій, отчасти уже приведенныхъ выше:

Всякое дыханіе хвалитъ Господа.
Всякая тварь славитъ Господа.
Всякая тварь есть Божье созданіе.
Червь во прахѣ—и то Божье творенье.
И козявка—Божье творенье.
Звѣрье прыскучее (порскучее)—Божье стадо.
Ревъ звѣриный и пѣсни соловьины—все Бога хвалитъ.

Простираетъ Господь свое попеченіе на всякую и убогую тварь, которая сама о себѣ позаботиться не можетъ:

Слѣпому аисту самъ Богъ гнѣздо строитъ (Татар. Закав. кр.).
Dem blinden Vogel baut Gott das Nest (тоже турец.).

Создавъ звѣрей, Богъ каждому свое мѣсто и свое дѣло указалъ, научилъ о своихъ нуждахъ радѣть, не оставляя и послѣднюю тварь Своей защитой и покровомъ:

Питаетъ Богъ и человѣка, и червя.
Хранитъ Богъ и дикаго звѣря.
Поухитрилъ Богъ всякое животное на свои потребы.
Безъ Бога и червякъ сгложетъ.
И птица небесная не безъ прибѣжища.
Лебедь по поднебесью, мотылекъ надъ землею чуть—всякому свой путь.
Der Vogel in der Luft, der Fisch im Vasser.
Jedes Thier lebt auf seine Weise: die Henne scharrt, der Löwe raubt.

И превыше всѣхъ звѣрей Богъ человѣка поставилъ:

Вся живая тварь покоряется человѣку.
Рыбамъ—вода, птицамъ—воздухъ, а человѣку—вся земля.
Птицѣ—крылья, человѣку—разумъ.

Но человѣкъ, вѣнецъ творенья, созданный по образу и подобію Божьему, является, тѣмъ не менѣе, иногда хуже твари неразумной:

Свирѣпый человѣкъ хуже свирѣпаго звѣря.
Отъ волка оборонишься, а отъ злого человѣка не оборонишься.
Звѣря смиришь, а человѣка не смиришь.
Рысь пестра сверху, а человѣкъ лукавъ изнутри.
Ein Thier ist oft klüger, als ein Mensch.
Langue de bête n'a jamais menti.

Звѣри — Божье стадо, но ближайшимъ повелителемъ и покровителемъ ихъ Богъ Святого Георгія Побѣдоносца поставилъ:

Вся живая тварь у Егорья подъ рукою.
Св. Егорій разъѣзжаетъ по лѣсамъ на бѣломъ конѣ и раздаетъ звѣрямъ наказы.
Св. Юръ звѣря пасе (Бѣлор.).

Св. Георгій Побѣдоносецъ спасаетъ отъ лютыхъ звѣрей и человѣка:

Аще нападетъ на тебя звѣрь—помяни Георгія Побѣдоносца—и спасетъ тебя.

Каждое животное слѣдуетъ тому, чему учитъ его природа; каждое на свой ладъ живетъ, по своему жизнью наслаждается; каждое свою жизнь отъ враговъ охраняетъ и каждое въ свой чередъ умираетъ и становится пищею другихъ животныхъ:

Alle Thiere folgen der Natur.
Всякій гадъ на свой ладъ.
Ein jeder Vogel lebt nach seiner Art.
Chaque bête a son sens.

Jedes Thierchen hat sein Plăsirchen.

La bête fait toujours la fête.

Ein Thier weiss auch wenn es genug hat.
Jedes Thier wăhrt sich seiner Haut.
Олень быстръ бываетъ, да отъ смерти не убѣгаетъ.
Toutes bêtes craignent la mort.
Zu jedem wird der schwarze Vogel kommen (der Tod).
Morte la bête, mort le venin.
Всякую плоть червь съѣстъ.

У каждаго звѣря, и крупнаго, и малаго, есть свои враги, всегда одинъ звѣрь другого боится:

Nature a produit à toute bête son ennemi.
Заяцъ отъ лисицы, а лягушка отъ зайца бѣжитъ.

Wie klein die Vöglein sein, sie haben ihren Feind.
Es ist kein Thier so klein, es muss eines grössern Beute sein

У всякаго звѣря свои заботы, свои чувства и, между прочимъ, главное—любовь къ своему потомству, къ своимъ дѣтямъ, въ этомъ отношеніи звѣри не только не уступаютъ, но часто и превосходятъ человѣка, которому не мѣшаетъ, иногда, и у звѣрей поучиться:

И волкъ о своемъ гнѣздѣ (о своей семьѣ) промышляетъ.

Каждое животное производитъ себѣ подобныхъ:

Слонъ слона рождаетъ, а комаръ—комара.

Отъ свиньи не будетъ бобренокъ, а такой же поросенокъ.

Отъ лося—лосята, отъ свиньи—поросята.

Комаръ комара порождаетъ, человѣкъ—человѣка.

Орелъ орла плодитъ, а сова сову родитъ.

Сова не родзицъ сокола (Бѣл.).

Schwarze Raben brüten keine weisse Schwäne.

D'aquila non nasce colomba (Отъ орла голубя не родится).

Adler brüten keine Tauben.

Рожденный отъ мыши будетъ грызть мѣшки.(Татар.Эрив.г.).

Какой ни будь звѣрь злой да хищный, передъ своей самкой онъ смиряется, о своихъ дѣтенышахъ печется:

Es ist kein Thier so wild, es wird bei seinem Weibchen mild.

И змѣя своихъ черевъ (своихъ дѣтей] не поѣдаетъ.

Всѣ бобры до своихъ бобрятъ добры.

Auch die Bärin leckt ihre Junge.

Птушка-звѣрушка, ни якой пользы отъ своего дѣтенка не имѣетъ, и то жалѣетъ (Смол. губ.).

И птица за собой выводокъ водитъ.

И ворона своего вороненка любитъ (Татар. Зак. кр.).

Птица дѣтей кормитъ, да летать учитъ.

И птица, выкормивъ птенца, его летать учитъ.

Der Wolf lernt seine Jungen heulen.

Учись у глупой птицы, какъ дѣтей учить.

Es ist ein böser Vogel, der seine Eier nicht ausbrütet.

Любовь матки къ своимъ дѣтенышамъ простирается такъ далеко, что она, по увѣренію народныхъ сказателей, не видитъ ихъ недостатковъ и надѣляетъ ихъ всевозможными, иногда совершенно несуществующими, достоинствами.

Der Bärin scheinen ihre Junge schön.
Нѣтъ пѣвчаго для вороны, супротивъ родного вороненка.
Kein Vogel schöner als meine Junge, sagte die Krähe.
The crow thinks her own bird fairest (Ворона считаетъ своего птенца самымъ красивымъ).
Совѣ ея дѣтенышъ павлина краше (Татар. Зак. кр.).
Es meint jede Krau, ihr Kind sei ein Pfau.
Хвалиця сова своими дітьмі: каже, що німа кращихъ дітій, якъ совины, а вони найпоганьши (Подольск. губ.).
Ворона своего вороненка называетъ бѣленькимъ, ежъ своего еженка называетъ мягонькимъ (Киргиз.).

Обрисовывая столь нѣжныя родительскія чувства у животныхъ, народъ приписываетъ имъ и разныя другія, сходныя съ человѣческими, свойства. Самыя добрыя смирныя птицы, какъ голуби, самыя мелкія насѣкомыя, какъ муравьи, способны гнѣваться, у самыхъ маленькихъ птицъ, какъ воробьи, тоже сердце есть и т. п.

Auch ein Taube hat Zorn.
La moindre fourmi s'enfle souvent de colère.
Мала пташка воробей-горобецъ—тай й той сердцэ мае(Волын.г.).
Горобецъ маленькій, а сердце мае (Малор.).
И у курицы сердце есть.

Свои прирожденныя свойства животное во всю жизнь не мѣняетъ:

Кто волкомъ родился, тому лисой не бывать.
Не бывать волку лисой.
Волкъ съ каждымъ годомъ (каждый годъ) линяетъ, а нрава (обычая) не мѣняетъ.
Обласкался волкъ, а зубы все тѣ же.
Хоть тресни синица, а не быть журавлемъ.
Хоть подъ небо летай, а все совѣ соколомъ не быть.
Aus einer Krähe wird kein Falk.
Le renard change de poil, mais non de nature.
Le loup est toujours loup.
En la peau où le loup est, il y meurt.
Der Wolf muss in seiner Haut sterben.
Le renard (le loup) mourra dans sa peau.
On ne saurait faire d'une buse (d'un hibou) un épervier.
Alter Fuchs ändert wohl das Haar, aber nicht den Sinn.
Dem Fuchs fallen die Haare aus, aber sein Sinn bleibt krauss.
Der Wolf verändert das Haar, aber der Muth bleibt wie er war.

The fox may grow gray, but never good (Лисица посѣдѣть можетъ, а добрѣе не станетъ).

Der Hase verändert wohl das Haar, bleibt aber furchtsam, wie er war.

Il lupo cambia il pelo, ma il vizio—mai (Волкъ шерсть мѣняетъ, но свои пороки никогда).

Der Hirsch lässt das Laufen nicht.

Le loup perd ses dents, mais non la mémoire.

Птицы за море летаютъ, да назадъ такими же, какъ были, возвращаются:

Es fliegt eine Gans uber's Meer, und kommt ein Gagack wieder her.

Ворона и за море летала, да вороной вернулась.

Ворона за море лiтае, а дурна вертаэтся (Малор.).

Полетѣли за море гуси—прилетѣли тожъ не лебеди (прилетѣли ничѣмъ не хуже).

Вольному звѣрю, вольной птицѣ всего дороже воля, а затѣмъ родная сторона, родное гнѣздо:

Собака за зайцемъ, а заяцъ за волей.

Воля птичкѣ дороже золотой клѣтки.

Золотая клѣтка соловью не потѣха.

Не надобно соловью золотой клѣтки, ему дороже зеленая вѣтка.

Веселѣй птахѣ въ лѣсу распѣвать, чѣмъ въ золотой клѣткѣ.

И въ золотой клѣткѣ птица невольницей (Татар.).

Der Vogel fliegt aus goldnen Haus doch lieber in den Wald hinaus.

Dem Wild ist nirgendwo wohler, als im Wald.

La belle cage ne nourrit pas l'oiseau.

Каждый звѣрь, каждая пичужка свою сторону знаетъ и любитъ:

И птица свою сторону знаетъ.

Усякiй куликъ до свово озера привикъ (Малор.).

Знаецъ куликъ свое болото (Бѣлорус.).

Всякъ куликъ на своемъ болотѣ великъ.

Всякъ куликъ свое болото хвалитъ.

Всякiй бухалень (выпь) въ своемъ болотѣ голосистъ (пословица иносказательная).

И куликъ свою (чужу) сторону знаетъ (осенью отлетаетъ, весною назадъ прилетаетъ).

На чужой сторонѣ и сокола вороной назовутъ (не оцѣнятъ).

Всякiй звѣрь свое логовище, всякая птица свое гнѣздо любитъ, да бережетъ и холитъ:

Всякая птица свое гнѣздо хвалитъ (любить).
Всякая птица свое гнѣздо пригрѣваетъ.
A tout oiseau son nid est beau.
Chaque oiseau trouve son nid beau.
Ad ogni uccello suo nido è bello. (Каждой птицѣ свое гнѣздо нравится).

Every bird thinks his own nest best (тоже).
Jedem Vogel gefällt sein Nest.
Jeder Vogel hat sein Nest lieb.
Ogni volpe ama la sua buca (Каждая лиса свою нору любитъ).

Никакая сорока въ свое гнѣздо не гадитъ.

Наоборотъ, плохо то животное, которое о своемъ житьѣ не заботится:

Паскудна пташка, що свое гниздо паскудыть (Волын. губ.).
Худая та птица, которая свое гнѣздо мараетъ.
Ein schlechter Vogel, der sein eigen Nest beschmutzt.
C'est un vilain oiseau, que celui, qui salit son nid.
It is an ill bird, that fouls her own nest (тоже).
Cattivo uccello, che sporca il proprio nido (тоже).

Даже по близости отъ своего логовища звѣри стараются не вредить, сосѣдей не трогать, чтобы обезпечить себѣ и своему выводку спокойное существованіе:

Близъ норы лиса на промыселъ не ходитъ.
И лиса около своей норы смирно живетъ.
Ein kluger Fuchs stielt niemals seines Nachbars Hühner.
Le loup ne pille pas ses voisins.
Der Wolf raubt nicht da, wo er wohnt.
Wo der Fuchs liegt, da thut er keinen Schaden.
The fox preyseth farthest from his hole (Лиса промышляетъ подальше отъ норы).

Wo der Fuchs sein Lager hat, da raubt er nicht.
Ein Fuchs nimmt die Hühner in seiner Nachbarschaft nicht.
Gdzie się wilk chowa, tam szkody nie robi (Польск.—Гдѣ волкъ скрывается, тамъ онъ вреда не дѣлаетъ).

Wo der Wolf liegt, da würgt er nicht (da beisst er nicht).

Le renard (un bon renard) ne mange pas les poules de son voisin.

La volpe in vicinato non fa mai danno (Лиса по сосѣдству никогда не вредитъ).

Главнымъ двигателемъ въ жизни животныхъ, какъ и людей,

является голодъ, который учитъ кошекъ мышей ловить, гонитъ волка изъ лѣсу и т. п.

Гонитъ голодъ и волка изъ колка.
Голодъ и волка изъ лѣсу гонитъ.
Der Wolf liefle nicht aus dem Walde, wenn ihn der Hunger nicht triebe.
Hunger lernt die Katze mausen.
Ein hungrig Thier beisst scharf.
Der Hunger treibt den Wolf aus dem Wald.
La faim fait sortir le loup du bois (chasse le loup hors du bois).
La fame caccia il lupo fuor del bosco (тоже).

Животныя различаются по внѣшнимъ признакамъ, по шерсти, по когтямъ, по копытамъ, по ухваткамъ и т. п.; птицы — по клюву, по пѣнью, по полету, но всего болѣе по перу: каждой породѣ птицъ свойственно и особое опереніе:

По твари и харя.
По зубамъ, да по когтямъ и звѣря знать.
Знать звѣря по когтямъ, знать его и по клыкамъ (по копытамъ).
По шубѣ звѣря узнаешь (а человѣка не узнаешь).
По ногтю и звѣря знаютъ.
По когтямъ звѣря знать, да по ушамъ.
По храпу звѣря знать.
По запрыску (по прыжкамъ) звѣря знать.
По огрудамъ крота знать.
On connait le cerf par ses abattures.
Den Hirsch kennt man an seiner Fährte.
Den Wolf kennt man bei den Haaren.
A l'ongle on connait le lion.
Безъ знаку (слѣду) звѣрь не пройдетъ,

— а по слѣду опытные охотники узнаютъ и звѣря.

Видна птица по полету.
Птицу по перьямъ знать, сокола по полету.
Видзенъ соколъ по полету, а сова по взгляду (Бѣлор.).
У каждой птицы своя взмашка.
Знать сокола по полету, сову по подъему (а добра-молодца по выступкѣ—по походкѣ).
По оклеву (по порчѣ птицами плодовъ) и птицу знать.
Знать сову по полету.
У всякой птицы свои замашки.
У всякой птицы свой помахъ, своя полетка.
Не смотри на кличку, смотри на птичку.
Ogni becco torte vivo di preda (Каждый кривой клювъ добычей живетъ).
Tout bec crochu de proie est soutenu.

Am gekrümmten Schnabel erkennt man den Raubvogel.
Gli uccelli si conoscono alle penne (Птицы узнаются по перу).
Каждая птица въ своемъ платьѣ.
On connait l'oiseau à ses plumes (à son plumage).
Einen Fuchs kennt man am Schwanz, einen Vogel am Gesang.
Den Vogel erkennt man an den Federn.
Znać ptaka po pierzu (Польск.— Знать птицу по перу).
L'épervier se reconnait aux griffes.
An Federn sieht man klar, was es für ein Vogel war.
Die Federn verrathen den Vogel (Перья птицу выдаютъ).
Die Federn machen (zieren) den Vogel.
Schöne Vogel, schöne Federn.
Les jolies (les belles) plumes font les jolis (beaux) oiseaux.
Fine feathers make fine birds (Красивыя перья дѣлаютъ птицу красивою).

Птицы различаются между собою и своими голосами;

Скажется птица посвистомъ.
У всякой пичужки свой голосокъ.
У каждой пташки своя свирѣлка (свои колѣнца).
У худой птицы худая и пѣсня.
Чижикъ соловьинымъ посвистомъ не запоетъ.
Qualis avis, talis cantus (Лат.— Какова птица, такова и пѣсня).
E cantu dignoscitur avis (Лат.— По пѣнью узнается птица).
Chaque oiseau chante sa propre chanson.
Ogni uccel canta il sua verso (Каждая птица свою пѣсню поетъ)
Всякая птица своимъ голосомъ поетъ.
Что ни птица, то и пѣсни.
Всякая птица своимъ перомъ красуется.
Красна птица перьемъ (а человѣкъ ученьемъ).
Wie der Vogel, so der Sang.
Tel bec—tel chant.
L'oiseau gazouille selon qu'il est embecqué.
Den Vogel kennt man am Gesange.
On connait l'oiseau à son chant.
Dol canto si conosce l'uccello (тоже).
Jeder Vogel singt mit seiner Kehle.
Gleicher Vogel—gleicher Sang.

Малоросы оригинально опредѣляютъ различіе между животными:

Що у водi, то риба, а въ пiрьяхъ, та въ шерстi—то мъясо (Малор.).

Однако, ни по мѣсту нахожденія (въ водѣ), ни по внѣшнему виду, нельзя иногда вѣрно опредѣлить животнаго:

Ракъ не рыба, кожанъ (летучая мышь) не птица (баба не человѣкъ).

Животныя одной породы между собою сходятся, держатся вмѣстѣ, другъ друга не поѣдаютъ и не обижаютъ, другъ другу подражаютъ; приходится подражать имъ и всѣмъ тѣмъ, кто попалъ въ ихъ среду (впрочемъ, относящіяся до этого поговорки имѣютъ бо̀льшею частью иносказательный смыслъ).

Волкъ волкомъ не травится.

Волкъ волчьей шкуры не порветъ (Груз.).

Ce qui se ressemble, s'assemble.

Ein Wolf kennt den andern wohl.

Les loups ne se mangent pas entre eux.

Lupo non mangia di lupo (carne di lupo).

Les loups ne mangent chair de loup.

Ein Wolf frisst den andern nicht.

Fra cani non si mordano (Собаки между собою не грызутся).

Raben fressen keine Raben.

Воронъ ворону глазъ не выклюетъ.

Corvus corvi oculum non eruit (Лат.— тоже).

Corvi con corvi non si cavano gli occhi (тоже).

Попалъ въ стаю—лай не лай,—а хвостомъ виляй.

Съ волками жить, по-волчьи выть.

Il faut hurler avec les loups.

Mit den Wolfen muss man heulen.

Wer unter Wölfen ist, muss mitheulen.

Bei Wolfen und Eulen lernt man heulen.

Avec le renard, on renarde.

Съ воронами — по вороньи кар кать.

Eine Krähe hockt der andern kein Auge aus.

Kruk krukowi oka nie wykluje (Польск.—тоже).

Corbeau à corbeau ne crève jamais les yeux.

Corbeaux avec corbeaux ne se crèvent pas les yeux.

Un corbeau n'arrache pas l'oeil à l'autre.

Crows do not pick out crows eyes (тоже).

Corvi con corvi non si covano gli occhi (тоже).

Wo eine Krähe sitzt, da sitzen bald zehn.

Birds of a feather flock together (Птицы одного пера вмѣстѣ стаются).

Où il y a pigeon, pigeon y vient.

Kiedy przy jdziesz między wrony musisz krakać jak ony (Польск.— тоже).

Who keeps company with wolves, will learn to howl(Кто съ волками компанію водитъ — выть научится).

Unter den Füchsen muss man füchseln.

Wer unter die Krähen kommt, muss krächzen, wie sie.

Только большой голодъ, крайняя нужда, могутъ заставить звѣрей одной породы другъ друга поѣдать:

Mauvaise est la saison, quand un loup mange l'autre.

La famine est bien grande, quand les loups s'entremangent.

Quand le loup mange son compagnon, manger manque en bois et buisson.

Il fait mauvais aller au bois, quand les loups se mangent l'un l'autre.

Już to źle, kiedy wilk wilka żre (Польск.— Ужъ то бѣда, когда волкъ волка гложетъ).

Wenn Wolf den Wolf soll beissen, so muss es grossen Hunger heissen.

Eine Spinne frisst die andere nur bei grossem Hunger.

Къ звѣрю, особенно мало извѣстному, надо подходить съ опаской:

Не трогай за хвостъ животнаго, нравъ котораго тебѣ не извѣстенъ (Татар. Закав. кр.).

Стой впереди лягающагося и сзади кусающагося (Армян. Эрив. губ.).

Не трогай сердитую скотину, чтобы не учинила злую причину.

Среди звѣрей, по народнымъ повѣрьямъ, не все звѣри,— есть люди, превращенные въ звѣрей, такъ называемые оборотни. Оборотни разные бываютъ; есть между ними и такіе, которые и въ человѣка превращаются, но только въ нѣмого; никогда не перекидываются, будто бы, оборотни въ медвѣдей:

Оборотень перекидывается въ кошку, въ волка, въ человѣка,— только безъ языка.

Оборотнемъ медвѣдь, волкъ пастухомъ, а свинья огородникомъ — не бываетъ.

Люди, превращенные въ волковъ, называются «вовкулаки»; или «волколаки», по-французски «loup-garou», по-нѣмецки «Wehrwolf»; они отличаются особенною свирѣпостью.

У насъ существуетъ любопытная примѣта, что «осеньчюки», т. е. родившіяся осенью животныя (собаки, лошади и т. п.), грому боятся, вѣроятно потому, что они его съ молоду не слыхали (Ворон. губ.)

Вольный звѣрь въ лѣсу живетъ — сторожится, но охотникъ

его подстерегаетъ,— кто кого перехитритъ. Человѣческая снаровка, обыкновенно, беретъ верхъ надъ звѣриной осторожностью, тѣмъ болѣе, что для всякаго звѣря и особыя орудія лова придуманы, да приспособленія. Для всякаго звѣря, для всякой охоты своя пора. Зря пугать звѣря не слѣдуетъ. Но для удачнаго исхода лова нужны и умѣнье, и счастье.

Остерѣга и звѣря бережетъ.
Плахота и медвѣдя губитъ.
Стережливаго (бережливаго) и волкъ не беретъ.
Были бы бобры, а ловцы будутъ.
Ловитъ волкъ — да ловятъ и волка.
На ловца и звѣрь бѣжитъ.
Звѣря бьютъ — поры ждутъ.
На всякаго звѣря по снасти.
Безъ снасти только блохъ ловить.
На всякую гадину есть рогатина.
Словомъ и комара не убьешь.
Безъ раны звѣря не убьешь.
По звѣрю и рана.
Бей сороку и ворону — добьешься до бѣлаго лебедзя (Бѣлор.)
Испуганъ звѣрь далече бѣжитъ.
Ein böses Thier muss man schrecken, ehe es uns schreckt.
Пуганая ворона куста боится.
Напуженная ворона и веребья боицця (Бѣлор.).
Ein erschrecktes Thier flieht.
Qui veut prendre un oiseau, ne doit pas l'effaroucher.
To frighten a bird is not the way to catch him (Испугать птицу — ее не поймать).
On ne prend pas l'oiseau à la crécelle.

Для удачной охоты мало и хорошей снасти, нужна хитрость, уловка, и всего нужнѣе — счастье.

Птицу кормомъ (человѣка словомъ) обманываютъ.
И хитрая птица черезъ свой клювъ въ силокъ попадаетъ (Татар., Зак. кр.).
On prend l'oiseau par le bec (et l'homme par la parole).
Pour attraper renard ou lièvre, il faut se lever de grand matin.
Qui va à la chasse, à la fin tue la bécasse.
Не палкой волка бьютъ, а уловкой.
Охотнику плошать — добычу терять.
Отъ волка бѣжалъ, да на медвѣдя напалъ.
Сколько клѣтокъ наставилъ — знаю, а сколько куницъ поймаю — не знаю.
Послѣ большого снѣга лучше не ставь капкана (Черк.).

Сидитъ на овчинѣ и бьетъ соболей (охотникъ-промышленникъ).
Счастливъ медвѣдь, что не попался стрѣлку; счастливъ стрѣлокъ, что не попался медвѣдю.

На счастливаго и звѣрь укрощается; на несчастнаго и гадъ поднимается.

Оставлять убитаго звѣря въ полѣ—не къ добру.

Не будетъ оленей—долженъ охотникъ и зайцами довольствоваться:

Wenn die Hirsche nicht kommen, sind Hasen auch gut.

Охота за различными звѣрями сопряжена и съ разнаго рода опасностями:

Идешь на охоту за оленемъ — приготовь себѣ постель; за медвѣдемъ — копай могилу (Латыш.),

— олень изранить можетъ, а медвѣдь до смерти человѣка задрать.

Вообще, охота считается дѣломъ не прибыльнымъ и даже разорительнымъ:

У охотника дымъ густой, да животъ пустой, а у рыбака рубаха грязна, да уха горяча.

Охоту держать—домъ разорять,

— послѣдняя поговорка относится до охоты съ собаками, на которую въ старину, какъ извѣстно, многіе баре разорялись.

Не убивъ звѣря, всѣ народы совѣтуютъ шкуры его не продавать, отправляясь на охоту—заранѣе не хвастаться:

Медвѣдь въ лѣсу, а шкура продана!

Медвѣдь въ лѣсу, такъ и шкура въ лѣсу.

Не продавай шкуры, не убивъ медвѣдя.

Гдѣ медвѣдь, тамъ и шкура.

Наши охотники шкуру-то пропили, а медвѣдя и въ глаза не видали!

Не обѣщай княгинѣ той медвѣжьей шубы, которой не имѣешь въ рукахъ (Черкес.).

Съ недобитаго лиса шубы не шьютъ (Бѣлор.).

Il ne faut pas vendre le peau de l'ours, avant qu'il soit pris.

Dont sell the bears skin before you have killed the bear (Не продавай шкуры, пока медвѣдя не убилъ).

Pigliamo prima l'orso e poi vendiamo la pelle (Поймай прежде медвѣдя, а послѣ продавай его шкуру).

Non vender la pelle dell' orso, innanzi che sia preso (тоже).

Man soll die Haut des Bären nicht verkaufen, bevor der Bär nicht gestochen.

Verkaufe nicht den Vogel in der Luft.

Man muss den Vogel erst fangen, ehe man ihm brät.

Man muss den Wolf erst fangen, ehe man ihm das Fell abzieht.

Приблизительно такой же смыслъ имѣютъ и обще-извѣстныя поговорки, говорящія о томъ, что не надо гоняться за большимъ, а довольствоваться малымъ, что имѣешь:

Не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки.

Воробей въ рукѣ лучше оленя въ лѣсу (Литов.).

Синица въ рукахъ лучше соловья въ лѣсу.

Le moineau dans la main vaut mieux que la grue qui vole.

Es ist besser eine Feder in der Hand, als ein Vogel in der Luft.

Besser ein Sperling in der Hand, als ein Storch in der Luft.

Besser ein Vogel in der Hand, als zehn über Land (als hundert in der Luft, auf dem Dach).

One bird in the hand is worth two in the bush (Одна птица въ рукахъ стоитъ двухъ въ кустахъ.

E meglio piccion in mano, che tordo in bosco (Лучше голубь въ рукахъ, нежели дроздъ въ рощѣ).

Est avis in dextra melior quam quatuor extra (Лат.— Лучше птица въ рукѣ, нежели четыре на волѣ).

Lieber heute einen Vogel, als morgen eine Gans.

Besser ein Spatz in der Hand, als ein Rebhuhn in der Luft.

Heute ein Spatz ist besser als morgen eine Troppe (дрохва).

Tausend Kraniche in der Luft sind nicht so viel werth, als ein Sperling in der Hand.

Besser ein Kukuk in der Hand, als ein Falk über Land.

E meglio l'uovo oggi, che la gallina domani (Лучше яйцо сегодня, нежели курица завтра).

A sparrow in hand is worth more then a vulture flying (Воробей въ рукахъ лучше летающаго ястреба).

Сама птица въ руки не дается, жареная дичина въ ротъ съ неба не валится:

Нікому сама птаха въ руки не вскочить (Малор.).

Печені голубі не летять до губі (Малор.).

Gebratene Lerchen fliegen einem nicht ins Maul.

Les cailles ne tombent pas toutes rôties dans la bouche.

Dem schlafenden Wolfe läufft kein Schaf ins Maul.

Les alouettes ne tombent pas dans la cheminée (ne se trouvent pas sur les haies).

Нѣмцы говорятъ, что есть четыре животныхъ, которыя другимъ больше пользы приносятъ, нежели себѣ: птицы—высиживаніемъ яицъ, пчелы — сборомъ меда, волы — своею работою, а овцы шерстью.

Vier Thiere sind, die andern mehr Nutz schaffen, als ihnen selbst mit ihrer Arbeit: der Vögel Nistung, der Bienlein Honigmachen, das der Ochs ackert, die Schafe Wolle tragen.

Итальянцы слѣдующимъ образомъ опредѣляютъ сравнительную продолжительность жизни животныхъ, беря за исходную точку продолжительность службы изгороди въ полѣ, которую они считаютъ въ три года:

Tre anni dura una siepe, tre siepi dura un cane, tre cani dura un cavallo, tre cavalli dura un uomo, e tre uomini — un corvo,

— три года существуетъ изгородь, три изгороди переживаетъ сособака, трехъ собакъ — лошадь, трехъ лошадей — человѣкъ, трехъ людей — воронъ. По этому счету собака живетъ въ среднемъ 9 лѣтъ, лошадь — 27 лѣтъ, человѣкъ — 81 годъ и воронъ — 243 года. Въ томъ же родѣ есть изреченіе у малороссовъ, которое одинаково опредѣляетъ возрастъ человѣка въ 81 годъ:

Плiтъ (плотъ) на три роки, кiтъ (котъ) на три плоти, кiнь (конь) на три коти, чоловiкъ на три коні (Кіевск. губ.).

А рядомъ съ этимъ можно привести изреченія про насѣкомыхъ, которыя въ одинъ день нѣсколько поколѣній нарождаютъ, либо которымъ всего вѣку — одинъ день.

Une puce qui naît le matin est grand'mère le soir.
Обыденкѣ (однодневкѣ) сутки — и то вѣкъ.
Обыденка стара, коли сутки прожила.

Въ нижеслѣдующихъ главахъ будетъ приведено множество изреченій, характеризующихъ различныхъ животныхъ въ отдѣльности, что все вмѣстѣ и должно представить намъ народныя понятія о животномъ мірѣ, въ его совокупности.

II.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛЪ—РАБОТНИКИ.

Крестьянину въ его сельскохозяйственной дѣятельности лошадь—первая подмога. Безъ нея занятіе земледѣліемъ становится для него почти невозможнымъ и онъ во всякомъ случаѣ уже не настоящій хозяинъ. Недаромъ первымъ показателемъ обѣдненія сельскаго населенія у насъ считается возростаніе числа безлошадныхъ дворовъ, а въ старые годы, когда учетъ рабочему населенію велся на «тяглы», подъ тягломъ разумѣлись мужикъ, баба, да рабочая лошадь. Наоборотъ, зажиточность крестьянскаго двора и до сихъ поръ прежде всего измѣряется числомъ лошадей въ хозяйствѣ. Истратилась у крестьянина послѣдняя лошадь, — и все хозяйство стало и не подняться ему до тѣхъ поръ, пока онъ не соберется съ силами купить новую лошадь, хотя бы и ледащую, лишь бы была возможность съ сохой въ поле выѣхать, а не колотиться по чужимъ дворамъ и не сдавать свою надѣльную землю за безцѣнокъ кулаку-міроѣду, который всегда радъ на счетъ чужой бѣды поживиться. Издохнетъ корова — тоже бѣда, но уже иного рода, взвоетъ баба, ребятишки останутся безъ молока, молочныхъ скоповъ не будетъ, пострадаетъ домашнее хозяйство, но все же дѣло за этимъ не остановится, дворъ не пропадетъ, полевое хозяйство, земледѣліе, могутъ идти своимъ чередомъ,—развѣ только навоза поубавится, но его во многихъ мѣстахъ Россіи еще должнымъ образомъ не цѣнятъ. Накопитъ мужикъ деньгу, лишняго хлѣба на продажу припасетъ, на сторонѣ заработаетъ и опять корову заведетъ, на радость хозяйкѣ и дѣтямъ. Въ первомъ случаѣ разстройство въ хозяйствѣ полное,

иногда на долгіе годы, потому что при невозможности обработки земли утрачивается самая основа хозяйства; во второмъ — временная невзгода, лишенія для семьи, убыль въ доходахъ, но все же бѣда легче поправимая, не потрясающая въ корнѣ цѣлой хозяйственной единицы, не уничтожающая ея самостоятельности и жизнеспособности. Соотвѣтственно этому и отношеніе крестьянина къ лошади и коровѣ различное; конь — для него необходимый работникъ, безъ котораго все хозяйство падаетъ; корова—кормилица, отчасти и доходная статья, но все же значеніе ея съ сельскохозяйственной точки зрѣнія иное. Разница между ними съ крестьянской точки зрѣнія почти такая же, какъ между мужикомъ и бабою: лошадью—хозяйство, коровой—дворъ держатся; но все же корова—дѣло наживное, а лошадь—основа всему, безъ нея мужикъ и коровы не наживетъ, потому что самъ перестаетъ быть хозяиномъ. Соотвѣтственно этому и вся любовь, все попеченіе бабы-хозяйки сосредочиваются на коровѣ, а вся забота, весь уходъ мужика—на лошади, которая ему и вѣрный помощникъ, и незамѣнимый работникъ. Это отношеніе крестьянина къ лошади сказывается въ цѣломъ рядѣ изреченій и поговорокъ, часто весьма характерныхъ и образныхъ, разсмотрѣнію которыхъ и посвящается настоящая глава. Въ южныхъ странахъ лошадь до извѣстной степени замѣняется осломъ, о которомъ будетъ рѣчь въ этой же главѣ.

Взгляды крестьянъ на рабочую лошадь и на значеніе ея въ хозяйствѣ всецѣло выражаются въ нижеслѣдующихъ поговоркахъ:

Конь—не пахарь, не кузнецъ, не плотникъ, а первый на селѣ работникъ.

Безъ коня — не хозяинъ.

Безъ лошади — не пахарь.

Безъ коня—чужое поле (Смолен. губ.).

Безъ коня — чужой работникъ (Смол. губ.).

Мужикъ безъ лошади—что домъ безъ потолка.

Есть на дворѣ лошадка да конекъ — и сытъ и одѣтъ.

Безъ хлѣба—съ голоду помрешь; безъ коня и съ хлѣбомъ намыкаешься горя.

Пропалъ конь—такъ и оборотъ въ огонь.

Добрый конь—изъ воды вытащитъ, изъ огня вынесетъ.

Лошадь хорошая, да баба хорошая— полдѣла тому жить...

Понятно, что при такомъ значеніи лошади въ крестьянскомъ хозяйствѣ, крестьяне считаютъ злѣйшими врагами своими—конокрадовъ, съ которыми всего чаще они справляются своимъ су-

домъ, если только удастся ихъ поймать и уличить; чѣмъ лучше конь, тѣмъ больше на него и конокрады зарятся:

Нѣтъ на мужика разорниковъ, супротивъ конокрадовъ.
Крадетъ воръ и затавреннаго коня.

Конокрадствомъ и барышничествомъ, какъ извѣстно, всего болѣе занимаются цыгане, и народныя поговорки такъ ихъ и ославили:

На волка помолвка, — а цыганъ кобылу укралъ.

Въ этомъ родѣ есть поговорка и на татаръ, но ихъ обвиняютъ въ томъ, что они крадутъ лошадей для ѣды:

На волка помолвка, — а татаринъ кобылу съѣлъ.

У цыганъ уводъ и перепродажа краденныхъ лошадей составляютъ родъ промысла:

Краденая кобыла не впримѣръ дешевле купленой обойдется.
Былъ бы укрюкъ, а коня добудемъ.
Была бы оброть, а коня добуду—

говоритъ цыганъ, отправляясь съ оброть коней красть.

Однако, не изъ однихъ цыганъ бываютъ конокрады: малороссы склонны обвинять въ конокрадствѣ и москалей-русскихъ:

На вовка помовка, а москаль кобылу вкравъ (Малор.).

Поляки называютъ кражу лошади — покупкою на зеленомъ торгу:

Kupił konia na zielonym targu (укралъ лошадь).

Чѣмъ больше у крестьянина лошадей, тѣмъ мужицкій дворъ богаче. Нѣмцы считаютъ, что у настоящаго крестьянина должно быть четыре лошади:

Zu einem ganzen Bauer gehören vier Pferde.

У насъ же поминаютъ и про такіе края, гдѣ

Семь деревень, а лошаденка одна...

Поляки говорятъ, что однимъ конемъ не наработаешь:

Iednym koniem się nie dorobi.

Приведенное выше сопоставленіе значенія лошади и коровы въ крестьянскомъ хозяйствѣ находитъ себѣ выраженіе въ слѣдующей поговоркѣ бѣлорусскихъ крестьянъ:

Коровье молоко хорошо, а кобылье лѣпи (лучше),

—очевидно, что эту поговорку слѣдуетъ понимать иносказа-

тельно: бѣлоруссы не татары, кобыльяго молока не пьютъ, а хотятъ сказать, что конь въ хозяйствѣ нужнѣе коровы.

Какъ крестьянину въ хозяйствѣ, такъ и казаку для службы конь нуженъ; казакъ съ конемъ неразлучны, и дома, и въ походѣ, и въ битвахъ. На добраго коня вся его надежда; потому и бережетъ онъ его пуще, чѣмъ самого себя.

Безъ коня — не казакъ.
Безъ коня казакъ — кругомъ сирота.
Казаку конь себя дороже.
Казакъ голоденъ, а конь его сытъ.
Вся надёжа — вѣрный конь.
Конь не выдастъ — и смерть не возьметъ (и волкъ не съѣстъ).

На борзомъ конѣ человѣкъ и съ вѣтромъ, и съ птицей поспоритъ, поэтому и говорятъ:

Лошадь — человѣку крылья.
Лошадь человѣку Богъ далъ вмѣсто крыльевъ.

Въ хозяйствѣ лошадь должна быть на всѣ руки, — и на работу, и въ ѣзду, и подъ верхъ; хороша лошадь тогда, когда она

Возитъ воду, возитъ и воеводу,

т. е. самого хозяина. Нѣмцы говорятъ, что какая лошадь есть, такою и пахать надо:

Man muss mit dem Pferde pflügen, den man hat.

Съ другой стороны и достоинство лошади много зависитъ отъ ея хозяина:

По хозяину — кобыла (Киргиз.).

За породою же мужикъ не гоняется и только любители лошадей — киргизы, которые вѣкъ свой проводятъ на конѣ и держатъ цѣлые косяки ихъ, отдаютъ предпочтеніе породистымъ конямъ:

Не повезутъ далеко простыя лошади, довезутъ куда угодно породистые кони (Киргиз.).

Не придавая значенія породѣ, крестьянинъ, однако, обращаетъ вниманіе на выборъ лошади, когда ему приходится ее покупать. Тутъ прежде всего важно, чтобы лошадь «пришлась ко двору».

Не каждый конь ко двору приходится.
Конь ко двору пришелся.
Не пришелся ко двору конь, такъ живого подъ оврагъ вали.

Масть лошади считается однимъ изъ признаковъ, которымъ крестьяне руководствуются при покупкѣ лошадей, придавая масти иногда весьма преувеличенное, основанное на предразсудкахъ, значеніе. Интересно, что, какъ видно изъ ниже приводимыхъ изреченій, у насъ наиболѣе подходящею для крестьянскаго двора признается лошадь чалой, сѣрой и бурой масти, у иностранцевъ—сѣрой да бѣлой.

Сивая лошадь черноволосому покупателю не ко двору.

Не кстати рыжему мужику вороной конь.

Каураго да чалаго коня за рѣкой (за глаза) купи (не упускай—надеженъ).

Кобылка мышастая, она намъ хлѣбушка нашастаетъ (Смол. губ.).

Вали на сѣраго—сѣрый все свезетъ.

Хорошо на бурку все валить: бурка все свезетъ.

Кобылка маленькая, а сѣделкѣ мѣсто есть.

Pour les tiens ou pour toi veux-tu bonne monture, choisis la blanche, — ainsi plus long-temps elle dure.

Чалый конь всякому ко двору, вороной—рѣдкому.

Чалый и съ лѣнцою, да тягою беретъ.

Чубарые кони — могутные (Сибир.).

The grey mare is the better horse (Сѣрая кобыла—наилучшая лошадь).

Die graue Stute ist das beste Pferd.

Cheval gris-pommelé meurt avant d'être fatigué.

Поляки выше всего ставятъ бѣлыхъ коней и сивыхъ:

Kto na bialim koniu nie siedział, ne siedzał na dobrym (Кто на бѣломъ конѣ не сидѣлъ, не сидѣлъ на добромъ).

Kto nie miał białego,—to-i nie miał dobrego konia (Кто не имѣлъ бѣлаго, не имѣлъ добраго коня).

Kto nie miał siwego, ten nie miał dzielnego (dobrego) konia (Кто не имѣлъ сиваго, не имѣлъ добраго коня).

Nad siwego w swiecie niema (Выше сиваго на свѣтѣ нѣтъ).

Итальянцы говорятъ, что если лошадь красива и хороша, то не надо смотрѣть ни на породу, ни на масть:

Se il cavallo e buono e bello, non guardar razza e mantello.

Впрочемъ, иностранцы вполнѣ основательно замѣчаютъ, что у хорошей лошади не бываетъ плохой масти:

A good horse cannot be of a bad colour.
Dė tous poils bon chevaux.
Ein gutes Pferd kann in jedem Haar stecken.
Ein gutes Pferd steckt in grauen, braunen, schwarzen, und allerhand Haar.

Въ Терской области считаютъ, что нельзя продавать сосѣду лошадь или быка той масти, какая хозяину ко двору, иначе у него самого всѣ лошади (или вся скотина) переведутся.

Французы считаютъ порокомъ для лошади, если она постоянно хвостомъ машетъ:

N'achête cheval jouant de la queue.

Большой ростъ для рабочей лошади крестьянинъ у насъ не считаетъ достоинствомъ—много корму она требуетъ; иностранцы, наоборотъ, крупнымъ лошадямъ отдаютъ предпочтеніе, хотя французы замѣчаютъ, что не большіе кони на базаръ овесъ возятъ. Итальянцы и нѣмцы замѣчаютъ, что для крестьянъ короткая лошадь лучше, хотя показанія послѣднихъ на этотъ счетъ противорѣчивы.

Большая лошадь хозяину не ко-двору, травы не достанетъ.

Битюгъ сносливъ въ работѣ, да овсянымъ мѣшкомъ корми его (требуетъ овса), а мужицкая лошадь жидковата, да снослива голодать.

Выкормокъ (слишкомъ откормленная лошадь) хозяину не впрокъ.

Великій татарскій кінь, а дурній (Малор.).

An kurzen Rossen und langen Stieren ist nichts zu verlieren.

Kurze Pferde (und lange Schweine) sind nicht vortheilhaft für den Landmann (für den Bauer nützlich).

Bue lungo e cavallo corto sono i migliori (Длинные быки и короткія лошади — самые лучшіе).

Ce ne sont point les grands chevaux qui portent l'avoine au marché.

Bue, cavalla e porca vogliono aver un gran corpo (Быки, лошади и свиньи должны имѣть большое тѣло).

The bigghest horses are not the best travellers (Рослые кони не всегда лучшіе путешественники).

Auf kleinen Pferden kann man auch reiten.

При покупкѣ коня не малую роль играютъ удача, счастье—однако, счастье-счастьемъ, а смотрѣть въ оба тоже надобно.

Одними деньгами добра коня не укупишь.

Деньгами коня не купишь, а удачей.

Гляженый конь лучше хваленаго (Варіантъ — глаженый, т. е. ощупанный рукою).

Не надѣйся на участь (на счастье), не купи коня хромого.

За очи (за глаза) коня не покупаютъ.

Если покупаешь лошадь—бери поѣздивши (Киргиз).

Какія деньги за лошадь ни заплати, все же безъ недостатковъ коня не бываетъ:

Рысаку цѣна и тысячу рублей, а за сбой поруки нѣтъ.

Что дворъ—то говоръ, что конь—то норовъ.

Il n'est cheval qui n'ait sa tare.

Kein Pferd ohne Mangel.

Konia i niewiasty trudno dostać ze wszystkiemi cnotami (Польск.— Трудно найти лошадь и невѣсту, одаренныхъ всѣми добродѣтелями).

Il n'y a femme, cheval, ni vache, qui n'aient toujours quelque tache.

Qui veut un cheval sans défaut doit marcher à pied.

При покупкѣ лошади всегда рискуешь быть обманутымъ.

Bei Pferdehandel und Rinderkauf thu Augen und Beutel auf.

Im Pferdehandel gilt keine Freundschaft.

En fait de chevaux on tromperait son père.

Im Pferdehandel niemand trau, nicht deinem Freund, nicht deiner Frau.

У цыгана не купи лошади (у попа не бери дочери).

Всякій цыганъ свою кобылу хвалитъ.

Лошадь не покупай во время дождя (Киргиз.),

—въ дождь всякая лошадь кажется пригляднѣе. Хорошія лошади не малыхъ денегъ стоятъ:

Schöne Pferde kosten Geld!

Всего дороже, однако, непродажная лошадь:

Непродажному коню и цѣны нѣтъ.

Болгары говорятъ, что хорошаго коня и подъ плохой попоной узнаешь:

Арап конь се и под лош покровац се познова.

Однако, часто, замѣчаютъ нѣмцы, у покупателя только тогда глаза раскрываются, т. е. онъ видитъ недостатки лошади, когда она уже куплена:

Wenn das Pferd gekauft ist, gehen die Augen (des Käufers) auf,

и только черезъ мѣсяцъ послѣ покупки лошадь съ увѣренностью похвалишь (а жену—черезъ годъ).

Das Pferd lobe nach einem Monat (und das Weib nach einem Jahre).

Поляки говорятъ, что пороки у лошади открываетъ весна, т. е. время, когда придется съ нею выходить на работу, а у дѣвицы—вѣнчаніе:

W koniu wiosna, w pannie ślub wady odkrywa.

Покупая лошадь, очень важно знать ея возрастъ, который опредѣляется по зубамъ:

Не смотря зубовъ во рту, лошади не покупаютъ,

но такое опредѣленіе возможно только до извѣстнаго возраста:

Коли лошадь зубы съѣла, чашку истерла, такъ годовъ не узнаешь.

По зубамъ же знающіе люди опредѣляютъ и нравъ лошади:

У норовистой лошади передніе зубы (рѣзцы) кривые (Ворон. губ.).

Поляки узнаютъ качество лошади по ея лбу:

Który koń ma duży łeb, to mądry (Польск.—Если у лошади большой лобъ, то лошадь умна).

Въ Воронежской губерніи знатоки лошадей изъ крестьянъ увѣряютъ, что:

Сзади посмотрѣть на лошадь, можно узнать ея нравъ (характеръ),

—но какими признаками при этомъ надо руководствоваться, про то они, къ сожалѣнію, не сообщаютъ, тая свою мудрость про себя.

Если лошадь можетъ достаться даромъ, то за качествомъ ея не гонятся; у всѣхъ народовъ есть на этотъ счетъ вполнѣ тожественныя поговорки:

Даровому (дареному) коню въ зубы не смотрятъ.

Жалованному коню въ зубы не смотри (Черкес.)

Княземъ подаренному коню въ зубы не смотрятъ (Татар. Эрив. губ.).

Einem geschenkten Gaul sieht (guckt) man nicht ins Maul.

Gechenktem Pferd muss man nicht ins Maul sehen—die Haut ist doch dankenswerth (за кожу—и то спасибо).

У даренаго коня зубы не почернѣютъ (Киргиз.).

Dorowanemu konioni nie patrzą w zęby (Польск.).

A caval donato non si guarda in bocca (тоже)

Noli equis dentes inspicere donat (Латин.—тоже).

Look not a gift horse in the mouth (тоже).

Cheval donné ne doit être en dents regardé.

A cheval donné ne lui regarde en la bouche (aux dents, à la bride).

Но не всякій недостатокъ у лошади заслуживаетъ вниманія, съ нѣкоторыми изъ нихъ крестьяне легко мирятся:

Лысъ конь—не увѣчье (плѣшивъ молодецъ—не безчестье).

На меринѣ лысина—не порокъ(на дѣтинѣ плѣшь—не укоръ).

Не взрачна кобылка—да дюжа.

Слѣпота лошади не порокъ, а несчастье.

И слѣпая лошадь везетъ, коли зрячій на возу сидитъ.

Купивъ лошадь и примирившись съ ея недостатками, вѣдомыми или не вѣдомыми при покупкѣ, остается воспользоваться всѣми ея качествами и свойствами:

Купи коня—и поступь (хода) твоя.

Конь конемъ, а хода даромъ.

Конь съ ходою, а хода съ конемъ.

Облюбовавъ лошадь и сговорившись съ продавцомъ относительно ея цѣны, покупщикъ принимаетъ, а продавецъ передаетъ поводокъ «изъ полы въ полу». Лошадь непремѣнно передается покупщику съ уздой или недоуздкомъ:

Лошадь и рогатый скотъ покупай съ поводка.

Кто коня купилъ—бери и уздечку.

Взяли лошадь, возьмите и оброть.

Kto koneku pil, bere i uzdu (Чешск.).

Der Zaum geht mit dem Pferd.

При этомъ принято говорить извѣстныя сакраментальныя фразы, различныя въ разныхъ мѣстахъ; напримѣръ, продавецъ, продавая лошадь, приговариваетъ: «на, братъ, не жалѣю узды и ѣзды; служи, лошадушка, какъ мнѣ служила». Если лошадь продается изъ дому, то хозяинъ самъ выводитъ ее за ворота, приговаривая: «дай Богъ, чтобы у насъ не переводилось и у васъ плодилось». Купившему лошадь надо дать на «поводокъ» для счастья. Купленную лошадь (или иную скотину) наровятъ ввести въ свой дворъ такъ, чтобы животное шло впереди чело-

вѣка и первое вошло въ ворота; этимъ скорѣе пріучишь ее къ дому и она придется ко двору.

Въ Нижегородской губерніи совершаютъ при куплѣ-продажѣ лошади (и скота вообще) такія обрядности: вступленіе къ торгу,—ударъ по рукамъ; проектъ договора—помолиться Богу; укрѣпленіе—могарычъ и разсчетъ; вводъ во владѣніе—передача изъ полы въ полу, при чемъ съ товара, какъ премія, дѣлается уступка на поводокъ въ пользу покупщика. Лошадь всегда продается съ уздою или обротью, корова—съ подойникомъ или горшкомъ и съ ломтемъ хлѣба (при продажѣ изъ дому, а не базарной).

Грузины при продажѣ лошади (или иного домашняго животнаго) по требованію покупателя переводятъ ее черезъ палку, положенную на землю, и три раза поворачиваютъ на мѣстѣ, справа на лѣво, чтобы не болѣли ноги.

Во Франціи существуютъ обычаи въ томъ же родѣ; чтобы купленная лошадь пришлась ко двору, ее надо вводить въ конюшню задомъ напередъ, и т. п.

Всего важнѣе, однако, чтобы лошадь пришлась по сердцу домовому. Если домовой лошадь полюбитъ, онъ ее и гладитъ, и холитъ, и гриву ей заплетаетъ, и корму подкладываетъ. Не взлюбилъ которую—той во дворѣ житья нѣтъ; придетъ крестьянинъ по утру въ конюшню, смотритъ—лошадь вся въ мылѣ, трясется, еле на ногахъ стоитъ, корму не трогаетъ. Это ее домовой за ночь загонялъ. Бываютъ и такія чудеса, что домовой лошадь ночью на чердакъ взведетъ, куда и лѣстницы нѣтъ, такъ что мужикъ недоумѣваетъ, какъ ее съ чердака внизъ спустить. Идетъ конямъ кормъ впрокъ, сыты они да гладки,—значитъ домовой (сосѣдко) къ нимъ милостивъ; не пришлась ему лошадь по нраву, сколько ни корми—кормъ не впрокъ, худѣетъ лошадь да чахнетъ, — скорѣй ее сбывай, не то и вовсе истратится. Это вѣрный признакъ того, что лошадь «не ко двору».

Домовой не полюбитъ (лошадь, скотину)—не что возьмешь...

Бываетъ и такъ, что домовой любитъ только одну какую-нибудь масть, тогда лошадей другой масти и не заводи, имъ не сдобровать.

Замѣчательно, что совершенно тѣ же повѣрья во Франціи, Германіи, Норвегіи и т. п. Во Франціи, напримѣръ, разсказываютъ про это такъ:

Le cheval est souvent pansé pendant la nuit par le lutin ou par

le diable, qui lui tresse la crinière de telle façon, qu'il est impossible de défaire les crins entremêlés. Le cheval pansé par le lutin est bien nourri, gros, très vif et a le poil luisant.

Очень важно при покупкѣ лошади узнать, придется ли она ко двору или, какъ говорится мѣстами, идетъ ли она въ руку или нѣтъ. Существуютъ признаки, по которымъ крестьяне (въ Воронежской губ.) сразу считаютъ возможнымъ въ этомъ убѣдиться, вводя лошадь во дворъ, или вскорѣ послѣ этого:

Если лошадь ложится по серединѣ конюшни, то въ руку идетъ.
Если лошадь ложится къ стѣнѣ, то не идетъ въ руку,—домовой не принимаетъ.
Если у лошади заплетается (завивается) грива, то въ руку идетъ (домовой принимаетъ и ухаживаетъ за ней).

Нѣкоторыхъ животныхъ спеціально держатъ въ конюшняхъ для того, чтобы предохранять лошадей отъ нечистой силы. Это прежде всего козелъ. Извѣстно, что козелъ самъ по себѣ состоитъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нечистой силой, а потому, вѣроятно, и можетъ отвратить вредное вліяніе ея отъ другихъ животныхъ, почему козла обыкновенно и держатъ въ конюшняхъ вмѣстѣ съ лошадьми. Такую же роль играетъ и сорока:

Сорока въ конюшнѣ спасаетъ отъ домового.

По другимъ повѣрьямъ, домовой боится козла и сороки, и въ ихъ присутствіи не посмѣетъ сдѣлать конямъ худого, почему ихъ и надо держать въ конюшнѣ.

Какъ извѣстно, лошади имѣютъ своихъ покровителей и между святыми. У насъ главными покровителями лошадей считаются св. Фролъ и Лавръ, день празднованія которыхъ (18-го августа) есть «лошадиный праздникъ». Въ этотъ день лошадей пригоняютъ къ церкви и окропляютъ ихъ святой водой; заставлять работать лошадей на Фрола и Лавра—грѣхъ. Извѣстны и существующія на этотъ счетъ у нашихъ крестьянъ поговорки:

Фролъ и Лаверъ до рабочей лошади доберъ.
Умолилъ Флора и Лавра—жди лошадямъ добра.
На Флора и Лавра на лошадяхъ не работай—не то падежъ будетъ.
До Флора и Лавра не выжигай лошадямъ тавра.

Во Франціи такимъ же покровителемъ лошадей считается св. Алоизій (св. Илья): «Saint Eloi—le patron des chevaux». Чтобы

его умилостивить, ему приносятся дары конскимъ волосомъ. Въ день, посвященный празднованію св. Ильи, крестьяне пригоняютъ своихъ лошадей къ церкви и устраиваютъ вокругъ нея скачки въ честь этого святого. На лошадяхъ въ этотъ день не работаютъ и даютъ имъ двойную порцію корма, чтобы онѣ празднику своего святого покровителя радовались. Св. Алоизій помогаетъ лошадямъ и въ болѣзняхъ; когда лошадь кашляетъ или чихаетъ, ей говорятъ: «Que St. Eloi vous assiste».

Поминаетъ народъ и про сказочныхъ богатырскихъ лошадей, о которыхъ много говорится въ нашихъ старыхъ былинахъ. Разсказывается въ нихъ, какъ богатырскій конь «хвостомъ слѣдъ устилаетъ, долы и горы промежъ ногъ пускаетъ»; служили такіе кони своимъ хозяевамъ вѣрою-правдою, выводили ихъ богатыри изъ подземелій потаенныхъ, съ ними въ бой устремлялись, лютыхъ враговъ и самого змѣя-горыныча ногами били-топтали; говорили богатырскіе кони въ ину пору и человѣческимъ голосомъ и т. п. Всѣмъ извѣстенъ и знаменитый конекъ-горбунокъ, который однимъ прыжкомъ переносился черезъ тридевять царствъ въ тридесятое государство; ему съ родни приходится и «сивка-бурка, вѣщая каурка».

Магометане поминаютъ про чудесную лошадь Магомета, которая перенесла пророка по воздуху изъ Мекки въ Іерусалимъ, а оттуда—на небо; она называлась «Эль-боракъ»,—у нея были голова женщины, орлиныя крылья и тѣло кобылы. Извѣстно также имя того коня, на которомъ св. Георгій Побѣдоносецъ скачетъ, нечистую силу поражаетъ: зовутъ его «Раши».

Живя, можно сказать, бокъ-о-бокъ съ лошадью, крестьянинъ тщательно за нею ухаживаетъ, особенно въ минуты, которыя представляются и для него, и для нея важными; напримѣръ, когда ожидается появленіе на свѣтъ жеребенка. Тутъ хозяина интересуетъ вопросъ о томъ, принесетъ ли матка жеребчика, или кобылку; въ другихъ случаяхъ нужно, чтобы кобыла вовсе не жеребилась и т. п.; тогда прибѣгаютъ къ разнымъ болѣе или менѣе суевѣрнымъ пріемамъ.

Въ Ярославской губ., по удостовѣренію г. Костоловскаго, если лошадь «берёжа», т. е. жерёба, и крестьянину хочется узнать, что она принесетъ, то замѣчаютъ: если во вторую половину беременности она опускаетъ брюхо книзу, слѣдуетъ ожидать жеребчика, а если подымаетъ брюхо кверху, то—кобылку. Когда

лошадь «вымнуетъ», если будетъ больше правая сторона вымени, то принесетъ жеребчика, а если лѣвая, то кобылку.

Чтобы кобыла вовсе не жеребилась, хозяинъ запрягаетъ ее въ косулю или въ соху ранней весной, когда только-что сошелъ снѣгъ и скотъ еще не выгнанъ въ поле, выѣзжаетъ на свою полосу, останавливается тамъ, и обсѣваетъ лошадь кругомъ, начиная съ морды, овсомъ. Если продѣлать это съ лошадью, которая уже жерёба, она непремѣнно скинетъ; обыкновенно же это дѣлается надъ порожними лошадьми. Другое средство для достиженія той же цѣльи состоитъ въ томъ, что относятъ борону на гумно или на огородъ, и тамъ внутри ея сѣютъ овесъ; овесъ этотъ еще зеленымъ скармливаютъ кобылѣ, а до тѣхъ поръ борону нельзя принять съ мѣста. Сверхъ того, кобылъ кормятъ солодомъ, ольховыми орѣшками и красной мѣдью, которую соскабливаютъ со старинаго пятака и даютъ лошади въ хлѣбѣ. Всѣ эти средства противъ того, чтобы лошадь ожеребилась, примѣнимы только ранней весной, пока кобыла еще не гуляла въ полѣ съ жеребцомъ, а то она «принесетъ борону», т. е., какъ говорятъ крестьяне, сборонитъ все брюхо, разъ она уже жереба (Яросл. губ., Костоловскій).

Крестьяне прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ способамъ врачеванія лошадей, въ случаѣ ихъ заболѣванія, разными домашними и часто крайне наивными, средствами. Не вдаваясь въ обширную область первобытной народной ветеринаріи, которую, какъ и народную медицину, приходится въ настоящей работѣ оставить совсѣмъ въ сторонѣ, можно лишь въ видѣ примѣра привести такой пріемъ врачеванія лошади, употребляемый казаками Кубанской области: когда на лошадь нападетъ «перелога» (когда она качается, потягивается), ее бьютъ по заду мѣшкомъ, въ которомъ держатъ соль, до трехъ разъ, потомъ продѣваютъ мѣшокъ у лошади между ногъ и т. п.

По тому какъ лошадь себя ведетъ: храпитъ, фыркаетъ, валяется по травѣ и т. п., судятъ о предстоящихъ перемѣнахъ погоды, но объ этомъ будетъ говорено въ главѣ о примѣтахъ на погоду.

Лошадь сама по себѣ чрезвычайно сильна и если тѣмъ не менѣе подчиняется человѣку, который гораздо слабѣе ея, то потому, что она имѣетъ преувеличенное понятіе о его мощи, и своей силы не сознаетъ. Французы говорятъ, что въ глазахъ лошади—

человѣкъ гигантъ, только поэтому онъ и можетъ ее объѣздить и укротить.

Wenn das Pferd wüste, wie stark es ist, es würde schwer zu linken sein.

By kon o swej sile wiedzal, zadenby na nim nie siedziat (Польск.—Кабы конь о своей силѣ вѣдалъ, никто бы на него не сѣлъ).

Aux yeux du cheval l'homme est un géant, c'est pourquoi il se laisse si facilement dompter.

Конь запрягальщика, а запрягальщикъ коня боится.

Въ свою очередь, и человѣкъ приписываетъ лошади, и въ частности ея останкамъ, чудодѣйственную силу. Лошадиный черепъ, какъ извѣстно, имѣетъ свойство отгонять бѣсовъ:

Конскій черепъ чертей отгоняетъ.

Поэтому, на заборахъ вокругъ дворовъ часто втыкаютъ конскіе черепа. Это повѣрье существуетъ, кажется, у всѣхъ народовъ.

Встрѣтить красивую лошадь на дорогѣ арабы считаютъ счастливымъ, хорошимъ предзнаменованіемъ. Но къ дохлой лошади подходить не слѣдуетъ:

Если наступишь на то мѣсто, гдѣ валяется павшая лошадь — лишай нападетъ (Кубан. об.).

Точно также вездѣ считается счастьемъ найти на дорогѣ лошадиную подкову:

Ein gefundenes Hufeisen bedeutet Glück.

Si l'on trouve un fer à-cheval dans les champs, il faut le rapporter à la maison, celà porte bonheur.

У насъ найденную подкову прибиваютъ къ порогу дома, притомъ концами внутрь, а круглою стороною наружу, иначе счастье изъ дому выпустишь. Торговцы для удачи въ торговлѣ и для привлеченія покупателей прибиваютъ подкову при входѣ въ лавку и т. п. Если же лошадь въ ѣздѣ потеряетъ подкову, то это грозитъ вѣрною бѣдою. Такая примѣта можетъ быть и вѣрна, такъ какъ лошадь, потерявшая съ одной ноги подкову, легко можетъ ногу зашибить, споткнуться и сѣдока уронить; поэтому, совѣтуютъ тщательно осматривать подковы у лошади — крѣпко ли сидятъ; нѣмцы идутъ въ этомъ направленіи гораздо дальше и, начиная съ гвоздя у подковы, говорятъ, что подковой держится

лошадь, лошадью—человѣкъ, человѣкомъ—городъ, городомъ—и вся страна. Такимъ образомъ, по этому изреченію, отъ гвоздя у лошадиной подковы можетъ зависѣть судьба цѣлаго государства...

Per un chiado si perde un ferro, e per un ferro—un cavallo (Изъ за одного гвоздя теряется подкова, а изъ-за одной подковы пропадаетъ и лошадь).

For want of a nail the shoe is lost, for want of a schoe the horse, aud for want of a horse the rider is lost (То же, съ добавленіемъ, что отъ потери лошади и всадникъ пропадаетъ).

Wer den Nagel am Hufeisen nicht achtet, der verliert auch das Pferd.

Ein Nagel erhält ein Eisen, das Eisen ein Ross, das Ross den Mann, der Mann eine Burg, und die Burg das ganze Land.

На те коня куютъ, щобъ ни спотыкався (Малор., Полт. г.).

Достоинство хорошей лошади нѣмцы опредѣляютъ такъ:

Ein gut Pferd soll drei Dinge vom Wolf, drei Dinge vom Fuchs und drei Dinge von einem Weibe haben: des Wolfes Augen, Fressen und Erhöhung des Hauptes; des Fuchses kurze Ohren, langen Schwanz, gelinden Tritt; eine Weibes breite Brust, Hoffart und Haar,

—это значитъ, что хорошая лошадь должна заимствовать три черты (три свойства) отъ волка, три отъ лисицы, и три отъ женщины, а именно: отъ волка—глаза, прожорливость и подъемъ головы; отъ лисицы—короткія уши, длинный хвостъ и легкую поступь; отъ женщины—широкую грудь, осанку и волосъ. Другое такое же опредѣленіе нѣсколько сложнѣе:

Ein Pferd soll von dem Hecht haben Fressigkeit und Geschickligkeit im Springen, vom Ahl Behendigkeit und Schnelligkeit, von den Schlangen scharf Gesicht uud gute Augen, vom Löwen eine breite Brust und ein grob dickes Haar am Halse, von der Katze Glattigkeit und einen sanften Tritt.

т. е. лошадь должна имѣть щучью прожорливость и ловкость прыжка, отъ угря заимствовать увертливость и быстроту, отъ змѣи—острую голову и зоркій глазъ, отъ льва—широкую грудь и волосатую гриву на шеѣ, отъ кошки—гладкій волосъ и легкую поступь. Поляки опредѣляютъ качества хорошей лошади такъ:

U pięknego konia ma być głowa jak u panny, pierś jak u wdowy, nóżka jak u dziecięcia (Польск.— У красивой лошади голова должна быть какъ у дѣвицы, грудь какъ у вдовы, нога какъ у ребенка).

Noga jak u sarny, piers jak u panny (Польск.— Нога какъ у серны, грудь какъ у дѣвицы)

Koń cudny i dobry ma mieć te cudne trzy: kark, noga, oko; dobre trzy: wolna gęba, pewna noga, czułość (Польск.—Прекрасная и добрая лошадь должна имѣть загривокъ, ногу, глаза—прекрасные; широкую глотку, поступь твердую и чуткость).

Русскіе подобныхъ сложныхъ опредѣленій качествъ лошади не дѣлаютъ и обращаютъ преимущественное вниманіе на ея сложеніе:

Конь складомъ хорошъ.
Безъ осанки конь — корова,

говорится у насъ. Но какъ бы ни были крѣпки ноги, нѣтъ коня безъ спотычки. На эту тему существуетъ множество поговорокъ у всѣхъ народовъ, со всевозможными варіантами:

На четырехъ ногахъ конь, да спотыкается.

Конь безъ спотычки, корова безъ передою, да закромъ безъ переводу не бываютъ.

И на добраго коня живетъ спотычка.

Кабы на добраго коня не спотычка, цѣны бы ему не было.

Коню безъ спотычки и цѣны нѣтъ.

Безъ спотычки и конь не пробѣжитъ.

Спотыкается конь, да поправляется.

На добраго коня бываетъ спотычка велика.

Рысака безъ сбою не бываетъ.

Il n'y a si bon cheval, qui ne bronche.

Il n'y a cheval si bien ferré, qui ne glisse.

Un cheval a quatre pieds et s'y chiet.

Kon ma cstery nogi, a potknie się (Польск.— Конь имѣетъ четыре ноги, а спотыкается).

E cade un cavallo che ha quattro gambe (то же).

Ein gut beschlagen Pferd kann auch ausgleiten.

Auch der beste Gaul stolpert ein Mal.

Theure Pferde stolpern auch.

A horse may stumble, thou he have four legs (Конь можетъ спотыкаться, даромъ что о четырехъ ногахъ).

И плавный рысакъ ину пору съ ногъ сбивается. — The best horse stumbles (И лучшая лошадь спотыкается).

Нѣкоторыя изъ этихъ поговорокъ ,имѣютъ, очевидно, иносказательный смыслъ,— отъ ошибки, отъ промашки никто не гарантированъ.

У итальянцевъ есть повѣрье, что если лошадь спотыкнется, да не упадетъ, то это хорошее предзнаменованіе:

Cavallo, che inciampa e non cade, è buon segnale.

Крестьянинъ живетъ съ лошадью въ непосредственной близости, роститъ ее, холитъ съ первыхъ дней рожденія, и держитъ обыкновенно до глубокой старости:

Chi addottrina il polledro in dentatura, tenere lo vuole mentre ch'ella dura.

Кто взростилъ жеребенка отъ первыхъ зубовъ (съизмала), хочетъ держать его до тѣхъ поръ, пока зубы у него держатся, т. е. до самой старости,— говорятъ итальянцы. А такъ какъ средній возрастъ лошади, по замѣчанію нѣмцевъ, втрое короче возраста человѣка:

Drei Pferde leben so lang als ein Mensch,

то человѣку приходится на вѣку имѣть дѣло со множествомъ лошадей, которыя ему служатъ и свойства которыхъ онъ успѣваетъ хорошо изучить, характеризуя ихъ въ своихъ пословицахъ и поговоркахъ. Характеризуются лошади разныхъ возрастовъ, разныхъ качествъ, разнаго назначенія: и борзые кони, и клячи, и одры; характеризуются также и условія ихъ содержанія, кормленія и т. п.

Хозяинъ кобылы всегда стремится случить ее съ хорошимъ жеребцомъ, чтобы получить хорошій приплодъ. Чей бы жеребецъ кобылу ни покрылъ, а жеребенокъ нашъ, говорятъ французы:

Qui que saille notre jument — le poulain en est notre.
Von schönen Pferden fallen schöne Fohlen.

Не менѣе велико вліяніе матери на потомство:

Trabende Stute — trabende Füllen.
Wenn die Stute trabt, so trabt auch das Füllen.

Только что родившійся жеребенокъ-сосунъ, не долго останется такимъ:

Сосунъ — не вѣкъ сосунъ: черезъ годъ онъ стригунокъ, а тамъ пора и въ хомутъ.

Жеребенокъ лоншакъ (лонскій, прошлогодній) черезъ годъ — третьякъ.

Годовалымъ жеребятамъ, носящимъ въ Сибири названіе «сегодникъ», стригутъ гривы коротко и тогда они получаютъ у насъ названіе стригуновъ, а по третьему году начинаютъ лошадей выѣзжать — къ хомуту пріучать. По жеребенку не всегда угадаешь, какова выйдетъ изъ него лошадь:

Da polledro scabioso talvolta hai cavallo prezioso (Изъ плохого жеребенка выходитъ иногда дорогой конь).

Aus klattrigen Fohlen werden die schönste Hengste.

Méchant poulain peut devenir bon cheval.

Le poulain rogneux ou farcineux devient souvent un cheval précieux.

Однако, нѣкоторыя свойства лошади проявляются уже у жеребенка:

Am Fohlen erkennt man das Pferd.

Одинъ жеребенокъ на другого не похожъ:

У всякаго жеребенка своя попрыжка.

Воспитывать надо жеребенка съ молоду: къ чему онъ сызмалу привыкъ, то и подъ старость дѣлать будетъ, тѣмъ болѣе, что одна лошадь отъ другой легко привычки перенимаетъ:

Ce que poulain prend en jeunesse, il le continue en vieillesse.

Лошадь отъ лошади нравъ перенимаетъ (Татар. Закавк. кр.).

Кобыла за дѣломъ — а жеребенокъ и такъ бѣжитъ.

Das Fohlen wird faul, wenn es geht mit dem alten Gaul.

Il polledro non va piano, quando la cavalla trotta (Жеребенокъ не идетъ шагомъ, когда кобыла бѣжитъ).

Слишкомъ рано, однако, жеребятъ не слѣдуетъ заставлять работать, такъ какъ это ихъ ослабитъ. Французская поговорка:

Qui ne travaille pas poulain, bien sûr travaillera coussin,

имѣетъ, поэтому, скорѣе иносказательный смыслъ, и именно къ лошадямъ всего менѣе можетъ примѣняться. Вольная жизнь молодыхъ жеребятъ продолжается, однако, недолго:

Сколько кобылкѣ ни прыгать, а быть въ хомутѣ.

Объѣздить молодую да горячую лошадь (нѣука) дѣло не легкое:

Бьетъ нѣукъ, да бьютъ и нѣука.

Нѣукъ бьетъ, а обойдется — смиряѣе коровы идетъ.
Обрыкается кобылка — пойдетъ.
Сразу лошади нѣука не обломаешь.

На молодыхъ коняхъ пахать — борозды будутъ кривы:

Wer mit jungen Pferden pflügt, macht krumme Furchen.
Молодецъ молодой конь, а съ нимъ безъ хлѣба будешь (поля не вспашешь).
Самъ-семъ вирягать (молодую лошадь) — не пахать.

Молодыхъ лошадей вмѣстѣ со старыми запрягать не годится.

Alte Pferde muss man nicht zu Jungen spannen.

Къ коню, да еще молодому, надо подходить умѣючи, особенно, коли онъ съ норовомъ; коней бояться — съ ними не совладаешь; иной разъ и лаской возьмешь больше, чѣмъ кнутомъ, но волю коню давать опасно:

Трусливо не подходи къ коню— скорѣй убьетъ.
Не окрикнувъ, къ коню не подходи.
Не окрикнувъ лошадь, въ стойло не лѣзь.
Молода лошадь, да норовъ старъ.
Обойдешь, да огладишь, такъ и на строгаго коня сядешь.
Окрикъ и лошадь знаетъ.
На пословнаго(послушнаго) коня и кнута не надо.
Доброму (ученому) коню лишь плеть покажи.
Обротка снята и воля дана.
Воля и добраго коня портитъ.
Не ималъ (не взялъ) коня у рукъ, и въ полѣ не поймаешь.
Не хлещи кобылы — и лягать не станетъ.
Попусти коню поводья — онъ и удила закусилъ.
На возжахъ и лошадь умна.
Возжи упустишь — не скоро изловишь.
Погонялка — не возилка.
Не охоливъ коня, на показъ не выводятъ.
Не все бичемъ да хлыстомъ, ино можно и свистомъ.
Коль лошадь фыркаетъ, такъ здравствуй ее.
Il n'y a pas de cheval, auquel on ne puisse mettre la bride.
Qui bâte la bête — la monte.
Soll das Pferd recht gehen, so muss man die Zügel gerecht machen.
Man muss sein Pferd stets am Zügel halten.
Einem geschlagenem Pferde ist's genug, dass man ihm den Prügel zeigt.
Ein guter Zaum verbessert das Pferd.
Уздой да возжей лошадь ведутъ (Швед.).
Уздой да возжей коня направляютъ (Швед.).

Добрую лошадь одною рукою бей, а другою слезы утирай (жалѣй).

Найдешь лошадиную голову — и ту зануздай, не то разобьетъ (Ставроп. губ.),

— не взнузданнымъ лошадямъ довѣрять нельзя. Особенно опасны, по мнѣнію поляковъ, тѣ лошади, которыя назадъ пятятся, запрокидываются:

Na koniu, co się cofa, jechać niebezpiecznie (Польск. — На лошади, которая пятится, ѣздить опасно).

Когда молодую лошадь пріучаютъ подъ верхъ, нужно, чтобы на нее сперва старый, опытный ѣздокъ садился; и наоборотъ, молодому ѣздоку нужно давать старую лошадь:

Auf ein junges Pferd gehört ein alter Reiter.
Junge Pferde mussen ein alten, die alten aber einen jungen Reiter haben.
A jeune cheval — vieux cavalier.
A cheval neuf — vieux cavalier.
A jeune soldat — vieux cheval.

Плоха лошадь, хороша лошадь — одинаково ее работать заставляютъ, сколчко ея силъ хватитъ:

Хваленку въ соху — и хаянку въ соху.

Похаявъ (коня) — да въ оглобли.

Конь добръ, да не ѣзженъ (дорогъ парень, да не ученъ).

Кобылка (лошадка) въ хомутѣ везетъ по могутѣ.

Сколько кобыла жеребятъ ни рожала, а хомута не миновала.

У кобылы хоть семеро жеребятъ, а хомутъ свой.

Черезъ мочь и коня не натружишь.

Поневолѣ конь гужи рветъ, коли мочь (сила) не беретъ.

Всякая кобыла подъ возомъ обрыкается.

Сердита кобыла на возъ, а претъ его и въ гору, и подъ гору.

Захочетъ кобылка овса, такъ вывезетъ на гору.

Нужда сневолила кобылу съ хомутомъ.

Подъ гору — безъ хомута, а въ гору — въ три кнута.

Не приневолишь кобылу, такъ и не повезетъ.

Слюбился кобылѣ ременный кнутъ...

Лошадь рьяна, когда не обратана, а какъ запрягутъ — съ мѣста не собьешь.

Какъ ни храбри кляченку, а она все ни съ мѣста.

Черезъ силу (выше мѣры) и конь не прянетъ.

Лошадь упряма, а везетъ прямо (неволя).

Не охоча кобыла до хомута.
Бьетъ лошадь и задомъ, и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ.
На ѵрослива (упрямаго) коня не жалѣй ремня.
Урословый (упрямый) конь воду возитъ.

Особымъ упрямствомъ отличаются непривычные къ хомуту калмыцкіе кони, да и со всякимъ вольнымъ степнымъ конемъ не легко совладать:

Калмыцкую лошадь одинъ только калмыкъ и переупрямитъ.
Степного коня на конюшнѣ не удержишь.
Не умучивъ степного коня, не выѣздишь его.

Поминаются въ поговоркахъ кони лѣнивые, которые и себя, и хозяина берегутъ, чтобы не замориться и не оставить его совсѣмъ безъ лошади; но предпочтеніе, конечно, отдается конямъ ретивымъ. Въ параллель русскимъ поговоркамъ на добрыхъ, ретивыхъ коней можно привести и многочисленныя иностранныя изреченія, характеризующія хорошихъ лошадей вообще. Про лѣнивыхъ лошадей ходятъ присловья такія:

Конь съ запинкой, да мужикъ съ заминкой — не надорвутся.
Лошадь съ лѣнцой хозяина бережетъ (не надорвется и не введетъ въ убытокъ).

Эти свойства лѣнивой лошади служатъ, конечно, для хозяина плохимъ утѣшеніемъ; всѣ же его симпатіи на сторонѣ коней ретивыхъ, да рьяныхъ:

Рьяный конь — работникъ.
Добрый конь подо мною — Господь надо мною.
На ретивого коня не кнутъ, а возжи.
То и конь, что треноги рветъ.
Лихой конь и путы рветъ.
Удалой конь завертки рветъ.
Добрый конь не безъ сѣдока.
Хорошъ конь — хорошъ и дѣтина.
Рѣзваго жеребца и волкъ не беретъ.
Не жаль съ добраго коня и упасть (Малор.).
По храпу коня знать.
У добраго коня не долги версты (Малор.).
Либо коня хорошаго держать, либо плеть (на плохого).
Ein gutes Pferd bezahlt sich doppelt.
Ein gutes Pferd bedarf der Peitsche nicht.
Ein gutes Pferd zieht zweimal.
Ein gutes Pferd kennt seinen Reiter.
Je schneller das Pferd läuft, je kürzer werden die Meilen.
Gutes Pferd — kurzer Ritt.
Gute Pferde machen kurze Meilen.
Un bon cheval fait les lieues courtes.

Извѣстно, что большою славою пользуются въ качествѣ верховыхъ лошадей — иноходцы. Однако, есть поговорка, указывающая на то, что для долгаго пути иноходцы не годятся:

Лошадь съ ходой (иноходецъ) въ пути не товарищъ.

Чрезмѣрная ретивость коней ихъ, прочемъ, до добра не доводитъ; спасибо за нее не скажутъ и корма не прибавятъ. Слишкомъ рьянаго коня не долго и испортить:

Ретивая лошадка не долго живетъ.

Ретивому коню всегда работы вдвое, а тотъ же кормъ.

Быстрая лошадь скорѣе станетъ.

Который конь скоро бѣжитъ, тотъ долѣ стоитъ.

Добръ конь, да изъѣздчивъ.

Konia rączego chlustać nie trzeba (Польск. — Коня рѣзваго хлыстать не надо).

Горячую лошадь не долго и надсадить.

Съ надсаду и конь падетъ.

Лошадь быстра, а отъ хвоста не уйдетъ.

Ein gutes Pferd frisst nicht mehr, als ein schlechtes.

A good horse eats as much, as a bad one (Хорошая лошадь столько же ѣстъ, сколько и плохая).

Ein sprengend Pferd ist bald müde.

Das Pferd, das am besten zieht, bekommt die meisten Züge.

All lay lowd on a willing horse (На послушнаго коня всѣ тяжести накладываютъ).

Im vzczerszy koń, tem na niego więcej nakładają (Польск.— Чѣмъ усерднѣе конь, тѣмъ больше на него накладываютъ).

Бить въ хвостъ и въ гриву — и добраго коня заморишь.

Сморить коней не долго, да не вдругъ поправишь.

Въ часъ сморишь — въ недѣлю не поправить.

Każdy koń rączy, to prędko kończy (Польск.— Рѣзвая лошадь скоро изъѣздится).

Особенно любовно относится русскій крестьянинъ къ своей немудрой лошадкѣ—сѣрку, сивкѣ или савраскѣ,—которая и не породиста, и не ретива, да служитъ хозяину вѣрой и правдой, покуда силъ хватаетъ:

Люблю сѣрка (сивка) за обычай — и кряхтитъ, да везетъ (хоть не везетъ, да ржетъ).

Не разговариваетъ меринъ, а везетъ.

Не въ томъ сила, что кобыла сива, а въ томъ, что везетъ.

Лошадь надо беречь, ѣздить на ней съ толкомъ, гдѣ съ возу слѣзть, гдѣ подпречь, гдѣ и постоять дать, чтобы отдохнула;

однако, жалѣючи лошадь, и себя забывать нельзя, чтобы не стала работа, не приключился хозяину убытокъ:

Береги коня до истомы.

Временемъ гони, а временемъ и самъ бѣги.

Кума съ возу — кобылѣ легче.

Заторопомъ не возьмешь.

Заторопка со спотычкой живутъ.

Затомленная кляча отдохнетъ, а заморёную не скоро поправишь.

Не тужи, покуда тянутъ (кони) во всѣ гужи: а пристанутъ — слѣзай, да самъ помогай.

Въ нуждѣ сберечь — на ухабѣ подпречь.

Того кони не знаютъ, что сѣдокъ погоняетъ, у нихъ ямщикъ виноватъ.

Заѣхалъ въ цѣликъ, да поклалъ возъ великъ — и ни съ мѣста.

Устанетъ — пристанетъ, отдохнетъ — опять повезетъ.

На своей на клячѣ куда хочу, туда и скачу.

Борони по́ солнцу—лошадь не вскружится.

Пахать—паши, да оглядывайся; погонять—погоняй, да остерегайся.

Не бойся дороги, были бъ кони здоровы.

Вези, лошадка, переднія колеса, а заднія сами побѣгутъ.

Переднія колеса лошадь везетъ, а заднія сами ѣдутъ.

Жалѣть коня—истомить себя.

Либо коня жалѣть, либо себя.

Не устала кобыла, что до Кіева сходила (коли съ толкомъ ѣхалъ).

Тише ѣдешь — дальше будешь.

Тихій возъ будетъ на горѣ.

Лыко да мочала, а далеко умчало (плохая упряжь, да кони добрые).

Der Ross sagt: auf der Ebne schon mich nicht, auf dem Berge treib mich nicht, und im Stall vergiss mich nicht.

Tout en montant laisse moi aller en descendant ne me presse pas, en plaine ne m'épargne pas, mais en écurie ne m'oublie pas (dit le cheval au cavalier).

En montant ne me force pas, en descendant ne me presse pas, en plaine fait ce que tu voudras.

Le chemin et le fardeau ont raison du cheval.

On connait le cheval en chemin.

Le fouet ne fortifie pas le cheval.

Cavalli che vanno piano, vanno ancor lontano (Лошади, которыя идутъ тихо, уйдутъ далеко).

Ein Pferd das langsam geht, kommt auch weit.

Il cavallo tanto vale, quanto va (Лошадь столько стоитъ, сколько она идетъ).

Kto z miejsca pędzi, konia uwędzi (Поль.—Кто съ мѣста гонитъ, коня изводитъ).

Wenn die Pferde Schritt gehen, kommt man auch weiter.

Każdy kon do domu spieszy (Поль.—Каждый конь домой спѣшитъ).

To dobry kon, który i na górę i z góry pocągnąc może (Поль.—То добрый конь, который и на гору, и съ горы потянутъ можетъ).

Langsam aus dem Stall, langsam in den Stall.

Ehe der Gaul nicht dreimal gemistet hat, soll man nicht Trab fahren.

Не жалѣютъ только чужихъ лошадей, на нихъ и скакать хорошо:

Лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй—не стой.

Своего коня — шлепкомъ, чужого—круглякомъ.

Конь не свой—погоняй, не стой.

Ein geborgtes Pferd ist nicht viel Werth.

A horse hired never tires (Наемная лошадь никогда не устаетъ).

Fremde Pferde laufen schnell.

Хорошо ѣздитъ, у кого свой кнутъ, на чужихъ коняхъ.

Geborgtes Pferd und eigne Sporen reiten gut.

Всего быстрѣе лошадь везетъ, когда мужикъ пьянъ, говорятъ нѣмцы:

Der Gaul läuft am besten, wenn der Bauer betrunken ist.

На плохую лошадь — плоха и надежда; хоть кнутомъ гони, далеко не уѣдешь;

Подъ гору—вскачь, а въ гору—хоть плачь.
Насколько уморилъ (убилъ) клячу, настолько и уѣхалъ.
На худой лошадкѣ—верть въ сторонку.
Не смогà съ кобылой, да по оглоблямъ.
По оглоблямъ стегать—мерина не донять.
На кнутѣ далеко не уѣдешь.
Кнута въ оглоблю не впряжешь.
Faire claquer son fouet ne rassemble pas les chevaux peureux.

Отмѣчаютъ еще поговорки коней бережливыхъ, прожорливыхъ, сухопарыхъ, коней пригодныхъ для разнаго рода работъ и. т. п.

Стережливаго коня и звѣрь въ полѣ не беретъ.

Ein vorsichtig Pferd fassen die Wölfe nicht.

Осторожнаго коня и звѣрь не вредитъ.	Gheval sur ses gardes ne sera pas mangé par les loups.
Береженаго коня и зверь не беретъ.	Mit unwilligen Pferden macht man krumme Furchen.
Запрометчиву коню не вѣрь въ уздѣ (въ ѣздѣ).	Mit stützigen Pferden ist nicht gut pflügen.
Заносчиваго коня построже зануздывай.	Ein fleissiger Gaul wird nicht fett.
Посулёный меренъ не везетъ.	Klein Pferd—kleine Last.
Пѣгой кобылы не перешерстишь.	Ein muthig Pferd wird auh zahm.
Когда меринъ окобылѣетъ, тогда и тать красть не станетъ (никогда).	Tapfere Pferde achten nicht auf das Gebell der Hünde.
Прожорливая кляча гладка не живетъ.	Ein Ross ist gut zum Trab, ein anderes zum Schritt.
Не накормить коня сухопараго, не отростить дерева суховерхаго (не надѣлить дитяти безсчастнаго).	Ein Ross ist gut zum Zug, ein anderes zum reiten.
Сухопарый конь не всыть жретъ (не наѣстся).	Un cheval est bien méchant, s'il ne peut porter sa selle.
Чѣмъ ни норовистѣе лошадь, тѣмъ больше барыша отъ нея (Ворон. г.).	Крѣпкоуздая лошадь сама виновата, коли скоро устаетъ (Арм. Закавк. кр.).
Большому коню, большой и хомутъ (Бѣлор.).	
Худая кляча зря куда скачетъ.	
Сытый конь воду возитъ, тощаго на подпругахъ поить ведутъ.	Аргамакъ, послѣ того какъ испортится, уже не лошадь (Сарт. Турк. кр.).

Хуже всего отзывается народъ въ своихъ изреченіяхъ о надсаженныхъ, да леченыхъ лошадяхъ, не вѣря тому, чтобы онѣ могли поправится, по старому служить:

Надсаженъ конь—не долго везетъ.	Mit abgetriebenem Gaul reitet man nicht weit.
Надсаженный конь, надломленный лукъ, замиренный другъ (врагъ)—не надежны.	Ein Ross bleibt selten gut, wenn man's übertreibt.

Опоеная лошадь скородышкой дышетъ.

На леченой кобылѣ не далеко уѣдешь (не много наѣздишь).
На леченомъ конѣ недѣлю ѣздить.

Поновленая изба два вѣка стоитъ, а леченая кляча и своего не доживетъ.

Старость коню не укоръ; напротивъ того, старая лошадь имѣетъ свои достоинства, особенно, если большой прыти отъ нея не требовать; но и лучшая лошадь подъ конецъ въ клячу, въ одра обращается:

Старая кобыла (старый конь) борозды не портитъ.
Старый конь мимо не ступитъ.
У стараго коня не по старому хода.
И старая кобыла до соли лакома.
Молодъ былъ—конемъ слылъ; старъ сталъ—одеръ сталъ.

Сивому мерину съ молоду цѣны не было, а подъ старость задаромъ отдали татарамъ.
Alte Pferde gelten wenig.
Iln'est si bon cheval qui ne devienne rosse.
Non c'èb uon cavallo, che non diventi una rozza (тоже).

Только французы говорятъ, что хорошая верховая или каретная лошадь никогда одромъ не станетъ:

Un bon cheval de selle ou de carosse ne devient jamais rosse.

Въ томъ же родѣ выражаются и киргизы:

Если аргамакъ похудѣетъ, все-таки не будетъ простая лошадь (Киргиз.).

Между клячею, лошадью и конемъ народъ дѣлаетъ у насъ слѣдующее различіе:

Кляча воду возитъ, лошадь пашетъ, а конь подъ сѣдломъ.

Хотя и выражаютъ свое пожеланіе крестьяне:

Конямъ бы не изъѣзживаться, цвѣтну платью не изнашиваться,

—но лошадиный вѣкъ не дологъ, и приходится съ старымъ конемъ, вѣрнымъ другомъ и помощникомъ, разставаться. И тогда съ сердечною жалостью вспоминаетъ о немъ хозяинъ, приписывая ему иногда и такія достоинства, которыхъ у него, при жизни, быть можетъ, вовсе не было:

Который конь палъ, то и рысакъ былъ.
Былъ конь—было и поѣзжено!

Замучили бурку крутыя горки.
Уходили (укатали) бурку (сивку) крутыя горки.
Умыкали савраску горы да овражки.
Былъ мужичекъ—да померъ; былъ конь—да изъѣздился.
Были лошадушки, да подохли; были животы, да посохли.

Говоря о свойствахъ коней въ работѣ, народныя изреченія дѣлаютъ сравненіе между ними и волами. Характеръ приложенія силы у тѣхъ и другихъ животныхъ различенъ, въ зависимости отъ самого ихъ организма и свойствъ ихъ темперамента, у воловъ флегматичнаго, у лошадей горячаго, порывистаго, живого:

Лошадь урывомъ беретъ, волъ—налогомъ (волъ взатяжную).
Лошадь рветъ, а волъ тянетъ налогомъ.

И вообще лошадь ставится выше вола; лучше быть лошадью, нежели воломъ, говорятъ французы:

Il est meilleur être cheval que boeuf.

Дѣлается сопоставленіе лошади съ собакою, при чемъ народъ не вѣритъ въ привязанность лошади къ человѣку, и совѣтуетъ смотрѣть на нее, какъ на врага, который только силѣ подчиняется

Pflege dein Pferd wie ein Freund, aber reite es wie ein Feind.
Собака—другъ, а лошадь—врогъ.

Отмѣчается, что лошадь выражаетъ свои ощущенія ушами, а собака—хвостомъ:

У собаки думка въ хвостѣ, а у лошади—въ ушахъ.

Недовѣріе къ лошади выражается и въ слѣдующихъ изреченіяхъ, въ которыхъ она по коварству сопоставляется съ женщиною, на которую, какъ извѣстно, также полагаться нельзя:

Жінці не вірь у домі, а кобылі въ дорозі, бо кобила хочь каже: не перекину, а таки перекине (Малор.).
Не вѣрь лошади въ дорогѣ, а бабѣ во дворѣ (Смолен. губ.).

Ни коня, ни жены, а по нѣмецкому сказу—и часовъ, въ чужія руки отдавать не слѣдуетъ—испортятъ.

Жінкі та коня нікому не давай (Малор.).
Konia nie pożyczaj, a niewiescie nie wierz (Поль.—Лошади не одолжай, а женщинѣ не вѣрь).
Frauen, Pferde und Uhren soll man nicht verleihen.

Съ другой стороны, дается совѣтъ на чужихъ коней не садиться—и упасть не долго, и хозяинъ, не разбирая мѣста, ссадить можетъ, да и довѣрять чужому коню нельзя:

Съ чужой клячи среди грязи долой.

Съ чужого коня и въ болотѣ ссядешь (ссадятъ).

Z cudzego konia i śród błota zsiadaj (Поль.—Съ чужого коня и средь болота ссадятъ).

Wer auf fremden Pferd reitet, kommt zu Fuss heim.

Vom fremden Ross sitz'ab sogleich, wär's mitten in des Meeres Reich.

На чужую лошадь кто сѣлъ, скоро спѣшится (Черкесск.).

Cudzemu koniowi (cudzemu psu i cudzej zonie) nie dowierzaj (Поль. — Чужому коню, чужому псу и чужой женѣ не довѣряй).

I wpol drogi (i na publicznej drodzê) z cudzego konia zsadsają (Поль.—И въ полъ-пути (на большой дорогѣ) съ чужого коня ссадятъ.

Однако, на этотъ счетъ есть изреченія обратныя; кто на лошади сидитъ, тотъ ея и господинъ, говорятъ нѣмцы и татары:

Wer das Pferd reitet, ist des Pferdes Herr.

Кто на лошади сидитъ, тому она и принадлежитъ (Татар. Закав. кр.).

У насъ возъ считается принадлежащимъ тому, кому принадлежитъ лошадь:

Чей конь, того и возъ.

Такъ какъ лошадь бьетъ задними ногами, то совѣтуютъ къ ней сзади не подходить. Въ Кавказскомъ краѣ этотъ совѣтъ обобщается въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ подходить сзади къ животнымъ, которыя лягаются, и спереди къ тѣмъ, которыя кусаются.

Не стой позади лошади, если не знаешь ея нрава (Татар.).

Kiedy kon zdycha, to jeszcze nogą kopnie (Польск.—Даже издыхая, лошадь еще ударитъ ногой).

A cheval rueur d'avant passe.

Благодаря силѣ своихъ ногъ, коню удается иногда и съ волкомъ справиться:

Сжалился конь надъ волкомъ, велѣлъ ему съ хвоста подойти, конины отвѣдать.

Шутилъ волкъ съ жеребцомъ, да зубы въ горсти унесъ.
Конь волку копытомъ всѣ зубы выбилъ.

Однако, такой маневръ лошади удается рѣдко, бо́льшею же частью при встрѣчѣ съ волкомъ перевѣсъ не на ея сторонѣ, и бѣдной лошади приходится плохо:

Волкъ коню не товарищъ.
Волки кобылу съѣли, а хвостъ, да гриву, покинули на разживу.
Кобыла съ волкомъ тягалась, анъ одинъ хвостъ да грива осталась.
Кобыла съ волкомъ мирилась, да домой не воротилась.
Съѣлъ волкъ кобылу—подавись онъ хомутомъ.

Мясо лошади у насъ считается собачьимъ, т. е. поганымъ, хотя оно и дорого, такъ какъ содержаніе лошади дорого обходится.

Конь хоть яко дороге мясо, а все-таки собаче (Малор., Харьк. губ.).
Pferde Fleisch — theuer Fleisch.

Существуетъ на разныхъ языкахъ нѣсколько изреченій, относящихся болѣе спеціально къ лошадямъ верховымъ. Чрезмѣрной прыти отъ нихъ требовать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе что, какъ ни будь опытенъ всадникъ, ѣзда на лошадяхъ всегда опасна—недолго и до смерти разбиться:

Однимъ махомъ всего пути не проскачешь.
Однимъ махомъ (однимъ конемъ) всего поля не изъѣздишь.
Однимъ конемъ поля не покроешь.
Кто бывалъ на конѣ, тотъ бывалъ и подъ конемъ.
Бывъ на коню и подъ конемъ (говорится про человѣка бывалаго).
Kto bywa na konia, bywa i pod koniem (Польск.).
Не держался за гриву (за уши), а за хвостъ не удержиться.

Ein klein Pferd kann seinen Reiter auch abwerfen.
Auf einem jagenden Pferd kommt man schnell zum Kirchhof.
Heut auf Pferd und Morgen drunter.
Es ist gefährlich sich an den Schwanz zu halten, wenn man die Mähne losgelassen hat.
Cheval courant — sépulture ouverte.
Uomo a cavallo, sepoltura aperta (тоже).
A running horse is an open sepulchre (тоже).

Поздно за хвостъ, коли за гриву не удержался.

Un fantasque cheval fait un bon cavalier.

Коли возжи порвались, такъ за хвостъ не управишь.

Сѣдло, сбруя должны быть пригнаны по лошади. У насъ обращаютъ вниманіе на «выѣздъ», т. е. на всю конскую сбрую вмѣстѣ, при чемъ утѣшаютъ себя тѣмъ, что и плохая сбруя имѣетъ свои достоинства; нужно, чтобы по лошади былъ и сѣдокъ; лиха бѣда въ сѣдло усѣстся, а тамъ поѣхать уже не трудно.

На худую сбрую плохой и выѣздъ.

A vieux cheval licou neuf.

Красна ложка ѣдокомъ, а лошадь—сѣдокомъ.

A grosse bête fort licou.

La bride selon le cheval.

Та же уздечка, что на коня, что на кобылу (Малор.).

Конская узда на осла не годится (Китайск.).

A chétif cheval tout va mal.

Былъ бы конь, а по оброти (недоуздку) не тужи (оброть найдется).

A buon cavallo non gli manca sella (Хорошій конь безъ сѣдла не будетъ).

Не тужи, что мочальны гужи — ременные, и тѣ рвутся.

Ein gutes Pferd bekommt bald eine Sattel.

Не тужи, что мочальны гужи: оборвутся, такъ самъ и починишь.

Ist man erst im Sattel, dann is das Reiten leicht.

Der Sattel bildet das Pferd.

Была бы шея, а хомутъ найдемъ.

Всего печальнѣе, когда

Только и есть, что кнутъ, да хомутъ,

— тутъ уже далеко не уѣдешь. Бываетъ, однако, и такая неудача, что

Кобылка есть — такъ хомута нѣтъ; добылъ хомутъ — кобылка ушла.

У русскихъ крестьянъ существуетъ повѣрье:

Если баба перешагнетъ черезъ хомутъ или оглоблю, то тяжело будетъ лошади.

Другое повѣрье касается свадебнаго поѣзда:

Если въ свадебномъ поѣздѣ кони станутъ — отъ злыхъ людей смута.

Кони ржутъ — къ добру.
Лошади фыркаютъ въ дорогѣ — къ радостной къ встрѣчѣ.

Французы замѣчаютъ, что лошадь, которая много ржетъ, впередъ не подвигается:

Cheval qui piaffe n'avance guère.

Въ Великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне иначе не запрягаютъ лошадей, какъ въ оглоблю съ дугою, и ѣзда парою въ дышлѣ долгое время считалась здѣсь чѣмъ-то богопротивнымъ.

Въ одной оглоблѣ (съ дышломъ) ѣздить грѣшно.
Антихристова колесница объ одной оглоблѣ.
У Антихриста дышловая колесница.

Для ѣзды хорошая дорога важнѣе хорошей лошади, на плохой дорогѣ и хорошихъ коней не долго сморить. Чѣмъ больше по дорогѣ ѣзды, тѣмъ она и лучше укатывается, торнѣе; ширина же дороги значенія не имѣетъ. Человѣкъ дорожный не прихотливъ и ночуетъ тамъ, гдѣ придется, или гдѣ его добрый человѣкъ пріютитъ и коней дастъ поставить; нужно, чтобы извозъ путину окупалъ и барышъ давалъ:

Не запрягши, не погоняютъ.
Рано запрягши, да поздно поѣхалъ.
Съ хвоста хомута не надѣваютъ.
Не долга оглобля, а до Москвы дотянетъ.
Не лошадь ѣдетъ (везетъ), а дорога.
Чѣмъ больше ѣздить, тѣмъ торнѣе дорожка.
Не широтой дорога береть, а торомъ.
Красна дорога ѣздоками (а обѣдъ ѣдоками).
Дорожный ночлега въ торокахъ за собою не возитъ.
Гостямъ столъ, а конямъ столбъ (привязь).
То не извозъ, коли въ путину на кнутъ не заработаешь.

Французы говорятъ, что въ дорогѣ нужно имѣть добрый плащъ, сапоги, хорошую шляпу, да лошадь хорошей породы; тогда во всякую погоду можно путь держать:

Bon manteau, bottes, chapeau, cheval de bonne race cheminent, quelque temps qu'il fasse.

Но въ морозъ — вѣроятно въ гололедку — никакая лошадь ничего не стоитъ:

Quand il gèle, rapide ou mou, un cheval ne vaut pas un clou.

У насъ замѣчаютъ также, что въ гололедицу и лошадь скользитъ, почему совѣтуютъ

По черепу ѣздить, на остроширъ ковать.

Въ дорогѣ сквернословить не годится:

Кто ругается, у того конь спотыкается.

Не годится въ работѣ да въ дорогѣ слишкомъ лошадь гнать:

Рысью не вспашешь.
На рысяхъ плохо пѣсни пѣть.
Гнать въ хвостъ и въ гриву — коня сморишь.
Въ гоньбѣ и лошадь прѣетъ.
На тощую лошадь и оводъ валится (садится).

Иностранцы замѣчаютъ, что на замореную, тощую лошадь мухи и комары скорѣе садятся:

A caval magro vanno le mosche (На худую лошадь мухи садятся).
Sopra cavalli magri si posano le mosche (тоже).
A cheval maigre vont les mouches.
Flies go to the lean horse (тоже).
Auf kranke Pferde setzen sich die Mücken am liebsten.
Die Fliege setzt sich immer auf ein mager Pferd.

Тощей лошади и хвостъ въ тягость,

— говорятъ татары въ Закавказскомъ краѣ.

Не слѣдъ тощей лошади забираться въ чужое пастбище,

— говорятъ они-же.

Въ ѣздѣ лошадь не портится, если, конечно, ее не загонять; ей, скорѣе, вредно долгое стояніе въ конюшнѣ безъ движенія; отъ долгаго стоянія конь толстѣетъ, или, какъ у насъ выражаются, сырѣетъ, на ногахъ наливы могутъ сдѣлаться, ноги онъ себѣ отстоитъ:

Какими заклепами ни замыкай коня — онъ все рвется на волю.
En son fumier le cheval engraisse, quan l il repose à son aise.
Hat ein Pferd gut Futter und Ruh, so nimmt es auf eigenem Miste zu.
L'écurie use plus le cheval, que la course.
Ein Pferd verstehet sich die Füsse im Stall.
Dem Pferde schadet langes Stehen oft mehr, als langes Gehen.
Im Stall wird kein edles Ross erzogen.

Особенно тянетъ коня на волю весною, когда пробуждается

природа и въ полѣ трава зеленѣетъ. Съ этого времени выгоняютъ коней на подножный кормъ, а въ степяхъ лошади ходятъ косяками, кобылы подъ защитою жеребцовъ; тутъ на волѣ происходитъ и случка.

Какъ затрепещетъ листъ на осинѣ, конь почуетъ силу (Смолен. губ.).

Quand le blé épie (когда хлѣбъ колосится), le cheval tremble à l'écurie.

У лихого жеребца косякъ цѣлъ.

Жеребецъ проржетъ — косякъ отзовется.

Wo Hengste sind, da sammeln sich die Stuten.

Не больно жеребцу, когда лягнетъ его кобыла:

Dem Hengste thut's nicht weh, wenn ihn die Stute tritt.

Jamais coup de pied de jument ne fait mal au cheval.

Кобылы же вообще отличаются болѣе флегматичнымъ характеромъ:

Кобыла вздыхаетъ, а траву хватаетъ.

Киргизы и другіе степные народы держатъ большіе табуны лошадей, между прочимъ, и ради кобыльяго молока, изъ котораго они приготовляютъ кумысъ и даже гонятъ нѣчто въ родѣ водки. Французы говорятъ, что молоко бѣлой кобылы — лучшее средство отъ лихорадки.

Наиболѣе смирнымъ нравомъ отличаются мерины:

Мерина легче держать, чѣмъ жеребца,

— говорятъ кюринцы — одна изъ многочисленныхъ народностей Закавказскаго края.

Хотя своимъ упрямствомъ славятся ослы, однако, и лошади принадлежатъ къ числу довольно упрямыхъ животныхъ. Бываютъ лошади и съ такимъ норовомъ, что никакого ладу съ ними нѣтъ:

И молода лошадь, да норовъ старъ.

Не пряди конь ушами (не упрямься) — не продали бъ татарамъ.

Нѣмцы и англичане говорятъ, что можно лошадь на воду повести, но нельзя заставить ее пить, когда она не хочетъ:

Pferde lassen sich zum Wasser bringen, aber nicht zum Trinken zwingen.

A man may lead a horse to the water, but he cannot make him drink, unless he will,

поэтому надо давать лошади пить, когда она хочетъ, но не сколько она хочетъ, чтобы не опилась, а равно не принуждать ее пить противъ ея желанія:

Let a horse drink when he will, not what he will.
Nie ciągnij konia do wody, kiedy koń nie chce pić (Польск.— Не гоняй лошадь къ водѣ, если ей пить не хочется).

Французы замѣчаютъ, что добрую лошадь можно пріучить одну ходить на водопой, невозможность же заставить пить противъ желанія относятъ къ ослу:

Bon cheval va seul à l'abreuvoir.
On ne peut faire boire un âne, s'il n'a soif.

Упрямство лошади служитъ одною изъ причинъ того, что съ любою лошадью всаднику безъ шпоръ трудно обойтись. Если въ нѣкоторыхъ поговоркахъ и говорится, что для добраго рѣзваго коня шпоръ не требуется, однако, другія выражаютъ мнѣнія прямо противоположныя, изъ чего можно заключить, что шпоры нужны во всякомъ случаѣ, хотя бы ихъ въ дѣло пускать и не пришлось. Бываютъ лошади, которыя и подъ шпорами артачатся, что̀ уже прямо на ихъ бокахъ отзывается; разгорячившуюся лошадь и узда не удержитъ:

A méchant cheval bon éperon.
Bon cheval, mauvais cheval veut l'éperon (bonne femme, mauvaise femme veut le baton).
Qu'un cheval soit mauvais ou bon, chausse toujours ton éperon.
A bon cheval point d'éperon.
Cheval bon et trottier d'éperon n'a métier.
Cheval qui se cabre sous l'éperon à ses côtes porte dommage.
Ein gut Pferd braucht keine Sporen.
Auch bei besten Pferde bedarf man der Sporen.
Ein gutes Ross braucht keinen Stachel.
Buon cavallo e mal cavallo vuole sprone (Добрая лошадь и плохая лошадь требуютъ шпоръ).
Al buono e cattivo cavallo, ci vuol lo sprone (тоже).
A cavallo briglia e biada, striglia e strada (Лошади узда да овесъ, стремя да дорога).
A fast horse not want spur (Быстрая лошадь шпоръ не требуетъ).
A good horse often wants a good spur (Доброй лошади часто нужны добрыя шпоры).

Einem bösen Pferde gute Sporen.
Bride et éperon font le cheval bon.
Koń rozjuszany niezna wędzidła (Польск.—Разгорячившаяся лошадь узды не знаетъ—не слушаетъ.
A caval che corre non bisogna sprone (Скачущей лошади шпоры не нужны).
Do not spur a free horse (Вольной лошади не шпорь).

Богатое сѣдло, золоченая узда—лошади не красятъ; одна нѣмецкая поговорка говоритъ, что по уздѣ узнаютъ лошадь:

Am Zaum erkennt man das Pferd.
Ein goldener Zaum macht das Pferd nicht besser.
Ein kostbarer Sattel macht das Pferd nicht besser.
Freno indorato non migliora il cavallo (Позолоченная узда коня не улучшитъ).
Mors doré ne rend pas le cheval meilleur.

Чтобы лошади шли хорошо, нужно, чтобы онѣ были хорошо подобраны и къ подходящему дѣлу приставлены. Нельзя запрягать лошади вмѣстѣ съ осломъ, съ воломъ и т. п.

Кляча воду возитъ (а козелъ бородою потряхиваетъ).
Свинью съ конемъ не четаютъ.
Esel und Pferd muss man nicht zusammen spannen.
Das Ross gehört an dem Wagen, der Ochs an den Pflug.
Wie die Rosse ziehen, so geht der Wagen.
Ane avec le cheval n'attèle.
Il ne faut pas lier les ânes avec les chevaux.
Pferd und Esel darf man nicht in ein Joch spannen.
Gleiche Pferde ziehen am besten.
Mit ungleichen Pferden ist übel ackern (fahren).
Pferd und Kuh spannen schlecht zusammen.

Жеребецъ и кобыла могутъ равно плугъ тянуть:

Hengst und Stute ziehen am Pfluge gleich.

Но даже усталый жеребецъ работаетъ лучше мерина:

Ein müder Hengst zieht besser, als ein ausgeruhter Wallach.

Всѣмъ извѣстна русская поговорка:

Пѣшій конному не товарищъ,

и обратно

Конный пѣшему не товарищъ,

однако, существуетъ цѣлый рядъ иностранныхъ изреченій на ту тему, что и пѣшкомъ хорошо ходить тому, у кого лошади нѣтъ,

или кто коня подъ уздцы ведетъ, кто, значитъ, когда устанетъ, на коня присѣсть можетъ.

It's good to go on foot when a man has a horse in his hand (Хорошо пѣшкомъ ходить, когда лошадь въ рукѣ ведешь).

Chi ha buon cavallo in stalla puol andar a piedi, quando vuole (У кого хорошая лошадь на конюшнѣ, можетъ, сколько хочетъ, ходить пѣшкомъ).

Il fait toujours bon tenir son cheval par la bride.

Il est bien aisé d'aller à pied, quand on tient son cheval par la bride.

Tel a bon cheval qui va bien à pied.

A l'aise marche à pied qui mène son cheval par la bride.

Es hat mancher ein gut Pferd und geht doch zu Fuss.

Neben dem Pferde ist gut zu Fuss gehen.

Кто имѣетъ запасную лошадь—не устанетъ (Арм. Закав. кр.).

Конный надъ пѣшимъ смѣется, а объ ину пору и пѣшій надъ конным посмѣется (Татар. Закав. кр.).

У кого и быть хорошимъ лошадямъ, какъ не у короля, говорила старая французская пословица:

Qui aura de beaux chevaux, si ce n'est le Roy?

Однако, цѣлый рядъ весьма разумныхъ изреченій учитъ тому, что для того, чтобы имѣть хорошихъ лошадей, мало ихъ пріобрѣсть, какъ бы дорого за нихъ ни было заплачено, а нуженъ за лошадьми внимательный уходъ, нуженъ хозяйскій глазъ, нужны хорошее содержаніе и кормленіе. Купить хорошую лошадь не мудрено—были бы деньги, да въ выборѣ удача:

Удача — кляча, садись да скачи,

а за конемъ ухаживать какъ слѣдуетъ, вотъ въ чемъ искусство добраго хозяина, который самъ долженъ за лошадью смотрѣть, иначе чужіе люди ее испортятъ:

Ein Pferd kaufen ist keine Kunst, aber es pflegen.

Надзоромъ и лошадь сыта.

Отъ хозяйскаго глаза и конь добрѣетъ.

L'occhio del padrone ingrassa il cavallo (тоже).

The masters eye makes the horse fat (тоже).

Wer sein Pferd durch andere füttern lässt, wird bald zu Fuss gehen.

Des Herren Auge macht das Pferd fett.

Oculus domini saginat equum (Лат.).

L'oeil du maître engraisse le cheval.

Das Augen des Herren füttert das Pferd wohl.

У двухъ хозяевъ лошадь всегда худа, не объѣстся, говорятъ поляки и нѣмцы, а англичане замѣчаются, что общая лошадь всегда хуже всѣхъ подкована:

Dwoch panów koń zawsze chudy.

The common horse is worst shoed.

Ein Pferd das zwei Herren hat, überfrisst sich nicht.

Кто за своею лошадью не ухаживаетъ и ее не кормитъ, тотъ не достоинъ ее и имѣть, и заслуживаетъ того, чтобы самому ходить пѣшкомъ:

Wer sein Pferd nicht pflegt und nährt, ist des Thiers nicht Werth.

Gdzie koń chudy, tam pan odarty (Польск.— Гдѣ конь худой, тамъ хозяинъ бѣденъ).

Bien mérite d'aller à pied, qui n'a soin de son cheval.

Лошадь надо и холить, и чистить, тогда она и здорова будетъ.

Geputztes Pferd — gesundes Pferd.

Поляки въ отношеніи требовательности къ уходу сравниваютъ лошадей съ дѣвицами и съ виномъ:

Koń, panna i wino wielkiego ochędòstwa potrzebują (Польск.— Лошадь, дѣвица и вино требуютъ старательнаго за собой ухода),

а всего чище и глаже будетъ лошадь, которую какъ слѣдуетъ овсомъ кормятъ:

Не гладь лошадь рукой, гладь овсомъ.

Овесъ и чиститъ, и гладитъ.

У лошади отъ овса рубашка закладывается.

Сѣномъ лошадь что копну набьешь (сѣномъ лошадь требушину набиваетъ), а отъ овса на тѣлѣ рубашка закладывается,

т. е. формы лошади круглѣютъ, подкожное сало по всему тѣлу откладывается. Лишь при надлежащемъ кормленіи лошади можно отъ нея и надлежащей работы требовать; у хозяина, который скупится на кормъ, лошади тощаютъ.

Не лошадь, а кормъ везетъ.

Не кони везутъ — овесъ везетъ.

Не ногами конь — брюхомъ везетъ.

Cheval mal nourri ne va pas loin.

Le meilleur fouet pour faire tirer le cheval — c'est l'avoine.

Не погоняй кнутомъ, погоняй мѣшкомъ.

Погоняй коня не кнутомъ, а овсомъ (тоже Кирг.).

Не торопись ѣхать, торопись кормить.

Не торопи ѣздой, торопи кормомъ.

Не спѣши гонить, а спѣши кормить.

Не спѣши ѣздой, а спѣши кормомъ.

Умѣешь ѣздить—умѣй и кормить.

Не кормя — далеко не уѣдешь.

Либо корму жалѣть, либо лошадь.

На лошадь не плеть покупай, а овесъ.

Напередъ покорми, а тамъ похлещи (лошадь).

Кормъ коня дороже (краше), т. е. на хорошемъ корму и плохая лошадь хорошей сдѣлается.

Если будешь погонять лошадь плетью — пѣшій будешь ходить (Кирг.).

Конь тощой — хозяинъ скупой.

Il ne faut jamais épargner l'avoine, quand on a besoin du cheval.

Ohne Futter bleibt das beste Pferd stehen.

Das Futter ist theurer, als das Pferd.

Was man am Heu spart, muss man an der Peitsche zulegen.

Jak dasz koniom jeść, tak cię będą wieźć (Польск. — Какъ лошадей кормишь, такъ онѣ тебя и везутъ).

Chudy koń rychło ustanie (Польск. — Тощая лошадь скоро устаетъ).

Kto konia pilnuje workiem, ten nie potrzebuje popędzać go kołkiem (Польск. — Кто лошадь хорошо содержитъ, тотъ можетъ ѣздить безъ кнута).

Пѣснею коня не накормишь.

Дай подъ носъ (т. е. покорми лошадь), а тамъ задавай подъ хвостъ (т. е. погоняй).

Время, въ теченіе котораго лошадь можетъ проходить въ сохѣ безъ отдыха и корму, называется въ Сибири «выпряжъ».

За кормъ лошадь хозяину хорошо—иногда лучше человѣка—отплатитъ, а голодная только въ убытокъ его введетъ или пѣшкомъ ходить заставитъ:

Сытый конь — богатырь, голодный — сирота.

Кормлена лошадь—такъ и добра (богатъ мужикъ — умснъ).

Какова ѣда — такова и хода.

Есть у лошади кормъ — будетъ и у мужика въ полѣ хлѣбъ.

Накорми лошадку—самъ спасибо ей скажешь—сытъ будешь.

Gut gefüttert Pferd spielt mit dem Pflug.

Die beim Pferd das Futter sparen, werden schlecht fahren.

Giebt man dem Pferd nicht Futter genug, so zieht er weder Wagen noch Pflug.

Wer gut füttert, hat gut fahren.

Гладь коня мѣшкомъ — не будешь ходить пѣшкомъ.

Погоняй коня мѣшкомъ—не будешь ходить обуткомъ (Смол. губ.).

Коли будешь ходить коло (около) коня съ мѣшкомъ, не будешь ходить пѣшкомъ (Смол. губ.).

Daj koni owiowsa i goń go iak psa (Польск.—Дай коню овса и гони его, какъ пса).

Давай коню оброку — пріидешь къ сроку (Бѣлор.).

Mit einem erhungerten Pferd macht man keine weite Tagereisen.

Wer mehr hinter die Pferde legt, als vor sie, der füttert sie nicht lange.

Ein kluges Pferd verdient sein Hafer besser, als ein dummer Knecht sein Brot.

Ein erhungert Pferd ackert schlecht.

Al cavallo—biada e strada (Лошади—овесъ, да дорога).

Кормъ надо выбирать по лошади и по той работѣ, которая отъ нея требуется. Нѣкоторыя лошади такъ плохи, что ихъ не стоитъ и кормить. Глядя по корму, лошадь къ той или иной работѣ наиболѣе пригодна; такъ, соломенная лошадь (т. е. получающая въ кормъ одну солому), для пахоты не годится, сѣнная въ ѣзду идетъ плохо. Нѣсколько своеобразныя понятія на этотъ счетъ выражаются во французскихъ изреченіяхъ, утверждающихъ, что для войны и для работы всего пригоднѣе соломенная лошадь, сѣнная же не годится никуда и т. п. Кормъ пригодный для воловъ, не годится для лошадей.

По лошади и кормъ.

Въ худого коня кормъ травить, что въ худую корзину воду лить (напрасно).

Не въ коня кормъ травить.

Сѣннымъ конемъ не ѣздить, соломеннымъ—не орать.

Сѣннымъ конемъ не воевать.

Безъ хлѣбнаго корму лошадь на кнутѣ ѣдетъ.

Просеным конемъ не наработиться (Подольск. губ.).

Сіннимъ конемъ и соломъянымъ воломъ не далеко заідешь (Малор.).

Das Pferd ist seines Futter Werth

Man muss nicht ein Pferd füttern, wie das Andere.

Es ist ein armes Pferd, das sein Futter nicht verdient.

It is a bad horse, that does not earn ist fodder (Плоха та лошадь, которая себѣ кормъ не заработаетъ).

Cheval de foin ou de regain (regain—отава) cheval de rien; cheval d'avoine — cheval de peine; cheval de paille—cheval de bataille.

Dem Pferde der Hafer, dem Esel das Stroh.

Коневи дай вівса, а волови—соломи — та и ідь по поволі (Малор.).

Лошади — сѣно, собакѣ — мясо (Татар. Зак. край).

Дай коневі полови (мякины), будетъ робить поволі (Малор.).

Вола гущей накормишь — коня гущей распучишь (раздуетъ).

Si ta bête au dehors travaille donne lui de la paille; quand elle reste à la maison, donne lui du son.

A horse, that will not carry a saddle, must have no oats (Лошадь, которая сѣдла не хочетъ носить, не получитъ и овса).

Orzo e paglia fanno caval di battaglia (Ячмень и солома дѣлаютъ боевую лошадь).

Caval di paglia—caval di battaglia (Соломенный конь—боевой).

Исправно кормить лошадь прямой разсчетъ, чѣмъ тратить кормъ безъ толку, давать когда много, когда мало:

Сытая лошадь меньше ѣстъ,

— но и закармливать лошадь тоже не годится, особенно, если ее для бѣговъ приготовляютъ:

Man muss das Pferd nicht überfüttern.

Auch nach einer guten Haferernte muss man die Pferde nicht überfüttern.

Ein überfüttert Pferd hat für die Rennbahn keinen Werth.

Кормить лошадей надо своевременно, загодя, а не передъ самой работою; всего лучше даже наканунѣ.

Когда коней сѣдлать, тогда овсянку заваривать (поздно).

Es ist zu spät das Pferd aufzufüttern, wenn es ziehen soll (wenn man fahren will).

Mit dem Futter ven gestern geht das Pferd, mit dem Futter von heute ist' s nichts Werth.

Добрая лошадь отъ ѣды согрѣвается:

Ein gutes Pferd wird warm beim Futter.

Bonne bête s'échauffe en mangeant.

Одного кормленія, даже и самаго обильнаго, для лошадей мало, нужно, чтобы и уходъ за ними былъ хорошій и чтобы ихъ не мучили черезъ силу работой:

Овса полны ясли, а кони изгасли (плохой уходъ).

Не корми лошадку тѣстомъ, да не нудь ее ѣздомъ.

Кормъ нужно задавать во время, иначе, не дождавшись корму, лошадь и издохнуть можетъ, а тогда ужъ кормить ее поздно:

While the gras grows, the steed starves (Пока трава вырастетъ, жеребецъ издохнетъ).
Mentre che l'erba cresce, il cavallo muor di fame (тоже).
Ne meurs, cheval, herbe te vient.
Das Pferd stirbt oft eh'das Gras wächst.
Wenn das Pferd todt ist, kommt der Hafer zu spät.

Голодный конь на ѣду не разборчивъ:

На голоднаго коня травы въ полѣ много.
Нѣтъ овса—не прогнѣвайся соломки.

Дороги корма—и лошади худы:

Quand la farine est chère, les chevaux sont maigres.

Гдѣ лошадка привязана, тамъ ей и кормиться:

Das Pferd muss fressen, wo es angebunden ist.

Кормъ лошади не въ тягость:

Das Futter ist dem Pferde nicht schwer.

Кормомъ всякую лошадь приманить и приручить можно:

Wer ein scheues Pferd will zähmen, muss eine Metze Hafer nehmen.
Пустой сумой лошади не поймаешь (Татар. Закавк. кр.).

Если лошадь слишкомъ жадно на кормъ бросается, то надо недоуздокъ короче подвязывать, или кормушку ставить выше:

A cheval glouton licol pas trop long.
Einem übermüthigen Pferde muss man den Hafersack höher hängen.

Рабочую лошадь надо зимой хорошо содержать, тогда она и лѣтомъ хорошо проработаетъ, и въ зиму опять незаморенной пойдетъ:

Wie man das Pferd aus dem Winter bringt, so bringt man es auch wieder hinein.

Брыкливую норовистую лошадь надо въ конюшнѣ отдѣльно держать, чтобы она другихъ не попортила:

A cheval hargneux étable à part.

Часто употребляются иносказательно слѣдующія поговорки, указывающія, что лошадь должна искать, зарабатывать себѣ кормъ, а отъ хорошаго житья никто не уйдетъ:

Ясли за конемъ не ходятъ.	Die Krippe kommt nicht zum Gaul.
Не ясли до коней ходятъ, а кони до ясель (Малор.).	Die Krippe kommt nicht dem Pferde nach.
Добрый конь не безъ сѣдока, съ сѣдокомъ—не безъ корму.	
Отъ корма кони не рыщутъ (отъ добра добра не ищутъ).	Das Futter sucht das Pferd nicht.

Какъ часто бываетъ въ жизни и не съ однѣми лошадьми, наилучшее житье достается не тѣмъ, кто всего болѣе работаетъ:

Рабочій конь на соломѣ, а пустоплясъ—на овсѣ.
Cheval faisant la peine ne mange pas l'avoine.
Die Ackerpferde fressen am wenigsten.

Усерднымъ въ работѣ лошадямъ и побои наибольшіе достаются:

On touche toujours le cheval qui tire.
The horse, that draws most, is most whipped (Лошадь, которая больше всего везетъ, больше всего и хлещутъ).
The horse, that draws, must be whipped.
Das Pferd, das am besten zieht, bekommt die meiste Schäge.

Лошади же, которая вовсе не везетъ, какъ и коровѣ, которая молока не даетъ, одна дорога—на бойню:

Ein Pferd, das nicht zieht, und eine Kuh, die keine Milch giebt, gehören dem Metzger.

Содержать лошадей—задача не легкая. Чтобы онѣ хорошо водились, не слѣдуетъ ихъ слишкомъ часто мѣнять,—совсѣмъ безъ коней останешься, а пропали—завести ихъ опять дѣло не легкое:

Кто коней мѣняець—у того хомутъ гуляець (Бѣлор.).
Коники не кролики: что мѣсяць—не выводзюцця (Бѣлор.).
Wer alle vierzehn Tage einen anderen Gaul in seinen Stall stellt, der muss bald selbst den Wagen ziehen durch die Welt.

Надо лошадей беречь, чтобы ихъ не украли; когда лошадей увели—запирать конюшню поздно, говорятъ французы:

Il n'est plus temps de fermer l'écurie quand les chevaux sont volés.

Содержаніе лошадей требуетъ ума и разсчета. Кто держитъ слишкомъ много лошадей и собакъ, а также птицъ и слугъ, тому и до разоренія не далеко:

Pferde fressen einen Mann, der sie mit Rath nicht halten kann.
Viel Pferde und viel Hunde machen einen Herren bald zum Bauer.
Pferde, Hunde, Vögel und Bedientenschwarm machen den reichsten Besitzer arm.
Kto trzyma dużo psów i koni, taki rychło majątek ztrwoni (Польск. — У кого много собакъ и лошадей, тотъ скоро все свое состояніе растратитъ).
Chevaux, chiens, oiseaux et serviteurs gâtent, mangent et écorchent les seigneurs.
Cavalli, cani, uccelli e servitori ruinano e signori (тоже).

Соотвѣтственныхъ поговорокъ по-русски нѣтъ, что и не удивительно: крестьяне лишнихъ лошадей, собакъ, птицъ, а тѣмъ болѣе слугъ не держатъ; господа же, къ которымъ подобныя изреченія могутъ относиться, поговорокъ не слагаютъ.

Есть, затѣмъ, нѣсколько относящихся до лошадей поговорокъ, которымъ въ вышеприведенномъ изложеніи не нашлось соотвѣтственнаго мѣста, но которыхъ, тѣмъ не менѣе, не желательно было бы совсѣмъ обойти молчаніемъ. Таково, между прочимъ, указаніе на то, что лошади бываютъ сыты—получаютъ всего болѣе овса, въ тѣ годы, когда сѣно черно, т. е. въ годы дождливые, когда сѣно отъ сырости портится, но зато прекрасно родится овесъ.

Травы черны—лошади кормны.
Когда черное сѣно,—тогда и лошади сыты.

У кого нѣтъ ни лошади, ни телѣги, говорятъ французы, не нагружаетъ воза, когда хочетъ:

Qui n'a cheval, ni chariot, il ne charge pas, quand il veut.

Кто скакать не можетъ, поѣзжай рысью:

Qui ne peut galopper, qu'il trotte.

Большой лошади большой и бродъ, говоритъ французская пословица, которую можно привести въ параллель съ нашей русской:

A grand cheval—grand gué. Кобылкѣ бродъ—куницѣ потопъ.

Il vaut mieux être cheval que charrette.
Qui trop s'aventure—perd cheval et mule и т. п.

За конемъ не всякій угоняется, хотя многіе и хотѣли бы съ нимъ сравняться:

Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.

Не конь, такъ не лѣзь въ хомутъ.
Коня куютъ, а жаба лапу подставляе (Волын. губ.).
Саврасъ безъ узды,

— наименованіе, часто примѣняемое у насъ къ человѣку шалому, сумасбродному, распущенному, который безъ толку рвется невѣдомо куда. Также нерѣдко примѣняется къ людямъ молодымъ, да неопытнымъ, еще не изнѣдавшимъ жизни, поговорка:

Лошадь молодая — первая голова на плечахъ и шкура не ворочена.

Наконецъ, на ряду съ поговорками о лошадяхъ, поминаютъ у насъ и важнаго въ сельскомъ быту человѣка—коновала. Извѣстно, что коновалы ходятъ по деревнямъ, обвѣшанные своимъ «струментомъ»,—разными принадлежностями своего ремесла, почему поговорка и говоритъ:

По снасти коновала знать.

Итальянцы сопоставляютъ лошадь съ муломъ, и говорятъ, что у лошади овесъ идетъ въ тѣло, а у мула—въ ноги:

Il cavallo vuol biada in corpo, e il mulo nelle gambe,

— мулъ на ноги крѣпокъ, если его кормить какъ слѣдуетъ. Мулы и лошаки представляютъ, какъ извѣстно, продуктъ скрещиванья лошади съ осломъ, при чемъ отъ кобылы, слученной съ осломъ, родится мулъ, а отъ жеребца съ ослицею—лошакъ:

L'âne et la jument font le mulet.
Хвалится лошакъ родомъ-племенемъ,

— т. е. своимъ происхожденіемъ отъ благороднаго животнаго, коня,—поговорка ироническая, примѣняемая иногда къ людямъ, которые хвалятся своими предками. Кто муломъ родился — никогда не станетъ лошадью, замѣчаютъ итальянцы:

Chi nasce mulo non diventa mai cavallo.

Они же говорятъ про мула, что онъ, хотя и хорошее животное, но злое:

Mulo, buon mulo, ma cattiva bestia,

— а французы отмѣчаютъ его злопамятство, которое, будто бы, семь лѣтъ продолжается:

La rancune d'un mulet dure sept ans.

Любопытны слѣдующія два грузинскихъ повѣрья про муловъ, которыхъ на Кавказѣ называютъ катерами:

Женщина, проѣхавшая хоть разъ на катерѣ, никогда не будетъ имѣть дѣтей,—повѣрье, основанное на томъ, что катера бываютъ неплодящи. Однако, тѣ же грузины увѣряютъ, что, если катеръ ожеребится (что будто бы иногда бываетъ, хотя крайне рѣдко), то родится быстрая удалая лошадь.

Проословъ, которыхъ нашъ народъ знаетъ больше по наслышкѣ, у насъ поговорокъ очень мало, но много ихъ у иностранцевъ, особенно у нѣмцевъ и французовъ. Бо́льшею частью эти поговорки обрисовываютъ упрямство осла, поминаютъ его длинныя уши,— нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ смыслъ иносказательный:

Хоть съ упинкой, да идетъ оселъ.

Осла знать по ушамъ (медвѣдя — по когтямъ, а дурака — по рѣчамъ).

Осла съ волкомъ не четаютъ.

Какъ животное, оселъ ставится много ниже лошади, которая пользуется его трудами:

Когда нѣтъ лошади, и оселъ — скотина (Сарт. Турк. кр.).

Сядь на осла, пока не найдешь лошади (Татар. Закавк. кр.).

Ослу битье, лошади — ѣзда (Авар. Закавк. кр.).

Что оселъ заработаетъ, то лошадь съѣстъ (Татар. Закавк. кр.).

Die Esel tragen den Hafer nach dem Hofe und die Pferde fressen ihn.

Оселъ либо дрова возитъ, либо воду (Татар. Закавк. кр.),

— а на конѣ скачетъ джигитъ.

На ослахъ работаютъ только при неимѣніи лошадей или воловъ:

Faute de boeuf ou de cheval, fais labourer ton âne, bien ou mal.

Голодъ и осла прыткимъ сдѣлаетъ.

Проголодавшійся оселъ быстрѣе коня побѣжитъ (Татар. Закавк. кр.).

Однако, бѣгъ его не дологъ:

Trotto d'asina poco dura.

Trot d'âne, paille au feu, dureront rien ou peu.

Заставятъ осла бѣжать и битье, либо пришпориванье.

Auch ein fauler Esel trabt, wenn man ihm stachelt.

Ane piqué convient qu'il trotte.

L'asina non va mai senza bastone (Оселъ безъ палки никогда не пойдетъ).

Упрямому ослу крѣпкая шпора и суровый погонщикъ:

A dur âne — dur aiguillon.

A dur âne rude ânier.

Ослу мудрость на спинѣ прописываютъ:

Dem Esel schreibt man die Weisheit auf dem Rücken.

У погонщика своя думка, а у осла другая:

Ce que pense l'âne, ne pense l'ânelier,

— первый думаетъ о томъ, какъ бы заставить осла работать, а второй — какъ бы отъ работы отлынять.

Силою осла можно пользоваться, а молоко его въ пищу, обыкновенно, не употребляется; поэтому, сарты говорятъ:

У осла сила чистая, а молоко не чистое.

Оселъ, какъ и мулъ, злопамятенъ; память у него, вообще, хорошая, такъ что онъ хорошо запоминаетъ также и опасныя мѣста, которыхъ потомъ навсегда остерегается:

L'âne garde longtemps un coup de pied à son maître (l'âne est rancunier).

Un âne ne trébuche pas deux fois contre la même pierre.

Where ever an ass falleth, there will he never fall again (Гдѣ оселъ разъ упалъ, тамъ уже никогда не упадетъ вторично).

Wo sich der Esel einmal stösst, da nimmt er sich in Acht.

Tant va l'âne au moulin, qu'il en sait le chemin.

Гдѣ оселъ въ грязи разъ увязъ, туда — хоть умри — въ другой разъ не пойдетъ (Татар. Закавк. кр.),

— уже одно сходство этихъ изреченій у разныхъ народовъ показываетъ, что особенности ослинаго характера подмѣчены въ нихъ вѣрно. Къ достоинствамъ осла относятъ его терпѣливость:

La patience est la vertu des ânes.

Судьба осла — носить тяжести; къ этому онъ наиболѣе пригоденъ, но перегружать ношей его не слѣдуетъ. Верховой ло-

шади изъ осла не выйдетъ; лучше оселъ, который несетъ всадника, нежели конь, который его сбрасываетъ, или левъ, который человѣка растерзаетъ. Если же оселъ возитъ удобреніе, то честь ему такая же, какъ и верховому коню:

An ass, that carries a load, is better, than a lion that devours a man (Лучше оселъ, который тяжесть везетъ, нежели левъ, который человѣка растерзаетъ).

Надѣнь на осла сѣдло — лошадью не станетъ (Кюрин. Зак. кр.).

Aus dem Esel wird kein Reitpferd.

Ein Esel, der Dünger führt, ist so ehrlich, als ein Reitpferd.

La surcharge abat l'âne.

Viel Säcke sind des Esels Todt.

Der Esel soll Säcke tragen.

Besser ein Esel, der mich trägt, als ein Pferd, das mich schlägt (abwirft).

Всѣмъ извѣстна нѣмецкая поговорка о томъ, что живой оселъ дороже мертваго льва (или мертвой лошади):

Ein lebendiger Esel ist mehr Werth, als ein todter Löwe (ein todtes Pferd),

и другая, нѣмецкая же, о томъ, что на слѣпомъ ослѣ далеко не уѣдешь:

Auf einem blinden Esel reitet man nicht weit.

Французы говорятъ, что состарившійся оселъ ничего не стоитъ:

Ane vieux ne vaut plus rien.

Худого осла, какъ и худую лошадь, мухи поѣдомъ ѣдятъ:

Quand l'âne est maigre, les mouches le piquent.

Непріятный и характерный звукъ ослинаго рева, не имѣющій, какъ замѣчаютъ нѣмцы, ничего общаго съ пѣніемъ соловья, отмѣчается во многихъ поговоркахъ:

Am Schreien erkennt man den Esel.

Der Esel muss I-a sagen.

Der Esel und die Nachtigall singen nicht gleich.

Braîment d'âne ne monte pas au ciel.

Un âne chargé d'or (paré) ne laisse pas de braire.

Ослу его ревъ нравится (Татар. Закавк. кр.).

Voce di asino non va al cielo (Ослиный голосъ до неба не доходитъ).

Ословъ знаютъ по шерсти; они и съ молоду бываютъ сѣды,

всѣ другъ на друга похожи, и другъ другу нравятся; бываютъ ослы и бѣлые, но они сѣрыхъ не умнѣе:

Al pelo si conosce l'asino.
Der Esel hat von Jugend aus graue Hahre.
Ein weisser Esel ist nicht kluger, als ein grauer.
Il y a maints ânes en la foire qui s'entre ressemblent.
A âne l'âne semble très beau.

Отъ осла шерсти не спрашивай:

Vom Esel kann man nicht Wolle fordern.

Оселъ имѣлъ высокую честь нести на себѣ Іисуса Христа, при входѣ Спасителя во Іерусалимъ; у французовъ есть повѣрье, что въ воздаяніе за эту услугу Господь его отмѣтилъ крестомъ на спинѣ:

L'âne a eu l'honneur de porter Jésus Christ; en signe de reconnaissance, Notre Seigneur l'a marqué au dos du signe de la croix.

Покровителемъословъ во Франціи считается Св. Мартынъ; поэтому, имъ тамъ, какъ и въ Германіи, даютъ всего чаще имя въ честь этого святого, который и сѣно для ословъ запасаетъ:

Saint Martin fait toujours du foin pour son âne.
Il y a plus d'un âne à la foire qui s'appelle Martin.
Es ist mehr als ein Esel, der Martin heisst,

— впрочемъ, послѣднія двѣ поговорки примѣняются и къ людямъ: бываютъ и между ними Мартыны, которые не умнѣе ословъ...

Въ отношеніи корма и содержанія ословъ есть нѣсколько поговорокъ, близкихъ къ тѣмъ, которыя относятся до лошадей. Голодный оселъ всякую солому ѣстъ, но всего милѣе ослу колючки, которыя для него дороже овса и розъ, и даже во снѣ ему снятся:

Le pas de l'âne se règle sur l'orge (qu'on lui donne),

— сколько оселъ корма получаетъ, такъ онъ и ходитъ.

Ein hungriger Esel frisst jedes Stroh.
L' asino che ha fame mangia d'ogni strame (тоже).
Der Esel träumt von Disteln, wenn man ihn auch mit Hafer füttert.
Disteln sind dem Esel lieber, als Rosen.
Ein hungriger Esel sieht eine Distel von weiten.

Не осламъ медъ лизать, говорятъ англичане, но оселъ неприхотливъ, и соломкой довольствуется:

It is not for asses to lick honey.

Не обижается оселъ, если овесъ достается лошади, а ему только овсяная солома, которую онъ цѣнитъ больше золота:

Dem Esel gehört Haferstroh, dem Pferde der Hafer.
Der Esel will lieber Stroh, als Gold.

Глупъ тотъ оселъ, который передъ яслями проголодается ослы, вообще, живутъ другъ съ другомъ мирно и дерутся только тогда, когда въ ясляхъ корму нѣтъ; однако, они любятъ лягаться и потому къ нимъ совѣтуютъ не подходить сзади, какъ нельзя подходить спереди къ быку:

Es ist ein dummer Esel, der vor der Krippe verhungert.
Un asino non mangia l'altro (Оселъ осла не ѣстъ).
Quand il n'y a point de foin au ratelier, les ânes se battent.
Den Esel meide von hinten, den Ochsen von vorn.

Всего хуже живется тѣмъ осламъ, у которыхъ нѣсколько хозяевъ; ихъ скорѣе всего и волкъ съѣстъ. Въ поговоркахъ, которыя объ этомъ говорятъ, повторяется не разъ высказываемая западно-европейцами мысль о печальныхъ послѣдствіяхъ общаго владѣнія:

L'âne de tous est mangé par les loups.
L'âne du commun est toujours le plus mal bâté.

Упомянутое выше происхожденіе, отъ скрещиваніяословъ съ лошадьми, муловъ (катеровъ) и лошаковъ, есть явленіе искусственное, вызываемое человѣкомъ ради его собственныхъ нуждъ, что и отмѣчается въ мингрельскомъ изреченіи:

Оселъ для себя осла рождаетъ, для другихъ—катера (Мингр.).

Нѣмцы отмѣчаютъ способностьословъ вѣрнымъ шагомъ и безъ головокруженія идти надъ самыми крутыми обрывами, почему они и наиболѣе пригодны для путешествія въ горахъ:

Einem Esel schwindelt nicht, wenn er auch über Abgründe geht.

Нѣмцы же увѣряютъ, что уословъ, какъ и у обезьянъ, наиболѣе развито материнское чувство: и тѣ и другія, будто бы, болѣе всѣхъ привязываются къ своему потомству:

Esel und Affen lieben ihre Jungen am meisten.

Любопытно повѣрье, существующее въ западной Европѣ, что ословъ и даже ихъ останки никогда будто бы не поражаетъ молнія:

L'âne est le seul animal respecté par la foudre.

На основаніи этого повѣрья, въ Трансильваніи на верху новаго дома втыкаютъ ослиный черепъ, чтобы предохранить домъ отъ молніи.

Въ заключеніе остается упомянуть про изреченія, свидѣтельствующія о томъ, что не всегда ослы бываютъ съ длинными ушами, не всѣ ослы на четырехъ ногахъ ходятъ...

Si trovano molti asini senz'orecchie lunghe (Встрѣчается много ословъ и безъ длинныхъ ушей).

Es gehen nicht alle Eseln auf vier Füssen.

Это—изрѣченія уже иносказательныя, которыхъ есть и еще не мало, но они къ предмету настоящаго изложенія прямо не относятся и потому приводить ихъ здѣсь было бы неумѣстно.

III.

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТЪ.

Въ хозяйствѣ крестьянина крупный рогатый скотъ играетъ, послѣ лошади, важнѣйшую роль. Тамъ, гдѣ работаютъ на волахъ, какъ напримѣръ у насъ на югѣ, рогатый скотъ составляетъ главную рабочую силу, при чемъ молочныя свойства его отходятъ, обыкновенно, уже на задній планъ. Въ другихъ мѣстахъ скотъ разсматривается преимущественно съ точки зрѣнія приносимаго имъ молока. Наконецъ, всюду, гдѣ въ ходу удобреніе, крупный рогатый скотъ имѣетъ значеніе въ хозяйствѣ, благодаря доставляемому имъ навозу, который считается выше, по удобрительному дѣйствію его на нивы, навоза конскаго и въ особенности овечьяго. При такомъ значеніи крупнаго рогатаго скота въ сельскомъ хозяйствѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ народныхъ изреченіяхъ поминается скотъ безъ прямого указанія на тѣ или другіе виды его, слѣдуетъ прямо разумѣть скотъ крупный рогатый, т. е. быковъ, воловъ и коровъ:

Крестьянинъ скотинкой живетъ.
Каковъ хозяинъ — таковъ и его скотъ,

говоритъ русскій крестьянинъ, разумѣя въ данномъ случаѣ скотъ вообще. Такое же общее значеніе имѣетъ и киргизкая поговорка:

Безъ скота нѣтъ житья.

Слѣдующія изреченія относятся ближайшемъ образомъ къ скоту, какъ рабочей силѣ:

Безъ животовъ тягла не потянешь.

Волы, конь — тягло; корова, свинья, вивця — пидпомога (Малор., Харьк. губ.).

Горе безъ своего скота, безъ скотыны якъ безъ рукъ (Малор.).

По количеству содержимыхъ ими домашнихъ животныхъ, хозяева разные бываютъ:

У кого одинъ оселъ, у кого тысяча верблюдовъ (Татар. Зак. кр.).

Скотъ, какъ источникъ молока и мяса, поминается въ поговоркахъ:

Корова во дворѣ, такъ и харчъ на столѣ.

Былъ бы быкъ, а мясо (говядина) будетъ.

Рогатая скотына благословенна: и робыть, и на харчь иде (Малор., Харьк. губ.).

Якъ будутъ коровки, то будутъ и бычки, не голодны и діточки (Малор., Харьк. губ.).

Значеніе скота, какъ источника удобренія, выражается въ поговоркѣ:

Скота нѣтъ, и назему нѣтъ.

Въ южныхъ безлѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ топятъ кизякомъ (сушенымъ навозомъ) поминаютъ про скотъ еще и какъ про источникъ тепла:

Степнякъ хитеръ: дровъ нѣтъ — у коровы тепла просить.

Много ли степному селу тепла надо? завело село быка — и сыто, и нагрѣлось.

Печальное положеніе хозяйства безъ скота обрисовывается въ слѣдующихъ изреченіяхъ:

Безъ скотины самъ скотина (Смолен. губ.).

Безъ вола хата гола (Малор.),

и наоборотъ, при наличности скота крестьянину житье хорошее:

Добра годына, якъ водиться во дворѣ скотына (Малор.).

Всякое хозяйство приплодомъ стоитъ.

Хозяинъ — чѣмъ онъ красенъ и ясенъ, какъ не скотинкой? (Смол. губ.).

Якъ вілъ (волъ), да коса, такъ и грошей киса (Малор.).

При такомъ значеніи скота для хозяина, неудивительно, что народъ къ нему совсѣмъ особенно, не только какъ къ предмету выгоды или дохода въ хозяйствѣ, но прямо любовно относится.

Онъ отмѣчаетъ, что скотъ—Божья тварь, хотя и безсловесная, а потому надо ее беречь, да холить. Баба же—та и прямо не можетъ себѣ представить житья безъ коровы:

И скотъ—Божья тварь.
Всякій скотъ—Божья тварь (а иной человѣкъ хуже дьявола).
Блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ.
Chi non ha amore alle bestia non l'ha neanche ai cristiani (Кто скотины не любитъ, не будетъ любить и крещенаго люда).
Земля мать, а скотъ дѣти (Киргиз.).
Скотина грѣха не знаетъ.
Скотина не скажетъ, а пить—ѣсть хочетъ.
Скоцина безмовна—не скажець, што пиць хочець (Бѣлор.).
Человѣку слово дано—скоту нѣмота.
И скотына разумна—даромъ що не говорить (Полт. губ.).
Сторожка да обережка животы хранитъ.
Скотина сглазное дѣло, испортитъ не долго.
Человѣкъ не скотина, а и ту не долго испортить.
И скотину не долго испортить, не токмо человѣка.
Пусти бабу въ рай, она и корову за собой поведетъ.

Хотя скотина и разумна, однако, души у нея нѣтъ:

Въ скотинѣ одинъ паръ, а души нѣтъ,

— когда хотятъ сказать, что скотина издохла, не говорятъ, — «духъ вонъ», а «паръ вонъ»: «корова ногами задрыгала и паръ вонъ», т. е. издохла; точно также не говорятъ про скотину, что она «умерла»,—умираютъ только люди,—а пала, околѣла, издохла, истратилась. Это, однако, не мѣшаетъ крестьянину, а особенно его хозяйкѣ, въ горѣ по издохшей скотинѣ приписывать ей самыя лучшія качества, которыя стали цѣниться только послѣ ея смерти:

Была корова, такъ чортъ бы ее дралъ, а издохла — такъ и къ молоку добра была.
Та корова и падетъ, что молоко даетъ.
Та и молочная корова, которую волкъ съѣлъ.
Которая корова пала, та и по два удоя давала.
Что ни лучшая корова, ту и медвѣдь задралъ.
У околѣвшей коровы молоко бываетъ слаще (Арм. Зак. Кр.).

Безсловесна скотина, либо потому, что у нея языкъ великъ, либо—вѣрнѣе—потому, что Богъ ей говорить не велѣлъ:

Великъ языкъ у коровы — говорить не даетъ.

Великъ коровій языкъ — да лизуномъ прозвали.

И великъ лизунъ Богъ далъ коровѣ — да говорить не велѣлъ.

У вола (у коровы) языкъ довгъ (долгъ), да говорицъ не можецъ (не велѣно) (Бѣлор.).

Великій рітъ у вола, а говорити не може (Малор.).

Всякій скотъ за хорошій уходъ и кормъ хозяину благодаренъ, и съ лихвой ему за нихъ отплатитъ; нѣтъ пуще крестьянину бѣды, когда не только онъ самъ, но и скотъ его голодаетъ:

Лошадь бѣжитъ, корова молокомъ поитъ, овечка шерсть бабѣ даритъ, а всѣ то думаютъ: спаси Богъ того, кто насъ кормитъ (Коринфскій).

Бѣда велика, когда у мужика подводитъ съ голодухи бока, а нѣтъ пуще бѣды, когда и хозяинъ голоденъ, и у скотины безкормица (Коринфскій).

Пошануй (пожалѣй) худобу разъ, а вона тебе десять разъ пошануе (Подоль. губ.).

Нѣкоторымъ диссонансомъ къ вышеприведеннымъ изреченіямъ звучитъ малороссійская поговорка:

Скотина — то вòрогъ.

Столь же особнякомъ стоитъ уже цитированная однажды русская поговорка, опровергаемая множествомъ прямо ей противоположныхъ:

Животину водить — хлѣбу не угодить.

Вполнѣ противуположны ей иностранныя поговорки, доказывающія именно зависимость хлѣбопашества отъ скота:

Viehzucht ist des Ackerwerks Grunt und Fundament.

Avec les prairies on nourrit le bétail, le bétail donne du fumier, le fumier donne du blé.

Gutes Vieh, gutes Streu, reichlich Futter—giebt fetten Mist, reiche Ernten, viel Milch, viel Käs und Butter.

Grano e corna vanno insieme (зерно и скотъ идутъ вмѣстѣ).

Чтобы скотъ въ хозяйствѣ хорошо водился, нуженъ уходъ за нимъ, да кормъ, нужно, чтобы домовой скотину полюбилъ, нужно и счастье:

Скотинку (животинку) водить— не разиня ротъ ходить.

Животинкѣ водиться—гдѣ хлѣбъ родится.

Невидаль-корову купилъ! Будетъ ли на лѣто трава?

Животы, что голуби: гдѣ поведутся.

Животы, что голуби: гдѣ хотятъ, тамъ и сидятъ.

Скотину гладь не рукой, а мукой.

Wer Glück hat, dem kälbert ein Ochs (При счастьи и быкъ отелится).

Кому пашть (везетъ), у того и быкъ доитъ.

Ѣлъ бы сметану, да въ коровахъ нѣтъ талану.

Домовой не полюбитъ (скотину)—не что̀ возьмешь.

Та скотина не ко двору, которую хозяинъ (домовой) не валюбитъ.

Уходъ скоту—сыть, да холя, да убережь.

Das Auge des Herrn macht das Vieh fett.

The masters eye makes the ox fetten (Отъ хозяйскаго глаза жирѣетъ волъ).

Dozór, czystość, suche stanie za półkarmu bydłu stanie (Польск.— Присмотръ, чистота и хорошая подстилка — скоту за полкорма станутъ).

Но и ухода и корма еще мало, нужно, чтобы была Божья милость, безъ которой недолго бѣдѣ стрястись:

Скотина Божья роса: якъ солнце гляне, ничего не стане, якъ Богъ захоче, уся скотына вразъ пропаде (Малор., Хар. г.).

Кому Богъ помогаетъ, у того и волкъ скотины не таскаетъ (Киргиз.).

Непосредственными покровителями скота у насъ считаются Св. Георгій, Св. Власій и Св. Протасій; кромѣ того, у скота есть еще нѣсколько другихъ святыхъ покровителей, но уже второстепенныхъ.

Егорій да Власъ — всему богатству глазъ (Пензен. губ.).

Хоть всѣ глаза прогляди, а безъ Егорья за стадомъ не усмотришь.

Вся живая тварь у Егорья подъ рукой.

Св. Георгію молятся пастухи и бабы:

Въ поле стадо сгонять и Егорья окликать: храбрый ты нашъ Егорій, ты паси нашу скотину.

Егорій ты нашъ храбрый, ты спаси нашу скотину, въ полѣ и за полемъ, въ лѣсу и за лѣсомъ, отъ волка хищнаго, отъ медвѣдя лютаго, отъ звѣря лукаваго.

Защити мою коровушку, Св. Егорій, Власій и Протасій.

Св. Георгій охраняетъ скотъ отъ волковъ, которые слушаются его приказа:

Св. Егорій держитъ волка впроголодь, а то хоть бы и скота не водить.

Егорьевъ день — праздникъ пастуховъ.

Св. Власій точно также считается защитникомъ-покровителемъ скота. Его особенно и даже болѣе Юрія почитаютъ бабы:

Власьевъ день — боронй праздникъ.
У Власія и борода въ маслѣ.

Бабы Св. Власія окликаютъ:

Св. Власій, будь счастливъ на гладкихъ телушкахъ, на толстыхъ бычкахъ, чтобы со двора шли—играли, а съ поля шли—скакали.

Во Франціи покровителями домашняго скота считаются: Св. Власій (St. Blaise), также какъ и у насъ, затѣмъ Св. Іоаннъ Креститель (St. Jean Baptiste), St. Roch, Saint Néomage, Saint Hubert, Saint Cornéli. Въ день Св. Власія на волахъ не работаютъ и цѣлый день не выпускаютъ ихъ со двора, иначе съ ними могутъ приключиться разныя напасти.

У французовъ и у русскихъ крестьянъ существуетъ повѣрье, что волъ — святое животное, потому что онъ присутствовалъ при Рожденіи Іисуса Христа:

Волъ — святая кость; когда Божья Матерь прятала Младенца Христа отъ евреевъ, то волъ набрасывалъ сѣно на Христа, чтобы ему было тепло, а лошадь отбрасывала сѣно и ѣла; поэтому мясо вола можно ѣсть, а лошадь погана (Влад. губ.).

Le boeuf a assisté à la naissance du Christ; tout ce qui sert à son usage est sacré.

Съ этимъ связывается во Франціи еще и другое повѣрье, что въ Рождественскую ночь волъ получаетъ даръ слова. Въ это время французскіе крестьяне остерегаются ходить на скотный дворъ, такъ какъ въ 12 часовъ ночи волы, становясь на колѣни, славятъ Христа и если ихъ при этомъ увидѣть или подслушать ихъ разговоръ, то либо они сами умрутъ, либо хозяинъ. Чтобы волы лучше откармливались, не надо забывать напоить ихъ вечеромъ наканунѣ Рождества, между 11 и 12 часами ночи. Возвращаясь отъ ночной обѣдни (la messe de minuit), хозяинъ долженъ пре-

жде, нежели сѣсть за ужинъ (le réveillon), покормить скотъ, если желаетъ, чтобы онъ былъ здоровъ и благополученъ въ теченіе цѣлаго года.

Скотъ требуетъ хорошаго и, по возможности, теплаго помѣщенія. Въ теплѣ скотъ и ѣстъ вполовину меньше, замѣчаютъ нѣмцы.

Наживи хлѣвину, а послѣ скотину.
Заведи сперва хлѣвину, а тамъ и животину.
Telle étable — telle bête.
Wärme ist das halbe Futter.
Das Vieh ist wie der Stall.
Въ чужой загороди скота не наплодишь.

Какъ въ конюшнѣ совѣтуютъ держать козла, такъ на скотномъ дворѣ нужно имѣть пѣтуха:

Безъ пѣтуха на дворѣ и скотъ вестись не будетъ (Яросл. губ.)

Французы считаютъ, что въ хлѣвѣ пауки счастье приносятъ:

Les araignées portent bonheur dans les étables.

Французы же рекомендуютъ на скотныхъ дворахъ вѣшать вѣтви чемерицы (Helleborus), чтобы очистить воздухъ и предохранить скотъ отъ болѣзней.

Англичане особенно рекомендуютъ на подстилку ячменную солому — она хорошо впитываетъ мочу:

Barley strow good fodder, when the cow gives water.

При постройкѣ скотнаго двора надо заботиться о томъ, чтобы скотъ былъ, по возможности, огражденъ отъ солнца и отъ вѣтра:

Скотина, когда стоитъ на дворѣ, поворачивается всегда задомъ къ солнцу или вѣтру (Ворон. губ.).

При куплѣ-продажѣ крупнаго рогатаго скота, какъ и лошадей, соблюдаются одинаковые почти обряды, при чемъ такъ же важно, чтобы скотина пришлась ко двору и понравилась домовому (хозяину, сосѣду). Всѣ такого рода обряды, различные въ разныхъ мѣстахъ, перечислить невозможно, приведу только нѣкоторые изъ нихъ.

Какъ лошадь продаютъ-покупаютъ непремѣнно съ уздой или недоуздкомъ, такъ корову покупаютъ обыкновенно не иначе, какъ съ подойникомъ. Покупка скота вообще, а молочной коровы въ особенности, требуетъ большой осторожности и вниманія, чтобы не прошибиться. Такъ, напримѣръ, въ Воронеж-

ской губерніи совѣтуютъ при покупкѣ коровы выдоить немного молока на ладонь, затѣмъ потереть ладони,—если молоко будетъ тянуться при разнятіи ладоней, то корова хороша на сборъ молока и масла. Въ Ярославской губерніи, по разсказамъ г. Костоловскаго, при покупкѣ-продажѣ скота соблюдаются слѣдующія обрядности: ведя корову на ярмарку продавать, останавливаются на перекресткѣ, доятъ корову и затѣмъ полученнымъ молокомъ обливаютъ ей копыта и дѣлаютъ кресты на крестцѣ. Дѣлается это въ виду того, что на ярмаркѣ бываетъ всякій народъ, и корову могутъ сглазить, а крестъ на крестцѣ долженъ ее отъ сглазу предохранить.

Если новокупленная корова убѣгаетъ на прежнее мѣсто, откуда она приведена, то, чтобы отучить ее отъ этого, хозяйка обмываетъ квашню, въ которой ставится хлѣбъ, и этой водою поитъ корову; прежняя же хозяйка должна прогнать ее отъ себя помеломъ; послѣ этого корова уже не будетъ больше убѣгать. Купивъ корову (или лошадь) и выведя ее изъ прежней деревни, вырываютъ съ корнемъ первый попавшійся кустикъ, стегаютъ имъ животное и затѣмъ бросаютъ назадъ на дорогѣ. Этотъ обрядъ тоже имѣетъ назначеніемъ отучить новокупленную скотину отъ возвращенія на прежнее мѣсто. Когда корову подведутъ къ дому новаго хозяина, то послѣдній долженъ встрѣтить ее изъ открытаго окна своей избы хлѣбомъ-солью и скормить его «новокупкѣ» (послѣдняя называется еще «новолитка», отъ обычая пить «новые литки»). Далѣе, когда новокупленную скотину вводятъ во дворъ, то хозяинъ долженъ у подворотни постлать свой поясъ, который самъ всегда носитъ. Кладется еще и замокъ, которымъ запирается домъ. Новокупка должна черезъ замокъ (или черезъ желѣзо) и черезъ поясъ переступить. Замку, и вообще желѣзу, придаютъ волшебную силу: скотину, переступившую черезъ нихъ, никто не уведетъ со двора. При покупкѣ скота исполняются иногда нѣкоторые обряды и съ недобрымъ умысломъ; такъ, покупатель старается, незамѣтно для хозяина-продавца, уводя вновь пріобрѣтенную скотину со двора, прихватить небольшую часть навоза, вѣря, что вмѣстѣ съ навозомъ онъ уноситъ весь «водъ» скота у хозяина-продавца (Костоловскій); или еще, незамѣтно для покупщика, продавецъ гладитъ скотину по хребту, непремѣнно противъ шерсти и при этомъ выдеретъ клокъ шерсти, который втыкаетъ въ пазъ двора; проданное животное будетъ послѣ этого скучать по старомъ хозяинѣ и новаго не полюбитъ,

корова убавитъ молока и станетъ сохнуть. Вслѣдствіе этого стараются купить скотину изъ-подъ ножа, т. е. у мясника; къ обреченной на зарѣзъ скотинѣ будто бы никакая порча уже не пристанетъ. При покупкѣ скота на ярмаркѣ, если, какъ только отдать за нее деньги, она испражнится, то въ руку пойдетъ, а помочится, то въ руку не пойдетъ, хоть сейчасъ продавай (Ворон. губ.). Если купишь скотину вечеромъ, то не надо брать ее въ домъ сейчасъ, а оставить у стараго хозяина до утра, иначе она будетъ въ убытокъ (Ворон. губ.).

Въ Терской области быковъ и коровъ продаютъ непремѣнно съ налыгачемъ, или обрывкомъ веревки на шеѣ, иначе покупатель и не возьметъ; продавшій быка или корову беретъ налыгачь, къ которому привязано животное, въ полу и передаетъ купившему тоже въ полу, приговаривая: «пусть служитъ тебѣ на прибыль и на счастье».

Во многихъ мѣстахъ корову, какъ и лошадь, продаютъ не иначе, какъ съ поводкомъ; это выражается въ поговоркѣ:

Поводокъ отъ скотинки не отходитъ.

Проданную скотину совѣтуютъ выводить со двора въ заднія ворота.

Купившій корову кормитъ ее первое время солью на заслонкѣ, чтобы приручилась ко двору (Кубан. Обл.).

Когда хозяинъ купленную имъ корову или лошадь приведетъ и поставитъ въ свой хлѣвъ или конюшню, то долженъ раскланяться на всѣ четыре стороны и произнести: «Хозяинушка (домовой), вотъ тебѣ скотина! люби ее да жалуй, пой, корми, рукавичкой гладь, на меня не надѣйся». Если у скотины изъ шерсти искры съ трескомъ сыплятся — признакъ того, что ее домовой полюбилъ (Архан. губ.).

Если крестьянинъ, купивши корову и приведя ее на свой дворъ, первой ей броситъ сѣна, то она между другими коровами будетъ «набольшая»,— всѣ прочія ее бояться станутъ (Влад. г.).

Нѣмцы считаютъ, что при покупкѣ коровы нужно отдѣльно купить ея молоко и заплатить за него особую монету, иначе она доиться не будетъ.

Стремясь всячески задобрить домового, чтобы онъ къ скоту былъ ласковъ и добръ, крестьяне въ то же время стараются охранить скотину отъ вѣдьмъ, особенно въ ту пору, когда онѣ особенно опасны, напримѣръ, въ ночь подъ Ивановъ день. Такъ,

наканунѣ этого дня загоняютъ коровъ во дворы непремѣнно съ телятами вмѣстѣ, чтобы они сосали матокъ и не давали ихъ доить вѣдьмамъ. Съ этою же цѣлью въ Смоленской губерніи въ воротахъ скотнаго двора кладутъ страстную свѣчу и ставятъ образъ; если свѣча по истеченіи сутокъ окажется нетронутою, то все будетъ благополучно; если же найдутъ ее искусанною, то это значитъ, что ночью приходила вѣдьма, и скотъ будетъ болѣть. Въ Воронежской губерніи на Троицу ставятъ у воротъ клеченье изъ осины (то же, что май изъ березокъ въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ), чтобы вѣдьма во дворъ не ходила. Въ Германіи принято въ Иванову ночь давать скоту разныя травы съ мукою и солью, для предохраненія скота отъ болѣзней и т. п.

Предъ выгономъ скота весною первый разъ въ поле, мѣстами также соблюдаются разные обряды. Г. Костоловскій описываетъ одинъ изъ нихъ, исполняемый въ Ярославской губерніи. Утромъ въ назначенный для этого день хозяйка варитъ яйца, затѣмъ кто-нибудь беретъ свареное яйцо и катаетъ имъ по хребту каждой скотины. Катаютъ отъ головы къ хвосту и потомъ самое яйцо пускаютъ по навозу. То же самое продѣлываютъ съ лошадьми и овцами. Смыслъ обряда тотъ, чтобы скотъ отгулялся лѣтомъ такъ же кругло, какъ яйцо, а лошади, кромѣ того, бѣгали бы такъ же быстро, какъ быстро покатилось яйцо по навозу. Подъ конецъ церемоніи яйцо съѣдается.

Если у хозяина хлѣвъ хорошъ, при покупкѣ скота всѣ требуемыя обычаи соблюдены и домовой скотину полюбилъ, то будетъ

Корова въ хлѣву, какъ Адамъ въ раю.

Благополучіе скота въ то же время находится въ прямой зависимости отъ пастуховъ, которымъ народная мудрость поэтому удѣляетъ немало вниманія.

Каковъ пастырь, таково и стадо.	Wie der Hirt, so die Rinder.
Безъ пастуха не стадо.	Wie der Hirt, so der Hund.
Паси (считай) всякъ пастырь свое стадо.	Wachsamer Hirt, wachsamer Hund.
У семи пастуховъ — не стадо.	Bei vielen Hirten wird übel gehütet.
Куда водырь — туда и стадо.	Je mehr Hirten, je übler gehütet.
Добрый пастухъ не о себѣ печется — о скотѣ.	Много пастуховъ у стада—дольше спать будутъ (Голланд.).
Die Heerde folgt des Hirten Art.	Die Heerde folgt dem Treiber.

Пастухъ за пропасъ отвѣчаетъ (а польщикъ — полевой сторожъ — за просторожу).

Soll eine Heerde gut besthan, so muss sie gute Hirte han (haben).

Viel Hirten sind so schlimm, als keiner.

Je mehr Hirten, je mehr Zank.

Der Hirt berâth sich nicht mit den Ochsen.

Que chacun se mêle de son métier et les vaches seront bien gardées.

Взялся стадо пасти, такъ паси и нашу коровушку,

— говоритъ баба-хозяйка пастуху, выпуская въ первый разъ свою корову въ общее стадо на пастьбу.

Коровка съ поля — и пастуху воля.

Якъ снігъ упаде, та й пастухъ пропаде; якъ снігъ растане, та й пастухъ встане (Кіев. губ.),

— отпасши по осени скотъ, пастухи обходятъ всю деревню по дворамъ, собирая ломти хлѣба.

Пастухъ ради лѣта (а пчела ради цвѣта).

Въ пастухи наймешься — весь міръ (вся деревня) въ долгу.

У пастуха вся деревня въ долгу.

Иной разъ пастухи шалятъ, а на волка помолвка (покоръ).

Пастухи воруютъ, а на волка поклепъ.

Пастухи — за чубы, а волки — за овецъ.

Пастуховъ нѣтъ — скотъ разбродомъ ходитъ.

Пастухи вообще должны умѣть обращаться со скотомъ бережно, чтобы его не распугать, такъ какъ скотъ вообще очень чуткъ и пугливъ:

Не вспугнувъ стада — не пересчитаешь (Татар. Зак. кр.)

Выборъ пастуха—тоже задача не легкая; нерѣдко въ эту должность идутъ самые ледащіе или недобросовѣстные люди, но отъ этого всѣмъ приходится терпѣть:

Дешево волкъ въ пастухи нанимается, да деревня съ нимъ намается.

Бѣда, когда волкъ въ пастухахъ живетъ (лиса въ птичницахъ, а свинья въ огородницахъ).

Всего лучше, говорятъ нѣмцы, когда каждый хозяинъ самъ пасетъ свое стадо:

Wenn ein Jeder seine Heerde hütet, so wird wohl gehütet.

Wer nicht ins Hirtenhorn bläst, bekommt keine Milch.

Wer das Vieh hütet, soll der Milch geniessen.

Jeder hüte seine Kuh.
Melke jeder seine eigene Kuh.

Kto chce krowę doić, powinien ją paść (Польск. — Кто хочетъ корову доить, тотъ ее и пасти).

Очень много зависитъ, конечно, и отъ условій содержанія скота, о которыхъ подробно будетъ сказано ниже. Такъ, напримѣръ, сельское духовенство, которое во время своихъ періодическихъ обходовъ крестьянскихъ дворовъ въ праздники съ молебнами, собираетъ, въ видѣ доброхотной дани крестьянъ, массу краюхъ печенаго хлѣба, употреблямаго затѣмъ въ кормъ скоту, доводитъ своихъ животныхъ до такого хорошаго состоянія, что, по словамъ народной поговорки:

И корова попова смотритъ быкомъ.

Выборъ коровы при покупкѣ требуетъ, конечно, такой же осмотрительности, какъ и выборъ лошади, хотя признаки хорошей коровы виднѣе и ошибиться не такъ легко. Въ противуположность лошади—цвѣту шерсти у коровы большого значенія не придается, лишь бы она хорошо доилась, однако на этотъ счетъ есть совѣтъ такой, что хозяинъ долженъ выбирать корову (и лошадь) предпочтительно той масти, которая всего болѣе подходитъ къ цвѣту его собственной бороды (Смолен. губ.). Важнѣе обращать вниманіе на коровьи рога, на происхожденіе коровы, на ея возрастъ и на нѣкоторые внѣшніе признаки, упоминаемые въ нижеслѣдующихъ поговоркахъ:

Выбирай корову по рогамъ (а дѣвку по родамъ, т. е. по родству, по происхожденію отъ хорошихъ родителей).

Каковъ родъ, таковъ и приплодъ.
У молочной коровы просторны родники (разстояніе между сосцами).
У хорошей коровы просторны ѣдовики (впадины у переднихъ лопатокъ).
Солощая корова два вѣка доитъ (Новгор. губ.).
Красна баба повоемъ, а корова — удоемъ.
Пестрава красава, а буренка съ молочкомъ.
Не краса коровѣ, что часты пестрины.
Старую скотину хвали, да со двора вали.
Ist der Ochs bunt, man kauft ihn darum nicht desto theurer.
Die Kuh kostet nicht mehr, weil sie bunt ist.
De tout poil bonne bête.
Замашка воловья — глядѣть изподлобья.
Нужды нѣтъ, что плохо имя — было бы хорошо вымя!

Es ist gleich, wie die Kuh heisst, wenn sie nur gute Milch giebt.

Безъ имени (безъ вымени) корова — мясо.

Коровѣ ставится въ укоръ, если она слишкомъ много мычитъ:

Krowa, która wiele ryczy, mało mleka dawa (Польск. — Корова, которая много мычитъ, мало даетъ молока).

Die Kühe, die am meisten brüllen, geben am wenigsten Milch.

Котора корова богато реве, то та мало молока дае (Малор.).

Die Kuh, die viel brüllt, giebt nicht die meiste Milch.

Корова, дающая мало молока, часто мычитъ (Черк.).

Ein Ochs, das viel brüllt, zieht wenig.

Какъ и лошадямъ, дареной коровѣ въ зубы не смотрятъ:

Geschenktem Vieh besieh die Zähne nie.

Скотинѣ, подаренной ханомъ, въ зубы не смотри (Кюринц. Закавк. кр.).

При покупкѣ скота не совѣтуютъ увлекаться слухами о прекрасныхъ качествахъ и дешевизнѣ его въ дальнихъ краяхъ, такъ какъ провозъ много дороже самаго животнаго обойдется, а нѣмцыдоказываютъ, что мѣстный домашній скотъ лучше чужеземнаго.

За моремъ коровы дешевы, да провозы дороги.

Vache que vient de loin a gros pis. Vache de loin a lait assez.

За моремъ телушка — полушка, да рубль перевозу.

Die heimischen Ochsen sind besser, als die fremden.

За моремъ корова по деньгѣ, да перевозъ — рубль.

Eine Kuh von fern giebt Milch für den Herrn (— требуетъ хорошаго ухода?)

Домашній теленокъ лучше заморской коровы.

Не любятъ хозяева бодливыхъ коровъ, съ которыми сладу нѣтъ, и боятся бодливыхъ быковъ, которые иногда бываютъ очень опасны и потому требуютъ осторожнаго обращенія. Существуетъ немало изреченій про бодливыхъ да комолыхъ коровъ, которыя и рады бы бодаться, да не чѣмъ, потому что имъ Богъ рогъ не далъ:

Бодливу корову съ поля долой (изъ стада вонъ).

Cattiva vacca Dio dà corte corna (Сердитой коровѣ Богъ короткіе рога даетъ).

Одна корова все стадо разбодала.

Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.	Dem Stier, der gern stösst, wachsen kurze Hörner.
Бодлива коровка комола живетъ.	Stössigen Ochsen muss man die Hörner kurzen.
Комолая корова хоть шишкой, да боднетъ.	Die Hörner stössiger Ochsen sind kurz.
Il ne faut point jouer avec le boeuf.	Einem stössigen Stier, und einem betrunkenen Mensch muss man aus dem Wege gehen.
Il faut se garder du devant d'un boeuf (et du derrière d'un âne).	

Французы замѣчаютъ, что Милосердная Божья Матерь и Св. Петръ даютъ злымъ коровамъ короткіе рога:

Notre Dame de Pitié et le Seigneur St. Pierre donnent aux vaches méchantes des cornes courtes.

Богъ даетъ вола, но рога не отъ Него:

Dieu le boeuf donne, mais non les cornes.

Въ Италіи, гдѣ воловъ запрягаютъ не такъ, какъ у насъ, въ ярмо, а за рога, существуетъ поговорка, что людей водятъ словомъ, а быковъ — за рога:

Gli uomini si legano per la parole, e i bovi — per le corna.

Но внѣ этого вообще не совѣтуютъ брать быка за рога:

Il ne faut jamais prendre le boeuf par les cornes.
Den Stier muss man nicht bei den Hörnern fassen.
Бѣшенаго быка не хватай за рога (Голл.).

Рога составляютъ украшеніе быка и ему не въ тягость; у старыхъ быковъ крутые рога бываютъ·

Grosse Hörner — schöne Ochsen.
Der Stier hat seine Hörner nicht umsonst.
Hörner sind für die Ochsen keine Last (die Flügel nicht dem Vogel).
Alte Ochsen haben steife Hörner.

Быку рога хоть позолоти, онъ все же быкомъ останется, бодаться будетъ:

Wenn man den Ochsen auch die Hörner vergoldet, sie bleiben doch Ochsen (sie stossen doch).

Бываютъ рога и у маленькихъ коровъ:

Kleine Kühe haben auch Hörner.

Слѣдующая серія поговорокъ касается быковъ и воловъ, преимущественно какъ рабочей силы, имѣющей важное значеніе у насъ на югѣ и въ западно-европейскихъ государствахъ. Сравненіе въ этомъ отношеніи лошади съ воломъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Лошадь урывомъ беретъ—волъ взатяжную.

Волъ налогомъ беретъ (напряженьемъ, натугой), а человѣкъ смиреньемъ.

Лошадь рветъ, а волъ тянетъ налогомъ.

Der Ochs geht noch immer vorwärts, wenn das Pferd schon ruhen muss.

Jak wół nie może, to i koniowi trudno (Польск. — Если волу не въ мочь, то и лошади трудно).

Хоть и медленно, шагъ за шагомъ, волъ далеко уйти можетъ — зайца перегонитъ: заяцъ быстро бѣжитъ, да скоро устаетъ:

Pas à pas le boeuf prend le lièvre.

Волъ работаетъ, но плоды его труда часто совсѣмъ не ему достаются:

Der Ochs pflügt die Gerste (den Hafer), aber das Pferd bekommt es (sie) als Futter.

Der Ochs, welcher den Acker pflügt, bekommt das wenigste von der Ernte.

Le boeuf mange la paille et la souris le blé.

Dem Ochsen bleibt das Stroh, wenn die Maus das Korn gefressen hat.

Въ условіяхъ кормленія вола и лошади тоже есть разница:

Вола гущей (бардой) откормишь, коня гущей раздуешь.

Соломеннымъ воломъ не орать, сѣннымъ конемъ не воевать.

Французы замѣчаютъ, что лошади запасаютъ силы къ веснѣ, а волы къ осени,—очевидно, также вслѣдствіе разницы условій кормленія зимой и лѣтомъ:

Le cheval prend du sang au printemps, le boeuf en automne.

Boeuf d'automne et cheval de printemps.

Волы, при своемъ спокойномъ, флегматичномъ характерѣ и выносливости, представляютъ собою прекрасною рабочую силу; пріучаются они къ работѣ легче лошадей и чѣмъ старше, тѣмъ лучше работаютъ:

Везетъ быкъ — такъ пріобыкъ.
Щасливъ чумакъ, коли воли добрie мае, та за підрядъ не гадае (Кіевск. г.).
Старый волъ борозды не портить.
Vieux boeuf laboure droit (fait sillon droit).
Der Ochs zieht langsam, macht aber gerade Furchen.
Alte Ochsen machen gerade Furchen.
Je älter der Ochs, je gerader die Furche.
Wer mit jungen Ochsen pflügt, macht krumme Furchen.
Kto ma woły, ma pełne stodoły (Польск.—У кого есть волы, у того сараи полны).
Старый быкъ глубокую борозду проводитъ (Акуш. Зак. кр).
Bue vecchio—solco diritto (Быкъ старый—прямая борозда).
An old ox makes straight furrow (то же).
Ein richtiger Ochs bleibt auf seinem Wege.
Wer mit Ochsen fährt, kommt auch zum Ziel.
Ochsen gehen langsam, gehen aber gut.
Chi ha carro e buoi fa bene i fatti suoi (У кого есть повозка и быки, хорошо дѣлаетъ свои дѣла).

Какіе есть волы, съ тѣми и паши, говорятъ англичане:

A man must plough with such oxen, as he has.

Поляки обращаютъ вниманіе на то, какой у быка загривокъ, такъ какъ на него кладется ярмо:

Biada takiemu wołu, co ma miękki kark (Польск. — Бѣда тому быку, у котораго мягкій загривокъ).
Im wół starszy, tem kark twardszy (Польск. — Чѣмъ быкъ старѣе, тѣмъ загривокъ у него тверже).

Старый волъ молодыхъ работать учитъ:

Dal bove vecchio impara il giovine al tirar l'aratro.
Le grand boeuf apprend à labourer au petit.
Von den alten Ochsen lernt der Junge boxen (pflügen).

Про быковъ говорится то же, что и про лошадей,—ихъ никогда нельзя было бы приручить, если бы они не представляли себѣ человѣка гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ есть:

Le boeuf serait impossible à dompter, si son oeil ne lui montrait l'homme beaucoup plus grand (fort), qu'il n'est.

Французы говорятъ, что вола надо въ плугъ тогда запрягать, когда у него рогъ потѣть начинаетъ, т. е., когда весною тепло становится:

Lorsque la corne du boeuf sue, il faut l'atteler à la charrue.

Не всегда самые рослые волы бываютъ и лучшими работниками:

Die grössten Ochsen machen nichts stets die besten Furchen.

Les grands boeufs ne font pas les grandes (journées) arées (labourrages).

Однимъ воломъ пахать—хорошей работы не будетъ—нужна пара:

Однимъ воломъ хлѣба не доробится (Малор.).

Хто орэ на едэнъ бикъ, у того хлиба на едэнъ рикъ, а хто на два бики, у того хлiба на два рики (Волынск. г).

Jednym wołem nie dorobi się chleba (Польск. — Съ однимъ воломъ хлѣба не наработаешь).

Пара быковъ должна быть притомъ хорошо подобрана и съѣзжена; старыхъ воловъ съ молодыми или съ другими животными вмѣстѣ четать не годится; молодые волы къ тому же работаютъ плохо:

Alte und junge Ochsen muss man nicht an einem Seile zusammen koppeln.

Ein ungleich Paar Ochsen läuft nicht gut unter einem Joch.

Ungleiche Ochsen geben ein übles Gespann.

Wo ungleiche Ochsen sind angeschirrt, da wird der Wagen nicht gut geführt.

Ochsen und Esel muss man nicht zugleich an den Pflug spannen.

Nie do pary woły, nie pociągną daleko (Польск. — Непарные волы далеко не повезутъ).

Wer mit jungen Ochsen pflügt, der verrichtet kein gut Tagwerk, und macht krumme Furchen.

Только на спускѣ съ горы волы и коровы одинаково везутъ:

Autant tire la vache que le boeuf à la descente.

Вообще же кто вмѣсто воловъ—коровъ запрягаетъ, тотъ пускай коней доитъ, работа на молочности коровъ отзывается дурно:

Wer Kühe statt Ochsen anspannt, mag Pferde melken.

Волъ, который хорошо ѣстъ, ко всякой работѣ пригоденъ, но переутомлять рабочихъ воловъ не слѣдуетъ:

Ein Ochs, das wohl frisst, arbeitet auch wohl.

Willige Ochsen soll man nicht übertreiben.
И откормленный быкъ дрова возить. (Черк.).

Чужими волами пахать не слѣдуетъ, но и своихъ не одолжать, а работать на нихъ изо дня въ день:

Wer mit fremden Ochsen pflügt, hat eine magere Ernte.
Mit eigener Kuh pflügt man besser, als mit fremden Ochsen.
Jamais les boeufs ne prètera et tous les jours laboureras.

Черкесы замѣчаютъ:

У кого нѣтъ быка, тотъ и теленка запряжетъ.

Волы съ ярмомъ не родятся, говорятъ нѣмцы, но безъ ярма они ни къ чему, замѣчаютъ малороссы; французы, считающіе воловъ священными, распространяютъ, повидимому, такое мнѣніе и на ихъ ярма, сжигать которыя нельзя, такъ какъ это будто бы приноситъ несчастье:

Безъ ярма и волы дарма (Малор.).
Der Ochs wird hicht mit dem Joch geboren.
Ein Stier schlept sein Joch, weil er muss.
Nicht jeder Ochs trägt ein Joch.
Dem Ochsen gehört das Joch (dem Pferde der Sattel).
Si l'on fait brûler un joug à labourer—celà porte malheur.
Qui brûle un joug—risque tout.

При всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, волы, однако, отличаются упрямствомъ, не захотять работать—не заставишь:

Quando i bovi non vuole arare, tu poi cantare (Когда быки пахать не хотятъ—можешь пѣть).
Quando i bovi non vogliono arare — non serve fischiare (Когда быки пахать не захотятъ—не поможешь и свистомъ).
Wenn der Ochs nicht ackern will, kannst du ihm pfeifen noch so viel,

и наоборотъ:

Bei willigen Ochsen hälft das Zuruf mehr, als bei unwilligen der Stachel.

Послушнаго вола куда поворотишь, туда онъ и плугъ тащитъ:

Wohin man den Ochsen wendet, dahin zieht er den Pflug.

Плуга впереди воловъ не ставятъ:

Jl ne faut pas mettre la charrue devant les boeufs.

Скорѣе или раньше повозки быки идти не должны:

Die Ochsen müssen nicht eher gehen, als der Wagen,

—смыслъ этой поговорки не ясенъ. Усталые быки идутъ медленно, тяжело ступаютъ.

Boeuf lassé va doucement.
Müde Ochsen treten hart.

Но само собой разумѣется, что и отъ быка или вола можно требовать только того, что онъ дать въ состояніи:

Съ одного вола двухъ шкуръ (по двѣ шкуры съ одного вола) не дерутъ.
Trudno z jednego wołu dwie skóry zedrzyć (Польск.—то же).
Man kann auch einem Ochsen die Haut nur einmal abziehen.
Einem Ochsen kann man nicht zwei Häute nehmen.
Ochsen ziehen wohl den Pflug, aber Milch geben sie nicht.
Захотѣлъ молочка отъ бычка!
Сколько съ быкомъ ни биться—молока отъ него не добиться.
Was nützt der Ochs im Stall, wenn man der Milch bedarf?

И старые быки въ молодости были телятами:

Der alte Ochs ist auch ein Kalb gewesen.
Der Stier mit den Hörnern ist auch ein Kalb gewesen.

Про откормъ воловъ на убой говорится сравнительно не много. Кто хочетъ имѣть жирныхъ воловъ, долженъ про пастбище не забывать и отъ времени до времени его мѣнять. Откармливать ихъ нужно къ Рождеству; зажирѣвшій быкъ въ работу не годится; чѣмъ онъ жирнѣе, тѣмъ хуже на немъ шкура. Старый быкъ силу теряетъ, заморенный — даетъ жесткое мясо, да и крупные быки не всегда наилучшее мясо даютъ:

Сытую скотину на мясо бьютъ.
Кормятъ быка, чтобы кожа была гладка.
Wer will fette Ochsen fressen, muss die Weide nicht vergessen.
Veränderung der Weide macht Ochsen fett.
Wer will fette Ochsen schlachten, muss sie fett ha'n bis Weihnachten.
Ein Stier, der alt, verliert seine Gewalt.
Abgetriebene Ochsen geben zähes Fleisch.
Je fetter der Ochs, je schlechter das Fell.
У пестраго вола больше жиру (сала). (Болгар.).

Ein feister Stier taugt nichts vor dem Pflug.

Die grössten Ochsen geben nicht stets das beste Fleisch.

У насъ предостерегаютъ противъ заготовки мяса впрокъ до Спаса, т. е. до начала августа, и именно по слѣдующей причинѣ:

До Спасовки мяса нельзя хранить,—пòтомъ отзывается и скоро портится; послѣ Спасовки мясо гоже впрокъ—скотина не потѣетъ и мясо не портится (Ворон. губ.).

Рѣзать скотъ на мясо надо въ полнолуніе,—на исходѣ мѣсяца онъ бываетъ худѣе и въ костяхъ мозгу меньше (Ворон., Владим. губ.).

Однако, есть указанія и обратныя:

Мясо отъ скота, битаго въ полнолуніе, замертчиво—скоро гніетъ.

Худой волъ въ хлѣвѣ лучше жирнаго въ лѣсу:

Ein magerer Ochs im stall ist besser als ein fetter im Walde,

—изреченіе, однозначущее съ извѣстной поговоркой:—«лучше синица въ рукахъ, нежели журавль въ небѣ». Лѣнивые волы своего корма не заслуживаютъ:

Faule Ochsen verdienen das Futter nicht.

Быкъ долженъ ѣсть, что дадутъ, и не самовольничать, не то плохо ему придется:

Урвалъ быкъ сѣна клокъ, да вилы въ бокъ.

Еще въ Библіи (пятая книга Моисеева, Второзаконіе, гл. 25, ст. 4) встрѣчается изреченіе, получившее у нѣмцевъ характеръ пословицы:

Не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ.

Dem Ochsen, der drischt, muss man den Maul nicht verbinden.

Einem dreschenden Ochsen soll man nicht zu sehr ins Maul sehen,

—смыслъ этихъ изреченій тотъ, что работающему животному корма жалѣть нечего,—не бѣда, если онъ при работѣ на току кое-чѣмъ и попользуется; тутъ, очевидно, разумѣется молотьба ногами животныхъ, на гарманахъ, которая и до сихъ поръ въ ходу въ южныхъ странахъ и даже у насъ въ южной Россіи и на Кавказѣ.

Хотя у быка столько же ногъ, какъ у оленя, однако, въ быстротѣ бѣга онъ съ нимъ сравняться не можетъ:

Der Ochs hat so viele Beine, als der Hirsch, läuft aber nicht so schnell.

Иносказательный смыслъ имѣютъ нѣмецкія изреченія о томъ, что когда быки держатся врозь, левъ легко ихъ разорветъ, а когда они вмѣстѣ, льву лучше своей дорогой проходить—доказательство пользы единенія:

Wenn die Ochsen sich trennen lassen, hat sie der Löwe bald zerrissen.

Wenn die Ochsen zusammen stehen, muss der Löwe seiner Wegen gehen.

Тождественный смыслъ имѣютъ и наши русскія изреченія, только относящіяся къ скоту вообще:

Согласнаго стада и волкъ не беретъ.

Въ согласномъ стадѣ волкъ не страшенъ.

Хоть по задѣ, да въ томъ-же стадѣ.

Существуютъ еще нѣкоторыя отдѣльныя изреченія, поминающія про быковъ или воловъ:

Bue moro—merda d'oro (Быкъ черенъ—навозъ золотой),

—говорятъ итальянцы. Французы отмѣчаютъ, въ противоположность приведеннымъ выше, отчасти ихъ же, поговоркамъ, что то, что волъ въ сарай привезетъ, онъ же и съѣстъ:

Si le boeuf a rempli la grange, c'est aussi le boeuf qui la mange,

—и къ яслямъ всегда дорогу найдетъ:

Der Ochs findet den Weg zur Krippe.

Die Krippe läuft dem Ochsen nicht nach, der Ochs muss die Krippe suchen.

Нѣмецкая поговорка высказываетъ, что быкъ воскресенья не знаетъ:

Der Ochs weiss nichts vom Sontag,

—эта поговорка либо соотвѣтствуетъ нашей: «а нешто знаетъ собака пятницу», либо хочетъ сказать, что быкъ и по воскресеньямъ работаетъ.

Въ понятіяхъ русскаго народа, быкъ характеризуетъ силу, а корова—смиренье, почему и говорятъ:

Силенъ, какъ быкъ, а смиренъ, какъ корова.

Нѣмцы же, не взирая на цѣлый рядъ приведенныхъ выше поговорокъ о значеніи быковъ и пользѣ, ими приносимой—все

же въ хозяйствѣ отдаютъ предпочтеніе коровѣ, совѣтуя быка продать—вѣроятно, въ трудныя для крестьянина минуты,—а корову сохранить:

Verkauf'den Ochsen, behalt die Kuh,

—поэтому и поговорокъ на корову народная мудрость сложила гораздо больше, характеризуя ее съ разныхъ сторонъ. Изъ этихъ поговорокъ, особенно многочисленныхъ у нѣмцевъ, рельефно выступаетъ именно значеніе коровы для крестьянскаго двора:

Eine Kuh deckt viel Armuth zu.
Eine Kuh ist dem armen Manne, was dem Reichen eine Heerde.
Die Kuh ist der Reichthum des Armen,

—корова, такимъ образомъ, составляетъ богатство бѣдняка, много бѣдности покрываетъ: одна корова для бѣднаго человѣка то же, что цѣлое стадо для богача—лишь было бы чѣмъ ее кормить:

И одна корова—да жрать здорова.

Кто хочетъ быть спокойнымъ, тотъ сиди при своей коровѣ:

Wer will haben Ruh, der bleib bei seiner Kuh,

—выраженіе, впрочемъ, обозначающее тоже, что «сиди всякъ подъ своей смоковницей», т. е. дома.

Богъ корову благословляетъ, а крестьянка—молоко, которое она даетъ:

Gott segnet die Kuh und die Bäurin die Milch.

Малороссы называютъ молоко «Божьей росою»:

Молоко—Божа роса,

и молятъ Бога:

Приспоряй, Господи, Божу росу, щобъ коровки доілись (Малор.).

Въ виду того, что молоко отъ Бога, малороссы считаютъ грѣхомъ брать за него деньги:

За Божую росу не берутъ грошей (Малор.).

Каждая баба свою корову хвалитъ:

Jede Bäuerin lobt ihre Kuh,

—хвалитъ ее, конечно, прежде всего за то молочко, которое она приноситъ. Молочности коровъ удѣляется, поэтому, и въ народныхъ изреченіяхъ наибольшее вниманіе. На первый планъ тутъ можно поставить то, якобы, удивительное явленіе, что ко-

рова, какой ни будь масти, даже черная — «жукола» — даетъ бѣлое молоко; наивные бѣлоруссы считаютъ этовеликимъ ди вомъ:

Великое дзиво, что корова черна, а молоко сиво (Бѣлор.).

Черна коровка, да бѣло молочко.
Отъ черной коровки, да бѣлое молочко!
Také čërná kràva bilé mléka dává (Чешск.).
Anche le mucche nere danno il latte bianco (И черныя коровы даютъ бѣлое молоко).
Ist die Kuh auch noch so schwarz, si gibt doch immer weisse Milch.

Далѣе слѣдуетъ привести многочисленныя и бо́льшею частью вполнѣ вѣрныя изреченія о томъ, какими условіями обезпечивается благополучіе молочной коровы и ея удойливость. Прежде всего надлежитъ отмѣтить зависимость молочности коровы отъ получаемаго ею корма. Выраженія на этотъ счетъ разныхъ народовъ между собой тоже тождественны по формѣ и по смыслу:

Молоко у коровы на языкѣ.
У коровы во рту молоко.
Не вымемъ доитъ корова, а рыломъ.
It is by the mouth (by the head) of the cow that the milk comes (Черезъ коровій ротъ молоко получается).
Selon la dent on trait la vache.
Die Kühe melk man durch den Hals.
Die Kuh milcht durchs Maul (und die Hühner legen durch den Kropf).
Im Füttern sei du niemals faul, die gute Kuh melkt man durch's Maul.

Нѣмцы называютъ коровъ носительницами молока, масла и сыра, живыми масляными боченками; всѣ эти продукты отъ одной матери идутъ:

Die Kühe sind unsere Milch, Butter und Käseträger.
Milch, Käse und Butter kommen von einer Mutter.
Eine Kuh ist ein lebendiger Butterfass,

— хотя добавляютъ, что не все то масло, что корова приноситъ:

Es ist nicht alles Butter, was die Kuh gibt.
All is not butter, that comes from a cow.

Очень важенъ для хозяина и даваемый коровою навозъ; количество и качество доставляемыхъ коровами молочныхъ продук-

товъ и навоза зависятъ прежде всего отъ ухода за ними и кормленія ихъ:

Nourrissez bien vos vaches, et la crême s'élèvera sur le lait,

—кормите хорошо коровъ и молоко будетъ жирнымъ, сливки къ верху поднимутся.

Wenig Milch und wenig Mist gibt die Kuh, die wenig frisst.
Wer gut futtert, der gut buttert.
Wenn ihr mir Heu gibt, geb ich euch Sahn (sagt die Kuh); gebt ihr mir Stroh, geb ich euch kan (keine),

—давайте мнѣ сѣно, дамъ вамъ сливки, говоритъ корова; дадите мнѣ соломы—не дамъ.

Eine Kuh, die gutes frisst, gibt gute Milch und guten Mist.
Aus einer leeren Krippe säuft die Kuh keine Milch—

—изъ пустыхъ яслей корова молока не напьется; надъ ними и лучшая скотина только понапрасно мычать будетъ:

Bei einer leeren Krippe brüllt die beste Kuh.

Англичане замѣчаютъ, что молоко бываетъ особенно жирно осенью,—лѣтомъ, въ жаръ коровы много пьютъ и потому лѣтомъ молоко жиже:

Wen the fern begins to look red, then milk is good with brown bread (Когда папоротникъ начинаетъ краснѣть—осенью—хорошо молоко съ чернымъ—буквально съ рыжимъ—хлѣбомъ).

У кого есть корова, тому нуженъ и кормъ; нѣтъ коровъ, не будетъ ни молока, ни масла; а чѣмъ больше коровъ, тѣмъ больше идетъ корма, тѣмъ больше будетъ и молока; чѣмъ больше молока, тѣмъ больше и масла:

Wer Kühe hat, braucht Futter; wer keine hat, hat weder Milch, noch Butter.
Viel Kühe, viel Futter; viel Milch, viel Butter.
Futter—Butter.

Жалѣть корма для коровы—хозяина не обогатитъ:

Am Futter der Kuh sparen reichet nicht.

Но кромѣ корма, корова требуетъ и внимательнаго ухода за собой, преимущественно ухода самой хозяйки. И молока она будетъ больше давать, если хозяйка сама ее доитъ:

Striegel und Spreu geben mehr als Heu,

—скребница и посыпка больше, чѣмъ сѣно, дадутъ. При хорошемъ кормленіи и уходѣ одна корова больше, чѣмъ двойное число голодныхъ принесетъ:

Eine Kuh wohl gepflegt ist besser als zwei, die hungern.
Eine gut genährte Kuh bringt in einem Jahre mehr, als eine schlecht genährte in zwei.
Vier Kühe, gut gewartet, sind nützer, als acht, übel gewartet.

Коровъ, какъ и женщинъ, говорятъ нѣмцы, надо хорошо кормить, чтобы можно было на нихъ радоваться:

Kühe und Weiber müssen gut genährt sein, will man seine Freude an ihnen haben.

Безъ труда и вниманія не будетъ и коровы:

Keine Kühe—ohne Mühe.
Ohne Mühe geben keine Milch die Kühe.
Der da hat die Kühe, der hab auch die Mühe.
Wer will haben Kühe, muss nicht sparen Mühe, sondern arbeiten spät und frühe.

Безъ ухода и въ просторномъ хлѣву коровы молока не прибавятъ:

Die Kuh giebt nicht mehr Milch, wenn man den Stall noch so gross macht.

Молодыя (лѣнивыя) коровницы—худыя у нихъ и коровы:

Junge (faule) Mägde—magere Kühe.

Если же хозяйка сама корову кормитъ и доитъ, тогда и рога молока дадутъ—за уходъ корова вдвое молокомъ отплатитъ:

Wen die Frau die Kuh füttert, so geben selbst die Hörner Milch.
Wenn die Frau selbst melkt, giebt die Kuh doppelt Milch.

Кто корову кормитъ, тотъ ее и доитъ; кому она принадлежитъ, того и молоко; а продана корова — продано и ея вымя, нѣ къ чему у себя тогда и подойникъ оставлять; объ этомъ подойникѣ довольно часто поминаютъ у насъ и, какъ уже сказано, онъ при куплѣ-продажѣ сопутствуетъ почти всегда коровѣ:

Будетъ корова—будетъ и подойникъ.
Увели (взяли) корову, такъ возьмите и подойникъ.

Wer die Kuh füttert, der melkt sie.
Wem die Kuh gehört, dem gehört auch die Milch.

Была-бы корова—найдемъ и подойникъ!

На корову стало, станетъ (хватитъ) и на подойникъ.

Wenn man die Kuh verkauft, geht das Euter mit.

If you sell the cow, you sell her milk too (Продашь корову—продашь и ея молоко).

Удойливость коровъ и качество молока отчасти зависятъ отъ возраста ихъ; старыя коровы вообще молочнѣе молодыхъ, но только до извѣстнаго возраста, послѣ котораго молочность ихъ уменьшается; мелкія даютъ меньше молока, чѣмъ крупныя; жирныя коровы даютъ молоко болѣе жидкое, нежели худыя; коровы, употребляемыя въ работу, доятся плохо.

Alte Kühe geben mehr Milch, denn Junge.

Zu alte Kühe geben wenig Milch.

Fette Kühe geben eher mager Milch, als magere Kühe fette geben.

Коровушка съ кошку—надоила съ ложку.

Wer die Kuh spannt in den Pflug, dem gibt sie nichts in den Krug.

Wehe der Kuh, die ackern muss, und Abends noch gemolken wird.

Существуютъ еще нѣкоторые признаки, по которымъ опредѣляется удойливость коровъ:

Корова хороша на сборъ молока и масла, если у нея въ хвостѣ рѣпица «булавошкою» и луска (наростъ на оконечности хвоста) желтая (Ворон. губ.).

Не хороша корова на сборъ молока и масла, если у нея хвостъ шиломъ — тогда и хозяинъ будетъ хлебать молоко шиломъ (Ворон. губ.).

Чтобы коровы давали желтое молоко, ихъ съ весны (на Зилота—10-го мая) закармливаютъ желтыми травами.

Доятъ и бодливыхъ коровъ:

Stossige Kühe werden auch gemolken.

Удойливость коровъ зависитъ отъ временъ года; нѣмцы говорятъ, что удой уменьшается, когда косы въ полѣ заблестятъ, слѣдовательно, въ половинѣ лѣта; французы приурочиваютъ увеличеніе удоевъ къ апрѣлю и уменьшеніе ихъ къ концу сентября. У насъ замѣчаютъ наибольшее оскудѣніе молока у коровъ осенью:

Весна—не мясна, осень—не молочна.

По осени любого гостя молокомъ потчуютъ.

Вешнее яичко, да осеннее молочко (диво).

Какъ подъ копытомъ мокро, такъ корова молоко убавитъ,

—т. е. при открытіи весны, когда зимніе корма подобрались и подножнаго еще нѣтъ, и осенью, при переходѣ съ пастбища на зимнее содержаніе. Французы замѣчаютъ, что коровы начинаютъ убавлять молоко лѣтомъ, когда пшеница расцвѣтаетъ:

Wenn die Sensen anfangen zu blinken, fangen die Kühe zu winken (der Milch zu ermangeln).

Quand chantera la tourterelle, j'aurai du lait dans mon écuelle.

A la St. Michel (28-го сент.) le lait de vache monte au ciel, en avril il en descend comme une rivière.

Quand la fleur est dans le froment, le lait va diminuant.

Лѣтомъ—ложкой, зимой—спичкой молоко хлебать.

Существуютъ примѣты, по которымъ крестьяне стараются загодя опредѣлить, какъ будутъ лѣтомъ доиться коровы, а именно:

Если рѣка вскроется, или пойдетъ ледъ въ скоромный день, то коровы въ этотъ годъ хорошо будутъ доиться, а если въ постный, то коровы недойны будутъ (Арханг. губ.).

Наибольшую цѣну придаютъ коровѣ, которая доится круглый годъ:

Корова не переходница, а обиходница.

Корова съ удойцемъ.

Тугая корова—туго доится.

Кто корову купить хочетъ—долженъ въ хлѣвъ идти и внимательно ее осмотрѣть:

Wer die Kuh kaufen will, der komme in den Stall,

— за глаза коровы не покупай.

Время, когда корова перестаетъ доиться, вплоть до новаго періода удоя, называется у насъ «межмолокъ»:

Если корова не подпускаетъ къ себѣ теленка, то скоро на межмолокъ пойдетъ.

Когда корова молока не даетъ, то и доить ее нечего; такая корова, или лошадь, которая не везетъ, или курица, которая яицъ не несетъ, только на убой и годны:

Wenn die Kühe keine Milch geben, nützt das Melken nicht.

Eine Kuh, die keine Milch gibt, ein Pferd, das nicht zieht, und eine Henne, die keine Eier legt, muss man dem Metztger geben.

Первые 12 дней послѣ отела, молоко—рученецъ или реченецъ, молозиво,—считается негоднымъ для употребленія и его не хле-

баютъ; на двѣнадцатый день корову «омаливаютъ»: хозяйка зажигаетъ свѣчу передъ образомъ, раскладываетъ кадильницу и идетъ «умывать» корову; обливаетъ теплой водой вымя, хребетъ, голову, и тогда только надоенное молоко считается годнымъ къ употребленію (Влад. губ.). Въ Новгородской губерніи, когда корова телится, «для очищенія удоевъ» окуриваютъ ее Богородской травкой и даютъ ей хлѣба, намоченнаго въ святой водѣ.

Въ Ярославской губ., по удостовѣренію г. Костоловскаго, продѣлываютъ такой же обрядъ нѣсколько иначе. Когда корова отелится, то теленка отъ нея берутъ и несутъ въ избу и тамъ прежде всего подносятъ его головой къ устью печи, а потомъ кладутъ на полъ, на солому. Послѣ этого идутъ доить корову и первое молоко все цѣликомъ отдаютъ теленку; продолжаютъ все молоко отдавать теленку, ничего не оставляя для себя, до двѣнадцатаго удоя. Послѣ двѣнадцати удоевъ корову окуриваютъ изъ особой кадиленки или горшка съ угольками; кадиленку потомъ до трехъ разъ пропускаютъ между задними ногами коровы. Но и этимъ обрядъ еще не заканчивается. Послѣ окуриванія берутъ ржаной хлѣбъ, мочатъ его въ святой водѣ и даютъ новотелкѣ, при чемъ всю ее кропятъ тою же водою и только тогда считаютъ возможнымъ употреблять молоко въ пищу.

Доеніе коровы считается у бабъ-хозяекъ очень важнымъ дѣломъ, и его надо производить умѣючи. На этотъ счетъ дается нѣсколько очень правильныхъ указаній, но не мало тутъ есть и предразсудковъ:

Хорошо тому коровъ водить, кто умѣетъ молоко доить.
Двое сосѣдей коровъ разно доятъ (Черк.).
Не подоивъ коровы, хозяйка со двора не пойдетъ.
Масломъ доить, сметаной цѣдить,

— крестьянское привѣтствіе у насъ бабѣ-доильщицѣ.

Не всякой бабѣ корова и доить себя даетъ:

Die Kuh gibt nicht jedem Weibe Milch, die sie melken will.

При такой неудачѣ доильщица,

Не совладавъ съ коровой, да подойникъ объ земь...

Хотя русская поговорка и говоритъ, что

Молоко въ коровѣ не прокиснетъ,

однако, оставлять молоко въ вымени невыдоеннымъ не годится:

Недодой корову портитъ.

Извѣстно, что во всѣхъ хорошо поставленныхъ скотоводческихъ хозяйствахъ принято коровъ три раза доить—рано утромъ, передъ выгономъ на пастьбу, въ обѣдъ и вечеромъ, послѣ возвращенія стада домой. Считается, что при троекратномъ доеньи общій выходъ молока больше. Крестьяне наши, однако, на этотъ счетъ другого мнѣнія:

Хоть трижды подой—все тотъ же удой,

— говорятъ они. Нѣмцы очень предостерегаютъ противъ усиленнаго выдаиванія,—до крови—которое вредно для коровы и, повидимому, дѣйствуетъ на нее болѣзненно, такъ какъ она при этомъ лягается, опрокидываетъ ногой подойникъ и т. п.

Man muss die Kühe nicht bis aufs Blut melken.

Die Kuh stösst den Milchkübel um, wenn man sie zu rein ausmelken will.

Однимъ изъ условій полученія хорошаго молока и хорошихъ молочныхъ продуктовъ является опрятность при обращеніи съ ними; на это тоже есть соотвѣтственныя указанія въ арсеналѣ народной мудрости:

Wer gute Milch will haben, muss ein reines Gefäss mitbringen.

Наши бабы тоже знаютъ, что надо держать въ чистотѣ подойникъ и крынки. Въ Сибири рекомендуютъ подойникъ мыть молосникомъ (настой изъ травы Tragopogon), а крынки выпариваютъ съ марьиными кореньями (Peonea), чтобы молоко было гуще (Алтай).

Дальше приходится вступить уже въ область предразсудковъ, которыхъ суевѣрная фантазія бабъ-доильщицъ создала не мало:

Лишній глазъ при дойкѣ коровы вреденъ (портитъ ее).

Если корову похвалишь, то въ ведро нагадитъ (не будетъ давать молока). (Черк.).

Нельзя крошить ножомъ хлѣбъ въ молоко—корова будетъ хворать (Ворон. губ.).

Подойникъ не ставь на стулъ, на кадку—молоко у коровы присохнетъ.

Не лей молоко въ ложку—корова удой уменьшитъ (Ворон. губ.).

Корова подойникъ понюхала—устоя (сливокъ) не будетъ.

Если ласточка пролетитъ подъ коровою, то она будетъ кровью доиться.

Если ласточка пролетитъ подъ брюхомъ коровы, то она уменьшитъ дачу молока (Терск. обл.).

Французы предостерегаютъ противъ доенія коровы на подстилкѣ, т. е. въ хлѣву, гдѣ она стоитъ:

Si on trait une vache sur la litière, on la fait tarir.

Когда вводятъ свою корову въ стадо чужихъ, берутъ кусокъ хлѣба, даютъ его обнюхать всѣмъ коровамъ, а затѣмъ скармливаютъ своей; послѣ этого корова будетъ хорошо доиться все лѣто и настой сливокъ на молокѣ будетъ больше обыкновеннаго, такъ сказать, перейдетъ къ ней отъ другихъ коровъ, обнюхавшихъ хлѣбъ. Другое средство увеличить съемъ сметаны въ крынкахъ, ставить ихъ, когда они пусты, непокрытыми, а то хозяинъ или домовой не любитъ покрытыхъ крынокъ (Яросл. губ.).

Съ Иванова дня ставь молоко въ крынкахъ на три росы — больше молока коровы дадутъ.

Свойствомъ Ивановой росы прибавлять молоко у коровъ пользуются вѣдьмы:

Въ Ивановъ день вѣдьма росу собираетъ и даетъ своей коровѣ, чтобы больше молока давала. (Волын. губ.).

Молоко, выдоенное въ Вознесенье, обладаетъ, по повѣрью французовъ, чудодѣйственными свойствами: приготовленное изъ него масло никогда не портится, оно излечиваетъ раны, возвращаетъ тѣлу утраченную гибкость и т. п. Молоко, выдоенное въ день св. Роха (17-го авг.), надо отдавать бѣднымъ—это предохранитъ скотъ отъ чумы. Французскія хозяйки совѣтуютъ весною, когда въ первый разъ доятъ коровъ въ полѣ, класть въ горшки съ молокомъ цвѣтокъ калужницы (Caltha palustris) или три первые цвѣтка козельца, которые удастся найти; тогда масло станетъ удаваться весь годъ и будетъ желтымъ.

Нѣкоторыхъ животныхъ обвиняютъ въ томъ, что они выпиваютъ молоко у коровъ:

Ужъ-коровникъ высасываетъ по ночамъ молоко у коровъ (Кубан. Обл.).

Французы то же свойство приписываютъ ящерицамъ:

Le lézard tête les vaches,

—а русскіе, какъ извѣстно, кромѣ того, вѣдьмамъ...

Существуетъ нѣсколько не вполнѣ ясныхъ русскихъ поговорокъ, касающихся учета удоевъ. Одна изъ нихъ доказываетъ необходимость такого учета; другія же, повидимому, хотятъ выразить, что если оцѣнивать корову по цѣнности того молока,

которое она въ теченіе года принесетъ, то ей и цѣны бы не было:

По удоямъ молока не считать, и удоя не видать.

Корову по удоямъ считать—и цѣны ей не будетъ (и цѣны не знать).

Якъ считать корову по удою, такъ вона сама того ни стоіть (Малор.).

Чтобы надоенное молоко не кисло, мѣстами рекомендуютъ, сажать въ него «холодёну»—лягушку. Говорятъ, что въ прежнее время пріемъ этотъ практиковался охтянками-продавщицами молока въ Петербургѣ. Въ Ярославской губерніи существуетъ примѣта:

Если на дворѣ нѣтъ пѣтуха, то молоко и масло у коровы будетъ пустымъ (безвкуснымъ).

Французы замѣчаютъ, что присутствіе въ домѣ свѣтящихся червяковъ предохраняетъ молоко отъ скисанія:

Le ver-luisant dans la maison empêche le lait de se cailler.

Если молоко коровы скоро портится или при нагрѣваніи створоживается, то армяне Эриванской губ. рекомендуютъ нагрѣвать его посредствомъ вѣтвей вербы отъ Вербнаго Воскресенья, или щепокъ, собранныхъ отъ семи корнаковъ (мѣста, гдѣ сушатъ навозъ для кизяковъ). Въ Кубанской обл., когда замѣчаютъ, что молоко скоро портится, то вымя коровы обмываютъ водою, взятою ртомъ доильщицы изъ родника, текущаго на востокъ.

При кипяченіи молока нельзя допускать, чтобы оно сбѣгало на жаръ, у коровы удой убавится (Ворон. губ.).

Если молоко принесутъ кому-либо въ кувшинѣ въ видѣ подарка, то по возвращеніи кувшина надо вложить въ него кусокъ хлѣба и щепотку соли, иначе молоко у коровы будетъ портиться (Ворон. губ.).

Малороссы при продажѣ молока солятъ его немного для предохраненія отъ порчи.

Наблюдаютъ, что молоко во время грозы скоро створоживается. Извѣстно народное повѣрье о томъ, что пожаръ, происшедшій отъ удара молніи, надо тушить молокомъ; совѣтуютъ непремѣнно употреблять для этого молоко отъ черной коровы.

Сербы считаютъ молоко не только питательнымъ, но и цѣлебнымъ средствомъ, какъ свидѣтельствуетъ ихъ поговорка:

Ко нема мліека, нема и ліека (Серб. — У кого нѣтъ молока, нѣтъ и лекарства).

Кромѣ употребленія молока непосредственно въ пищу, оно идетъ на приготовленіе сметаны и масла. Послѣдняго всего болѣе выдѣлывается лѣтомъ, въ Петровскій постъ, когда скоромнаго ѣсть не полагается. Поэтому и говорится, что «Петровскій постъ упросили бабы для скопа масла». Про масло существуетъ нѣсколько поговорокъ:

Масло само не родится.
Мѣшай сметану—масла дождешься.
И масло совкомъ пытаютъ (пробуютъ).
Масло коровье кушай на здоровье.

Французы не совѣтуютъ учитывать стоимость масла, пока корова не куплена; въ разсчетѣ легко ошибиться:

C'est se tromper que calculer le prix du beurre avant d'avoir acheté la vache.

Насчетъ сбиванія масла существуютъ такія же суевѣрныя примѣты, какъ и про доеніе коровъ:

Когда колотятъ масло—никому нельзя смотрѣть, не то сбиваться будетъ плохо (Ворон. губ.).

Мингрельцы идутъ по пути такихъ предразсудковъ еще далѣе:

Если сжечь въ огнѣ кусокъ сыра, то у хозяйской коровы молоко убавится,

—говорятъ они. Въ Польшѣ замѣчаютъ, что выходъ масла прибавляется съ Иванова дня:

Jak przyjdzie Swięty Jan, przyniesie oleju pełen dzban (Какъ придетъ св. Янъ—принесетъ масла полонъ жбанъ).

Въ Болгаріи совѣтуютъ сбивать молоко въ масло перваго мая утромъ по росѣ, отъ этого у коровъ и у буйволицъ удой прибавится:

На първи май иматъ обичай да биятъ млѣкото рано прѣдъ слънце, по росната трѣва, защото добитъкътъ щѣлъ да да има по-много и по-хубаво млеко (Болгар. — Перваго мая сбиваютъ молоко рано утромъ, предъ восходомъ солнца, когда на травѣ еще роса,— тогда у коровъ и буйволицъ будетъ больше и лучше молоко).

Почти каждый крестьянскій дворъ въ Россіи содержитъ корову, но быки составляютъ обыновенно принадлежность, цѣлой

деревни. Кому бы ни принадлежалъ быкъ, потомство его принадлежитъ тому, чья корова:

Чей ни будь быкъ — а теленокъ нашъ.
Чіи бики, а моі тилята (Малор.).
Чій би бугай ни скакавъ, а теля наше (Малор.).
Чей бы быкъ ни бѣгалъ, а теленокъ то все мой.
Корова гуляетъ—теленокъ хозяину. (Мордов.).
Der Ochs gehört dem Nachbar, aber der Kalb mir.

Французы и при случкѣ коровъ съ быками считаютъ нужнымъ сообразоваться съ фазами луны; если корова не приходитъ въ охоту, ее совѣтуютъ вести къ быку въ первую пятницу послѣ новолунія. При случкѣ въ новолуніе получаются телки, а на ущербѣ — бычки:

Si une vache ne parait jamais en chaleur, il faut la conduire au taureau le vendredi de la lune.
Les vaches, que l'on mêne au taureau à la lune nouvelle, donnent une velle.
Les vaches qui vont au taureau à la vieille lune, ont des veaux mâles.

Когда коровы ходятъ вмѣстѣ съ быками въ стадѣ, опредѣлить время случки ихъ съ быкомъ не всегда возможно, но

Тайно оплодотворившаяся корова явно рожать будетъ,

— говорятъ татары Закавказскаго края.

Корова, отилившаяся первымъ теленкомъ называется «первоха».

У насъ опредѣляютъ, принесетъ ли тельная корова бычка или телку по слѣдующимъ признакамъ:

Если корова вымнѣетъ съ заднихъ вымей — принесетъ бычка; съ переднихъ — телку.
Если у тельной коровы хвостъ закручивается веревочкой, то къ бычку, а если растрепывается — къ телкѣ.
Худая корова, которая отелилась въ первый разъ, принесетъ телку; хорошая же въ три раза — по бычку (Арх. губ.).

Ели корова въ первый разъ отелилась бычкомъ, то хозяинъ обрекаетъ его всему міру—когда придетъ время, его убиваютъ и съѣдаютъ всѣмъ міромъ «обреченную говядину» (Смол. губ.). Про такого «обреченнаго» бычка говорятъ:

Обреченная скотина въ домѣ не животина (Смол. губ.).

Такъ же «не животиной» считается скотина, заранѣе кому-нибудь обѣщанная:

Отсуленная (проданная) скотинка — не своя животинка.

Однако, такіе «посулы» не всегда исполняются:

Сулилъ корову, пересулилъ бычка, а и того не далъ,

и потому скорымъ на посулы людямъ говорятъ:

Не сули бычка, отдай хоть чашку молочка.

Способность къ случкѣ коровы сохраняютъ до старости:

И старая корова любитъ быка.

Нѣмцы увѣряютъ, что чѣмъ старше корова, тѣмъ лучше у нея телокъ:

Je älter die Kuh, je hübscher das Kalb.

Злая или плохая корова рѣдко принесетъ телка хорошаго, но иногда и отъ хорошей коровы бываетъ плохой теленокъ:

Eine böse Kuh bringt selten einen guten Kalb.
Schlechte Kuh — schlechtes Kalb.
Manche gute Kuh hat ein übel Kalb.
Many a good cow has but a bad calf (тоже).

Французы замѣчаютъ, что жирная корова даетъ дряблаго теленка, а отъ уродливой родится еще болѣе уродливый теленокъ:

De vache grasse veau molasse.
De laide vache veau plus laid.
Отъ сумасшедшей коровы — сумасшедшій и теленокъ (Татар. Зак. кр.).

Плоха та корова, которая своего же теленка ногой ударитъ; чужого телка корова лизать не станетъ, хотя, по одной нѣмецкой поговоркѣ, и это бываетъ; каждая корова своему теленку отвѣчаетъ и ему мычитъ:

Es ist eine böse Kuh, die ihr eigenes Kalb stösst.
Корова теленку ноги не отдавитъ (Татар. Зак. кр.).

Коровья нога теленка не убьетъ (Черкесск.).

Die Kuh leckt kein fremdes Kalb.

The cow licks no strange calf (Корова чужого теленка не лизнетъ).
Eine Kuh leckt auch ein fremdes Kalb.
Eine gute Kuh antwortet ihrem Kalbe.
Es schreit jede Kuh nach ihrem Kalbe.

Содержаніе коровъ, какъ лѣтнее, вслѣдствіе отсутствія или плохого состоянія пастбищъ, такъ и зимнее, вслѣдствіе недостатка сѣна, въ бо́льшей части мѣстностностей Россіи плохое; поэтому въ нашихъ поговоркахъ совѣтуется коровѣ довольствоваться соломой, да еще наименѣе питательной — ржаной.

Привыкай (привычна) коровка къ ржаной соломкѣ.
Ѣшь, коровка, солому, поминай красное лѣто!
Соломка да мякинка — вотъ и весь укормъ.

Послѣдствія зимняго содержанія коровы впроголодь — печальны, она теряетъ силы настолько, что еле на ногахъ стоитъ и ее приходится иногда къ веснѣ за хвостъ поднимать:

Вешнюю корову отъ вѣтру покоситъ.
Къ веснѣ и добрую скотину за хвостъ поднимаютъ.
Прохватишься (спохватишься, опомнишься), какъ за хвостъ поднимать станешь.

Въ предупрежденіе этого и чтобы сдобрить мало питательную солому

Хорошій хозяинъ споритъ корму рѣзкою, посыпкою.
Hat die Kuh kein Heu, so frisst sie Spreu (рѣзка).

Кормить скотъ цѣльнымъ неразмолотымъ зерномъ считается вреднымъ:

Хлѣбъ въ зернѣ не отрава, а какъ обожрется его корова, такъ раздуется и околѣетъ.

Въ Ставропольской губ. насчетъ дачи корма скоту существуетъ примѣта:

Корму нельзя давать, не умывшись, иначе будетъ скотина худая.

Передъ постановкою осенью коровъ на зимній кормъ, ихъ надо сытнѣе закармливать, чтобы онѣ лучше перенесли зиму:

Корми съ осени коровъ сытнѣе — весной будетъ прибыльнѣе.
Готовь на зиму для дойныхъ коровъ крапивную обварную со́лень.

За границею хозяева въ отношеніи кормленія домашняго скота еще внимательнѣе и стараются каждому животному подходящее для него сѣно доставить:

Il faut donner à chaque bête de son foin.

Поляки также настаиваютъ на необходимости хорошаго за-

кармливанія, заправки, скота съ осени, иначе онъ весною истратится, подохнетъ:

Kto bydło karmić w jesieni żałuje, ten strawę dla psów na wiosnę gotuje (Польск.— Кто осенью кормъ для скота жалѣетъ, тотъ къ веснѣ готовитъ кормъ для собакъ).

Kto w jesieni swoich bydląt nie tuczy, ten je w zimie dźwiga, na wiosnę wywłóczy (Польск.— Кто осенью скота хорошо не кормитъ, тотъ будетъ съ нимъ возиться зимой, весной же выволочитъ въ оврагъ).

Но какъ ни корми скотъ, сколько за нимъ ни ухаживай, безъ Божьяго благословенія толку не будетъ, а потому въ старыхъ русскихъ поученіяхъ давался на этотъ счетъ такой совѣтъ:

Аще кто идетъ скоту давать ѣсть или пить, проси Божія благословенія.

Въ отношеніи коровъ повторяются изреченія, примѣняемыя и къ другимъ животнымъ:

Ясли за коровой (къ коровѣ) не ходятъ.
Jesle k skotu nechodi (Чешск.).

Мѣсиво за коровой не ходитъ.
Die Krippe geht nicht zur Kuh (zum Rind).

Сытую корову нетрудно узнать по тому, какъ она относится къ даваемому ей корму:

Не голодна коровка, коли въ стряхѣ соломка.
Не голодна корова, коли подъ ногами солома.
Eine Kuh, die das Futter unter die Füsse tritt, hungert nicht.
Сыта корова, коли макухи (жмыха) не ѣстъ.

Впрочемъ, иногда, корова не ѣстъ не потому, что она сыта, а потому, что ужъ очень плохой кормъ ей подносится:

Иной пирожокъ и корова не ѣстъ.

Самое тяжелое и опасное время для коровы, какъ уже сказано, весенняя безкормица:

En attendant que l'herbe pousse, les vaches meurent de faim.

Подножнаго корму для коровы тогда достаточно на пастбищѣ, когда зазеленѣютъ липа и осина:

Hat die Linde Laub (Lauf), ist Grass für die Kuh vollauf.
Какъ осина задрожитъ, такъ и скотъ въ полѣ сытъ.

Гдѣ корова привязана, тамъ она и кормится:

Où la vache est attachée, il faut qu'elle broute.

Die Kuh muss weiden, wo sie angebunden ist.

На своемъ пастбищѣ корова голодной не останется (Татар. Зак. кр.).

На жирномъ лѣтнемъ пастбищѣ корова про зимнія невзгоды не вспоминаетъ:

Не помнитъ корова зимы, дочекавши (дождавшись) лѣта (Бѣлор.).

Die Kuh denkt nicht an den Winter, wenn sie im Klee weidet.

Но лѣтомъ скоту угрожаетъ другая опасность—отъ дикихъ звѣрей.

Волкъ скотину рѣжетъ, медвѣдь деретъ.

Чтобы этой опасности избѣжать, коровы держатся вмѣстѣ, и когда одна изъ нихъ неосторожно пошла въ лѣсъ, да звѣрь ее разорвалъ, тогда уже пеняй на себя: и она, и звѣрь равно виноваты:

Die Kühe halten sich zusammen, wenn der Wolf kommt.

Wenn die Kuh in den Wald geht, muss sie nicht klagen, wenn sie von Bären zerrissen wird.

Виноватъ медвѣдь, что корову съѣлъ, не права и корова, что за поля (въ лѣсъ) ходила.

Не право тиля, що въ лісъ пішло, не правъ и вовкъ, що й теля ззівъ (Малор.).

Отольются медвѣдю (волку) коровьи (овечьи) слезки.

Особенною неосторожностью въ этомъ отношеньи отличаются телята, которые, что дѣти неразумныя, не знаютъ угрожающей имъ опасности и думаютъ съ волками или съ медвѣдями силою помѣряться:

Пошелъ теленокъ медвѣдя пугать...

Дай, Боже, нашему теляти волка поймати.

Не сподручно теляти волка лягати.

Не суйся въ волки, когда хвостъ телкинъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ поговорокъ часто употребляются иносказательно, въ примѣненіи къ людямъ, которые берутся за дѣло, не сообразившись со своими силами и съ трудностью или опасностью его.

Есть еще изреченія, поминающія корову и различныя ея свойства. О приписываемомъ ей смиреніи уже было говорено выше; отмѣчается еще ея здоровье, почему существуетъ народное пожеланіе бабѣ:

Будь здорова, какъ корова, плодовита, какъ свинья.

Легкостью корова, какъ извѣстно, не отличается и потому, когда она начинаетъ рѣзвиться, какъ теленокъ, движенія ея не могутъ считаться граціозными:

Не къ лицу коровѣ телячьи козлы (прыжки).
Не натужайся, коровка, не быть бычкомъ.

Своимъ длиннымъ языкомъ корова умѣетъ хорошо пользоваться:

Корова лизуномъ и подъ себя достанетъ.

Французы и нѣмцы говорятъ и про коровій хвостъ, который въ ину пору коровѣ можетъ пригодиться, хотя она его только тогда цѣнить начинаетъ, когда его потеряетъ; если даже отъ коровы у хозяина ничего, кромѣ хвоста, не останется, то еще не все потеряно:

Il viendra un jour, où la vache aura besoin de sa queue.
Une vache ne sait pas ce que lui vaut sa queue, jusqu'à ce qu'elle l'ait perdue.
Qui ne retire de sa vache que la queue, ne perd pas tout.
Wer noch den Schwanz seiner Kuh in der Hand hält, hat sie noch nicht ganz verloren.

Всѣ коровы въ свое время были телками, но старыя легко объ этомъ забываютъ:

Alle Kühe sind Kälber gewesen.
Alte Kuh gar leicht vergisst, das sie ein Kalb gewesen ist,

— эта поговорка часто употребляется иносказательно, — старость не помнитъ, что было въ молодости.

Про корову говорится, какъ и про лошадь, что она спотыкается, хотя и о четырехъ ногахъ, и такъ же, какъ про быка что съ нея нельзя двухъ шкуръ драть:

Die Kuh hat vier Beine und vertritt sich doch (und stolpert doch).
Mann kann einer Kuh die Haut nicht zweimal abziehen.
Von einer Kuh kann man nicht zwei Häute verlangen.

Подобно кошкамъ, ночью всѣ коровы одного цвѣта:

Alle Kühe sind im Finstern schwarz.

Французы замѣчаютъ, что коровы любятъ, чтобы у нихъ рога были мокры, т. е. сырую погоду, а овцамъ нужно имѣть ноги сухими, такъ какъ сырая погода имъ вредна:

Les vaches veulent avoir les cornes mouillés, et les brebis toujours les pieds secs.

О вредѣ сухого лѣта для скота говоритъ и русская поговорка:

Въ сухое лѣто скоту умора.

По французскому замѣчанію, ни коровы, ни лошади, ни женщины безъ отмѣтины — безъ какого-нибудь недостатка — не бываетъ:

Il n'est femme, cheval, ni vache, qui n'ait toujours quelque tâche.

Поминаютъ про коровъ, хотя и не всегда къ нимъ относятся, а чаще употребляются иносказательно, слѣдующія довольно распространенныя русскія поговорки:

Чья бы коровка ни мычала, да наша бы молчала.
Не корова, такъ и не мычи.
Корова телится, а быкъ реветъ.
Не тѣмъ бокомъ корова чешется,

— не то дѣлаешь, что нужно, не съ того боку къ дѣлу подходишь.

На ряду съ уходомъ за коровой, воспитаніе ея телятъ составляетъ одну изъ главныхъ заботъ хозяина и отношеніе къ нимъ крестьянъ такъ же любовно, какъ и къ коровѣ. Въ народныхъ поговоркахъ и называютъ-то телятъ почти всегда ласкательно — уменьшительнымъ именемъ «теля». Въ раннемъ возрастѣ теленокъ требуетъ себѣ очень внимательнаго ухода: его часто поятъ отъ руки, нѣжатъ его, какъ ребенка. Въ суровую зимнюю пору, чтобы предохранить телятъ отъ холода, крестьяне даже держатъ телятъ въ избѣ, несмотря на то, что она и безъ того переполнена массою обитателей и присутствіе въ ней животнаго, конечно, не способствуетъ улучшенію ея гигіеническихъ условій. За то,

Что вспоено, что вскормлено — то и выросло,

выростить же теленка — будущую корову-кормилицу — для крестьянина важная задача.

Выше уже было приведено распространенное почти повсемѣстно повѣрье о неблагопріятномъ вліяніи високосныхъ годовъ на воспитаніе молодого скота, выражающееся въ поговоркахъ:

Худъ приплодъ въ високосный годъ.
Im Schaltjahr ist nicht gut Vieh aufziehen,

— и многихъ другихъ, которыхъ повторять здѣсь не стоитъ, такъ

какъ онѣ, очевидно, не имѣютъ подъ собой ни малѣйшаго реальнаго основанія.

Мало понятно русское народное изреченіе:

Изъ половиннаго приплода хорошо давать, да не хорошо брать,

—тутъ тоже какой-то очевидный предразсудокъ, основанный, вѣроятно, на мнѣніи о томъ, что при удержаніи приплода хозяинъ оставитъ «водъ» у себя и, слѣдовательно, отданное у новаго владѣльца не приживется. Къ такому же роду предразсудковъ относится мнѣніе французовъ, что не слѣдуетъ приготовлять хлѣва для теленка, пока онъ не родился:

Il ne faut pas faire l'étable au veau, avant qu'il soit né.

Насчетъ воспитанія молодого скота есть вполнѣ вѣрное замѣчаніе у французовъ и англичанъ, свидѣтельствующее о томъ, что перемѣна пастьбы телятамъ полезна:

Changement d'herbe réjouit les veaux.
Change of pasture makes fat calves.

Такая же поговорка есть и у поляковъ, но только относящаяся къ скоту вообще:

Zmiana paszy raduje bydło (Польск.—Перемѣна пастбища радуетъ скотину).

На подножномъ корму телята такъ же скоро отъѣдаются, какъ свиньи въ хлѣбнѣ:

Das Kalb auf der Weide, das Schwein in der Scheuer, werden fett und theuer.

Телята—народъ веселый, любятъ скакать и прыгать,—дай телятамъ въ молодости порѣзвиться, говорятъ нѣмцы и французы:

Man muss der Kalbzeit ihr Recht lassen.
Le bétail jeune doit sauter,

—поговорки иносказательныя—оставь молодости ея права. Особенно разыгрываются телята ранней весною:

Бычки бушуютъ—весну чуютъ (Бѣлор.).

Придетъ время—ихъ успокоютъ:

Быть бычку на веревочкѣ, козѣ—на бузѣ.

Между собой телята вообще живутъ дружно:

Какъ (гдѣ) телята сойдутся, такъ (тамъ) и лижутся.

Но рѣзвиться могутъ только сытые телята, голоднымъ не до прыжковъ:

Hungrige Kälber springen nicht.
Ein verhungert Kalb macht keine grosse Sprünge.

Хотя обычно теленокъ сосетъ только свою мать, нѣмцы замѣчаютъ, что голодный теленокъ всякую корову сосать готовъ:

Das Kalb saugt nur an einer Kuh.
Ein hungriges Kalb saugt an jeder Kuh.

Но затѣмъ, на многихъ языкахъ существуютъ разные варіанты болѣе иносказательныхъ поговорокъ о томъ, что

Ласковое теля двухъ матокъ сосетъ, а бодливому и одна не дается (а бодливое и одной не увидитъ).
Ласковы телятки, сосутъ по двѣ матки.
Ein schmeichelndes Kalb saugt zwei Mütter an.
Pokorne cielę dwie matki ssie (Польск.).
Pokorniému telátku ssáti dwoje matku (Чешск.).

Въ стадѣ коровъ теленокъ всегда свою мать умѣетъ отыскать и всюду за нею слѣдуетъ, всему отъ нея научаясь:

Das Kalb findet seine Mutter wohl.
Das Kalb folgt der Kuh.
Das Kalb lernet von der Kuh.

Уже съ молоду можно судить по теленку, что изъ него выйдетъ:

D'un veau l'on espère un boeuf, comme une poule d'un oeuf.
Am Kalb erkennt man den Ochsen.
Хорошаго бычка еще теленкомъ узнаешь (Черк.).
Am Kalbe schon sieht man, was für ein Ochs es werden will.
Bös Kalb wird selten eine gute Kuh.

Однако, смирный теленокъ можетъ впослѣдствіи превратиться въ бѣшенаго быка:

Aus einem sanften Kalbe kann ein wüthender Stier werden.

Вообще же, по замѣчанію нѣмцевъ, до годового возраста теленка рано хвалить, — онъ еще можетъ испортиться:

Man kann kein Kalb loben, eh'es ein Jahr alt ist.

Татары Закавказскаго края обращаютъ большое вниманіе на качество телятъ и плохихъ совсѣмъ въ стадо не пускаютъ:

Одинъ невзрачный теленокъ все стадо осрамитъ (Татар.).

Они же совѣтуютъ пускать на пастьбу телятъ вмѣстѣ съ буйволицами, считая, что это обезпечиваетъ ихъ отъ дикихъ звѣрей:

Теленка съ буйволицей волкъ не съѣстъ (Татар.).

У насъ насчетъ телятъ не мало еще разныхъ поговорокъ:

Городское теля умнѣе деревенскаго дитяти (пономаря).
Хитрѣе (мудрѣе) теленка не будешь: онъ языкомъ подъ хвостъ достаетъ — (языкомъ подъ себя не достанешь).
Теленокъ быка не переможетъ.
Быкъ да теля — одно племя (одна родня).
Худое теля и среди лѣта (въ Петровки) зябнетъ.
Къ мокрому теленку и муха льнетъ.

Телята любятъ нѣжное, но и осторожное съ собою обращеніе:

Почеши теленка — онъ и шею протянетъ.
Теленка по спинѣ не гладь — захирѣетъ.

Казаки Терской области держатся той же примѣты, еще болѣе ее обобщая:

Нельзя гладить по спинѣ только что родившееся домашнее животное — расти туго будетъ.

Только что родившагося теленка надо внести въ хату обернутымъ въ солому или въ сѣно, чтобы онъ скорѣе ѣлъ солому, или сѣно, не брухался и не жевалъ тряпокъ (Ворон. губ.).

Чей теленокъ — того и веревка, говорятъ нѣмцы; они же совѣтуютъ теленку зимой сѣно беречь, такъ какъ зима долга:

Wem der Kalb gehört, dem gehört der Strick.
Kalb, spare dein Heu, der Winter ist noch lang.

Выраженія — «зарѣзать жирнаго тельца», «das fette Kalb schlachten», «tuer le veau gras» — заимствованныя изъ священнаго писанія, употребляются на всѣхъ языкахъ въ смыслѣ радушно принять, хорошо угостить кого-либо, хотя замѣчательно, съ другой стороны, что и нѣмцы, и французы не хорошо отзываются о телятинѣ, называя ее полумясомъ, а послѣдніе прямо считаютъ ее вредной для здоровья, наряду съ цыплятами и сырой рыбой, которыя, будто бы, даже вызываютъ усиленную смертность.

Kalbfleisch — Halbfleisch.
Veaux, poulets et poissons crus font les cimetières bossus.

Если въ отношеніи сырой рыбы такое мнѣніе и можетъ быть иногда справедливо, то распространеніе его на телятину и на цыплятъ представляетъ большое преувеличеніе, основанное вѣроятно на томъ, что мясо телятъ и цыплятъ нѣсколько труднѣе переваривается, нежели говядина и куриное мясо. Англичане замѣчаютъ, что не всегда отъ крупнаго теленка получается наилучшая телятина:

The greatest calf is not the sweetes veal.

Не взирая ни на какой уходъ, смертность телятъ въ молодые годы очень значительна, да и рѣжутъ ихъ тоже не мало, особенно бычковъ. Поэтому, нѣмцы замѣчаютъ, что телячьихъ шкуръ вывозится на рынокъ больше, нежели бычьихъ. Французы же говорятъ, что и телячьи, и коровьи шкуры одинаково на рынокъ идутъ.

Es giebt mehr Kalbsfelle als Ochsenhäute auf dem Markte.
De veaux comme de vaches vont les peaux à la place.

Нѣсколько поговорокъ посвящается болѣзнямъ рогатаго скота, составляющимъ, особенно въ случаѣ эпизоотіи, бичъ Божій для деревни; иногда отъ одной скотины такая страшная болѣзнь, какъ чума, по всей округѣ распространяется и уноситъ тысячи жертвъ:

Одна корова все стадо перечумила.
Хворь и теленка не краситъ.
Болѣзнь и скотину не краситъ.

Самое вѣрное средство отъ падежа — вовсе скота не водить:

Скота не держать — и ускотья (падежа) не видать,

но такъ какъ это, очевидно, средство слишкомъ радикальное, то, для предохраненія скота отъ болѣзней и падежа, крестьяне прибѣгаютъ къ разнымъ, большею частью суевѣрнымъ, обрядамъ, между которыми наиболѣе извѣстно — опахиваніе деревни сохою, которое производится только въ ночное время, голыми или одѣтыми въ однѣ рубахи простоволосыми бабами, съ разными пѣснями и заговорами; описывать здѣсь этотъ суевѣрный обрядъ нѣтъ надобности, — въ различныхъ мѣстахъ онъ совершается различно, но вездѣ крестьяне и, въ особенности, бабы искренно вѣрятъ, что

За пахатную черту коровья смерть не ходитъ.

Кромѣ опахиванія, практикуемаго при повальныхъ болѣз-

няхъ, въ другихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ:

Въ падежъ скотъ окуривается шерстью отъ рыжей коровы.
Отъ падежа прогоняютъ скотъ черезъ живой огонь,

— живымъ огнемъ мѣстами называютъ огонь, полученный треніемъ двухъ деревяшекъ. При потерѣ жвачки у коровы, натираютъ ей ротъ солью и навязываютъ родъ узды изъ липоваго лычка (Новгор. губ.). Бабы-знахарки знаютъ отъ болѣзней скота массу заговоровъ, прибѣгаютъ ко множеству цѣлебныхъ травъ и т. п.,— но тутъ уже намъ пришлось бы вступить въ такую область, которой мы въ настоящемъ трудѣ рѣшили не касаться.

Любопытно французское повѣрье, что если корова или какое-либо другое животное проглотитъ водяную саламандру (тритона), то она погибла:

Si une vache (ou tout autre animal), avale une salamandre d'eau (triton) — elle est perdue.

У насъ существуетъ повѣрье, что появленіе въ рѣкахъ бѣшеницы (рыба-верховодка) предвѣщаетъ падежъ скота:

Бѣшеница показывается — къ падежу на скотъ.

Въ Ярославской губерніи идутъ въ этомъ отношеніи далѣе, не ограничивая эту примѣту одной бѣшеницей, а относя ее ко всякой рыбѣ:

Рыба всплываетъ на поверхность воды — къ падежу на скотъ.

Падежъ скота приписывается иногда и особымъ вреднымъ росамъ:

Медовая роса — къ падежу на скотъ.

Скотъ остается здоровымъ въ тѣхъ хлѣвахъ, гдѣ водятся пауки:

Im Stall, in dem Spinnen sind, ist das Vieh gesund.

Гибель скота отъ повальной, какъ и отъ случайной болѣзни для крестьянской семьи большое горе; но и тутъ народу приходятъ на память разныя изреченія, которыми онъ старается себя въ этой бѣдѣ утѣшить:

Умеръ телокъ — опростался хлѣвокъ.
Пало теля — прибыло хлѣба.
Корова пала — стойло опростала.
Теля умерло — корму прибыло.

Пало теля — хлѣба прибыло,

— кормить не надо, но, очевидно, что это—утѣшенія плохія, а если къ тому же околѣетъ во дворѣ послѣдній теленокъ, тогда

Умерло теля — миновало племя,

и не легко крестьянину-бѣдняку новымъ скотомъ обзаводиться.

Остается привести нѣсколько русскихъ и еще больше нѣмецкихъ изреченій, касающихся скота вообще:

Вольная скотина — не животина.

Не наученъ человѣкъ — скотина, не накормленъ скотъ — не животина.

При большой дорогѣ и гуртъ пасется.

На каждую скотину по хворостинѣ.

Особо и отчасти насмѣшливо, отмѣчается народомъ отношеніе къ скоту крестьянъ южныхъ губерній, которые не употребляютъ навоза на удобреніе, а выдѣлываютъ изъ него кизякъ на отопленіе хатъ:

Живутъ же люди на свѣтѣ— хлѣбомъ давятся, а пекутъ хлѣбъ на коровьемъ назьмѣ!

Что пшеничному брюху дрова — былъ бы навозъ въ хлѣву!

Степовые мужики — лѣпите кизяки: зима на носу.

Куда одна скотина идетъ, туда и другія за нею слѣдомъ, говорятъ нѣмцы; чѣмъ глупѣе скотина, тѣмъ громче она кричитъ:

Wo ein Vieh hingeht, da geht auch das andre hin.

Das dümmste Vieh schreit am lautesten.

Крупному скоту много корма надобно, но и маленькій даетъ навозъ:

Gros Vieh braucht viel Futter.

Klein Vieh macht auch Mist.

Тощій скотъ мало навозу даетъ, а гдѣ нѣтъ навозу, тамъ и нажать не много придется:

Mager Vieh gibt wenig Mist, und wo kein Mist, da erntet nicht auch der frommste Christ.

Интересны итальянскія поговорки о скотѣ, какъ производителѣ навоза:

Dove passa il campano, nasce il grano,

— гдѣ ходитъ скотъ, тамъ зерно родится,—разумѣется удобреніе, такъ называемой у насъ, толокой.

La pecora ha l'oro sotta la coda,

— у скота золото подъ хвостомъ; золото въ данномъ случаѣ — навозъ.

La pecora sul c..... è benedetta e nella bocca maladetta,

— скотъ сзади благословенъ, а со рта проклятъ, за то, что много ѣстъ.

La pecora sarebbe buona se la bocca l'avesse in montagna, e il c..... in campagna,

— скотъ тогда хорошъ, когда онъ ртомъ на горахъ, а задомъ въ полѣ, т. е., когда онъ пасется, кормъ добываетъ на горахъ, а дома навозъ для поля оставляетъ.

La buona greppia fa la buone bestia,

— хорошія ясли — обильный кормъ — дѣлаютъ хорошее животное, и, наконецъ

La pecore è per il povero, non il povere per la pecoro, — rende molto, ma vuol esser trattata bene,

— скотъ для бѣдныхъ, но не бѣдные для скота, — скотъ даетъ много, но и требуетъ хорошаго ухода, который не всегда могутъ ему доставить бѣдняки.

Въ примѣненіи къ скоту, нѣмцы опять выражаютъ свою нелюбовь къ предметамъ общаго владѣнія и пользованія, — лучше свой телокъ, нежели общая корова:

Lieber ein Kalb allein, als eine Kuh in gemein.

Французы совѣтуютъ скотъ хорошо кормить и содержать, — мясо на костяхъ хорошо держаться будетъ:

Tiens ton bétail gras et dispos, car la chair va bien sur les os,

— и лучше молокомъ питаться, нежели коровой.

Mange le lait et non la vache.

Что скоту дашь — уходъ, кормъ, — то скотъ и назадъ вернетъ, а что скотъ даетъ, то твое; кто скотъ оставляетъ, тотъ и самъ безъ хлѣба останется.

Wer seinem Vieh gibt, dem gibt es wieder.

Wer pflegt sein Vieh, den verlässt es nie.

Wer seine Thiere pflegt und hütet, dem wir des reichlich stets vergütet.

Wer für sein Vieh sorgt, der sorgt für seinen Geldbeutel.

Wenn mann das Vieh wohl hält, so hälts einen wieder wohl.

Gut genährtes Vieh bringt in einem Jahre mehr, als schlecht genährtes in zwei.

Was aus meinem Vieh erzogen, das ist mein.
Wer sein Vieh verlässt, der verlässt sein Brod.

Kto bydlęcia nie szanuje, sam siebie szkoduje (Польск. — Кто скотины не бережетъ, самъ себѣ вредитъ).

Уходъ за скотомъ причиняетъ, однако, не мало заботъ хозяину, и даже сонъ у него отнимаетъ, почему калмыки, большіе скотоводы, говорятъ:

У кого нѣтъ скотины, тѣмъ постель кажется изъ перины, а у кого скотина, постель какъ изъ остраго шила (Калмыки Астрахан. губ.).

Слѣдующая поговорка учитъ, что не надо съ осени пастбище до тла скотомъ вытравливать, иначе весною на немъ долго нечего взять будетъ и запасы сѣна къ лѣту до-чиста подберутся:

Wenn das Vieh dis Herbstweide rein absätzen kann, wird der Heuboden vor dem Sommer eben so rein werden.

Содержанію крупнаго рогатаго скота въ хозяйствѣ нѣмцы придаютъ очень большое значеніе, предпочитая его разведенію домашней птицы, которое, какъ будетъ указано ниже, считается дѣломъ вообще невыгоднымъ и даже разорительнымъ для хозяина, такъ какъ птица много дорогого зерна поѣдаетъ:

Man muss sich halten an das Vieh, das trägt Hörner, und nicht an das Federvieh, das lebt von Körnern.

Содержимый въ хозяйствѣ живой инвентарь, сдаваемый вмѣстѣ съ имѣніемъ въ аренду и подлежащій по окончаніи аренды возврату землевладѣльцу, называется нѣмцами желѣзнымъ инвентаремъ, вѣчной коровой: «Eisern-Vieh», «Immer-Kuh» или еще «Stälern Rind».

Желѣзный скотъ не умираетъ, существуетъ въ Германіи поговорка:

Eisern Vieh stirbt nicht.

Коли найдешь въ хлѣву тощій скотъ, во дворѣ лѣнивыхъ работниковъ, да избалованнаго ребенка въ домѣ — не останавливайся, проходи скорѣе мимо:

Findest du im Stalle ein mageres Rind, im Hofe ein faules Gesind, im Hause ein verzogenes Kind,— da bleib nicht lange, geh weiter geschwind,

— плохое тутъ хозяйство, плохъ большакъ. Не про такого ли безпутнаго крестьянина сложена и нѣмецкая поговорка:

Der Bauer und sein Stier sind ein Thier,—

что мужикъ, что быкъ — одна скотина?

Миръ въ домѣ, удача на скотномъ дворѣ, въ полѣ навозъ— кто при этихъ условіяхъ не сумѣетъ хозяйничать, тому не стоитъ и на свѣтѣ жить:

Fried im Haus, Glück im Stalle, Mist im Feld, wer damit nicht hausen kann, passt nicht in die Welt.

Къ крупному домашнему скоту надо отнести верблюдовъ и буйволовъ — животныхъ, имѣющихъ большое значеніе въ жизни азіатовъ. Въ нѣсколькихъ поговоркахъ отмѣчается величина верблюда, хотя говорится, что есть звѣрь и больше его, какъ есть звѣри и маленькіе, да верблюда дороже:

Великъ верблюдъ, да воду возитъ, малъ соболь—да на головѣ носятъ (малъ соколъ — да на рукѣ носятъ).

Есть и больше верблюда животное — слонъ (Татар. Эрив. губ.).

Верблюдъ — животное неуклюжее, какъ будто все искривленное:

Выпрями шею у верблюда —весь онъ выпрямится (Кюрюнцы).

Верблюдъ своего горба не видитъ (Татар., Закав. кр.).

Извѣстна способность верблюда долгое время обходиться безъ воды и довольствоваться ничтожнымъ ея количествомъ:

Верблюда хоть изъ рѣшета (хоть изъ ложки) пой (Татар., Закавк. кр.).

Обходиться съ верблюдомъ надо умѣючи:

Если верблюда не заставишь лечь —его не навьючишь (Татар.).

Въ отношеніи буйволовъ отмѣчается крайняя ихъ неприхотливость на кормъ и пристрастіе къ сырымъ мѣстамъ:

Здоровому буйволу и гнилой саманъ ни по чемъ (Кюринцы).

Гдѣ камышь — тамъ и буйволица (Татар.).

Буйволы очень сильны, не совладать съ ними и быку:

Съ буйволомъ борющійся быкъ останется безъ рогъ (Мингр.).

Ни русская, ни западно-европейская мудрость буйволовъ не знаетъ, и потому о нихъ не упоминаетъ вовсе.

IV.

МЕЛКІЙ ДОМАШНІЙ СКОТЪ—ОВЦЫ, КОЗЫ И СВИНЬИ.

Мелкій скотъ имѣетъ въ хозяйствѣ, особенно крестьянскомъ, сравнительно меньшее значеніе, нежели крупный. Миновали времена библейскихъ патріарховъ, не знавшихъ счета овцамъ своихъ стадъ, отошли въ глубь азіатскихъ степей, гдѣ еще до сихъ поръ сохранился кочевой пастушескій бытъ,—тѣ многочисленныя отары, которыя нѣкогда, и даже сравнительно недавно, паслись на широкомъ привольѣ нашихъ южно-русскихъ равнинъ. Измѣнились условія содержанія овецъ, уменьшилась ихъ численность въ хозяйствѣ, и осталась за ними роль уже второстепенная,—достаются на ихъ долю остатки кормовъ отъ крупнаго скота, да и вниманія имъ посвящается не много. Только въ мѣстностяхъ съ болѣе развитымъ, культурнымъ хозяйствомъ за овцами есть надлежащій уходъ и содержатся овцы усовершенствованныя—соутдаунскихъ, лейчестерскихъ, айрширскихъ и другихъ мясныхъ породъ,—да сохранились кое-гдѣ на югѣ овцы тонкорунныя—негретти, инфантадо, рамбулье,—въ степяхъ удерживаются еще овцы курдючныя, волошскія и т. п.; обыкновенная же крестьянская овца съ каждымъ годомъ мельчаетъ, при отсутствіи кормленія и ухода,—доживаетъ свой вѣкъ даже знаменитая нѣкогда романовская овца, снабжавшая всю Россію полушубками. Еще меньше значенія имѣетъ коза. За исключеніемъ нѣкоторыхъ южныхъ да гористыхъ странъ, гдѣ козы представляются неоцѣнимыми животными, благодаря ихъ неприхотливости, — въ средней Европѣ и Россіи козъ почти не держатъ, развѣ на конюшнѣ,

Wenn es dem Hirten übel geht, so geht's den Schafen nicht wohl (so sterben die Schafe).
Wer den Schäfern den Lohn schmälert, der verkürzt die Wolle.
Wenn ein guter Hirt redet, so ist's von seiner Heerde.
Böse Hirten verderben die Heerde.
Ein guter Hirt kennt seine Schafe.
Es ist ein böser Hirt, der die eigenen Schafe frisst.
Wenn der Hirt die Heerde verlasst, so zerstreuen sich die Shafe.
Auch die Schafe empfinden's, wenn der Schäfer ein böses Jahr hat.
Ein Schäfer, der den Wolf lobt, liebt seine Shafe nicht.

Il pastore, che loda il lupo, ha in odio a pecora (Пастухъ, который волка хвалитъ, презираетъ овецъ).
Qui n'a qu'un agneau—bien le garde.
Wer nur ein Schäflein hat, der hütet es wohl.
Schlechte Schäfer—fetter Wolf.
A mauvais berger—loup engraissé.
Wenn das Schaf gestohlen ist, sagt der Schäfer—der Wolf hat's getahn.
Schäfer legen die Schuld auf die Wölfe, wenn sie die Shafe gestohlen.

Пастухъ полный хозяинъ ввѣреннаго ему стада, но онъ долженъ съ нимъ обращаться бережно:

Пастухъ долженъ овецъ стричь, а не обдирать (Швейц.).
Шерсть стриги, а шкуры не дери.
Стриги шерсть, да не сдирай шкуры.
Если пастухъ захочетъ, то и отъ козла сыръ добудетъ (Кюрин., Закавк. кр.).
Dobrý pastyr ovce strize, ale kùze nesdirac (Чеш. — Добрый пастухъ овецъ стрижетъ, а кожи не сдираетъ).

Le bon pasteur tond son troupeau sans l'écorcher et sans toucher ni chair, ni peau.
Il faut tondre les brebis et non les écorcher.
Il buon pastore tosa, ma non scortica mai le sue pecore (Пастухъ овецъ стрижетъ, но кожи съ нихъ не сдираетъ).
Ein guter Hirt schiert seine Schafe, ein übler zieht ihnen das Fell ab.
Ein Schäfer, der die Schafe zu viel melkt, ist so shlimm, als der Wolf, der sie frisst.

Собаки пастухамъ подмога большая; пока онѣ стадо сторожатъ, овцы въ безопасности; однако, всецѣло и на собакъ поло-

житься нельзя, когда же собаки съ волками стакнуться, тогда овцамъ приходится плохо.

Wenn der Hund wacht, mag der Hirt schlafen.
Wo der Hund bei der Heerde fehlt, frisst der Wolf die Schafe.
Wenn der Hund schläft, stiehlt der Wolf das Schaf.
Quand le loup et le chien s'entendent, le berger a mauvais temps.
Wo Hund und Wolf sich verbünden, da hilfe Gott der Heerde.

Каковы пастухи, таковы у нихъ и собаки; впрочемъ, лѣнивые пастухи стараются держать злыхъ собакъ, чтобы имъ было легче овецъ пасти; у злыхъ собакъ овцы смирны.

Böse Schäfer lieben bissige Hunde.
Зло ку́чи ста́ду па̀зи (Болгар.—Злая собака стадо стережетъ).
Faule Schäfer haben gute Hunde.
Böse Hunde—zâhme Schafe.

Но каковы ни будь пастухи и ихъ собаки, хороши ли, худы ли, совсѣмъ уберечь овецъ отъ волковъ они не въ состояніи, извѣстная потеря ихъ неизбѣжна,—слишкомъ ужъ овцы беззащитныя, отчасти и глупыя животныя, вслѣдствіе чего онѣ и дѣлаются легко добычею волковъ. На эту тему существуетъ множество бо̀льшею частью очень извѣстныхъ поговорокъ на всѣхъ языкахъ:

Овците сетъ кротки и бу̀дали, да за́ тоа сто́іат да и да̀витъ волкотъ (Болгар. — Овцы кротки и глупы и потому-то душатъ ихъ волки).

Гдѣ овцы, тамъ и волки.
Добро бы овецъ водить, да волки давятъ.
Отъ неопаски люди гибнутъ, не токмо, что овцы.
Кто волка боится — овецъ не держи (Татар., Зак. кр.).
Крадетъ волкъ и считанную овцу.
Волкъ и изъ счета овецъ таскаетъ.
Ты считай, а волкъ придетъ—свое сочтетъ.
И од броіено вжлк носи (Болгар.—И отъ считаннаго волкъ уноситъ).
Рѣжетъ волкъ и мѣченую овцу.
Ловитъ волкъ роковую овцу.
Божьей овцы волкъ не съѣстъ (Арм., Эрив. г.).
Лакомъ волкъ до баранинки.
Кто боится волка—не соберетъ стада (Арм., Зак. кр.).
Смирная овца волку по зубамъ.
Общая овечка волку корысть (ее всего менѣе берегутъ).

Упрямая овца волку корысть.
Не наша овца, что за волкомъ пошла.
Упорная коза волку корпець (Бѣлор.).
Овцѣ съ волкомъ худо жить.
Коза съ волкомъ тягалась, рога да копыта остались.
Сжалился волкъ надъ ягненкомъ — покинулъ кости, да кожу.
Отольются волку овечьи слезки.
Которую овцу волкъ задавитъ, та уже не пищитъ.
Коли волкъ въ стадо заберется — горе тому, у кого единственная овца (Татар., Зак. кр.).
La mal-garde paît le loup.
Brebis comptées, mange bien le loup.
Brebis comptées, le loup les mange.
Brebis mal gardée des loups est tôt happée.
Quand les loups hurlent, les brebis s'enfuient.
Folle et simple la brebis qui au loup se confesse.
A bien petite occasion se saisit le loup du mouton.
Où le loup trouve un agneau, il en cherche un nouveau.
Il lupo non guarda che le pecore sieno conte (Волкъ не смотритъ, что овцы считаны).
Anche delle pecore annoverate mangia il lupo (И считанную овцу волкъ ѣстъ).
Schafe werden überall vom Wolf gefressen.
Zwischen Schaf und Wolf ist keine Freundschaft.
Wo Schafe sind, da sind auch Wölfe.
Wohlverwahrte Schafe frisst kein Wolf.
Einem guten Hirten hohlt der Wolf nicht leicht ein Schaf.
Hüte die Schafe, auch wenn du den Wolf nicht siehst.
Auch dem besten Hirten frisst der Wolf ein Schaf.
Verrirte Schafe frisst der Wolf.
Der Wolf nicht lange frägt und wählt, er frisst die Schafe auch gezählt.
Lämmer, die einen Stempel haben, frisst der Wolf auch.
Der Wolf frisst auch die gezählte Shafe.
Gemeine Schafe fressen die Wölfe.
Das freie Schaf frisst der Wolf.
Das letzte Lamm der Heerd' wird von Wolf zuerst verzehrt.
Uebel gehütete Schafe frisst der Wolf.
Zwischen dem Hirten und dem Wolf ging das Lamm verloren.
Das Schaf, das der Wolf fressen soll, muss man ihm lassen.
Ein Schaf, das dem Wolfe bestimmt ist, entgeht ihm nicht.
Ein Schaf, das geht allein, wird bald des Wolfes Beute sein.
Ein Schaf das, sich nicht zur Heerde hält, frisst der Wolf.
Es können viele Schafe durch einen Wolf verdorben werden.
A lone sheep is in danger of the wolf (Одинокой овцѣ волкъ опасенъ).

Человѣкъ и звѣрь, пастухъ и волкъ стараются другъ друга перехитрить:

Пастухъ стережетъ, а волкъ сторожитъ.
И пастухъ, и волкъ овцу стерегутъ.
Волкъ овцу стережетъ, волка стрѣлокъ сторожитъ.

Итальянцы утѣшаютъ себя тѣмъ, что всѣхъ овецъ волкъ все же не поѣстъ:

Non tutte le pecore sono per il lupo.

Въ Ирландіи съ XV вѣка сохранилось повѣрье, что овцу можно сдѣлать невидимой для волка: стоитъ только для этого повѣсить ей на шею растеніе—пастушья сумка (Capsella bursa pastoris).

Слѣдующія поговорки, поминающія волковъ и овецъ, имѣютъ смыслъ иносказательный:

Худо овцамъ, гдѣ волкъ въ пастухахъ.
Волкъ не пастухъ, козелъ не огородникъ.
И волки сыты, и овцы цѣлы (всѣмъ угодить).
Отъ овцы волкъ не родится.
Волкъ овецъ не соберетъ.
Не прикидывайся овцою—волкъ съѣстъ.
Будутъ цѣлы всѣ овцы, коли волкъ стережетъ.
Ягненокъ уже тѣмъ виноватъ, что волкъ голоденъ (Татар., Зак. кр.).
Beda ovcem kde vlk soudiem (Чешск.—Бѣда овцамъ, гдѣ волкъ судьей).
Tesko berana s vlkem smiriti (Чешск.—Тяжело барану съ волкомъ мѣряться).
Ovce rouno, a vlei srdec (Чешск.—Овечье руно, а волчье сердце).
Il ne faut pas donner des brebis à garder au loup.
Man soll nicht dem Wolf die Schafe befehlen.
Man muss dem Wolf nicht die Schafe zum hüten geben.
Man soll kein Schaf dem Wolf vertrauen.
Il ne faut enfermer le loup dans la bergerie.
Non bisogna dar la pecore in guardia al lupo (Не годится давать стадо сторожить волку).
Wenn man dem Wolf zum Schafhirten macht, dann ist die Heerde in Gefahr.
Juge chacun de maniére que le loup soit repu et la chèvre reste entière.
Qui se fait agneau (brebis), le loupe le mange (le ravit).
He that makes himself a sheep, the wolf eat him (Кто овцой прикинется, того волкъ съѣстъ).

Chi pecora si fa, il lupo se le mangia (тоже).

Wer sich zum Schaf macht, dem zerreisen die Wölfe.

Die Shafe haben es schlimm, wo der Wolf der Richter ist.

Wenn Schaf und Wolf sich ähnlich kleiden, man kann an den Zähnen sie unterscheiden.

Sotto pelle di pecora spesso è nascosto il lupo (Подъ овечьей шкурой скоро волка распознаешь).

Der Wolf bleibt ein Wolf auch wenn er ein Schafpelz trägt.

In einem Schafskleid steckt oft ein Wolf verborgen.

Der Lamm muss dem Wolf allzeit das Wasser betrübt haben.

Aussen hin der Schafpeltz deckt, invendig der Wolf ihm steckt.

Русскія поговорки:

Хоть шуба овечья, да душа человѣчья.
По шубѣ узнавай звѣря, а не человѣка,

—относятся къ крестьянамъ, облекающимся въ овечьи тулупы;—нижеслѣдующія изреченія доказываютъ, что и овечьей натуры не передѣлаешь, хотя бы овца въ тигровую или львиную шкуру нарядилась:

Agneau en peau de tigre craint encore le loup.
Schaf bleibt Schaf auch in der Löwenhaut.

Нѣмцы говорятъ, что овцы, однажды укушенныя волкомъ, будутъ и собаки бояться (тоже, что наша поговорка «пуганая ворона куста боится»):

Ein Lamm, das der Wolf gebissen, fürchtet sich auch vor dem Hunde.

Только тогда овцы и могутъ считать себя въ безопасности, когда волкъ издохнетъ.

Der Wölfe Tod is der Shafe Heil. Mort du louveau—santé de l'agneau.

La morte del lupo è la sanità delle pecore (Смерть волка — овцамъ сохранность).

Даже въ овчарнѣ надо принимать мѣры предосторожности противъ волковъ:

Повадился волкъ на скотный дворъ—поднимай городьбу выше.

Цѣлымъ рядомъ поговорокъ народъ характеризуетъ овечій нравъ, овечьи ухватки, при чемъ отношеніе къ овцамъ бо́льшею частью любовное, какъ къ животнымъ полезнымъ, но и беззащитнымъ, робкимъ, которыя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ своему

тихому нраву измѣняютъ. Въ нѣкоторыхъ изреченіяхъ дѣлается сопоставленіе овцы съ козой: въ хозяйствѣ овецъ парами считаютъ — барана съ овцой, двухъ ягнятъ за одну овцу и т. п.

Парочка — баранъ, да ярочка.

Овца барана стоитъ.

Овечка да ярочка—одна парочка.

Двѣ ярочки — та же овца.

Одна овца стада не дѣлаетъ (Татар., Закав. кр.).

S beranem ovec do pàru (Чешск.— Съ бараномъ овца — пара).

Много овецъ, много и ягнятъ (Татар., Закав. кр.).

Отмѣчается стадное свойство овецъ, ихъ повадка идти всегда вмѣстѣ и дѣлать все то, что дѣлаетъ одна, идущая впереди всѣхъ, и по французскому изреченію — самая умная; обыкновенно же впереди овечьяго стада пускаютъ козла.

Куда стадо — туда и овца.

Das Schaf folgt der Heerde.

Куда одинъ баранъ — туда и все стадо.

Ein Schaf folgt dem andren.

Wenn ein Schaf über die Brücke (durch das Thor) geht, so folgen alle die andern nach.

Ein Schaf gesellt sich gern zum andren.

Wenn ein Schaf flieht, so laufen alle davon.

Jedes Schaf bleib bei seiner Heerde.

If a sheep loop the dyke, all the rest will follow (Если одна овца черезъ канаву перескочитъ, всѣ другія за нею слѣдуютъ).

Far come le pecore: ove va una, andar tutti (Дѣлать, какъ овечье стадо: куда одна овца, туда и другія).

Quand les brebis vont aux champs, la plus sage va devant.

Слѣдующія поговорки рисуютъ различныя свойства овецъ и ихъ особенности:

Маленькая овечка до старости ягнокъ.

Ein kleines Schaf wird lange Lämmel genannt.

Petite brebiette toujours semble jeunette.

Toute brebis qui porte n'est plus déjà si forte.

Сыта овца — кричитъ, голодна овца — кричитъ.

Безъ вымени овца — баранъ.

Черезъ низкое прясло и овца сигаетъ (прыгаетъ).

Обрыкается деревенская овца пуще городской козы.

Избаловалась овца не хуже козы.

Повадится овца не хуже козы (въ огородъ).

Наторѣетъ крестьянская овца лучше (не хуже) барской (боярской) козы.

Сѣра овца, бѣла овца — все равно овечій духъ.

Овца не помнитъ отца, а сѣно ей съ ума нейдетъ.

Соболь да куница бѣжитъ, да дрожитъ, а сѣрая овечка лежитъ, да пышетъ.

Brebis qui bêle perd un morceau (perd sa gueulée).

Ein Schaf, das blökt, verliert den Bissen.

Brebis qui bêle a moins de lait.

Das Schaf, das am meisten blökt, giebt die wenigste Milch.

Die stillen Schafe haben Wolle und Milch.

La brebis bêle toujours de même.

Das Schaf blökt immer dieselbe Weise.

A sa clochette connait ta bête.

Schaf und Lamm kennen einander bei der Stimme.

Кто хочетъ овецъ водить, долженъ не только счетъ имъ знать, но о нихъ заботиться, ихъ беречь и т. п.

Man muss die Schafe nicht blos zählen, man muss sie auch hüten.

Der seine Heerde zählt — ist arm.

За немногочисленнымъ стадомъ усмотрѣть легче, нежели за большимъ, и овцы въ немъ лучше:

Je kleiner die Heerde, desto besser die Schafe.

На чужихъ да дальнихъ овецъ зариться нечего:

Въ чужомъ стадѣ (хлѣву) овецъ не считай, а своихъ береги.

Mieux vaut gigot prochain, que gras mouton lointain.

Замѣчаютъ, что какъ овцы ни кротки, но между собой дерутся, а если овца сбѣсится, то хуже волка бываетъ:

Ein Schaf ist ein frommes Thier, aber doch streitig.

Wenn sich die Schafe mehr an der Weide zanken, so haben es die Hunde besser als die Schafe (?).

Quand brebis enragent, elles sont pires que les loups.

Ein wüthendes Schaf ist schlimmer als ein Wolf.

За бѣшеной овцей не крылату пастырю быть (не угоняться).

Однако, и у злой овцы силенки нѣтъ и зубы тупы:

Овца такъ не укуситъ, какъ волкъ слижетъ.

Какъ ни глупа овца, но свой домъ знаетъ:

У чьихъ воротъ заблеетъ овца — тому и принадлежитъ она (Грузин.).

Рядъ почти тождественныхъ изреченій существуетъ у разныхъ народовъ касательно паршивой овцы, которая все стадо

портитъ, что вполнѣ согласно съ истиной, такъ какъ парша, короста или чесотка у овецъ — болѣзнь крайне заразительная:

Одна паршивая (шелудивая) овца все стадо портитъ (губитъ).
Отъ одной худой овцы все стадо перекоростаетъ.
Паршивая вівця усе стадо спаскудыть (Малор.).
Одна паршива овечка усю отару поганыть (Малор.).
Il ne faut qu'une brebis galeuse pour infecter tout le troupeau.
Jedna owca parszywa wszystko stado zakazi (Польск.—тоже).
One scabbed sheep will infect a whole flock (Одна паршивая овца все стадо заразитъ).
Una pecora rognosa ne guasta un branco (тоже).

Brebis rogneuse fait souvent les autres teigneuses.
Dans un troupeau il peut bien se trouver une brebis galeuse.
Ein räudiges Schaf steckt die ganze Heerde an.
Ein räudiges Schaf macht eine ganze Heerde räudig.
Es ist keine Heerde so klein, es stecken räudige Schafe darein.
Owcę parszywą odłącz od stada, bo wnet we wszystkich taż będzie wada (Польск.— Паршивую овцу отдѣли отъ стада, иначе всѣ могутъ заразиться.

Нѣмцы замѣчаютъ, что паршивыя овцы всего больше блеютъ:

Räudige Schafe blöcken am meisten.

Въ главѣ о крупномъ рогатомъ скотѣ были приведены многочисленныя изреченія про ласковыхъ телятъ, сосущихъ по двѣ матки. Въ отношеніи овецъ есть изреченія сходныя, но есть и обратнаго смысла, про смирныхъ матокъ, которыхъ сосутъ по нѣсколько ягнятъ:

Смирный барашекъ двѣ матки сосетъ (Осетин., Тер. обл.).
Кротко іагнье две матере сиса (Болгар.).
Brebis par trop apprivoisée de plusieurs agneaux est têtée.
Brebis douce et trop apprivée à trop d'agneaux est livrée.
Pecora mansueta da ogni agnella è tettata (тоже).
Ein gutmüthig Shaf wird von allen Lämmern gesogen.

Къ своимъ ягнатамъ овцы-матки относятся съ большою нѣжностью:

La pecora guarda sempre se ha dietro l'agnello (Овца всегда оглядывается, за нею ли ягненокъ).

Въ отношеніи покупки овецъ предразсудковъ у крестьянъ гораздо меньше, нежели при покупкѣ крупнаго рогатаго скота

и лошадей, да и особыхъ обрядовъ, повидимому, при постановкѣ овецъ во дворъ не соблюдается. Г. Костоловскій сообщаетъ, что въ Ярославской губерніи крестьянинъ никогда не станетъ покупать себѣ овцу «на племя» у сосѣда, но непремѣнно купитъ ее у мясника изъ-подъ ножа, т. е. такую, которую мясникъ долженъ былъ зарѣзать. Крестьянинъ при этомъ заранѣе проситъ мясника пріискать овцу получше, за что платитъ ему дороже копѣекъ на 50 и болѣе. При этомъ сдѣлка сохраняется въ глубокомъ секретѣ какъ со стороны мясника, такъ и со стороны покупателя. Если владѣлецъ овцы узнаетъ, что мясникъ овцу покупаетъ для кого-нибудь на племя, то ни за что не продастъ: продавши ее, онъ рискуетъ продать весь «водъ» своихъ овецъ.

Если у какого-нибудь хозяина не ведутся овцы, то прибѣгаютъ еще къ другому средству, а именно, покупаютъ у мясника овцу на такъ называемыя «овсяныя деньги», т. е. на деньги, вырученныя отъ продажи овса послѣдняго урожая (Яросл. губ.).

Чтобы овцы лучше ягнились, кормятъ ихъ блинцами отъ родительской субботы.

Когда отнимаютъ ягнятъ отъ овецъ, то болгары зарываютъ подъ порогомъ топоръ, чтобы ягнята не болѣли.

Про овецъ и барановъ, какъ мясныхъ животныхъ, почти не говорится. Болгары считаютъ, что не хорошо ѣсть мяса отъ овцы, зарѣзанной волкомъ:

Да се яде месо отъ овца наядена отъ вълкъ, не е добрѣ (Болгар.).

Французы отмѣчаютъ, что баранина — лакомое блюдо, и совѣтуютъ ѣсть мѣсячнаго козленка и трехмѣсячнаго ягненка; поэтому молодыхъ ягнятъ и больше рѣжутъ, нежели старыхъ овецъ:

Chair de mouton — manger de glouton.
Chevreau d'un mois, agneau de trois.
Il va plus au marché peau d'agneau que de vieilles brebis.

Зарѣзать барашка не грѣхъ, говорятъ у насъ:

Барашка убить — не душу сгубить.

Вообще ягнята служатъ олицетвореніемъ кротости:

Кро́тко ка́ко іа́гне. Кротокъ, какъ ягненокъ,

— говорятъ болгары и русскіе.

Но всего болѣе занимаются и интересуются овцами съ точки зрѣнія даваемой ими шерсти: тутъ есть изреченія очень любо-

пытныя, характерныя, и даже поэтичныя. Овца и во снѣ шерсть роститъ, говорятъ нѣмцы:

Dem Schaf wächst die Woll'im Schlaf.

Хорошая овца даетъ и шерсть хорошую, если же ее не кормить какъ слѣдуетъ, то она и шерсти не дастъ; плоха та овца, которая шерсти носить не хочетъ; чья овца — того и шерсть; по шерсти овцу знаютъ; отъ мертвой овцы шерсти не будетъ, и пр.

Баранъ безъ шерсти не живетъ.
Ein gutes Schaf trägt gute Wolle.
Wer das Schaf hat, dem gehört auch die Wolle.
Sheer sheep, that have them (Стриги овецъ, кто ихъ имѣетъ).
Die Schafe weidet man, um sie zu scheeren.
Wer die Schafe nicht füttert, dem tragen sie keine Wolle.
Où brebis est, laine est.
A la laine on connait la brebis.
Trista quella pecora che non puol portare la sua lana (Плоха та овца, которая не можетъ своей шерсти носить).
Es ist ein faules (ein schlechtes) Schaf, das seine Wolle (das eigene Wolle) nicht tragen mag.
Schafe, die am meisten blöcken, geben nicht immer die meiste Wolle.
Wenn das Schaf todt ist, giebt es keine Wolle mehr.
In pecora morta non cresce lana (На мертвой овцѣ шерсть не растетъ).

Шерсть молодой овцы (поярокъ) имѣетъ большую цѣну, какъ и овчина новорожденнаго и даже еще не родившагося ягненка (смушка, мерлушка), а затѣмъ, чѣмъ старѣе животное, тѣмъ овчина на немъ хуже:

Первую (лучшую) мерлушку — пошу на опушку.
Овчинка (старая) выдѣлки не стоитъ.
Plus vit l'agneau, plus empire la peau.
Je älter das Lamm wird, desto schlechter wird das Fell.

Цвѣту шерсти въ народныхъ изреченіяхъ значенія не придаютъ: отмѣчается, что не всѣ овцы у патріарха Іакова были бѣлы, и что чернаго барана бѣлымъ не сдѣлаешь (то же, что русское «чернаго кобеля не отмоешь до бѣла»); коза одинаково любитъ своего козленка, будь онъ черенъ или бѣлъ:

Es sind nicht alle Lämmer Jacobs weiss gewesen.
Versuche nicht ein schwarzes Schaf weiss zu waschen.
Черная шерсть отъ мытья не побѣлѣетъ (Кюрин., Зак. кр.).
Qu'il soit blanc, qu'il soit noir, la chèvre aime son chevreau.

Однако, рожденіе чернаго ягненка (отъ бѣлой овцы) французы считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ:

Un agneau noir est un mauvais présage.

Рунной овцѣ опасны колючки,— когда она въ нихъ заберется, то много шерсти на нихъ оставитъ; кромѣ того, не мало колючекъ попадаетъ и въ шерсть, понижая ея достоинство:

Ein Schaf, das sich im Dornbusch rettet, verliert sein Pelz.
Schafe, die zwischen Dornhecken weiden, verlieren viel Wolle.
Une mauvaise brebis s'accroche toujours aux ronces.

Впрочемъ, лучше потерять шерсть съ овцы, нежели самую овцу:

Besser die Wolle verlieren, als das Schaf.
Mieux vaut perdre la laine, que le mouton.
Better give the wool, than the sheep (Лучше отдай шерсть, нежели овцу).
E meglio dar la lana, che la pecora (тоже).

Стрижка овцы представляется дѣломъ очень важнымъ, — нужно уловить для нея время, сообразившись съ погодой, произвести ее какъ слѣдуетъ, чтобы не пострадала овца, и послѣ стрижки овцу отъ простуды предохранить. Выше ужъ были приведены указанія насчетъ того, что пастухамъ надо овецъ стричь, но шкуры съ нихъ не сдирать; эти указанія можно еще дополнить нѣкоторыми дальнѣйшими изреченіями того же рода. Стричь, вообще, можно только шерстную овцу:

Голой овцы не стригутъ.
Отъ стриженаго барана шерстью не наживешься.
Der Wolle wegen schiert man die Schafe.
On ne tond que les moutons.
Was Wolle trägt wird geschoren.
De brebis ou mouton à courte laine espérer grande toison — est perdre sa peine.
De mouton à courte laine on n'aura jamais bonne toison.
Mieux vaut tondre l'agneau, que le pourceau.
Tondi l'agnello et lascia il porcello (Стриги овцу и оставь поросенка).
Einem nackten Schaf ist nichts abzuscheeren.
Nackte Schafe kann man nicht scheeren.

Стричь овцу надо бережно; коли съ овцы въ одномъ году шкуру содрать, въ будущемъ ее и стричь не придется:

La pecora vuol essere tosata, ma non scorticata (Овца хочетъ, чтобы съ нее снимали шерсть, а не шкуру).	Qui écorche son mouton cette année, sera quitte de le tondre l'année prochaine.
Man soll den Schafen die Woll' nehmen, und die Haut lassen.	Щипкомъ шкуры не добудешь, а всего шерсти клокъ.
Wer die Wolle haben will und auch das Fell, kommt um seine Schafe schnell.	Овецъ грабятъ—пастуховъ кормятъ.

По повѣрью крестьянъ Вологодской губ., стрижкою овецъ занимаются не одни только люди, а также иногда и нечистая сила. Такъ, если у овецъ черепъ плѣшивѣетъ, то это значитъ «стрига» ходитъ и стрижетъ у нихъ шерсть на темени.

Стрижка шерсти для овецъ — операція совершенно безвредная (при неловкомъ стригальщикѣ она иногда сопровождается только небольшими порѣзами животнаго), но овцы ея всегда очень боятся, хотя избѣжать и не могутъ:

Овечку стригутъ, а другая того же себѣ жди, поджидай.
Овцу стригутъ — баранъ дрожитъ.
Wenn man die Schafe schert, so zittern die Lämmer.

Обстригши овцу и разматывая ей связанныя для стрижки ноги, баба въ Малороссіи приговариваетъ, прежде нежели пустить ее на волю:

Здорово скачи, отъ вовка втечи (отъ волка убѣгай), на той годъ рунце принеси.

Стричь овецъ можно только въ теплую погоду, и тогда, когда уже не предвидится болѣе возврата холодовъ; иначе онѣ заболѣть или даже издохнуть могутъ:

Il n'est pas toujours saison de tondre brebis et moutons.
Il n'est pas toujours temps de brebis tondre.
Man muss die Schafe nicht allzeit scheeren.
Ein guter Schäfer schiert die Schafe nicht im Winter.
Wenn man den Schafen die Wolle zur Unzeit nimmt, so werden sie krank, oder sterben gar.

Англичане совѣтуютъ стричь овецъ весною, когда зацвѣтаетъ бузина:

You may sheer your sheap when the elder blossoms peap.

Французы и для стрижки овецъ совѣтываютъ сообразоваться

съ луною: надо ждать новолунія, если хочешь, чтобы шерсть выросла густая и быстро:

On doit attendre la nouvelle lune pour tondre les moutons, si l'on veut que leur laine repousse épaisse et sans tarder.

Въ зависимости отъ возраста овецъ и времени ихъ стрижки получается шерсть разнаго качества, носящая и разныя названія. Шерсть, или вѣрнѣе шкурка самыхъ молодыхъ, а равно и неродившихся еще ягнятъ называется «смушка». Шерсть отъ первой стрижки молодыхъ ягнятъ цѣнится очень высоко и носитъ у насъ названіе «поярка», въ Сибири—«еретина». Вторая стрижка молодыхъ овецъ даетъ «подъярокъ» (Сибир.). Шерсть, получаемая отъ лѣтней стрижки, въ августѣ, называется въ Сибири «лѣтнина», а отъ зимней, декабрьской стрижки «зимѝна». Если стрижка производится послѣ предварительнаго перегона овецъ черезъ рѣку, то шерсть такъ и называется «перегонъ». Затѣмъ различаются еще шерсть «прѣсная», получаемая стрижкой живыхъ овецъ, и шерсть «кислая», стравливаемая съ овечьихъ шкуръ послѣ продолжительной мочки ихъ въ такъ называемомъ квасу при обработкѣ овчинъ. Это самый плохой сортъ шерсти; въ Тобольской губерніи онъ носитъ названіе «пòбротень»; лучшій же сортъ прѣсной шерсти тамъ называется «ординка». Снятая съ одной овцы шерсть называется «руно», и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ «волна»; впрочемъ, эти названія примѣняются и къ овечьей шерсти вообще. Шерсть, снимаемая съ конечностей овцы и хвоста, называется «обножка»; она цѣнится много ниже руна и при продажѣ идетъ обыкновенно два пуда за одинъ пудъ руна.

О благополучіи овецъ послѣ стрижки самъ Господь Богъ печется и на нихъ тепло насылаетъ:

Послѣ стрижки Господь на овечекъ теплóмъ пахнѐтъ (подулъ).

То же и на разныхъ другихъ языкахъ:

God tempers the wind to the schoren lamb (Господь для стриженыхъ ягнятъ вѣтеръ умѣряетъ).

Dio modera il vento all'agnello tosato (тоже).

Dieu mesure le froid (le vent) à la brebis tondue.

Gott giebt leisen Wind wenn die Schafe geschoren sind.

Dem geschorenem Lamm misst Gott den Wind.

Wenn die Lämmer geschoren sind, dann schickt Gott warmen Wind.

Послѣ стрижки, овецъ слѣдуетъ выгонять на пастьбу только тогда, когда пастухъ можетъ за ними въ рубашкѣ идти, т. е. когда установится теплая погода:

Die geschorene Shafe soll der Schäfer im Hemd austreiben.

Есть нѣсколько изреченій, касающихся качества шерсти и дальнѣйшаго обращенія съ нею; хороша шерсть—хорошо будетъ и сукно; отъ долгой лежки шерсть портится, въ навозъ превращается, тогда какъ ленъ отъ лежки только улучшается и т. п.

Gute Wolle—gut Tuch.

Aus grober Wolle wird nie ein feines Tuch.

Die Wolle liegt sich zu Mist, Flachs liegt sich zu Seide.

Безъ вару войлока не уваляешь.

На счетъ содержанія овецъ и условій ихъ кормленія существуютъ интересныя изреченія, которыя не мѣшаетъ отмѣтить, такъ какъ они вполнѣ соотвѣтствуютъ истинѣ. На пастьбѣ овцы выбираютъ сперва лучшія травы, а потомъ объѣдаютъ все дочиста, почему на пастбище сперва гонятъ крупный рогатый скотъ, а потомъ уже овецъ, послѣ которыхъ ничего не останется; овцы очень лакомы до озими, но всего болѣе, какъ и козы, до соли, которая составляетъ необходимость для ихъ питанія:

Побываетъ овца на озими, не отучишь ходить ее до зимы.

Ein Shaf ist wohl fromm, aber grast genau.

Валка овца на солонцы.

Alte Böcke lecken auch gern Salz.

Лакома овца къ соли (а коза къ воли).

La capra giovine mangia il sale, et la vecchia il sale ed il sacco (Молодая коза ѣстъ соль, а старая соль съ мѣшкомъ вмѣстѣ).

Падка коза до соли (дѣвка до воли).

Ein Schaf auf der Weide sucht sich die beste Kräuter.

Французы замѣчаютъ что овцамъ и козамъ одинъ и тотъ же кормъ, однѣ и тѣ же отруби, не подходятъ:

A la chèvre et au mouton ne convient pas le même son.

По французскимъ же наблюденіямъ, весною на пастбищѣ овцы мало бѣгаютъ, но много ѣдятъ—отъѣдаются; осенью же онѣ много рѣзвятся и мало ѣдятъ:

Au printemps le troupeau court peu, mais mange à pleine peau; en automne le troupeau, jamais las, court beaucoup et ne mange pas.

Извѣстно, что отъ нѣкоторыхъ растеній у скота, какъ крупнаго, такъ и мелкаго, раздувается брюхо, вслѣдствіе чего и если не принять своевременно мѣръ, животныя погибаютъ. Этими свойствами обладаютъ клеверъ, люцерна и т. п. Французы приписываютъ такое же дѣйствіе и жабнику (Ranunculus ficaria).

La ficaire fait enfler le troupeau (les moutons).

Очень вѣрно наблюденіе о томъ, что овцы хорошо переносятъ холодъ, любятъ сушь, но боятся солнца и сырости:

La brebis est plus estimée avec la barbe gelée, qu'avec la laine mouillée.

La brebis veut toujours avoir le pied sec.

La pluie et le soleil sont nuisibles aux brebis.

Болгары замѣчаютъ, что когда дуетъ восточный вѣтеръ, овечьи молоко и сыръ бываютъ хороши, и, наоборотъ, они дурны при вѣтрѣ южномъ:

Кога духа източнинтъ вѣтъръ, млѣкото на овцитѣ и сиренето бивать добри, а кога духа южниятъ, не добри (Болг.).

Нѣмцы говорятъ, что у овцы золотая нога—овца оставляетъ на пастьбѣ цѣнное удобреніе (овечья толока); наоборотъ, козье удобреніе крестьянина не обогатитъ:

Ein Schaf hat einen goldnen Fuss (es düngt wohl, wo es geht).

Der Schafmist geht über den Segen Gottes.

Ziegenmist lässt den Bauer wie er ist.

Но тѣмъ не менѣе, французы, нѣмцы и поляки считаютъ содержаніе овецъ въ хозяйствѣ, какъ и пчелъ, дѣломъ рискованнымъ,—съ ними легче потерять, нежели нажить:

Mit Schafen und Bienen kann man leichter verlieren, als verdienen.

Cheptel de moutons et d'abeilles fait souvent bien gratter l'oreille.

Kto chowa owce i pszczoły, ten raz bogaty, drugi raz goły. (Польск.—Кто разводитъ овецъ и пчёлъ, тотъ иной разъ богатъ, а иной разъ голъ).

Для того, чтобы овцы хорошо водились, нужно, какъ и для всего другого, благословеніе Божіе:

Благословенное ягня (благословенный баранъ) лучше неблагословеннаго быка.

Покровителемъ овецъ у насъ считается св. Мамантій, день памяти котораго, 2-го сентября—овечій праздникъ.

Встрѣтить овцу, по нѣмецкой примѣтѣ, приноситъ счастье:

Wenn einem Schafe begegnen, so hat man Glück.

Козы.

Козъ крестьяне наши ставятъ гораздо ниже овецъ; къ содержанію ихъ можно обращаться только за неимѣніемъ овецъ:

Овецъ не стало, такъ и на козъ честь напала.

Вообще же, козъ и настоящимъ скотомъ не считаютъ:

Не скотъ въ скотѣ—коза; (не звѣрь въ звѣряхъ ежъ; не рыба въ рыбахъ—ракъ; не птица въ птицахъ нетопырь; не мужъ въ мужьяхъ, кѣмъ жена владѣетъ).

Дѣвки не люди, козы не скотина.

Козами у насъ пользуются очень мало,—извѣстно что

Отъ козла—ни шерсти, ни молока.

Z kozła ni mleka, ni wełny (Польск.—Тоже).

Von einem Bocke bekommt man weder Milch, noch Wolle.

Козье мясо ставится не высоко, вслѣдствіе присущаго ему непріятнаго запаха:

Сѣръ козелъ, сѣдъ козелъ—а все псиной несетъ.

Если еще можно ѣсть молодого козленка, то у старыхъ козъ мясо жесткое:

Alte Ziegen haben zähes Fleisch.

Но козій пухъ въ дѣло идетъ, при чемъ замѣчаютъ, что

Козы даютъ тѣмъ больше и тѣмъ лучшій подшерстокъ (пухъ), чѣмъ суровѣе зима и чѣмъ долѣе ихъ держатъ на волѣ.

Козамъ, и особенно козламъ, народъ дѣлаетъ репутацію нехорошую:

Коза—шайтанова скотина (Уфим. губ.).

Козелъ да приказный—бѣсова родня,

—при чемъ бѣсъ и самъ нерѣдко принимаетъ образъ козла и и въ такомъ видѣ на шабашѣ предсѣдательствуетъ:

Le bouc est une des formes que prend le plus habituellement le diable.

Le diable préside ordinairement au sabbat sous la forme d'un bouc.

Въ Воронежской губерніи существуетъ повѣрье, что

Богъ создалъ овцу, а чортъ козу,

и именно при слѣдующихъ обстоятельствахъ: когда Богъ сотворилъ овцу, чортъ, видя это, позавидовалъ и сказалъ: «я лучше сдѣлаю», о чемъ даже съ Богомъ поспорилъ. Вылѣпилъ чортъ козла по своему образу и подобію, но, какъ ни старался, жизни не могъ ему дать. Богъ, видя это, сжалился, и вдунулъ козлу душу овечью. Однако, слѣды своего происхожденія отъ нечистой силы козелъ сохранилъ навсегда:

Оттого и псиной отъ козла разитъ, что онъ сатанинское твореніе (Твер. губ.).

Происхожденіе козлинаго рода отъ діавола не мѣшаетъ французамъ очень почитать козъ за то, что онѣ бѣднымъ корову замѣняютъ:

La chèvre est la vache du pauvre.

Козъ хвалятъ за выносливость, неприхотливость и умѣнье вездѣ находить себѣ кормъ:

Jamais chèvre ne meurt de faim.

Non fu mai vista capra morta di fame (Никогда не видали издохшей съ голоду козы),

хотя, съ другой стороны, козъ обвиняютъ въ томъ, что онѣ молока даютъ мало, а лѣса портятъ пропасть:

La chèvre apporte une pinte de lait et détruit une charretée de bois.

Благодаря своей неприхотливости, козы довольствуются самымъ плохимъ кормомъ, напримѣръ, верескомъ, на пастбищахъ траву подъѣдаютъ дочиста:

Capra vecchia bene sbrocca (Старая коза чисто подъѣдаетъ).

Dobra koza na wrzosie (Польск. — Хороша коза на верескѣ).

Деретъ волкъ козу, а коза—лозу.

Но съ козами за то бѣда другая,—трудность уберечь отъ нихъ, при ихъ прожорливости, всякую огородину, и, особенно, капусту, до которой онѣ болѣе всего лакомы; не останавливаютъ ихъ и заборы, такъ какъ онѣ легко черезъ нихъ перескакиваютъ, будучи въ этомъ отношеніи гораздо прытче овцы; за одной козой на пастьбѣ больше хлопотъ, нежели за десятью коровами.

Отъ прыткой козы ни заборъ, ни запоръ.

Козелъ перескочитъ, а овца увязнетъ.
Захочетъ коза сѣна—будетъ у воза (не отгонишь).
Пусти козла въ огородъ—яблонь страхомъ не огородишь.
Не вѣрь козлу въ капустѣ, а волку въ овчарнѣ.
Eine Ziege zu hüten macht mehr Mühe, als zehn Kühe.

Отучить козла или козу забираться въ огородъ—почти невозможно, а ужъ коли коза вмѣстѣ со свиньей туда заберутся, тогда огороду совсѣмъ плохо придется:

Радѣла (совѣтовала) коза козлу въ огородъ не лѣзть, а сама тамъ.
Обусловились на свѣтѣ коза да свинья (портить огороды и сады).

Поэтому, не совѣтуютъ держать козла въ садовникахъ, ни давать ему огорода стеречь:

Въ чужой огородъ не пустятъ козла полоть.
Man soll den Bock nicht zum Gärtner machen.
Der Bock dienet nicht zum Gärtner.
Wenn der Bock zum Gärtner, die jungen Bäumen er selten ziert.
Сыта коза—и капуста цѣла.
Il ne faut pas donner des choux à garder à la chèvre.
On ne peut pas sauver la chèvre et les choux.

Чтобы предохранить огороды и сады отъ причиняемыхъ козами поврежденій, ихъ часто держатъ на привязи, и тогда имъ приходится тамъ и пастись, гдѣ онѣ привязаны,—поговорка, часто, впрочемъ, примѣняемая и къ другимъ животнымъ:

Où la chèvre est attachée (liée), il faut qu'elle broute.
Wo die Ziege angebunden ist, da muss sie grasen.

Какъ у насъ въ Россіи, такъ и почти повсемѣстно за границею, козловъ держатъ на конюшнѣ или на скотномъ дворѣ; французы объясняютъ это тѣмъ, что козелъ предохраняетъ скотъ отъ разныхъ болѣзней и очищаетъ воздухъ, а также предохраняетъ отъ навожденія колдуновъ:

Un bouc dans une écurie ou une étable préserve le bétail des maladies contagieuses et du mauvais air.
Un bouc assainit l'étable et empêche le sorcier d'y jeter des sorts.
Eine Ziege im Stall—gut in jedem Fall (eine Ziege auf der Weid macht dir sicher Leide).

Помимо этого, козлу на конюшнѣ дѣлать нечего, хотя онъ и воображаетъ, что очень полезенъ:

Кляча воду возитъ, а козелъ бородой потряхиваетъ.
И козлу недосугъ—надо лошадей на водопой водить.

Выраженіе

Служить за козла на конюшнѣ,

равносильно у насъ полному бездѣльничанью. Другая, болѣе полезная роль козла—ходить впереди стада, которое послушно за нимъ слѣдуетъ; съ этой точки зрѣнія, ему отдаютъ предпочтеніе даже передъ верблюдами; за старымъ козломъ идутъ слѣдомъ и молодые козлята.

Куда козелъ, туда и баранъ.
Козелъ—по горамъ, баранъ—по горамъ.
И великъ верблюдъ, да зря бродитъ; и малъ козелъ, да стадо водитъ.
Wohin die alten Ziegen gesprungen, dahin klettern auch die Jungen.

Главную особенность козлиной породы составляетъ борода, которою козелъ важно потряхиваетъ, хотя, по русскому замѣчанію, она ему ума не придаетъ, какъ не прибавляетъ борода козѣ молока:

Den Bock erkennt man am Bart.
Трясетъ козелъ бороду, такъ привыкъ смолоду.
Борода козлу ума не замѣна.
Die Ziegen mit den längsten Bärten geben nicht stets die meiste Milch.

Козелъ животное злое,—два козла въ одномъ хлѣву не уживутся,—и, благодаря его крѣпкимъ рогамъ, довольно опасное: бодливому козлу на дорогѣ не попадайся. Чѣмъ старше козелъ, тѣмъ крупнѣе и крѣпче у него рога; чей козелъ, того и рога, говорятъ итальянцы:

Козла спереди бойся (коня—сзади, а злого человѣка—со всѣхъ сторонъ).
Нашъ козелъ всѣхъ козловъ переборетъ.
У стараго козла больше рога.
Zwei Böcke vertragen sich nicht in einem Stall.
Einem stossendem Ziegenbock muss man aus dem Wege gehen.
Der Bock lässt sein Stossen nicht.
Chi ha capre, ha corni.

Alte Böcke haben harte (steife) Hörner.
Je älter der Bock, je steifer das Horn.
Czem kozieł starszy, tem róg twardszy (Польск.—Чѣмъ козелъ старше, тѣмъ рога тверже).

Чѣмъ лучше козла кормить, тѣмъ онъ становится бодливѣе; у бодливыхъ козловъ рога закручиваются, а часто они ихъ и совсѣмъ разбиваютъ:

Wird der Bock zu gut gefüttert, so wird er stössig.
Die bösesten Böcke haben die krummste Hörner.
Zornige Böcke stossen sich leicht die Hörner ab.

Когда у молодыхъ козлятъ рога прорѣзываются, они скакать начинаютъ:

Wenn den jungen Ziegen die Hörner wachsen, springen sie.

Козы вообще прытки, но никогда коза шибче не бѣжитъ, замѣчаютъ нѣмцы, какъ когда ее волкъ преслѣдуетъ:

Die Ziege läuft nie besser, als wenn der Wolf sie verfolgt.

Какъ уже сказано, производительность козъ вообще небольшая:

Отъ одной козы не много пуху начешешь.
Козій кожухъ, вербовы дрова—смерть готова (тепла не даютъ).

Худыя козы даютъ молока больше:

Die mageren Ziegen geben die meiste Milch.

Шведы и къ козамъ примѣняютъ поговорку, что чѣмъ больше онѣ кричатъ, тѣмъ меньше даютъ молока.

Козлы, какъ извѣстно, отличаются своею похотливостью, поэтому:

Коза во дворѣ, такъ козелъ черезъ тынъ глядитъ.

Если коза разъ была въ опасности, то долго это помнитъ:

Разъ тільки козу на ледъ погнать можно (Малор.).

Въ старые годы, когда еще на Руси водили на показъ ученыхъ медвѣдей, питомцевъ Сморгонскаго университета (извѣстно, что обученіе медвѣдей разнымъ штукамъ составляло спеціальность мѣстечка Сморгонь, Виленской губерніи), непремѣннымъ спутникомъ медвѣдя была коза, которая также продѣлывала разныя штуки и съ медвѣдемъ вмѣстѣ плясала. Съ тѣхъ поръ сохранились и до нынѣ поговорки:

Сплясалась коза съ медвѣдемъ.
Сподручно козѣ плясать съ медвѣдемъ, не сподручно бороться.

Козлы и козы — животныя упрямыя, иной разъ съ ними только силой и совладать можно:

Не хочетъ коза на базаръ, да за рога ведутъ.

Иносказательно, про невѣстъ, которымъ пора замужъ выходить, говорится у насъ:

Пора козу на торгъ вести.

Французы замѣчаютъ, что коза свое сало прячетъ, сало у нея внутри откладывается:

La chèvre cache sa graisse, elle a la graisse en dedans.

Русскіе крестьяне любятъ, какъ извѣстно, давать животнымъ разныя общія прозванія; у нихъ:

Васька—козелъ, Машка—коза, а свинья—Аксютка.
Козелъ—такъ и Васильевичъ.

Про козъ еще говорится:

Коза на горѣ—выше коровы въ полѣ.
И коза въ сережкахъ щеголяетъ (?).
Вздумалъ богатѣть—купилъ козу, а корму нѣтъ (Терск. обл.).
Лучше въ своемъ домѣ имѣть козленка, чѣмъ въ чужомъ—быка (Армян., Зак. кр.).

Свиньи.

Хозяйственное значеніе свиней весьма велико, и соотвѣтственно этому существуютъ многочисленныя изреченія, характеризующія какъ это значеніе, такъ и самихъ свиней и условія ихъ содержанія.

Хотя отъ свиньи, какъ отъ козла, по нѣмецкой поговоркѣ, ни шерсти, ни молока:

Die Sau giebt weder Milch, noch Wolle,

но за то, когда ее зарѣжешь, все въ ней хорошо:

Dans le cochon tout est bon,

говорятъ французы. Въ этомъ отношеніи отъ свиней, какъ и отъ скупцовъ, бываетъ польза только послѣ ихъ смерти:

Les avares et les pourceaux ne font du bien qu'après leur mort.
Da vivo nessun profitto e da morto tutto,

— при жизни отъ нихъ ничѣмъ не поживиться, а послѣ смерти

все впрокъ идетъ; хотя свиньямъ жизнь и не долга, зато хороша,—только и дѣла имъ, что кормиться:

Vie de pourceau courte et bonne.

Schweine haben ein gut Leben, aber es dauert nicht lang,

и что свиньямъ ни давай—все тебѣ же въ пользу пойдетъ:

Was man seinem Schweine gibt, ist nicht weggeworfen.

Ne perd pas son aumône à son porc qui la donne.

Однако, свиньи очень прожорливы:

Сыта свинья, а все жретъ (богатъ мужикъ, а все копитъ).

Если имѣешь много хлѣба — заводи свинью — ничего не останется (Вологод. губ.).

Нѣтъ скотины прожорливѣе свиньи: все жретъ, а все стонетъ—мало,

и потому нѣмцы считаютъ содержаніе свиней въ большомъ количествѣ невыгоднымъ: на нихъ, какъ и на домашней птицѣ, нетрудно разориться:

Wer will verderben und weiss nicht wie, halt'viel Schwein und viel Federvieh.

Въ такомъ же родѣ высказывается мнѣніе и у насъ:

Посади свинью въ рожь—достанешь грошъ (Вологод. губ.),

— корма не окупишь.

Раздолье свиньямъ тамъ, гдѣ кормовъ много, и ихъ не считаютъ:

Хорошо свиньѣ кругомъ барскаго гумна (Тамб. губ.).

У богатаго гумна и свинья умна (т. е. съумѣетъ наѣсться).

При чрезвычайной плодливости свиней, развести ихъ нетрудно,—было бы чѣмъ ихъ прокормить:

Было бы корытце, да было бы въ корытцѣ, а свиньи найдутся.

Однако, и уходъ за свиньями нуженъ не малый и хозяйкѣ съ ними хлопотъ порядочно; нѣмцы приравниваютъ ихъ въ этомъ отношеніи къ женщинамъ и пчеламъ, которыя столь же требовательны:

Не знала баба горя—купила баба порося.

Schweine, Bienen und Weiber machen viel Noth dem Treiber.

Зато у кого одна свинья, у того она и жирна:

Chi ha un sol porco, facilmente l'ingrassa (У кого одна свинья, легко ее прокормитъ).

Qui n'a qu'un porc—le fait gras.
Wer ein einziges Schwein hat, der mästet es desto besser.
He that has but one hog, makes him fat, he that has but one son, makes him a fool (У кого одна свинья, у того она жирна, у кого одинъ сынъ—сдѣлаетъ изъ него дурака).

Если держать свиней по малу, такъ, что бы онѣ хозяина не объѣли, то польза отъ нихъ, хотя и небольшая, да вѣрная:

Была бы свинка, будетъ и щетинка (будутъ и поросятки).
Якъ своя свинка—свое сальце (Малор., Харьк. губ.).

Со свиньей, какъ и съ козой, хлопотъ не мало; хотя она ѣстъ рѣшительно все, и даже всякую гадость:

Ein gutes Schwein frisst alles,
Propre ou non—tout engraisse le cochon,

— и съ этой стороны содержаніе ея нетрудно, но именно благодаря этому приходится охранять отъ нея огороды и сады, тѣмъ болѣе, что сколько свинья съѣстъ, столько же она своимъ рыломъ изроетъ, испортитъ гряды, разроетъ корни растеній и т. п. Не остановятъ ее никакіе заборы и изгороди:

Свинья всегда (всюду) пролѣзетъ,

говоритъ пословица и потому единственное средство избавиться отъ ея непрошенныхъ посѣщеній—надѣть ей на шею рогатку-треугольникъ, или просто полѣно, которые мѣшаютъ ей пробраться черезъ заборъ.

Свинья—не огородникъ (волкъ—не пастухъ).
Плакалась свинья, что огородникъ хлѣбъ отбиваетъ,

— отъ свиней въ огородѣ только одна шкода—вредъ бываетъ, и потому приходится гнать ее оттуда полѣномъ, хотя и это средство не надолго ее отвадитъ:

Свиньѣ въ огородѣ одна честь—полѣно.
Напала совѣсть и на свинью, какъ отвѣдала полѣна.
Не запомнитъ свиньѣ полѣна, не забыть ей гдѣ поѣла.
Свиньѣ семь огородовъ изрыть, тогда и чурку носить.
Блудливой чушкѣ полѣно на шею.
Свинья не боится креста, а боится шеста.
Отъ бѣса крестомъ, а отъ свиньи шестомъ.
Отвадилась свинья въ огородъ лазить, когда рогатку надѣли.

Свиньи довольно чувствительны къ холоду, и въ особенности

къ вѣтру, почему голландцы увѣряютъ, что свиньи *видятъ* вѣтеръ и хрюкаютъ особенно громко при приближеніи бури.

Свинья землю роетъ своимъ тупымъ рыломъ, оканчивающимся «пятачкомъ». Хотя рыломъ свинья и разгребаетъ иногда глубокія ямы, свидѣтельствующія о силѣ этой части ея тѣла, однако, переносье у свиней представляется, повидимому, очень нѣжнымъ и уязвимымъ мѣстомъ, если судить по изреченію:

Свинью по храпу (переносью) не бей—сразу убьешь.

Свинья копается въ землѣ рыломъ, отыскивая пищу, поѣдая корни даже тогда, когда она не голодна, а ради доставляемаго ей этимъ занятіемъ удовольствія, при чемъ она и не смотритъ вверхъ и не знаетъ, подо что она подкапывается, а всегда внизъ глядитъ:

На то свиньѣ дано рыло, чтобы оно рыло.
Понура свинка глубокъ корень роетъ.
Il porco grufola all'innanzi, e il gallo razzola all'indietro (Свинья роетъ спереди, а пѣтухъ скребетъ землю сзади).
Das blöde Schwein wühlt die tiefen Wurzeln auf.
Das junge Schwein findet ein gut Würzelein.
Stille Schweine wühlen die grössten Wurzeln aus.

Свинья подбираетъ съ земли желуди, не заботясь о томъ, съ какого дерева они свалились:

Die Sau frisst die Eicheln unterm Baum auf, ohne aufzusuchen, wo sie herkommen.
Saue essen Eicheln und wissen nicht, was der Eichbaum ist.

Найдетъ желудь и слѣпая свинья:

Eine blinde Sau findet auch wohl eine Eichel.

Взглянуть вверхъ, на небо, свиньѣ не дано, такъ какъ головы она кверху поднять не можетъ:

Не видать свиньѣ неба.
Свиньѣ вѣкъ на небо не глядѣть.
Свинья рыломъ въ землю, и поросенокъ не въ небо.
Не досталось свиньѣ небо видѣть.
Поневолѣ чушка въ землю глядитъ.

Вѣроятно, по той же причинѣ невозможности для свиньи глядѣть вверхъ, увидать солнцѣ въ зенитѣ, говорится, что

Свинья полудню не знаець (Бѣлор.).
Свиня полудня не знае (Малор.).

Свинья по натурѣ животное злое, но относительно безвредное, такъ какъ ей нечѣмъ вредъ наносить, а кабы были у нея рога, такъ отъ нея и житья бы не было:

Не далъ Богъ свиньѣ роговъ.

Вѣдалъ Богъ, что не далъ свиньѣ рогъ.

Не дай Богъ мужику барства, а свиньѣ роговъ.

Кабы свиньѣ рога—всѣхъ бы со свѣту сжила.

Не дай Богъ свиньѣ рогъ; кабы свиньѣ рога, она бы всѣ горы покопала (Смолен. губ.).

Не дай Богъ свині рогі — всихъ людей поколи (а тобъ все стадо переколола). (Малор.).

Der Sau lässt Gott keine Hörner wachsen.

Wenn die alte Sau Hörner hätte, risse sie alles zusammen.

Se il porco volasse, non ci sarebbe uccel che lo passasse (Кабы свинья летала, ни одной бы птичкѣ спуску не давала).

Едва ли не единственнымъ изъ всѣхъ животныхъ, свинья доходитъ до того, что поѣдаетъ и своихъ собственныхъ дѣтенышей-поросятъ:

Eine Sau frisst ihre eigne Junge.

Впрочемъ, существуетъ поговорка, свидѣтельствующая о томъ, что любовь къ своему потомству присуща и свиньямъ:

Свиньѣ порося—такое же княжа́ (дитя).

Приходится принимать мѣры противъ того, чтобы свинья-мать поросятъ не поѣла, хотя нѣмцы и говорятъ, что это дѣлаютъ только злыя свиньи:

Es ist eine böse Sau, die ihre eigenen Ferkel frisst.

У насъ замѣчаютъ, что

Если загонять свиней въ хлѣвъ ѣсть, то свинья поѣстъ поросятъ,

— значитъ, привыкнувъ ѣсть въ хлѣву, свинья до того разжадничается, что уже не разбираетъ того, что она ѣстъ и поѣдаетъ своихъ поросятъ, какъ бы безсознательно; это все-таки можетъ служить для нея въ нѣкоторой степени оправданіемъ. Вообще же, съ поросятами, которыхъ у свиньи бываетъ не мало, возня ей порядочная, почему и говорится:

Поросята свинью одолѣли.
Куда свинья, туда и поросята.

Поросята обыкновенно въ мать родятся:

Отъ тучной свиньи жирные и поросята.
Od tłustej świni tłuste prosięta (Польск., тоже).

Больше двѣнадцати поросятъ свинья выкормить не въ состояніи, тринадцатому приходится уже голодать:

Wenn die Sau dreizehn Junge wirft, so muss eins fasten.

Итальянцы замѣчаютъ, что у свиней первые рождающіеся поросята бываютъ лучшими, у собакъ же — послѣдніе щенята; это выражается въ поговоркѣ:

Primo porco, ultimo cane.

Отъ свиньи родятся поросята, которые перенимаютъ всѣ свинячьи ухватки:

Свинья не родитъ сокола.
Отъ свиньи не бобренокъ, а такой же поросенокъ.
Отъ свині ни будутъ відміжата, а тѣжъ поросята (Малор.).
Поросенокъ хрюканье отъ старой свиньи переннмаетъ (Татар., Закавк. кр.).
Von der Sau lernen die Ferkel grunzen.

Когда свинья къ своимъ поросятамъ привыкнетъ, она уже становится заботливой матерью, забывая о нихъ только тогда, когда ей самой приходится плохо:

Не до поросятъ свиньѣ, когда самое палятъ.
Свиньѣ не до поросятъ, коли самое на огонь тащатъ.

Не однихъ своихъ поросятъ свинья иногда поѣдаетъ, а и всякихъ другихъ мелкихъ животныхъ, когда они ей попадаются. Въ деревенской жизни извѣстны даже случаи поѣданія свиньями оставленныхъ безъ присмотру маленькихъ дѣтей. Поѣдаютъ свиньи иногда и домашнюю птицу:

И то бываетъ, что гуся свинья съѣдаетъ.
Богъ попущаетъ,—гуся свинья съѣдаетъ.
Богъ не выдастъ (Богъ помилуетъ)—свинья не съѣстъ.

Поговорки эти чаще употребляются, однако, въ иносказательномъ смыслѣ, какъ и слѣдующія:

Гусь свиньѣ не товарищъ.
Свиньѣ гусь не ровня.
Не четайся свинья съ конемъ.
Свинью съ конемъ не четаютъ.
Не мечи бисера передъ свиньями.
Не свинымъ рыломъ лимоны нюхать.

Знать толкъ (въ чемъ-либо), какъ свинья въ апельсинахъ.
Затесалась свинья на барскій дворъ.
Чесалась свинья и о барскія крыльца.
Чесывалась и я (свинья) о барскія крыльца.
Посади свинью за столъ, она и ноги на столъ.
Не вымѣняешь у свиньи шкуры и за куній мѣхъ.
И по рылу знать, что не простыхъ свиней.
Чванна свинья—съ дружкой не чешется, а въ колъ.
Сегодня въ чести, а завтра свиней пасти (превратности судьбы).
Всякая свинка лѣзетъ въ скотники.
Поживешь на вѣку—поклонишься и хряку.
Jede Sau soll bei ihrem Truge bleiben,

— каждая свинья оставайся при своемъ корытѣ, что соотвѣтствуетъ нашимъ русскимъ поговоркамъ, которыя могутъ быть понимаемы и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ:

Знай свинка свой хлѣвокъ.
Знай свинья свое стойло.
Знай свинья свое порося.
Каждой свиньѣ особый хлѣвокъ.

Отличительную черту свиней составляетъ ихъ любовь къ грязи,—валяться въ грязи, повидимому, для нихъ лучшее удовольствіе; стараться отучить ихъ отъ этого — напрасный трудъ. Эта особенность свиной породы отмѣчается во многихъ народныхъ поговоркахъ:

Поросенка хоть мой, хоть не мой, а онъ все въ грязь лѣзетъ.
Наряди свинью въ серьги, а она—въ навозъ.
Свинья найдетъ грязь.
Не найдетъ свинья грязи!
Свиные глазы не боятся грязи.
Aux pourceaux l'ordure ne pue point.
Aux cochons la merde ne pue point.
Truie ne songe qu'ordure.
Der Sau ist im Koth am wohlsten.
Einem Schwein ist nirgend wohler, als im Koth.
Eine Sau ist lieber im Schlamm, denn im frischen Wasser.
Lobe die Sau, und sie legt sich doch in den Koth.
Wenn die Sau gebadet ist, legt si sich wieder in den Koth.
Ein Schwein wälzt sich am liebsten im nassen Koth.
Ein Schwein wälzt sich lieber im Dreck, als in Blumen.
Ein Schwein bleibt ein Schwein, sollt's auch mit Gold verzieret sein.
Das Thier, was die Borsten eigen hat, kämmt sich am wenigsten.

Хотя нѣмецкая поговорка и говоритъ, что мыть свинью — значитъ понапрасну терять мыло и щелокъ:

An der Schweine waschen ist Seife und Lauge verloren,

— однако, по другой нѣмецкой же поговоркѣ, рекомендуется свиней и мыть и гладить,—онѣ за это сторицей отплатятъ:

Wasch und bügle ein Schwein, es bringt dir's hundertfach ein,

— тотъ же совѣтъ дается и всѣми опытными свиноводами, которые удостовѣряютъ, что въ чистотѣ свиньи выращиваются лучше, нежели въ грязи. Итальянцы замѣчаютъ, что свиньи любятъ ѣсть грязно,—отъ этого и самыхъ культурныхъ свиней не отучишь,—но спать чисто, поэтому свиные хлѣва нужно содержать въ чистотѣ:

Il porco vuol mangiare sporco, e dormir pulito.

Содержать свиной хлѣвъ въ чистотѣ — дѣло не легкое, если въ немъ же и свиней кормить, такъ какъ онѣ, жадно бросаясь на кормъ, стараясь другъ друга отъ корыта отогнать, постоянно корыто опрокидываютъ, кормъ разбрасываютъ, и т. п. Русскіе говорятъ, что

На трехъ свиней корму не раздѣлить.

Нѣмцы же совѣтуютъ добиться того, чтобы каждая свинья знала свое корыто:

Jede Sau gehe (geht) zu ihrem eigenen Troge.
Jede Sau soll bei ihrem Troge bleiben.

Но и это не всегда помогаетъ, особенно съ буйными свиньями, которыя, наѣвшись до сыта, свое же корыто стараются перевернуть:

Das ruhige Schwein frisst sein Futter, das wilde stösst den Trog um.
Wenn die Sau satt ist, wirft sie den Trog um.
Quand les cochons sont souls, ils renversent leur auge.

У русскихъ есть повѣрье, что свинья не всегда былъ такой, какъ теперь, но за нечистоплотность наказана:

Была у свинки золотая щетинка, да въ грязи полежала — отняли.

Въ русскихъ хозяйствахъ свиньи рѣдко держатся постоянно въ хлѣву, какъ у иностранныхъ свиноводовъ, которые замѣчаютъ, что чѣмъ свинья лѣнивѣе, чѣмъ менѣе дѣлаетъ движенья, тѣмъ она вырастаетъ больше:

Die faulste Sau wird die grösste.

У насъ же считается, что пребываніе на волѣ для свиней необходимо:

Въ холѣ свинья бока пролежала,

— но зато русская свинина всегда грубѣе заграничной и не такъ пропитывается саломъ насквозь, какъ того требуютъ иностранные потребители: русская свинья откладываетъ сало болѣе кнаружи, подъ кожей, чего у насъ при откармливаніи свиней и добиваются; на иностранныхъ же рынкахъ нашихъ откормленныхъ свиней, съ толстымъ слоемъ подкожнаго сала, столь излюбленнаго особенно малороссами, именно за это и бракуютъ.

Насчетъ кормленія свиней въ народныхъ изреченіяхъ указаній сравнительно не много. Помимо повторенія поговорки о томъ, что корыто къ свиньѣ не ходитъ:

Корито не ходить до свиней, свині до коритъ (Малор.),

у насъ дается совѣтъ относительно выращиванія поросятъ:

Заплати (за поросенка) грошъ, да посади въ рожь, такъ и будетъ хорошъ.

Бо̀льшею же частью свиньи, особенно въ крестьянскихъ хозяйствахъ, кормятся чѣмъ Богъ пошлетъ, добываютъ себѣ пищу сами:

Au petit pourceau Dieu donne racine.

Какъ заберутся голодныя свиньи въ поле, гдѣ имъ хорошая пожива, такъ ихъ оттуда выгнать не легко; надо употребить силу:

Голодная свинья изъ проса не уйдетъ (Татар., Закав. кр.).

Чтеніемъ корана голодной свиньи изъ проса не выгонишь (Татар., Закав. кр.).

Пусти свинью къ вороху, лѣзетъ на верхъ (Осет., Терск. обл.).

Чтобы не пускать свиней въ огородъ, рекомендуется

Свиней скликать, глядя въ окно, — въ огородъ не полѣзутъ (Вятск. губ.).

Французы замѣчаютъ, что на одной чистой водѣ свиней не откормишь:

On n'engraisse pas un cochon avec de l'eau claire.

А такъ какъ откормъ свиней для домашняго потребленія обходится дорого, то совѣтуютъ лучше покупать свиней жирными:

Achetez vos cochons gras (et vos maisons baties).

Нѣмцы даютъ насчетъ откорма свиней больше указаній: словами свиней не откормить, говорятъ они; безпокойную свинью откормить трудно; кормъ давай свиньѣ всегда, когда она ворчитъ; у кого свиньи голодаютъ — хорошаго окорока не получитъ; дробина для свиней дороже, нежели розы и т. п.

Ein Schwein wird nicht von Worten fett.
Ein unruhig Schwein wird nicht fett.
Wer dem Schweine giebt, wenn's grunzt, bekommt ein fettes Schwein.
Wer sein Schwein verhungern lässt, bekommt schlechte Schinken.
Der Sau sind Träber (дробина) lieber, als Rosen.

У насъ считаютъ хорошимъ кормомъ для свиней мякину:

Свинья да мякина, гусь да вода — хорошо живутъ.

Свиньи развиваются быстро и изъ маленькой хорошенькой свинки можетъ скоро выдти большая, а иногда и уродливая свинья:

Aus einer kleinen Sau wird bald eine grosse.
A pretty pig makes an ugly old sow.

Впрочемъ, французы замѣчаютъ, что нѣжные поросята никогда жирными не будутъ:

Porcs délicats ne seront jamais gras.

У кого много свиней, у того и сала много будетъ:

Viele Schweine — viel Speck (viel Tauben — viel Dreck).

Между боровомъ и свиньей разницы вообще не дѣлается — они другъ друга стоятъ:

La truie vaut le porc.

Въ отношеніи свиней повторяется замѣчаніе, что нехорошо, когда у свиньи хозяевъ много, уходъ за животнымъ будетъ плохой:

Много господъ — мало свиней,

замѣчаютъ голландцы. Нѣмцы не совѣтуютъ держать свиней въ одномъ помѣщеніи съ коровами:

Man muss nicht Kühe und Schweine in einem Stall sperren.

Не всякъ свинарь, кто свиней держитъ, говорятъ французы:

N'est pas porcher qui ses porcs garde.

У хорошаго же хозяина и свиньямъ барское житье:

У гарнаго хозяина и свинка господарка,

замѣчаютъ малороссы, въ Харьковской губ.

Но наблюденіямъ нѣмцевъ, свиньи и павлины могутъ жить двадцать пять лѣтъ:

Ein Schwein und Pfau werden fünfundzwanzig Jahr alt.

Французы опредѣляютъ періодъ беременности свиней, нара-

внѣ съ кошками, собаками и медвѣдями, въ три мѣсяца, три недѣли и три дня:

Chats, chiens, porcs et ours portent trois mois, trois semaines et trois jours.

У черкесовъ Кавказскаго края существуетъ наблюденіе, что

Дикая свинья рожаетъ въ ненастье.
Змѣя свинью не кусаетъ,

— увѣряютъ крестьяне въ Смоленской губерніи.

Когда свиньи въ дракѣ разсвирѣпѣютъ — всѣмъ надо прочь бѣжать, онѣ становятся опасными:

All asiding, as hogs fighting.
Wo Schweine streiten, halte dich von weiten.

Когда же свиньи въ мирномъ, благодушномъ настроеньи, то онѣ любятъ лежать вмѣстѣ:

Pigs love lie together.

Вообще же, свиньи животныя завидущія, ко всѣмъ другимъ животнымъ относятся недоброжелательно и враждебно:

Пришла свинья къ коню и говоритъ: и ноги де кривы, и шерсть нехороша.

Въ темнотѣ черныхъ свиней трудно гнать, замѣчаютъ англичане и нѣмцы:

It is ill to drive black hogs in the dark.
Schwarze Schweine sind bös in der Nacht zu treiben.

У насъ отмѣчается привычка свиней на каждомъ шагу почесаться:

Гдѣ свинья прошла, тамъ объ уголъ и почесалась.

При воспитаніи поросятъ, надо охранять ихъ отъ простуды, которая дѣйствуетъ на нихъ очень пагубно:

Холодъ поросятамъ, голодъ гусятамъ (вредны).
Для паршиваго поросенка и въ Петровки морозъ (Ставр. г.).
Паршивое порося и средь лѣта зябнетъ.

Любопытно еще наблюденіе нѣмцевъ о томъ, что свиньямъ очень вредно давать горячее молоко, онѣ отъ него будто бы издыхаютъ:

Wenn ein Schwein heisse Milch bekommt, geht's caput.

Даль приводитъ поминающее свиней изреченіе, смыслъ котораго не ясенъ:

Покуда свиньи не улягутся — угаръ въ головѣ не пройдетъ,

— не идетъ ли здѣсь рѣчь о пьяницахъ, которые до поздней ночи не протрезвятся?

Одна изъ особенностей свиней, отмѣчаемая народными поговорками — ихъ вѣчное хрюканье, переходящее при малѣйшемъ раздраженіи въ нестерпимый визгъ.

Поросенокъ только на блюдѣ не хрюкаетъ.
Отжирѣлая свинья и лежитъ, а все хрюкаетъ.
Не похрюкавъ — свинья не съѣстъ.
Où sont cochons — sont grognons.
Какъ ни надсѣдайся, а доброй свиньи не переголосишь.
Спѣла и свинья волку пѣсенку,

— когда волкъ свинью рѣзалъ.

Дерни одну свинью за хвостъ, и всѣ заголосятъ:

Wenn man ein Schwein beim Schwanze zieht, so schreien sie alle.

Цѣлый рядъ поговорокъ говоритъ о визгѣ свиней при стрижкѣ. Но это занятіе вполнѣ безплодное и оно больше приписывается нечистому:

Отъ свиньи визгу много, а шерсти нѣтъ.
Стригъ чортъ свинью — не столько шерсти, сколько визгу.
Viel Geschrei und wenig Wolle, sagte der Teufel (der Narr) und shor ein Schwein.
Great cry and little wool, said the devil, when he sheared his hogs (тоже).
Assai romore e poca lana, disse colui, che tosava il porco (Довольно визгу и мало шерсти, сказалъ тотъ, кто свинью стригъ).
Grande rumeur, petite toison, dit celui, qui tond ses cochons.

Русскіе замѣчаютъ, что

Свиную щетинку въ кудри не завьешь.

Щетину снимаютъ съ убитыхъ свиней и она имѣетъ, какъ извѣстно, большую цѣну, при чемъ свиньи культурныхъ породъ даютъ щетины меньше и худшаго качества, нежели свиньи простыхъ породъ и при первобытныхъ условіяхъ содержанія. Поэтому, щетина русскихъ свиней и цѣнится дороже всѣхъ. Щетину скупаютъ особые прàсолы-маяки, ѣздящіе по селамъ за этимъ товаромъ; прибытіе ихъ составляетъ обыкновенно въ деревняхъ событіе:

Маякъ здѣсь — пришла честь и на свиную шерсть.

Убой свиней обыкновенно бываетъ зимою, у насъ больше къ Рождеству, за границею онъ пригоняется къ Мартынову дню — 11-го ноября, и нѣсколько иронически этотъ день называется свинымъ праздникомъ:

И у свиней ино праздникъ живетъ.
Jede Sau hat ihren Martinstag.
Jedem Schwein kommt sein Martinsabend.
A chaque pourceau sa St. Martin.

Чѣмъ свинья жирнѣе, тѣмъ ближе ея конецъ:

Je fetter das Schwein, je näher wird's dem Ende (dem Tod) sein.

Французы сообразуютъ убой свиней и заготовку впрокъ свинины и сала съ фазами луны: свинины не совѣтуютъ солить въ первые три дня послѣ полнолунія,— черви въ ней заведутся; сало свиньи, зарѣзанной на молодой лунѣ, хорошо для хранения въ кладовой и для варки въ котлѣ; при убоѣ свиньи въ ветошь — наоборотъ; впрочемъ, въ этомъ отношеніи дѣлается различіе между свиньею и боровомъ: первую надо рѣзать на ущербѣ, а второго на молодой лунѣ:

Ne salez pas de viande de porcs dans les trois jours qui suivent la pleine lune, autrement les vers s'y metteront.
Le lard de porc tué en jeune lune profite dans le charnier et dans la marmite; c'est le contraire quand le porc est tué en vieille lune.
Ne tondre ni tuer les porcs en lune dure (на ущербѣ).
On ne tue pas les porcs en lune décroissante, de peur que le lard ne décroisse en séchant.
Il faut abattre la truie à la vieille lune, et le mâle à la lune nouvelle.

У насъ на этотъ счетъ примѣты другія:

Кормленаго кабана надо рѣзать на старомъ мѣсяцѣ, послѣ полнолунія: сало не будетъ портиться, червь не будетъ заводиться (Ворон. губ.).
Свиней надо рѣзать въ полнолуніе — туша будетъ полнѣе, а на ущербѣ умаляется (Ворон. губ.).
Если на новомъ мѣсяцѣ кабана зарѣзать, то мясо будетъ невкусно и подвергнется скорой порчѣ (Ворон. губ.).

Жареная свинина — лакомое кушанье, которое не каждый день у крестьянъ на столъ подается:

Es giebt nicht all Tage Schweinebraten.

Покровителемъ свиней считаются у насъ Св. Василій Великій, во Франціи—Св. Антоній и Св. Христина:

Sainte Christine et St. Antoine sont les patrons des porcs.

Св. Василій благословилъ свиней и сталъ ихъ покровителемъ послѣ того, какъ поросенокъ подбѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ проповѣдывалъ, и сталъ его слушать (Грузинская легенда). Съ тѣхъ поръ христіанамъ разрѣшено вкушать свинину, которую до того ѣли только нехристи. По другому сказу, свинья прежде считалась животнымъ нечистымъ и ее въ пищу не употребляли, но послѣ того, какъ во время страданій Христовыхъ желчь свиньи была употреблена въ питье, данное Спасителю на Крестѣ, Христосъ дозволилъ употреблять христіанамъ въ пищу свинью, съ тѣмъ лишь, чтобы ее освящали огнемъ; поэтому, свинью послѣ убоя палятъ (Орлов. губ.).

Свинья огнемъ благословится,— не присоливъ, йисты нельзя (Малор.).

Извѣстно, что магометанамъ и евреямъ запрещено ихъ закономъ употребленіе свинины въ пищу. Татаръ вслѣдствіе этого принято дразнить, показывая имъ сдѣланное изъ полы «свиное ухо». Некрещеные вотяки считаютъ большимъ грѣхомъ ѣсть свинину, по той оригинальной причинѣ, что «свинья вотяку мать была».

Въ малороссійскихъ сказкахъ свинья является замѣстителемъ или атрибутомъ древняго бога плодородія:

Кабанъ зубомъ оре, и ухомъ засиває.

На старыхъ греческихъ медаляхъ иногда изображается свинья съ поросятами, какъ эмблема плодородія. Въ Италіи и до сихъ поръ носятъ маленькую металлическую свинку, какъ амулетъ, приносящій счастье.

Свинья навстрѣчу — къ счастью,

говорятъ доселѣ у насъ.

V.

СОБАКА И КОШКА — ЛЮДСКІЕ СОЖИТЕЛИ.

Хотя собака и кошка не могутъ быть отнесены къ числу животныхъ, содержимыхъ человѣкомъ ради сельскохозяйственныхъ цѣлей (за исключеніемъ, развѣ, собакъ-овчарокъ), тѣмъ не менѣе, онѣ составляютъ неотъемлемую принадлежность каждаго хозяйства, какъ богатаго, такъ и бѣднаго, неся въ немъ свою опредѣленную, хотя и весьма различную службу. Вездѣ, гдѣ люди, тамъ и собаки — неразлучные ихъ спутники:

И въ Іерусалимѣ собаки есть.
Hunde bellen und beissen in allen Ländern.
Wo die Hunde bellen, ist's Dorf nicht weit.
Если ночью заблудишься, то иди не на огонь, а на собачій лай (Черкесск.),

— непремѣнно на людское житье набредешь.

Собака охраняетъ хозяйскій дворъ отъ непрошенныхъ гостей, хозяйское стадо отъ лѣсныхъ хищниковъ; собака служитъ помощникомъ человѣку на охотѣ за звѣремъ и птицею, — въ отдаленныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ фигурируетъ и въ роли упряжного животнаго. Кошка очищаетъ домъ отъ мышей и крысъ—хищниковъ, хотя и мелкихъ, но тѣмъ болѣе вредныхъ, что отъ нихъ безъ кошки трудно уберечь хозяйскіе запасы. Распредѣляя такимъ образомъ свои роли, собака и кошка отплачиваютъ человѣку за то, что онъ ихъ кормитъ, содержитъ и даетъ каждой имъ соотвѣтственный пріютъ.

Мужикъ и собака — во дворѣ, баба и кошка — въ избѣ,

— несутъ свою службу въ общемъ хозяйственномъ дѣлѣ.

Katzen und Frauen gehören ins Haus, der Mann und der Hund hinaus.

Безъ собаки — не дворъ, безъ кошки — не изба.

Нѣмцы говорятъ, что собака должна хозяину, а кошка—хозяйкѣ служить:

Der Hund soll dem Herrn, die Katze der Frau dienen (gefallen)

Впрочемъ, и собака, и кошка должны домъ охранять:

Die Hunde und Katzen bewahren das Haus.

Живя бокъ о бокъ съ собакой и кошкой, человѣкъ до тонкости изучилъ ихъ свойства, особенности ихъ характера, которыя и выразилъ въ безчисленномъ множествѣ поговорокъ и изреченій, въ совокупности прекрасно обрисовывающихъ этихъ животныхъ, которыя, подчинившись человѣку, сумѣли, однако, сохранить свою физіономію, свои прирожденныя и отчасти только видоизмѣнившіяся, подъ вліяніемъ воспитанія и совмѣстной съ человѣкомъ жизни, качества и недостатки. Изучая характеръ этихъ животныхъ, давно отказавшихся отъ своего прежняго вольнаго существованія, можно отмѣтить, что собака болѣе подчинилась человѣку, болѣе приручена имъ, болѣе утратила свою самобытность, нежели кошка, которая, въ сущности, даже живя въ домѣ, сохранила свои прежнія природныя свойства, осталась хищникомъ, только какъ бы ради собственнаго своего удобства поселясь вмѣстѣ съ человѣкомъ; кошка служитъ ему больше подъ вліяніемъ своего собственнаго инстинкта, удовлетворяя своимъ природнымъ наклонностямъ, а въ сущности продолжаетъ быть и въ домашней обстановкѣ животнымъ вольнымъ, самостоятельнымъ, до сихъ поръ еще очень близкимъ къ своимъ дикимъ сородичамъ. Съ этой точки зрѣнія, можно сказать, что собака—всецѣло слуга человѣка, часто вѣрный слуга и въ то же время другъ, преданный ему до конца жизни, тогда какъ кошка — только его сожитель, но не слуга ему и бо̀льшею частію даже и не другъ, а, сжившійся съ нимъ ради взаимныхъ услугъ и удобствъ, вольный звѣрь. Характерна такъ же, та, почти никогда не изчезающая, даже при долголѣтней совмѣстной жизни, — природная вражда этихъ двухъ животныхъ, собаки и кошки, между собою, которая и въ народныхъ поговоркахъ служитъ выраженіемъ взаимной ненависти, являющейся послѣдствіемъ несходства характеровъ:

Собаку съ кошкой не помиришь.

Лады — что у кошки съ собакой.

Jamais chien et chat ne s'accordent.

Chats et chiens — mauvais voisin.

Hunde und Katzen müssen sich bratzen.

Katz' und Hund machen selten Freundschaftsbund.

Der Hund hat die Katze so gern, wie der Bauer den Herrn.

Etre ami comme chien et chat,—

жить, какъ кошка съ собакой,— говорится и про людей, которые вѣчно враждуютъ и никогда сойтись не могутъ. Врочемъ,

Нужда сдружитъ и собаку съ кошкой.

Не будутъ такъ же никогда собаки дружиться ни съ зайцами, ни съ волками:

Hunde und Hasen werden nie Freunde.
Ein Hund und ein Hase thun selten gut beisammen.
Kein Hund ist des Hasen Freund.

Но если бы собака съ волкомъ сдружилась, то было бы совсѣмъ плохо:

Кабы волкъ заодно съ собакой, такъ бы человѣку и житья не было.

Существуетъ, однако, повѣрье, что

Встарь бывало, и собака съ волкомъ живала.

Поговорокъ, касающихся собакъ и кошекъ, и съ разныхъ сторонъ ихъ характеризующихъ, на разныхъ языкахъ безчисленное множество, такъ что всѣ ихъ перечислить рѣшительно невозможно. У одного Вандера, въ его собраніи пословицъ (Wander, Deutscher Sprichwörter Lexicon), приводится свыше 1.700 нѣмецкихъ изреченій про собаку, да нѣсколько сотъ на разныхъ другихъ языкахъ. Здѣсь, поэтому, будетъ помѣщено только то, что представляется болѣе характернымъ, что обрисовываетъ болѣе выдающіяся черты и свойства этихъ животныхъ въ ихъ жизни и отношеніяхъ къ человѣку. Наибольшее число изреченій касается собакъ вообще, отдѣльныя изреченія обрисовываютъ собаку сторожа, собаку охотника и т. п.

Собака знаетъ свой домъ, своего хозяина. Домъ она охраняетъ, хозяину служитъ и его любитъ такъ, какъ не всегда люди любить умѣютъ. Однако, не взирая на всѣ эти достоинства, собака считается нечистымъ животнымъ, и одно ей имя — песъ. Что съ

ней ни дѣлай, хоть мой и чеши, хоть хвостъ отруби — псомъ она и останется.

Черная собака, бѣлая собака, а все одинъ песъ.

Чернаго кобеля не вымоешь до бѣла.

Прослылъ песъ псомъ и кличка ему такова.

Старый песъ ни волкъ, ни батька, а все тотъ же песъ.

Собакѣ собачья и честь.

Собакѣ собачья и смерть (и жизнь).

Psu psi cèst (Чешск.).

Hund bleibt Hund.

Ein Hund lebt wie ein Hund.

Lavez chien, peignez chien, toutefois n'est chien que chien.

Der Hund bleibt ein Hund, wenn man ihm auch dem Schwanz abhaut.

Taglia la coda al cane, e riman cane (Отруби хвостъ у собаки, а все псомъ останется).

Собаку хоть въ Іордани выкупай, она все той же собакой будетъ, говорятъ французы:

Jette le chien dans le Jourdain, il est chien comme auparavant.

Собака и мышь нечистыя животныя; лошадь — чистое; — кошка — ни то, ни се.

Собаку можно цѣловать въ морду, а не въ шерсть; кошку — наоборотъ.

У кошки шерсть чиста, а рыло погано; у собаки — рыло чисто, а шерсть погана.

Мнѣніе о томъ, что у собаки шерсть погана основывается на повѣрьи, что первоначально Богъ создалъ собаку голой, а потомъ уже ей шерсть далъ сатана, поэтому собаку и въ церковь не пускаютъ, а кошку, у которой шерсть отъ Бога, ничего, пускаютъ.

У собаки языкъ чистый, у кошки — поганый.

Собака хоть честна, да погана, а кошка — пакостница.

Собака обжора, а кошка сластена.

Собака себя поганой не считаетъ (Татар., Закав. кр.).

Сколько собаку ни мой, она все нечистой останется (Татар., Закавк. кр.).

Наименованіе «песъ» для собаки только генерическое, каждая же собака свое особливое имя имѣетъ, которое часто дается по цвѣту шерсти (Сѣрко, Рыжикъ, Жучка и т. п.).

У всякой собаки своя кличка. По шерсти собакѣ и кличка (и имя дано).

По псу и кличка. Par le poil on nomme le chien.

Впрочемъ, собачьи клички самыя разнообразныя бываютъ, тогда какъ кошки у насъ почти всѣ Машки. Въ Смоленской губерніи существуетъ повѣрье, что собаки съ именами Мелампъ, Кувиланъ и Лавива приносятъ счастье дому и скотъ при нихъ обезпеченъ отъ звѣря. По преданію, такъ назывались три собаки пастуховъ, пришедшихъ первыми поклониться Христу въ Вифлеемѣ, прослышавъ о Его рожденіи. Арабы совѣтуютъ давать собакѣ кличку «Китмиръ». Такъ, по арабской легендѣ, называлась собака, которая 309 лѣтъ сторожила «семь спящихъ», и въ награду за это была взята на небо [1]).

Если кличка собаки часто дается по цвѣту шерсти, то достоинство ея, конечно, не по цвѣту шерсти опредѣляется, а по зубамъ, по уму и способностямъ:

Man muss den Hund nicht nach der Farbe schätzen.

Den Hund schätzt man nicht nach den Haaren, sondern nach den Zähnen.

On ne connait pas les gens aux robes, ni les chiens aux poils.

Въ какой шерсти собака родилась, въ той и ходитъ; хотя и линяетъ ежегодно, но цвѣта шкуры не мѣняетъ:

Каждая собака въ своей шерсти ходитъ.

Въ одной шерсти и собака не проживетъ.

Песъ косматъ — ему же тепло (мужикъ богатъ, ему же добро).

Мужикъ побогатѣлъ, ему же добро; песъ покудлатѣлъ — ему же тепло.

---

[1]) Сказаніе о семи спящихъ и собакѣ при нихъ заимствовано изъ Корана, глава 18-я, «Пещера». Дѣло происходило въ царствованіе Деція; изъ Ефеса бѣжало отъ гоненій шестеро «вѣрующихъ юношей»; по пути присоединился къ нимъ седьмой — пастухъ съ собакою (которую будто бы звали «Китмиръ») и спрятались они въ пещеру, съ молитвою: «Господи, окажи намъ Твое милосердіе и увѣрь насъ въ правотѣ нашего поведенія» (стихъ 9-й, главы 18-ой); послѣ этого всѣ заснули, а собака ихъ сторожила. Пробудившись, они спрашивали другъ друга, сколько времени они оставались тутъ? Одному показалось одинъ день, даже часть дня, другіе рѣшили, что Богъ знаетъ «лучше кого другого». Затѣмъ они послали одного изъ среди себя въ городъ купить провизію и тамъ на базарѣ выяснилось по монетѣ имъ принесенной, что эти отроки провели въ пещерѣ подъ охраною вѣрнаго «Китмира» триста девять лѣтъ (монета оказалась временъ царя Деція).

Татары Закавказскаго края говорятъ, что

Полосатая собака шакалу дядей приходится.

Большую роль играетъ у собаки ея хвостъ; она имъ всѣ свои ощущенія выражаетъ:

У собаки думка въ хвостѣ.

Какъ ни вертись собака, а хвостъ позади.

Собака собаку съ хвоста обнюхиваетъ.

То не порокъ, что хвостъ коротокъ: поживешь — вырастетъ.

Non v'è si tristo cane, che non meni la coda (Нѣтъ такой печальной собаки, чтобы хвостомъ не махала).

Der Schwanz des Hundes wird nie gerade stehen.

Der Hund wedelt so lang mit dem Schwanz, als er den Knochen sieht.

A méchant chien — belle queue.

Petit chien — belle queue.

Kleine Hunde — schöne Schwänze.

Ogni cattivo cane ha la code lunga (У плохой собаки дологъ хвостъ).

Отмѣчается собачій умъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ея своеволіе

Собака человѣка перехитритъ.

Собакѣ законъ не писанъ.

Къ чему собака привыкла, то она и дѣлаетъ:

Повадилась собака за возомъ, побѣжитъ и за санями.

Привыкла собака за возомъ ходить, будетъ и за порожними санями бѣгать.

Малороссы говорятъ, что собака не научится плавать, пока ей вода въ ухо не нальется; другіе, наоборотъ, считаютъ для собаки весьма вреднымъ, когда ей вода въ уши попадаетъ.

Собака рожаетъ слѣпыхъ щенятъ и именно по этому, будто бы, собачье мясо, какъ и мясо всѣхъ слѣпорождающихъ, ѣсть нельзя:

Что слѣпымъ родится, то въ снѣдь не годится.

Charne de chien ne vaut rien.

Рожденіе же сукой щенятъ слѣпыми объясняется ея торопливостью скорѣе дѣтей на свѣтъ произвести:

Собака скоро рожаетъ, да слѣпыхъ.

Сука въ поспѣшности мечетъ слѣпыхъ щенятъ (Древн. греч.).

Отмѣчается привязанность суки и кошки къ своимъ дѣтямъ:

У суки щеня, у кошки котя — и то дитя.

Слѣпой щенокъ — и тотъ къ матери лѣзетъ.

Собака и кошка три мѣсяца носятъ и три мѣсяца дѣтей молокомъ кормятъ:

Cane e gatta tre ne porta e tre ne allata.

Щенята отъ перваго помета молодой суки считаются негодными и ихъ часто предпочитаютъ топить:

Первыхъ щенятъ за заборъ мечутъ (за тынъ бросаютъ).
Die ersten Hunde wirft man gern in's Bach.
Die ersten Hunde ertränkt man gern.

Однако, на счетъ этого существуютъ и противоположныя мнѣнія. Такъ, въ Вологодской губерніи считаютъ, что собаки (и кошки) «первыши», т. е. первенцы отъ «несукотки» — первородящей суки, отличаются хорошими качествами, одно изъ которыхъ — способность видѣть нечистаго. Отъ нихъ и вѣдьма даже подъ видомъ сороки не укроется. Но только трудно такихъ щенятъ (или котятъ) воспитать — ихъ колдуны убьютъ. Чтобы предохранить ихъ отъ колдуновъ, нужно либо протаскивать ихъ свозь ѣзженую колесную трубицу, либо на ночь прятать подъ борону. До какихъ предѣловъ доходитъ иногда народная фантазія!

Итальянцы увѣряютъ, что у собакъ будто бы первый появившійся щенокъ каждаго помета бываетъ лучшимъ; они же говорятъ, что кобельки родятся въ суку, а сучки въ кобеля:

Dal cane la cagna e dalla cagna il cane.

Впрочемъ, по другой итальянской поговоркѣ, сучки родятся въ мать:

I cagnuoli somigliano la cagna.
Отъ злой собаки злой щенокъ (Татар., Закавк. кр.).
De laide chienne laid petit chien.
Изъ уворованныхъ щенковъ всегда выходятъ злыя собаки (Грузин.).
Если собака впервые ощенится однимъ щенкомъ, то изъ него всегда выйдетъ добрый песъ (Черк.).

Французы считаютъ, что щенята, родившіеся лѣтомъ, а котята — родившіеся зимой, лучшіе: сходная съ этимъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи котятъ, примѣта существуетъ и у насъ:

Chats d'hiver, chiens d'été (sont les meilleurs).
Котята хорошо удаются, если родятся, когда лѣсъ голый стоитъ (Вологод. губ.)

Достоинства и недостатки собакъ опредѣляются уже смолоду:

Wie der junge Hund ist, so wird der Alte.
Маленькая собачка до старости щенокъ.
Маленькая собачка повікъ щеня (Малор.).
Kleine Hunde bleiben lange jung.

У молодыхъ собакъ зубы острые.

Kleine Hunde haben scharfe Zähne.
Собака не знаетъ своего отца,

— говорятъ киргизы, но за то хорошо знаетъ хозяина, знаетъ того, кто ее кормитъ, на него не лаетъ, его покой сторожитъ, по нѣсколько разъ въ ночь просыпается, чтобы за хозяиномъ доглядѣть:

Собака — другъ (а лошадь — ворогъ).
И собака того знаетъ, чей кусъ ѣстъ.
Собака на того не лаетъ, чей хлѣбъ ѣстъ.
И собака знаетъ, кто бьетъ, кто кормитъ.
И собака ласковое слово знаетъ (помнитъ).
Собаку обласкай, и та помнитъ.
И собака старое добро помнитъ.
И старъ песъ, да вѣрно служитъ.

Добрій песъ лучшій, якъ злой чоловікъ (Малор.).
Le chien connait ceux qui lui font du bien.
Сытая собака лучше голоднаго бека (Татар., Закав. кр.).
Собака умнѣй бабы — на хозяина не лаетъ.
Der Hund merkt sich wohl, wer ihm einen Bissen gibt.
Der Hund kennt den wohl, der ihm einen guten Kuchen gibt.

Хорошо помнитъ собака также и всякую причиненную ей непріятность, или обиду, становясь иногда послѣ того очень пугливой и недовѣрчивой:

Chien battu ne suit pas son maitre.
Chien échaudé craint l'eau froide.
Chien échaudé ne revient plus en cuisine.
Chien une fois échaudéd'eau froide est intimidé.
Chien échaudé a peur d'eau tiède.
Begossene Hunde fürchten das Wasser.

Cane scattata del acqua calda, ha paura della fresca (Ошпаренная собака холодной воды боится).

Der Hund kommt nicht bald wieder dahin, da er einmal geschlagen ist.

Не за каждымъ хорошая собака побѣжитъ, кто ее позоветъ:

Ein guter Hund läuft nicht jedem nach, der ihm ruft.

Wenn der Hund vor seines Herrn Thür ist, hat er grosses Recht,

— собака всегда права, когда она передъ дверью своего господина стоитъ. Это сознаніе своего права и дѣлаетъ собаку, стерегущую свой дворъ, свой домъ, особенно смѣлой, и, наоборотъ, очень смирной и робкой, когда она не чувствуетъ себя дома; смирна и забѣжавшая въ чужое село или на чужой дворъ собака; мѣстныхъ собакъ она не тронетъ, даже не залаетъ:

Chien sur son fumier est hardi.

Tout chien est lion en sa maison.

Ogni cane è leone a casa sua (Всякая собака въ своемъ домѣ—левъ).

Canis domi ferocissimus (Собака дома свирѣпа).

Въ домѣ собака тиха—не лаетъ (Армян., Закав. кр.).

Чужой собакѣ на селѣ житья нѣтъ.

Не мѣшайся деревенская собака промежъ городскихъ.

Внѣ деревни собака не лаетъ (Татар., Эрив. губ.).

Vor seiner Hütte ist der Hund am wüthesten.

Tout chien est hardi dans sa maison.

Un chien et un coq sont forts sur leur pailler.

Der Hund ist keck in eigenem Hause.

Der Hund ist tapfer (stark) au seinem Mist.

Jeder Hund ist ein Löwe in seinem Haus.

Si le chien n'est pas dans sa maison, il n'aboie pas.

Es beisst kein fremder Hund einen einheimischen.

Ein Bauernhund hällt keine Gemeinschaft mit einem Jagdhunde.

Сосѣдская собака на сосѣда не лаетъ (Татар.).

Собака на чужой сторонѣ (чужая собака) съ поджатымъ хвостомъ ходитъ (Татар., Эр. г.).

Старая талмудическая поговорка говоритъ, что въ чужомъ краю собака семь лѣтъ лаять не станетъ.

Каждая собака свою сторону знаетъ и на чужбинѣ тоскуетъ:

На чужбинѣ и собака тоскуетъ.
Своя сторонка и собакѣ мила.
И собака свою сторону знаетъ.

Русскій народъ каждой собакѣ и кошкѣ свой домъ, свою конурку имѣть желаетъ:

Приведи Богъ и собачкѣ свою конуру.

И псу конурка, и коту печурка.
Хороша и собачкѣ своя конура.

Дай Богъ и кошкѣ свое лукошко. Знаетъ кошурка свою печурку.
Знай кошка свое лукошко.

Свою конуру хорошая собака въ чистотѣ держитъ:

Ein guter Hund hält seinen Hof rein.

Сколько собаку ни мой и ни чеши, отъ блохъ она избавиться не можетъ, а онъ нея и всякій ихъ наберется:

Изъ собаки блохъ не выколотишь.
И отъ доброй собаки блохъ наберешься.
Съ собакой ляжешь, съ блохами встанешь.
Kto se psy líha, s blechami vstává (Чешск.).
Je fetter der Floh, je magerer der Hund.
Tout chien a ses puces.
Qui hante chiens, puces remporte.
Où chien y a, puces y a.
Qui se couche avec les chiens, se lève avec les puces.
Chi dorme con cani, si leva con pulici (Кто съ собаками спитъ, тотъ съ блохами встаетъ).
Wer mit Hunden zu Bette geht, steht mit Flöhen auf.

Каковъ хозяинъ, таковы у него и собаки:

Если хозяинъ злой, то и собака злая (Грузинск.).
По хозяину и собакѣ честь.
Коли пастухъ любъ, люба и его собака (Черк.).
Изъ уваженія къ хозяину — не бей его собаки (Арм., Эрив. г.).
Кто любитъ хозяина, такъ и собакѣ его кость броситъ (Черк.).
Il faut avoir égard au chien à cause du maitre.
Qui aime Bertrand, aime son chien.
Qui m'aime — il aime mon chien.
Love me, love my dog (Меня любишь — люби и мою собаку).

И обратно, хорошая собака всегда себѣ хозяина найдетъ:

A cane bone non faltat padrone.
Ein guter Hund findet überall einen Herren (Хорошая собака безъ хозяина не останется).

Собакамъ приписывается способность распознавать свойства людей; на хорошаго человѣка собака не лаетъ:

При видѣ добраго человѣка, собака не заворчитъ (Имерет.).
Если собака ласкается къ незнакомому человѣку — онъ добръ; если же ворчитъ — злой (Имерет.).
Собака, какъ ни будь зла, на добраго человѣка не бросается (Грузин.).

Со своею собакою хозяинъ какъ хочетъ, такъ и поступаетъ, но въ чужія руки отдавать ее не долженъ — испортятъ:

Chacun tond son chien, comme il l'entend.
Ружья, жены и собаки на подержаніе не отдавай.

Французы говорятъ, что кобель похожъ на своего господина, а сука — на хозяйку:

Le chien est pareil à son maître, la chienne — à sa maîtresse.

У собаки, вышедшей изъ своего дома, да еще безъ ошейника, хозяина нѣтъ, всякій ее обидѣть можетъ:

Le chien qui est sorti de la maison n'a point de maître.
Einen Hund ohne Halsband kann jeder schlagen und treten.

Въ благодарность за кормъ и пріютъ, собака сторожитъ хозяйскій дворъ и домъ; чѣмъ злѣе собака, тѣмъ лучшій она сторожъ

При вѣрномъ псѣ сторожъ спитъ (и сторожа спятъ).
Ein feister Hund ist ein schlechter Wächter.
Böse Hunde sind gute Wächter.
Ein guter Hund im Haus beisst die Fremden hinaus.
Böse Hunde bewahren das Haus.

Добрая собака три раза въ ночь просыпается, чтобы за своимъ хозяиномъ доглядѣть:

Le chien se réveille trois fois par nuit pour veiller sur son maître.

Однако, иногда собаки сторожатъ и безъ толку:

Собака сина не исть и коневи не дае (Малор.).
Le chien du jardinier ne mange pas de choux et n'en veut pas laisser manger aux autres.
Дурная собака сама не ѣстъ и другимъ не даетъ (Армян., Закав. кр.).
Собака на сѣнѣ лежитъ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ.
Il cane del ortolano non mangia la lattuga, ne vuol che altri la mangia] (Собака садовника сама салата не ѣстъ и не хочетъ, чтобы его другіе ѣли).
Der Hund, der auf dem Heu liegt, frisst es selbst nicht und lässt es auch keinem andern.
Собака сѣна не ѣстъ и овцѣ не даетъ (Армян.).
Песъ псу мѣсто облеживаетъ.

Исполняя свои обязанности вѣрнаго сторожа, собака громко и злобно лаетъ на всякаго, кто кажется ей подозрительнымъ. Старая и умная собака, обыкновенно, зря не лаетъ, но, конечно,

не всегда на собачій лай можно положиться; молчащія же собаки часто опаснѣе лающихъ.

Добрый песъ на вѣтеръ не лаетъ.

Не той собаки бойся, что громко лаетъ, а той, что изподтишка кусаетъ.

Не та собака кусаетъ, что лаетъ, а та, что молчитъ, да хвостомъ вертитъ.

Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой.

Молчанъ собака, да тихій омутъ—опасны.

Молчанъ собака изъ-подъ подворотни хватаетъ.

Молчанъ собака изподтишка хватаетъ (хватаетъ, не тявкнувъ).

Лающая собака не укуситъ (Татар., Зак. кр.).

Котрий песъ богато бреше, той мало кусаецця (Малор.).

Молчанъ собака, да и та, терпя, вавкнетъ.

На молчащую собаку и волкъ кидается (Арм.).

Wenn die alten Hunde bellen, muss man hinaus sehen (schauen).

Jamais vieux chien vainement ne jappe.

Jamais bon chien n'aboie a faute.

Vieux chien n'aboie pas en vain.

Bon chien n'aboie jamais faux.

I cani abbaiano a chi non conoscono (Собаки лаютъ на тѣхъ, кого не знаютъ).

Cane vecchio non abbaio in veno (Старая собака понапрасну не лаетъ).

Cane che abbaio morde poco (Лающая собака не куслива).

Chien qui aboie ne veut mordre.

Barking dog never bites (тоже).

Tout chien qui jappe ne mord pas.

Chaque chien qui aboie ne mord pas.

Bellende Hunde beissen nicht.

Alte Hunde bellen nicht umsonst.

Hunde, die am meisten bellen, beissen am wenigsten.

Chien sournois mord en tapinois.

When the old dog barks, he gives counsels (Когда старая собака лаетъ, она совѣты подаетъ—предостерегаетъ).

Dogs that bark at a distance dont bite at hand (Собаки, которыя издали лаютъ, вблизи не кусаютъ).

Der Hund ist ein guter Thier, eh'er beisst, bellt er vor.

Der Hund lässt das Bellen nicht.

Der Hund bellt nicht in seinem Hause.

Ein gutter Hund bellt nur zur rechten Zeit.

Schweigender Hund beisst am ersten.

Still beissende Hunde sind die Schädlichsten.

Stumme Hunde beissen gern.

Stumme Hunde und stille Wasser sind gefährlich.

Cave tibi ai silente acqua et muto cane. (Лат. — Бойся тихой воды и молчащей собаки).

Лаетъ иногда собака и безъ толку, сама не зная зачѣмъ и на что. Лая ей не запретишь, но и обращать особеннаго вниманія на него нечего:

Собака лаетъ—вѣтеръ носитъ.
Дикая собака на вѣтеръ лаетъ.
Песъ лаетъ, вѣтеръ относитъ.
Собака лаетъ, а караванъ проходитъ (Татар., Эрив. г.).
Собака бреше, а панъ иде (Малор.).
Собака лаетъ, а бары ѣдутъ
Собака лаетъ, а владыко ѣдетъ.
Собака лаетъ, соловей молчитъ.
Дурная собака и на господаря брешиць (Бѣлор.).
Собака и хлѣба не съѣстъ, не порычавъ.
Собака и на свой хвостъ вольна брехать.
Вольно собакѣ и на небо (на мѣсяцъ, на владыку) лаять (брехать).
Блажная собака и на небо лаетъ.
Собака на луну мечется, луна на земь не падаетъ (Закавк. кр.).
Порявкала собака на мѣсяцъ, да не достанетъ.
Всю ночь собака на мѣсяцъ пролаяла, а мѣсяцъ того и не знаетъ.
Пси виють, а місяць світіть (Малор.).
На смѣлаго собака лаетъ, а трусливаго рветъ.
Нѣтъ досаднѣе, какъ своя же дворняжка на тебя лаетъ.
Ужъ лаяла-бы собака чужая, а не своя!
Безъ нужды лающая собака скоро состарится (Авар., Зак. края).
Собака во снѣ лаетъ — сны видитъ.
Der Hunde Bellen hindert niemand.
Der Hund bellt Narren une Weisen an.
Man kann den Hunden das Bellen nicht verbiethen.
Wenn ein Hund bellt, so fangen sie alle an und wissen nicht warum.
Les chiens aboient à la lune.
Der Hund bellt den Mond an, aber der Mond scheint fort.
Pes breszena sonce, a sonci swyti, (Польск.).
Der Hund bellt gegen den Sonnenschein, und dennoch scheint die Sonne rein.
Ein Hund bellt den Bischof ant wenn er ihn nicht kennt.
Es steht dem Hunde frei, auch unsern Herrgott anzubellen
Das Hündlein bellt den Löwen an.
Di can, che molto abbaio, trista la pella (У собаки, которая много лаетъ, шкура плоха - - ее часто деруть).
Im Bellen fällt dem Hunde die Beute aus dem Munde.

Молодая собака отъ старыхъ лаять учиться:

Das Hündlein lernt vom Hunde bellen.

Собачій лай—въ воздухѣ теряется, до неба не доходитъ:

Собачій гласъ не идзець до небесъ (Бѣлор.).
Psi hlas do nebe nejde (Чешск.).
Psi glas niedidzie do niebies (Польск.).
Der Hunde Gebete reichen nicht bis in den Himmel.
Des Hundes Bellen wird den Himmel nicht erschellen.
Hund und Katzen Gebet kommt nicht ins Himmel.

Чтобы собаки не лаяли, не нужно ихъ дразнить, но и лающую собаку можно хлѣбомъ усмирить:

Собакѣ глотку костью заткнешь (Турец.).
Брось псу кусокъ, такъ не лаетъ.
Собачью глотку кускомъ заткнешь (Татар. Зак. кр.).
Сердитой собакѣ кинь кость.

Однако, подобное средство не всегда помогаетъ:

Злой собаки масломъ не удобришь.
Не замахивайся палкой, и собака не залаетъ.
Не дразни собаки и лаять не станетъ (и не укуситъ).
Il ne faut pas jeter de pierre à tout chien qui aboie.
Au chien qui mord il faut jetter des pierres.
Не тычь палкой въ подворотню, и собака не залаетъ (не взлаетъ).
Собачьяго лая не бойся—собака отъ страха лаетъ (Татар., Эрив. г.).
Чѣмъ больше бросать камней въ собаку, тѣмъ больше она будетъ лаять (Арм., Эрив. г.).
Böse Hunde muss man nicht necken.

Собачій лай при извѣстныхъ условіяхъ и въ особенности собачій вой по ночамъ всѣми народами считаются дурнымъ предзнаменованіемъ и къ добру не ведутъ:

Собака лаемъ волковъ накликаетъ (Татар., Закав. кр.).
Собаки скуютъ передъ окномъ—не къ добру.
Не къ добру собаки развылись.
Взвыла собака на свою голову.
Собака воетъ книзу—къ покойнику, кверху—къ пожару.
Les longs hurlements des chiens sont un présage de malheur ou de mort.
Wenn der Hund in den Himmel hinauf bellt, so brennt es irgendwo.

Такимъ образомъ, собакѣ приписывается способность предвидѣть грозящую бѣду, что̀ выражается въ слѣдующей поговоркѣ:

Звѣрина чуетъ, что хозяину лихо будетъ (Ворон. губ.).

Особенно нехорошо, согласно болгарской примѣтѣ, когда развылись разомъ собаки всей деревни,—тогда она запустѣетъ, или же ее постигнетъ голодъ или моръ:

Ако виіат сичките щета по селото, тогава предсказва, че чело да настане некаква пуспшіа на това села или че бѫде гладъ или че има болест.

Кромѣ того, собаки могутъ, будто бы, видѣть и духовъ. Въ Швейцаріи считаютъ, напримѣръ, что если собаки ночью на извѣстномъ мѣстѣ упорно воютъ, то это означаетъ, что тамъ проходитъ привидѣнье:

Wenn die Hunde Nachts an einem gewissen Ort anhaltend heulen, so geht dort ein Gespenst (Schweiz).

Особенно часто воютъ собаки въ свѣтлыя мѣсячныя ночи, почему и говорятъ, что «собаки воютъ на луну». Очевидно, что лунный свѣтъ разстраиваетъ собакамъ нервы и мѣшаетъ имъ спать.

Лай составляетъ, впрочемъ, одну изъ обязанностей собаки. Лаетъ она—значитъ дворъ сторожитъ, воръ да недобрый человѣкъ опаску имѣть будутъ:

Собака да замокъ—опаска.
Молчанъ собака не слуга во дворѣ.
За то собаку кормятъ, чтобъ она брехала.

Коли собакъ не кормить, то, при всей привязанности къ дому, онѣ со двора сбѣгутъ. Собаки отличаются крайнею прожорливостью и изъ-за кости способны другъ друга на смерть заѣсть; досыта накормить собаку нелегко. Не всегда лучшей собакѣ достается и лучшій кусокъ.

Съ голодьбы и собака со двора сбѣжитъ.
Легко псу, да не сытно (улежно псу, да не уютно).
Не сули собакѣ пирога, а кинь краюху.
Собака отъ голода воровать идетъ (Татар., Закав. кр.).
Собака одъ хліба не утіче (Малор.).
Собака не втікае одъ хліба, а одъ кия (отъ пинка) (Малор.).
Когда въ поле (на охоту) ѣхать, тогда и собакъ кормить (поздно).
Какова псу кормля, такова его и ловля.
Собака хватаетъ, а сыта не бываетъ.
Не съѣстъ собака, не потаскав-

ши, а кошка — не поворчавши.

Нечего дѣлать псу, такъ хоть гдѣ-нибудь да лизнетъ.

Голой кости и собака не гложетъ.

Видитъ собака молоко — да въ кувшинѣ глубоко.

Сколько собакѣ не хватать, а сытой не бывать.

На собаку мяса не напасешься.

Чужія собаки овсянку ѣли, а наши на нихъ черезъ тынъ глядѣли (плохое собачье житье).

И злая собака успокаивается во время ѣды (Груз.).

Если собаку костью ударить — не завизжитъ (Черк.).

Die Hunde schwinden, wo sie nichts zu essen finden.

Ein guter Hund ist seines Futter Werth.

Hunde sind Bettler (собаки попрошайки).

Le chien vieillit à maigre vie.

Dem guten Hund ein guter Knochen.

A bon chien bon os.

Jamais chien paresseux n'a mangé de bon os.

Bon os n'échoit guère à bon chien.

Ein guter Hund bekommt selten einen fetten Bissen.

Man muss den Hund nicht füttern, wenn der Wolf schon im Dorfe ist (wenn er auf den Fang gehen soll).

Deux chiens à un os ne s'accordent.

Quand deux chiens se mettent aprés un os, ils ne s'accordent guère.

Two dogs strike for a bone, and the third runs away with it (Двѣ собаки изъ-за кости дерутся, а третья съ нею убѣгаетъ).

Two cats and a mouse, two wives in one house, two dogs and a bone, never agree in one. (Двѣ кошки и мыши, двѣ женщины въ домѣ и двѣ собаки у одной кости никогда не сойдутся).

Due cani, che un sol osso hanno, difficilemento in pace stanno (Двѣ собаки около одной кости въ мирѣ трудно уживаются).

Zwei Hunde an einem Bein (Knochen) kommen selten überein.

Wer den Hund nicht füttern will, füttere den Dieb.

Собака два разныхъ дѣла дѣлать можетъ: ѣсть и хвостомъ вилять (Турец.).

Eau et pain, c'est la viande du chien.

Der Hund, welcher in der Küche liegt, wird nicht verhungern.

Dove non'e pane, anch'i cani se ne vanno (Гдѣ нѣтъ хлѣба, туда и собаки не ходятъ).

Chien en cuisine souper ne demande.

Крестьяне о прокормленіи своихъ собакъ не много заботятся; ѣстъ собака всякіе остатки, да изрѣдка какую-нибудь обглоданную кость ей бросятъ:

Дать собакѣ мосолъ: хоть ѣшь, хоть брось, хоть впередъ положь.

Но собаки, живущія въ барскихъ домахъ, избалованы и такою костью не удовлетворяются:

Барскому псу и мосолъ не мосолъ.

Избалованная, разжирѣвшая собака теряетъ всѣ свои качества:

Разжирѣвшая собака кусаетъ хозяина (Киргиз., Сырь-Дарьин. Обл.).

Какъ ни прожорливы собаки, но самая умная изъ нихъ никогда не пойметъ, какъ можетъ коза капусту ѣстъ:

Der klügste Hund begreift nicht, warum die Ziege Kolh frisst.

Собакамъ, вообще, довѣрять не слѣдуетъ; какъ ни будь собака добра, какъ ни виляй она хвостомъ, а часомъ и укуситъ:

Собаку мани, а палку держи.	Der Hund wedelt nicht umsonst mit dem Schwanze.
Хвостомъ виляетъ, а зубы скалитъ.	Auch der böseste Hund wedelt mit dem Schwanze.
Къ собакѣ сзади подходи (а къ лошади спереди).	Le chien remue la queue non pas pour toi, mais pour le pain.
И куслива собака, да хвостъ поджимаетъ.	Auch einem Hunde, der mit dem Schwanze wedelt, darf man nicht trauen.
Ближняя собака скорѣе укуситъ.	
Собака кусаетъ не отъ корысти, а отъ лихости.	
Cane amoroso sempre velenoso (Влюбленая собака всегда бѣшеная, злая),	Auch einem frommen Hunde muss man nicht die Hand ins Maul stecken.
Кусливъ былъ песъ, да на цѣпь попалъ.	Kleine Hunde beissen auch.

Коли быть укушенному — такъ все равно, сукой, или кобелемъ:

Autant vaut être mordu d'un chien, que d'une chienne.
Es ist eins, ob mir ein Hund oder eine Hündinn beisst.

Злую собаку на цѣпь, на привязь сажаютъ, при чемъ привязь должна быть по собакѣ:

Tel chien, tel lien.	A petit chien petit lien.
Wie der Hund ist, so die Kette (so bekommt er sein Halsband).	Böse Hunde muss man kurz binden.
A méchant chien court lien.	Einem bösen Hunde gehört eine kurze Kette.
A rebelle chien dur lien.	

Посаженная на привязь собака отъ этого еще злѣе становится:

Ein Hund an der Kette beisst eher, als ein freier.
Der Kettenhund hat Muth im Mund.

Чѣмъ собака злѣй, да смѣлѣй, тѣмъ скорѣе она въ пасть волку попадетъ, да и отъ другихъ собакъ пострадаетъ:

Сердитая собака волку корысть.
Хватлива собака была, да волки съѣли.
Chien hargneux—proie de loup.
Un chien hargneux a toujours les oreilles dechirées.
Bissige Hunde haben zerbissene Ohren.

Однако, и слишкомъ смирному, робкому псу живется плохо:

Смирную собаку и кочеть (пѣтухъ) бьетъ.
Gescheide Hündlein sind gemeiniglich von Wolfen gefressen.
У доброй собаки лиса въ курятникѣ дѣтей выводитъ (Армян., Закав. кр.).
Собака, якъ ледачій, то ее усі бьють; а якъ злій, то усякъ, хто иде, то шматокъ хліба кине (Малор.).

У кусливой собаки чутокъ сонъ:

Ein bissiger Hund hat keinen festen Schlaf.

И на сварливую собаку управа найдется:

Ein zänkischer Hund findet auch seinen Meister.

Плохо тому, на кого собака напала, будь то человѣкъ или собака; кто одинъ далеко зашелъ или отсталъ, кто внизу лежитъ, того собаки и рвутъ:

Послѣдняго (отсталаго) и собаки рвутъ.

Кто впередъ суется, того и собаки ѣдятъ.

На кого люди, на того и собаки.

Liegt der Hund, so beissen ihn alle.

Den gebissenen Hund beissen alle Hunde.

Der Hund, welcher unten liegt wird von allen gebissen.

Собака боится собачьяго зуба (Армян., Закавк. края).

Есть поговорки, утверждающія, что одна собака другую не обидитъ и не съѣсть, да и въ бѣдѣ онѣ другъ другу помогаютъ:

Собака собаку знаетъ (не рветъ).
Песъ псу опора.
Собака собакѣ на ногу не наступитъ (Армян., Зак. кр.).

Pes psu ogona nie ugrizzie (Собака собакѣ хвоста не отгрызетъ).

Ein Hund beisst dem andern den Schwanz nicht ab.

Cane non mangia cane (Собака собаки не ѣстъ).

Однако, эти изреченія имѣютъ смыслъ скорѣе иносказательный, и явно противорѣчатъ вышеприведеннымъ. Отчасти такое же иносказательное значеніе имѣютъ и поговорки, не совѣтующія вмѣшиваться постороннимъ въ собачью драку:

Свои собаки грызутся—чужая не приставай (не лѣзь, не суйся).

Двѣ собаки грызутся, а третья не суйся.

Свои собаки гложись, а чужая не вяжись.

Wenn sich die eigene Hunde beissen, so mische sich niemand hinein.

Нѣмцы и армяне замѣчаютъ, что собаки между собою грызутся, а когда волки приходятъ—друзьями становятся:

Die Hunde der Dorfes beissen sich untereinander, aber wenn der Wolf kommt, sind sie Freunde.

Собаки промежъ собой дерутся, а противъ волка въ согласіи (Армян., Зак. кр.).

Съ опорой песъ волка задавитъ,

—выше было указано, что «песъ псу опора».

Когда собака спитъ, осторожнѣе ее не будить — неравно укуситъ:

Не буди спящаго пса: онъ спитъ, а ты мимо.

Il fait mal éveiller le chien qui dort.

Qui réveille le chien qui dort, s'il mord, il n'a pas tort.

It is not good to wake a sleeping dog (Не хорошо будить спящую собаку).

Если собаку за уши взять—не диви, если укуситъ:

Qui prend le chien par les oreilles, s'il mord—ce n'est pas merveille.

Отъ плохой собаки нѣтъ никакого ни толку, ни радости. Хотя и говорится, что

Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ,

—однако, шерсть собачья ни къ чему не годна, а потому и въ этомъ утѣшеніе плохое.

Красть собаку не годится и ни къ чему:

Ворованная собака бываетъ труслива (Татар., Закав. кр.).

Укушеніе собаки совѣтуютъ лечить прикладываніемъ къ укушенному мѣсту собачьей же шерсти или собачьей крови:

Du poil de la bête qui te mordit, ou de son sang sera guéri.
Con la pella del cane si sana la morditura (Собачьей шерстью лечится укусъ).
Hundshaar heilt Hundgebiss.
Wen ein Hund gebissen, der muss Hundshaar darauf legen.
Take a hair of the dog that bit you (тоже).
На укушенное собакою мѣсто положи собачью шерсть.

Нѣкоторые полагаютъ, что что такое же значеніе имѣетъ и приведенная выше поговорка «съ лихой — т. е. бѣшеной — собаки хоть шерсти клокъ».

Собаки умѣютъ лечить свои болѣзни — травами; больное мѣсто, рану, онѣ языкомъ зализываютъ, при чемъ собачьему языку приписываются даже особыя цѣлительныя свойства, тогда какъ кошачій языкъ, наоборотъ, считается ядовитымъ:

И собака знаетъ, что травою лечатся.
Der Hund heilt seinen Schaden mit Lecken.
Le chien voyons de fin matin chercher l'herbe contre venin.
Le chien au matin à l'herbe va pour son venin.
Der Hund frisst Grass, wenn er sich den Magen verdorben hat.
Der kranke Hund sucht schon frühzeitig sein Heilkraut.
Die Hunde beissen sich erst Wunden, dann lecken sie dieselben.
Hundes Zunge heilt Wunden.
Langue de chien sert de médecin.
Langue de chien est guérisseuse et langue de chat vénimeuse.

Страшную собачью болѣзнь составляетъ бѣшенство. Народъ ее хорошо знаетъ и отмѣчаетъ нѣкоторыя проявленія ея въ своихъ изреченіяхъ:

Бѣшеная собака и хозяина кусаетъ.
Съ жиру собака бѣсится (съ прихоти человѣкъ дурѣетъ).
Съ жиру собака шалѣець или бѣсицца (Бѣлор.).
Собака, якъ сказыться (взбѣсится) — со двора бѣжить, щобъ хозяина ни вкусыть (Кіевск. губ.).
Chien enragé ne peut longuement vivre.
Ein toller Hund läuft keine sieben Jahr.

Ein wüthiger Hnnd läuft nur neun Tage.

Tolle Hunde bellen nicht.

Wenn der Hund toll ist, beisst er den eigenen Herr.

Отъ бѣлия вѣтъръ бѣснѣютъ кучетата (Болгар.— Отъ югозападнаго вѣтра собаки бѣсятся).

Собаки бѣсятся на новолуніе, либо на ущербѣ (Ворон. губ.).

Въ Воронежской губерніи рекомендуютъ для предохраненія собакъ отъ бѣшенства такое средство:

Чтобы собаки не бѣсились, давай имъ въ хлѣбѣ майки (шпанскія мушки).

Особое вниманіе удѣляется охотничьимъ собакамъ, которымъ посвѣщается цѣлый рядъ изреченій, при чемъ отмѣчается, прежде всего, что способность къ охотѣ — прирожденное свойство нѣкоторыхъ породъ собакъ; породистую охотничью собаку и учить нечего, отъ рожденія все постигла:

Безъ собаки зайца не поймаешь.

И позывчата дворняжка, да зайца не догонитъ.

Собака за зайцемъ, а заяцъ — за волей (гонятся).

У борзой собаки есть хозяинъ, а у зайца — Богъ (Татар., Закав. кр.).

De race bon chien chasse.

Ein guter Hund jagt von Art.

Jagdhunde werden geboren.

Wer lehrt die Hunde Hasen jagen?

Ein Hund von guter Art ist bald geschult.

Gute Hunde jagen ohne Lehrmeister.

Chi'va a caccia senza cani, torna a casa senza lepro (Кто на охоту идетъ безъ собаки, домой воротится безъ зайца).

Бо̀льшая часть изреченій касается собакъ гончихъ и борзыхъ — ружейной охоты съ собаками слагатели поговорокъ, повидимому, не знали, это охота новѣйшаго времени. Хороша та собака, которая за однимъ звѣремъ гонится и слѣда не теряетъ, хотя иногда это и съ лучшею можетъ случиться:

Der ist ein guter Hund, der nur einen Wild nachjagt.

Ein guter Hund jagt nicht allem Wilde nach.

Es ist ein guter Hund, der die Fährte nicht verliert.

Der beste Hund verliert zuweilen die Spur.

Нѣмцы увѣряютъ, что если лисица перебѣжитъ черезъ заячій слѣдъ, то собака слѣдъ потеряетъ:

Wenn ein Fuchs uber die Hasenspur läuft, so verliert der Hund die Spur.

Если собака ступитъ на волчій слѣдъ, то это считается для нея опаснымъ:

Не ступай, собака, на волчій слѣдъ — оглянется — съѣстъ.

Трусливая собака никогда волка не увидитъ, и даже отъ зайца бѣжитъ:

Ein feiger Hund hat nie einen Wolf gesehen.
Ein fürchtsamer Hund läuft vor dem Hasen.

Жирная собака для охоты никуда не годится; непосредственно передъ выѣздомъ въ поле собакъ не слѣдуетъ кормить, но плоха будетъ та охота, когда собакъ нести придется.

Ein feister Hund taugt nichts zur Jagd.
Einen Hund, der jagen soll, füttert man nicht.
Ein magerer Hund ist gut für eine lange Jagd.
Can di cucina non è mai buon da caccia (Кухонная — откормленная на кухнѣ собака — для охоты не годна).
La chasse va mal, quand il faut y porter les chiens.
Wenn man die Hunde zur Jagd muss tragen, kann man nicht viel Hasen jagen.

Не годны для охоты также собаки, слишкомъ много лающія — звѣря спугнутъ,— а равно и собаки упрямыя, непослушныя:

Ein Hund, der bellt, fängt wenig.
I cane ch'abbian, non piglion caccia (Лающія собаки немного наловятъ).
Mit unwilligen Hunden ist nicht gut jagen.

Собакъ не слѣдуетъ спускать, пока охота не началась:

Man muss die Hunde nicht loslassen, ehe die Jagd beginnt.

Хорошая собака для своего удовольствія за звѣремъ гоняется, но ловитъ его для хозяина; зайца ей и показывать нечего — сама увидитъ, а трусливая и на волка смотрѣть не хочетъ; мало пользы отъ той собаки, которая куропатокъ ловитъ, да сама и ѣстъ. Не собака дѣлаетъ охотника, а охотникъ собаку,— плохой охотникъ и съ хорошей собакой ничего не достанетъ.

Ein guter Jagdhund läuft selber, fängt aber für seinen Herrn.
Wenn der Hund lacht, so weint der Hase.
Il ne faut pas montrer le lièvre au bon chien.
Собака только и хромаетъ, пока лисицу не увидала (Армян.).

Chien couart (трусливая собака) voir le loup ne veut.

Ein Hund, der die Rebhühner selbst frisst, nützt dem Jäger nicht.

Der Jäger macht den Hund, nicht der Hund den Jäger.

Ein Hund, der den Wolf verjagt, ist so gut, als der ihn fängt — — собака, которая волка отгоняетъ, стоитъ той, которая его возьметъ,— это можетъ, однако, касаться только сторожевыхъ собакъ, но никакъ не охотничьихъ.

Смѣлая и сильная собака, которая можетъ справиться съ волкомъ, узнается по слѣдующимъ признакамъ:

Если у собаки нёбо черное, три черныхъ волоска подъ бородою (нижнею челюстью) и на переднихъ ногахъ выше ступни по одному когтю, то она беретъ волка (Воронеж. губ.).

Не всякая собака лису или рысь изъ норы сумѣетъ выгнать:

Nicht jeder Hund treibt den Fuchs (den Dachs) aus seiner Höhle.

Полазчивъ песъ, да и лиса хитра.

Собака, попробовавшая заячьей крови, хорошо будетъ зайцевъ ловить:

Ein Hund, der Hasenblut frisst, sehr gut zum Hasen jagen ist.

Небольшія собаки (гончія) зайца найдутъ, а большія (борзыя) его поймаютъ; хорошая борзая собака самаго рѣзваго зайца нагонитъ.

Par petit chien le liévre est trouvé et par les grands est happé.

Ein guter Windhund halt den besten Hasen ein.

Впрочемъ, достоинства борзой собаки отъ роста ея не зависятъ:

De toute taille bons lévriers.

Дичь больше собаки боится, нежели охотника:

Das Wild fürchtet den Spürhund mehr, als den Jäger.

Чѣмъ больше собакъ — гончихъ и борзыхъ — въ полѣ, тѣмъ веселѣе охота:

Je mehr Hunde und Windspiel im Felde, je lustiger ist die Jagd.

Разсчетливые нѣмцы замѣчаютъ, однако, что охотничьи собаки больше корма потравятъ, нежели сколько онѣ пользы принесутъ:

Jagdhunde bedürfen mehr Kost, denn sie Nutzen bringen.

Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собакъ пріучаютъ, вмѣсто свиней, къ отыскиванію трюфелей; нѣмецкая поговорка

и о нихъ упоминаетъ: онѣ не должны ѣсть тѣхъ трюфелей, которые находятъ.

Der Hund, welcher die Trüffeln sucht, darf sie nicht essen.

Старость охотничьей собакѣ — не порокъ. Нѣмцы и французы замѣчаютъ, что чѣмъ собака старше, тѣмъ охота лучше:

Il n'est chasse que de vieux chiens.
Alter Hund macht gute Jagd.
Mit alten Hunden ist die sicherste Jagd.

Татары, однако, на этотъ счетъ другого мнѣнія,—старой собаки и зайцы не боятся:

Когда борзая собака состарится, зайцы у околицы гулять будутъ (Татар., Закав. кр.).

Старыя собаки — вѣрныя собаки; зубы у нихъ притупились, но лаять онѣ не забываютъ, и ихъ провести не легко; только къ ошейнику, да къ пѣпи ихъ пріучить трудно, да и новымъ штукамъ ихъ не обучишь, коли смолоду не знали:

Alte Hunde — treue Hunde.

Alte Hunde bellen auch.

Alte Hunde lassen sich schwer täuschen.

Alte Hunde haben stumpfe Zähne.

Стараго пса къ цѣпи не пріучишь.

Старую собаку не батькой (не волкомъ) звать.

Can vecchio non s'avezzo a portar collare (Старый песъ не привыкнетъ носить ошейника).

An old dog will learn no tricks (Старую собаку штукамъ не научишь).

Какъ ни будь собака стара, она все же лучше мертваго животнаго, и даже когда издохнетъ, чего-нибудь да стоитъ, хоть шкуру съ нея содрать, да продать:

Живой песъ лучше мертваго льва.
Un chien vivant vaut mieux qu'un lion mort.
Ein lebendiger Hund ist böser (besser) als ein todter Löwe.
Un chien mort vaut encore quelque chose.

Издохнетъ собака — и кусать не станетъ, и на охоту не пойдетъ:

Chien mort — plus ne mord.
Die todten Hunde beissen nicht.
Мертвый песъ зайца не погонитъ.

Кто свою собаку захочетъ побить, легко палку найдетъ, а кто убить ее пожелаетъ — столь же легко предлогъ къ тому сы-

щетъ,— скажетъ, что она сбѣсилась, либо еще что-нибудь такое придумаетъ:

Кому надо собаку ударить — тотъ и палку сыщетъ.

Была бы собака — и палка будетъ....

Qui veut frapper un chien, — facilement trouve un baton.

Chi vuol batter il cane, trove bel bastone (Кто хочетъ собаку ударить — хорошую палку найдетъ).

Qui veut noyer son chien, l'accuse de rage.

Wer seinen Hund todschlagen will, sagt — er sei toll geworden.

Give a dog a bad name and hang him (Дай собакѣ нехорошее имя и повѣсь ее).

Иносказательный смыслъ имѣетъ уже приведенная выше поговорка, что изъ-за одного плохого года убивать собаки не слѣдуетъ, т. е. не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе изъ-за бѣды, которая минуетъ:

Il ne faut pas tuer son chien pour une mauvaise année.

Въ собачьей жизни палка играетъ большую роль, но и мягкимъ обращеніемъ отъ собаки можно многаго добиться, излишнее же баловство ѣе только портитъ; понятливая собака и голоса хозяйскаго слушается:

Неповадна собакѣ плеть.

За собакой палка не пропадетъ.

Битому псу только плеть покажи.

Отъ побоевъ и собака не жирѣетъ.

Потачка и собаку портитъ.

Битый песъ догадливъ сталъ.

Знаетъ собака хозяйскій посвистъ.

И собаку ласково примолвишь, такъ хвостомъ вертитъ (не укуситъ).

Flattez un chien, il vous fera caresse.

Wer den Hund liebkost, den beleckt er.

Les coups de baton sont pour les chiens.

Не раззадоривай собаки — она часомъ напомнитъ тебѣ.

По привѣту и собака бѣжитъ.

Ist der Hund geprügelt schon, so darfst ihn nur mit dem Stocke drohn.

Съ собакой дружись, а палки изъ рукъ не выпускай (Татар., Эрив. губ.).

Французы говорятъ, что не слѣдуетъ собаки бить передъ волкомъ, т. е. тогда, когда она нужна?

Il ne faut pas battre le chien devant le loup.

Голодной собаки и палкой не проймешь:

Chien affamé ne craint le baton.
Chien affamé de bastonnade n'est intimidé.
Ein hungriger Hund achtet keine Streiche.

У насъ же совѣтуютъ собакъ не толкать ногой и не бить, по слѣдующимъ двумъ причинамъ:

Не пинать собаку — судороги потянутъ.
Не бей собаки — и она была человѣкомъ (обращена въ собаку за прожорливость).

Итальянцы говорятъ, что нехорошо дѣлаетъ тотъ, кто собакъ и кошекъ убиваетъ и вообще дурно съ ними обращается:

Chi amazza (maltratta) cani è gatti, non fa mai bene.

Гдѣ нѣтъ собакъ — тамъ волкамъ раздолье.

Dove non sono cani, il volpe è rè.

Если бы всѣ собаки и кошки подохли, хорошо бы жилось зайцамъ и мышамъ:

Wären Hunde und Katzen alle todt, so wären die Hasen und Mäusen aus vieler Noth.

Человѣкъ, собака и лошадь никогда другъ другу не надоѣдятъ:

A man, a horse, and a dog are never weary of each other company.

Кошка еще болѣе собаки домашнее животное, и хозяйства безъ нея не бываетъ:

Безъ кошки да безъ бабы нѣтъ въ домѣ хозяйства,— безъ нихъ и домовой со двора уйдетъ.

Кошка хоть воръ, однако, ее изъ дому гонять не слѣдуетъ, она все же лучшій другъ дома, хотя и царапается;— если она дома и не сторожитъ, зато мышей ловитъ, говорятъ нѣмцы:

Die Katze ist wohl ein Dieb, aber jage sie deshalb nicht aus dem Hause.
Si ton chat est larron, ne le chasse de ta maison.
Die Katze ist der beste Hausfreund.
Die Katze ist wohl ein guter Freund, aber sie kratzt.
Die Katze fängt wohl Mäuse, aber das Haus bewacht sie nicht.

Кошки (и бабы) должны сидѣть дома:

Katzen und Weiber müssen zu Hause bleiben,

— однако, онѣ дому не вѣрны и легко приживаются тамъ, гдѣ ихъ кормятъ, и вездѣ будутъ мышей ловить:

Katzen sind überall zu Hause, wo man sie füttert.
Katzen mausen daheim und in ander Leut Häuser.
Плохой котъ у сосѣдей ночуетъ (Черкес.).

Впрочемъ, хорошая кошка всегда въ концѣ концовъ домой вернется:

Chat bon revient toujours à la maison.

Чтобы пріучить къ дому чужого котенка, грузины совѣтуютъ ему лапки у печки обмыть, иначе онъ убѣжитъ. Имеретины въ Кутаисской губерніи рекомендуютъ для этого еще другой способъ:

Чтобы кошка, украденная или взятая изъ чужого дома, не возвратилась обратно, нужно поднести ее къ зеркалу, въ которомъ она увидѣла бы себя (Имерет.).

Кошки тепло любятъ и жмутся къ натопленной печи, но отъ постояннаго тепла болѣютъ, становятся лѣнивыми:

Загордился котъ и съ печи нейдетъ.
Кошачьи глаза дыму не боятся.
Alte Katzen liègen gern beim Ofen.
Напала на кошку спѣсь—не хочетъ и съ печи слѣзть.
Katzen suchen (lieben) die Wärme.

Хотя кошка, ловя мышей, сама себѣ пропитаніе можетъ добыть, однако, за ней все же требуется со стороны хозяина призоръ и уходъ, а жирный котъ дѣлаетъ честь дому, показывая, что въ немъ всего вдоволь:

Отъ хозяйскаго глаза и котъ добрѣетъ (жирѣетъ).
La gatta grassa fa honor al casa.
Beaux chats et gros fumier dénotent bon fermier.

Ловля мышей и крысъ составляетъ у кошекъ прирожденное имъ свойство, учить ихъ этому дѣлу не приходится, занимаются онѣ имъ не столько по нуждѣ, ради пропитанія, сколько по охотѣ,—это для нихъ своего рода спортъ, забава; кто не хочетъ содержать и кормить кошекъ, тотъ тѣмъ самымъ будетъ прокармливать мышей и крысъ:

Katzen Geschlecht fängt Mäuse.
Chat et chaton chassent le raton.
Qui naquit chat, court après les souris.
Ist die Katze noch so klein, sie jagt schon das Mäuselein.
Was von Katzen kommt, das mauset gern.
Кошка храбра на мышей (Черкес.).

On ne doit enseigne le chat à souriner.

Man darf die Katze nicht mausen lehren.

Die junge Katzen lernen von den Alten mausen.

Qui ne nourrit pas le chat, nourrit le rat.

Wer die Katze nicht füttert, muss die Maus füttern.

The cat does not kill the rat for Gods pleasure, but for her own (Кошка не для Бога мышей ловитъ, а для своего удовольствія).

Katzen mausen aus Lust, nicht vor Hunger noch Zwang.

Впрочемъ, другая нѣмецкая поговорка говоритъ объ этомъ обратное и указываетъ, что именно голодъ учитъ кошекъ мышей ловить:

Hunger lehrt die Katze mausen.

Способность къ ловлѣ мышей кошки сохраняютъ до глубокой старости, и старая не хуже молодой вскочитъ, какъ только увидитъ мышь, а когда уже совсѣмъ силы потеряетъ, все же передъ мышиной норкой ложится:

Es ist keine Katze so alt, sie springt wie eine Junge, wenn sie eine Maus sieht.

Kann der alte Kater auch nicht mehr mausen, so liegt er doch noch gern vorm Loche.

Бо́льшая часть весьма многочисленныхъ на всѣхъ языкахъ изреченій о кошкахъ касается отношеній ихъ къ мышамъ и мышей къ нимъ. Многія изъ этихъ изреченій очень извѣстны и рисуютъ кошку звѣремъ кровожаднымъ, домашнимъ тигромъ. Мышамъ и крысамъ плохо приходится, пока кошка жива, да въ домѣ. На хорошую кошку хорошая и мышь или крыса и т. п.

Мышь думаетъ, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ (Черкес.).

На мышку (по мышкѣ) и кошка звѣрь.

Кошкѣ игрушки, а мышѣ слезки.

Мышкѣ съ кошкой въ накладъ играть.

Кошка поиграла съ мышкой, — анъ та лежитъ и дрыгаетъ.

Il gatta è uno tigre domestico. (Кошка—домашній тигръ).

Der Katzen Scherz (Spiel) ist der Mäuse Tod.

Der Katzen Freude, der Mäusen Sorge.

Was der Katze ein Spiel ist, macht der Maus keinen Spass.

Любитъ и кошка мышку,

—да только мышкѣ отъ такой любви не поздоровится...

Сытая кошка съ мышью играетъ:

Ist die Katze satt, so spielt sie mit der Maus.

По кошкѣ и мышка:

Tel rat—tel chat.
A bon rat bon chat.
Einer guter Katze gehört eine gute Maus.
Böse Katzen, böse Ratten.
Fromme Katzen machen stolze Mäuse.

Нѣмцы и французы говорятъ, что изъ краденныхъ кошекъ выходятъ хорошія мышеловки, всего же лучше мышкуютъ кошки тогда, когда у нихъ есть котята:

Eine gestohlene Katze mauset gut.
Pour qu'un chat soit bon, il faut qu'il ait été volé.
Die Katze maust am besten, wenn sie Junge hat.

Кошка спитъ и во снѣ мышь видитъ, однако сонной кошкѣ мышь сама въ ротъ не влѣзетъ; кошка можетъ хорошо ловить и въ темнотѣ; только совсѣмъ слѣпыя да мертвыя кошки мышей не ловятъ.

Wenn die Katze träumt, so ist's von Mäusen.

When the cat has dreams, she sees the rat (тоже).

Einer schlafenden Katze läuft keine Maus ins Maul.

Die Katzen mausen im Finstern am besten.

Wenn die Katze auch einmal die Augen schliesst, die Maus ist nicht sicher.

Слѣпая кошка мышей не ловитъ.

Eine todte Katze fängt keine Maus.

Плохъ тотъ котъ, который только у одной норки мышь сторожитъ:

Ein schlechter Kater, der nur vor einem Loche mauset.

Одна кошка со множествомъ мышей совладаетъ,—коли всѣхъ не поймаетъ, такъ разгонитъ, и то хорошо:

Единъ кітъ (котъ) стада мышей не боиця (Малор.).
Ieden kot stada myszy nie boje. (Польск—тоже).
Eine einzige Katze vertreibt viel Mäuse.
Die Katzen, welche die Mäuse vertreiben, sind so gut als die, welche sie fangen.

Хорошо мышамъ, когда нѣтъ кошекъ, или когда онѣ другимъ дѣломъ заняты:

Безъ кота мышамъ масляница.

Кошки дерутся—мышкамъ приволье.

Гдѣ нѣтъ кошки—мыши поднимутъ голову (Татар., Зак. кр.).

Absent le chat—les souris dansent.

Quand le chat est hors la maison, souris et rats ont leur saison.

Quand le chat n'est pas au logis, les souris dansent sur la table.

Les rats se promènent à l'aise là, où il n'y a pas de chats.

Wenn die Katze aus dem Hause ist, tanzen die Mäuse (springen die Mäuse über Stuhl und Bänke).

Ist die Katze fern, so spielen Mäuse die Herrn.

Ist der Kater aus der Thür, so kommen die Mäuse herfür.

Wo Katzen sind, da können die Mäuse nicht in Ruh Abendessen.

When the cat is away, the mause may play (Когда кошка въ отсутствіи, мышь играть можетъ).

Quando la gatta non é in casa, i sorci ballono (Когда кошки дома нѣтъ, мыши балъ задаютъ).

Gdy kota myszy nie csuja, smialo sobie tancuja (Польск.—Гдѣ мыши кота не чуютъ, смѣло себѣ танцуютъ).

Умна крыса, но еще умнѣе ея кошка.

Beaucoup sait le rat, mais encore plus le chat.
Die Ratte weiss viel, aber die Katze noch mehr.

Опомнится крыса, да поздно—когда ее за шею кошка схватитъ:

A tort se repent le rat, quand par le cou le tient le chat.

Съ живой кошкой мышамъ не совладать:

Утопили мыши кота въ помойной ямѣ—да не живого.

Кошка, которая много мяучитъ, хорошо мышей не ловитъ:

Котъ-мурлыка мышей не ловитъ (Грузин.).
Кричащая кошка мышей не ловитъ (Осетин.)
Chat miauleur ne fut oncques bon chasseur.
Eine Katze, die viel miaut, fängt wenig Mäuse.

Впрочемъ, и хорошая кошка ину пору мышь упуститъ:

Auch einer guten Katze entschlüpft oft eine Maus.
Der besten Katze kann eine Maus entrinnen.

Французы увѣряютъ, что если кошкамъ усы подрѣзать, то онѣ теряютъ способность мышей ловить:

Il ne faut pas couper la barbe des chats, celà les empêche de prendre des souris.

Та же примѣта существуетъ и у насъ:

Не обрѣзывай у кошки усы, ловиться (т. е. мышей ловить) не станетъ (Вят. губ.).

Кто никогда не смѣется, у того, говорятъ французы, кошачья натура:

Qui ne rit point, a nature de chat.

Не мало достается отъ кошекъ и малымъ пичужкамъ, которыхъ онѣ подстерегаютъ и изъ гнѣздъ таскаютъ; еще счастье, что кошки летать не могутъ, а то ни одной бы птички на свѣтѣ не осталось:

Неймется кошкѣ за воробушками.

Кабы у кошекъ были крылья, воробьи-бы всѣ пропали (Кюринцы, Закавк. кр.).

Wenn die Katze fliegen könnte, so würden die Lerchen selten sein.

Wenn die Katze Flügel hätte, so wäre kein Sperling in der Luft sicher.

Кошачья манера — царапаться; когти у кошки остры, но она умѣетъ ихъ прятать. И собакѣ и даже людямъ иной разъ отъ нея достается. Хорошія кошки и кусаться умѣютъ, зубки у нихъ острые. Играть съ кошкой опасно — нѣтъ, нѣтъ, да и царапнетъ.

Гладка шерстка — до ноготокъ востеръ.

У кошекъ когти въ рукавичкахъ.

Кошка нàцарапомъ береть (а собака — грызомъ).

Die Katzen haben alle Klauen.

Keine Katze ohne Krollen.

Le chat sait faire patte de velour.

On ne prend pas chat sans mitaine.

Wenn die Katze mit dem Hunde scherzt, geht er mit einer blutigen Nase fort.

If ne faut pas se jouer avec les chats.

Faites fête au chat, et il vous sautera au visage.

Il n'est si petit chat que n'égratigne.

Auch die kleine Katze kratzt.

Wer mit der Katze spielt, dem springt sie zuletzt ins Gesicht.

Eine gute Katze hat ein gutes Gebiss.

Das sind böse Katzen, die vorne lecken und hinten kratzen.

Dio mi gardi da quella gatta, che dinanzi mi lecca, & di dietro mi graffia (Упаси меня, Боже, отъ той кошки, которая спереди меня лижетъ, а сзади царапнетъ).

Если кошку раздразнить, то она становится зла, какъ тигръ:

Eine gehetze Katze wird zum Tiger.

Примѣняются и къ кошкамъ приведенныя выше поговорки, съ разными варіантами, о томъ, что

Ошпаренная кошка (собака) холодной воды боится.
Eine Katze, die sich verbrannt, fürchtet sich vor lauem Wasser.
Chat échaudé craint l'eau froide.
Gebrühte Katze scheut auch das kalte Wasser.
Ужаленная змѣею кошка веревки боится (Араб.).

Есть изреченія и про то, что спящей кошки, какъ и собаки, будить не слѣдуетъ:

Il ne faut pas réveiller le chat qui dort.

Въ отношеніи прожорливости кошекъ и ихъ питанія существуетъ нѣсколько изреченій; отмѣчается, что кошки, будто бы, не ѣдятъ хлѣба иначе, какъ съ голодухи; онѣ любятъ рыбу, но боятся себѣ лапки замочить, и потому въ воду за нею не идутъ:

Le chat a faim, quand il ronge pain.
Wenn die Katze Brod frisst, muss sie grossen Hunger haben.
Лакома кошка до рыбки, да въ воду лѣзть не хочется.
Jady by kot ryby, ale niehce ogona maszai (Польск. — Ѣлъ бы котъ рыбу, да не хочетъ хвоста мочить).
Le chat aime le poisson, mais il n'aime pas à mouiller les pattes.
Die Katze frisst gern Fisch, sie will aber nicht ins Wasser (will aber nicht ihre Füsse nass machen).
Fain would the cat fisch eat, but she's looth to wet her feet (тоже).
La gatta varebbe mangiar pesci, ma non pescare (И хотѣла-бы кошка рыбки поѣсть, да не хочетъ рыбачить).
Felis amat pisces, sed aquas intrare recusat (Лат. — Кошка любитъ рыбу, но идти въ воду отказывается).

Всего же болѣе лакома кошка къ мясу, къ салу, къ маслу, да къ молоку; передъ этими соблазнами она устоять не можетъ, развѣ ужъ очень сыта:

Знаетъ (чуетъ) кошка, чье мясо съѣла.
Die Katze weiss am besten, wo sie Fleisch gestohlen hat.
И смирная кошка большой кусокъ мяса съѣдаетъ (Авар., Закав. кр.)
Старъ котъ, а масло любитъ.
Чуе кишка, де (гдѣ) сало лежитъ (Малор.).

Il gatta piace il lardo, ed alla volpe il pollaro (Нравится кошкѣ сало, а лисѣ—курица).

Es ist eine gute Katze, die bei der Milch sitzt und nicht daran leckt.

Die Katze liebt den Speck, und die Sau den Dreck.

That cat is out of kind, that sweat milk not lap (Та кошка выродокъ, которая сладкаго молока не будетъ лакать).

Es giebt keine getreue Katze bei der Milch.

Man muss der Katze den Braten nicht anfertrauen.

Au chat rassasié le lait est amer.

Наѣвшись, коты много спятъ, и оттого жирѣютъ.

Отчего котъ гладокъ—поѣлъ да и на бокъ.

Отмѣчается кошачья повадка во время ѣды ушами трясти и ворчать отъ удовольствія:

Не тряхнувъ ушами, котъ куска не съѣстъ.

Не поворчавъ, кошка куска не съѣстъ.

Не всегда однако, кошкѣ удается достать то, чего ей хочется:

Есть сало, да не про кота.

Не все коту масляница—будетъ и великій постъ.

Когда кошка не можетъ достать мясо, то говоритъ, что оно гнило (Татар., Эрив. губ.).

Кошка колбасы достать не могла, и говоритъ—сегодня постный день, среда, либо пятница (Грузин.).

Чуетъ (видитъ) котъ въ кувшинѣ молоко, да рыло коротко.

Иногда, впрочемъ, приходится кошкѣ и за чужіе грѣхи расплачиваться:

Oft muss die Katze büssen, was das Mädchen genäscht.

Русскіе крестьяне увѣряютъ, что, будто бы, кошкѣ вреденъ горохъ:

Если кошка съѣстъ гороху, то сдохнетъ.

Объѣлся котъ—приходится ему плохо.

Ваяло кота поперегъ живота.

Кошка большою плутоватостью и блудливостью отличается; на этой чертѣ ея характера основываются поговорки:

Прокудливъ (блудливъ), какъ кошка (а трусливъ—роблавъ—какъ заяцъ).

Постился котъ, посхимился котъ, а все тотъ же котъ.

За свои проказы приходится кошкѣ и расплачиваться:

Умѣла кошка спрокудить, умѣй и бока подставлять.

Кошка, будто бы, никогда ничѣмъ не довольна, хотя житье ей въ теплѣ и въ холѣ, конечно, лучше, чѣмъ собакѣ во дворѣ:

Позавидовала кошка собачьей жизни.

Мало понятны изреченія:

Захотѣлъ отъ кошки лепешки, отъ собаки—блиновъ.
Не спрашивай у кошки лепешки, у собаки блины,—

—либо потому, что у нихъ ихъ нѣтъ, либо потому, что сами съѣдятъ, ничего не оставятъ. Вообще, кромѣ шкуры, съ кошки взять нечего:

You can have no more of a cat, than her skin.
Man kann einer Katze nicht mehr nehmen, als die Haut.

На всѣхъ языкахъ существуютъ однородныя поговорки про то, что

Ночью всѣ кошки сѣры.
A la nuit tous les chats sont gris.
Di notti tutti i gatti sono neri (Ночью всѣ кошки черны).
Bei Nacht sind alle Katzen grau (schwarz).

Насчетъ цвѣта кошекъ говорится не много; согласно существующему у насъ повѣрью:

Трехшерстная кошка—дому счастье.

Французы замѣчаютъ, что у черной кошки мягкая шерстка:

Chat noir a doux poil.

Черной кошки, какъ и чернаго кобеля, до-бѣла не отмоешь мыломъ:

Eine schwarze Katze wird durch Seife nicht weiss.

Существуетъ повѣрье, что черныя кошки состоятъ въ близскихъ сношеніяхъ съ нечистою силою и часто являюся спутниками злыхъ колдуній или вѣдьмъ, которыя и сами иногда въ нихъ или даже въ чорта превращаются.

Черный котъ на восьмомъ году обращается въ чорта (Польск.).

Хотя нѣмцы и говорятъ, что не всякая черная кошка непремѣнно колдунья:

Es ist nicht jede schwarze Katze eine Hexe,

тѣмъ не менѣе, черныя кошки приносятъ несчастіе, и если

между кѣмъ-нибудь черная кошка пробѣжала, то неминуемымъ послѣдствіемъ этого будетъ ссора:

Da ist eine schwarze Katze dazwischen gekommen,

да не хорошо вообще и то, если кошка кому-нибудь дорогу перебѣжитъ,—это приноситъ путнику несчастье.

Малороссы увѣряютъ, что кошки подъ старость становятся очень злыми и даже опасными:

Кошка, прожившая 12 лѣтъ, дѣлается очень свирѣпою и можетъ даже задушить человѣка (Малор.).

Кошкамъ вообще приписывается способность отъ дома бѣду отвращать и на себя принимать; поэтому, построивши новую хату, нужно бросить въ нее черезъ порогъ кошку, а потомъ можно ужъ и съ семействомъ войти, тогда всякая бѣда отразится прежде всего на кошкѣ (Воронеж. губ.). Во всякомъ вновь построенномъ домѣ непремѣнно долженъ кто-нибудь въ скоромъ времени умереть; по этому, прежде чѣмъ въ немъ поселиться, нужно, наканунѣ дня входа въ новый домъ, впустить въ него кота и пѣтуха; одинъ изъ нихъ вслѣдъ за тѣмъ околѣетъ, и тѣмъ спасетъ хозяина и его семью отъ гибели (Воронеж. губ.) Прижившаяся въ домѣ и привязанная къ хозяину кошка первая же встрѣтитъ его и на томъ свѣтѣ (Яросл. губ.).

На наблюденіяхъ за тѣмъ, какъ кошки себя ведутъ, основывается множество примѣтъ; такъ, напримѣръ, у всѣхъ народовъ существуетъ убѣжденіе, что если кошка утираетъ лапкой мордочку, то это предвѣщаетъ гостей, хотя такая примѣта не у всякой кошки оправдывается. Кошки умѣютъ предчувствовать и погоду, но объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Кошка моется — гостей зазываетъ (замываетъ).

Die Katze streicht und leckt sich rast (sehr), wenn kommen soll ins Haus ein Gast.

Putzt die Katze den Bart, so bedeutet es Fremde.

Кошка пустомойка, гостей замывала, никого не замыла.

Любятъ кошки ласковое обращеніе, любятъ, когда ихъ по спинѣ гладятъ:

Добрый привѣтъ и кошкѣ любъ.

Чѣмъ больше кошку гладишь, тѣмъ больше она горбъ поднимаетъ.

Кошку, что больше гладишь, то больше хвостъ деретъ.

Мурлычатъ кошки одна, какъ другая, но не всѣ въ одно время.

Ein Kater schnurrt wie der andere.
Jeder Kater schnurrt zu seiner Zeit.
Le chat ne miaule pas toujours.

Мурлыканье кошки показываетъ, что она въ хорошемъ расположеніи духа:

Wenn die Katze Fäden spinnt (schnurrt), so ist sie dir gar woh gesinnt.

Чѣмъ старше котъ или кошка, тѣмъ у нихъ хвостъ тверже.

Je alter der Kater, je steifer (dicker) der Schwanz.
Zim Kot starszy, tim ogon twardzy (Польск.— тоже).

Кто кошку (какъ и собаку) ударить захочетъ, тотъ поводъ къ тому легко найдетъ; битье кошка помнитъ не хуже собаки:

Occasion trouve, qui son chat bat.
Wenn man die Katze schlagen will, so hat sie Milch genascht.
Битому коту лишь лозу покажи.

Существуетъ еще нѣсколько, касающихся кошекъ, разнообразныхъ изреченій:

Два кота въ одномъ мѣшкѣ не улежатся.
Двѣ кошки въ мѣшкѣ дружбы не заведутъ.
Zwei Kater haben in einen Sacke nicht Platz.
Кошка скребетъ на свой на хребетъ.
При хозяинѣ и кошка одолѣваетъ собаку—смѣла (Авар., Закав. кр.).
A cat may look upon a king (Кошка можетъ и на короля смотрѣть).
Die Katze sieht ja wohl den Kaiser an.
Alle Katzen lieben ihre Junge.
Кошка лазитъ и въ окошко.
Das Kätzlein ist wie die Katze.
Il ne faut pas acheter chat en poche (en sac).

Есть еще и такое предостереженіе:

Не давай кошкѣ на себя тянуться — лихоманка нападетъ.

Отмѣчается изворотливость кошки и необычайная ея живучесть. Ее можно и съ большой вышины сбросить, она почти никогда не разобьется, и встанетъ на ноги безъ всякаго для себя вреда. Живучесть же кошки дала основаніе говорить, что у нея по нѣсколько душъ.

Кошка о землю спиною не ударится (Татар., Закав. кр.).

Rzuć jak chees kota, a on sawsze na nogie podnie (Польск.— Бросай, какъ хочешь кота, а онъ всегда на ноги упадетъ).

Katzen mögen noch so hoch fallen, sie kommen doch auf die Beine.

Wirf die Katze wie du willst, sie kommt immer auf die Beine.

Нѣтъ живучѣе кошки (да ежа).

Кошку только девятая смерть уморитъ.

Кошку девятая смерть донимаетъ.

Мачката има деветь (споредъ нѣкои единадесеть) души и за това лесно не умира (Болгар.—У кошки девять, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, одиннадцать душъ, — оттого-то она легко и не умираетъ).

У кошки семь душъ есть (Татар., Закав. кр.).

Les chats ont la vie dure.

Les chats ont neuf vies.

Katzen haben zähes Leben.

Die Katze hat neun Leben.

Catti invalidi longius vivent (Латын.— Искалѣченныя кошки долго живутъ).

Schwache Katzen leben lang.

Убить кошку — по французскимъ примѣтамъ — несчастіе приноситъ:

Tuer un chat porte malheur.

Tuer le chat du bord porte malheur au batiment,

— на кораблѣ убить кошку, бѣда съ кораблемъ приключится. Имеретины считаютъ, что убить кошку — большой грѣхъ: искупить его можно только построивъ церковь, или девять черешневыхъ мостовъ на рѣкѣ.

VI.

ДОМАШНЯЯ ПТИЦА.

Хотя домашняя птица и не является, за рѣдкими исключеніями, въ хозяйствѣ видной доходной статьею, тѣмъ не менѣе, ни одно хозяйство безъ нея не обходится и курочка составляетъ неотъемлемую принадлежность каждаго, даже самаго бѣднаго, крестьянскаго двора. Бо́льшею частью ей сопутствуютъ утки, а нѣсколько рѣже также и гуси. Индѣйки держатся крестьянами рѣдко,—это птица нѣжная, требующая хорошаго ухода и содержанія, а потому индѣйки встрѣчаются обыкновенно только въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, да и то не всегда и не вездѣ. Курица такая же всегдашняя спутница человѣка, какъ и собака, и потому нѣмцы говорятъ, что только въ пустынѣ не лаетъ собака и не поетъ пѣтухъ:

Da bellt kein Hund und kräht kein Hahn (in der Wüste).

Содержаніе домашней птицы въ большомъ количествѣ, въ видѣ самостоятельной отрасли хозяйства—дѣло не легкое и даже не всегда доходное,—и корма птица требуетъ много, и уходъ за нею нуженъ хорошій, почему опять таки тѣ же нѣмцы высказываютъ, какъ мы видѣли выше, что лучше держать скотъ, который рога носитъ, нежели пернатыхъ, которыя зернами питаются,—

Man muss sich halten an das Vieh, das trägt Hörner, und nicht an das Federvieh, das lebt von Körner.

Птица кормитъ, но она же и погубить можетъ, замѣчаютъ французы.

Plume nourrit, plume détruit.

Много птицы держать — хозяину разоренье:

Dodici galline e un gallo mangiano quanto un cavallo,

— 12 куръ и 1 пѣтухъ столько же, сколько и лошадь, съѣдятъ,— говорятъ итальянцы; французы же увѣряютъ, что и двѣ курицы съ пѣтухомъ, если ихъ откармливать на убой, съѣдятъ не менѣе лошади:

Deux poules, plus un coq, qu'on élève à régal, mangent tout autant qu'un cheval.

Но въ небольшомъ числѣ экземпляровъ домашняя птица вокругъ двора питается, подбирая всякіе отбросы, остатки зерна и т. п.— сама себѣ кормъ добываетъ, требуя только небольшого подкармливанія и, взамѣнъ того, принося яйца, цыплятъ, перо и пухъ. Если не требовать отъ птицы многаго, то немного и она отъ хозяина потребуетъ:

По крупицѣ птица собираетъ, а сыта бываетъ.
Курица по зернышку клюетъ, да сыта живетъ.
Медвѣдь по коровѣ съѣдаетъ, да голоденъ бываетъ, а кура по зерну клюетъ, да сыта живетъ.
Grain par grain la poule emplit son jabot.
Ein Körnlein nach dem andern füllt dem Huhn den Hals.
Была бы курица, а плошку найдемъ.
Учись у курицы: разгребай, да подбирай.
Курица птица соровая,

— роется во всякомъ сору и въ немъ себѣ кормъ находитъ.

Qui nait poule—aime à gratter.
Chi di gallina nasce, conviene che rispi (Что отъ курицы родится, то скребется).
Jede Henne scharrt fur sich.
Was aus Hühnereiern gebrütet worden ist, das scharrt.
Kein Huhn scharrt umsonst.
Курка хочь у пашні ході, а усе разгребае (Малор.).
Кура не нашаркается (вѣчно скребется), гусь не намоется, утка не наполощется.
Ein fleissige Henne pickt jedes Krümlein auf,

— усердная курица каждую крупинку подбираетъ, во всякомъ навозѣ кое-что себѣ найдетъ.

Ein fleisig Huhn findet auf jedem Miste zu thun.

И цыпленокъ зернышко за зернышкомъ клюетъ, да потомъ курицей становится:

Das Hühnchen pickt Körnlein auf Körnlein, und wird ein Huhn.

Если же курица не скребетъ, а только глядитъ, то немного ей и зерна достанется поклевать:

Ein Hühnlein, das nicht scharrt und blos guckt, wenig Hörnlein schluckt.

Находимыя въ сору зерна пѣтухъ цѣнитъ выше всего:

Пѣтуху ячменное зерно жемчужины дороже.

Курица должна пѣтуху скрести помогать:

Il faut que la poule aide à gratter au coq.

Даже и слѣпая курица ину пору зернышко найдетъ:

Une poule aveugle peut quelquefois trouver son grain.
Eine blinde Huhn findet auch noch manchmal ein Weizenkorn.

Впрочемъ, слѣпая курица все глотаетъ, не разбирая:

Слѣпой курицѣ все пшеница.

Свойство куръ вѣчно шаркать, скрестись, землю рыть, бываетъ иногда и вредно:

Пусти курицу на грядку—гляди—ископаетъ весь огородъ.
Дай курицѣ гряду—изроетъ весь огородъ,

— и потому хозяевамъ не мало хлопотъ огородъ отъ нашествія куръ уберечь, тѣмъ болѣе, что куда одна курица—туда за нею и весь выводокъ, и всѣ дружно въ землѣ копаются, пока ихъ изъ огорода не выпроводятъ. Особенно трудно отбояриться отъ сосѣдскихъ, плохо кормленныхъ куръ:

Бобыльская курица загороду ломаетъ (Смолен. губ.).

Впрочемъ, скрести землю ногами составляетъ такую потребность курицы, что отучить ее отъ этой привычки невозможно, даже сытая курица будетъ скрестись:

Разсыпь хоть мѣру (зерна), курица будетъ копаться (Авар., Закав. кр.).

Куры вообще отличаются чрезвычайною прожорливостью, да и другія домашнія птицы отъ нихъ въ этомъ отношеніи не отстаютъ:

Голодной курицѣ просо снится.
Голодная курица во снѣ просо видитъ (Татар., Закав. кр.).
Гладна кокòшка просо сънiуiе (Болгар.—тоже).

Чуе курка нòсомъ, дэ поживицця просомъ (Волынск. губ.).
Wenn die Henne traümt, so ist's vom Haferfelde.
Нѣтъ прожорливѣе утки—все жретъ.
Утинаго зоба не накормишь (не залечишь).

Большого дохода отъ куръ не ждать, хозяинъ съ нихъ не разбогатѣетъ:

Куръ пасти—добра не обрѣсти.
Съ курицы хозяйства не наводишь (Смол. губ.).
Умерла та курица, что несла золотыя яйца.
Die Henne lebt nicht mehr, die goldne Eier trag.
Wo ist die Henne, die goldne Eier legt?

Если не выращивать птицы на племя, въ видѣ спорта, и не откармливать ее для продажи на убой въ видѣ пулярдокъ, жирныхъ каплуновъ и т. п., то и расходъ на нее небольшой. Но если нѣтъ болѣе куръ, несущихъ золотыя яйца, то и простыя хозяину и особенно хозяйкѣ впрокъ идутъ,—доказательствомъ чему служитъ тотъ громадный вывозъ яицъ, который теперь производится изъ Россіи и оплачивается уже десятками милліоновъ рублей. О продажѣ яицъ, впрочемъ, народная мудрость почти не говоритъ, но много занимается тѣмъ, какъ курочка яйца носитъ и какъ затѣмъ цыплятъ изъ нихъ выводитъ. Какъ и въ отношеніи другихъ отраслей хозяйства, для того, чтобы птица велась въ домѣ, нужно счастье, безъ котораго не будетъ и съ птицею удачи, а повезетъ,—такъ и всякихъ чудесъ дождешься:

Кому поживется—у того и пѣтухъ несется.
Живется, такъ и пѣтухъ кладется, а не живется — и курица не несется.
Wer Glück hat, dem geben seine Hühner Milch.

Упоминается про куръ хохлатыхъ, чубатыхъ и т. п., которыя, очевидно, составляютъ особую породу, но крестьяне ихъ существованіе объясняютъ особымъ счастьемъ того двора, гдѣ онѣ завелись:

Хохлатыя куры дворомъ ведутся.
Куры хохлаты дворомъ повелись.
Родомъ куры хохлаты, да не всѣ косматы (Бѣлор.).
Родомъ куры чубаты (Малор.).

Если для успѣшнаго разведенія куръ и всякой другой птицы нужно особое счастье, то и онѣ, въ свою очередь, по народнымъ повѣрьямъ, могутъ приносить дому счастье или несчастье. Въ осо-

бенности это свойство приписывается пѣтухамъ, которые заподозрѣваются народомъ въ сношеніяхъ съ нечистою силою. Играетъ тутъ роль и цвѣтъ ихъ оперенія, при чемъ черные пѣтухи считаются особенно подозрительными, а затѣмъ знаетъ народъ и краснаго, аллегорическаго, пѣтуха, пускающаго пожары, которому приписывается нѣкоторыми поговорками и реальное существованіе.

Черный пѣтухъ въ домѣ (черная собака, черная кошка) спасаютъ отъ грозы,

— въ Нижегородской губ. говорятъ наоборотъ,—опасны во время грозы. Черныя куры, у многихъ народовъ, между прочимъ у французовъ, являются непремѣнными спутницами колдуновъ и даже олицетвореніемъ дьявола:

Si une maison a beaucoup de poules et de poussins noirs, c'est qu'elle est hantée par les sorciers.

Нѣмцы держатся на этотъ счетъ совершенно противоположнаго мнѣнія—черная курица (какъ и черная кошка) дому счастье приноситъ,—ее не слѣдуетъ изъ дому выгонять:

Die schwarze Katze, das schwarze Huhn, soll kein Bauer aus dem Hause thun.

Французы совѣтуютъ держать черныхъ куръ и бѣлыхъ гусей:

Ta poule noire et ton oie blanche.

Повѣрье про краснаго пѣтуха существуетъ, какъ у насъ, такъ и въ Германіи, почти тождественное. У насъ считаютъ, что во время грозы молнія слетаетъ на домъ въ видѣ краснаго пѣтуха, отъ котораго немедленно крыша и загорается. Въ большинствѣ же случаевъ выраженіе «пустить краснаго пѣтуха»—домъ поджечь—употребляется только иносказательно:

Если бываетъ пожаръ отъ молніи, то съ неба спускается красный огненный пѣтухъ, прямо на крышу, которая немедленно загорается.

Der rothe Hahn kräht auf dem Dach (домъ горитъ).

Den rothen Hahn auf's Dach setzen (поджечь домъ).

Der rothe Hahn auf den alten Häusern ist gefährlicher, als auf den neuen,

— красный пѣтухъ опаснѣе для старыхъ домовъ, нежели для новыхъ,—старые, разсохшіеся дома скорѣе сгораютъ.

Большую бѣду предвидятъ для дома, гдѣ курица запоетъ пѣ-

тухомъ. На этотъ счетъ существуетъ множество изреченій, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ придается переносный смыслъ:

Hennen, die Krähen, wie ein Hahn, bringen dem Hause Unglück.
Курица пѣтухомъ запѣла — къ бѣдѣ, или на свою голову.
Куроклик — не къ добру.
Не къ добру курица пѣтухомъ запѣла.
На бѣду и курица пѣтухомъ поетъ.
На грѣхъ и курица свистнетъ.

Однако, замѣчаютъ, что, если курица всегда поетъ пѣтухомъ, если это вошло у нея въ привычку, то въ этомъ не только нѣтъ бѣды, но, напротивъ того, такія куры отличаются своею плодовитостью:

Если курица всегда поетъ пѣтухомъ, то нѣтъ бѣды въ томъ, и она бываетъ кладлива.
Если курица поетъ пѣтухомъ, то бываетъ кладлива.

Иносказательное значеніе имѣютъ поговорки, свидѣтельствующія о томъ, что куриць не годится пѣть передъ пѣтухомъ, или вмѣсто него, другими словами—не слѣдуетъ женщинѣ брать въ домѣ роль мужчины, что тоже приноситъ дому несчастье. На эту тему существуетъ множество изреченій.

Не пѣть куриць пѣтухомъ, не быть бабѣ мужикомъ.
Не пой курица пѣтухомъ, не владай, баба, мужикомъ.
Ou est coq, poule ne chante.
Wenn der Hahn kräht, mus die Huhn nicht singen.
Ce n'est pas à la poule de chanter devant le coq.
La poule ne doit pas chanter devant (avant) le coq.
Die Henne darf vor dem Hahn nicht krähen.
Malheureuse maison et méchante où le coq se tait et la poule chante.
It is a sad house, where the hen crows lauder then the cock (Плохъ тотъ домъ, гдѣ курица громче пѣтуха поетъ).
Trista è quella casa (tristo è quel pollaio),—dove le galline cantono e il gallo tace (Печаленъ тотъ домъ,—вар., тотъ курятникъ—гдѣ курицы поютъ, а пѣтухъ молчитъ).
In quella casa è poca pace, ove la gallina canta, e il gallo tace. (Мало мира въ томъ домѣ, гдѣ курица поетъ, а пѣтухъ молчитъ).
Wo die Henne kräht und der Hahn schweigt, da geht's liederlich zu.
Kräht die Henne und schweigt der Hahn, ist das Haus gar übel dran.

Французы считаютъ, что если курица запоетъ пѣтухомъ, то это дурное предзнаменованіе,— ее убить надо и голову черезъ домъ перекинуть:

Quand la poule chante comme le coq, c'est un présage de malheur: il faut la tuer et jeter sa tête par-dessus la maison.

Другое дѣло—пѣніе пѣтуха; ему придается большое и, до извѣстной степени, даже мистическое значеніе, тѣмъ болѣе, что о немъ упоминается и въ Евангеліи. Главное вниманіе обращается, конечно, на пѣніе пѣтуховъ въ полночь, по которому крестьяне опредѣляютъ время, вслѣдствіе чего и говорится, что пѣтухъ — крестьянскіе часы:

Der Hahn ist des Bauers Uhr und Kalender.
Der Hahn ist der Bauern Zeiger.
Le coq est l'horloge du pauvre.
Il gallo è l'orologio del contadino (l'oricello della villa).

Пѣтухи кричатъ въ ночь три раза:

Первые пѣтухи — полночь, вторые — до зари, третьи — заря.

Корсиканцы троекратное пѣніе пѣтуха опредѣляютъ такъ:

A la prima voce di gallo è sempre notte, a la secunda i giorna s'abbicina, a la terzia pelupiu è l'alba clara (При первомъ гласѣ пѣтуха всегда еще ночь, при второмъ день приближается, при третьемъ всюду ясный разсвѣтъ).

Причину, почему пѣтухи въ полночь поютъ, крестьяне у насъ объясняютъ такъ:

Пѣтухъ поетъ, когда въ небѣ къ заутрени звонятъ.
Пѣтухъ поетъ — нечистой силы темной время прошло.
Если пѣтухъ поетъ раньше полуночи, то значитъ онъ видитъ нечистую силу и хочетъ пѣньемъ ее прогнать (Архан. г.),

— съ вечера до первыхъ пѣтуховъ бродитъ по землѣ всякая нéчисть, которая, заслышавъ пѣтуха, скрывается. Пропѣли пѣтухи—разсвѣтъ близокъ, новый день зачинается, что, впрочемъ, бываетъ совершенно независимо отъ того, пѣлъ ли пѣтухъ или нѣтъ:

Співатился півень, чи ни, а день буде (Малор.).
Coq chante ou non — viendra le jour.
Wenn der Hahn auch nicht kräht, die Sonne geht doch auf.
Der Hahn lehrt nicht die Sonne aufgehen, die Sonne lehrt ihn krähen.

Чѣмъ разсвѣтъ ближе, тѣмъ пѣтухи поютъ чаще:

Частое пѣніе пѣтуховъ показываетъ скорое начало дня (Болгар.).

Хорошій пѣтухъ разсвѣта не пропуститъ:

Ein guter Hahn verscheucht den Morgen nicht.

Сбиться же пѣтухъ можетъ только въ томъ случаѣ, если предстоитъ въ скоромъ времени перемѣна погоды:

Wenn nicht der Hahn die Stund recht halt, so ändert sich das Wetter bald.

У болгаръ есть примѣта, что пѣтухи, родившіеся 1-го марта всегда поютъ раньше всѣхъ другихъ пѣтуховъ.

Несвоевременному пѣнію пѣтуховъ у насъ крестьяне придаютъ совсѣмъ особое и весьма оригинальное значеніе:

Пѣтухи не въ пору поютъ — новые указы будутъ!

Пѣтуха у насъ считаютъ очень умной, вѣщей птицею:

Пѣтухъ не человѣкъ,— а свое скажетъ и бабъ научитъ.

За границею совѣтуютъ пѣтуха за несвоевременное пѣніе очень строго наказать, — свернуть ему или отрубить голову:

Den Hähnen, die zur Unzeit krähen, muss man den Kopf abdrehen.

The cock, that sings untimely, must have ist head cut off.

Начинаютъ свое пѣніе пѣтухи не поѣвши и въ этомъ отношеніи ихъ у насъ сравниваютъ съ попами:

Попъ да пѣтухъ и на тощакъ (не поѣвши) поютъ.

Пѣтухи всегда пѣли и будутъ пѣть до скончанія вѣка:

Какъ перестануть пѣть пѣтухи, такъ и міру конецъ.

Однако, искусство пѣнія достигается пѣтухомъ не сразу, а отъ старыхъ перенимается, и притомъ каждый пѣтухъ поетъ на свой ладъ; при пѣніи пѣтухъ глаза закрываетъ, потому что свою пѣсню наизусть знаетъ:

Every cock sings on his own manner (Каждый пѣтухъ по своему поетъ).

Jeder Hahn krähnt in seiner Weise.

Ein junger Hahn muss lange versuchen, ehe er kräht wie ein Alter.

Der junge Hahn kräht, wie er's vom Alten gelernt hat.

The young cock crows, as he had heard the old one (Молодой пѣтухъ поетъ, какъ отъ стараго слышалъ).

Der Hahn schliesst die Augen, wenn er kräht, weil er's auswendig kann.

Черезчуръ откормленный, разжирѣвшій пѣтухъ пѣть перестаетъ; хорошій пѣтухъ вообще жирнымъ не бываетъ:

Wenn man die Hähne überfüttert, hören sie auf zu krähen.

Закормленная птица жирѣетъ (не поетъ и не несется).

Пѣтухъ и тогда перестаетъ пѣть, когда куры вылиняютъ, потеряютъ свое весеннее опереніе:

Quand la poule est deplumée, le coq ne veut plus chanter.

Всего худѣе пѣтухи къ веснѣ:

Au printemps tous les coqs sont maigres.
Bon coq n'est jamais gras.
Grasse poule—maigre coq.
Ein guter Hahn wird selten fett.
Ein schlechter Hahn, der fett wird.

Особенно худы,—сухи—драчливые, бойцовые пѣтухи:

Драчливый пѣтухъ жиренъ не бываетъ.
Драчливый пѣтухъ голенастъ живетъ.

Охотники до бойцовыхъ пѣтуховъ при воспитаніи ихъ прибѣгаютъ къ слѣдующимъ пріемамъ:

Чтобы нашъ пѣтухъ билъ чужого, нужно въ Великій четвергъ кормить своего пѣтуха на заслонкѣ, на зарѣ (Вологод. г.).

Если вырвать у чужого пѣтуха косички (т. е. два длинныхъ хвостовыхъ пера), онъ станетъ слабѣе курицы, и будетъ отъ куръ бѣгать, не то, что отъ пѣтуха... (Вологод. г.).

Хотя французы и считаютъ, что имѣть одного пѣтуха все равно, что не имѣть ни одного,

Qui n'a qu'un coq n'en a point,

— но вообще на хорошаго пѣтуха полагается до 7 куръ, какъ говорятъ французы, и до 10-ти, какъ считаютъ итальянцы:

Одинъ пѣтухъ, да всѣхъ куръ перетопталъ (молодецъ).
A un bon coq, il faut sept poules.
Un gallo basta per dieci galline,

при чемъ наблюдаютъ, что старыя куры предпочитаютъ молодыхъ пѣтушковъ:

Gallina vecchia vuol galletto giovine (Старой курицѣ хочется молодого пѣтушка).

A gallo vecchio gallina tenerella (Старому пѣтуху — молодую курочку),

— эти поговорки примѣняются иносказательно, относясь и не къ однимъ только курамъ, да пѣтухамъ...

За границею считаютъ, что пѣтухъ можетъ хорошо служить не болѣе одного года:

Ein guter Hahn hält nur ein Jahr.

Французы и итальянцы относятъ то же наблюденіе и къ слугамъ, которые, будто бы послѣ одного года службы уже не годятся, балуются:

Le cop et le serviteur un seul an sont en vigueur.

Il gallo e il servitore in un'anno perdon vigore (Пѣтухъ и слуга черезъ годъ силу теряютъ).

У насъ на этотъ счетъ держатся совсѣмъ другого мнѣнія, считая, что пѣтухъ можетъ служить до 7-ми лѣтъ и если не долѣе, то по причинѣ совершенно другой и чисто фантастичной:

Пѣтуха нельзя держать во дворѣ болѣе семи лѣтъ — семигодовалый пѣтухъ яйцо снесетъ, изъ него лютый змѣй вылупится...

У всѣхъ пѣтуховъ долженъ на головѣ гребень быть, который лѣтомъ становится краснымъ:

Alle Hähnen müssen einen Kamm haben.

Jeder Hahn trägt seinen Kamm.

Im Sommer haben die Hähnen rothe Kämme.

Отсутствіе гребешка, или гребень слишкомъ толстый, составляютъ у пѣтуха недостатокъ:

Безъ гребня пѣтухъ — каплунъ.

Когда у пѣтуха толстый гребешокъ, куры плохо несутъ яйца (Ворон. губ.).

Молодые пѣтухи не должны старыхъ учить:

Junge Hähne sollen die Alten nicht lernen,

— смыслъ этой поговорки тотъ же, что и нашей:

Яйца курицу не учатъ,

имѣющей множество варіантовъ и примѣняемой къ разнымъ птицамъ:

Das Ei will klüger sein, als die Henne.

Das Ei soll nicht klüger sein wollen, als die Henne.

Das Gänslein will die Gans schwimmen lehren.
Les oisons veulent mener paître leur mère.

У пѣтуха столько же крыльевъ, сколько и у сокола, но такъ высоко, какъ соколъ, онъ не залетаетъ:

Der Hahn hat ebenso viel Flügel, als der Falk, und kann dennoch nicht so hoch fliegen.

Плохъ тотъ дворъ, въ которомъ вовсе пѣтуха нѣтъ:

Безъ кочута (пѣтуха) хата шута,

— говорятъ малороссы,—чужіе же пѣтухи и куры всегда лучше своихъ кажутся:

Чужіе пѣтухи поютъ, а на нашихъ типунъ напалъ.
Чужія куры ростятся, а наши только топорщатся.

Болгары увѣряютъ даже, что въ чужихъ яйцахъ по два желтка бываетъ:

Чуждото іаіце іе два жълткà (Болгар.).

Плохъ тотъ пѣтухъ, котораго куры щиплятъ, но и хорошаго пѣтуха индюшка одолѣетъ.

Es ist ein schlechter Hahn, der sich von den Hühnern beissen lässt.
Храберъ пѣтухъ, да и его индюшка бьетъ,

— всего же храбрѣе себя чувствуютъ не только пѣтухъ, но и курица,—на своемъ пепелищѣ, у себя дома, — тутъ они никому спуску не дадутъ:

Hund und Hahn sind kühn auf ihrem Plan.
На своемъ пепелищѣ и кура гребетъ, и пѣтухъ храбрится.
На своемъ пепелищѣ пѣтухъ никому спуску не даетъ.
На своемъ пепелищѣ и курица бьетъ.
Всякъ пѣтухъ на своемъ пепелищѣ царекъ (хозяинъ).
На своей улочкѣ и курочка храбра.

Der Hahn ist König auf seinem Mist.
Die Henne ist Königin auf ihrem Mist.
Der Hahn ist stolz auf seinem Neste.
Un coq est bien fort sur son fumier.
E ardito il gallo sopra il suo letame (Смѣлъ пѣтухъ на своемъ помётѣ).

Отъ своего дома пѣтуху опасно удаляться,—сбѣжавшаго, заблудившагося пѣтуха лисица съѣстъ:

Verlaufene Hähne frisst der Fuchs.

Пермяки считаютъ пѣтуха поганымъ и въ пищу его не употребляютъ.

Гораздо больше изреченій посвящаетъ народная мудрость курамъ,— носкѣ ими яицъ, высиживанію цыплятъ, и т. п. Куры— бабье хозяйство, а у бабъ, какъ извѣстно, всякихъ примѣтъ да предразсудковъ еще неизмѣримо больше, чѣмъ у мужиковъ, и потому тутъ, можно сказать, на каждомъ шагу примѣта. Есть указанія вѣрныя, есть, какъ и всегда, примѣты вздорныя, въ особенности въ томъ, что касается высиживанія цыплятъ. Носкую, кладливую курицу стараются уже и по внѣшнему виду отличить и ставятъ ее очень высоко:

Плодовитая курица лучше бозплодной женщины,

— говорятъ татары Эриванской губ.

Пригожъ хохлокъ на несучкѣ (на ноской курицѣ).

Кладлива та курица, которая постоянно поетъ вмѣстѣ и на перерывъ съ пѣтухами: она каждый день можетъ яйца нести.

Главная роль курицы въ хозяйствѣ — несеніе яйцъ; яйца и въ пищу крестьянской семьѣ идутъ, и въ продажу поступаютъ, и ведутъ къ поддержанію куринаго рода:

Отъ курицы — яйцо, а отъ яйца — курица.
Wie die Henne, so die Eier.
Отъ худой курицы худыя и яйца.
Guter Vogel legt ein gut Ei.

Какова курица, таковъ и цыпленокъ; отъ худой курицы, худого яйца — худой и цыпленокъ:

Wie die Henne, so die Küchlein.
Aus schlechten Eiern kreischt kein guter Vogel.
De méchant oeuf—méchant oiseau.
Böse Hühner, böse Küchlein.
Fette Hennen, fette Küchlein.
Das Hühnlein wird selten besser, als die Henne.

Нѣмцы увѣряютъ, что самыя крупныя куры несутъ самыя мелкія яйца:

Die grössten Hühner legen die kleinste Eier,

— но это мнѣніе совершенно несправедливо, такъ какъ крупныя куры приносятъ обыкновенно и самыя крупныя яйца.

Если курица снесетъ крохотное яйцо — послѣдъ — то его слѣдуетъ поскорѣе уничтожить, иначе куры нестись перестанутъ (Терск. обл.).

Снесе ли ви кокошката меко яйце, не е на добро (Болгар.— Не къ добру, коли курица снесеть мягкое яйцо).

Подобно тому, какъ черная коровка бѣлое молоко даетъ, отмѣчается, что черная курица бѣлыя яйца несетъ, а изъ бѣлаго яйца можетъ выдти черный цыпленокъ:

Noire géline pond blanc oeuf.
A black hen lays a white egg.
D'un oeuf blanc on voit souvent éclore un poulet bien noir.
Aus einem weissen Ei schlupft ein schwarz Hühnlein.

Появленіе на свѣтъ бѣлаго цыпленка считается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дурнымъ предзнаменованіемъ:

Если вылупится бѣлый цыпленокъ — къ убытку въ хозяйствѣ (Воронеж. губ.).

Какъ корова не выменемъ, а рыломъ доитъ, такъ про курицу говорится, что она клювомъ яйца несетъ, т. е. кладется въ зависимости отъ того, какъ ее кормятъ:

La poule pond par le bec. (Курица черезъ клювъ яйца даетъ).
Die Hühner legen die Eier durch den Kopf.
Wie man die Henne füttert, so legt sie.
Wer Eier essen will, muss die Hühner füttern.
La gallina fa l'uovo dal becco
Dal becco vien l'uovo (Черезъ клювъ яйцо идетъ).
La gallina è bella e buona, di pel becco la fa l'uovo (Красивая и хорошая курица черезъ клювъ несется).

Старыя ожирѣвшія куры яицъ не несутъ.

Alte Hühner legen nicht mehr.
Gallina vecchia non fa l'uove (Старая курица яицъ не кладетъ).
Fette Hühner legen nicht.
Wenn man dem Huhn zu viel Futter giebt, so hört's auf zu legen.

Курица, которая много кудахчетъ, яицъ несетъ мало:

Kura, co dużo gdacze, zwykle mało niesie jajec (Польск.— Курица, которая много кудахтаетъ, обыкновенно мало несетъ яицъ).
Hennen, die viel gackern, legen wenig Eier.
Коіа кóкошка мнòгу грачи, по-малку іáіца снесца (Болгар.— Курица, много кудахтающая, мало яицъ носитъ).

Чтобы куры лучше неслись, у насъ совѣтуютъ насѣстъ об-

вѣшивать битыми кувшинами. Прибѣгаютъ для этого еще и къ другому пріему:

Во время града выгонять куръ на дворъ, подъ градъ,— хорошо нестись будутъ (Курск. губ.).

Нѣмцы говорятъ, что курочка, которая яйцо снесла, свою дневную работу выполнила:

Ein Ei ist des Huhnes Tagwerk.
Курочка по одному яичку несетъ (носитъ).
Знаетъ курица свои яйца.

Когда курица хочетъ яйцо снести или уже снесла, то и закудахчетъ,— весь свѣтъ оповѣститъ,— по этому кудахтанью за носкою яицъ слѣдятъ и ихъ подбираютъ,— но бываетъ, что курица кудахчетъ въ одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ въ другомъ:

Курочка кокóчетъ — снести яичко хочетъ.
Курица кудахчетъ — яичко снесла.
Курочка и яичко снесла, и покудахтала — свое дѣло сдѣлала.
Не тамъ (не всегда тамъ) курочка яйцо снесла, гдѣ кудахчетъ.
Курочка кудахчетъ въ однімъ місті, а яйца кладе у другімъ (Малор.).
Когда курица одно яйцо снесетъ, всѣхъ сосѣдей крикомъ оповѣститъ, а буйволица отелится — никто и неузнаетъ (Татар., Закав. кр.).
Wenn die Henne ihr gackern liesse, so wisst man nicht, dass sie gelegt hat.
Se tacesse la gallina, non si saprebbe che ha fatto l'uovo (Если бы курица молчала, не знали бы, что она яичко снесла).
La poule, qui caquette, est celle, qui a fait l'oeuf.
Gallina che canta (che chiamazza) ha fatto l'uovo (Курица, которая поетъ, яичко снесла).
Wenn die Henne ein Ei gelegt hat, so gakert sie.
Wo sich das Huhn sein Nest gemacht, da legt es seine Eier hin.
Quand glousse la poule, il y a oeuf ou poussin.
Keine gute Henne schreit umsonst.
Die Henne, welche gackert, legt das Ei.
Die Henne macht ein grosses Geschrei, wenn si gelegt ein kleines Ei.
Ein Strauss legt ein grosses Ei und schweigt dabei; Hühner legen kleine Eier und sind dennoch grosse Schreier.
Die Henne legt im Haus ein Ei, aber weit hört man ihr Geschrei.
Wen die Henne legt das erste Ei, macht sie viel Geschrei.

Гдѣ одно яйцо лежитъ, тамъ курочка охотно и другое положитъ:

Aus einem Ei macht die Henne gern zwei.
Zu einem Ei legt die Henne gern ein zweites.
Die Henne legt gern in ein Nest, wo sie Eier findet.

Умная курица ни одного яйца не потеряетъ, если ей во время гнѣздо приготовить, а плохая разбросаетъ яйца по сосѣдямъ, или кудахчетъ безъ толку:

Es ist eine kluge Henne, die kein Ei verliert.

Hühner, welche die Eier in fremde Neste legen, gehören in den Topf.

Es ist eine schlechte Henne, die in des Nachbars Haus legt.

Es sind böse Hennen, die daheim fressen, und dem Nachbar die Eier zutragen.

Die Henne legt nicht jedermals ein Ei, wenn sie gackert.

La poule perd ses oeufs, en trop chantant aprés avoir pondu.

Eine Henne, die zu viel gackert, hat nicht Zeit, ein Nest zu bauen.

Eine Henne, die abends gackert, legt morgens kein Ei.

Wenn man der Henne nicht bald ein Nest macht, legt sie unter die Nesseln.

Ein Ei ist gewöhnlich verloren, das früher als das Nest wird geboren.

Лучше потерять яйцо, нежели курицу:

Пропадай яйцо, а не курица.
Besser ein Ei verlieren, als das Huhn.
On ne tue pas la poule pour avoir un oeuf.

Болгары увѣряютъ, что вечеромъ, въ сумерки, нельзя брать яйцо съ полога, потому что куры перестаютъ нестись:

Вечерь, по мръкнало, не се зематъ яйца отъ полога, защото се прокуждали кокошкитѣ.

Чья курица, кто курицу кормитъ, того и яйца; яйца отъ своихъ куръ каждому чужихъ куръ дороже:

Ist die Henne mein, so gehören mir auch die Eier.
Wer die Henne füttert, dem gehören auch die Eier.
Seine Eier sollen mehr gelten, als andern Leuten Hühner.

Яйца составляютъ товаръ ходкій; въ отличіе отъ другихъ товаровъ ихъ можно покупать и не видавъ; говорится у насъ

За очи только яйца торгуютъ,

но, быть можетъ, именно вслѣдствіе такого способа торговли,

наши русскія яйца и расцѣниваются ниже всѣхъ на заграничныхъ рынкахъ, гдѣ, напротивъ, каждое яйцо и мѣряютъ, и на свѣтъ разсматриваютъ, и взвѣшиваютъ, — смотрятъ за тѣмъ, чтобы не попадались такія, про которыхъ молва ходитъ, что

Отъ одного тухлаго яйца семь мужиковъ бѣжало,

и которыя всю партію товара портятъ.

Про яйца, какъ предметъ питанія, тоже есть свои поговорки:

Un œuf aujourd'hui vaut mieux qu'un poulet demain.
Les œufs qu'à la poële tu mets, ne produiront pas les poulets.
On ne fait pas une omelette sans casser des œufs.

Одно яйцо съѣсть — все равно, что ничего, говорятъ французы; два — очень хорошо, три — довольно, четырехъ слишкомъ много, а отъ пяти — умрешь:

Un œuf n'est rien, deux — font grand bien, trois — est assez,
quatre—est trop, cinq donnent la mort.

Когда яйцо съѣшь, скорлупа уже ни на что не нужна; поэтому, про вещь, которая никуда не годится, говорятъ у насъ, что она «выѣденнаго яйца не стоитъ».

У всѣхъ народовъ существуетъ повѣрье, что скорлупу отъ съѣденныхъ яицъ надо непремѣнно разбивать, а не выбрасывать въ цѣломъ видѣ. Причину этого объясняютъ различно: въ Россіи считаютъ, что скорлупы отъ яйцъ надо разбивать, такъ какъ иначе, если они попадутъ въ рѣку, то ими завладѣютъ русалки и будутъ въ нихъ плавать; того же мнѣнія держатся и въ Англіи. Въ другихъ мѣстахъ боятся, что ихъ захватятъ колдуны, которые наполнятъ ихъ разными вредными и опасными для людей снадобьями. Вотяки увѣряютъ, что въ пустыя яичныя скорлупки шайтанъ отъ громовой стрѣлы прячется. Нѣмцы говорятъ, что если яичныхъ скорлупокъ не разбивать, то на слѣдующій годъ куры нестись не будутъ. Наконецъ, есть объясненія и болѣе основательныя, быть можетъ даже вполнѣ вѣрныя; именно, если яичныя скорлупки выбрасывать, предварительно ихъ разбивши, то куры, роясь на дворѣ, въ сору, ихъ скоро поѣдятъ, а это имъ очень полезно, такъ какъ заключающаяся въ нихъ известь курамъ нужна для новой кладки яицъ и образованія яичной скорлупы въ тѣлѣ птицы; замѣчено, что куры набрасываются съ большою жадностью на эти скорлупки и ихъ поѣдаютъ; съ разбитыми же на мелкія части скорлупками имъ легче справиться, чѣмъ съ цѣлыми. Особенно вреднымъ считается бросать

яичныя скорлупки въ огонъ; на этотъ счетъ есть указанія у нѣмцевъ и французовъ:

Verbrennt man die Eierschalen, so verbrennt man den Hühnern den Eierstock.

Ne jetez pas au feu les coques d'oeufs, si vous ne voulez pas empêcher les poules de pondre.

Эти совѣты, очевидно, вполнѣ мирятся съ приведенными выше физіологическими объясненіями.

Слѣдующая серія изреченій и даваемыхъ народомъ указаній касается высиживанія куриныхъ яицъ, Тутъ, однако, разныхъ предразсудковъ больше, чѣмъ дѣла; нѣмцы замѣчаютъ правильно, что не слѣдуетъ подъ курицу слишкомъ много яицъ подкладывать, и нельзя вмѣсто курицы сажать на яйца пѣтуха:

Man muss nicht zu viel Eier unter eine Henne legen.

Man muss nicht seine Eier einem Hahn unterlegen, wenn man Küchlein haben will.

Русскіе замѣчаютъ юмористически:

Пѣтухъ теленка не высидитъ.

Кочетъ яичко снесъ, а ворона раскудахталась.

Курочка бычка родила, теленочекъ яичко снесъ,

— небывальщина.

Засиженное яйцо — болтунъ.

Французы сообразуютъ время выхода цыплятъ съ фазами луны; цыплята, вылупившіеся когда луна на ущербѣ, на старой лунѣ, слабѣе другихъ, тѣ же, которые родились, когда луны нѣтъ (en morte lune), трудно выращиваются:

Les petits poulets qui naissent en vieille lune ne sont jamais aussi forts que les autres.

Les poulets éclos en morte lune s'élèvent difficilement.

По наблюденіямъ французовъ, молодыя куры лучше несутся, а старыя лучше яйца высиживаютъ; если же хотятъ, чтобы насѣдка совсѣмъ на яйца не садилась, ее нужно въ воду окунуть.

Il n'est que jeune poule à pondre, et vieille à couver.

Gallina per far l'uovo e la vecchia per covarle (тоже).

Pour faire passer l'envie de couver, il faut tremper la poule dans l'eau.

Высиживаніе яицъ составляетъ для курицы, въ извѣстное

время года, своего рода физіологическую потребность; если не подложить подъ нее яицъ, такъ она, по замѣчанію нѣмцевъ, и на солому сядетъ:

Hat die Henne die Brut, so sitzt sie auf Stroh, wenn man ihr die Eier nimmt.

Далѣе приходится вступить въ область явныхъ предразсудковъ, тутъ едва ли не болѣе изобильныхъ, чѣмъ гдѣ-либо, что, какъ уже сказано, объясняется именно тѣмъ, что куроводство — бабье хозяйство:

Если найти камень съ дырой и повѣсить его въ курятникѣ, то куры будутъ цѣлы.

Насѣдку сажай, когда скотъ съ поля идетъ.

Курицу на яйца сажай, когда вода въ печи кипитъ, или вечеромъ, когда скотину домой гонятъ — лучше выводъ будетъ (Орловск. губ.).

Не свистать и не печь яицъ тамъ, гдѣ сидитъ насѣдка.

Когда куры садятся на яйца, нельзя въ печкѣ печь яицъ, иначе подъ насѣдкой будутъ яйца запекаться (Воронеж. губ.).

Подъ насѣдку яйца должна класть женщина, чтобы изъ нихъ выходили куры, а если положитъ мужчина, то выйдутъ пѣтухи (Армян., Эрив. губ.).

Чтобы изъ всѣхъ яицъ, положенныхъ подъ насѣдку, вывелись цыплята, необходимо положить нечетное число яицъ (Грузин.).

Очень много примѣтъ на высидку курами яицъ — у французскихъ хозяекъ; нѣкоторыя изъ нихъ сходны съ вышеприведенными. Если хотятъ, чтобы высидка шла успѣшно, надо класть подъ курицу нечетное число яицъ, класть ихъ поперемѣнно, то правою, то лѣвою рукою, сажать насѣдку не иначе, какъ послѣ захода солнца,— чтобы не бояться колдуновъ и вѣтра; если хотятъ имѣть крѣпкихъ и здоровыхъ цыплятъ, не слѣдуетъ сажать курицу на яйца въ тѣ дни недѣли, въ названіе которыхъ входитъ буква *р;* если хотятъ имѣть пѣтушковъ, то нужно, чтобы курицу сажалъ на яйца мужчина, и притомъ непремѣнно въ пятницу, а чтобы имѣть курочекъ — сажать въ четвергъ. Если въ то время, когда курица сидитъ на яйцахъ, прогремитъ громъ, или насѣдка услышитъ крикъ ястреба, то яйца пропадутъ,— чтобы предохранить яйца отъ вреднаго вліянія грозы, надо класть въ гнѣздо кусокъ стараго желѣза, или два куска желѣза, рас-

полагая ихъ на крестъ, или землю, снятую съ плуга и т. п. Приводимъ всѣ эти указанія по-французски, чтобы сохранить ихъ оттѣнки:

Pour qu'une couvée réussisse, le nombre d'oeuf, qu'on donne à une couveuse, doit être impair.

Pour qu'une couvée réussisse, il faut mettre les oeufs dans le nid en se servant alternativement de la main droite et de la main gauche.

Si l'on veut avoir une bonne couvée, il faut avoir soin de ne donner à la poule des oeufs à couver, qu'après le soleil couché, parce qu'alors on ne craint point les sorciers, ni les vents.

Pour avoir des poulets forts et vigoureux, il ne faut pas mettre couver les poules les jours de la semaine, dans les noms desquels il y a un *r* (mardi, mercredi, vendredi).

Pour avoir des coqs, il faut mettre à couver le vendredi, avant le lever du jour,—par un homme; pour avoir des poules, il faut mettre à couver le jeudi.

S'il vient à tonner pendant l'incubation, les oeufs périssent; ils se gâtent aussi par le cri de l'épervier.

Il faut mettre dans le nid des poules un morceau de fer (un obus, des morceaux de fer, disposés en croix, de la terre provenante d'une charrue) pour empêcher les oeufs d'être gatés par l'influenee atmosphérique en temps d'orage.

По французскому повѣрью, если куриныя яйца подложить подъ сороку, то нихъ вылупятся очень злые пѣтухи (coq-pie), дающіе прекрасныхъ бойцовъ.

Но какъ ни соблюдай всѣ примѣты и повѣрья при высиживаніи курами яицъ, быть увѣреннымъ въ успѣхѣ можно только тогда, когда цыплята уже вывелись, а такъ какъ не мало цыплятъ погибаетъ въ первое время ихъ жизни,—не взирая на всѣ заботы о нихъ матери насѣдки,—то вполнѣ справедливы нижеслѣдующія, всѣмъ извѣстныя изреченія, примѣняемыя, впрочемъ, и не всегда въ буквальномъ смыслѣ:

Не считай цыплятъ, пока не вылупились.

Цыплятъ по осени считаютъ.

Never reckon your chickens before they are catched (Не считай цыплятъ, пока они не пойманы).

Цыплятъ послѣ коршуна считаютъ (Татар., Закав. кр.).

Заботливая насѣдка зорко охраняетъ цыплятъ отъ хищныхъ птицъ; вообще, за цыплятами нуженъ внимательный глазъ, иначе до грѣха не долго:

Добрая насѣдка однимъ глазомъ зерно видитъ, другимъ—коршуна.

Là, où sont les poussins, la poule a les yeux.

Wo die Küchlein sind, hat die Henne die Augen.

Шаловливый цыпленокъ въ кипятокъ попадаетъ (Черк.).

Уже по цыпленку знать, какова будетъ курочка. Цыплята растутъ быстро.

Was ein gutes Huhn werden will, sieht man schon am Küchlein.

Es ist kein Hühnchen noch so klein, über's Jahr will's eine Henne sein.

Poulets avant la Saint-Jean et chaponneaux après.

Маленькая курочка долго кажется цыпленкомъ:

Das kleine Huhn scheint lange ein Hühnchen.

Каплунчикъ въ 8 мѣсяцевъ — царскій кусочекъ, говорятъ французы:

Chapon de huit mois—manger de roi.

Старая курица только въ супъ годна и наваръ даетъ хорошій:

Alte Hennen geben fette Suppen.

Vieille géline engraisse la cuisine.

Gallina vecchia fa buon brodo (Старая курица хорошій наваръ даетъ).

При всякомъ выдающемся въ семьѣ событіи курамъ бѣда—ихъ на обѣдъ рѣжутъ:

И свадьба для куръ, и похороны для куръ—горе (Татар., Закавк. кр.).

Рада бы курочка на пиръ не шла, да за хохолъ тащутъ.

Бабы, выростившія птицъ, избѣгаютъ сами ихъ колоть:

Бабѣ кровь проливать не годится.

Съ курицами, даже предназначенными на убой, надо обходиться бережно, а поймавъ ее—остается только ощипать:

Il faut prendre la poule sans crier.

Quand on tient la poule, il faut la plumer.

Необходимо также заботиться о чистотѣ курятника и о томъ,

чтобы куры не страдали отъ паразитовъ; французы совѣтуютъ вѣшать для этого въ курятникѣ вѣтви горецвѣта, чемерицы:

On suspend des rameaux d'Hellébore dans les poulaillers, pour en éloigner la vermine.

Куры въ курятникѣ должны быть размѣщаемы, по возможности, просторно, иначе онѣ другъ друга обижаютъ, и если чужой цыпленокъ въ гнѣздо забѣжитъ, то его живо оттуда выпроводятъ. Особенно не терпятъ куры каплуновъ:

Коли тѣсно, такъ и курица курицу съ насѣсту сталкиваетъ.
Wenn ein fremdes Hühnlein in den Korb kommt, so beissen's die alten Hühner wieder aus.
Jamais géline n'aima chapon.
Oncques chapon n'aima géline,

— и обратно—каплунъ куръ не любитъ.

Къ характеристикѣ куръ и домашней птицы вообще служатъ еще слѣдующія изреченія:

Eine alte Henne lässt sich nicht mit Spreu locken,

— то же, что наша русская поговорка—«стараго воробья на мякинѣ не обманешь».

И курица пьетъ,

— поговорка, употребляемая больше при приглашеніи къ выпивкѣ, когда угощаемый отказывается. Но вотъ замѣчанія, которыя дѣйствительно вѣрно характеризуютъ куриную манеру пить:

Kein Tropfen Wasser trinkt das Huhn, ohn'ein Blick zum Himmel 'nauf zu thun.
Wenn das Huhn getrunken hat, hebts den Kopf g'en Himmel.
Курица одинъ разъ воду пьетъ, а другой разъ Бога славитъ (Армян., Эрив. губ.).

Эту привычку куръ поднимать послѣ каждаго глотка голову кверху, народъ объясняетъ тѣмъ, что курица за воду Господа Бога благодаритъ.

Курочка честра (sic)—пестра, уточка съ носка плоска (Даль.).
И у курицы сердце есть.
Седни курица и та фурится (сердится).
Мокрая курица—а тоже пѣтушится!
Скажешь курицѣ, а та всей улицѣ,

— примѣняется къ бабѣ-болтуньѣ.

Кочетокъ гуляетъ—бояръ потѣшаетъ.

Чужую курицу, какъ хочешь дери, а свою за хохолъ держи.

Чужую курочку щипли, а свою за крылышко держи.

Кто чужую птицу прикармливаетъ, тотъ добра не замышляетъ.

На племя слѣдуетъ оставлять того пѣтушка, который запѣлъ на третій или четвертый день по выходѣ изъ яйца (Витеб. губ.).

Продавая курицу, совѣтуютъ у нея выдернуть перо, чтобы «плодъ» ея въ дому у продавца остался (Вологод. губ.).

Хороша курочка перьями, а мясомъ еще лучше.

У жирныхъ птицъ гладкія перышки (Голланд.).

Krankes Vöglein lässt die Flügel hängen.

Хоть черненька курица, да на яйцахъ сидитъ.

Птица хохлится къ непогодѣ, либо къ болѣзни.

Куры разодрались къ гостямъ, либо къ вѣстямъ,

— подобныхъ примѣтъ существуетъ множество, но тѣ изъ нихъ, которыя предсказываютъ различныя атмосферическія явленія, будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ; другія же, которыхъ еще гораздо больше и за которыми, очевидно, нельзя признать ни малѣйшаго основанія, и совсѣмъ не могутъ войти въ настоящее собраніе, подобно тому, какъ не войдутъ въ него и разныя предсказанія по снамъ, по чесанію ладоней, по вставанію съ правой или лѣвой ноги и пр. Всѣмъ извѣстныя поговорки: «курамъ на смѣхъ», «куры денегъ не клюютъ» и т. п., употребляются въ смыслѣ только иносказательномъ, и потому на нихъ здѣсь тоже нечего останавливаться.

Интересно слѣдующее замѣчаніе, о достовѣрности или ошибочности котораго судить не берусь,—

Перецъ курицѣ отрава.

Худая курица хорошо клюетъ:

Gallina secca ben becca.

Курица—созданіе слабое, беззащитное, и сильно страдаетъ отъ хищныхъ звѣрей и птицъ. Только въ курятникѣ курица коршуна не боится, а на волѣ и днемъ и ночью ее уберечь трудно,—враговъ у нея много:

Die Hühner im Stall fürchten den Habicht nicht.

И съ красной ногавкой (нашивка, повязка для примѣты) куру ястребъ ловитъ.

Цѣловалъ ястребъ курочку до послѣдняго перышка.
Пѣтухъ на что храберъ, а и тотъ ястреба боится.
Сова и ноччу курей видитъ (Бѣлор.).

Особенно опасны курамъ и другой домашней птицѣ лисицы:

Пришла изъ лѣсу птичница въ лисьей шубкѣ, цыплятъ посчитать.
Die gezeichneten Hühner nimmt der Fuchs auch.
Le renard mange les poules, bien qu'elles soient gardées.
Лиса придетъ—и курица раскудахчется.
Лиса куръ не оборонитъ.
Wenn der Fuchs eine Predigt thut, so acht auf deine Gänse gut.
Wehe der Gans die dem Fuchs traut.

Только когда лису убить, куры въ безопасности—пока другой по близости не заведется:

Le renard est pris—lachez vos poules.
Wenn der Fuchs todt ist, sind die Hühner ausser Gefahr.

По лисѣ куры не плачутъ:

Wenn der Fuchs stirbt, trauert keine Henne.

Изъ другихъ болѣе мелкихъ звѣрей опасны курамъ ласки, хорьки и куницы, которыя прокрадываются въ самый курятникъ:

Au poulailler sont les fouines.

Одна куница можетъ цѣлый курятникъ опустошить:

Ein Marder ist für einem ganzen Hühnerstall genug.

Про хорька говорится у насъ:

Хорь воръ—перевелъ куръ.

Ласка забирается въ курятникъ и выпиваетъ яйца, выбирая притомъ лучшія изъ нихъ:

Die Wiesel saugt keine faule Eier aus.
Die kühnsten Wiesel saufen die beste Eier.

Нѣмцы и къ курамъ относятъ свою нелюбовь къ предметамъ общаго владѣнія, говоря, что одно яйцо лучше общей курицы:

Besser ein alleinig Ei, als eine gemeinsame Henne.

Они же говорятъ, что лучше курица сегодня, нежели гусь завтра, — то же, что наше: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки»:

Besser heute eine Huhn, als morgen eine Gans.

Очень извѣстны изреченія про куръ, высидѣвшихъ утятъ или гусятъ, которые, къ ужасу насѣдки, лѣзутъ прямо въ воду:

Какъ вылупился утенокъ—такъ и бухъ въ воду.

Высидѣла курица утятъ, да и плачется съ ними (и сама не рада).

Die jungen Enten gehen ins Wasser, wenn auch eine Henne sie ausgebrütet hat.

Wenn auch ein Huhn die Gans erzieht, sie geht doch ins Wasser.

Eine Henne, die Enten ausgebrütet hat, hat viel Sorge.

Утята—прирожденные пловцы, учить ихъ плаванью нечего:

Der Ente Jungen sind geborene Schwimmer.

Den Gänsen (und Schwanen) ist's angeboren, das sie oben auf'm Wasser fliessen.

Ce n'est pas à un canard qu'il faut apprendre à nager.

Всякой водяной птицѣ Богъ перья маслитъ:

Den Vögel, die im Wasser leben, fettet Gott die Feder.

Гуси начинаютъ нестись рано, еще по снѣгу,—тогда и гусята всего лучше выходятъ:

Wenn die Gänse Eier hegen, mögen sie in Schnee sie legen.

Гуси, дающіе пухъ и перья, да и въ продажѣ хорошо оплачиваемые, считаются у насъ птицами выгодными въ хозяйствѣ, не взирая на производимыя ими въ поляхъ опустошенія:

Гусей перебьемъ—всѣ дыры заткнемъ (въ хозяйствѣ).

Гусей надо кормить изобильно, по два раза въ день, только до Афанасьева дня (18-го января):

На Панасья—гусиный праздникъ (Смоленск. губ.),

—съ этого дня гусей закармливаютъ зерномъ, и потомъ слѣдуетъ ихъ кормить уже только по разу въ день—яйца будутъ нести ядреныя, безъ болтуновъ. Если въ этотъ день метель, то много будетъ гусенятъ. Съ весны до поздней осени гусь ходитъ по волѣ и добываетъ себѣ пищу самъ, и если заберется на поля, то это большою бѣдою у насъ не считается:

Однимъ гусемъ поля не вытопчешь,

—по многу же гусей крестьяне не держатъ. Нѣмцы, однако, на этотъ счетъ другого мнѣнія и говорятъ, что гуси въ поляхъ гораздо больше вытопчутъ, чѣмъ сколько имъ для корма нужно:

Die Gänse zertreten mehr, als zum Futter nöthig wär.

Замѣчаютъ, что домашніе гуси хорошо поведутся, когда къ

нимъ прилучится дикій гусь и освоится настолько, что станетъ заходить съ ними на дворъ и на гумно (Витеб. губ.).

Осенью, когда начинаются холода—

Спроси у гуся—не зябнутъ ли ноги?

— гусей загоняютъ во дворы и къ этому времени стараются сбыть, чтобы заткнуть дыры въ хозяйствѣ, и держатъ лишь столько, сколько нужно на племя, такъ какъ иначе гуси, отличающіеся своею прожорливостью, хозяина совсѣмъ разорятъ. Итальянцы, по той же причинѣ, не совѣтуютъ гусямъ давать салатъ сторожить:

Non bisogna dar la lattuca in guardia all'oca.

Гуси, вообще, считаются птицами злыми, хотя злость у нихъ больше напускная и относительно безвредная,—развѣ за ноги ущипнутъ:

Храберъ гусь, да оспнъ.
Сердитъ гусь, да надсѣлся.

Однако, итальянцы увѣряютъ, что сто гусей съ волкомъ управиться могутъ:

Cent'ocche ammazzano un lupo.

У гусей очень развито стадное чувство—что одинъ дѣлаетъ, то и всѣ другіе:

Wenn eine Gans gaggt, gaggt die Andre auch.
Wenn eine Gans trinkt, so trinken sie alle.
Par compagnie l'oie se baigne.
Одинъ гусь не гогочетъ (Киргиз.),

— а какъ соберутся вмѣстѣ, такъ что твои бабы:

Гусь да баба—торгъ; два гуся, двѣ бабы—ярмарка.
Die Gans lässt ihr Schnattern nicht.

Нѣмцы совѣтуютъ гусю два или три раза въ году перья выщипывать—опять выростутъ; операцію эту надо, однако, производить осторожно:

Man muss eine Gans des Jahres zwei oder drei mal rupfen, die Federn allzeit wieder wachsen.
Man mus eine Gans nicht zu kahl rupfen.
Щипли гуся такъ, чтобы не кричалъ.

Какъ гусь шеи ни вытягивай — лебедемъ не будетъ, хотя

англичане и увѣряютъ, что каждый склоненъ своего гуся лучше лебедя считать:

Die Gans wird kein Schwan, wenn sie den Hals auch noch so lang ausdehnt.

A man thinks his own geese swans.

Повторяются, затѣмъ, поговорки, сходныя съ приведенными уже выше:

И большому гусю не высидѣть теленка.

Гусь козлу (свиньѣ) не товарищъ.

Сидѣли гуси, да улыли,

говорится про то, что было, да сплыло.

Нѣмцы говорятъ, что гусь глупая птица:

Die Gans ist ein dummes Thier, eins ist zu wenig, und zwei ist zu viel,

—для хорошаго крестьянскаго аппетита одного гуся мало, а двухъ и онъ не осилитъ.

Гусь и другія птицы характеризуются по издаваемымъ ими звукамъ:

Гусь чевошникъ, а утка такалка.

Утка такаетъ, пѣтухъ поетъ, гусь гогочетъ.

Утки, также какъ и гуси, гдѣ соберутся, тамъ и такаютъ, точно бабы между собою судачатъ:

Гдѣ утка, тутъ и мутка (сплетня).

Французы замѣчаютъ, что все, что хорошо для гусей, хорошо и для утокъ,—условія содержанія этихъ птицъ почти одинаковы:

Ce qui est bon pour l'oie est bon pour le canard.

Характеристика утокъ не особенно для нихъ благопріятна:

Утка глупа и прожорлива.

Нѣтъ прожорливѣе утки—все жретъ.

Сколько утка ни бодрись, а гусемъ (лебедемъ) не быть.

Но въ весеннюю брачную пору утки самцы-селезни очень красивы и привлекаютъ утокъ своимъ яркимъ опереніемъ:

На то у селезня зеркальце (на крыльяхъ), чтобы утки глядѣлись.

Одинъ селезень можетъ «росцицъ» (оплодотворить) столько утокъ, сколько у него въ оконечности хвоста «закрюченныхъ» перьевъ; на заводъ совѣтуютъ оставлять селезня съ возможно

большимъ числомъ такихъ перьевъ, и по числу ихъ оставлять и утокъ (Витеб. губ.).

Утки не менѣе другихъ птицъ страдаютъ отъ пернатыхъ хищниковъ:

Бьетъ соколъ сѣру утицу.
Высоко соколъ загоняетъ сѣру утицу.
Повадится коршунъ—всѣхъ утятъ хватаетъ.

Хотя нѣмцы и говорятъ, что дикихъ утокъ приручить трудно:

Wilde Enten sind schwer zu zähmen,

— но это едва ли вѣрно, такъ какъ извѣстно, что дикія утки нерѣдко пристаютъ къ домашнимъ, обживаются, вмѣстѣ съ ними кормятся, и затѣмъ «русѣютъ», т. е. превращаются въ домашнихъ.

Про индѣекъ, которыхъ крестьяне почти нигдѣ у насъ, за исключеніемъ крайняго юга, не держатъ, и изреченій очень мало. Отмѣчаются только нѣкоторыя ихъ свойства, невыносливость:

Индѣйка птица хлибкая,
Ындюшка сама утла и врыклива птыца (Малор., Херс. губ.).

и чванливость индюковъ:

Индѣйскій пѣтухъ распустилъ фижмы.
Спѣсивѣе пырина (индюка) не найти.

У французовъ индѣйка «une dinde» считается олицетвореніемъ глупости.

Тутъ же можно упомянуть о двухъ другихъ породахъ птицъ, которыя, хотя и не имѣютъ хозяйственнаго значенія, но нерѣдко живутъ на положеніи птицъ домашнихъ: это именно лебеди и павлины.

Лебеди часто поминаются въ народныхъ пѣсняхъ: выраженіе «бѣлая лебедушка» есть лучшее ласкательное слово для женщины красавицы, но, тѣмъ не менѣе, въ поговоркахъ про лебедей почти не упоминается; народъ у насъ отмѣчаетъ только дикихъ лебедей, пролетныхъ, особенно привлекающихъ его вниманіе, когда они черные:

Диковинная птица—черный лебедь.
Лебедь по поднебесью, мотылекъ надъ землею чуть,—всякому свой путь.

Въ старые годы лебедей часто употребляли въ пищу и они обыкновенно фигурировали за царскимъ столомъ, о чемъ упоминается въ описаніяхъ старинныхъ пиршествъ. Теперь же ихъ ѣдятъ у насъ очень рѣдко, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребленіе ихъ въ пищу считается даже грѣхомъ, и именно по слѣдующимъ, мало основательнымъ, причинамъ:

Лебедей грѣшно убивать и ѣсть, потому что они носятъ цвѣтное (имѣютъ менструацію) (Сибир.).

Лебедей грѣшно ѣсть, потому что они родятся слѣпыми и сводятся по собачьи (Сибир.).

У нѣмцевъ насчетъ лебедей разговору гораздо больше. Лебедь съ гусями не ходитъ, а и пойдетъ, такъ гусемъ не станетъ; перья у лебедя бѣлыя (про черныхъ лебедей нѣмцы не упоминаютъ)—но кожа и мясо черныя; крылья и перья лебедю такъ же нужны, какъ и воробью, плаваетъ лебедь и по морю, но ноги у него остаются черными:

Ein Schwan geht nicht mit Gänsen einher.

Der Schwan bleibt ein Schwan, wenn er auch mit Gänsen geht.

Der weisse Schwan hat schwarzes Fleisch.

У лебедя прекрасныя бѣлыя перья, но кожа у него черная (Голланд.).

Ein Schwan bedarf seiner Federn ebensowohl, als ein Spatz.

Der Schwan kann im Meere schwimmen, die Füsse bleiben ihm doch schwarz.

Клювъ у лебедя длиннѣе, чѣмъ у жаворонка, однако, пѣть онъ не можетъ:

Der Schwan hat einen längern Schnabel, als die Lerche, und kann doch nicht singen.

Французы говорятъ, что лебеди запоютъ тогда, когда лягушки квакать перестанутъ, т. е. никогда:

Les cygnes chanteront quand les grenouilles se tairont.

Извѣстно, однако, общераспространенное повѣрье, что лебедь поетъ свою прощальную «лебединую» пѣсню разъ въ жизни, передъ смертью:

Wenn der Schwan singt, stirbt er.

Происхожденіе легенды о пѣніи лебедя объясняется такъ: въ Европѣ существуютъ разныя породы лебедей; одинъ — лебедь-

шипунъ, или нѣмой (Cygnus olor), не поющій, съ длиннымъ краснымъ клювомъ, украшеннымъ чернымъ бугоркомъ при основаніи, съ буроватыми или черными ногами;—это наиболѣе распространенная и всѣмъ извѣстная порода; другой—лебедь-кликунъ (Cygnus musicus) съ клювомъ спереди чернымъ, но лишеннымъ бугра, съ короткою и болѣе толстою шеею; онъ живетъ и выводитъ птенцовъ преимущественно на крайнемъ сѣверѣ; этотъ лебедь можетъ издавать звуки, подобные звуку духового инструмента, и хотя каждый лебедь имѣетъ только два тона, одинъ высокій и другой, вслѣдъ за нимъ, болѣе низкій и мягкій, но когда такихъ лебедей соберется цѣлая стая, и они перекликаются, то это производитъ впечатлѣніе общаго пѣнія. Особенно громки, а по словамъ нѣкоторыхъ натуралистовъ, и гармоничны звуки, издаваемые лебедемъ-кликуномъ, когда онъ раненъ, и слѣдовательно, передъ смертью, что и дало поводъ къ созданію легенды про пѣніе умирающаго лебедя.

На счетъ павлина и въ особенности павы изреченій больше, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ употребляются, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ:

Знать паву по перьямъ.
Man kennt den Pfau an seinen Federn.
Какова пава, такова ей и слава.
По павушкѣ и славушка.

Хороши у павлина перо, внѣшность, но когда его ощипать, то никто имъ любоваться не станетъ:

Wenn der Pfau berupft ist, bewundert ihn niemand.

Не хорошъ у павлина и голосъ:

Павлиній крикъ хуже кошачьяго.

Самка павлина очень заботится о своихъ яйцахъ и скрывается, когда ихъ кладетъ, почему про человѣка, который старается сдѣлать нѣчто тайно, скрыть что-либо, говорятъ, что онъ «прячется (или носится), какъ пава съ яйцемъ».

У павлина умъ въ хвостѣ, замѣчаютъ нѣмцы, — онъ его и показываетъ охотнѣе, нежели ноги, которыя, какъ извѣстно, у него очень уродливы:

Der Pfau hat seinen Verstand im Schwanze.
Was der Pfau am Kopf zu wenig hat, das hat er am Schwanze zu viel.

Der Pfau trägt lieber den Schwanz, als die Beine zum Schein.
Einem Pfau muss man nicht auf die Füsse schauen.
Павлинъ бы и красивъ, да ногами не счастливъ.

Чехи про павлина говорятъ, что у него красота ангельская, ноги злодѣйскія, а крикъ дьявольскій:

Pàv mà kràsu andélskou, chod zlodjesky, hlos dàbelskỳ (Чешск.).

Любопытна слѣдующая легенда, объясняющая. почему у павлина красивъ хвостъ, а остальное въ сравненіе съ хвостомъ не идетъ: подъ Благовѣщенье пава убирала своего павлина, хвостъ отлично изукрасила, хотѣла принарядить крылья, голову и ноги, да залѣнилась, а тѣмъ временемъ зазвонили къ заутрени и пава должна была прекратить работу, такъ какъ въ Благовѣщенье работать грѣхъ; вотъ и остался павлинъ навѣки съ разукрашеннымъ только хвостомъ.

Къ числу домашнихъ птицъ нѣмцы относятъ и голубей, но разведеніе ихъ считаютъ очень невыгоднымъ, какъ и содержаніе козъ, отдавая предпочтеніе разведенію коровъ, овецъ и пчелъ:

Tauben und Ziegen lassen den Bauer liegen, aber Bienen und Schaf helfen ihn wieder auf.
Tauben und Ziegen lassen ihren Herren nicht liegen; Kühe, Schafe und Bienen können ihren Herren was verdienen,

— слово liegen употреблено въ этихъ двухъ случаяхъ въ различномъ смыслѣ: въ первой поговоркѣ его надо понимать такъ, что голуби и козы заставятъ крестьянина лежать, не дадутъ ему подняться; во второй—лежать ему не дадутъ, принесутъ много хлопотъ. Пчелы же, овцы и коровы помогутъ ему подняться, принесутъ ему кое-какую выгоду.

У насъ голубей, какъ извѣстно, не ѣдятъ и считаютъ ихъ птицею священной, какъ потому, что Духъ Святой изображается въ видѣ голубя, такъ и потому еще, что когда распинали Христа, то голуби хотѣли избавить Его отъ мученій евреевъ, и говорили «умеръ, умеръ» (звукоподражаніе). Съ тѣхъ поръ голубь сталъ священной птицею и ѣсть его — грѣхъ великій. Голуби живутъ у насъ въ каждомъ дворѣ, но разведеніемъ ихъ занимаются только охотники-любители, въ видѣ особаго спорта, и никакого хозяйственнаго значенія они не имѣютъ.

VII.

ПЧЕЛА-МЕДУНИЦА.

Пчела съ давнихъ временъ и повсемѣстно служитъ эмблемою трудолюбія. А такъ какъ выдѣлываемый ею воскъ съ давнихъ же временъ шелъ на выдѣлку свѣчъ, которыя употреблялись и употребляются въ церквахъ, то работа ея вмѣстѣ съ тѣмъ признается угодною Богу. Поэтому и въ народныхъ поговоркахъ, особенно русскихъ, прежде всего отмѣчается, какъ трудолюбіе пчелы, такъ и то, что она для Бога старается. Строя и наполняя медомъ свои соты, пчела и для себя на зиму запасъ скопляетъ, и людямъ, хотя, конечно, поневолѣ — часть своего меда удѣляетъ, и, наконецъ, матеріалъ для церковной свѣчи воску яраго готовитъ:

Пчела—Божья тварь: Богу работаетъ.
Пчела и на себя, и на людей, и на Бога трудится.
Пчела трудится—на Бога свѣча пригодится.
Не на себя пчела работаетъ, а на Бога.
Безъ пчелы (восковой свѣчи) и обѣдни попъ не служитъ.
Пчела—ни дѣвка, ни вдова, ни мужняя жена: дѣтей водитъ, людей питаетъ, дары Богу приноситъ.

Вслѣдствіе того, что пчела работаетъ на церковь, на Бога, ее и называютъ:

Пчела—Божья угодница.
Бджола—Божа пташка (Малор.).
Пчела—Божья скотинка (Яросл. губ.).

Пчелы передъ Богомъ святы.

Мотылекъ—щеголекъ, да бѣлоручка; а медуница и черна, да на Бога угодила.

Работая на Бога, пчела имѣетъ и своихъ особыхъ покровителей, которыми у насъ, какъ извѣстно, считаются св. Зосима и Савватій. На пасѣкахъ, обыкновенно, ставятъ икону этихъ святыхъ, служатъ имъ молебны и, вообще, вѣрятъ въ заступничество ихъ за пчелъ и охрану ими ульевъ и пчельниковъ.

Святая двоица, Зосима и Савватій, пчелу бережетъ.

Безъ Бога — ни до порога; безъ Зосимы и Савватія — ни до улья.

Рой роится—Зосима-Савватій веселится.

Что у пчелы въ соту, то Зосима-Савватій далъ.

Зосима-Савватій вмѣстѣ съ пчелой Богу свѣчку лѣпятъ.

Пчела — Божья угодница: Зосимѣ-Савватію свой молебенъ поетъ.

На сѣверѣ Россіи существуетъ преданіе, что святые Зосима и Савватій принесли съ Аѳона въ набалдашникѣ посоха пчелиную матку, которую и пустили въ русскую землю, положивъ тѣмъ на Руси начало пчеловодству. Въ день празднованія преподобнаго Зосимы, 17-го апрѣля, кормятъ пчелъ просфорою, освященной наканунѣ Благовѣщенія.

Разные моменты въ жизни пчелъ и ухода за ними пріурочиваются къ днямъ празднованія разныхъ святыхъ и къ разнымъ праздникамъ—«на св. Пуда доставай пчелъ изъ-подъ спуда», «на первый Спасъ заламывай соты, макай въ медъ ножи» и т. п., но объ этомъ уже было говорено въ первой части нашего труда и потому здѣсь всѣ эти указанія повторять нѣтъ надобности. Во Франціи считаютъ, что пчелы препоручены спеціально апостолу Петру и въ день его праздника ему дѣлаютъ подношеніе воскомъ:

St. Pierre est préposé aux abeilles; là où il a une chapelle, on lui apporte en présent de la cire.

Особая милость Божья къ пчелѣ объясняется не только тѣмъ, что, выдѣлывая воскъ, она на Бога работаетъ: по народнымъ повѣрьямъ, пчела имѣетъ передъ Господомъ еще и другія заслуги. Легенды говорятъ, что во время крестныхъ страданій Христа на Голгоѳѣ, пчелы выпивали кровавый потъ, проступавшій на челѣ Распятаго, и тѣмъ облегчали его страданія; пчелы жалили руки

воинамъ, бичевавшимъ Христа; пчелы разнесли по бѣлому свѣту христіанскому первую вѣсть о славномъ Его воскресеніи и т. п. Для пчелъ и гроза не опасна:

Илья-пророкъ не можетъ ударить громомъ-молніей въ пчелиный улей.

По французскому повѣрью, пчелы въ ульяхъ празднуютъ въ Рождественскую ночь Рожденіе Христа особенно громкимъ жужжаніемъ, которое пчеловоды ходятъ подслушивать:

Dans la nuit de Noël on entend les ruches d'abeilles célébrer par un cantique merveilleux la naissance du Sauveur.

То же повѣрье существуетъ и въ Англіи, но только тамъ чудесное жужжаніе пчелъ во славу Христа относится къ ночи подъ новый годъ.

Пчеляки, вообще, народъ очень суевѣрный и соблюдаютъ множество самыхъ разнообразныхъ обрядовъ, отъ которыхъ зависитъ, по ихъ мнѣнію, благополучіе пчелъ. Многіе изъ этихъ обрядовъ также были уже приведены ранѣе.

Перенося рой въ новый улей, благочестивые пчеляки опрыскиваютъ его Святою Крещенскою водою, приговаривая: «Святые преподобные Зосима и Савватій, Матушка Пресвятая Богородица, храните эту домовину, какъ зеницу ока, отъ мора, отъ хлада, отъ всякаго гада».

Восковая свѣча, принесенная отъ всенощной на Страстной недѣлѣ въ Великій Четвергъ, бережется пчеловодами за божницею ко времени выставленія улья изъ омшанника на пчельникъ. Поставленная на пчельникѣ въ этотъ день, она, по старинному повѣрью, обезпечиваетъ обильный медосборъ, оберегая въ то же время пчелъ отъ «сглазу».

Въ Малороссіи на первомъ или «покутномъ» ульѣ всегда лежитъ ладанъ; этотъ улей называется «хозяинъ»; среди пасѣки стоитъ главный улей, называемый «Зосима», въ честь святого покровителя пчелъ.

Воскъ отъ свѣчи на паникадилѣ, взятый въ первый день Пасхи, кладутъ въ улей.

Обнося пчельникъ изгородью, натыкаютъ на колья лошадиные черепа, которымъ, какъ извѣстно, приписывается свойство отгонять нечистую силу.

Вслѣдствіе того, что пчела считается святою, Божьей угодницею, про пчелу не говорятъ, какъ про другихъ животныхъ.

«издохла, околѣла, пропала», а какъ про человѣка—«померла». Убіеніе пчелы считается грѣхомъ:

Убить пчелу—грѣхъ на шею навязать.
Celui qui tue une mouche à miel est puni par le bon Dieu.

Разорить колоду съ пчелами—святотатство.

Разломать пчелъ—разорить храмъ Божій (Смолен. губ.).

Пчела—насѣкомое мудрое, ей Богъ съ роду науку открылъ, учиться ей не приходится, а у нея поучиться и человѣкъ многому можетъ. Открылъ Богъ науку и муравью, но между работою пчелы и муравья большая разница,—пчела и Богу, и людямъ пользу приноситъ, муравей же только для себя старается и никто ему за то спасибо не скажетъ.

Одной пчелѣ Богъ съ роду науку открылъ.
Родилась пчела—всю науку поняла.
Для пчелы всякъ урокъ легокъ.
На что мудра гадъ-змѣя подколодная, а пчела, Божья пташка, и ее перемудритъ.
Нѣчему пчелу учить, сама всякаго мужика научитъ.
Мала пчела, а побольше великаго знаетъ.
Пчела и человѣка умудряетъ.
Мала пчела, а человѣка большому уму-разуму научитъ.
Человѣкъ отъ пчелы всякой премудрости научается.
Работящъ, какъ пчела,

— говорится про трудолюбиваго человѣка.

Слѣдующій рядъ изреченій дѣлаетъ сопоставленіе пчелы и муравья:

Богъ умудрилъ пчелу и муравья.
Два труженика: пчела и муравей; одному спасибо, а другому—нѣтъ.
Муравей не по себѣ ношу тащитъ, да никто ему спасибо не скажетъ, а пчела по искоркѣ носитъ, да Богу и людямъ угождаетъ.

Отмѣчается также и то, что пчелы и муравьи живутъ не по одиночкѣ, а «артелями», для совмѣстной работы:

Пчелы и муравьи артелями живутъ—и работа спора.

Будучи любимыми Богомъ созданіями, пчелы, въ свою очередь, любятъ, чтобы и хозяева ихъ Бога почитали, требуютъ отъ нихъ добродѣтели, не выносятъ людей порочныхъ и злыхъ; въ

ихъ присутствіи нельзя ругаться и т. п. Такого рода повѣрья существуютъ не только у нашихъ, но и у иностранныхъ пчеловодовъ:

Злому-неправедному лучше и не водить пчелъ.

У праведнаго рой за роемъ роится, у грѣшнаго послѣдняя пчела переводится.

Къ доброй душѣ и чужая пчела роемъ прививается.

Добраго человѣка пчела не жалитъ.

Пчела жалитъ только грѣшника.

Пчела на злого хозяина Богу жалуется.

Вору-грабителю и отъ пчелы въ соту одна хлѣбина.

Si les maîtres de la maison n'ont pas de religion, les abeilles abandonnent les ruches, ou périssent.

Пчела требуетъ хорошаго съ собой обращенья:

Подходи къ пчелѣ съ кроткими словами, береги пчелу добрыми дѣлами.

Jurer, prononcer des paroles impures devant les abeilles les fait périr.

Les abeilles piquent les jureurs.

Die Bienen können das Fluchen nicht leiden.

Wem der Honig schmekt, der schalte nicht die Bienen.

Существуетъ у насъ мѣстами и такое предубѣжденіе, что «на пасѣкѣ нельзя ѣсть».

Французы считаютъ, что пчелы принимаютъ близкое участіе въ судьбѣ того дома, которому онѣ принадлежатъ; если въ домѣ царитъ раздоръ, то онѣ водиться не будутъ и улетятъ въ другое мѣсто. При смерти хозяина дома, пчелъ объ этомъ оповѣщаютъ, покрывая ульи чернымъ крепомъ,—если этого не сдѣлать, то онѣ погибнутъ:

Quand le désaccord règne dans une maison, les abeilles s'en vont.

Quand le maître de la maison est mort, on annonce le décés aux abeilles, en couvrant les ruches d'un crêpe noir, sans celà les abeilles périront.

Къ числу дальнѣйшихъ предразсудковъ въ отношеніи пчелъ нужно отнести слѣдующіе: считать ульи не слѣдуетъ, бѣду принесетъ; продавать и покупать ульи не годится, а можно только, какъ иконы, обмѣнивать ихъ на равноцѣнные предметы, иначе пчелы погибнутъ. Этихъ повѣрій держатся французы:

Compter les ruches à miel porte malheur.

On ne doit jamais acheter ni vendre les abeilles, sous peine de les faire périr; on ne peut que les échanger contre un objet de même valeur.

У насъ существуетъ примѣта, что пчелъ не слѣдуетъ отдавать:

Съ пасѣки матокъ и пчелъ не давать, иначе рой не будетъ садиться—улетитъ съ пасѣки.

Насчетъ продажи и покупки ульевъ у русскихъ пчеловодовъ запрета нѣтъ, но указывается, что нужно покупать ихъ нѣчетомъ; если часть ульевъ украдутъ, то и съ остальными не повезетъ; нѣмцы же считаютъ, что тому пчеловоду посчастливится, который одинъ рой найдетъ, одинъ улей въ подарокъ получитъ и одинъ украдетъ.

Пчелъ нужно покупать нѣчетомъ, иначе вестись не будутъ (Сибир.).

Если у пчеловода воры украдутъ нѣсколько ульевъ, то отъ остальныхъ прибыли не будетъ (Владим. губ.).

Wer mit den Bienen Glück haben will, muss einen Stock finden, einen geschenkt bekommen, und einen stehlen.

Однако, по другой нѣмецкой примѣтѣ, краденыя пчелы не водятся:

Gestohlene Bienen halten sich nicht.

Пчелы у насъ, какъ извѣстно, зимуютъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, мшанникахъ или омшанникахъ. На воздухъ ихъ выносятъ, обыкновенно, въ самомъ началѣ весны, пріурочивая этотъ выносъ къ опредѣленнымъ днямъ, различнымъ въ разныхъ мѣстностяхъ: въ Малороссіи въ день равноденствія, и именно «въ двѣнадцатый часъ»; въ Польшѣ этотъ день считается вмѣстѣ съ тѣмъ праздникомъ пчеловодовъ; въ средней Россіи выносъ пчелъ изъ омшанника производится въ Великій четвергъ на Страстной недѣлѣ; въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ—въ день св. Пуда, 15-го апрѣля, или еще позднѣе, на «Зосиму пчельника»—17-го апрѣля и т. п.

Выносить улья совѣтуютъ на молодомъ мѣсяцѣ:

Молодикомъ хорошо ульи ставить—пчелы собираются (Вилен. губ.).

Въ западной Россіи существуетъ наблюденіе, что при слишкомъ раннемъ вылетѣ пчелъ, имъ придется потомъ снова сидѣть въ ульяхъ,—при возвратѣ холодовъ:

За сколько дней до Благовѣщенья пчелы вылетятъ изъ ульевъ, столько же времени послѣ Благовѣщенья придется имъ отсидѣть въ ульяхъ (Бѣлор.).

Въ ульѣ безъ матки пчелы не живутъ, матка-самка, царица, одна на весь улей; медоносныя пчелы—существа безполыя, работницы; онѣ вощину дѣлаютъ, медъ съ цвѣтовъ собираютъ, соты имъ наполняютъ, о дѣткѣ заботятся, поддерживаютъ чистоту въ ульѣ и пр.; трутни-самцы—ничего не дѣлаютъ, послѣ оплодотворенія матки ихъ полезная роль закончена. Пчелы работаютъ дружно, всею артелью,—одна пчела сама по себѣ не много сдѣлаетъ, она только членъ пчелиной семьи, на которую и работаетъ. Все это отмѣчается соотвѣтственными поговорками и изреченіями на разныхъ языкахъ:

Безъ матки пчелки—пропащія дѣтки.
Ruche sans reine—ruche en peine.
Bienen ohne Königin sind ein verlorener Stock.

Когда вывелись молодая дѣтвора и новая матка, начинается роеніе,—безъ матки же и роя не будетъ:

Безъ матки—не рой.
Безъ матки рой не держится.
Молодой рой безъ матки отъ отца не отходитъ.

Успѣхъ роенія зависитъ отъ состоянія пчелъ:

Жирна пчела—роивъ мало бувъ; худа—треба богацько труда, а середня—знай, яка середня (Малорос., Воронеж. г.).

Залетъ чужого роя считается добрымъ предзнаменованіемъ:

Чужой рой залетитъ—къ счастью.
Чужой рой въ подполье залетитъ—цѣлому дому счастье.

Нѣмцы замѣчаютъ, что у того, кто за пчелами хорошо ухаживаетъ, онѣ дважды роятся:

Wer die Bienen pflegt, dem schwärmen sie zweimal.

Ходить за пчелами вообще дѣло не легкое: тутъ требуется много вниманія, умѣнья и любви къ этому занятію. Всѣми этими свойствами обладаютъ особенно старые и опытные пчеляки «дѣды». Опытность и любовь къ пчелкѣ-Божьей работницѣ замѣняла такимъ дѣдамъ тѣ познанія, которыя теперь даетъ пчелинцамъ наука раціональнаго пчеловодства. Долгіе годы занимаясь пчелами, пчелиные дѣды восприняли отъ нихъ, по мнѣнію народа, и часть пчелиной святости. А кромѣ того, про многихъ изъ нихъ

думаютъ, что они и такое особое «слово» знаютъ, которое помогаетъ имъ успѣшно водить пчелъ. Любопытно высказываются объ этомъ галичане: «Є такі пасічники, що вони знают до пчіл; у иншого пчоли нічого не наносять, а у него меду повні вуліи: а не знайдуть меду въ полі, то пасічникъ посилає іх у чужу пасіку и вони нападаютъ на вуліи, січуть (убиваютъ) чужу муху, а медъ забирають».

Необходимость вниманія при роеніи доказывается рядомъ изреченій:

Рой-роемъ—а ты самъ не спи.

Особенно опасно упустить первый рой, за нимъ и другіе будутъ улетать, при чемъ пчеляки увѣряютъ, что ихъ въ такихъ случаяхъ переманиваютъ:

Якъ перваго роя упустышь зь пасикы, такъ усе и пидуть тикать (Малор., Екатер. губ.).

Колы рій до сколькихъ разовъ тики зь пасикы, — це его хто зманює (Малор., Екатер. губ.).

Близость роенія угадывается по слѣдующей примѣтѣ:

Нужно ожидать скораго роя, если пчелы сидятъ въ пятѣ, или если по вылетѣ изъ улья онѣ долго кружатся надъ нимъ и снова опускаются въ улей (Витеб. губ.).

Пчеловоды прислушиваются къ жужжанію пчелъ въ періодъ роенія и опредѣляютъ разные его оттѣнки:

Матка поетъ—собираясь убить свою соперницу.

Пчела реветъ—если матка вышла трутневая.

Пчела тужитъ—рой тревожно мечется, ища матку.

Жужжаніе пчелъ для пчеловода пріятный звукъ:

И всякая муха жужжитъ—да не пчелѣ чета (Имерет., Кутаис. губ.).

Das Schwärmen der Bienen ist für das Ohr des Imkers (Bienenwärters) ein angenehmer Lärm.

Одна пчела роя не дѣлаетъ, говорятъ англичане:

One bee makes no swarm,

— но что одной пчелѣ вредитъ, вредитъ и цѣлой пчелиной семьѣ:

Was der Biene schadet, schadet auch dem Stocke.

Любопытно слѣдующее повѣрье витебскихъ пчеловодовъ: пчелы станутъ «разбитнѣй», будутъ пересиливать другихъ пчелъ,

когда весною подкурить ихъ разбитымъ молніей деревомъ; если такая подкуренная пчела подлетитъ къ «медистому» цвѣтку, гдѣ уже сидитъ другая пчела, то послѣдняя немедленно уступитъ ей мѣсто.

Тѣже витебскіе пчеляки опредѣляютъ предѣльную дальность полета пчелы за взяткомъ отъ своей колоды въ семь миль: какъ только пчела пролетитъ этотъ предѣлъ, она уже не можетъ вернуться къ своему улью.

Трутнямъ, какъ уже сказано, въ ульяхъ дѣла нѣтъ:

Трутнямъ праздникъ и по буднямъ,

— поговорка, часто употребляемая иносказательно.

Fleissige Bienen machen das Honig, faule Hummel fressen es.

The loudest bummer ist not the best bee (Всѣхъ громче жужжитъ не лучшая пчела).

По увѣренію крестьянъ Вятской губерніи, кромѣ матокъ, рабочихъ пчелъ и трутней, попадается еще иногда «князекъ-пчела», большая, долгая пчела; присутствіе ея въ ульѣ приноситъ особое счастье пчеловодамъ. Не принимаютъ ли они за такого «князька» обыкновенную пчелиную матку?

Цѣлый рядъ изреченій касается пчелиной работы и условій собиранія пчелами меда съ цвѣтовъ:

Одна пчела не много меду натаскаетъ.

Пчела летаетъ и все хорошее собираетъ.

Не съ одного цвѣтка пчела медъ собираетъ.

На всякій цвѣтокъ пчелка садится, да не со всякаго поноску беретъ.

Пчела на любый леццъ цвѣтъ (Бѣлор.).

На хорошій цвѣтокъ и пчелка летитъ.

И пчелка летитъ на красный цвѣтокъ.

Гдѣ цвѣтокъ — тамъ и медокъ.

Цвѣтъ — пчелкамъ, а медъ — жинкамъ.

Пчелка съ поноской тяжело летитъ.

L'ape fa miele di tutti i fiori (Пчела со всѣхъ цвѣтовъ медъ добываетъ).

L'ape succhiane il mele senza guasta i fiori (Пчела медъ собираетъ, не повреждая цвѣтовъ).

Die Biene zieht Honig aus jeder Blüthe.

Jede Blume muss den Bienen zu ihrem Honige dienen.

Die Biene saugt Honig auch von Disteln.

Wo die Biene keine Blume findet, setzt sie sich auf Disteln.
Ohne Blume kann die geschickteste Biene keinen Honig machen.

Die Immen (die Bienen) saugen aus den bittersten Kräutern den besten Honig.

Всѣ эти поговорки очень близко между собою сходятся; пчела медъ со всякаго цвѣтка собираетъ, притомъ его не повреждая, а, какъ извѣстно, только способствуя опыленію, и, слѣдовательно, послѣдующему плодоношенію; въ этомъ отношеніи роль пчелъ вдвойнѣ полезна; конечно, не всякій цвѣтокъ даетъ пчелкамъ медъ, но и самыя плохія и даже горькія растенія пчела не обходитъ. Извѣстно, что по тому, какіе цвѣты преимущественно въ данной мѣстности служатъ для собиранія меда пчелами, различаютъ медъ «липецъ» (который считается самымъ лучшимъ), медъ розовый, каштановый, гречишный (наиболѣе темный) и т. п. Витебскіе пчеловоды замѣчаютъ, что пчелы всего менѣе будто бы берутъ меда съ черемухи, хотя она и медиста; они увѣряютъ, что одно приближеніе къ цвѣтущей черемухѣ на нѣсколько дней ослѣпляетъ неосторожную пчелу, при чемъ эта слѣпота тождественна съ извѣстною куриною слѣпотою у людей. Чтобы пріучить къ черемухѣ пчелъ, нужно подкормить ихъ раннею весною медомъ, приправленнымъ толчеными ягодами черемухи. Очень распространено у разныхъ народовъ убѣжденіе, что пчела съ цвѣтовъ медъ собираетъ, а другія насѣкомыя—осы, шмели, пауки—ядъ; послѣднее, конечно, вполнѣ неосновательно:

Съ одного цвѣтка пчела медъ, а оса желчь собираетъ.
Все, что пчела съ цвѣтка собираетъ—въ медъ, а что оса—въ ядъ превращается (Португал.).
Пчела сосетъ—медъ дѣлаетъ, а паукъ—ядъ (Испан.).

Нѣмцы замѣчаютъ, что пчела работаетъ не для себя, но собранный пчелами медъ служитъ для общей пользы; любопытно еще замѣчаніе нѣмцевъ, что то, что пчелы находятъ въ полѣ, онѣ считаютъ общимъ добромъ, почему во время полета за взяткомъ и не жалятъ, — а то, что онѣ имѣютъ дома, въ ульѣ, то уже ихъ частная собственность, которую онѣ защищаютъ, даже рискуя собственною жизнью, такъ какъ извѣстно, что пчела послѣ жаленія умираетъ:

Die Bienen sammeln den Honig nicht für sich.

Die Bienlein machen ein gut Säftlein, und geniessen's nicht allein, sondern theilen's allgemein.

Was die Bienen auf dem Felde finden, achten sie für gemeinschaftliches Gut, was sie aber im Hause haben, ist ihr besonderes Eigenthum.

Полетъ пчелъ за взяткомъ начинается съ ранней весны, какъ только появляются первые цвѣты. Нѣмцы наблюдаютъ, что начало пчелинаго взятка совпадаетъ съ началомъ кваканья лягушекъ и прекращается, когда лягушки замолкаютъ:

Люди рады лѣту, а пчела рада цвѣту.

Mit dem Froschgeschrei geht der Bienen Nutzen an, und mit ihren Schweigen geht es wieder aus.

Въ хорошую погоду пчелъ дома не удержать, но въ ненастье и, въ особенности, въ туманные дни онѣ мало жужжатъ и вылетаютъ неохотно:

Bienen sind wohl gute Thierlein, aber sie bleiben bei schönem Wetter nicht gerne daheim.

Не жужжится пчелкѣ въ ненастье.

Передъ дождемъ пчелы очень злы (Литов., Ковен. губ.).

Въ мòроки (туманъ) пчелѣ ходу нѣтъ.

Въ плохую погоду, или когда цвѣту мало, пчела одну узу (вощину) готовитъ, а медъ въ жаркій день.

Очень опасенъ для пчелъ «вѣтеръ-сибирка», какъ называютъ пчеловоды сѣверный вѣтеръ, причиняющій пчеламъ нерѣдко много вреда; южный и юго-западный вѣтеръ они называютъ вѣтромъ «изъ гнилого улья» (Казан. губ.).

На звукъ пчела летитъ,

— замѣчаютъ въ Воронежской губерніи.

Существуетъ не мало примѣтъ, по которымъ пчеляки предугадываютъ обильный сборъ меда, успѣшное роеніе пчелъ и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ примѣтъ уже были приведены въ одной изъ предыдущихъ главъ. Такъ, напр., замѣчаютъ:

Если у черемухи цвѣтъ длинный — пчелы хорошо роиться будутъ (Чуваш.).

Если много инея виситъ на деревьяхъ — будетъ много меду (Башкир.).

Ако по дърветата се лови много ледъ (скрѣжъ), прѣзъ годи-

ната ще има много медъ (Болгар. — Если на деревьяхъ много инею, въ году будетъ много меду).

Ако прѣзъ зимата има много скрѣжъ по дърветата, прѣзъ лѣтото пчелитѣ ще иматъ много рой и ще сѫ добри (Болгар. — Если зимою на деревьяхъ много инею, лѣтомъ пчелы будутъ хорошо роиться и будутъ здоровы).

Поздній цвѣтъ мяты обѣщаетъ пчеловодамъ богатый сборъ меда (Новгор. губ.).

Много виелици ако има прѣзъ зимата, прѣзъ лѣтого ще бръмчатъ пчелитѣ (ще сѫ добри) (Болгар. — Если зимой будетъ много метелей, лѣтомъ пчелы будутъ шумѣть [жужжать], т. е. будутъ здоровы).

Сухое лѣто считается для пчелъ наиболѣе благопріятнымъ:

Коли у летку дождь рѣдко бываиць, тогды у вулли медъ прибываиць (Бѣлор., Минск. губ.).

Что пчела отъ своего промысла лѣтомъ припасетъ, тѣмъ всю зиму сыта живетъ, говорятъ англичане:

The bee from his industry in the summer eats honey all the winter.

Въ томъ же родѣ высказываются болгары про пчелъ и муравьевъ:

Пчéлите и мрáвите лéте збираат, за зиме да іадат (Болгар. — Пчелы и муравьи собираютъ лѣтомъ, чтобы кормиться зимой).

Пчела жалитъ, защищая или думая, что защищаетъ, свое добро. Безъ жала и пчелъ не бываетъ, но пчелы различныхъ породъ не одинаково пускаютъ его въ дѣло; извѣстно, что итальянскія и наши кавказскія пчелы въ этомъ отношеніи считаются добрѣе, хотя если ихъ раздразнить, то онѣ могутъ жалить также, какъ и остальныя. Нѣмцы, однако, считаютъ, что чѣмъ пчелы больнѣе кусаются, тѣмъ онѣ лучше:

Ни пчелы безъ жала, ни розы безъ шиповъ.

Нѣтъ пчелки безъ жальца.

Жалитъ пчелка—жаль меду.

Jede Biene hat ihren Stachel.

Wer Honig will sammeln und Rosen will brechen, muss leiden, dass Bienen und Dornen ihm stechen.

Кто любитъ пчелу — долженъ любить и бѣду (переносить ужаленіе) (Татар., Зак. кр.).

Bienen haben kurze Schnäbel und scharfe Säbel, und machen

kleine Wunden, die schmerzen etliche Stunden.

Es sind die besten Biene n, schärfsten stechen.

Wenn die Biene sticht, verliert sie den Stachel.

Die kleine Biene sticht heftiger, als die grosse Hummel.

По наблюденію пчеловодовъ въ Воронежской губерніи:

Передъ засухой пчелы становятся злѣе, чаще жалятъ.

Пчелъ не слѣдуетъ бояться и отъ нихъ убѣгать, онѣ только еще пуще раздражаться и жалить будутъ:

Wer vor den Bienen läuft, den verfolgen sie.

Wen die Bienen schrecken, der wird keinen Honig lecken.

Не всѣмъ людямъ пчелы добро дѣлаютъ, кого пчела ужалила, тотъ ее добромъ не поминаетъ:

Die Imme (Biene) thut nicht allen Leuten gut.

Впрочемъ, эта поговорка можетъ имѣть и то значеніе, что не у всѣхъ людей пчелы одинаково хорошо водятся. Жалитъ пчелка всѣхъ, безъ разбора:

Жаломъ пчелка страшитъ и краля (короля).

Кто хочетъ ѣсть медъ, тотъ долженъ и про пчелиное жало помнить:

Ѣшь медъ, да берегись жала.

Не поддавайся на пчелкинъ медокъ—у ней жало въ запасѣ,

— поговорка, часто употребляемая иносказательно.

Le miel est doux, mais l'abeille pique.

Honey ist sweet, but the bee stiks (Сладокъ медъ, да пчела жалитъ).

La douceur du miel ne console pas de la piqûre de l'abeille.

Der Honig ist nicht weit vom Stachel.

Wer Honig essen will, muss das Stechen und Summen leiden.

Der bekommt keinen Honig zu leiden, der sich von der Bienenstachel lässt schrecken.

Гдѣ пчелы, тамъ и медъ:

Кто любитъ медъ—заводи пчелъ.

Подлѣ пчелки—въ медокъ, а подлѣ жучка—въ навозъ.

За пчелкою пойдешь, до меду дойдешь.

Non si puo aver il melo senza la pecchie (Нельзя имѣть меду безъ пчелы).

Où il y a des abeilles, il y aura du miel.

Where bees are there will be honey (то же).
Wo Bienen sind, da ist auch Honig.

Старыя пчелы меду не даютъ, или даютъ его очень мало, а по французскому замѣчанію въ старомъ ульѣ — чортова свѣчка (черный воскъ).

Old bees yield no honey.
Alte Bienen geben wenig Honig.
A vieille rûche—chandelle du diable (cire noire).

Не раздобудешь меду только отъ мертвыхъ пчелъ:

У мертвыхъ пчелъ меду захотѣлъ!
Отъ мертвыхъ бджілъ меду не істы (Малор.).
У мертвыхъ пчелъ меду на канунъ не ищутъ.
Не много меду въ пустыхъ вощинахъ.

Впрочемъ, не будетъ меду, такъ будетъ хоть воскъ, утѣшаютъ себя нѣмцы:

Gibts nicht Honig, so gibt's doch Wachs.

Подрѣзку сотовъ надо производить осторожно и такъ, чтобы не весь медъ у пчелъ брать; при этомъ, пчелъ подкуриваютъ дымомъ, но не на всякихъ пчелъ подкуръ дѣйствуетъ одинаково:

Изъ улья медъ такъ надо брать, чтобы и пчеламъ кое-что оставить (Датск.).
Не погнетши пчелъ—меду не ясти (не добудешь).
Не летитъ пчела отъ меду, а летитъ отъ дыму.
Лихихъ пчелъ подкуръ нейметъ (лихихъ глазъ стыдъ не беретъ).

Подрѣзка меду у насъ, обыкновенно, начинается около 1-го августа, на первый Спасъ, такъ какъ считаютъ, что около этого времени пчелы сборъ меда прекращаютъ:

На первый Спасъ пчела перестаетъ носить медовую взятку.
На первый Спасъ мокай въ медъ ножи (Смолен. губ.).
На первый Спасъ заламывай соты.
На первый Спасъ и нищій медку попробуетъ.

Считаютъ, что если въ это время пчелякъ не заламываетъ соты, то сосѣднія пчелы весь медъ у него повытаскаютъ. Мѣстами подрѣзка сотовъ пригоняется ко второму Спасу, 6-го августа. Пора выломки меда считается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ праздничной и называется «улазное время» (Казан. губ.).

Много напастей приходится пчеламъ терпѣть отъ медвѣдей, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ульи выставляютъ въ лѣсу, т. е. гдѣ

еще удержалось старинное бортневое пчеловодство. Медвѣдь, какъ извѣстно, очень падокъ на медъ, не даромъ его даже лѣснымъ бортнякомъ называютъ, но пчелы смѣло отстаиваютъ отъ него свое достояніе и не всегда медвѣдь остается побѣдителемъ:

Лѣсной бортнякъ къ борти полазилъ и пропись свою (свой слѣдъ) покинулъ.
Медвѣдь на борть покусился, да насилу шкурой откупился.
Уѣла пчела медвѣдя.

Однако, не всегда удается пчеламъ отъ лѣсного бортняка отдѣлаться, обыкновенно, онъ свою долю меду возьметъ:

Пчела медвѣдю медомъ дань платитъ.
Медвѣдю пчелы пиво въ бортѣ варятъ.
Es ist um den Honig geschehen, wenn der Bär ihn hütet.

Кто свой медъ съ медвѣдемъ дѣлитъ, говорятъ итальянцы, тому меньшая часть достается:

Chi divide il miele con l'orso, ha la minor parte.

Медъ для крестьянина лучшее лакомство, но и онъ не всегда крестьянину достается; съ медомъ вмѣстѣ можно самую неудобоваримую вещь проглотить, однако, много меду не съѣшь.

И мы видали, какъ бояре медъ ѣдали.
Твоими бы устами, да медъ пить.
Твоимъ бы медомъ, да насъ по губамъ,

— эти поговорки употребляются иносказательно.

Медокъ—у ротокъ, а вощу—у церкву (Малор.).
Мужикъ съ медомъ и лапоть съѣлъ.
Съ медомъ и долото проглотишь.
Съ медомъ и ошметокъ (и подметку) съѣшь.
Воеводою(становымъ—по новѣйшей редакціи) быть — безъ меду не жить.
Сладокъ медъ, да не ковшемъ его въ ротъ (Смол. губ.).
Если много (съѣшь), то и медъ горькимъ покажется (Лаки, Закавк. кр.).
Le miel est fait pour qu'on le lèche.
Au dégouté le miel amer est.
Zu viel Honig ist bitter.

Не менѣе людей падки на медъ и мухи:

Гдѣ медъ, тамъ и мухи.
Былъ бы (Будь лишь) медъ, а мухъ много нальнетъ.
Валка муха къ меду.

Медъ сладко, а мухѣ пàдко.
Ist nur Honig da, die Fliegen kommen von selber.
Fliegen folgen dem Honig.

Но въ меду мухамъ и смерть:

Tant va la mouche au miel, qu'elle y laisse la tête.
Wenn die Fliege in den Honig tritt, bleibt sie darin stecken.

Одной ложкой меда можно больше мухъ приманить, нежели двадцатью бочками уксуса, говорятъ нѣмцы; въ томъ же родѣ выражаются и французы:

Ein Löffel Honig lockt die Fliegen mehr, als zwanzig Tonnen Essig.
On prend plus de mouches avec du miel, qu'avec du vinaigre.

Былъ бы медъ, а ложка найдется:

Wenn nur Honig da ist, ein Löffel findet sich bald.
Jak miód, to zaraz i łyżka.

Медъ не осламъ ѣсть:

Honig ist keine Kost für Esel.
Le miel ne fut pas fait pour la gueule de l'âne.

На всѣхъ языкахъ существуютъ, бо̀льшею частью иносказательныя, поговорки о томъ, что небольшое количество меда можетъ подсластить много горькаго, и, наоборотъ, немного горькаго нужно, чтобы много сладкаго испортить:

Ложка меду — бочка дегтю.
Бочка меду — ложка дегтю.
Miodu łyżka, soli beczka (Ложка меду, бочка соли).
Un peu de fiel gâte beaucoup de miel.
Nul miel sans fiel.
Poco fiele fa amaro molto miele (Немного желчи сдѣлаетъ горькимъ большое количество меду).
Ein wenig Galle macht den Honig bitter.
Wenig Honig versüsst viel Bitterkeit.

Однако, и тутъ есть предѣлъ—каплей меда моря не подсластишь, замѣчаютъ нѣмцы:

Ein Tropfen Honig macht das Meer nicht süss.

Тѣ же нѣмцы считаютъ самымъ сладкимъ медъ изъ сосѣдскаго пчельника:

Fremder Honig ist am süssesten.
Es ist kein Honig so süss, als der aus Nachbars Bienenstock.

Русскіе и поляки упоминаютъ о медѣ, какъ напиткѣ:

И сладокъ медъ, а въ жаръ кисnетъ.

Медъ сладокъ, да кисnетъ и медъ, а грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.

Медъ стоянкою крѣпнетъ.

I w miodzie kwas się znajdzie (И въ меду кислота образуется).

Trocha miodu zarumieni, wiele miodu mowę zmieni (Польск.— Немного меду—зарумянитъ, много меду—рѣчь отыметъ).

Медъ выдѣлываютъ не однѣ пчелы, а также и осы да шмели, но только отъ ихъ меду никому пользы нѣтъ, они припасаютъ его исключительно для себя:

И у осы медъ есть.

Осинаго гнѣзда не тронь.

Die Hummeln sammeln den Honig nur für sich.

На сѣверѣ у насъ и осъ, и шмелей зовутъ «медуницами, медовиками, медовицами», а осиное гнѣздо называютъ «медовичье гнѣздо» (Олонец. губ.).

Плохо, когда осы поѣдаютъ то, что пчелы заготовили:

Es ist schlimm, wenn die Wespen verzehren, was die Bienen gesammelt haben.

Дѣлается еще сопоставленіе пчелъ съ мухами и другими насѣкомыми: одна пчела лучше тысячи мухъ. У пчелъ есть царица, а мухи, да комары господина не знаютъ. Пчелы да осы вмѣстѣ не уживаются (вмѣстѣ не летаютъ).

Une abeille vaut mieux que mille mouches.

Vale piu una pecchia, che mille mosche (тоже).

One bee is better than a handfull of flies (Одна пчела лучше цѣлой горсти мухъ).

Eine Imme ist mehr werth, als hundert Fliegen.

Ehret die Biene, aber vertilget die Wespe.

Eine Handvoll Fliegen ist nicht so gut, als ein Bienlein.

Bienen haben ihre Königin, Fliegen und Mücken schweben umher ohne Herren.

Bienen und Wespen wohnen (fliegen) nicht zusammen.

Пчелы требуютъ за собою хорошаго ухода, но зато хорошо его и оплачиваютъ: у плохого пчеловода и медъ плохъ,— но у хорошаго — пчела даровой работникъ. Нѣмцы сопоставляютъ пчелъ съ овцами: и тѣ, и другія даже спящаго хозяина кор-

мять,— однако, спать не совѣтуютъ слишкомъ долго, чтобы и вовсе ихъ не проспать:

Пчела — дармовой батракъ (Смол. губ.).
Бортникъ горекъ, да медъ его сладокъ.
Ледачаго бортника и медъ ледачимъ пахне (Малор.).
Bienen bezahlen ihre Hausmiethe wohl.
Bienen und Schafe ernähren den Mann im Schlafe.
Hast du Immen und Schaf, so leg dich nieder und schlaf, doch schlaf auch nicht zu lang, dass dir es nicht entgang.

Тѣ же нѣмцы, впрочемъ, замѣчаютъ, что на пчелахъ и овцахъ легче потерять, нежели нажить:

Mit Schafen und Bienen kann man leichter was verlieren, als verdienen,

— конечно, при отсутствіи должнаго вниманія и ухода. Въ другой нѣмецкой поговоркѣ къ пчеламъ и овцамъ еще прибавляются пруды (прудовое хозяйство, рыболовство) и говорится, что они то обогащаютъ, то разоряютъ:

Bienen, Schafe und Teich machen bald arm, bald reich.

То же говорится про пчелъ и голубей:

Tauben und Bien bringen Schaden und Gewinn.

Большую пользу и даже удовольствіе отъ разведенія пчелъ усматриваютъ поляки:

Kto ma pszczoły, ma świat wesoły (У кого пчёлы, тому на свѣтѣ весело).

Въ этомъ отношеніи пчелы ставятся наравнѣ съ овцами, лошадьми, и съ посѣвами пшеницы:

Kto chowa pszczoły i klacze, ten na biedę nigdy nie płacze (Польск.—Кто разводитъ пчёлъ и лошадей, тотъ на бѣду никогда не жалуется).
Kto ma pszczoły i owce, ten ma co chce (Польск.— У кого пчёлы и овцы, у того всего вдоволь).
Pszczółka, klaczka i pszenica wyprowadza z nędzy szlachcica (Польск.— Пчела, кобыла и пшеница выводятъ изъ нищеты шляхтича).

Помимо того проявленія пчелиной мудрости, которое заключается въ умѣніи пчелъ строить соты съ математически-правильными ячейками, имъ приписывается еще умѣніе угадывать погоду, какая будетъ не только въ ближайшіе дни, но и въ пред-

стоящую зиму и т. п. Такъ, въ ожиданіи наступленія суровой зимы, пчелы особенно тщательно замазываютъ летокъ, передъ продолжительнымъ ненастьемъ или большою засухою принимаются за свою работу необычно рано по утру и проч. Но всѣ такого рода примѣты, основанныя на наблюденіяхъ за разными явленіями въ жизни пчелъ, будутъ разсмотрѣны въ соотвѣтственной главѣ, посвященной примѣтамъ на погоду вообще. Если способность предвидѣть погоду у пчелъ, дѣйствительно, существуетъ, въ чемъ, кажется, трудно сомнѣваться, то она свойственна не имъ однѣмъ, а раздѣляется ими со множествомъ другихъ представителей животнаго царства, которые въ этомъ отношеніи гораздо чувствительнѣе человѣка.

Другое насѣкомое, воспитываемое человѣкомъ и приносящее ему не малую пользу — шелковичный червь, въ изреченіяхъ народной мудрости странъ средней Европы почти не фигурируетъ, такъ какъ разведеніе его сосредоточено въ странахъ болѣе южныхъ. Поэтому, и здѣсь на немъ почти не приходится останавливаться. Весьма вѣроятно, что въ такихъ государствахъ, какъ Китай, Японія и т. п., и шелковичному червю мѣстная народная мудрость удѣляетъ не малую долю вниманія, но, къ сожалѣнію, въ распоряженіи автора соотвѣтственнаго матеріала изъ фольклора этихъ странъ почти не имѣется. У насъ мнѣ извѣстна только одна поговорка, поминающая про шелковичнаго червя:

И въ червѣ толкъ—отъ червя шелкъ.

Выше было указано, что въ Италіи предостерегаютъ отъ вывода шелковичныхъ червей въ високо́сные годы, которые, по народному повѣрью, для нихъ, какъ, впрочемъ, и для всего живущаго, неблагопріятны и даже пагубны. Затѣмъ, нѣкоторыя примѣты связываютъ различные моменты въ ходѣ развитія червей съ опредѣленными днями года, о чемъ также уже было говорено. Приведены были нѣкоторыя примѣты, по которымъ можно судить объ успѣхѣ выкормки червей и пр. Здѣсь можно развѣ добавить, что и шелковичные черви, какъ бо́льшая часть другихъ полезныхъ для человѣка тварей, имѣютъ своего святого покровителя, которымъ у насъ въ Закавказьѣ и во многихъ мѣстностяхъ Западной Европы считается св. Іовъ Многострадальный. Роль эта принадлежитъ св. Іову потому, что ему же приписывается и самое происхожденіе шелковичныхъ червей, которые, будто бы, вмер-

вые вышли изъ ранъ, покрывавшихъ его тѣло. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ французскіе крестьяне-шелководы, такъ считаютъ и у насъ на Кавказѣ, гдѣ, какъ извѣстно, шелководство очень развито.

Les magnans (vers-à-soie) sont sortis pour la première fois des plais de St. Job.

Въ Имеретіи, основываясь на этомъ же повѣрьи, шелководами передъ началомъ выводки червей соблюдаются различные обряды, направленные къ тому, чтобы заручиться благоволеніемъ св. Іова. Въ каждой семьѣ, занимающейся шелководствомъ, прежде чѣмъ приступить къ оживленію грены, приготовляютъ пироги, рѣжутъ курицу, ставятъ вино и затѣмъ всей семьей становятся на колѣни, при чемъ старшая въ семьѣ женщина, мать семейства, произноситъ особую молитву, прося св. Іова, чтобы онъ своимъ благосклоннымъ содѣйствіемъ умножилъ шелковичныхъ червей и защитилъ ихъ отъ болѣзней и отъ всякаго вреда.

Занятіе шелководствомъ—дѣло не легкое, требующее большого вниманія въ періодъ выкормки червей:

Chi ha bachi, non dorma,

—у кого черви, тотъ не спитъ, говорятъ итальянцы, и, дѣйствительно, при малѣйшей неосторожности, малѣйшемъ упущеніи, черви либо заболѣютъ, либо даже всѣ погибнутъ. Если выкормка удалась хорошо, то, въ Южной Франціи, первые развившіеся коконы подносятся Божьей Матери.

VIII.

ВОЛЬНОЕ ЗВѢРЬЕ ЧЕТВЕРОНОГОЕ.

И лѣса, и поля, и степи, и даже самое жилье человѣческое населены вольнымъ звѣрьемъ, и большимъ, и малымъ, и злымъ, свирѣпымъ, и безобиднымъ да трусливымъ, и вреднымъ для самого человѣка и для его домашняго скота или птицы,—и полезнымъ для него, питающимъ его своимъ мясомъ, доставляющимъ ему свои шкуры. Вредны и опасны человѣку не только крупные хищные звѣри, въ родѣ львовъ, медвѣдей, волковъ, лисицъ и т. п., населяющіе лѣса, но и разные мелкіе хищники, иногда бокъ-о-бокъ съ человѣкомъ живущіе, какъ мыши, крысы, хорьки, ласки и пр., съ которыми борьба, пожалуй, тѣмъ труднѣе, чѣмъ они мельче да назойливѣе... Полезны человѣку вполнѣ безобидные звѣри, какъ олени, дикія козы, соболи, куницы, горностаи,—но всѣхъ ихъ человѣкъ одинаково преслѣдуетъ,—первыхъ, т. е. вредныхъ ему, болѣе изъ самозащиты, вторыхъ изъ-за ихъ мяса, шкуры, мѣха и т. п. Человѣкъ къ тому же едва ли не единственное существо, которое убиваетъ Божьихъ тварей не всегда изъ-за голода, изъ-за нужды, а ради удовольствія охоты, ради спорта, при чемъ человѣкъ для этого дѣла и разныхъ животныхъ себѣ въ помощь обращаетъ, пользуясь ихъ естественными свойствами,—какъ охотничьи собаки, соколы и т. п.

И если человѣкъ считаетъ себя царемъ всего живущаго, то надо признать, что владычество его не всегда милостиво и любвеобильно. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ, пожалуй, иной разъ даже и дикимъ звѣрямъ уступаетъ. Но если у человѣка идетъ

борьба со звѣрями, для него опасными, вредными, или нужными ему ради мѣха или другихъ выгодъ, борьба, въ которой онъ всегда остается, въ концѣ концовъ, побѣдителемъ, — хотя и не всегда безъ единичныхъ жертвъ,—то такая же борьба, постоянная, ежечасная, идетъ и между звѣрями, притомъ не разныхъ только породъ, но и между отдѣльными особями однихъ и тѣхъ же видовъ, — изъ-за пищи, изъ-за обладанія самкою и т. п. Тутъ тоже одолѣваетъ сильнѣйшій,—при чемъ если на сторонѣ человѣка въ борьбѣ его со звѣрями преобладаетъ умъ, то тутъ — въ борьбѣ звѣрей между собою—преобладаніе силы. Но и звѣри прибѣгаютъ не всегда къ одной только силѣ, чтобы добиться побѣды, — они тоже пускаютъ въ ходъ разныя сноровки, — гдѣ не возьмутъ силой — берутъ хитростью и т. п. Въ концѣ концовъ, въ животномъ мірѣ совершается та вѣчная борьба за существованіе, за продолженіе рода, которая легла въ основу теоріи Дарвина. По убѣжденію крестьянъ, эта борьба совершается по произволенію Бога:

Знаетъ Богъ, кого на племя пустить.

Послѣ человѣка — царя природы — царемъ звѣрей, обыкновенно, считается левъ, а по понятіямъ сибиряковъ — медвѣдь. Про *льва*, котораго европейцы знаютъ больше по наслышкѣ, да по экземплярамъ, заключеннымъ въ звѣринцахъ, и народъ въ своихъ изреченіяхъ поминаетъ сравнительно не часто, рисуя его сеоѣ болѣе, такъ сказать, отвлеченно. Въ такомъ же родѣ народныя изреченія и про слона. Всѣ же остальные туземные наши звѣри вереницею проходятъ передъ нами въ этихъ изреченіяхъ, начиная отъ болѣе крупныхъ и кончая самыми мелкими, и обрисовываются болѣе или менѣе полно и всесторонне съ точки зрѣнія какъ ихъ внѣшности и образа жизни, такъ и ихъ духа, ихъ свойствъ и характера.

Левъ-звѣрь — всѣмъ звѣрямъ царь.
Царь-левъ звѣремъ неложенъ и вѣренъ.
Левъ мышей не ловитъ (не давитъ).
Левъ спитъ—а однимъ глазомъ видитъ (глядитъ).
И львы не всѣ однимъ нарыкомъ рычатъ.

Отмѣчается сила льва, котораго человѣкъ одолѣваетъ не силою, а умомъ да сноровкою:

Не силою ловецъ одолѣваетъ льва, а тѣмъ, что ловчая умнѣе голова.

По заволжскому повѣрью, левъ, звѣриный царь, справляетъ свой праздникъ, свои имянины, 18-го февраля, въ день св. Льва, папы Римскаго. На свои имянины левъ все разрѣшаетъ своимъ подданнымъ. Къ этому дню и волки свадьбы свои пригоняютъ, а потому въ этотъ день ходить по лѣсамъ опасно,—все звѣрье вольное гуляетъ и празднуетъ. Левъ фигурируетъ во множествѣ сказокъ и басенъ, но этой стороны народнаго творчества мы здѣсь касаться не можемъ. Дѣлается сопоставленіе льва съ обезьяною:

Левъ страшно, а обезьяна смѣшно.

Про *слона*, котораго большинство нашихъ крестьянъ никогда въ глаза не видало, существуютъ у насъ, повидимому, только иносказательныя поговорки:

Не гоняется слонъ за мышью.

Слоны трутся, а межъ собою комаровъ давятъ.

Точно также больше по наслышкѣ знаетъ народъ и про *обезьяну*, которую, какъ извѣстно, нѣмецъ выдумалъ.

Не зови обезьяны къ орѣхамъ—всѣ поѣстъ.

Поминаетъ народъ въ своихъ изреченіяхъ и про *зубровъ* да *лосей*.

Житье бѣловѣжскому зубру, — и кормятъ и поятъ, и на волѣ ходитъ, и работы нѣтъ.

Зубры тѣ же быки, да иной уроды (породы).

Лося бьютъ въ осень (а дурака завсегда).

Лося зовутъ въ Сибири «сохатымъ», годовалый лось—«токушъ», трехгодовалый лось—«поровой», — въ этомъ возрастѣ преимущественная охота на него. Охота на сохатаго вообще очень трудна, потому что онъ очень чутокъ и приближеніе человѣка слышитъ изъ далека. Существуетъ нѣсколько способовъ охоты на лося: промышленникъ «скрадываетъ» сохатаго зимою на подволошныхъ лыжахъ, т. е. подкрадывается къ нему на лыжахъ, подбитыхъ мѣхомъ. «Дармовать» лося (или оленя)—охотиться на него по насту или съ лодки, прикрытой ивовыми вѣтвями. «Пластаться» за лосемъ — подкрадываться къ лосю ползкомъ по насту. «Сочить» сохатаго—отыскивать раненаго лося по кровавому слѣду на снѣгу и т. п.

Лоси иногда весною выходятъ изъ лѣсовъ и отправляются пастись на зеленя; это считается предвѣстьемъ хорошаго урожая ржи (Витеб. губ.).

Про *оленя* говорится у насъ очень мало, да не много и заграницею, — это звѣрь, съ которымъ народу рѣдко приходится встрѣчаться и который въ его жизни особой роли не играетъ. Отмѣчаются быстрота его бѣга, его вѣтвистые рога, его трусливость, сторожкость, его стараніе при преслѣдованіи свой слѣдъ скрыть и т. п.

Хочешь оленя за рога поймать, а онъ въ лѣсъ.

Лань быстра, не коню (ни кому) сестра.

Елень быстра бываетъ, да отъ смерти не утекаетъ.

Man muss die Hirsche schiessen, wenn sie noch im Busche sind.

Je älter die Hirsche, je mehr Zacken (Enden) bekommen sie.

Der Hirsche will seine Spur verbergen.

Un cerf les signes de ses pieds abolit, pour mieux se cacher.

Cerf, bien donné aux chiens, est à demi pris.

Ein Hirsch, den schon viele Hunde gejagt haben, ist schwer zu fangen.

Hirschen haben grosse Geweihe und Hörner, und doch feige Herzen.

Когда затравленный олень издыхаетъ, онъ, по наблюденіямъ французовъ, всегда глаза на югъ обращаетъ:

Quand le cerf vient à mourir, tourne les yeux vers le midi.

Раны, нанесенныя оленьими рогами, считаются у французовъ смертельными, раны же, нанесенныя кабаномъ клыками, могутъ быть излечены.

Après le sanglier—le mière (le médecin), après le cerf—la bière (les blessures, faites par le cerf, sont réputées mortelles).

На сѣверѣ Европейской Россіи и Сибири поминаютъ про оленя домашняго, котораго инородцы держатъ иногда огромными стадами, употребляя въ качествѣ упряжного животнаго. Въ Архангельской губерніи существуетъ даже выраженіе — «жить въ оленяхъ» — жить въ тундрѣ и заниматься оленеводствомъ. Отъ дикаго сѣвернаго оленя домашній ничѣмъ не отличается,— дикихъ оленей ловятъ и легко приручаютъ.

Смотря по тому, какъ олень ходитъ въ упряжи, ему даютъ разныя названія: «прямой олень», хорошо выѣзженный, повинующійся вожаку, бѣгущій прямо и не бросающійся въ сторону; «передовой олень», «главной олень» — крайній съ лѣвой стороны въ упряжи олень, къ уздечкѣ котораго прикрѣпляется единственная для управленія всей запряжкою вожжа; прочіе

находящіеся въ упряжи, олени, называются «пелѣями». Въ лѣтнее время олени въ тундрѣ сильно страдаютъ отъ слѣпней и всякаго иного гнуса или нуды (мошкары) и тогда они, раздувая ноздри, разбѣгаются въ ужасѣ съ пастбища, направляясь противъ вѣтра, хотя про нихъ и говорятъ тогда, что «олени пошли по вѣтру». Чтобы судить о томъ значеніи, которое придается оленямъ, въ качествѣ средства передвиженія по необъятнымъ снѣжнымъ равнинамъ, на сѣверѣ, достаточно сказать, что оленей, отличающихся легкостью и быстротою бѣга, въ Архангельской губерніи называютъ «земное крылье».

Интересно существующее у лопарей названіе «безсмертные олени», — даваемые лопарями въ приданое за дочерьми; называются они такъ потому, что въ случаѣ смерти жены до истеченія трехъ, или даже шести лѣтъ, они должны быть возвращаемы семейству, откуда была взята жена, непремѣнно въ томъ числѣ, въ какомъ были даны въ приданое; это, слѣдовательно, то же, что нѣмецкая «вѣчная корова, желѣзный скотъ, Ewig-Kuh, Eisern Rind», — скотъ, отдаваемый въ аренду вмѣстѣ съ имѣніемъ и подлежащій въ томъ же числѣ головъ возврату владѣльцу имѣнія послѣ окончанія срока аренды.

У черкесовъ на Кавказѣ существуетъ на счетъ *дикихъ свиней* наблюденіе:

Дикая свинья рожаетъ въ ненастье (Черкесск.).

Въ Витебской губерніи увѣряютъ, что какъ только *дикая коза* «сарна» прилучилась (пристала) или только подошла къ стаду домашняго скота, то вслѣдъ за нею прибѣжитъ туда же волкъ или медвѣдь.

Французы говорятъ, что и въ маленькой рѣчкѣ можно иногда найти большого *бобра*.

En petit eau souvent on trouve grand bièvre (castor).
На богатыхъ бобровъ больше ловцовъ.

Бобры фигурируютъ въ нѣсколькихъ народныхъ изреченіяхъ, не заключающихъ въ себѣ, впрочемъ, ничего для этихъ животныхъ характернаго и въ которыхъ бо́льшую роль, повидимому, играетъ созвучіе:

Всѣ бобры до своихъ бобрятъ добры.
Съ дуракомъ не убить бобра.
Не убить бобра, не нажить добра,

— послѣдняя поговорка могла бы имѣть и прямой смыслъ,

если бы она относилась къ камчатскому бобру, мѣхъ котораго имѣетъ очень большую цѣнность и на которомъ дѣйствительно можно нажить не мало добра, но едва ли здѣсь именно этотъ бобръ разумѣется, обыкновенный же, рѣчной, такъ называемый польскій боберъ, который еще мѣстами сохранился и въ Европейской Россіи, большой цѣны не имѣетъ; однако, въ старину, когда существовали такъ называемые «бобровые гоны», быть можетъ, и этотъ видъ бобра могъ служить доходной статьей для промышленниковъ. Съ другой стороны, можно цитировать довольно распространенную поговорку, имѣющую смыслъ совершенно обратный,

Убить бобра,

— сдѣлать какую-нибудь крайне неудачную аферу, на чемъ-нибудь сильно прошибиться. Отмѣчается добродушіе бобра, по сравненію съ выдрой:

Уси бобры добры, одна выдра лихая (Бѣлор).

Медвѣдь.

Про медвѣдя говорится въ народныхъ изреченіяхъ очень много, обрисовываются его свойства, его нравъ и повадка. Къ нему народъ относится, вообще, съ большимъ уваженіемъ, считая его очень умнымъ, даже всезнающимъ и величаетъ его почтительно, Михайло Ивановичъ, а ласкательно Мишка, Мишенька, по прозванію Топтыгинъ...

Медвѣдь—царь рощь и лѣсовъ (Якутск. обл.).

Медвѣдь уменъ, какъ человѣкъ, и если не говоритъ, то потому что не хочетъ (Якут. обл.).

О медвѣдѣ не говори худо, не хвастайся; онъ все слышитъ, хотя его вблизи и нѣтъ, все помнитъ и не прощаетъ (Якут. обл.).

Медвѣдь—думецъ. Въ медвѣдѣ думы много, да вонъ нейдетъ.

Впрочемъ, на счетъ медвѣжьяго ума мнѣнія различны:

У медвѣдя сила девяти человѣкъ, а ума мало (Латыш.).

Медвѣдь силенъ, да не уменъ, самъ претъ на рожонъ.

Силенъ медвѣдь—да воли ему нѣтъ.

Медвѣдь отчасти подозрѣвается и въ родствѣ съ нечистою силою.

Медвѣдь лѣшему родной братъ.

По этой ли причинѣ, или потому, что медвѣдя вообще боятся, можетъ быть даже больше, чѣмъ бы слѣдовало, его мѣстами избѣгаютъ называть собственнымъ именемъ, а говорятъ про него «онъ, самъ, хозяинъ, звѣрь» и т. п. Различаютъ медвѣдей, смотря по тому, чѣмъ они питаются. Медвѣдей, которые преимущественно питаются растительною пищею, напр. молодымъ овсомъ, называютъ «овсяникъ, овсянникъ», эти медвѣди наиболѣе смирные и трусливые. Медвѣдь, отвѣдавшій животной пищи, становится уже болѣе свирѣпымъ. Есть медвѣди, преимущественно нападающіе на лошадей; ихъ называютъ «конинники». Извѣстно, что медвѣди очень любятъ медъ и часто разоряютъ пчелъ; вслѣдствіе этого имъ даютъ иронически названіе «лѣсной бортникъ»; кромѣ меда, медвѣдь лакомится еще и плодами, малиной, и особенно грушами. Неурожай грушъ и плохой сборъ меда медвѣдь будто бы умѣетъ заранѣе предвидѣть; такъ, сербы увѣряютъ, что медвѣдь плачетъ, если на Василья (на Новый годъ) погода стоитъ ясная, — послѣ этого уродится мало грушъ и пчельники будутъ не хороши, и нечѣмъ будетъ медвѣдю лакомиться...

Медвѣдь самъ первымъ почти никогда на человѣка не нападаетъ, развѣ его чѣмъ-нибудь изобидѣли, или когда онъ думаетъ, что у него хотятъ отнять медвѣжатъ, или когда его зимній сонъ потревожили, да изъ берлоги выгнали; но и тутъ онъ старается поскорѣе улепетывать.

Если къ медвѣдю не полѣзешь, то самъ онъ къ тебѣ не полѣзетъ (Черкесск.).

Въ Олонецкой губерніи считаютъ, что если медвѣдь нападаетъ на человѣка, то не иначе, какъ по указанію Бога, въ наказаніе за какой-нибудь совершенный человѣкомъ грѣхъ; даже корову онъ можетъ задрать только въ томъ случаѣ, если это ему Богъ позволилъ. Поэтому, отъ медвѣдя людямъ страдать приходится сравнительно рѣдко, но онъ, тѣмъ не менѣе, не упуститъ случая задрать любое домашнее животное, забравшееся къ нему въ лѣсную чащу, и винить его за это нельзя:

Не правъ медвѣдь, что корову задралъ, не права и корова, что въ лѣсъ пошла.

Худа корова, что за осѣкъ зашла, а плохъ и медвѣдь, что корову не съѣлъ.

Повсемѣстно въ Россіи распространено убѣжденіе, что мед-

вѣдь прежде былъ человѣкомъ, и обращенъ въ медвѣдя за тяжкія передъ Богомъ провинности; обстоятельства, при которыхъ произошло это превращеніе, разсказываются различно. Въ Малороссіи, напримѣръ, увѣряютъ, что въ медвѣдя былъ превращенъ мельникъ, за то, что когда Господь проходилъ по землѣ и хотѣлъ вступить на его греблю (плотину), мельникъ одѣлъ тулупъ на изнанку и заревѣлъ, чтобы Господа испугать; Господь и превратилъ его въ медвѣдя, сказавъ «щобъ ты ревівъ такъ, ѣоки світа сонця»,—съ тѣхъ поръ и стали на землѣ водиться медвѣди; по другому сказу, тоже малорусскому, медвѣди прежде были лѣсными людьми, провинившимися тѣмъ, что не хотѣли пустить къ себѣ ночевать заблудившаго странника. На сѣверѣ говорятъ, что

Медвѣдь прежде былъ человѣкомъ, но за убійство родителей сдѣланъ дикимъ звѣремъ (Арханг. губ.),

— и сталъ звѣремъ навсегда; этимъ медвѣдь отличается отъ оборотня, только временно перекидывающагося въ звѣря:

Медвѣдь оборотнемъ не бываетъ.

Доказательство того, что медвѣдь—человѣкъ, охотники Олонецкой губерніи видятъ въ томъ, что собака на медвѣдя и на человѣка лаетъ будто-бы совершенно одинаково, а на другихъ звѣрей по другому, и притомъ различно, глядя по звѣрю. По этой причинѣ медвѣдю человѣка ѣсть «не показано», и человѣкъ медвѣжьяго мяса ѣсть не долженъ. Другое доказательство тождественности медвѣжьей породы съ человѣкомъ народъ видитъ въ томъ, что медвѣдь нападаетъ иногда на бабъ, неосторожно забравшихся въ лѣсъ, но не съ тѣмъ, чтобы ихъ ѣсть,—а уводитъ ихъ къ себѣ, и живетъ съ ними... Объ этомъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ ходитъ множество разсказовъ.

Въ западной Россіи, гдѣ медвѣдя такъ же боятся и почитаютъ, какъ и вездѣ, день наканунѣ Благовѣщенья посвящается празднованію медвѣдя. Медвѣдь въ этотъ день просыпается отъ зимней спячки и выходитъ изъ берлоги (Бѣлор.).

Медвѣдь—житель глухихъ лѣсовъ, людского шума не выноситъ и къ жилью подходитъ, сравнительно, рѣдко;

Медвѣдь трущобу любитъ.
Силенъ медвѣдь, да въ болотѣ лежитъ.
Медвѣдь отъ шума бѣжитъ, а человѣкъ на шумъ.

При своей необычайной силѣ, медвѣдь, однако, скорѣе, трусливое животное:

Не далъ Богъ медвѣдю волчьей смѣлости, а волку—медвѣжьей силы.

Въ расплохѣ и медвѣдь трусливъ.

Медвѣдь ведетъ, вообще, жизнь одинокую, хотя медвѣдица обыкновенно долго держитъ при себѣ медвѣжатъ и старательно ихъ воспитываетъ. Старшій медвѣженокъ—пѣстунъ—ей при этомъ помогаетъ. Говорятъ, что медвѣдица, выбравъ одного медвѣженка не отпускаетъ его отъ себя, пока онъ не вынянчитъ ей слѣдующихъ медвѣжатъ; охотники увѣряютъ, что видѣли, какъ молодой медвѣдь-пѣстунъ ходитъ на заднихъ лапахъ, а маленькихъ медвѣжатъ носитъ въ переднихъ, — сама же медвѣдица идетъ сзади и подгоняетъ его ударами своей могучей лапы; видѣли, какъ пѣстунъ переноситъ медвѣжатъ черезъ воду и т. п. Старые же медвѣди живутъ особнякомъ и между собою не сходятся.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся.

Раненый или вообще разсерженный медвѣдь становится очень опаснымъ и горе тому охотнику, который попадется ему въ лапы,—если и удастся спастись, такъ долго будетъ помнить:

Кого медвѣдь дралъ, тотъ и пня боится.

Отъ медвѣжьихъ объятій кости затрещатъ:

И медвѣдь костоправъ, да самоучка (да не ученъ).

Кошка лапою, а медвѣдь пятернею (смажетъ).

Особенно опасенъ, какъ извѣстно, сороковой медвѣдь, на немъ нерѣдко и опытные охотники плошаютъ:

Сороковой медвѣдь охотника калѣчитъ.

Съ медвѣдемъ встрѣча въ лѣсу всегда возможна, даже и тогда, когда вовсе не за медвѣдемъ идутъ.

Медвѣдя боятся—отъ бѣлки бѣжать.

И по заячьему слѣду доходятъ до медвѣдя (до медвѣжьей берлоги).

Отъ волка бѣжишь—на медвѣдя споткнешься.

Хорошо на медвѣдя ходить въ ясныя, звѣздныя ночи:

Коли звѣздисто и стожаръ (плеяды) горитъ — иди смѣло на медвѣдя.

Въ старые годы, — у насъ до половины прошлаго столѣтія, — медвѣдей плясать учили, да продѣвши кольцо въ ноздрю на цѣпи по деревнямъ на потѣху водили. Учили медвѣдей плясать съ молоду и дорого имъ эта наука доставалась, хотя плоды отъ нея пожинали не они:

Медвѣдь пляшетъ,—а цыганъ деньги беретъ.

Обученіемъ медвѣдей разнымъ штукамъ въ то время преимущественно занимались въ мѣс. Сморгонь, Виленской губерніи; тамъ и былъ, какъ тогда называли въ шутку, медвѣжій Сморгонскій университетъ. Теперь вожденіе ученыхъ медвѣдей воспрещено, но память объ этой забавѣ, которой потѣшались сельскіе жители, еще жива въ народныхъ изреченіяхъ.

И медвѣдя покоряютъ.
И медвѣдя бьютъ, да учатъ.
И медвѣдя люди учатъ (плясать учатъ).
И медвѣдя приневолишь, такъ въ ноги кланяется.
И медвѣдь въ неволѣ пляшетъ.
Jeder Bär tanzt, wie er's versteht.
Einem alten Bär ist schwer tanzen lehren.
Ein gelehrter Bär kommt im Walde nicht weit.
Der Bär tanzt nicht, weil er Lust hat, er tanzt, weil er muss.
Hungrige Bäre tanzen übel.

Падокъ медвѣдь до меду, но часто ему отъ пчелъ, которыхъ онъ разоряетъ, жестоко достается.

Медвѣдь зоруетъ, пчелъ здритъ.
Медвѣдь на борть покусился, да насилу шкурой откупился.
Man muss den Bären nicht zum Honigswächter machen.

Въ лѣсу медвѣдь здорово хозяйничаетъ, — сучьи гнетъ, деревья ломаетъ, лѣсныя яблоки да дикія груши поѣдаетъ. А на корову нападетъ, и ей спуску не даетъ.

Какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ: гнетъ, не паритъ, переломитъ, не тужитъ.
Медвѣдь коровѣ не братъ.
Отольются медвѣдю коровьи слезки.
Не по коровьи реветъ, кто корову деретъ (медвѣдь).
Медвѣдь реветъ, корова реветъ, а кто кого деретъ, самъ чортъ не разберетъ.
Рядилъ медвѣдь корову харчи поставлять, да за недоимку самое съѣлъ.
Медвѣдь по коровѣ съѣдаетъ, да голоденъ бываетъ.

За то зимою, во время лежки въ берлогѣ, медвѣдь по долгу обходится безъ пищи, внутреннимъ жиромъ питается, да лапу сосетъ.

Медвѣдь всю зиму лапу сосетъ.

Медвѣдь всю зиму лежитъ не ѣвши, а по веснѣ цѣлую корову стрескаетъ.

Медвѣдь съ осени сало запасаетъ, зимой лапу сосетъ.

Медвѣдь на зиму въ снѣгъ зарылся, жить голодомъ до весны (Архан. губ.).

Медвѣдь ложится въ Воздвиженье, встаетъ въ Благовѣщенье (Сибир.).

Медвѣдь одну лапу сосетъ, да всю зиму сытъ живетъ.

Когда кому любо, а медвѣдь на солноворотъ ложится.

Wenn der Bär Hunger leidet, saugt er seine Pfote.

Вотяки говорятъ, что одну половину зимы медвѣдь спитъ на одномъ боку, другую на другомъ, а когда просыпается и съ боку на бокъ переворачивается, то только одинъ палецъ пососетъ и опять засыпаетъ. Они же увѣряютъ, что медвѣдь потому такъ долго можетъ спать, что ѣстъ особый «сонный корешокъ». Одна баба случайно нашла и съѣла такой корешокъ, послѣ чего тоже на всю зиму заснула.

Извѣстно, что медвѣди падки на водку; этимъ иногда пользуются, чтобы ихъ ловить:

Повадился медвѣдь въ овесъ: ему міромъ ушатъ вина поставили, опоили, да и опутали ужищемъ.

Поговорки говорятъ про то, что медвѣдь да волкъ живутъ, не умываючись; не хотятъ ли этимъ оправдать нечистоплотность?

Волкъ и медвѣдь, не умываючись, здоровы живутъ.

Живетъ медвѣдь и не умывшись.

Медвѣдей не всякъ бьетъ, кто хочетъ, а кто можетъ; для охоты на медвѣдя надо имѣть и товарища надежнаго:

Уловка медвѣдя на рогатину сажаетъ.

Die Bären fängt wer kann, nicht wer will.

При плохомъ товарищѣ не вступай въ борьбу съ медвѣдемъ (Черкес.).

Медвѣди смолоду рычать начинаютъ, у старыхъ учась:

Auch die jungen Bären brummen schon.

Der junge Bär brummt wie der Alte.

Гдѣ медвѣдь привязанъ, тамъ онъ и рычитъ.

Der Bär wüthet da, wo er angebunden ist.

Медвѣжьей дружбѣ вѣрить нельзя, и шутить съ медвѣдемъ опасно:

Съ медвѣдемъ дружись, а за топоръ держись.

Non scherzare coll'orso, se non vuol esser morso (Не шути съ медвѣдемъ, коли не хочешь быть укушеннымъ).

Медвѣдь и косматъ, и черенъ, но не всякъ медвѣдь, кто косматъ.

Поршнями медвѣдя не испугаешь—самъ косматъ.

Черенъ медвѣдь, да всякъ его боится (Смол. губ.).

И косматъ, да не медвѣдь.

Медвѣдю волкъ кажется косматѣе (Черкеск.).

На сѣверѣ поминаютъ бѣлаго медвѣдя, который называется у жителей Архангельской губерніи «ошкуй».

Дай Богъ промышлять моржа на берегу, а ошкуя на водѣ,

говорятъ поморы, оттого, что моржа на водѣ, а бѣлаго медвѣдя на сушѣ не легко убить. Всего удобнѣе бить ошкуя, захвативъ его у становища, куда онъ забирается, чтобы полакомиться топленымъ моржевымъ саломъ, котораго можетъ выпить не одно ведро; изъ убитаго на такомъ дѣлѣ ошкуя вычерпываютъ сало обратно въ бочку (Мезен. у.).

Наряду съ медвѣдемъ можно упомянуть про *рысь*, тѣмъ болѣе, что рысь считается пріятелемъ медвѣдя. Зимою рысь навѣщаетъ медвѣдя во время его спячки, чтобы узнать, живъ ли, здоровъ ли онъ, а коли померъ, такъ скушать, да помянуть пріятеля (Смол. губ.). Другимъ пріятелемъ медвѣдя считается птица дроздъ.

Про рысь поговорокъ очень мало:

Рысь пестра и скакать быстра.

Рысь пестра снаружи, а человѣкъ внутри.

Рысь отличается своимъ острымъ зрѣніемъ, почему про человѣка дальнозоркаго и говорятъ, что у него «рысьи глаза», «des yeux de lynx».

Волкъ.

Про волка изреченій еще гораздо больше, чѣмъ про медвѣдя; изъученъ онъ вдоль и поперекъ, но отношеніе къ нему уже другое, ничего хорошаго про него не говорятъ.

Vom Wolf erzählt man nichts gutes.
Le meilleur des loups ne vaut rien.
Bon loup — mauvais compagnon.
На сто волковъ ни одного хорошаго не найдется (Голланд.).
Wolfes Muth wird niemals gut.

Особенная свирѣпость и сила приписывается бѣлому волку, сказочному почти существу:

Бѣлый волкъ—царь волкъ, не уйти отъ него человѣку живому.

Не любятъ волковъ и боятся ихъ настолько, что мѣстами ихъ, какъ и медвѣдей, по имени называть избѣгаютъ, чтобы ихъ не накликать.

Man darf den Wolf nicht bei seinen Nahmen nennen.
Wenn man den Wolf ruft, so kommt er.
Wenn man den Wolf nennt, so kommt er gerennt.
Quand on parle du loup, on en voit la queue (il arrive à l'écurie).
Wer nach einem Wolfe ruft, dem kommt sogleich eine ganze Heerde.
Про волка рѣчь, а онъ навстрѣчь.
O wilky mowa, wilk idzie (Польск. —тоже).
Про вовка помовка, а вовк у кошари (Малор.).
Сѣраго помянули, а сѣрый здѣсь.
Волкъ тамъ и есть, гдѣ о немъ говорятъ (Грузин.).
Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко.
Какъ увидѣлъ волчьи уши, такъ и волкъ недалеко (Дат.).

Съ другой стороны, указывается, что о волкѣ имѣется иногда и преувеличенное понятіе, — не такъ онъ въ дѣйствительности страшенъ, какъ о томъ думаютъ:

On fait toujours le loup plus gros qu'il n'est.
On crie le loup plus gros qu'il n'est.
Вовкъ ні такій лихій (недобрій), якъ страшній (Малор.).
Man muss den Wolf nicht grösser machen, als er ist.

Волки парами не живутъ, сходятся, какъ собаки, во время

течки, при чемъ между самцами происходятъ иногда страшныя драки; вся забота выкармливанія волчатъ лежитъ на волчицѣ

Jamais loup ne vit son père.

У болгаръ существуетъ странное повѣрье, что волчица только разъ въ жизни приноситъ волчатъ, и то, чтобы забеременѣть, она непремѣнно должна съѣсть собачье мясо, иначе не забеременитъ, хотя бы и случалась. О томъ, что волчица рожаетъ волчатъ только разъ въ жизни, говорятъ и малороссы, — кабы не это, такъ волковъ какъ собакъ расплодилось.

Жадка вовчиха за всю свою жисть одынъ тики разъ прыводе (выпложуе) вовченятъ, а бильшъ уже — ни, це якъ бу вона що году йихъ водыла бъ, то йихъ бы було стико, якъ теперь у насъ собакъ.

На Кавказѣ увѣряютъ, что волчица рожаетъ дѣтей въ Великій Четвергъ и на зарѣ ведетъ свой выводокъ къ рѣкѣ купать; кто въ эту ночь раньше волчицы успѣетъ выкупаться, тотъ на весь годъ застрахованъ отъ всѣхъ болѣзней (Мингрел.). Гдѣ волкъ выводитъ волчатъ, тамъ онъ, обыкновенно, вреда не дѣлаетъ, замѣчаютъ поляки:

Gdie wilk dzieci wodzi, tam zwykle nie szkodzi.

Волковъ преслѣдуютъ и истребляютъ всѣми возможными способами изъ-за того вреда, который они приносятъ домашнему скоту. Только Англіи удалось отъ нихъ избавиться окончательно, во всѣхъ же остальныхъ странахъ, даже самыхъ культурныхъ, сельскимъ хозяевамъ приходится съ ними считаться.

Не за то волка бьютъ, что сѣръ, а за то, что овцу съѣлъ.

Сѣръ волкъ, сѣдъ волкъ, а все ему волчья честь.

Волка ноги кормятъ.

Вовка ноги годуютъ (Малор.).

Лакомъ волкъ до баранинки.

Волкъ рыщетъ, хлѣба ищетъ.

Волкъ молодецъ на овецъ.

Волкъ сыто ѣдалъ, да высоко прядалъ.

Голодный волкъ и завертки (у саней) рветъ.

On ne bat pas le loup, parce qu'il est gris, mais parce qu'il a mangé la brebis.

Ne pro to vlka biji, že sěry, ale pro to, zě ovci snědl (Чешск.— тоже).

Пожалѣть волка—погубить овецъ (Татар.).

Въ своемъ околодкѣ волкъ голоденъ не будетъ (Татар.).

Des Wolfes Freud ist der Schafe Leid.

Loup affamé brise le loquet.

Die Wölfe sind nicht faul beim zerreissen Schaf und Gaul (тоже—Голл.).

У волка утроба ненасытная, сколько ни таскаетъ овецъ и не жретъ, все ему мало:

Хозяину унесеннаго волкомъ жаль, а волку того, что осталось (Армян., Закавк. кр.).

Какимъ волкъ уродился, такимъ и издохнетъ, нрава не перемѣнитъ:

Wölfe sind schon jung Wölfe.
Das Wölfchen wird zum Wolf am Ende, ferzögern es auch Menschenhände.
Der junge Wolf wird ein alter Wolf, auch wenn er unter Menschen aufwächst.
Gezahmter Wolf und wilder Wolf sind beide Wölfe.

Чѣмъ волкъ старше, тѣмъ онъ злѣе, осторожнѣе, да хитрѣе.

Стараго волка въ тенета не загонишь.
Старый волкъ знаетъ толкъ.
Вовкъ старий не лізе до ями (Малор.).
Ein alter Wolf ist des Geraüsch gewöhnt.

Волкъ на свою добычу бросается съ наскоку, хватаетъ ее смаху, да и былъ таковъ:

Волкъ напускливъ.
Волкъ изъ-подъ куста хвàтышъ.

Русины увѣряютъ, что у волка въ хребтѣ есть цѣльная кость, которая мѣшаетъ ему гнуться, такъ что когда онъ хочетъ обернуться, то долженъ весь поворотиться:

Вовк має в хребті одноцілу кість, току як дручок, і не може сі скривити; як сі хоче обернути, то мусит сі весь обкрутити довколо (Галиц.).

Волки вездѣ есть, не только въ лѣсахъ, но иногда и поблизости отъ жилья; въ самыхъ маленькихъ рощахъ они ютятся, и вездѣ ихъ одинаково преслѣдуютъ:

Есть волки и въ нашемъ колкѣ.
Нема ліса безъ вовка (а села безъ лихого чоловіка) (Малор.).
Бьютъ волка и въ чужомъ колкѣ.
Не вызывай волка изъ колка.
Не визивай вовка зъ лісу (Малор.).
Nie wywolaj wilka z lasu (Польск. —тоже).
Гора безъ волка не бываетъ (Сарт., Турк. кр.).

Волчья натура гонитъ его въ лѣсъ, — приручить волка

почти невозможно; промышляетъ онъ больше въ темныя ночи, чѣмъ темнѣе и хуже погода, тѣмъ для него лучше, и добыча вѣрнѣе.

Сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ.

Вовка якъ ни годуй, а винъ въ лісъ дивится (Малор.).

Вовча натура въ лісъ тягне (Малор.).

Natura ciągne wilka do lasa (Польск.—тоже).

Волкъ темноту любитъ (Татар., Эрив. губ.).

Изъ волка пастуха не будетъ (Татар., Закавк. кр.).

Kèrsti vuka, a vuk u goru (Иллир.—Окрести волка, а онъ въ лѣсъ уйдетъ).

Надъ волкомъ евангеліе читали, а онъ все въ лѣсъ рвется (Армян., Закавк. кр.).

Man kann den Wolf mit Weihwasser bespennen, er geht doch wieder in den Wald.

Der Wolf sieht nur nach dem Walde.

Du magst den Wolf füttern, wie du willst, sein Sinn steht immer nach dem Wald.

Apprivoisez le loup, il rêvera toujours au bois.

Der Wolf freut sich, wenn Sturm ist.

Dem Wolf braucht man den Weg in den Wald (zu den Schafen) nicht zeigen.

Quando nevica — il lupo predica (Когда снѣгъ идетъ, волкъ проповѣдуетъ — выраженіе ироническое).

Волкъ, когда онъ одинъ, обыкновенно трусливъ, бѣжитъ отъ человѣка, но бѣда встрѣтиться со стаей волковъ, особенно во время течки, когда они играютъ свои волчьи свадьбы; если человѣкъ имъ при этомъ попадется, да еще безоружный, то ему не сдобровать. Волки очень чутки и усторожить ихъ нужна сноровка.

Люди дорòгой, а волкъ стороной.

Волка бояться — въ лѣсъ не ходить (и отъ бѣлки бѣжать).

Богомъ береженнаго волкъ не съѣстъ (Татар., Зак. кр.).

Бѣгучаго вовка добре и за хвостъ поймать (Бѣлор.).

Волка стеречь—на чику сидѣть.

Видитъ волкъ козу, забылъ и грозу.

Homme seul est viande à loup.

Волкъ боится колокольнаго звона и огня,

—ямщичья примѣта, звонъ поддужныхъ колокольцевъ отгоняетъ волковъ; къ костру волки близко не подходятъ.

Если волкъ нападетъ, то уйти отъ него труднѣе, нежели отъ

медвѣдя, но бываетъ и такъ, что отъ волка уйдешь, да медвѣдю въ лапы попадешь:

Einem Wolf entgeht man nicht so leicht, als einem Bären.
Wenn du dem Wolfe entläufst, wirst du dem Bären in die Krollen rennen.
Отъ волка ушелъ, на медвѣдя напалъ.
Отъ волка бѣжишь, на медвѣдя наскочишь (споткнешься).

Иной разъ отъ волка уйдешь, да отъ лисицы пострадаешь:

Кто отъ волка ушелъ—берегись лисьей хитрости (Татар.).

Вольному волку не всегда житье сладкое; при его необычайной прожорливости, ненасытности, — «волчій голодъ», «волчьи зубы»—жретъ волкъ, что ему ни попадется, но не рѣдко ему и голодать приходится, да съ голодухи выть, при чемъ, какъ и собака, онъ часто воетъ на луну, въ ясныя лунныя ночи, когда ему на промыселъ выходить опасно:

Волчья пропасть (пасть) все жретъ.
Жретъ волкъ и тавреное.
Волкъ тавра не разбираетъ.
Не брезгаетъ волкъ и собачиной.
Мило волку теля, да гдѣ его взять?
На то Георгій волку зубы далъ, чтобы кормился.
Волкъ на волѣ, да и воетъ до-волѣ.
Волкъ воетъ—на себя бѣду накликаетъ (Татар., Зак. кр.).
У лісі вовки віють (воютъ), а на печі страшно (Малор.).
Зубы — волчья снасть, а безъ нихъ—напасть.
Безъ зубовъ и волка не будетъ (Черкес.).
Ein hungriger Wolf hat scharfe Zähne.
Wenn der Wolf heult, kehrt er das Maul zum Himmel.
Les loups ne peuvent souffrir la lune et poussent des hurlements à sa vue.
Die Wölfe heulen alle auf eine Art.

Но какъ ни враждебно народъ относится къ волку, онъ и въ его положеніе входитъ,—надо же и волку прокормиться, да дѣтей пропитать,—а нерѣдко волку приходится и за чужіе грѣхи отвѣчать:

Говори на волка, разсуди и по волку.
Говоримъ на вовка, да и за вовкомъ щось треба сказать (Малор).
Не все на волка, иногда и за волка.

Нельзя отъ волка ждать добрыхъ помысловъ:

Вовкъ, то вовче и думае... (Малор.).
На волка помолвка, а пастухъ овецъ скралъ.

Слава на волка, а пастухи шалять.

На волка помоука (помолвка), а поела рыбку лисичка (Бѣлор., Мин. губ.).

Волка волкомъ называли — а чекалка (шакалъ) весь свѣтъ разорила (Грузин.).

Иной разъ шакалъ ягненка разорветъ, а скажутъ — волкъ (Татар., Закавк. кр.).

Вали на сѣраго — сѣрый все снесетъ.

Сытый волкъ смирнѣе ненасытнаго (завистливаго) человѣка.

Волкъ по утробѣ воръ, а человѣкъ по зависти,

— т. е. волкъ воруетъ по нуждѣ, изъ-за голода. Нѣмцы идутъ въ своемъ благодушіи еще далѣе и говорятъ, что волкъ потому овецъ крадетъ, что купить ихъ не можетъ...

Der Wolf stielt die Schafe, weil er sie nicht kaufen kann.

Въ Малороссіи признаютъ за волками большую заслугу въ томъ отношеніи, что они якобы поѣдаютъ чертей: «якъ бы іхъ (чертей) грімъ не бывъ, та вовкы не выідалы, то іхъ бы такого разплодилося, що и світу не було бъ выдно» (Кіев. губ.).

Тѣмъ не менѣе, вездѣ, гдѣ есть волки, приходится отъ нихъ терпѣть овцамъ горькую долю, — чѣмъ больше волковъ, тѣмъ меньше овецъ.

Волкъ не глядитъ на хозяйску заботу и тащитъ овецъ и изъ счета безъ счета.

Повадиця вовкъ въ кошару ходить, пока ні одної вовці не буде (Малор.).

Одинъ волкъ гоняетъ овечій полкъ.

Вовкові барана з горла не выдерешь (Малор. — У волка барана изъ горла не выдерешь).

Овцѣ съ волкомъ игра плохая.

Вовкъ, не выбираючи, беретъ овецъ (Малор.).

Пастухъ прозѣваетъ, а волкъ не прозѣваетъ.

Сжалился волкъ надъ овцей — напередъ голову отъѣлъ.

Не житье и собакѣ съ волкомъ, а теленку такъ и продуху нѣтъ.

Ein Wolf frisst überall das Schaf.

Je mehr Wölfe, desto weniger Schafe.

Ein einziger Wolf kann eine ganze Heerde verderben.

Wer einen Wolf zum Nachbar hat, geb' auf seine Schafe Acht.

Гдѣ волкъ разъ добычей удачно поживился, туда онъ опять назадъ вернется:

Où le loup trouve un agneau, il en cherche un nouveau.

Повадился волкъ въ овчарню, поднимай городьбу выше.

Спящій, лѣнивый волкъ ягненка не поймаетъ:

Ein Wolf im Schlaf fängt nie ein Schaf.

Bleibt der Wolf in der Heidé liegen, so wird er wenig Schafe kriegen.

Ein liegender Wolf magert ab, ein laufender wird fett.

Einen schlafenden Wolf soll man nicht wecken (Спящаго волка не буди—въ Абиссиніи говорится тоже про крокодила).

Полагаться на волка нельзя, хотя бы онъ и овцой прикинулся; волкъ добра не помнитъ.

Волкъ лижетъ—всю руку отлижетъ (не вѣрь волку).

Овца такъ не укуситъ, какъ волкъ слизнетъ.

Не клади волку пальца въ ротъ.

И волкъ зубоскалитъ — да не смѣется.

Худо, гдѣ волкъ въ пастухахъ (а лиса въ птичницахъ).

Добръ волкъ до овецъ, да пасти ему не дадутъ.

Дешево волкъ въ пастухи нанимается, да деревня съ нимъ намается (да міръ подумываетъ).

Бѣда, когда волкъ въ пастухахъ живетъ (лиса въ птичницахъ, а свинья въ огородницахъ).

Füttere den Wolf im Winter und im Sommer frisst er dich.

Wölfe geben böse Hirten.

Волка и въ овечьей шубѣ узнаешь,—говоритъ рядъ пословицъ иносказательныхъ.

Волкъ и въ овечьей шубѣ не укроется.

Знать волка и въ овечьей шубѣ.

Posnaći wilka w baraniéy skórzu (Польск.—Знать волка и въ бараньей шкурѣ).

Oft ist ein Wolfes Herz bedeckt mit Schaffellen.

Innen Wolf und aussen Schaf.

Der Wolf bleibt ein Wolf, auch wenn er einen Schafpelz trägt.

Der Wolf ist auch wohl im Schafpelz zu erkennen.

Es stecken viel Wölfe im Schafspelze.

Es steckt oft ein Wolf in der Schafshaut.

Fürchte den Wolf in eignen Pelz, doch doppelt, wenn er im Schafpelz sich zeigt.

Il lupo se vestito della pella d'agnello (Волкъ въ овечью шкуру одѣлся).

Отъ волковъ помогаютъ ихъ исконные враги—собаки, а безъ нихъ совсѣмъ плохо бы человѣку пришлось; иная собака и лаемъ волка прогонитъ:

Кабы волкъ за одно съ собакой, такъ человѣку и житья бы не было.

Вовкъ собаки не боится, а только звячи (вяканья, лая) не любищь (Вилен. губ.).

Волка на собакъ въ помощь не зови.

Tandis que le chien crie, le loup s'enfuit.

Волкъ промышляетъ, пока собака спитъ (Голланд.).

Веселѣй волку, какъ не слышитъ за собой гонку.

Съ затравленнымъ или ослабѣвшимъ отъ старости волкомъ управиться не трудно:

Загоняешь и волка, такъ будетъ овца.

Присмирѣетъ волкъ подъ рогатиной.

Смиренетъ волкъ въ капканѣ.

Смирнаго волка и телята лижутъ.

Зъ ледачаго вовка хочь шерсти клокъ (Малор.).

Надъ состарившимся волкомъ и собаки смѣются (Татар., Зак. кр.).

Alten Wolf verspotten die Hunde.

Il ne faut qu'un coup pour tuer un loup.

Quand le loup est pris, tous les chiens le mordent.

A chair de loup dent de chien.

Влъка-тъ, кога остарѣе, стая маскара на кучетата (Болгар. — Волкъ, когда состарится, становится игрушкой для собакъ).

Сколько волку овецъ ни таскать, подъ конецъ онъ попадется, и тогда ему уже придется плохо — за всѣ грѣхи будетъ расплата:

Отольются волку овечьи слезки.

Одизвуцця вовкові коровьячі слізкі (Малор.).

Носивъ вовкъ овецъ, поиесли вже й вовка (Малор.).

Волочилъ волкъ овецъ, поволокли и волка.

Таскалъ волкъ, потащили и волка.

Ловитъ вовкъ, а якъ вовка пійматъ, то шкуру здираютъ (вар. — то наберетця лыха) (Малор.).

Не веселье волку, какъ гоняютъ по колку.

Какъ волкъ носилъ — никто не видалъ, а какъ волка понесли—всякъ видитъ.

У волковъ есть свой хозяинъ-повелитель, св. Егорій, которому, впрочемъ, не одни только волки, а и всѣ животныя подвластны:

Святый Юрь звѣря (волка) пасе (Бѣлор.).

Волкъ — Юрова собака.

Безъ Юрьева наказу и сѣрый (волкъ) сытъ не будетъ.

У волка то въ зубахъ, что Егорій далъ.

Святый Егорій держитъ волка впроголодь, а то бы хоть и скота не води.

На что волкъ сѣръ, а и тотъ по закону живетъ; что Егорій скажетъ, на томъ и порѣшится.

Умиралъ волкъ — не смѣя сожрать барана св. Георгія (Грузин.).

Если зимою волковъ много — знать св. Егорій ихъ распустилъ.

Отъ Дмитровки до Юрья (т. е. отъ 26-го октября до 23-го апрѣля) каждый волкъ питается чѣмъ попало и нападаетъ на каждое животное безъ разбору; но, начиная съ Юрьева дня, по увѣренію крестьянъ Витебской губерніи, волкъ питается исключительно однородными животными, иной овцами, иной свиньями, иной поросятами, иной жеребятами или телятами; это св. Юрій въ ночь подъ свой праздникъ распредѣлилъ между волками, кому и чѣмъ питаться. Св. Юрій ѣздитъ иногда и верхомъ на волкѣ: случается видѣть, что вблизи стада бѣгаетъ волкъ, но не трогаетъ скотины, даже никѣмъ не оберегаемой; это тотъ волкъ, на которомъ св. Юрій, охранитель стадъ, въ данное время объѣзжаетъ скотину.

Если подходящій къ стаду волкъ держитъ пасть сомкнутою, то можно быть увѣреннымъ, что онъ ни одной скотины изъ стада не унесетъ (Витеб. губ.).

Русины въ Галиціи считаютъ повелителемъ волковъ не Егорья, а св. Николая. Человѣка волкъ не можетъ съѣсть иначе, какъ съ особаго разрѣшенія этого святого, который такое разрѣшеніе даетъ рѣдко, да и то только зимою. Объ этомъ галичане говорятъ такъ:

Вовк не може чоловіка зісти, бо му сьвйатий Николай зуби замикае на весь рік; св. Николай є найстарший над вовками, то вни сі правит у нього, щоби ім у зимі повідмикав зуби, щоби могли чоловіка істи; то чьисомъ св. Николай і позволитъ ім істи, але й то не каждаго,

— поэтому иной разъ волки нападутъ на человѣка середи самаго лѣса, и ничего ему не сдѣлаютъ, а другой разъ — и среди села заѣдятъ.

Въ лѣтнюю пору волки живутъ по одиночкѣ, — каждый про себя промышляетъ. Но когда наступаетъ зима, начинаются волчьи свадьбы, волки бродятъ большими стаями и тогда стано-

вятся особенно смѣлы и опасны. Почти всѣ случаи нападенія волковъ на людей относятся именно къ этому времени:

Въ глухозимье волки стадятся.
Подъ конецъ зимы волки срыскиваются, ходятъ стаями.
Волки зимою артелями рыщутъ.
Зимою волки станицами бродятъ.

Однако, и въ данномъ случаѣ волки кинутся на человѣка только въ томъ случаѣ, если это сдѣлаетъ волчица, за которой всѣ они бѣгутъ, иначе ни одинъ изъ нихъ и не посмотритъ на человѣка, кто бы ни проѣзжалъ, или проходилъ:

Якъ сука изъ тички не кинецьця, то й вовки—ни одынь й не подывыцьця на того, хто по-бля йихъ пройжджа, або проходе (Харьк. губ.),

—похотливость волковъ въ данномъ случаѣ беретъ верхъ надъ ихъ кровожадностью, и даже надъ голодомъ.

Зима для волка, какъ, впрочемъ, и для всего живущаго, самая трудная пора, тѣмъ болѣе, что онъ не ложится въ лежку, какъ медвѣдь,—а всю зиму рыщетъ, добывая себѣ пищу съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, нежели лѣтомъ:

Трудно волку зиму переголодать, а тамъ опять панъ.

Однако, какъ ни тяжело волку достается зима, онъ къ ней привыкъ и отъ холоду, повидимому, не страдаетъ, если только найдетъ чѣмъ поживиться.

Волку зима за обычай.
Не первую зиму волку зимовать...

Поминается про волка еще въ нѣсколькихъ поговоркахъ, къ характеристикѣ его не много, впрочемъ, прибавляющихъ, — нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ смыслъ иносказательный:

На волкѣ своя шуба.
Любо, не любо, а на волкѣ своя шуба.
Есть шуба и на волкѣ, да пришита.
Овсяно зернышко попало волку въ горлышко.
Волка поросенкомъ не стравишь.
Видѣлъ волкъ зиму, а чортъ схиму?
Волкъ на пса (на пастуха) не шлется.
Шлется волкъ на кобылій хвостъ.
Волкъ коню не братъ.
Не житье съ волкомъ и собакѣ.
Besser Wolf, als Schaf.
Die Wölfe fressen keinen Winter.
Es hat noch kein Wolf den Winter gefressen.

Голодный волкъ сильнѣе сытой собаки.

Хромого волка за лисицу сганець (Бѣлор.),

—хромой волкъ столько же можетъ нанести вреда, какъ и лисица.

Сопоставляется волкъ съ лисой, которая надъ нимъ своимъ умомъ верхъ беретъ:

Лисичка всегда сытѣй волка живетъ.
Несподручно волку съ лисой промышлять.
Волкъ голодай — лиса лакомка.
Лисій хвостъ, да волчій ростъ.
Волчій зубъ и лисій хвостъ.
Глядитъ лисой, а пахнетъ волкомъ.
Wolf und Fuchs haben ungleiche Stimm, und gleichen Sinn.

Вотъ еще сопоставленія волка съ лисой и съ зайцемъ, характеризующія повадку этихъ трехъ животныхъ:

Изъ-подъ куста хва̀тышъ—волкъ, въ чистомъ полѣ увѐртышъ—лиса, черезъ дорогу пря̀дышъ — заяцъ.
Волка зубы кормятъ, зайца ноги носятъ, лису хво̀стъ бережетъ (хвостомъ она слѣдъ замета̀етъ).

Плохое житье тамъ, гдѣ волки силу заберутъ;

Wo Wölfe haben überhand, da steht es schlimm um Stadt und Land,

— поговорка больше иносказательная.

При всей нелюбви къ волку, встрѣча съ нимъ считается у насъ, однако, счастливой, въ противоположность встрѣчѣ съ зайцемъ. Французы и нѣмцы считаютъ счастливой встрѣчу съ волкомъ, оленемъ и медвѣдемъ, несчастливой—встрѣчу по утру съ козленкомъ.

Волкъ дорогу перебѣжитъ — къ счастью.
Недобрая срѣтъ — заяцъ черезъ дорогу, а добрая — волкъ.
Qui rencontre un loup (un cerf ou un ours) c'est très bon signe.
Rencontrer un loup le matin — porte bonheur.
Rencontrer un chevreuil le matin — porte malheur.
Wenn einem ein Wolf über den Weg läuft, das ist ein Glück.
Wenn einem ein Wolf, Hirsch und Eber begegnet, das ist ein Glückszeichen.

Если всякая встрѣча съ волкомъ считается благополучной, то встрѣча съ волчьей свадьбой—вдвойнѣ. Нехорошо только встрѣтить волка, когда онъ несетъ въ пасти добычу; тогда онъ ее броситъ, и нападетъ на встрѣчнаго (Витебск. губ.).

Лисица.

Въ народныхъ поговоркахъ лисица рисуется животнымъ хитрымъ, вѣроломнымъ по натурѣ, хищнымъ еще болѣе, чѣмъ волкъ. Отмѣчается ея увертливость, чуткость, умѣнье всюду пролѣзть.

Въ чистомъ полѣ увѣртышь — лиса.
Лисье племя только льстить, да манить.
Лисица—старая льстица.
У лисы-патрикѣевны ушки на макушкѣ (чутка).
У лисы и во снѣ ушки на макушкѣ.
Когда ищешь лису впереди, то она позади.
Трудно лисѣ лапку положить, а то и вся уберется.

Всего болѣе говорится о прирожденной лисицѣ хитрости, составляющей, по народнымъ наблюденіямъ надъ этимъ животнымъ, главную отличительную черту его характера.

Лиса хитра — семерыхъ волковъ проведетъ.
He that will deceive the fox, must rise by time (Кто хочетъ лису провести, долженъ рано встать).
The fox praiseth the meat out of the crows mouth (Лиса кусокъ мяса изъ вороньяго клюва выхвалитъ).

Всего хитрѣе и опаснѣе, по увѣренію нѣмцевъ, черная лисица:

Die schwarzen Füchse sind die listigsten und schädligsten.

Старая лиса хитра, въ ловушку не дается, да и собакамъ съ ией не легко сладить:

Старая лиса отъ молодыхъ собакъ отгрызается.
Старая лиса рыльцемъ роетъ, а хвостомъ слѣдъ заметаетъ.
Старая лиса хитра бываетъ (Татар., Закав. кр.).
Alte Füchse sind schwer zu fangen.
Alter Fuchs lässt sich nicht mit einem Strick fangen.
Alter Fuchs kommt nicht ins Garn.
La volpe vecchia non si lascia facilmento pigliar al laccio (Старую лису не легко взять въ тенета).

Однако, и молодой лисѣ довѣрять нельзя:

Auch einem jungen Fuchsen ist nicht zu trauen.

Обѣщаетъ лиса только подъ конецъ жизни въ монахи поступить:

A la fin sera le renard moine...

Лисицы зорки — какъ и кошки, одинаково хорошо днемъ и ночью видятъ:

Fuchs und Katzen sehen bei Tag und Nacht.

Осторожность лисы простирается такъ далеко, что она старается по своему собственному слѣду идти, чтобы лишнихъ слѣдовъ за собой не оставлять:

Лиса ходитъ своимъ пятникомъ (по старому своему слѣду).

Другой примѣръ преувеличенной осторожности лисицы приводятъ Сербы:

Кад лисица преко леда пролзе, онда можешъ и топове возити,

—когда лисица черезъ ледъ пройдетъ, тогда можешь черезъ него и пушки перевозить, до того онъ крѣпокъ; они же говорятъ, что прежде, чѣмъ пускаться черезъ ледъ, лисица, положивъ на него ухо, прислушивается, слышно ли, какъ подъ нимъ вода течетъ и по этому судитъ, достаточно ли онъ проченъ. По нѣмецкой поговоркѣ, въ Февралѣ, послѣ Срѣтенія, лисица уже на ледъ не ступаетъ — боится:

Der Fuchs ist weis, nach Lichtmess geht er nicht über's Eis.

Но какъ лиса ни хитра, она всегда хитрѣе себя найдетъ, и рано или поздно попадется на расправу:

Не обхаивай, лиса, борзой собаки, попадешься ей въ зубы.

Посмѣялась лиса мужику, куръ покравши, посмѣялся и мужикъ лисѣ — шкуру снявши.

Ходила лиса курятъ красть, да попала въ пасть.

И хитрая лиса обѣими ногами въ капканъ попадаетъ (Татар. Закав. кр.).

A renard — renard et demi.

Der Fuchs ist listig, aber der ihm fängt ist noch listiger.

Fuchs wieder Fuchs.

Schlaue Füchse werden auch gefangen.

Astuta è la volpe, ma più astuto chi la piglia (Хитра лиса, но еще хитрѣе,— кто ее ловитъ).

The fox knows much, but more he, that catch him (Много лиса знаетъ, но еще больше,— кто ее ловитъ).

Il n'y a si fin renard, qui ne trouve plus finard.

La peau du renard finit toujours par arriver à la boutique du pelletier.

Every fox must pay his skin to the flayer (Каждая лиса своей шкурой скорняку заплатитъ).

Лисицѣ конецъ—мѣховая лавка (Турец.).

Главное у лисицы занятіе — куръ да всякую другую птицу таскать, только этимъ она и живетъ, во снѣ и на яву только куръ и видитъ:

Спитъ лиса, а во снѣ куръ щиплетъ.

Лиса и во снѣ куръ считаетъ.

Лиса и во снѣ куръ у мужика въ хлѣвѣ считаетъ.

Умильно лисанька глядитъ на куръ..

Dem Fuchs träumt stets vom Hühnerstall.

О чемъ лиса на яву думаетъ, то и во снѣ ей грезится—куры (Грузин.).

Dont set the fox to keep one's geese (Не давай лисѣ гусей стеречь).

Когда лиса мертвой, либо постницей притворяется—куры въ опасности:

Wenn der Fuchs sich todt stellt, so sind die Hühner in Gefahr.

Заговѣлась лиса—загоняй гусей (не вѣрь).

Добрая лиса съ ранняго утра промышляетъ, а которая утро проспитъ, та не многимъ и поживится. Этого рода поговорки примѣняются къ нѣкоторымъ и другимъ животнымъ, имѣя при томъ смыслъ скорѣе иносказательный:

Лиса рано встаетъ.

Renard qui dort la matinée n'a pas sa langue emplumée.

A renard endormi ne vient pas morceau de viande.

Der Fuchs, der schläfrig und faul, hat selten ein fedrig Maul.

Schlafender Fuchs fängt keine Huhn.

When the fox sleeps, no grapes fall in his mouth (Спящей лисѣ виноградъ въ ротъ не валится).

Лисѣ приписывается и нѣкотораго рода добродушіе, — способность мириться съ обстоятельствами и находить себѣ въ бѣдѣ утѣшеніе:

Лиса отъ дождя и подъ бороной ухоронится.

Лиса отъ дожджу и подъ борону ховалася: не всякая, казала, капля капецъ (Бѣлор.).

Угодила лиса въ капканъ—хоть и рано, а знать ночевать, (разсуждаетъ попавшаяся лиса).

Рано попала лиса въ яму, а знать ночевать.

Foxes, when they cannot reach the grapes, say—they are not ripe (тоже).

Wenn der Fuchs die Trauben nicht erreichen kann, so sagt er,—sie sind sauer (зеленъ виноградъ).

On sait pourquoi le renard ne veut pas de miel (Извѣстно, почему лиса меду не хочетъ — пчелъ боится).

Выше уже было указано, что лиса около своего жилья не промышляетъ; французы говорятъ, что лиса и куница отправляются зло дѣлать вдаль:

Le renard et la fouine s'en vont faire le mal au loin.

Хотя лиса преимущественно живится вокругъ людского жилья, но логовище свое старается устроить подальше, въ уединенномъ мѣстѣ:

Въ глухомъ оврагѣ лиса хозяйничаетъ (Татар., Эрив. г.).

Большую роль у лисицы хвостъ ея играетъ,—она имъ и прикрывается, и слѣдъ свой заметаетъ, и всячески свой хвостъ бережетъ.

Лиса все хвостомъ прикроетъ (замываетъ).

Всякая лиса свой хвостъ хвалитъ.

Каждая лиса свой хвостъ береги.

Лиса своего хвоста не замараетъ.

У лисицы хвостъ дологъ, да на свой не сядетъ.

Den Fuchs kennt man am Schwanze.

Der Fuchs verbirgt sein Schwanz.

Der Fuchs kann seinen Schwanz nicht verbergen.

Der Schwanz muss dem Fuchs folgen.

Куда лиса, туда и хвостъ (Татар., Закав. кр.).

Лиса лисѣ привязана, а та хвосту (Татар., Зак. кр.).

Toujours à la queue on connait le renard.

Bon renard cache sa queue.

Chaque renard porte sa queue à sa manière.

Ogni volpe ha cura della sua coda (Каждая лиса о своемъ хвостѣ заботится).

Ублажай, лиса, голубку, да хвостъ не кажи...

Заботится лиса и о своей шкурѣ, которая составляетъ лучшее, что она имѣетъ:

An einem Fuchs ist der Balg das Beste.

Jeder Fuchs verwahrt seinen Balg.

Le renard cache sa peau.

Въ Сибири, гдѣ охота на лисицъ составляетъ очень важный промыселъ, различаются по цвѣту мѣха нѣсколько видовъ ихъ, которымъ даютъ и разныя названія:

Чернобурая лисица — голубая (самая дорогая и сравнительно рѣдкая).

Крестовая лисица — имѣющая темный хребетъ и красные бока, по качеству мѣха стоитъ между чернобурой и сиводушкой.

Лисица съ красноватою грудью — сиводушка.

Лисица съ бѣлой грудью — бѣлодушка.

Если лиса можетъ воспользоваться готовой чужой норой, она своей не роетъ, но изъ предосторожности, чтобы не быть пойманной, старается либо имѣть въ своемъ распоряженіи по нѣсколько норъ, либо изъ одной норы обезпечить себѣ нѣсколько выходовъ, зная, что ее у входа въ нору всего скорѣе стеречь будутъ:

Стереги лисицу на лазу,

—совѣтуютъ охотники.

У доброй лисы по три отнорка.

Der Fuchs weiss mehr als ein Loch.

Es muss ein armer (schlechter) Fuchs sein, der nur ein Loch weiss (der nur eine Höhle hat).

Le renard a plus d'un trou.

Der Fuchs schlüpft gern in eine fertige Höhle.

Foxes dig not their own holes (Лиса сама себѣ норы не роетъ).

Wenn der Fuchs eine Dachshöhle findet, so baut er sich selbst kein Haus.

Если лиса однажды въ капканъ попалась, и удалось ей высвободиться, то уже во второй разъ не попадется, будетъ помнить:

Derselbe Fuchs lässt sich nicht zweimal fangen.

Un renard n'est pas pris deux fois au même piège.

Un renard ne se laisse pas prendre une seconde fois au lacet.

Лиса на дорогѣ предвѣщаетъ счастье, удачу:

Коли на дорогѣ встрѣтиться лиса, то это хорошо, а коли заяцъ — худо (Черкеск., Армян.).

Заяцъ.

Слѣдующая, весьма многочисленная серія народныхъ изреченій касается зайца. Главною отличительною чертою его характера, какъ онъ рисуется всѣми народами, является трусость:

Трусливъ — какъ заяцъ,

— говоритъ народъ про всякаго, кто храбростью не отличается хотя другая русская поговорка отвергаетъ трусость зайца, а приписываетъ сложившуюся о немъ въ этомъ отношеніи репутацію его благоразумію и осторожности:

Заяцъ не трусъ, а себя бережетъ.

Зайцу только на себя, да на Бога и надѣяться—ни отъ кого ему защиты ждать не приходится:

У борзой собаки есть хозяинъ, а у зайца — Богъ (Татар., Закавк. кр.).

Не мѣшаетъ трусость зайцу и на свой промыселъ ходить:

Заяцъ трусъ, — и тотъ охотиться любитъ,

— за капустой, которую онъ считаетъ посаженной собственно для него:

Der Hase meint, die Bauern pflanzen den Kohl für ihn.

Хотя французы и говорятъ, что злыхъ зайцевъ нѣтъ, какъ нѣтъ и маленькихъ волковъ—однако, зайцы могутъ иногда пребольно кусаться:

Il n'y a pas de méchant lièvre, ni de petit loup.

Любимое мѣстопребываніе зайцевъ—на опушкѣ лѣса или въ кустахъ; тамъ и охотники ихъ всего скорѣе найти могутъ.

Не ищи зайца въ бору — на опушкѣ сидитъ.

Der Hase wohnt in kleinen, wie in grossen Büschen.

En petit buisson on trouve un grand lièvre.

Любятъ зайцы хорониться и въ овесъ, какъ скоро онъ настолько подрастетъ, что въ немъ можно имъ спрятаться:

Avoine pointant — lièvre gisant.

Всего лучше чувствуютъ себя зайцы, когда могутъ забраться въ капусту:

Im Kohl ist dem Hasen wohl.

Зайцы по зимамъ въ мелкій тростникъ ложатся,—впрочемъ, разные зайцы въ разныхъ мѣстахъ укрываются:

Бѣлякъ въ лѣсъ бѣжитъ, а русакъ въ скелы (скалистый берегъ) отъ собакъ (Даль).

Русакъ подъ камнемъ, бѣлякъ подъ кустомъ.

Русакъ лежитъ въ степи и на пашнѣ, бѣлякъ въ лѣсу и на опушкѣ.

Русакъ — степнякъ, бѣлякъ поле любитъ.

Русакъ—русскій заяцъ, сѣрякъ, отличается отъ бѣляка: первый остается сѣрымъ круглый годъ, второй зимою весь бѣлый, только кончики ушей черны. Есть еще заяцъ «тумакъ», составляющій помѣсь русака и бѣляка.

Заяцъ ужъ сѣдъ, навидался онъ бѣдъ.

Замѣчаютъ, что зайцы лѣтомъ въ лѣсу любятъ сидѣть въ грибныхъ мѣстахъ; поэтому когда при сборѣ грибовъ изъ-подъ ногъ выскочитъ заяцъ, то нужно идти въ ту сторону, куда онъ побѣжитъ.

Какъ бы заяцъ далеко ни забѣгалъ (раненый) онъ всегда домой возвращается (умирать); тутъ его всего легче и укараулить:

Le lièvre revient toujours (mourir) à son gîte.

Il faut attendre le lièvre à son gîte.

Der Hase verräth sein Lager selbst.

Подходя къ зайцу, надо стараться его не спугнуть, но часто онъ выскакиваетъ тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидаютъ:

Откуда не ждешь, оттуда и выскочитъ заяцъ (Татар., Закав. кр.).

On ne prend pas le lièvre au son du tambour.

Die dove meno si pensa, si leva la lepre (Гдѣ всего менѣе о немъ думаешь, тамъ заяцъ и поднимется).

Oft springt ein Hase da auf, wo man ihn nicht sucht.

Особенной чуткостью отличаются зайцы весною:

Весною заяцъ на слуху сидитъ.

На заячьей охотѣ зѣвать не годиться — неравно зайца упустишь:

Иди—не мѣшкай, лежитъ русакъ подъ межкой (охотничья поговорка).

Замѣчаютъ, что если въ какомъ году зайцевъ появится много, то мышей будетъ меньше, и объясняютъ это вмѣшательствомъ лѣшаго:

Коли лѣшій зайцевъ нагонитъ, то мышей угонитъ.

На размноженіе зайцевъ вліяетъ и погода:

Въ сухой годъ зайцевъ больше, въ сырой меньше.

Отмѣчается необыкновенная плодовитость зайцевъ:

Зайчиха трычи веде на лито; перви—мартята—у марти, други—не знаю колы, а трети пидкипчата вже бигаютъ, якъ було копы берешь (Екатер. губ.).

Пошелъ заяцъ весной самъ-другъ въ поле, воротился самъ-десятъ оттолѣ.

Der Hase geht im Frühjahr selbst-ander ins Feld und kommt im Herbst selbfunfzen ins Vorholz als Held.

Въ дѣйствительности, зайчиха мечетъ зайчатъ 4, иногда 5 разъ въ годъ. Въ срединѣ или концѣ марта являются первые зайчата, «настовики», въ маломъ количествѣ (1 — 2) и то рѣдко выживающіе, вслѣдствіе холодовъ; плодовитый пометъ второй — въ исходѣ апрѣля — до 5-ти зайчатъ; третій — «лѣтники» — въ концѣ іюня; четвертый — «листопадники» — въ сентябрѣ, оба помета необильные; еще бываетъ иногда безвременный пометъ въ октябрѣ; зайчата этого помета называются «ярышами» (Нижегор. губ.).

Малоросы говорятъ:

У зайца ажъ дванадцать шкуръ,

— но что хотятъ выразить этимъ изреченіемъ—мнѣ неизвѣстно.

Зайцевъ много больше, чѣмъ охотниковъ:

Es giebt mehr Hasen, als Jäger.

Едва ли есть другой звѣрь, котораго бы столько преслѣдовали охотники, какъ зайца, и если заячья порода, тѣмъ не менѣе, еще уцѣлѣла, то это именно благодаря необыкновенной плодовитости, да быстротѣ бѣга зайцевъ.

Охотятся за зайцемъ и для истребленія его, какъ животнаго вреднаго, особенно для садовыхъ посадокъ, для молодого подроста въ лѣсахъ, и ради заячьихъ шкуръ да мяса, но всего болѣе ради спорта, не жалѣя ни себя, ни коней:

Пока зайца догонишь — съ пару зайдешься (упаришься).
Цѣна зайцу двѣ деньги, а бѣжать—сто рублевъ.
Не дорогъ конь—дорогъ заяцъ.
На арабѣ (арабской лошади) ловятъ зайца (Турец.).

Вся сила у зайцевъ въ ногахъ, безъ нихъ имъ давно бы пропасть, но часто и ноги не спасутъ:

Зайца ноги носятъ.
За зайцемъ на арбѣ не угоняешься (Татар., Закав. кр.).
Поневолѣ заяцъ бѣжитъ, когда летѣть не на чемъ.
Прытче зайца не будетъ, а и того ловятъ.

Hätten die Hasen ihre Füsse nicht, es gebe keinen Einzigen mehr.
Hasen haben das Herz in den Beinen.
Ist der Hase auch noch so schnell, der Windhund fasst ihn doch beim Fell.

Бѣгъ зайца, благодаря тому, что у него переднія ноги много короче заднихъ, совсѣмъ особенный, съ прискокомъ; по той же причинѣ онъ на гору бѣжитъ гораздо легче, нежели подъ гору; если зайца выгнать изъ лѣса и направить на жнитво, тутъ ему и конецъ, — по жнитву онъ совсѣмъ бѣжать не можетъ и его всякая собака легко затравитъ:

Заяцъ прыгомъ ходитъ.
Ein Hase läuft leichter Bergauf, als Bergab.

Wenn der Hase auf die Stoppeln kommt, ist er verloren.
Заячій прыжокъ—три шага.

Заяцъ-горовикъ прыжковатѣе степняка.

Заяцъ въ кустахъ—еще не пойманъ, но если его много охотниковъ за разъ преслѣдуютъ, тогда уже спасенья нѣтъ:

Ce n'est pas viande prête que lièvre en buisson.
Отъ многихъ охотниковъ заяцъ не спасется (Сарты, Турк. кр.).

Не всегда заяцъ достается тому, кто за нимъ охотится, отъ самаго опытнаго ловца онъ иногда уйти можетъ:

Le lièvre n'est pour qui le chasse, il est pour qui le ramasse.

Счастье зайцу—когда онъ можетъ выбраться въ чистое поле:

Der Hase sucht das weite Feld.

Бываетъ въ году и такое время, когда охота на зайцевъ очень трудна и они могутъ чувствовать себя сравнительно въ безопасности:

Отъ пороши до наста бываетъ зайцамъ роздыхъ.
Заецъ чуе снѣгъ (Малор.),

—передъ снѣгомъ онъ не уходитъ далеко отъ логова и умащивается «на взлобьи», избѣгая низинъ и балокъ.

На первой же порошѣ охотники считаютъ необходимымъ за-

травить хотя одного зайца, который называется «именинным» — иначе будетъ неудача на весь годъ:

Въ первую порошу зайца слѣдить.

Для того, чтобы охота на зайцевъ и другихъ звѣрей была успѣшна, всего лучше знать особый заговоръ, называемый въ Сибири «словинка», и произносить его при постановкѣ петлей на зайца. Вотъ образчикъ одного изъ такихъ заговоровъ: «Ставлю я ловушку-поставушку, на бѣлаго, на сѣраго, на красныхъ звѣрей,—какъ красно солнце идетъ, такъ бѣлы-сѣры звѣри шли— не воротилися, одной тропой, однимъ слѣдомъ, ко мнѣ—къ рабу къ Ивану» и т. д. (Тоболь. губ.).

На всѣхъ языкахъ существуютъ почти тождественныя поговорки, имѣющія и иносказательный смыслъ, что не слѣдуетъ за двумя зайцами заразъ гоняться—два дѣла заразъ дѣлать:

За двумя зайцами погонишься—ни одного не поймаешь.
На двухъ зайцевъ позаришься, ни одного не поймаешь.
Duos insequens lepores, neutrum capit (Лат.—тоже).
Il ne faut pas chasser (courir) deux lièvres à la fois.
Qui poursuit deux lièvres à la fois, n'en prend aucun.
Man muss nicht zwei Hasen zugleich jagen.
Wer auf zwei Hasen zugleich zielt, trefft keinen.
Wer zwei Hasen zugleich hetzt, fängt keinen.
Qui deux lièvres chasse, l'un perd et l'autre laisse.
Chi due lepri caccia, una non piglia e l'altro lascia (Кто за двумя зайцами погонится, одного упуститъ, а другого не поймаетъ).
He that hunts two hares, oft looseth both (Кто за двумя зайцами гоняется, часто обоихъ упускаетъ).

Зайца давно уже поймали да съѣли, а мѣхъ его носятъ, да похваливаютъ:

Wenn der Hase längst verzehrt, wird sein Balg noch geehrt.

Зайцы очень боятся воды—ни за что, будто бы, въ воду не пойдутъ, развѣ при особой крайности, при погонѣ за ними:

Научи-ка зайца нырять!

Обращается вниманіе на внѣшній видъ зайца. Губа у него, какъ извѣстно, раздвоенная,—французы эту особенность объ-

ясняютъ тѣмъ, что она у него отъ смѣха лопнула, когда онъ увидѣлъ, что лягушки съ испугу отъ него бѣгутъ:

Le lièvre a la lèvre fendue d'avoir trop ri, en voyant les grenouilles se sauver devant lui.

Разсказъ про то, какъ лягушки при видѣ зайца отъ страха въ воду попрыгали, когда онъ съ горя, что его всѣ преслѣдуютъ да обижаютъ, подбѣжалъ къ пруду топиться, но утѣшился, увидавъ, что есть существа на свѣтѣ, которыя и его боятся, — всѣмъ извѣстенъ и послужилъ основаніемъ для множества сказокъ и басенъ.

Болгары увѣряютъ, что заяцъ, вслѣдствіе своей трусости, отъ страху даже и спитъ съ открытыми глазами:

Заіакот и кого спие, отвóрени му се óчите от пусти страои (Болгар.—У зайца даже и во снѣ глаза со страху раскрыты).

Кончики ушей у зайца черные—такими они до вѣка и останутся:

Конецъ міру будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца не будутъ черны (Вотяцк.).

Пока черныя пятна съ ушей зайца не сойдутъ, бабамъ надъ мужиками не владать (Перм. губ.).

У бурятъ въ Сибири есть повѣрье, что заяцъ прежде былъ совсѣмъ черный, но съ каждымъ годомъ у него бѣлѣло по одному волоску, такъ что теперь черные волосы остались только на концѣ ушей; когда же и они побѣлѣютъ, тогда наступитъ конецъ міра—все сгоритъ.

Но всего болѣе занимаетъ народъ отсутствіе у зайца хвоста,—отчего его и прозвали «куцымъ»:

Не було у зайца хвоста и не буде (Малор.).

Не дарывъ Богъ зайця хвостомъ (Харьк. губ.).

Отсутствіе у зайца этого непремѣннаго придатка большинства другихъ животныхъ объясняется разными причинами легендарнаго свойства. Кто говоритъ, что при раздачѣ животнымъ хвостовъ было ненастно, заяцъ изъ норы не рѣшился выдти, да и остался навѣки куцымъ; кто разсказываетъ, что у зайца въ старые годы былъ хвостъ, но его волкъ у него оторвалъ; кто, наконецъ, увѣряетъ, что заяцъ зимою хвостомъ въ проруби рыбу ловилъ, да хвостъ отморозилъ и т. п.

Во многихъ легендахъ, иностранныхъ и русскихъ, зайцу придается демоническое значеніе. Въ Малороссіи считаютъ, что заяцъ сотворенъ чортомъ и нечистой силѣ служитъ:

Заяцъ чорту служитъ передовымъ (Малор.).

Въ Германіи и во Франціи увѣряютъ, что вѣдьмы иногда превращаются въ зайцевъ. Если же заяцъ въ домъ вбѣжитъ,— то это не заяцъ, а самъ чортъ:

Wenn ein Hase in ein Haus hineinläuft, so ist's der Teufel.

Встрѣча съ зайцемъ приноситъ несчастье, особенно если онъ перебѣжитъ дорогу. Это повѣрье распространено повсемѣстно въ Россіи, существуетъ также у поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, нѣмцевъ, тирольцевъ, французовъ, норвежцевъ, англичанъ, существовало и у древнихъ римлянъ:

Если ѣдешь по дѣлу и заяцъ перебѣжитъ дорогу впереди, воротись назадъ—будетъ неудача (Тер. обл.).
Заяцъ дорогу перебѣжитъ—къ несчастью.
Заяцъ поперекъ дороги перебѣжитъ—неудача.
Lepus apparens infortunatum facit iter (Лат. — Встрѣча съ зайцемъ дѣлаетъ путь несчастливымъ).
Rencontrer un lièvre au matin—porte malheur.
Wenn man ausgeht und es läuft einem ein Hase über den Weg, so hat man Unglück.

Увидѣвъ зайца, перебѣгающаго дорогу, надо изъ повозки выкинуть клокъ сѣна, въ этомъ случаѣ заяцъ сейчасъ же возвратится вспять и бѣды не будетъ (Малор.). Несчастье отъ встрѣчи съ зайцемъ, по мнѣнію французовъ, можно предотвратить, если послѣ этого три раза повернуться:

Celui qui rencontre un lièvre sur son chemin, doit se retourner trois fois, sans quoi il lui arrivera malheur.

Только въ Помераніи держатся на счетъ встрѣчи съ зайцемъ (и волкомъ) мнѣній, какъ разъ противоположныхъ:

Если дорогу перебѣжитъ заяцъ—къ счастью, если волкъ—къ несчастью (Померан.).

Особенно опаснымъ считается въ Германіи увидать трехногаго зайца:

Трехногій заяцъ предвѣщаетъ человѣку смерть черезъ три дня.

Плавая по водѣ—не слѣдуетъ поминать про зайца, этого не любитъ водяной и, осердившись, подниметь бурю (Оренб. губ.).

Es ist ihm ein Hase über den Weg gelaufen,

—заяцъ ему дорогу перебѣжалъ,—говорятъ нѣмцы про человѣка, котораго преслѣдуетъ несчастье. Во Франціи считаютъ, что встрѣча съ зайцемъ особенно несчастна послѣ захода солнца,—въ это время въ зайцевъ обращаются колдуны. Зайцы, потому ли, что они созданы чортомъ, потому ли, что они рождаютъ слѣпыхъ дѣтей, потому ли еще, что у нихъ лапы съ пальцами, считаются нечистыми и ихъ не слѣдуетъ употреблять въ пищу. Ѣсть можно, по мнѣнію русскихъ крестьянъ, мясо только тѣхъ животныхъ, у которыхъ раздвоены копыта; по этой причинѣ нельзя ѣсть лошади, собаки и т. п.

У французовъ существуетъ оригинальное предостереженіе не употреблять въ пищу мозга *кроликовъ*, чтобы не потерять памяти, которая у этихъ животныхъ считается короткой:

Il est nuisible à la mémoire de manger de la cervelle de lapin, parce-que celui-ci a la mémoire courte.

Держать въ домѣ кроликовъ тоже не годится, такъ какъ они приносятъ несчастье, и кромѣ того они будутъ вредить овцамъ и вообще скоту:

Трусовъ (кроликовъ) не слѣдуетъ держать въ домѣ, такъ какъ при этомъ дурно будутъ водиться овцы (Витебск. губ.).

Не годыться кроливъ водыты тамъ, де скотъ есть (Малор., Екатер. губ.).

Мышь и крыса.

Очень часто поминается въ народныхъ изреченіяхъ маленькая мышь и нѣсколько рѣже крыса. Оба этихъ животныхъ близко знакомы народу, такъ какъ живутъ бокъ-о-бокъ съ человѣкомъ, питаются на его счетъ и являются во всѣхъ случаяхъ хотя и мелкими, но очень вредными паразитами, съ которыми приходится вести постоянную борьбу, въ которой, благодаря ихъ множеству и ихъ плодливости, человѣкъ, даже и при помощи союзника въ этомъ дѣлѣ—кошки,—никогда не остается побѣдителемъ.

Мышь и крыса—гадины, поганы.

Заводятся эти звѣри вездѣ, гдѣ для нихъ есть кормъ,—въ

домахъ, въ закромахъ, въ скирдахъ и копнахъ, а также живутъ и въ хлѣбныхъ поляхъ, гдѣ иногда дѣлаютъ большія опустошенія:

Былъ бы хлѣбъ (были бы крошки), а мыши будутъ (а мышки ужъ будутъ).

Около хлѣба и мыши водятся.
Où il y a pain, il y a souris.
Nessun granaio senza scorci (Нѣтъ амбара безъ мышей).
Мышь гложетъ, что можетъ.
Около крохъ и мыши.
Die Maus kommt in kein leeres Haus.

Извѣстно, что существуетъ нѣсколько видовъ мышей и крысъ: мышь домашняя, полевая, лѣсная и малютка, крыса черная и сѣрая, или пасюкъ; послѣдняя появилась въ Европѣ сравнительно недавно. Народъ, однако, между разными видами этихъ животныхъ различія почти не дѣлаетъ, такъ какъ всѣ они людямъ одинаково вредны, и только одно французское изреченіе свидѣтельствуетъ, что полевыя мыши еще вреднѣе домашнихъ:

Une souris dans champs de blé nuit plus que souris dans grenier.

Хлѣбныя мыши въ амбарахъ и скирдахъ называются «житнички», имъ тамъ житье привольное:

Мышь зародомъ (скирдой) не задавитъ.

Наоборотъ, плохо идетъ хозяйство въ томъ домѣ, гдѣ мыши съ голоду издыхаютъ:

Wo die Mäuse im Brotschrank verhungern, da steht es mit dem Haushalt nicht wohl.

Еще хуже жить мышамъ и крысамъ въ такихъ помѣщеніяхъ, гдѣ провизіи не хранятъ и пищи не готовятъ, напримѣръ, въ церквахъ. Бѣденъ, какъ церковная крыса:

Pauvre, comme un rat d'église,

—говорятъ поэтому французы.

На зиму и мыши себѣ запасы дѣлаютъ и загодя ложе себѣ готовятъ:

И мышь въ свою норку тащитъ корку.
Eine Maus, die den Winter verschlafen will, macht sich im Herbst schon das Bett.
Нашла миш дупку за себе, влачи тикву по себе (Болгар.—Нашла мышка норку для себя, тащить тыкву за собой).

Охранить отъ мышей домашнюю провизію трудно,—чѣмъ она

лучше, тѣмъ для нихъ лакомѣе,—нельзя крысѣ давать сало стеречь:

Die besten Käse werden auch von den Mäusen angefressen.
Den Ratten muss man nicht den Speck zu hüten geben.

Но сколько мышь на чужой счетъ ни живится, подъ конецъ и ей не сдобровать:

Жила-была мышь шкапница (воровка), да попалась.

У всякой мыши своя норка, свое убѣжище, въ которомъ она болѣе или менѣе безопасна, которое она отъ враговъ защищаетъ:

Мышь въ коробѣ, что князь въ городѣ.	Die Maus ist wohl in ihrem Loche.
Nulle souris sans son pertuit.	Jede Maus hat ihr Haus.
Auch die Maus vertheidigt ihr Loch.	Bleibt die Maus im Loch, so thun ihr die Katzen nichts.

Злѣйшимъ, исконнымъ врагомъ крысъ и мышей является кошка. Объ отношеніи къ нимъ кошекъ уже было не мало говорено выше, но вотъ еще нѣсколько изреченій на тотъ же счетъ:

Мышкѣ съ кошкой въ накладъ играть.
Коли миші кота не чують, то собі безпечно герцують (Малор.).
Грозить мышь кошкѣ, да издалече (да изъ подполья).
Собирались мыши коту голову отгрызть.
Мыши играютъ въ сараѣ, гдѣ нѣтъ кошки (Лаки, Закав. кр.).
Die Maus ist verloren, die mit der Katze spielt.
Jamais ne fut, ni ne sera, qu'une souris fasse son nid en l'oreille d'un chat.

Успѣшная борьба съ мышами очень трудна, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной плодовитости:

Нѣтъ года—плодливѣе мыши.

За своими мышатами мышь матка ухаживаетъ нѣжно и ихъ отъ всякой бѣды оберегаетъ; всѣмъ извѣстенъ характерный писк мышей, у которыхъ есть мышата:

Мышь-матка мышатъ водитъ и клохчетъ, какъ насѣдка.

У черкесовъ существуетъ поговорка:

Коли девять мышей вмѣстѣ потянутъ, то крышку съ кадушки стянутъ,

— но она имѣетъ очевидно исключительно иносказательное зна-

ченіе,—доказывая пользу дружной, совмѣстной работы. Крысы и мыши животныя осторожныя и всячески стараются избѣжать опасности, приберегая себѣ всякіе ходы для своего спасенія въ случаѣ преслѣдованія:

Плоха (худа та) мышь, что одинъ только ходъ (одну лазею) знаетъ.

Das ist eine arme Maus, die nur ein Loch weiss.

Die Maus, welche nur ein Loch weiss, ist bald gefangen.

Souris, qui n'a qu'un trou, est bientôt prise.

A mouse, that has but one hole, is soon caught (Мышь, у которой только одна норка, скоро попадается).

Tristo è quel sorcio che ha un sol pertuggio per solvarsi (Плоха мышь, у которой только одно убѣжище для спасенія).

Нѣмцы идутъ въ этомъ отношеніи еще далѣе и говорятъ, что плоха та мышь, которая не имѣетъ девяти норокъ:

Es ist eine schlechte Maus, die nicht neun Löcher hat.

При такихъ условіяхъ, старую, опытную мышь или крысу поймать не легко, однако, и на нихъ бываетъ, иной разъ, проруха, въ мышеловку попадаютъ и старыя мыши:

Старая крыса ловушку обходитъ.
Alte Ratten sind schwer zu fangen.
Alte Mäuse gehn auch in die Falle.

Мыши славятся своими необычайно острыми и сильными зубами,—не только дерево, но и нѣкоторые металлы онѣ могутъ перегрызть:

Не велика мышка, да зубокъ остеръ.

Особо въ этомъ отношеніи поминаются водяныя крысы:

У морской (водяной) крысы зубы остры.

Когда у ребенка выпадетъ зубъ, то дитя должно бросить его за печку, приговаривая: «мышка, мышка, на тебѣ зубъ старый, а мнѣ дай новый». У насъ совѣтуютъ даже для укрѣпленія зубовъ у дѣтей давать имъ ѣсть то, что мышь погрызла.

Есть и про мышь легенда: когда Ной передъ потопомъ взялъ въ свой ковчегъ «всякой твари по парѣ», взялъ онъ и пару мышей. Но мышь, вмѣсто того, чтобы цѣнить оказанное ей благодѣяніе, стала ковчегъ грызть и чуть было всѣхъ не потопила, да ужъ во время замѣтилъ опасность и заткнулъ собою дыру, чѣмъ и спасъ Ноя со всѣмъ, что у него въ ковчегѣ было.

Всѣмъ извѣстны существующія на всѣхъ языкахъ, начиная съ латинскаго, иносказательныя поговорки:

Parturiunt montes, nascitur una ridiculus mus.
Мучилась гора родами, да родила мышь.
Гора мышь родила.
La montagne a accouché d'une souris,

и т. п. Про всякаго, кто ни къ какому дѣлу не способенъ, говорится:

Не годится и мышей ловить.

Вслѣдствіе приносимаго мышами и крысами людямъ вреда' ихъ преслѣдуютъ и истребляютъ всѣми возможными способами: держатъ въ домѣ кошекъ, ставятъ мышеловки, кладутъ отраву, въ послѣдніе годы стали прививать имъ такъ называемый мышиный тифъ. Мѣстами для изгнанія этихъ животныхъ прибѣгаютъ еще и къ такимъ способамъ: въ Малороссіи изгоняютъ мышей изъ амбаровъ и закромовъ окропленіемъ ихъ водою, освященною на Макавея, 1-го августа; исполняя эту операцію, приговариваютъ: «мыши и крысы, не ходите сюда, васъ Маковійска вода везди побива» (Харьк. губ.). Увѣряютъ, что крысы и мыши немедленно оставятъ домъ, если пойманную мышиную самку обезобразить — отрѣзать у нея уши, хвостъ, лапку и слегка подпалить ей шерсть и въ такомъ видѣ пустить обратно въ подполье въ разсчетѣ на то, что запахъ отъ паленой шерсти разгонитъ всѣхъ мышей. Тотъ же результатъ получается, будто бы, если привязать ей къ лапкѣ небольшой кусочекъ проволоки (Витеб. губ.).

Въ Малороссіи же, чтобы избавиться отъ мышей, совѣтуютъ класть въ проѣденныя мышами дыры куски отъ дерева, пораженнаго молніей. Во Франціи изгоняютъ мышей изъ амбаровъ, поливая ихъ водою, взятою 23-го іюня до восхода солнца изъ колодцевъ или лужъ. Мѣстами, наконецъ, существуютъ знахари, которые умѣютъ силою своихъ чаръ выводить за собою изъ дому всѣхъ мышей или крысъ, которыя и идутъ за ними, какъ послушное стадо. Въ Германіи такихъ людей называютъ «крысоловами»—«die Rattenfänger». Народъ убѣжденъ, что люди, умѣющіе выводить мышей, знаютъ для этого особливое слово, которымъ они заставляютъ мышей и крысъ имъ повиноваться. Они выводятъ мышей изъ дому, съ гумна, даже изъ цѣлаго селенія и ведутъ ихъ на другое селеніе или же велятъ броситься

въ рѣку. Бо́льшею частью лица, имѣющія этотъ даръ, являются въ народномъ представленіи людьми таинственными, не извѣстно откуда пришедшими. Но бываютъ случаи, когда мыши уходятъ изъ дому и сами, только обыкновенно это—не къ добру; мышамъ, какъ и нѣкоторымъ другимъ животнымъ, приписывается даръ предвидѣть грозящую бѣду:

Мыши изъ дому выбираются—передъ пожаромъ.

Мыши бѣгутъ изъ дому, который долженъ обвалиться, крысы оставляютъ корабль, которому суждено потонуть:

Wenn die Mäuse merken, dass das Haus einfallen wird, ziehen sie aus.

Die Ratten verlassen ein Schiff, das sinken will.

Съ другой стороны, по итальянской примѣтѣ, присутствіе мышей въ домѣ—если ихъ только не слишкомъ много,—приноситъ дому счастье.

Мышамъ приписывается также способность заранѣе предвидѣть, какія будутъ осень и зима и соотвѣтственно этому запасать себѣ кормъ, располагать свое жилье и т. п. Такъ, напримѣръ, если мыши свиваютъ свои гнѣзда на самыхъ верхушкахъ полевыхъ травъ, или высоко въ бабкахъ сноповъ на поляхъ, то будетъ осень дождливая, или зима глубокая, и т. п. Объ этомъ болѣе подробно говорится въ другомъ мѣстѣ.

Мыши въ нѣкоторыхъ странахъ имѣютъ также свой праздникъ. Такъ, въ Болгаріи 27-го октября справляется «мишинъ день»; кто въ этотъ день работаетъ, у того мыши поѣдятъ все имущество.

Въ старинныхъ лубочныхъ картинахъ въ видѣ мыши изображается иногда душа человѣка: если умираетъ человѣкъ праведный, то душа у него изо рта выскакиваетъ въ видѣ хорошенькой маленькой бѣлой мышки, если же умираетъ злодѣй, то душа выходитъ въ видѣ мыши черной.

Летучія мыши играютъ большую роль въ народной медицинѣ, въ демонологіи.

Кровью летучей мыши можно уничтожить веснушки на лицѣ (Грузин.).

Въ старые годы ихъ считали непремѣнною принадлежностью жилища колдуновъ и вѣдьмъ. Выше уже было приведено по-

вѣрье, что если обыкновенная мышь поѣстъ «свяченого»—освященныхъ пасхи и кулича, то она превращается въ кожана—летучую мышь. Этимъ объясняется, между прочимъ, и обиліе вокругъ церквей летучихъ мышей, гнѣздящихся на церковныхъ колокольняхъ: на Пасху у церквей остается много крошекъ отъ пасокъ и куличей, которые приносятъ святить; обыкновенныя мыши ихъ поѣдаютъ и превращаются вслѣдъ за тѣмъ въ летучихъ.

Отмѣчается неспособность летучихъ мышей видѣть при дневномъ свѣтѣ:

Солнца ли вина, что летучая мышь въ полдень не видитъ?

— говорятъ Кюринцы Закавказскаго края.

Вотяки увѣряютъ, что у летучей мыши нѣтъ сердца, и потому она на зиму умираетъ. По ихъ повѣрью, всѣ тѣ животныя, которыя зимою не могутъ добывать себѣ пищи, по окончаніи лѣта должны умирать, потому что Богъ имъ сердца не далъ.

Про летучихъ мышей, которыя летаютъ какъ птицы, но только ночью, существуетъ у литовцевъ еще и такое повѣрье: птицу создалъ Богъ, а летучую мышь чортъ, но только не могъ сдѣлать того, чтобы она летала, и обратился за этимъ къ Богу; Богъ согласился исполнить его желаніе, но только съ тѣмъ, чтобы чортова птица летала тогда, когда Божья покоится. Быть можетъ, вслѣдствіе такого происхожденія летучей мыши, русины въ Галиціи пользуются ею, чтобы отгонять отъ скота всякую нечисть: пойманную летучую мышь убиваютъ и прибиваютъ за крылья у входа въ хлѣвъ: «тоді ніяко лихо не буде докучати худобі (Галиц.).

Разныя мелкія звѣрушки.

Поминаются изрѣдка въ народныхъ изреченіяхъ и разныя мелкія животныя, съ которыми крестьянамъ случается сталкиваться, или отъ которыхъ имъ приходится терпѣть. Въ отношеніи ихъ также существуютъ наблюденія, заслуживающія вниманія, хотя, быть можетъ, и не всегда вѣрныя. Огородники, напримѣръ, часто страдаютъ отъ *кротовъ*, которые взрываютъ огороды и наваливаютъ свои кучи въ садахъ, тамъ, гдѣ имъ совсѣмъ не мѣсто. Кроты, какъ извѣстно, почти никогда не покидаютъ своихъ норокъ и такъ какъ они всегда живутъ подъ землею, то глаза у нихъ почти совсѣмъ атрофированы, что не

мѣшаетъ имъ, однако, очень искусно располагать свои норки и брать чутьемъ, вмѣсто зрѣнія, почему крестьяне и говорятъ:

Кроту подъ дерномъ обычно.

Отсутствіе у крота зрѣнія и способность его обходиться и безъ него, отмѣчается въ нижеслѣдующихъ поговоркахъ:

И кротъ въ своемъ углу зорокъ.
Der Maulwurf hat kleine Augen, aber er sieht zu seiner Arbeit.
Was der Maulwurf nicht sieht, das riecht er.

Существуетъ повѣрье, что кротъ не всегда былъ слѣпымъ; но когда онъ въ раю сталъ портить райскія насажденія, то Богъ въ наказаніе услалъ его въ нору и опредѣлилъ, что глаза его будутъ постепенно уменьшаться; когда же кроты станутъ совершенно безъ глазъ, тогда наступитъ свѣтопреставленіе (Витебск. губерн.).

Французы замѣчаютъ, что когда кроты прозрѣютъ, а глухіе слышать начнутъ, тогда и конецъ свѣту придетъ:

Si taupe voyait, si sourd entendait—le monde finirait.

На что кроту солнечный свѣтъ, восклицаютъ нѣмцы:

Was nützt dem Maulwurf Sonnenlicht?

У крота мѣхъ хорошій, пушистый, теплый:

Кротъ—земляной медвѣдь,

— говорятъ про него крестьяне Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи. А въ Архангельской крота иначе и не называютъ, какъ «медвѣдко, земляной медвѣдко»; крестьяне тамъ крота особенно почитаютъ, приписывая ему свойство охранять домашній скотъ отъ медвѣдей; съ этой цѣлью пастухи, убивъ крота, засушиваютъ его и носятъ при себѣ. Очевидно, что тутъ мы опять въ области явныхъ предразсудковъ.

Хотя кротъ и подъ землей живетъ, однако, гдѣ онъ свои ходы копаетъ, сверху видно,—цѣлое поле иногда изроетъ:

Der Maulwurf schleicht unter der Erde, aber wo er wühlt, sieht man oben.
Ein Maulwurf unterwühlt ein ganzes Feld.

Кротъ играетъ роль и въ народной медицинѣ:

Лапка крота помогаетъ отъ глазной боли (Грузин.).

Кротовъ не любятъ за то, что онѣ насыпаютъ свои кротовины въ лугахъ, садахъ и т. п., но они имѣютъ за то ту боль-

шую заслугу, что истребляютъ массу личинокъ майскихъ жуковъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ и тѣмъ съ лихвою окупаютъ непріятность, которую они причиняютъ садоводамъ, портя внѣшній видъ садовыхъ дорожекъ и лужаекъ. Если кротъ, роя свои подземные ходы, иногда и повреждаетъ корни растеній, то самъ за то никогда растительною пищею не питается. Вслѣдствіе этого многіе совѣтуютъ садоводамъ и огородникамъ брать кротовъ подъ особую защиту и отнюдь ихъ не истреблять. Если же кротовъ хотятъ вывести изъ огорода или сада, то надо зарыть въ землю или пустить въ нору живого рака, а также перегородить нору сошною палицею; ни того, ни другого кротъ не переноситъ и уйдетъ прочь, либо околѣетъ.

Поминаютъ про *бѣлку* (иначе—векшу), отмѣчая ея необычайную подвижность и ея плодовитость, обусловливающую иногда массовое ея появленіе и передвиженіе; бѣлка тоже можетъ иногда предвѣщать несчастье:

Бѣлку ловить—ножки отбить.
Ловя бѣлки—насорить зѣнки.
Вертлява бѣлка, а не бѣсъ.
Бѣлка выходитъ въ одинъ годъ сама сороковая.
Много орѣховъ—много бѣлокъ; много бѣлокъ—много и соболей (Орочоны, Амур. кр.).
Бѣлка кочуетъ—валитъ тучей.

Изобиліе бѣлокъ въ лѣсу зыряне называютъ — «бѣличій потокъ».

Если бѣлка забѣжитъ изъ лѣсу въ деревню—быть въ деревнѣ худу.

Наименованіе «векша» или «бѣлка» придается этому звѣрку не безразлично, по крайней мѣрѣ, въ Вологодской губ. Векшей онъ называется весною и лѣтомъ, когда бываетъ въ желтой шерсти, а осенью и зимою онъ принимаетъ болѣе свѣтлую сѣрую окраску. Поэтому вологжане и говорятъ:

Векша поспѣла—стала бѣлкою (Вологод. губ.).

Въ этомъ видѣ бѣлку обыкновенно и бьютъ.

Охота за бѣлкою въ лѣсахъ («лѣшня» — на сѣверѣ и въ Сибири) составляетъ для нашихъ сѣверянъ очень важный промыселъ, въ которомъ они достигли большого искусства, умѣя, какъ извѣстно, попадать бѣлкѣ маленькою пулей прямо въ глазъ, чтобы не портить шкуры. Это же обстоятельство заставило кре-

стьянъ-промышленниковъ очень хорошо изучить бѣлокъ и различать разные виды ихъ, въ зависимости отъ ихъ свойствъ и достоинства мѣха. Такъ, есть бѣлка съ мѣхомъ бѣлаго цвѣта, очень рѣдкая; она называется «бѣлка-королекъ»; «бѣлка-краснохвостка»—низшая по качеству мѣха, съ рыжевато-краснымъ хвостомъ и такими же пятнами на спинѣ; она же называется «бѣлка-дуплянка»; «бѣлка-зырянка»—самая лучшая по качеству мѣха, водящаяся въ Запечорскомъ краѣ и преимущественно промышляемая зырянами; «бѣлка-Петровка»—лѣтняго убоя, съ мѣхомъ самаго плохого качества. Къ зимѣ мѣхъ у бѣлки, какъ и у многихъ другихъ животныхъ, не только улучшается качественно, становится болѣе пушистымъ и густымъ, для лучшаго предохраненія животнаго отъ зимней стужи, но и мѣняетъ цвѣтъ. Бѣлка, еще не принявшая вполнѣ своего зимняго одѣянія, еще рыжеватая, не дошедшая до сѣро-голубоватаго (бусоваго) цвѣта, называется у архангельскихъ промышленниковъ «вашкой», а про бѣлку, которая мѣняетъ свой мѣхъ съ лѣтняго на зимній, говорятъ, что она «вачится, бусѣетъ». Къ тому времени, когда бѣлка «высѣетъ», т. е. мѣхъ ея приметъ окончательный зимній цвѣтъ и доброту, бѣлка «идетъ по ели» — переходитъ въ половинѣ ноября изъ лиственныхъ лѣсовъ въ еловые (Архан. губ.). Однѣ бѣлки отличаются большою подвижностью, постоянно бродятъ. перепрыгиваютъ съ дерева на дерево, почему и называются «бѣлки ходаки»; другія, напротивъ, менѣе подвижны, ведутъ сидячій образъ жизни,—это «бѣлки сидячія».

Очень вреднымъ маленькимъ животнымъ представляется *хорекъ*, Особенно отъ него страдаютъ куры:

Хорь-воръ, потаскалъ куръ.
Хорекъ умудрится—вездѣ пролезетъ.

Ласки, которыя вредны въ курятникахъ тѣмъ, что онѣ будто бы выпиваютъ куриныя яйца, по мнѣнію русинъ, полезны въ скотныхъ дворахъ:

Де в стойни є ласиці, тамъ худоба веде ся,

—гдѣ въ хлѣву есть ласка, тамъ водится скотина, говорятъ они. Каждая корова имѣетъ свою ласку-покровительницу: какой масти корова, такая у ней и ласка; если ту ласку убить, то и корова вслѣдъ за нею издохнетъ.

Поѣдаетъ ласка и мышей, для поимки которыхъ прибѣгаетъ къ разнымъ хитростямъ, притворяется мертвой и т. п.

Il faut se défier même d'une belette morte (la belette simule la mort pour attirer les souris).

Французы считаютъ, однако, что ласки приносятъ счастье дому,—если же убить ласку, у которой есть дѣти, то весь выводокъ на домъ нападетъ и все бѣлье въ шкапахъ поѣстъ, — нѣтъ тогда отъ нихъ никакого спасенья:

Les belettes portent bonheur dans la maison.
Si l'on tue une belette qui a des petits, toute la nichée vient manger le linge jusque dans les armoires des maisons.

Тѣ же французы увѣряютъ, что ласки умѣютъ предохранять себя отъ яда змѣи гадюки; въ случаѣ укушенія гадюкой, ласка жуетъ листья чертополоха (Onopordon Acanthium) или стебли желѣзника (Verbena officinalis).

Une belette se prèserve des effets du venin de la vipère en machant, lorsqu'elle est mordue, des feuilles de pets-d'âne ou des tiges de verveine.

Про *горностая* существуетъ у нѣмцевъ повѣрье, что онъ радуется, когда его хвалятъ:

Wieselchen freut sicht, wenn es gelobt wird.

Есть еще поговорки про куницъ, про соболей. *Куница* уничтожаетъ голубей, лазитъ къ нимъ и безъ лѣстницы въ голубятню:

Der Marder braucht keine Leiter zum Taubenschlage.

Свое гнѣздо куница держитъ въ чистотѣ:

Der Marder hält sein Nest rein.

Къ куницамъ, мѣхъ которыхъ на рынкахъ цѣнится довольно высоко, примѣняется въ Вологодской губерніи изреченіе о мѣстной дешевизнѣ и дороговизнѣ провоза:

За моремъ куницы дешевы, да провозъ дорогъ.

Французы увѣряютъ, что если куница заберется въ голубятню, то голуби ее покидаютъ: чтобы заставить ихъ назадъ вернуться, нужно въ ней повѣсить мертвую лисицу:

Quand une fouine est entrée dans un colombier, les pigeons l'abandonnent; pour les faire revenir, on y suspend un renard mort.

Цѣнныхъ *соболей* бьютъ сѣрые промышленники, въ овчинныхъ тулупахъ:

Сидимъ на овчинѣ, а бьемъ соболей.
На овчинѣ сидитъ, а про соболей сказываетъ.

Другая поговорка говоритъ, однако, иное:

На рогожѣ сидя, о соболяхъ не разсуждаютъ.

Идти на охоту за соболемъ называется въ Сибири «соболевать»; идти на охоту вообще — «звѣревать», въ частности за лѣсною дичью — «лѣсовать». Мѣхъ животныхъ, который и составляетъ въ Сибири главную цѣль промышленной охоты вообще — называется «пушной товаръ» и даже просто «товаръ». Сплошныя лѣсныя пространства, въ которыхъ совершается такая охота называются: «урманы»,— откуда выраженія — «урманный промыселъ», добыча пушного звѣря (и птицы), «урманщикъ» — охотникъ-промышенникъ.

Про *ежа* существуетъ много разныхъ сказокъ и повѣрій; наиболѣе извѣстенъ изъ нихъ распространенный у всѣхъ народовъ разсказъ про то, какъ ежъ съ ежихой побились съ зайцемъ объ закладъ, кто быстрѣе бѣжитъ — заяцъ или ежъ, и выиграли пари, обманувъ добродушнаго звѣрька — на одномъ концѣ поля выскакивалъ передъ зайцемъ ежъ, а на другомъ ежиха, которыхъ заяцъ различить не могъ, почему и призналъ себя побѣжденнымъ. Вотяки считаютъ ежа вообще очень умнымъ звѣремъ, увѣряя, что онъ научилъ человѣка огонь высѣкать, землю пахать и т. п., но при какихъ обстоятельствахъ это произошло — неизвѣстно. Русины въ Галиціи приписываютъ ежу слѣдующій способъ заготовленія себѣ провіанта на зиму:

Іжак у осени иде до саду, вилізе на яблінку, натрясе яблок, а потім обкачав ся по тих яблоках, постромляе іх повно на свої шпички (натыкаетъ яблоки на свои иглы) і несе до нори, тай ість у зимі.

Тѣ же русины пользуются шкурою ежа, чтобы отбить телятъ отъ коровъ: съ убитаго ежа сдираютъ шкуру и подвязываютъ ее теленку на лобъ; когда теленокъ захочетъ сосать корову и уткнется ей лбомъ въ животъ, то корову иглы станутъ колоть, она отпихнетъ теленка отъ себя и больше не подпуститъ.

Про *выхухоль* упоминаютъ, чтобы отмѣтить ея непріятный запахъ, котораго она, однако, не чувствуетъ:

И хохуля себя не хулитъ, даромъ что воняетъ,

— эта поговорка имѣетъ болѣе смыслъ иносказательный,—никто своихъ недостатковъ не сознаетъ.

Копаясь въ землѣ, крестьянинъ находитъ иногда кости какихъ-то чудовищныхъ невѣдомыхъ существъ, — не то людей великановъ, не то животныхъ. Смоетъ иногда въ половодье рѣка крутой обрывъ у берега и обнаружитъ чуть ли не цѣлый скелетъ какого-то звѣря, съ клыками, съ зубами, безъ малаго въ пудъ вѣсомъ каждый. Такія находки, очевидно, не могутъ не производить впечатлѣнія на мужика. Печерскій удостовѣряетъ, что въ Среднемъ Поволжьи крестьяне считаютъ кости допотопныхъ животныхъ — остатками волотовъ. *Волотъ* — это великанъ, сказочный богатырь, который жилъ во времена стародавнія и былъ покровителемъ земледѣлія. Въ Сибири существуетъ повѣрье, что цѣлый народъ такихъ волотовъ нѣкогда заживо ушелъ въ землю... Къ остаткамъ вологовъ крестьяне и теперь относятся съ уваженіемъ и растаскиваютъ ихъ къ себѣ въ дома по частямъ, для счастья и спорины въ хозяйствѣ. Въ послѣдніе годы за такими находками, однако, слѣдитъ полиція и требуетъ чтобы крестьяне представляли ихъ «по начальству». Но многія изъ этихъ цѣнныхъ находокъ и до сихъ поръ ускользаютъ отъ вниманія людей науки.

На сѣверѣ Сибири, гдѣ, какъ извѣстно, весьма часто находятъ остатки мамонтовъ, а иногда и цѣлые костяки ихъ, даже со шкурою и мясомъ, на счетъ нихъ существуетъ любопытное мнѣніе: сибиряки думаютъ, что мамонты и доселѣ живутъ, какъ кроты подъ землей, и умираютъ, приближаясь къ поверхности; поэтому, живого мамонта никогда и не находили, а только однѣ кости:

Мамонтъ-звѣрь, ходитъ подъ землей, какъ рыба въ водѣ, если выйдетъ въ яръ, то умираетъ.

Мамонтъ можетъ и живого звѣря увести къ себѣ подъ землю Разсказываютъ про это въ Сибири такой случай. Одинъ человѣкъ привязалъ коня къ мамонтову рогу, торчавшему изъ земли, принявъ его за пень, а рогъ то былъ отъ живого мамонта;

когда человѣкъ воротился, коня уже не было, его увело подъ землю вмѣстѣ съ рогами. Въ дѣйствительности, конечно, въ отсутствіе хозяина воры украли лошадь, да за одно унесли и цѣнный мамонтовъ рогъ.

У русскихъ поселенцевъ въ Забайкальи существуетъ легенда, связывающая исчезновеніе мамонта съ всемірнымъ потопомъ. Когда Ной передъ потопомъ по Божьему велѣнью построилъ ковчегъ и взялъ въ него представителей всѣхъ животныхъ, — и четвероногихъ, и птицъ, и пресмыкающихся, — одинъ мамонтъ не захотѣлъ туда войти, понадѣялся на свой ростъ да на силу,—думалъ—и такъ процлыву. Долго онъ плавалъ, наконецъ, когда потопило горы и лѣса, птицамъ негдѣ было сидѣть, стали онѣ садиться къ нему на рога. Долго онъ плавалъ еще и съ птицами; наконецъ, ихъ стало садиться все больше и больше, силы мамонту измѣнили и онъ, недоплававъ всего лишь нѣсколько дней до спада водъ, потонулъ. Съ тѣхъ поръ и перевелись мамонты на землѣ.

Извѣстно, что поиски мамонтовыхъ клыковъ составляютъ на сѣверѣ Сибири очень важный промыслъ. Случается иногда добыть клыки вѣсомъ до 6 пудовъ, но уже и въ три пуда клыкъ считается хорошею находкой. Мамонтовы рога (клыки) идутъ на разныя подѣлки, ихъ точатъ и рѣжутъ, какъ слоновую кость. Но, кромѣ того, изъ нихъ дѣлаютъ и амулеты: мамонтову кость носятъ на себѣ, для счастья.

IX.

ВОЛЬНОЕ ПЕРНАТОЕ ЦАРСТВО.

Птицамъ воздухъ...

Съ ранней весны птицы наполняютъ лѣса и поля, раздается въ воздухѣ ихъ веселое щебетаніе, наступаетъ для нихъ и время брачной жизни, когда самцы передъ самками либо своимъ перомъ красуются, либо звонкимъ пѣніемъ ихъ прельщаютъ; затѣмъ наступаетъ пора выводки птенцовъ, потомъ пичужки замолкаютъ, питаются, большинство къ отлету готовится, а тамъ и отлетаетъ въ теплыя страны, въ вырай, оставляя намъ на зиму лишь немногихъ своихъ представителей. Этими главнѣйшими моментами опредѣляется и вся жизнь вольнаго пернатаго царства, различные представители котораго имѣютъ между собою много общаго, имѣютъ и свои особенности, о которыхъ будетъ сказано ниже. Имѣютъ птицы не мало и враговъ, между которыми первый—человѣкъ, отъ преслѣдованія котораго всего труднѣе имъ уберечься,—и между звѣрями четвероногими и иными, и между своими же сородичами—хищниками, отъ которыхъ также не легко имъ укрыться. Приходится имъ, какъ и всей прочей твари, и о пропитаніи своемъ заботиться—какъ птичка ни мала, однако, безъ ѣды ей не прожить, а по своей величинѣ она ѣсть даже, сравнительно, очень много.

Нѣтъ птички, чтобы пѣла, да не ѣла.
Соловей пѣснями не сытъ (Бѣлор.)
Ein Spatz (воробей) frisst mehr im Jahr, wie ein Mensch.

Хотя поговорки и говорятъ, что

Птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ (не орутъ), а сыты живутъ,
Die Vögel säen und ernten nicht, und werden doch satt,
Die Vögel singen, und haben weder Korn, noch Geld,
По крупицѣ птица собираетъ, а сыта бываетъ,
Птушечка и мушечкой сыта,
Пташечка и сѣмечкомъ сыта наѣдается,
Пташка теребитъ сережку на березкѣ,
Клюетъ птичка, да и то сыта живетъ,

— однако, не легко и птицѣ пропитаніе свое находить, да еще и дѣтей прокармливать, а потому, въ концѣ концовъ, и птицѣ житье не такое веселое да легкое, какъ можно бы думать, глядя на ихъ вѣчное порханье, слушая ихъ веселое чириканье. Хлопотъ да заботъ и у Божьей пташки полонъ ротъ.

Клюетъ птичка кормъ своимъ клювомъ, и не жуетъ пищи, а цѣликомъ ее глотаетъ, и свой зобъ наполняетъ, откуда уже пища проходитъ въ желудокъ:

Всякая птичка своимъ носомъ сыта.
Всякая птичка свой зобокъ набиваетъ.
Не жуетъ птица, а цѣлкомъ глотаетъ.
Kazdy ptaszek swojim noskiem zyje. (Польск.—Каждая птичка своимъ носкомъ живетъ).
Es ist kein Vöglein, es sei noch so klein, es muss brauchen sein Schnäbelein.
Зобъ кривъ—сыта птичка.
Голодна птаха—и зобъ на сторонѣ.

Въ двухъ послѣднихъ, очень старыхъ русскихъ изреченіяхъ, замѣчается противорѣчіе.

Птичкѣ, чтобы досыта наѣсться, надо рано просыпаться:

Ранняя пташка носокъ прочищаетъ (наклевалась), а поздняя крылышки поправляетъ, (глаза протираетъ).
Рання пташка пшеничку клюе, а пизня—очки дере (Малор.).
Рання пташка пісни спивае, а пизня—очи протирае (Малор.).
Рання пташечка зубцы тэребыть, а пизня — очки колупыть (Волын. губ.).
Какая пташка раньше проснулась, та скорѣе и корму нашла.
Рано птица съ гнѣзда поднялась, сытнѣе птенцовъ накормила.
Ранні пташки росу пьютъ, а

пизні — слізки льютъ (Подольск. губ.).

Der erste Vogel bekommt das beste Korn.

Der Vogel, welcher am frühsten auf ist, findet das erste Korn.

Die frühe Krähe kratz die Zähne, die Späte—die Augen.

Однако, съ ранняго утра птичкѣ радоваться не слѣдуетъ, какъ бы бѣды какой не приключилось:

Рано пташка запѣла, какъ бы кошка не съѣла.

Früh singende Vögel holt die Katze.

Den Vogel, der früh singt, frisst abends die Katze,

Vögel, die zu lustig sind, kriegt die Katze.

Летаетъ птица благодаря своимъ двумъ крыльямъ и всему своему строенію, при чемъ полетъ у разныхъ птицъ различенъ.

Безъ крылъ—птица комъ.

Птицѣ крылья не въ тягость.

Птичку за крылья не хвалятъ.

Куда воронови ни литаты, то треба крыламы махаты (Волын. губ.).

Досыть ворони на одному крыли летаты, нехай ще й другe ій поможе (Волын. губ.).

The bird feels not its wings heavy (Птицѣ крылья не тяжелы).

Oiseau ne peut voler sans ailes.

Однако, чтобы летать, птицѣ надо дождаться, чтобы перья на крыльяхъ выросли, да научиться ими владѣть, и то не всѣ птицы, имѣющія крылья, летать умѣютъ:

И птица, высидѣвъ да выкормивъ птенца, его летать учитъ.

Der Vogel fliegt nicht eher, als bis ihm die Flügel gewachsen sind.

Ehe die Federn gewachsen sind, geht es mit dem Fliegen nicht.

Wenn den Vögeln die Federn gewachsen sind, fliegen sie von selbst aus dem Nest.

Всѣ птички крыльями машутъ, да не всѣ летаютъ (Бѣлор.).

Летаютъ птицы съ различной быстротой и на разную высоту, но далѣе извѣстнаго предѣла не залетитъ никакая птица:

Куда орли літаютъ, туды сороки не пускаютъ (Малор.).

Ни одна птица не облетитъ (не обгонитъ) кречета.

Далеко журавль летаетъ, а и ему есть притинь (предѣлъ).

Залетѣла птица выше своего полета...

И соколъ выше солнца не летитъ.

Der Falke fliegt hoch, aber nicht über ide Sonne.

Der Vogel fliegt nicht höher, als die Flügel ihn tragen.

Es ist kein Vogel im Himmel geflogen, wie hoch er auch geflogen ist.

У всѣхъ птицъ есть крылья, но не всякая полетитъ такъ высоко, какъ орелъ (Датск.).

Nicht alle Vögel fliegen bis in die Wolken.

Какъ бы высоко птица ни залетала, ей надо подъ конецъ на землю опускаться:

Kein Vöglein flog so hoch, er kam wieder auf Erden.
Es fliegt kein Vogel so hoch, er setzt sich zuletzt auf die Erde.
Hochfliegende Vögel müssen sich auch von der Erde nähren.
Полетъ хорошъ—какова то сидѣлка будетъ?

Какъ бы далеко птица ни залетала, а въ гнѣздо вернется:

Wie weit der Vogel fliegt, er kommt zum Nest zurück.
Fliegt der Vogel noch so fern, er kommt zu seinem Nest zürück.

Птица съ подрѣзанными крыльями высоко не полетитъ:

Ein Vogel, dessen Flügel beschnitten sind, fliegt nicht hoch.

Птицамъ же, которыя не летаютъ, и кормиться трудно:

Wenn der Vogel nicht fliegt, auch der Vogel nichts kriegt.

При полетѣ птицъ, какъ и при плаваніи рыбъ, хвостъ замѣсто руля служитъ; онъ же составляетъ птицѣ украшеніе:

И птица, и рыба хвостомъ правятъ.
Безъ хвоста и пичужка не красна.

Съ періодомъ брачной жизни совпадаетъ и періодъ самаго красиваго оперенья самцовъ, а также періодъ ихъ пѣнія, который заканчивается съ окончаніемъ выводки птенцовъ, и даже еще ранѣе. Про опереніе птицъ уже было говорено выше, у разныхъ породъ птицъ оно очень различно и даже у птицъ одной породы иногда нѣсколько варьируетъ; только про сорокъ говорится, что онѣ родятся перо въ перо:

Въ одно перо и птица не родится.
Только сорока перо въ перо родится.

Нѣмцы замѣчаютъ, что птицы, у которыхъ самое красивое перо, имѣютъ плохое мясо и, обыкновенно, поютъ плохо:

Am Schwanze kann man sehen, was für ein Vogel es ist.

Schöne Vögel singen selten schön.

Ferne Vögel haben feine (schöne) Federn (то же, что наше «славны бубны за горами»).

Die Vögel mit den schönsten Federn haben das schlechste Fleisch (Голланд.).

Auch dem Spatz gefällt sein Gefieder.

Die Federn sind oft besser als der Vogel.

Поетъ каждая птица по своему, и каждой ея пѣніе нравится.

У всякой пичужки свой голосокъ.

Какъ птица родилась, такъ она и поетъ.

Всякая птица свои пѣсни поетъ: кто чѣмъ можетъ, тѣмъ хлѣбъ достаетъ.

Не велика птичка, да голосиста (да ноготокъ востеръ).

Chaque oiseau gazouille comme il est embecqué.

Der Vogel singt zu jeder Frist, wie ihm der Schnabel gewachsen ist.

Was für ein Vogel, das hört man am Gesang.

Die kleine Vögel singen schöner, als die grosse Gans.

Es sperrt kein Vogel den Schnabel weiter auf, als er kann.

Jeder Vogel hält sein Lied für schön.

Всякая птица своимъ пѣніемъ услаждается (Арабск.).

Jeder Vogel lobt sein Gesang.

Молодыя птички отъ старыхъ пѣнье перенимаютъ, но хорошая птица сама собою пѣть учится и поетъ обыкновенно только одну пѣсню во всю жизнь.

Die jungen Vögel singen das Lied der Alten.

Ce que chante la corneille, chantera le cornillon.

Ein guter Vogel lernt (singen) von sich selbst.

Le bon oiseau se fait de lui-même.

Vögel singen wie sie wissen.

Der Vogel weiss nur ein Lied.

Ein jeder Vogel singt sein Gesang, heut, morgen, und sein Leben lang.

Не каркивалъ соловей по вороньему.

У вороны одно свое — кра!

Голоса и пѣнье различныхъ птицъ русскій народъ характеризуетъ такъ:

Соловей свищетъ, щелкаетъ, жаворонокъ заливается, чижикъ чирикаетъ, а щеголъ и ласточка щебечутъ.

Соловей сосвищетъ, жаворонокъ споетъ, а ворона скаркаетъ.

Тетеревъ бормочетъ, сорока сокочетъ, журавль курлыкаетъ, сойка тарантитъ, выпь кричитъ (зѣваетъ), голубь воркуетъ, канарейка и соловей поютъ, ворона каркаетъ, цыпленокъ щебечетъ.

По пѣнью различаютъ птицъ, и на ихъ же пѣнье ловцы идутъ, вслѣдствіе чего у насъ говорится, что птица себѣ на бѣду поетъ.

Птица поетъ — сама себя продаетъ.

Пѣвчая птица прежде погибаетъ.

Всякая птица отъ своего языка пропадаетъ.

Wo der Vogel singt, da ist das Nest nicht weit.

Нѣмцы замѣчаютъ, что птицы, которыя много поютъ, рѣдко бываютъ жирными, и, наоборотъ, у жирныхъ птицъ пѣсни худыя.

Vögel, die viel singen, sind selten fett.
Fette Vögel singen mager.

У насъ, напротивъ того, поговорка говоритъ иначе, но, очевидно, что она имѣетъ смыслъ другой, скорѣе иносказательный:

Отъ худой птицы худыя и пѣсни (и вѣсти).

Каждая птица поетъ въ свое время,— чѣмъ раньше съ весны птицы запѣваютъ, тѣмъ раньше онѣ и пѣть перестаютъ.

Jeder Vogel singt zu seiner Zeit.
Frühsingende Vögel haben bald versungen.
Vögel, die zu früh singen, hören bald auf.

Какъ уже сказано, птицы обыкновенно перестаютъ пѣть тогда, когда выведутъ своихъ птенцовъ.

Wo die Vögel selten sind, singt auch die Rabe schön,

— гдѣ птицы рѣдки, тамъ и воронье карканье нравится, замѣчаютъ нѣмцы.

Птичій языкъ знаетъ птица,

говорятъ сарты Туркестанскаго края; однако, и люди стремятся смыслъ птичьяго языка разгадать, стараясь уловить въ немъ звуки человѣческой рѣчи. Прислушиваясь къ щебетанью птицъ, къ своеобразнымъ звукамъ, издаваемымъ пернатыми разныхъ породъ, люди улавливаютъ въ нихъ какъ бы слова, приноровленныя либо къ характеру птицъ, либо къ различнымъ моментамъ жизни и дѣятельности ихъ, либо къ разнымъ легендамъ, связываемымъ съ тѣми или другими птицами; такимъ образомъ, всѣ народы создаютъ себѣ словарь птичьяго языка, представляющій нѣкоторый интересъ, почему мы здѣсь и приведемъ примѣры того, что народъ думаетъ слышать въ пѣньи окружающихъ его представителей пернатаго царства.

Воробей сидя на крышѣ, въ морозъ кричитъ: «чуть живъ, чуть живъ», а въ оттепель: «я большой, я большой». Когда ястребъ гонится за воробьемъ, воробей въ испугѣ, распростерши крылья, кричитъ «царь, царь!», спасшійся же воробей кричитъ радостно «живъ, еще живъ», или бранится «жидъ, жидъ».

Иволга кричитъ: «удилъ, да вынулъ»; или еще допрашиваетъ: «ты видѣлъ, видѣлъ»?

Синица весною и передъ наступленіемъ весны перемѣняетъ

голосъ: «якъ въ три мо̀лота синица содитъ къ весни». Поетъ синица въ февралѣ: «въ пуни свѣтится, свѣтится; мужикъ, носи сѣно, да не труси». Позже, ближе къ веснѣ, синица поетъ «куй, мужикъ, лемяши; мужикъ, куй, лемяши» (Смолен. губ.).

Малороссамъ въ пѣньи синицы слышится: «Покинь візъ, покинь візъ, возьми сани» — ніби синиця такъ каже въ осени. «Діду, діду, сій ячмінь, кидай сани, бери візъ» — ніби пташка на весні щебече (Малор.).

Конюхъ (родъ хищной птицы) кричитъ: «пить, пить», или «чаю, чаю»; конюху всегда пить хочется, потому что онъ можетъ пить только одну дождевую воду.

Чибисъ кричитъ: «чьи вы, чьи вы» и съ любопытствомъ облетываетъ всякаго, кто забрелъ на его болото; чибисовъ у насъ стрѣляютъ рѣдко, потому они не особенно пугливы. Кромѣ того, чибисъ еще презрительно насмѣшливо бранится: «вшивикъ, вшивикъ»...

Дергачъ погоняетъ: «тпрусь, тпрусь»:

Ласточка — святая птица — поетъ молитву: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ». Весною ласточка, завидя выѣхавшихъ въ поле на рабету мужиковъ, сочувственно имъ поетъ: «мужики у поля, мужики у поля, а бабы за яешню» (яичницу дома жарятъ).

Тетеревъ поетъ: осенью — «продамъ балахонъ, куплю шубу»; весною — «продамъ шубу, куплю балахонъ».

Когда зацвѣтаетъ гречка и поле покрывается бѣлымъ ковромъ, куликъ летаетъ надъ нимъ и въ отчаяніи кричитъ «по-о-о-гыбъ, по-о-о-гыбъ», думая, что выпалъ снѣгъ и зима пришла (Черниг. губ.).

Овсянка запѣла веснянку: «покинь сани, возьми вѳзъ». Овсянка-самецъ поетъ: «мужики, мужики, точите сошники, пора пахать»; самочка: «старыя старушечки, чистите черепушечки». Въ данномъ случаѣ наблюдательность народа ему измѣняетъ: пѣнье овсянки въ дѣйствительности этихъ звуковъ совсѣмъ не напоминаетъ, а самка и вовсе не поетъ; вѣроятно, тутъ овсянка спутана съ какою-нибудь другою птицею. Птичники передаютъ пѣсню овсянки словами «фись, фись, фись, свѣтись», что вполнѣ звукоподражательно.

Перепелъ на разныхъ языкахъ говоритъ различно; по-русски: «вотъ ведетъ, вотъ ведетъ». Или еще: перепела кричатъ съ вечера до бѣла «полно спать, полно спать». Крикъ перепела

воспроизводится у насъ и такъ: «досыть, бабы, шить, надо полоть: подь полоть, шить, полоть, вава»... Однако, по народнымъ примѣтамъ, не каждый годъ въ пѣньи перепела преобладаетъ звукъ: «подь полоть, шить, полоть»,— иногда онъ больше «вавакаетъ», и тогда горе бабамъ — ленъ бываетъ плохой.

По французски перепелъ приказываетъ долги платить: «paie tes dettes, paie tes dettes». У нѣмцевъ перепела въ іюлѣ зовутъ жнецовъ въ поле жать: «kommt schneiden, kommt schneiden, ihr bekommt fünf Pfennig, fünf Pfennig».

Ворона кричитъ: «урода, урода, капейка, капейка! украли, украли!» зимою ворона жалуется, сидя на замерзшемъ навозѣ: «калачь, калачь! Не укалупишь!..

Журавли, пролетая весною надъ пахаремъ, критикуютъ своимъ курлыканьемъ его работу: «мужикъ скривилъ, мужикъ скривилъ»....

Садовая горихвостка хвастливо выкрикиваетъ по утреннимъ и вечернимъ зорямъ: «я у Питерѣ была, Питеръ видѣла»....

Сивоворонка кричитъ: «трава, трава».... въ это время въ полѣ трава въ ростъ идетъ и скотъ выходитъ на пастбу.

Удодъ живетъ въ нехорошихъ мѣстахъ, гдѣ лѣшій и всякая нечистая сила пребываетъ; онъ предупреждаетъ объ этомъ своимъ крикомъ, который считается зловѣщимъ: «худо тутъ, худо тутъ»....

Пѣвчій дроздъ поетъ: «свинина, псина... досыть солонина»...

Сойка съ любопытствомъ всѣхъ допрашиваетъ: «какъ? какъ»?

Очень много звукоподражаній пѣнью соловья, которое, въ виду сложности его трелей, воспроизвести словами довольно трудно. Приводимъ только два изъ нихъ, одно малороссійское: «А въ лядзѣ, въ лядзѣ мужикъ сало пёкъ, пёкъ, пёкъ; круцивъ, круцивъ, — ррр., сало копъ, копъ, копъ, кусь»... и другое, болѣе служное, русское: «мужикъ, мужикъ (скоро), Сидоръ, Сидоръ (протяжно) сала, сала, (протяжно) пёкъ, пёкъ, (перемѣна голоса, грубѣе), — крутилъ, крутилъ, палилъ, палилъ, тякетъ, тякетъ, ѣшь, ѣшь, (перемѣна голоса) — горячо, горячо... и т. д.

Много еще такихъ звукоподражательныхъ интерпретацій говора птицъ создаютъ чуткій слухъ и фантазія деревенскаго жителя. Чуть ли не каждой птицѣ приписываются свои особливыя рѣчи, воспроизводящія звуки ея пѣнья въ связи съ тѣми условіями, при которыхъ оно происходитъ. Желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ отсылаемъ къ книгѣ В. Н. Добровольскаго, «Смоленскій Этнографическій Сборникъ», часть IV, въ которой

ему посвящена цѣлая глава: «Звукоподражанія въ народной поэзіи».

Въ первой части нашего собранія уже были приведены, по отдѣльнымъ мѣсяцамъ и днямъ, данныя о прилетѣ и отлетѣ птицъ. Всѣхъ, относящихся до сего изреченій, здѣсь повторять нѣтъ надобности, но нѣкоторыя придется привести вновь, для характеристики этихъ важныхъ явленій въ жизни пернатаго царства, во всей ихъ совокупности.

Пошла выволока (пролетъ птицъ), такъ не зѣвай,

— примѣчай, когда и какія птицы прилетаютъ, чтобы судить о томъ, что ихъ прилетъ предвѣщаетъ, чтобы на прилетѣ охотиться за тѣми, которыя представляютъ цѣнную дичь, чтобы слѣдить за тѣмъ, какъ постепенно наполняется лѣсъ голосистыми пѣвцами.

Чай, примѣчай, куда чайки летятъ (Арханг. губ.),

— чайки вѣстники весны, а по направленію ихъ лета поморы судятъ о ходѣ рыбы въ морѣ.

Зиму птицы, отлетающія изъ холодныхъ странъ, проводятъ въ тепломъ краю, причемъ гонитъ ихъ отъ насъ не столько холодъ, который большинство птицъ хорошо переноситъ, сколько отсутствіе корма; тѣ птицы, которыя могутъ находить себѣ кормъ зимою, отъ насъ и не улетаютъ. Про ту страну, куда на зиму отлетаютъ птицы (и уползаютъ змѣи, которыя въ дѣйствительности никуда не уползаютъ, а прячутся въ норахъ и цѣпенѣютъ), существуетъ въ народѣ фантастическое представленіе. Это *вырай* или *ирей*,— сказочная страна, гдѣ-то далеко у теплаго моря, гдѣ зимы не бываетъ и птицамъ житье привольное. Изъ вырая птицы весною улетаютъ поочередно, какъ какой показано; послѣднею улетаетъ оттуда и первою возвращается кукушка, которая служитъ въ вираѣ ключницею; послѣ улета всѣхъ птицъ ей надо вырай запирать, а осенью его отпирать въ ожиданіи прилета пернатыхъ гостей. Малороссы говорятъ: «Ракша клюшница одъ вирію — раньше всіхъ летить у вирій, а пислі усѣхъ виртаецця. Другі кажуть, що соя (сойка) клюшница» (Малор.).

Насчетъ того, какая птица первой прилетаетъ весною, мнѣнія тоже различны. Такъ, по примѣтамъ малороссовъ, раньше всѣхъ прилетаетъ жаворонокъ:

Жаворонокъ раньше всѣхъ, еще на провеснѣ, изъ вырая въ степь прилетаетъ (Малор.).

Первый жаворонокъ на пригрѣвѣ садится.

Настовицы (чибисъ, пиголица) прилетаютъ ранѣе другихъ птицъ (еще до схода снѣга и держатся по насту).

Синочка (синичка, трясогузка) прилетаетъ ледъ долбить (Сибир.),

— синичка (трясогузка) прилетаетъ передъ проходомъ льда.

Kommt die Weihe (коршунъ) gezogen, so ist der Winter verflogen.

Ласточка весну начинаетъ (соловей лѣто кончаетъ).

Хотя одна ласточка весны не дѣлаетъ, но по прилету ласточекъ, жаворонковъ, аистовъ и нѣкоторыхъ другихъ птицъ уже можно заключить, что скоро лѣто настанетъ:

Одна ласточка весны не дѣлаетъ.

Една ластивка ни робыть (ни чинить) весны (Малор.).

Первой касаткѣ не вѣрь.

Одной ласточкѣ не радуйся.

Щебетанье одной ласточки весны не дѣлаетъ (Грузинск.).

Quand le printemps arrive, le merle chante avec la grive.

Quel temps qu'il fasse, en fait d'oiseaux prèfere la pie au corbeau (сорока прилетаетъ съ наступленіемъ весны).

Zehn Raben machen keinen Winter, und eine Schwalbe keinen Frühling.

Eine Schwalbe macht den Frühling nicht.

Une hirondelle ne fait pas le printemps.

Una hirundo non fa primavera (тоже).

Die Lerchen verkünden den Frühjahr.

Die ersten Schwalben bringen noch keinen Sommer.

An den Schwalben merkt man, dass es Sommer ist.

L'hirondelle aux champs amène joie et printemps.

Ein Storch macht keinen Sommer.

Eine Lerche die singt, noch keinen Sommer bringt, doch rufen Kuckuk und Nachtigall, so ist es Sommer überall.

На наблюденіяхъ за весеннимъ прилетомъ птицъ основывается множество примѣтъ на погоду и урожай, но онѣ приводятся въ другомъ мѣстѣ и потому здѣсь на нихъ останавливаться нѣтъ надобности.

Первая забота птицы по прилетѣ — найти себѣ дружку:

Голубецъ гукае, якъ парі шукае (Малор.),

чтобы вдвоемъ гнѣздо вить, да птенцовъ водить:

Одна ласточка гнѣзда не вьетъ.

Птицы, у насъ зимовавшія, тоже съ весны начинаютъ вить

гнѣзда, либо подновлять старыя, и только одна кукушка гнѣзда не вьетъ, свои яйца въ чужія гнѣзда кладетъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Мало-по-малу птица гнѣзда свиваетъ.
Petit à petit l'oiseau fait son nid.
Nach und nach macht der Vogel sein Nest.
Ein Paar Vogel bauen eher ein Nest, als einer.
Лѣнива та птица. которая не хочетъ сама себѣ гнѣздо строить (Датск.).
Птица лѣсная и болотная выводитъ дѣтей въ крѣпяхъ.
Оттого кукушка по чужимъ гнѣздамъ бѣдуетъ, что своего нѣтъ.
Der Vogel baut erst das Nest, ehe er die Eier legt.
Wenn das Nest fertig ist, legt der Vogel seine Eier.
Dem blinden Vogel baut Gott das Nest.
Dem Vöglein, das dem Ei entshlüpft ist, macht Gott das Nest (?)

Каждая птица заготовляетъ себѣ гнѣздо по своему и сама же его чиститъ и холитъ:

По гнѣзду и птицу знать.
Малыя птички свиваютъ и малыя гнѣзда.
Malỳch ptaków male gniozda (Польск. — У малыхъ пташекъ — малыя гнѣзда).
Ласточка лѣпитъ гнѣздо (пчела — соты).
Двумъ птичкамъ, которыя на одномъ деревѣ гнѣздо свили, заботъ много (Шведск.).
Kleiner Vogel — klein Nest, und lebt sowohl darinnen als ein Grosser im grossen Nest.
Jeder Vogel rüstet (reinigt) sein Nest.
Es ist kein Vöglein so klein, sein Nest will haben fein und rein.
Tel oiseau — tel nid.
Wie der Vogel, also das Nest.
Wie der Vogel, so baut er auch sein Nest.
Das Nest verräth den Vogel.
Ein Vogel baut das Nest nicht wie der Andere.
Eigen Nest ist das Best.
Gutes Nest, guter Vogel.
Am Nest sieht man schon, was für Vogel darinn ist.
Auch ein Sperling findet ein Haus für sich.
Einerlei Vogel haben auch einerlei Neste.
Je kleiner der Vogel, je kleiner das Nest.
Ein grosser Vogel will ein gros Nest haben.

Каждая птица свое гнѣздо и защищаетъ:

Ein muthiger Vogel vertheidigt sein Nest.
Въ своемъ гнѣздѣ и воронъ коршуну глаза выклюетъ.

Въ маленькихъ гнѣздахъ ютятся самыя лучшія пѣвчія птицы:

In kleinen Nesten wohnen die besten Singvögel.

Малой птичкѣ лучше живется въ ея маленькомъ гнѣздѣ, нежели большимъ въ ихъ большихъ гнѣздахъ, или въ большихъ клѣткахъ:

Ein Vogel ist lieber in seinem kleinen Nest, als im grossen Bauer.

Kleine Vöglein leben ruhiger in ihren Nestlein, als die Störche in ihrem grossen Nest.

По французскому изреченію, всѣ птицы между маемъ и апрѣлемъ свои гнѣзда вьютъ, кромѣ перепела и куропатки:

Entre mai et avril tout oiseau fait son nid, hormi caille et perdrix.

Послѣ вывода птенцовъ, птицы уже въ гнѣздѣ не сидятъ:

Гнѣздо цѣло, а птица улетѣла.

Nid tissu — oiseaux envolés.

Какова птица, таковы у ней и яйца: худая птица худыя и яйца несетъ, да не всякая сама ихъ и высиживаетъ:

Kleine Vögel legen kleine Eier.

Ein schlimmer Vogel legt ein schlimmes. Ei.

Wie der Vogel, so das Ei.

De mauvais (méchant) corbeau, mauvais (méchant) oeuf.

Изъ лежащаго на землѣ яйца выйдетъ летающая въ небѣ птица (Татар., Закавк. кр.).

Nicht jeder Vogel brütet die Eier, die er legt.

Число яицъ у разныхъ птицъ бываетъ обыкновенно разное— у большихъ меньше, у маленькихъ — больше:

Tourterelle si grande — un, deux (oeufs), mésange si petite — quinze, seize.

Выводить птенцовъ—птичкѣ забота не малая; коли ихъ много, такъ она не разжирѣетъ:

Ein Vogel, der viel Junge hat, wird selten fett.

У разныхъ птицъ нравъ различный, разныя повадки бываютъ:

Сова тиха, да птицъ душитъ, а ласточка весь день щебечетъ, да никому зла не творитъ.

Соколъ съ лету хватаетъ, а ворона и сидячаго не поймаетъ.

Виденъ сычъ по взгляду, а сова по полету.

Ворона прямо летаетъ, да за море не попадаетъ; касатка крюкомъ виляетъ, да за моремъ бываетъ.

Ястребъ добычу когтями хватаетъ, а аистъ — клювомъ.
Nicht jeder Vogel ist ein Adler.
Соколъ лебедя летая бьетъ, а ворона себѣ сидя и жабу жретъ.
Грай (грачь) соколу, а лягушка воронѣ (добыча).

Чѣмъ птица моложе, тѣмъ нѣжнѣе ея мясо, а у маленькихъ птичекъ и мяса мало:

Je jünger der Vogel, je zärter das Fleisch.
Kleine Vögel, wenig Fleisch.

Больная птичка крылышки повѣситъ:

Krankes Vogel lässt die Flügel hängen (Тоже — Датск.).

Птицы одной породы слетаются вмѣстѣ, птицы разныхъ породъ вмѣстѣ не сидятъ, и не летаютъ въ одной стаѣ:

Знай сорока сороку, а ворона ворону.
Wo ein Vogel sitzt, da hocken bald mehrere.
Eulen und Falken sitzen nicht auf einem Balken.
Eulen und Falken fliegen nicht zusammen.
Falken und Tauben muss man nicht zusammen thun.
Eine Taube und ein Elster wohnen nicht in demselben Neste.
Ein Vogel macht keinen Schwarm.

Несмотря на быстрый полетъ птицъ, много имъ приходится терпѣть отъ своихъ преслѣдователей, и двуногихъ, и четвероногихъ, и быть можетъ всего болѣе отъ своихъ же собратій, хищниковъ, отъ которыхъ имъ тѣмъ труднѣе укрыться, что они свою добычу на лету настигаютъ:

И на вольную птицу есть укорота — силки, да тенета.
Птица птицею ловится (Татар., Эриван. губ.).
Mit Vögel fängt man Vögel.

Всего губительнѣе охота за птицами весною, когда онѣ выводятъ птенцовъ:

Chi ammazza il marzuola, ammazzi il padre e il figliuoli (Кто въ мартѣ убиваетъ дичь, отца съ сыномъ убиваетъ).

Чѣмъ старѣе, тѣмъ опытнѣе и ловчѣе птица, тѣмъ лучше она умѣетъ отъ преслѣдованія спасаться и въ ловушку не попадаетъ, но, однако, только до поры; молодыя же птицы ловятся легко:

Умная птица облетываетъ сѣти.
Стараго воробья на мякинѣ не обманешь.
Стараго горобця (воробья) на полови не обдуришь (Малор.).
Напрямикъ ворона летаетъ, да и

та на куконъ (въ неволю) попадаетъ (Даль).

По верху ворона летала, да въ сѣтъ попала.

Ноготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть.

Увязила пташечка ноготокъ, всей пропадать.

Гдѣ пичужка ни летала, а въ нашу клѣтку попала (а нашихъ рукъ не миновала).

Гдѣ ворона ни летала, а къ ястребу въ когти попала.

Ein junger Vogel wird leicht gefangen.

Alte Vögel werden nicht mit Spreu gefangen.

Einen alten Sperling fängt man nicht mit Spreu.

Nuova sete non piglia uccelli vecchio (Новой сѣтью старой птицы не поймаешь).

Alte Vögel fängt man nicht mit neuen Netzen.

On ne prend pas les vieux moineaux avec de la paille.

Old birds are not cought with chaff (тоже).

Alte Krähe sind schwer zu fangen.

Alte Wachteln sind übel fangen.

Auch kluge Vögel werden gefangen.

Passara vecchia non trosi ingaggia (Стараго воробья въ клѣтку не заманишь).

Нѣмцы замѣчаютъ, что птицъ хорошо ловить въ сухую погоду, а рыбъ—въ пасмурную:

Bei hellem Wetter ist gut Vögel fangen, bei'm trüben gut fischen.

Кто хочетъ птицъ ловить, долженъ умѣть въ сѣти ихъ приманивать, либо посвистомъ, либо сѣмечками, и притомъ ихъ не пугать:

Были бы сѣмечки, будетъ и пѣночка (птичка).

Посыпать сѣмячко — приманить птичку.

Какъ овсяночку манятъ, сѣмячки сулятъ, а когда приманятъ, и торичка въ чести.

L'oiseleur pour tromper l'oiseau, chante doux avec son pipeau.

Wenn man den Vogel fangen will, muss das Pfeifen lauten wohl.

Wer Vögel fangen will, muss süss pfeifen, und nicht mit der Mütze unter sie werfen.

The rough net is not the best catcher of birds (Грубыя сѣти — не лучшее орудіе для ловли птицъ).

To frighten a bird is not the way to catch it (Испугать птицу— ее не поймаешь).

Однако, только глупыя птицы на всякій посвистъ слетаются:

Es sind dumme Vögel, die auf jedes Pfeiflein zufliegen.

Попалась птичка—кричать уже поздно, не поможетъ:

Trop tard l'oiseau crie, quand il est pris.

Der Vogel schreit zu spät, wenn er gefangen ist.
A tard crie la corneille, quand le lacet la tient par le cou.

Извѣстно юмористическое народное изреченіе, рекомендующее соли птичкѣ на хвостъ или на крыло насыпать, чтобы ее поймать:

Поймать птичку — на хвостъ соли насыпать.	den Schwanz streuen, um sie zu fangen.
Насыпь пташкѣ соли на хвостъ, такъ дастся въ руки.	Den Sperling fängt man, so man ihm Salz auf die Flügel
Man muss den Vögel Salz auf	streut.

Также юмористически относится народъ къ плохимъ стрѣлкамъ, не умѣющимъ въ цѣль попадать:

Мѣтилъ (наровилъ) въ ворону, а угодилъ (попалъ) въ корову.
Auf die Krähe zielen und die Kuh treffen.

Съ другой стороны, народная мудрость совѣтуетъ стрѣлку птицъ не разбирать, бить все, что подъ руку попадется, чтобы добиться и до чего-нибудь хорошаго:

Стрѣляй сороку да ворону, попадешь и въ яснаго сокола,

— смыслъ этой поговорки, впрочемъ, болѣе иносказательный.

Попала птица въ клѣтку, тамъ ей житье плохое, какъ бы клѣтка ни была хороша:

La belle cage ne nourrit pas l'oiseau.
Mieux vaut être oiseau de champ, qu'oiseau de cage.
Mieux vaut être oiselet de bois ou de bocage, qu'un grand oiseau de belle cage.

Поютъ птицы и въ клѣткахъ, да не отъ радости, а тоскуя по волѣ:

Неволя пѣснямъ учитъ.
Der Vogel im Käfig lernt singen.

Пусть будетъ «по птичкѣ и клѣтка»,—будь она хоть золоченая,—вольнаго простора полей и лѣсовъ она плѣнницѣ не замѣнитъ...

Нѣмцы говорятъ, что кто птицу поймалъ, тому она и принадлежитъ:

Wer die Vögel fängt, dess' sind sie,

— отрицаніе права охоты и оправданіе браконьерства. Однако, другое же нѣмецкое изреченіе говоритъ обратное:

Es hat nicht jeder einen Sperber auf der Hand—nicht jeder besitzt das Jagdrecht,

— не у каждаго соколъ въ рукѣ, не каждому принадлежитъ право охоты,—въ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ право охоты, какъ остатокъ феодальныхъ правъ, не всегда принадлежитъ владѣльцу земли.

Пока еще существовала во Франціи соколиная охота, св. Симфоріонъ (St. Symphorien) считался ея покровителемъ, а св. Губертъ (St. Hubert) покровителемъ псовой охоты, а нынѣ онъ считается покровителемъ охоты вообще:

St. Hubert—patron des chasseurs.

Птицъ бьютъ изъ-за ихъ мяса, ради ихъ перьевъ, собираютъ ихъ яйца, ловятъ живьемъ, чтобы держать въ клѣткахъ и наслаждаться ихъ пѣніемъ, но нельзя отъ нихъ требовать того, чего онѣ по самой природѣ своей дать не могутъ; такъ, напримѣръ—

Птичьяго молока по всему свѣту не найдешь.
Птицѣ теленка не высидѣть.

Отлетаютъ птицы тогда, когда наступаютъ или ожидается ими наступленіе холодовъ, что птицы умѣютъ, повидимому, угадывать заранѣе; разныя породы птицъ и улетаютъ въ разное время:

Птица безъ времени не встрепенется (Сарт., Турк. кр.).
Всякая птица тепла ищетъ.
Пташки лѣтнія отчирикали — улетѣли.
Прощай, матушка Русь, я къ теплу потянусь (говоритъ журавль, отлетая).
Wenn's kalt wird am Ort, so ziehen die Schwalben fort.
Kommen die Kraniche geflogen, so kommt der Winter gezogen.
Опилася птичка студеной росы (и улетѣла).
Одна у журавля дорога—на теплыя воды.
Птицы осенью въ теплую страну — въ вырай — летятъ.
Знаетъ сорока, гдѣ зиму зимовать.

Какъ прилетаютъ птицы, такъ и улетаютъ, въ разное время:

Перепелъ и дупель отлетчивѣе другихъ птицъ (отлетаютъ раньше).

Чѣмъ позже птицы въ отлетъ пойдутъ, тѣмъ теплѣе будетъ осень и тѣмъ лучше для каждаго, говорятъ нѣмцы:

Die Zugvögel sind Wetterpropheten: je länger sie bleiben, je besser für Jeden.

О предстоящемъ отлетѣ птицъ можно судить по разнымъ признакамъ, если только есть возможность за ними наблюдать:

Передъ отлетомъ птицы ватажатся (собираются въ стаи, ватаги).

Птицы до отлету заѣдаются.

Когда птица слетается, стадится, то скоро и въ отлетъ пойдетъ.

Собираясь передъ отлетомъ въ большія стаи, птица становится очень осторожной, сторожкой, и въ это время къ ней охотнику подкрасться особенно трудно:

Всякая птица по осени сторожка.

А нѣкоторыя птицы даже особыхъ сторожевыхъ-караульныхъ выставляютъ, которые зорко слѣдятъ за всѣмъ тѣмъ, что вокругъ дѣлается и при малѣйшей опасности всю стаю поднимаютъ.

Не всѣ, впрочемъ, птицы отъ насъ на зиму улетаютъ, многія породы всю зиму проводятъ въ нашихъ краяхъ, а другія даже только на зиму къ намъ и прилетаютъ, перебираясь на лѣто дальше на сѣверъ:

Ein Sperling fliegt nicht weg, wenn auch der Winter kommt.

Гуси улетѣли—прилетѣли вороны (Татар.).

Соколъ съ мѣста—ворона на мѣсто.

Wenn die Schwalbe weg fliegt, so bleibt der Sperling.

Die Krähe bleibt uns, wenn die Lerchen ziehen.

Какъ ласточка — вѣстникъ весны, такъ ворона — вѣстница зимы:

Wie die Schwalbe ist des Frühlings Bot, also die Krähe des Winters.

Какими птицы улетѣли, такими и назадъ вернутся:

Улетѣли за море гуси—назадъ вернутся тожъ не лебеди.

Журавли за море летаютъ, а все одно—курлы...

Eine Krähe fliegt wohl über das Meer, kommt aber als Krähe wieder her.

Про птицъ существуетъ не мало легендъ, иногда очень поэтичныхъ; многія изъ нихъ связываются съ крестными страданіями Іисуса Христа, при которыхъ разныя птицы играли разную роль. Такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ одни и тѣ же повѣрья и легенды относятся къ разнымъ птицамъ, то они и будутъ приведены здѣсь всѣ вмѣстѣ.

Когда Христа распинали, воробьи летали вокругъ креста и чирикали: «живъ, живъ», чтобы евреи продолжали его мученія; а голуби ворковали «умеръ, умеръ», желая избавить Спасителя отъ дальнѣйшихъ мукъ. Съ тѣхъ поръ воробьи—проклятыя Богомъ птицы, а голуби—птицы святыя.

Воробьи не только прокляты Богомъ за то, что хотѣли способствовать продолженію мученій Христа, но понесли еще и другое наказаніе, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Голубь, а также вóронъ, играли роль при всемірномъ потопѣ, о чемъ въ священномъ писаніи говорится слѣдующее (Книга Бытія, Гл. VIII, ст. 6—12): «По прошествіи сорока дней (послѣ того какъ ковчегъ остановился на горѣ Араратѣ) Ной открылъ сдѣланное имъ окно ковчега и выпустилъ ворона (чтобы видѣть, убыла ли вода съ земли), который вылетѣлъ, отлеталъ и прилеталъ, пока осушилась земля отъ воды. Потомъ выпустилъ отъ себя голубя, чтобы видѣть, сошла ли вода съ лица земли; но голубь не нашелъ мѣста покоя для ногъ своихъ и возвратился къ нему въ ковчегъ; ибо вода была еще на поверхности всей земли и онъ простеръ руку свою и взялъ его, и принялъ къ себѣ въ ковчегъ. И помедлилъ еще семь другихъ дней и опять выпустилъ голубя изъ ковчега. Голубь возвратился къ нему въ вечернее время, и вотъ, свѣжій масличный листъ во рту у него; и Ной узналъ, что вода сошла съ земли. Онъ помедлилъ еще семь дней другихъ и опять выпустилъ голубя; и онъ уже не возвратился къ нему».

Такъ говоритъ Библія. Но народныя легенды разсказываютъ про это нѣсколько иначе. «Когда послѣ потопа вода начала сбывать»—гласитъ вотяцкая легенда—«Ной послалъ вóрона искать землю на югъ, но вóронъ, вопреки повелѣнію, улетѣлъ на западъ, и не вернулся; затѣмъ Ной послалъ голубя на востокъ и онъ, полетавши тамъ, принесъ землю; Ной за это полюбилъ голубя, а вóрона сталъ ненавидѣть. Голубю за послушаніе далъ мѣсто около строеній и опредѣлилъ ему питаться зернами хлѣбныхъ растеній, а вóрону приказалъ жить вдали отъ жилья человѣческаго и питаться мертвыми тѣлами. Съ тѣхъ поръ и живутъ голуби около домовъ, а вóроны вдали отъ строеній и даже не смѣютъ садиться на строенія».

Въ великорусскихъ губерніяхъ разсказъ про вóрона опять нѣсколько иной: «вóронъ вначалѣ былъ созданъ бѣлымъ, какъ снѣгъ и кроткимъ, какъ голубь; но онъ былъ наказанъ Господомъ за то, что не исполнилъ повелѣнія Ноя послѣ окончанія потопа: выпущенный изъ ковчега, онъ набросился на падаль и не воротился къ Ною съ доброю вѣстью объ убыли воды, что потомъ сдѣлалъ голубь; послѣ того вóронъ сталъ чернымъ и кровожаднымъ, а голубь признанъ святою птицею».

По французскому повѣрью ласточки старались снять терновый вѣнецъ съ головы Спасителя на крестѣ; поэтому, ласточка, какъ и голубь, птица святая и ея гнѣзда разорять или убивать ея птенцовъ—грѣхъ.

По другому французскому же повѣрью снѣгирь (le rouge-gorge) ломалъ иглы терноваго вѣнца съ головы Спасителя, при чемъ капля святой крови Страдальца попала ему на шею и оставила на ней красный слѣдъ навсегда; англичане увѣряютъ, что даже дикая кошка никогда не тронетъ и не съѣстъ снѣгиря.

Очень извѣстна легенда про клеста, который при распятіи Христа старался клювомъ вытащить гвозди, которыми Его къ кресту прибивали; при этомъ клестъ клювъ себѣ скривилъ, да такъ навсегда съ перекрещеннымъ клювомъ и остался. Зато ему и особенная награда дана: послѣ смерти клестъ не гніетъ и не подвергается тлѣнію. Наоборотъ, ворона во время крестныхъ страданій Христа вела себя совершенно иначе; именно, она хотѣла пить кровь, которая капала изъ ранъ Спасителя, за что Богъ проклялъ ее, какъ и воробья, и часть ея клюва по краямъ навѣки получила кровавый цвѣтъ (Галиція).

Почти повсемѣстно распространены повѣрья о птицахъ, которыя обречены пить одну только дождевую воду, при чемъ въ разныхъ мѣстахъ приписываютъ эту печальную участь разнымъ птицамъ, отъ разныхъ причинъ, а иногда и безъ объясненія причинъ. Такъ, у насъ говорится:

Въ засуху ко́ня (сарычь) плачетъ, у Бога пить проситъ.

Нѣмцы говорятъ то же про ворона, а грузины про коршуна:

Die Raben dürfen nur vom Regenwasser trinken, daher schreien sie, wenn es lange nicht regnet.

Коршунъ земной воды не пьетъ и можетъ утолить жажду только росою или дождемъ; отъ этого онъ въ засуху сильно страдаетъ (Грузин.).

Французы приписываютъ это свойство дятлу, разсказывая притомъ про него цѣлую исторію: когда Господь Богъ задумалъ моря, рѣки и родники копать, онъ поручилъ эту работу пташкамъ небеснымъ, и всѣ за нее дружно принялись, кромѣ дятла, который, по упрямству, Божьему повелѣнію не подчинился; когда работа была окончена, Господь, чтобъ наказать дятла, отказавшагося копать землю вмѣстѣ съ другими, обрекъ его на то, чтобы вѣчно долбить клювомъ дерево; а такъ какъ онъ никакого

участія въ выкопкѣ земныхъ водоемовъ принять не захотѣлъ Господь запретилъ ему пить изъ нихъ воду, и приказалъ довольствоваться только тою водою, которая во время дождя съ неба падаетъ, и которую онъ долженъ ловить въ воздухѣ, какъ съумѣетъ. Оттого то дятелъ вѣчно жаждетъ и кричитъ передъ дождемъ:

Lorsque le pivert crie, il annonce la pluie.

Въ Дагестанѣ существуетъ сходный съ этимъ разсказъ, но уже про кукушку. Однажды птицы сговорились выкопать бассейнъ, куда бы стекались сосѣдніе ручьи. Всѣ птицы принялись за работу, одна только кукушка лѣнилась, работать не хотѣла. Съ тѣхъ поръ птицы не даютъ ей пить воду и гонятъ, какъ только увидятъ, что она пьетъ изъ рѣчки или ручья; поэтому, кукушка поневолѣ должна довольствоваться одною дождевою водою. Есть еще и разные другіе варіанты того же повѣрья, всѣ болѣе или менѣе сходные, но относящіеся къ разнымъ птицамъ.

Переходимъ теперь къ изреченіямъ народной мудрости, характеризующимъ различныхъ птицъ въ отдѣльности.

Орелъ.

Какъ левъ считается всѣмъ звѣрямъ царь, такъ

Всѣмъ птицамъ птица—орелъ.

Царь птицамъ—орелъ.

Чѣмъ выше орелъ паритъ, тѣмъ мельче кажутся ему другія птицы:

Je höher der Adler schwebt, je kleiner erscheint ihm die Krähe.

Орлиный полетъ считается наивысшимъ:

Орелъ летаетъ найвысше (а хрѣнъ расте найглибже) (Малор.).

Орлы всего охотнѣе летаютъ въ одиночествѣ, съ другими птицами компаніи не водятъ:

Adler fliegen gern allein.

Kühe und Schafe gehen zusammen, aber der Adler fliegt allein.

Орелъ съ вороною не толкуется (Старорус. изр.).

Орлу—крупной птицѣ—нужна и добыча крупная:

Орелъ мухъ не ловитъ.

Орломъ комара не травятъ.

Adler fressen keine Fliegen.

L'acquila non caccia mosche (тоже).

L'aigle ne chasse point aux mouches.

Извѣстно народное повѣрье, что орелъ можетъ смотрѣть на солнце; когда орлята учатся летать, орелъ поднимаетъ ихъ на воздухъ и заставляетъ смотрѣть на солнце; который изъ нихъ того не сможетъ, того онъ самъ убиваетъ:

Quand ses petits veulent voler, l'aigle les enlève haut en l'air; si l'un le soleil ne regarde, il le tue et point ne le garde.

Зато молодые орлята въ родителей выходятъ:

Орлёнокъ всегда орелъ, вороненокъ—всегда ворона.

Французы увѣряютъ, что орелъ боится королька, потому что эта маленькая птичка къ нему въ гнѣздо забирается, когда орлицы въ немъ нѣтъ, и орлиныя яйца разбиваетъ:

L'aigle a peur du roitelet, parce que celui-ci lui casse les oeufs au nid, quand l'aigle est absent.

У насъ способность наводить страхъ на орла приписывается соколу:

Царь птицамъ—орелъ, а сокола боится.

Мертваго же орла и каждая ворона щиплетъ:

An einem todten Adler rupft jede Krähe.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся орлы, тщательно разыскиваютъ ихъ гнѣзда, въ виду существующаго повѣрья, что у каждаго орла спрятанъ въ гнѣздѣ камень-огневикъ, предохраняющій отъ всѣхъ болѣзней. Въ Малороссіи увѣряютъ, что если найдти гнѣздо орла и разворить его, то въ немъ можно отъискать деньги и другія цѣнныя вещи.

У гнизди орлячимъ завсегда есть гроши; винъ безъ грошей николы гнизда не робить (Екатер. губ.).

Рыболовы въ Архангельской губ. считаютъ большимъ грѣхомъ зимою убивать въ морѣ орловъ. Когда орлы между собою бьются, то только перья летятъ:

Орлы бьются, а молодцамъ перья достаются.

Уваженіе къ орлу простирается у малоросовъ такъ далеко, что они считаютъ возможнымъ бить его не иначе, какъ съ его согласія, и если онъ уже достаточно пожилъ на свѣтѣ:

Орла не можна быты, а якъ его стриляты, то треба спытать тричи «чи пожывся на свити?»,—якъ пожывся, то винъ буде прямо дывытыся на тебе, а якъ не пожывся, то отвернетця (Екатерин. губ.).

Помимо этого случая, стрѣлять въ орла — большой грѣхъ,

потому что Евангелистъ Лука писалъ свое Евангеліе орлинымъ перомъ и орелъ всегда вмѣстѣ съ этимъ Апостоломъ на иконахъ изображается.

Тѣ же малороссы увѣряютъ, что орла и тлѣнъ не береть:

Орла и червы не цдятъ; винъ и не завоняется николы, хочь держи, поки на сухарь засхне (Екатер. губ.).

Соколъ, коршунъ, ястребъ.

Соколъ считается птицею благородною, хотя и очень хищною; полетъ у него быстрый, самъ онъ легокъ, но силенъ, добычу настигаетъ на лету:

Соколъ малъ, да удалъ.

Соколу лебедь (вар. — лѣсъ) не въ диво.

Соколъ настигомъ беретъ (въ догонку).

Соколъ на мѣстѣ не сидитъ, а гдѣ птицу увидитъ, туда и летитъ.

На соколѣ немного мяса (Серб.).

Если соколъ бьетъ сидячую птицу, то это считается для него позоромъ, такъ какъ онъ долженъ бить на лету:

Не похвала соколу, что на гнѣздѣ бьетъ.

Сокола голыми руками не поймать, говорятъ нѣмцы:

Falken fängt man nicht mit leeren Händen.

Соколу приписываютъ необычайную зоркость:

Отъ соколинаго глазу никуда не укроешься.

Когда коршунъ или ястребъ добычу схватитъ, то за нее крѣпко держится:

Der Habicht hält seine Beute fest.

Только подстрѣленный и еще хуже того—мертвый соколъ никакой птицѣ не страшенъ:

Подстрѣленнаго сокола и ворона носомъ долбитъ.

Мертвымъ соколомъ не травятъ воронъ (не затравить и вороны).

Живой же соколъ птица смѣлая:

Не пугай сокола вороной.

Ограяли (охаяли, охулили) вороны сокола, онъ тотъ же соколъ, — воронъ не испугается. Съ другой стороны:

Сокола мѣсто коршунъ не схватитъ (коршунъ сокола не замѣнитъ) (Татар., Закавк. кр.).

Плохъ соколъ, что ворона съ мѣста сбила.
Соколу лѣсъ не въ диво.

Къ ястребу примѣняется поговорка, что онъ себѣ подобныхъ производитъ:

Изъ ястребинаго яйца ястребъ выходитъ (Кюрин., Зак. кр.).

Соколъ вездѣ себѣ добычу найдетъ, ястребу же, менѣе проворному и ловкому, не всегда удается поживиться; иногда же ему и совсѣмъ приходится пропадать:

Гдѣ бы ни леталъ соколъ, вездѣ ему свѣжій мосолъ.
Захотѣлось ястребу чирятинки, да не дается.
Плохой ястребъ служитъ пищею сорокѣ (Киргиз., Сырдар. обл.).

Особенно опасны соколы и другіе хищники для голубей, совсѣмъ беззащитной птицѣ, которую они споконъ вѣку истребляли; впрочемъ, хищники съ голубями легко справляются только, когда они летятъ поодиночкѣ, а не въ стаѣ:

Die Sperber haben von je her Tauben gefressen.
Ястребъ тогда голубя возьметъ, когда стаю разобьетъ,

— эта поговорка часто употребляется иносказательно.

Легче спасаются, заслышавъ крикъ хищниковъ, ласточки, благодаря своему быстрому полету и увертливости:

Wenn der Sperber schreit, fliegt die Schwalbe fort.

Воро́нъ же хищныя птицы и сами не преслѣдуютъ:

Der Weihe (лунь) verfolgt die Tauben, den Raben thut er nichts.

Пользуясь быстротою полета сокола и его умѣньемъ хватать добычу на лету, сокола съ давнихъ временъ приспособили для охоты; хотя теперь соколиная охота въ Европѣ мало гдѣ уцѣлѣла, но еще въ большой модѣ въ Азіи, напримѣръ, въ нашемъ Туркестанѣ. Пріучить сокола къ охотѣ — дѣло не легкое:

Трудно сокола выносить, а перевабишь—самъ станетъ на руку летать.

Вынашиваніемъ сокола называется его приученіе, которое дѣлается такъ: сокола (или другую ловчую птицу) носятъ на рукѣ, покуда онъ не заснетъ и повторяютъ это по нѣсколько разъ; послѣ этого онъ постепенно приручается. Перевабить — перезвать сокола, переманить *вабиломъ* съ мѣста на мѣсто; ва-

било—пара птичьихъ крыльевъ; ими машутъ для призыва выношенной ловчей птицы:

Безъ вàбила сокола не сманишь съ дерева.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такимъ же образомъ дрессируютъ и ястреба:

Ястреба вàбятъ, не по головѣ гладятъ.

Аистъ, журавль и дрофа.

Аисты и журавли имѣютъ много общаго, почему о нихъ и можно говорить вмѣстѣ. И тѣ, и другіе питаются одинаково, лягушками и разными мелкими гадами, разница же между ними та, что аисты вьютъ свои гнѣзда либо прямо на домахъ, либо по близости отъ жилья, и, слѣдовательно, человѣка не боятся, тогда какъ журавль—птица дикая, осторожная, и даже близко человѣка не подпускаетъ. Про аистовъ особенно много говорятъ нѣмцы, которые, между прочимъ, разсказываютъ своимъ дѣтямъ, что аистъ новорожденныхъ младенцевъ въ клювѣ приноситъ, а если мать послѣ рожденія ребенка бываетъ больна, то это потому, что аистъ, принеся ей ребенка, ее при этомъ нечаянно зашибъ.

Der Storch bringt die kleinen Kinder.

Если аистъ совьетъ себѣ гнѣздо на крышѣ дома, то это приноситъ счастье и здоровье хозяину, удачу въ хозяйствѣ, охраняетъ домъ отъ пожара, отъ грозы и т. п. Вообще аистъ птица мудрая, поселяющаяся на домахъ съ разборомъ, глядя по хозяину. Такъ, на мельницѣ аистъ гнѣзда не совьетъ, опасаясь, чтобы мельники, которыхъ въ Германіи считаютъ большими мошенниками, у него яицъ не украли. Турки въ Малой Азіи вѣрятъ, что аистъ каждую осень отлетаетъ въ Мекку и вьетъ гнѣздо только на мечетяхъ и на домахъ правовѣрныхъ, избѣгая домовъ христіанъ...

Der Storch baut sein Nest auf keiner Mühle, weil er fürchtet, der Müller stehle ihm die Eier.

Аисты охраняютъ хату отъ пожара (Малор.).

Гнѣзда аиста разорять—приноситъ несчастье (Армян.).

Не годится буйкови руйнувати гніздa (Галиц.).

На чиій хаті бузько покладе собі гніздо, там у хаті добре ведеся (Галиц.).

Gdzie bocian, tam pokoj (Пол.—Гдѣ аистъ, тамъ покойно).

Kiedy bociek w gnieździe siedzi, to pociecha wam sąsiedzi; a nad czyją nad chatułupą, z tym nie będzie krucho (Поль.—Когда аистъ въ гнѣздѣ сидитъ, радость вамъ, сосѣди; а надъ чьей избой, тому не будетъ плохо).

Не трѣбва човѣк да развaля гнѣздо на щъркове, защото щѣя да умре нѣкой от кащаша му (Болг. —Не слѣдуетъ портить гнѣзда аистовъ, потому что умретъ кто-нибудь изъ домашнихъ).

Русины въ Галиціи увѣряютъ, что если гнѣздо аиста разорить, то онъ жестоко отомстить можетъ: добудетъ огня и хату спалитъ:

Не годить ся бузькови руйнувати гнізда; як би хто зруйнував, то він за то помстить ся: своїм дзьобом викреше огню і запалить хату (Галиц.).

То же повѣрье распространено и у насъ въ Малороссіи:

Якъ де есть чорногузъ (аистъ) у селі, то не треба ёго яйца выдыратъ, а якъ выдерешь, то вінъ полетыть, та деѣ візьма головешку, то и запалыть хату; и такъ ёго гріхъ займаты, бо де вінъ есть, тамъ ніколы не буде велыка туча зъ бурею.

Аисты-самцы очень строго охраняютъ свою супружескую честь: если аисту самкѣ подмѣнить яйцо въ гнѣздѣ и подложить яйцо какой-нибудь другой птицы, то она иногда, не замѣтивъ подмѣна, продолжаетъ высиживаніе; но когда птенцы вылупятся и аистъ самецъ увидитъ въ гнѣздѣ незнакомаго дѣтенка, то онъ приходитъ въ неописанное волненіе, улетаетъ къ своимъ сородичамъ, которые, собравшись огромною стаею на лужайкѣ, долго и громко обсуждаютъ неслыханное, возмутительное явленіе, порочащее все аистовое племя; за тѣмъ всею же стаею поднимаются, долго, съ громкимъ и злобнымъ крикомъ, кружатся надъ безвинно провинившеюся самкою, послѣ чего, подъ предводительствомъ оскорбленнаго самца, на нее съ высоты набрасываются и заклевываютъ до смерти.

Малороссы относятся къ аисту такъ же, какъ великороссы къ голубю, хотя и по другой причинѣ. Именно, они считаютъ, что аистъ, какъ и медвѣдь, былъ нѣкогда человѣкомъ, обращеніе котораго въ птицу совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды послалъ Богъ нѣкоего человѣка отнести

куда-то мѣшокъ, наполненный разными гадами, змѣями, лягушками и т. п., запретивъ ему мѣшокъ развязывать и въ него заглядывать. Но человѣкъ не утерпѣлъ, мѣшокъ развязалъ, всѣ гады изъ него выползли и разбрелись по землѣ. Тогда Богъ въ наказаніе и обратилъ этого человѣка въ аиста, повелѣвъ ему до вѣка ловить распущенныхъ имъ гадовъ и питаться ими. Съ той поры и развелись на землѣ аисты.

Чтобы привлечь аиста и побудить его вить гнѣздо на домѣ, на крышу кладутъ колесо, къ которому онъ свое гнѣздо и примащиваетъ, послѣ чего жилище становится безопаснымъ отъ молніи:

Wenn man dem Storch ein Wagenrad auf's Dach legt, so kann kein Gewitter der Wohnung schaden.

Аисты хорошо знаютъ время, когда имъ прилетать, и прилетаютъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ:

Ein Storch unter dem Himmel weiss seine Zeit.
Auch alte Störche lassen das Reisen nicht.
Die Störche kommen mit einander.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи, какъ напримѣръ во Франкфуртѣ на М., въ старые годы сторожъ на городской башнѣ долженъ былъ извѣщать трубнымъ звукомъ о прилетѣ перваго аиста, что знаменовало о пришествіи весны, и получалъ за это особое вознагражденіе изъ городскихъ общественныхъ суммъ.

Хотя прилетъ аиста и возвѣщаетъ весну, однако, по словамъ поляковъ, послѣ того могутъ еще быть и метели:

Bociek jest, wiosny wiest (Польск.—Аистъ прилетѣлъ, весну возвѣстилъ).

Cho ciaż bocki już przylecą, czasem snieżne wiatry miecą (Польск.—Иной разъ и послѣ прилёта аистовъ бываютъ метели).

Jak bocian przyleci, możecie wyjść na dwòr dzieci (Польск.—Когда аистъ прилетитъ, можете уже гулять на дворѣ, дѣти).

Своимъ длиннымъ клювомъ, стуча одной половиною его о другую, аистъ издаетъ своеобразные, далеко слышные звуки, не заключающіе въ себѣ ничего гармоничнаго; но лучше, какъ замѣчаютъ нѣмцы, онъ не умѣетъ:

Der Storch klappert, so lange er lebt.
Man muss die Störche klappern lassen, sie haben's nicht besser gelernt.

Живя въ селеніяхъ, на крышахъ домовъ, аисты днемъ имѣ-

ютъ излюбленное пребываніе въ болотахъ, ради лягушекъ, которыми они питаются:

Der Storch liebt den Sumpf, der Frösche wegen
Чѣмъ больше аистовъ, тѣмъ меньше видно лягушекъ (Чешск.).

Существуетъ у крестьянъ наблюденіе, что аистъ иногда выбрасываетъ яйца и птенцовъ изъ гнѣзда; первое, будто бы въ предвидѣніи сырого, а второе — сухого лѣта; та же примѣта на урожайный и голодный годъ:

Коли бутянъ скинетъ дитенка, дыкъ буде голодный годъ, а коли яйце — дыкъ буде урожай (Малор.).

Окончательно же выпускаетъ онъ своихъ птенцовъ изъ гнѣзда ко времени уборки хлѣбовъ, и именно, согласно наблюденію нѣмцевъ, гороха:

Wenn der Storch die Erbsstoppel (гороховое жнивье) sieht, jagt er die Jungen vom Nest.

Журавлю народъ посвящаетъ много изреченій, особенно у насъ; отмѣчаются его длинныя ноги, его способность по долгу стоять на одной ногѣ, его высокій полетъ цѣлыми стаями, при прилетѣ и отлетѣ, когда журавлиная стая располагается обыкновенно въ формѣ неравносторонняго ключа, при чемъ впереди стаи летитъ старый опытный журавль; такъ какъ передовому журавлю летѣть труднѣе другихъ, то они чередуются между собою. Характерный гортанный крикъ журавлей при пролетѣ всѣмъ извѣстенъ. Малороссы даютъ слѣдующій совѣтъ:

Якъ побачышь весною журавлівъ, то треба сказать «веселыкы», то цілый годъ весело тобі буде, а якъ скажешь «журавлі», то будешь цілый годъ журицця (Подольск. губ.).

Журавль и его повадки характеризуются рядомъ изреченій:

Журавль птица сторожкая.
Журавль летаетъ высоко и видитъ далеко.
Долго журавль летаетъ, а мозолей не натираетъ.
Журавли въ небѣ — не добыча.
Молодой журавль и высоко взлетаетъ, да низко садится (иносказательно).
Журавль всякаго перестоитъ.

Качествомъ своего мяса журавль не можетъ похвастаться:

Der Kranich hat hohe Beine, aber schlechtes Fleisch.

Jerzabek panski ptak, a chlopska potrowa (Польск.— Журавль барская птица, а мясо у него холопское).

Журавль не каша, ѣда не наша.

Когда журавль чувствуетъ себя въ безопасности, онъ важно разгуливаетъ по полю на своихъ длинныхъ ногахъ,—землю мѣряетъ, какъ говорятъ крестьяне,—только ему и дѣла:

Перемѣрялъ журавль десятину, говоритъ—вѣрно.

Пошелъ бы журавль въ мѣрщики, такъ не берутъ, а въ молотильщики — не хочется.

Журавль межи не знаетъ, а черезъ ступаетъ (шагаетъ).

Народъ насмѣхается надъ манерою журавля питаться, низко наклоняя голову, чтобы ѣсть, а затѣмъ откидываясь назадъ:

Спѣсивъ журавль, а шею клонить (когда ѣстъ).

Шелъ журавль по болоту — носъ завязилъ; носъ вытащилъ— хвостъ завязилъ.

Когда журавли между собою дерутся, то они всякую осторожность забываютъ, и тутъ ихъ хоть голыми руками лови:

Wenn die Kraniche mit einander streiten, kann man sie mit den Händen fangen.

На прилетъ, какъ и на отлетъ, журавлей существуетъ много изреченій, по бо́льшей части связанныхъ съ опредѣленными днями весны и осени, и потому приведенныхъ въ другомъ мѣстѣ. Журавль прилетаетъ и отлетаетъ сообразуясь съ теплomъ:

Журавль прилетѣлъ и тепло принесъ.

Стало тепло, такъ и журка прилетѣлъ, а онъ говоритъ — я принесъ!

Журавль летитъ съ моря — убавитъ намъ горя.

Съ прилетомъ журавлей совпадаетъ начало полевыхъ работъ, выгонъ скота на пастьбу и даже начало весенняго рыболовства:

Quand arrive la grue — vive la charrue!

Jak przyleca żórawie, można bydło paść na trawie (Польск.—Когда прилетятъ журавли, скотину можно выгнать въ поле).

Jak pszylecą żórawie, można ryby tapać w stawie (Пол.—Когда журавли прилетятъ, можно ловить рыбу въ прудѣ).

Осенью журавлю одна забота, угадать время, когда въ теплый край улетать:

У журавля та и дорога, что на теплыя воды летѣть.

И журавль тепла ищетъ,

— чѣмъ позднѣе улетаетъ журавль, тѣмъ, по народнымъ наблюденіямъ, и зима позднѣе наступитъ.

Передъ отлетомъ журавли собираются большими стаями и долго между собою курлыкаютъ. Народъ говоритъ:

Передъ отлетомъ журавли собираются на болотинѣ уговоръ держатъ, какимъ путемъ-дорогою на теплыя воды летѣть.

При осеннемъ пролетѣ журавлей, знаменующемъ собою конецъ лѣта и начало скучной осенней поры, деревенскіе мальчишки, завидя журавлиную стаю, бѣгутъ за нею, крича: «колесомъ дорога», чѣмъ будто бы можно заставить журавлей вернуться назадъ; во всякомъ случаѣ, они при этомъ собьются съ пути и будутъ цѣлый день кружиться безъ толку на одномъ мѣстѣ. Быть можетъ, въ связи съ этимъ представленіемъ находится и примѣта, что если журавли въ осенній пролетъ ихъ съ холодной стороны въ теплую, долго кружатся на одномъ мѣстѣ, улетаютъ какъ-бы нерѣшительно, то осень будетъ продолжительная и теплая. Мѣшать журавлямъ въ ихъ пролетъ, однако, не слѣдуетъ, и лучше прокричать имъ напутственное привѣтствіе «путемъ дорога».

Дрофа птица очень осторожная, человѣка близко не подпускаетъ, поэтому про нее и изреченій немного, не приходится крестьянину ее наблюдать:

Дрофы пѣшой не сподкрадешь,

— дрофа, какъ извѣстно, скорѣе подпускаетъ коннаго, нежели пѣшаго. У насъ, на югѣ, крестьяне такого высокаго мнѣнія о чуткости дрофы, что увѣряютъ, будто дрофа различаетъ, когда человѣкъ идетъ съ ружьемъ или безъ ружья, и даже знаетъ, заряжено ли ружье или нѣтъ. Въ неволѣ дрофы не живутъ, даже если онѣ изъ яйца въ домѣ вывелись:

Ращеная дрохва умирчива.

Черное воронье.

Подъ общимъ названіемъ «воронье», разумѣются у насъ различныя птицы: вòронъ, ворона, галка, грачъ, и всѣ онѣ, кромѣ вòрона, ставятся народомъ весьма невысоко.

Воронъ птица вѣщая, мудрая, хотя и вороватая; въ древности воронъ считался самой умной и хитрой птицей изъ всѣхъ, какъ лисица самое хитрое изъ животныхъ:

Старый вòронъ не каркнетъ мимо.

Wenn die Raben krächzen, wird in der Nähe ein Unglück verfallen.

Старый вòронъ не каркнетъ даромъ; либо было что, либо будетъ.

Отмѣчается наклонность вòрона къ воровству:

Вòронъ упрятчивъ: что ни утащитъ, все схоронитъ.

Вòронъ хоронитъ, что ни украдетъ.

Krodna, jak kruki (Поль.—Воровать какъ воронъ).

Увѣряютъ, что вòронъ уноситъ къ себѣ въ гнѣздо цѣнныя и блестящія вещи; въ Галиціи есть повѣрье, что вòронъ, собравъ много золота и серебра, золотитъ себѣ голову и хвостъ.

Вòронъ черенъ отъ Божьяго гнѣва; созданъ онъ былъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, но сдѣланъ былъ чернымъ въ наказаніе за то, что не воротился въ Ноевъ ковчегъ,—о чемъ сказано выше; это повѣрье распространено у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ.

Вòронъ есть олицетвореніе смерти:

Смерть чернымъ вòрономъ влетаетъ въ окошко.

Арабы почитаютъ вòрона какъ божественную птицу и считаютъ его безсмертнымъ. Въ Галиціи и Малороссіи, наоборотъ, крестьяне думаютъ, что въ образѣ вòрона летаетъ по дворамъ самъ чортъ, поджигаетъ крыши, наноситъ или сулитъ людямъ всякій вредъ; поэтому вороньяго карканья люди боятся:

Всякому бы вòрону на свою голову каркать.

Когда малороссы хотятъ посулить кому-нибудь что-либо очень дурное, то говорятъ: «Щобъ на тебе вòроны крякали».

Не всегда, однако, и вороньe карканье сбывается:

Отъ карканья вороны на Преображенье снѣгъ не пойдетъ (Арм., Эрив. губ.).

Болгары различаютъ послѣдствія вороньяго карканья, смотря по издаваемымъ вòрономъ звукамъ:

Когато гарваньтъ грачи: гра! гра! гра! значи, че ще умре нѣкой добитькъ, защото ужъ викалъ: кракъ! кракъ! кракъ! а когато вика: гро! гро! гро! значило: гробъ! гробъ гробъ! т. е. ще умре нѣкой човѣкъ (Болгар. — Когда вòронъ кричитъ: гра! гра! гра!,—умретъ какое-нибудь изъ домашней скотины, потому что онъ какъ бы кричитъ: кракъ! кракъ! кракъ!, что по болгарски значитъ: Нога! нога!

нога!; если же онъ кричитъ: Гро! гро! гро!—умретъ человѣкъ, потому что онъ какъ бы кричитъ: Гробъ! гробъ! гробъ! т. е. умретъ какой-нибудь человѣкъ).

Нѣмцы увѣряютъ, что вóронъ мѣняетъ свой голосъ, глядя по погодѣ:

Der Rab verändert seine Stimme nach dem Wetter.

У чукчей вóронъ—символъ чукотскаго бога-творца.

Французы считаютъ вóрона злой и неблагодарной птицей.—воспитай его, а онъ тебѣ глаза выклюетъ:

Elève un corbeau — il te crèvera les yeux.

Вóронъ, вообще, считается птицею зловѣщею, онъ несчастье приноситъ; но если два вóрона на дорогѣ попадутся, то это — къ счастью. У арабовъ существуетъ на этотъ счетъ такая примѣта:

Не продолжай пути, если увидишь вóрона летающимъ одиноко и какъ бы заблудившимся въ небѣ; но смѣло продолжай свой путь, если два вóрона вмѣстѣ передъ тобой летятъ.

У французовъ сохранилось повѣрье, что дурные священники послѣ смерти въ вóрона превращаются; встрѣтить по утру на дорогѣ священника такое же несчастье принесетъ, какъ и увидѣть ворона.

Весною, на Мартыновъ день (14-го апрѣля) вóронъ справляетъ свой вóрóній праздникъ — купаетъ своихъ дѣтей и отпускаетъ ихъ въ раздѣлъ, на особое житье; въ это время молодые вóроны пáрятся и заводятъ новыя гнѣзда. По другому сказу, вóронъ купаетъ дѣтей въ полночь на Страстной Четвергъ; если въ это время рѣки еще не пропли, то надо ему въ этомъ дѣлѣ помочь, прорубивъ во льду прорубь, которой онъ и воспользуется, а въ благодарность за то будетъ охранять ниву и дворъ отъ всякаго хищнаго звѣря и хищной птицы.

Черные вóроны охотно на высокихъ деревьяхъ гнѣздятся:

Die schwarzen Raben nisten gern auf grossen Bäumen.

Вóрону приписывается необыкновенное долголѣтіе, о чемъ уже было упомянуто выше: три человѣческихъ, да три лошадиныхъ жизни онъ переживетъ и все ему мало, говорятъ французы:

Le corbeau vit trois âges d'hommes, trois âges de cheval, encore ne se trouve-t-il pas d'âge assez,

— и послѣ того еще жить хочетъ.

Вóронъ отличается умѣньемъ находить себѣ пищу и никогда еще съ голоду ни одинъ вóронъ не умиралъ:

Es ist noch kein Rabe vom Hunger gestorben.

Сколько чернаго вóрона (или вороны) ни мой, бѣлѣй они отъ того не станутъ:

Die Krähe wird nicht weiss, wenn man sie auch noch so oft wäscht.
Dem Raben hilft kein Bad.
Eine Krähe kann lange waschen, ehe sie weiss wird.
A crow is not whiter, for washing herself oft (тоже).
Nul lait noir, nul blanc corbeau.

Воро́ны водятся повсемѣстно, и вездѣ слышится ихъ воронье карканье, которое онѣ только и знаютъ:

Die Krähe lässt sich überall hören.
Была бы копна, а ворона сядетъ...
На что воронѣ большіе разговоры, знай, ворона, свое кра!

Отношеніе къ воронѣ, вообще, презрительное, ее даже и настоящей птицей считать не хотятъ:

Изъ за куста и ворона птица (и ворона остра).
Какъ ни вертись ворона, и спереди корга, и сзади корга.
Куда бы ворона ни полетѣла, вездѣ будетъ хуже сокола (Киргиз., Сырдар. обл.).
Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетитъ и подъ старость.
Не играла ворона вверхъ летучи, а внизъ летучи, играть некогда.
Не крякала ворона, кверху летѣвши, и книзу летѣвши крякать не будетъ, а упадетъ, какъ камень (Смол. губ.).
Куда ворона летитъ, туда она и глядитъ.
Клевала ворона хлѣбъ съ осени, а весною и сама попала въ о́силъ.
Грачъ соколу добыча, а лягушка — воронѣ.
Rabengeschrei verdunkelt die Sonne nicht.

Хотя ворона и неважная птица, однако, и она бываетъ иногда мила:

На чужой сторонушкѣ радъ и своей воронушкѣ...
Со своей стороны и ворона родня.

Вороны отличаются своей прожорливостью:

Мала ворона, да ротъ широкъ.
Ворона маненька, та ротъ великий (Малор.).

Такъ какъ воронъ никто не преслѣдуетъ, не изъ-за чего, то имъ живется сравнительно недурно:

Житье воронѣ—куда захотѣла, туда и полетѣла.

Говорятъ, что у птицъ вороньей породы, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ, есть своего рода общественный судъ: иногда послѣ долгаго карканья онѣ всею стаею набрасываются на одного изъ своихъ сочленовъ, въ чемъ-либо, по вороньимъ понятіямъ, провинившагося, и его до смерти заклевываютъ.

Ворона зимы не приноситъ, какъ и весны не предвѣщаетъ:

Eine Krähe macht keinen Winter.
Die Krähe verkündigt keinen Sommer.

Вороны, по преимуществу, питаются падалью:

Была бы падаль, а воронье налетитъ.
На падаль и вороны валятся.

Воронамъ также приписывается способность предвидѣть будущее; если онѣ зимою солому на крышахъ теребятъ, то это предвѣщаетъ дороговизну:

Wenn die Krähen im Winter die Strohdächer reissen, folgt theure Zeit.

Хотя вороны—птицы не сильныя, но и не трусы, и если увидятъ хищную птицу, то цѣлой стаей на нее слетаются, и иногда ее забиваютъ:

Каркаетъ ворона и на беркута.
Былъ бы соколъ, а вороны налетятъ,

— послѣдняя поговорка имѣетъ, впрочемъ, и иносказательный смыслъ: соколы, какъ птицы благородныя, рѣдки, а такой дряни, какъ вороны, вездѣ много.

Всѣ вороны черны — старыхъ не различить (всѣ женщины бѣлы, — красивы, — глупыхъ не различить) (Татар., Закав. кр.).

Иногда и ворона олицетворяетъ собою нечистую силу: въ Великороссіи говорятъ, что во время кончины колдуна или вѣдьмы демоны слетаются въ видѣ воронъ, садятся на крышу дома, проникаютъ въ дымовую трубу и съ страшнымъ карканьемъ, шумно взмахивая крыльями, уносятъ грѣшную, продавшуюся чорту, душу—прямо въ адъ, на вѣчную муку....

Не пристало воронѣ рядиться въ павлиньи перья:

Ворона въ павлиньихъ перьяхъ.

Eine Krähe mit Pfauenfedern,

— подобный уборъ ей не къ лицу, да и вообще въ такомъ нарядѣ воронѣ обыкновенно не долго красоваться:

Отщеголяла ворона въ павлиньихъ перьяхъ.

Про человѣка, который хочетъ казаться не тѣмъ, что онъ есть и которому это не удается, говорятъ:

Ни пава, ни ворона.

Отъ воронъ отсталъ, а къ павамъ не присталъ.

Залетаетъ ворона иногда и куда бы ей не слѣдовало:

Залетѣла ворона въ барскія хоромы (иносказательно).

Птицъ вороньей породы нельзя употреблять въ пищу, потому что онѣ «ѣдятъ проклятую кобылятину» (Малор.).

Про галокъ и грачей поговорокъ много, но всѣ онѣ имѣютъ характеръ примѣтъ метеорологическаго характера, и потому приводятся въ другомъ мѣстѣ.

Сорока.

Сорока тоже птица не простая. Выше уже было указано, что сороки отличаются удивительно однообразнымъ опереніемъ, особенностью котораго составляютъ бѣлыя перья на бокахъ:

Сорока-бѣлобока.

Не живетъ сорока безъ бѣлаго бока.

Сорока-бѣлобока, та хвостыкъ чорный и головка (Волын. губ.).

Сорока отъ сороки въ одно перо родится.

Пестра сорока-бѣлобока, а всѣ одна въ одну.

Il ne fut oncque pie, qui ne ressembla de queue à sa mère.

Однообразіемъ оперенія сорока будто бы превосходитъ всѣхъ другихъ птицъ, если судить по поговоркамъ:

Не все сорочьи дѣти, въ одно перо не уродятся.

Не сорока, перо въ перо не уродится.

Французы приписываютъ сорокѣ нѣкоторыя чисто демоническія свойства и самый голосъ ея ненавидятъ; по ихъ словамъ, у сороки семь чортовыхъ перьевъ въ головѣ:

La pie, dont le chant est détesté, a sept poil du diable dans la tête.

По мнѣнію малороссовъ:

Сорока служитъ чорту вмѣсто лошади.

Безхвостая сорока—колдунья.

Шотландцы называютъ сороку чортовой птицей (the devils bird) и увѣряютъ, что у нея въ языкѣ капля чортовой крови; если же сорокѣ влить каплю человѣческой крови изъ языка, то она получаетъ даръ слова.

Французскіе крестьяне вѣрятъ, что сороки на Преображенье свой шабашъ справляютъ; ихъ въ этотъ день почти не видно,—онѣ отправляются помогать чорту сѣно убирать.

Увидать сорокъ приноситъ счастье или несчастье, предвѣщаетъ свадьбу, либо рожденье ребенка.

Voir la pie au matin à droite ou à gauche du voyageur à jeun, c'est un bon ou mauvais augure.

Voir deux pies, c'est du bonheur, n'en voir qu'une—c'est du malheur (то же говорятъ и про вòрона).

To see one magpie is a sign of sorrow, two are a sign of luck, three are a sign of wedding, and four a sign of birth (Увидать одну сороку—къ несчастью, двѣ—къ удачѣ, три—къ свадьбѣ, четыре предвѣщаютъ рожденье ребенка).

Отмѣчается свойство сороки вѣчно сокотать:

Сорока сокочетъ (гостей пророчитъ).

Сорока посвистуха, деревенская баба-лепетуха.

Знать сороку по языку.

Когда у сороки всѣ перья побѣлѣютъ, тогда и сокотать перестанетъ,

—т. е. никогда. Какъ птица вѣщая:

Сорока даромъ не стрекочетъ.

Никогда не перестанетъ сорока и скакать:

Die Elster lässt ihr Hüpfen nicht.

По сорочьему сокотанью находятъ и ея гнѣздо и до нея самой добираются:

Сама сорока скажетъ, гдѣ гнѣздо свила.

Всякая сорока отъ своего языка гинетъ (погибаетъ).

Тоже говорится, впрочемъ, и про нѣкоторыхъ другихъ птицъ:

Кабы на сойку да не свой язычекъ...

Кабы на дятла да не свой носокъ...

Достается сычкѣ отъ своего язычка...

Своимъ сокотаньемъ думаетъ сорока, какъ говорятъ нѣмцы и соловья перещеголять:

Die Elster will mit der Nachtigall um die Wette singen.

Сорока отличается своею вороватостью, что ни найдетъ — старается утащить, да спрятать:

Сорока—воровка.	Die Elster stielt, so gut sie schwatzt.
La pie voleuse.	Larron, comme une pie,
Охоча сорока до находки.	

— воровать, какъ сорока, говорится про человѣка, который не чистъ на руку.

Французы стараются жить съ сорокою въ дружбѣ и ее задобрить, для чего послѣ жнитва хлѣба ставятъ на деревѣ снопъ, въ пользу сороки, которая въ благодарность отвратитъ воровъ, лисицъ. Въ воскресенье на масляницѣ, когда пекутъ блины, одинъ сорокѣ подносятъ, за что она крикомъ отъ волка предостерегаетъ.

Повѣшенная на скотномъ дворѣ или въ конюшнѣ убитая сорока спасаетъ скотъ отъ домового, предохраняетъ лошадей отъ гоньбы по ночамъ нечистымъ.

Въ дождь сорока за земляным червемъ охотится, а въ хорошую погоду себѣ носокъ прочищаетъ:

Quand il pleut — la pie chasse (les vers de terre, qui sortent de terre quand il pleut), quand il fait beau se cure les dents (?).

На кормъ сорока вообще разборчива:

На обглоданную кость сорока не падка.

Чѣмъ старше сорока, тѣмъ клювъ у нея крѣпче, замѣчаютъ французы:

Ce sont les plus vieilles pies qui ont le bec le plus dûr.

Сороки принадлежатъ къ числу зимующихъ у насъ птицъ:

Знаетъ сорока, гдѣ зиму зимовать.

Охотники считаютъ счастьемъ убить сороку около Рождества:

Когда охотникъ забьетъ сороку на Коляды, будетъ ему счастье на весь годъ.

Голубь и горлинка.

Голуби у насъ считаются священными птицами, какъ потому, что Св. Духъ обыкновенно изображается въ видѣ голубя, и что голубь принесъ Ною въ ковчегъ оливковую вѣтку послѣ окончанія потопа, такъ и по роли ихъ при Страстяхъ Господнихъ, о чемъ уже было говорено выше.

Голубь — Божья птица.
Голуби — любимыя Богомъ птицы.

У малороссовъ существуетъ, однако, на счетъ голубей совершенно другое воззрѣніе:

Голубьячьи головы прокляты Богомъ за те, шо голубь розмыкавъ ту солому, гдѣ ховався Хрыстосъ отъ жыдивъ (Харьк. губ.),

— поэтому въ Малороссіи разрѣшается ѣсть голубей, оторвавъ только у нихъ предварительно голову; впрочемъ, у тѣхъ же малороссовъ существуетъ на этотъ счетъ и другое мнѣніе: у голубей нельзя ѣсть головокъ, потому что у нихъ «головкы ангольски»; при этомъ, головокъ у голубей нельзя отрѣзывать, а надо откручивать «бо у нихъ свята кровь». Великороссы же считаютъ грѣхомъ ѣсть голубей, какъ священныхъ птицъ.

Голубиную кровь народъ рекомендуетъ, какъ средство отъ бородавокъ (Ворон. губ.).

Еще и по слѣдующей оригинальной причинѣ у насъ считаютъ грѣхомъ голубей ѣсть.

Грѣшно голубей ѣсть, потому что они пьютъ, какъ лошади (Сибир.).

Голубя-горлицу народъ надѣляетъ всякими добродѣтелями, между которыми первая—вѣрность:

Горлица смиренна, какъ агнецъ, дѣлова, что пчела, красна, что райская птица, вѣрна—какъ горлица,

— выше этого и сравненія не находится.

Голуби во дворѣ—къ счастью.
Гдѣ водятся голуби, тамъ и счастье отъ Божьей благодати (Арханг. губ.).
Подъ которой крышей голуби водятся, та не горитъ.

Однако, болгары про голубей другого мнѣнія:

Нехорошо, когда голуби воркуютъ надъ домомъ,—не къ добру (Болгар.).

Нехорошо заводить въ домѣ голубей,— опустѣетъ домъ, гдѣ они завелись (Болгар.).

Завести голубей нетрудно, лишь бы кормъ имъ былъ:

Будь въ голубятникѣ кормъ—голуби слетятся.

Летитъ голубь на привабу.

Голубямъ тоже горе терпѣть приходится, когда корма нѣтъ' а всего болѣе отъ коршуна, который ихъ въ полѣ подкарауливаетъ:

Die Tauben haben auch ihre Noth, fehlt's an Gerste, fehlt's an Brod.

Fliegt die Taube zuletzt ins Feld, zuletzt der Habicht sie behält.

Впрочемъ, и отъ голубей человѣку вредъ живетъ, они зерно на полѣ выклевываютъ,—но изъ-за этого не бросать же сѣять!

Wenn man sich auch von den Tauben fürchtet, man muss doch säen.

Голубинымъ перьямъ французы приписываютъ свойство распространять чахотку; поэтому ихъ не совѣтуютъ класть въ постели:

La plume des pigeons ne doit pas être mise dant les lits, autrement les personnes qui y coucheraient deviendraient poitrinaires.

Ласточка.

Ласточки, какъ и голуби, считаются любимыми Богомъ птицами; онѣ приносятъ счастье дому, на которомъ свили гнѣздо. Убивать ихъ, или ихъ птенцовъ, или разорять ихъ гнѣзда—грѣхъ, за который онѣ могутъ и отплатить.

Большой грѣхъ ласточекъ убивать, потому что онѣ — Божьи куры (Грузин.).

Ластовяче гніздо гріх руйнувати (Галиц.).

Касаткино гнѣздо грѣхъ зорить (разорять).

Ласточки подъ кровлею—къ счастью.

Les hirondelles sont des augures de bonheur; leurs nids préservent les habitations de tout malheur.

Les hirondelles portent bonheur aux maisons, où elles vont nicher.

Die Schwalbe und ein Gast bringen Glück im Haus.

Wenn man Schwalben im Haus hat, schlägt der Blitz nicht ein.

Ласточка вьетъ свое гнѣздо на томъ домѣ, гдѣ живутъ добрые люди (Имерет.).

Ласточка—птица священная, потому что она поетъ пѣсни изъ Корана,

—говорятъ татары Закавказскаго края.

Нѣмцы считаютъ, что ласточкамъ покровительствуетъ Пресвятая Богородица, это Ея птички:

Die Schwalben sind der Mutter Gottes Vögel.

Если разорить гнѣздо ласточки, то она можетъ отомстить слѣдующимъ образомъ: подлѣзетъ подъ вымя коровы и тѣмъ молоко у нея испортитъ; корова станетъ молока давать мало и съ кровью (Орловск. губ.)—а по другому повѣрью она хату спалитъ: у ласточки на шеѣ есть красное пятнышко, которое въ народѣ признается огнемъ; вотъ этимъ-то своимъ огнемъ она хату и подожжетъ. У нѣмцевъ еще того хуже: кто разорилъ гнѣздо ласточки, у того лучшая штука скота на дворѣ выпадетъ:

Wo man ein Schwalbennest zerstört, fällt das schönste Stück Vieh im Stall.

Если поймать ласточку, будетъ несчастье (Кубан. обл.).

Если же кто застрѣлитъ ласточку, у того родители помрутъ:

Wer eine Schwalbe schiesst, dem sterben Vater und Mutter.

Як хто забе ластівку, тому мати вмре (Галиц.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у насъ говорятъ, что къ ласточкамъ и даже къ ихъ яйцамъ не слѣдуетъ прикасаться:

Если взять въ руки ласточку или ласточкины яйца, то на лицѣ появятся веснушки (Бѣлор.).

Малороссы считаютъ пометъ ласточки ядовитымъ; если онъ попадетъ на голову, то образуется парша, а если въ глаза, то ослѣпнешь:

Якъ напаскудыть ластівка на очи, то той осліпне (Малор.).

Нѣмцы увѣряютъ, что въ ласточкиномъ гнѣздѣ скрытъ камень, обладающій чудодѣйственной силою; кто его сумѣетъ достать, тотъ будетъ счастливъ:

Im Schwalbennest liegt ein Stein verborgen, wer den heben kann, der wird glücklich.

Ласточка съ ранняго утра пробуждается:

Ласточка день начинаетъ (соловей вечеръ кончаетъ).

Прилетъ ласточекъ (около Благовѣщенія) предвѣщаетъ наступленіе весны; отлетъ (около Рождества Богородицы) совпадаетъ съ окончаніемъ лѣта:

A l'Annonciation les hirondelles viennent annoncer la belle saison; à la Nativité elles nous quittent avec l'été.

О томъ, что одна ласточка весны не дѣлаетъ, уже было говорено выше. У нашихъ крестьянъ существуетъ повѣрье:

Кто при первой ласточкѣ молокомъ умоется—бѣлъ будетъ.

Армяне же увѣряютъ, что

Ласточку на весеннемъ перелетѣ напередъ всѣхъ добрый человѣкъ увидитъ (Армян., Закавк. кр.).

Прилетаютъ къ намъ ласточки съ веселымъ пѣніемъ, а улетаютъ молча:

Schwalben kommen mit fröhligem Gesang, und ziehen stillschweigend hinweg.

При перелетѣ черезъ море, ласточкѣ крылья не въ тягость:

Wenn die Schwalbe fliegt über's Meer, sind ihr die Flügel nicht zu schwer.

Ласточки улетаютъ—мухи остаются:

Wenn die Schwalben fliegen, bleiben hier die Fliegen,

—тутъ все дѣло, кажется, только въ рифмѣ, потому что осенью, когда улетаютъ ласточки, исчезаютъ и мухи. Когда въ поляхъ снѣгъ появится, ласточекъ въ воздухѣ уже не увидишь:

Wenn der Hase über'm Schneehaufen springt, keine Schwalbe mehr in den Lüften schwingt.

Пока ласточки съ мѣста на мѣсто перелетываютъ, воробьи у нихъ гнѣзда отнимаютъ:

Während die Schwalbe herumfliegt, raubt ihr der Sperling das Nest.

Когда ласточка за море улетаетъ, она свое гнѣздо оставляетъ, а по прилетѣ опять его занимаетъ, въ противномъ случаѣ дому грозитъ бѣда:

Die Schwalbe lässt ihr Nest da, wenn sie ins Warme Land fliegt.
Eine alte Schwalbe weiss ihr Nest.

Если ласточка (касатка) не вернется весною назадъ въ старое гнѣздо, то это предвѣщаетъ пожаръ.

За постой ласточки хозяину дома пометомъ платятъ,—птичій пометъ, какъ извѣстно, составляетъ хорошее удобреніе, хотя и немного его отъ ласточекъ наберется:

Die Schwalben bezahlen ihre Hausmieth mit Mist.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ повѣрье, что не слѣдуетъ начинать купаться до тѣхъ поръ, пока ласточка не окунулась въ воду, что бываетъ, приблизительно, будто бы около Троицына дня.

Въ Малоросіи, а мѣстами и во внутреннихъ губерніяхъ, существуютъ вполнѣ фантастичныя представленія о томъ, что ласточки на зиму не улетаютъ, а зимуютъ въ моряхъ, рѣкахъ, озерахъ или колодцахъ.

Ласточки, исцѣплявшись вереницею, ложатся на зимовку въ моря и озера.

То же повѣрье существуетъ и въ Галиціи, гдѣ также говорятъ, что ласточки на зиму не улетаютъ, а ложатся подъ водою, сцѣпившись ножками, цѣлою цѣпью, отъ одного берега рѣки или озера до другого.

При появленіи же ласточки весною и слушая ея веселое пѣніе, говорятъ:

Защебетала ласточка, со дна моря вылетаючи.

Другое, не менѣе фантастическое представленіе, состоитъ въ томъ, что

Журавли, отлетая, уносятъ ласточекъ подъ крыломъ.

Болгары думаютъ, что ласточекъ уносятъ черезъ море аисты на своей спинѣ.

Зато вполнѣ вѣрны слѣдующія наблюденія насчетъ осенняго отлета ласточекъ:

Ласточка отлетаетъ еще зàтепло,

— предчувствуя наступленіе холодовъ;

Если ласточки рано отлетаютъ, скоро наступятъ холода.

Улетая осенью, ласточки разстаются съ нами не на вѣкъ:

Гдѣ ласточкѣ ни летать, а къ веснѣ опять прилетитъ.

Жаворонокъ.

Про жаворонковъ говорится довольно много, особенно у нѣмцевъ, но больше въ связи съ наблюденіями надъ временемъ ихъ весенняго прилета, приурочиваемаго, хотя и не всегда вѣрно, къ извѣстнымъ днямъ, напримѣръ, у насъ къ 9-му марта, и связываемаго съ началомъ полевыхъ работъ.

Jak skowronek zaswiergoli, mysla chłopi o roli (Польск.—Какъ жаворонокъ запоетъ, мужикъ о полевой работѣ помышляетъ).

Жаворонки, какъ и ласточки, всѣхъ раньше по утру пробуждаются и наполняютъ воздухъ своимъ веселымъ звонкимъ щебетаньемъ:

Жаворонки ночь по утру будятъ.

Matineux, comme une alouette,

— говорятъ французы,—кто съ жаворонками встаетъ, будетъ и пѣть, какъ они:

Qui se lève comme l'alouette, chantera comme elle.

Гнѣзда свои жаворонки располагаютъ на землѣ, а поютъ высоко въ воздухѣ, при чемъ, чѣмъ выше они залетаютъ, тѣмъ веселѣе поютъ; всего охотнѣе гнѣздятся они въ пшеницѣ, за неимѣніемъ же ея — въ ржаныхъ поляхъ:

Die Lerche nistet an der Erde und singt hoch im Himmel.

Je höher die Lerche fliegt, desto liebliger singt sie.

Faute de froment, les alouettes font leurs nids dans le sègle.

Если судить по слѣдующему французскому изреченію, жаворонки всего болѣе предпочитаютъ песчаныя почвы:

Terres sablonneuses—terres à alouettes.

Когда жаворонокъ слишкомъ высоко залетаетъ, его поѣдаетъ ястребъ:

Wenn die Lerche zu hoch fliegt, frisst sie der Habicht.

У каждаго жаворонка свой чепчикъ (хохолокъ), говорятъ нѣмцы:

Jede Lerche hat ihr Haüblein.

Во многихъ мѣстахъ ловятъ жаворонковъ на свѣтъ, при помощи отражающаго солнечные лучи зеркала (miroir à alouettes), на которое они и слетаются:

Man fängt die Lerchen mit dem Lichte.

Лѣсной жаворонокъ у французскихъ крестьянъ служитъ живымъ флюгеромъ: они подмѣтили, что онъ всегда поетъ, повернувшись клювомъ въ сторону вѣтра:

Le cujelier (alouette des bois) sert de girouette aux paysans;—il chante toujours le bec tourné du coté des vents.

Кукушка.

Про кукушку изреченій очень много на всѣхъ языкахъ. Она характеризуется преимущественно тѣмъ, что гнѣзда не вьетъ, яицъ не высиживаетъ и птенцовъ не выводитъ, и затѣмъ славится своимъ пѣніемъ, кукованіемъ.

У кукушки нѣту дружки,—кукушки парами не живутъ и гнѣздъ не вьютъ.

Не диво, что кукушка по чужимъ гнѣздамъ лазитъ (въ чужое гнѣздо полѣзла), а вотъ бы диво, кабы свое завила.

Французы называютъ кукушку незаконнорожденной, потому что ее чужіе воспитали:

Le coucou est un bâtard, parce qu'il est élevé par des étrangers.

Овсянкѣ на радость, кукушка яичко снесла (положила въ гнѣздо овсянки).

Плакала кукушка, что дѣтей отдала въ люди (Терск. губ.).

Кукушка кукуетъ, по бездомью горюетъ.

Der Kukuk legt seine Eier in fremde Neste.

О томъ кукушка кукуетъ, что своего гнѣзда нѣтъ.

Der Kukuk legt stets in ein ander Nest.

Въ Витебской губерніи, г. Никифоровскому удалось отыскать распространенную среди мѣстныхъ крестьянъ легенду о томъ, отчего кукушка своего гнѣзда не вьетъ и яйца на сторону для высиживанія отдаетъ; оказывается, что это есть результатъ супружескихъ несогласій между ею и ея супругомъ, самцомъ—кукушемъ, несогласій, начавшихся еще со временъ пребыванія ихъ въ Ноевомъ ковчегѣ; во время плаванія въ ковчегѣ птахи и птушки спарилися и кукушъ такъ не взлюбилъ своей самки, что когда въ Петровъ день животныя выходили изъ ковчега, Ной принужденъ былъ передать другимъ птицамъ покинутую кукушку; и съ того времени, отъ ранней весны и до Петрова дня, когда всѣ птицы не только устраиваютъ свои гнѣзда, но и выводятъ дѣтей, одинъ только кукушъ тщетно

ищетъ своей пары, выкликивая ея имя, теряетъ время для устройства гнѣзда и вывода дѣтей, потому что его переданная другимъ птицамъ самка служитъ своимъ хозяевамъ, которымъ отдаетъ и свою единственную дорогую собственность—свои яйца (Полоц. уѣздъ, Витеб. губ.). Есть, впрочемъ, на этотъ счетъ и такія повѣрья, что кукушка есть оборотень покинутой мужемъ жены, на вѣкъ оставшейся бездомной; кукушка—превращенная въ птицу за разныя прегрѣшенія женщина, дѣвушка, и т. п.

Зозуля — удова, потому и гнѣзда не вьетъ (Малор.).

Тоскуя о своемъ вдовьемъ положеніи, кукушка слезы роняетъ, которыя потомъ крестьяне находятъ затвердѣвшими на нѣкоторыхъ растеніяхъ; въ дѣйствительности это яички бабочки шелкопряда-кольцедѣлателя (Gastropacha [Malacosoma] neustria); эта бабочка откладываетъ свои яички въ видѣ кольца вокругъ тонкихъ вѣточекъ различныхъ фруктовыхъ деревьевъ, — склеивая ихъ липкой, быстро затвердѣвающей слизью. Часто встрѣчая такія кольца и не зная ихъ происхожденія, крестьяне называютъ ихъ—«кукушкиными слезками».

Кукушку, во вниманіе къ ея вдовству и бездомному положенію, у насъ называютъ «горькой»; живетъ она «тепла гнѣзда не грѣючи, малыхъ дѣтокъ не лелѣючи».

Существуетъ еще у русскихъ крестьянъ мѣстами и такое повѣрье, что кукушекъ-самцовъ вовсе нѣтъ, а только кукушки-самки, самцовъ же имъ замѣняетъ ястребъ.

Въ Германіи, гдѣ кукушка мужского рода (der Kukuk) ее считаютъ превращеннымъ въ птицу мужчиной.

Про человѣка бездомнаго, который наровитъ къ чужому очагу пристроиться, говорится, что онъ

Какъ кукушка по чужимъ гнѣздамъ витаетъ.

Долго кукушка кукуетъ, прежде чѣмъ яичко снесетъ:

Ein Kukuk schreit lange, ehe er ein Ei legt.

Молодая кукушка одинаково со старой кукуетъ, свое имя выкликаетъ; и не гармонично ея пѣнье, да она лучше не умѣетъ:

Den Gauch (Kukuk) erkennt man am Gesang.

Kein Kukuk singt wie eine Nachtigall.

Kukuk und Nachtigall singen nicht ein Lied.

Der junge Kukuk ruft wie der Alte.

Der Kukuk singt im neuem Jahr, so wie sein Sang im alten war.

Der Kukuk ruft seinen Nahmen aus (seinen Nahmen selbst).
Jamais coucou ne chanta belle chanson.

Man muss den Kukuk lassen kuken, er hat's nicht besser gelernt.

Впрочемъ, нѣмцы иронически замѣчаютъ, что каждый свою кукушку выше чужого соловья ставитъ:

Jeder meint, sein Kukuk singe besser, als des anders (des Nachbars) Nachtigall.

Когда кукушка къ намъ весной возвращается, то она съ собою тепло приноситъ:

Le coucou ramène le temps doux.

Кукушка не обманетъ, какъ ее заслышишь, значитъ лѣто близко:

The cuckoo tells no lies,— when he sings, the summer is near.

И этотъ день мѣстами празднуется; такъ, въ Шотландіи существовалъ въ старые годы обычай не работать въ тотъ день, когда запоетъ первая кукушка.

Нѣмцы замѣчаютъ, что кукушка начинаетъ пѣть не прежде, чѣмъ овесъ зазеленѣетъ.

Der Kukuk schreit nich eher, bis der Hafer grün wird.

Куковать кукушка начинаетъ то раньше, то позже, глядя по веснѣ, причемъ уже были приведены разнообразныя примѣты, основывающіяся на времени и условіи ея кукованія, на голомъ лѣсу или когда деревья уже въ зелени. У насъ обращается вниманіе на то, кого раньше услышишь — соловья или кукушку:

Заслышишь весной соловья раньше кукушки—къ счастливому, услышишь кукушку раньше соловья — къ несчастному лѣту (Ворон. губ.).

Весенній прилетъ кукушекъ совпадаетъ съ короткими и теплыми весенними дождями, которыя поэтому во Франціи и называются кукушкиными дождями:

La pluie de coucou—aussitôt mouillé, aussitôt sec.

Съ пѣніемъ кукушки все въ лѣсу пробуждается, оживаетъ старъ и младъ:

Wenn der Kukuk ruft im Wald, dann regt sich Jung und Alt.
Der Kukuk mit seinem Gesang macht Jedermann froh.

У насъ и кукушкѣ приписывается свойство бѣду накликать:

Кукушка кукуетъ—горе вѣщуетъ.
Кукушка натощакъ окукуетъ—не къ добру.
Если кукушка кукуетъ въ затылокъ—не къ добру (Перм. губ.).
Кукушка летаетъ по деревнѣ—къ пожару.
Куковала бы кукушка на свою голову.
Когато кукумьавката кука на мръкиуване срѣщу нѣкоя кѫща, не е на добро; показвало че ще умрѣ нѣкой отъ тази кѫща (Болгар.—Когда кукушка въ сумерки кукуетъ предъ какимъ-нибудь домомъ, это не къ добру—въ домѣ томъ кто-нибудь умретъ).

Можно, однако, и кукушкино кукованье къ добру обратить:

При первой кукушкѣ брякни деньгами—чтобы водились.
Зозуля якъ первый разъ закуе, а у чоловіка есть въ кышені грошы, то и цілый годъ будутъ (Малор.).

Малороссы совѣтуютъ даже припасать деньги, чтобы они были въ карманѣ при первомъ пѣніи кукушки весною въ лѣсу:

Сховай копѣйку (грашульку) на зюзюльку.
Сховай три грошы у руку на куку.

Этимъ поговоркамъ можно придавать и переносное значеніе; надо припасать деньги на весну,—когда всякіе запасы прибрались, продавать нечего, доходовъ нѣтъ и деньги нужны на прожитокъ вплоть до новой новины, до которой еще далеко.

У вотяковъ существуетъ примѣта, что гдѣ много кукушекъ, тамъ хорошо водятся пчелы:

Гдѣ кукушка кукуетъ, въ той сторонѣ больше будетъ роевъ пчелъ.

Англичане пребываніе кукушки въ нашихъ краяхъ очерчиваютъ такъ:

In April the cuckoo shows his bill, in May he sings all day, in June he alters his tune, in July he prepares to fly, in August go he must,

— т. е. въ апрѣлѣ кукушка свой носъ показываетъ, въ маѣ поетъ весь день, въ іюнѣ напѣвъ мѣняетъ, въ іюлѣ къ отлету собирается, въ августѣ отлетать должна. Тѣ же англичане увѣряютъ, что кукушка высасываетъ яички маленькихъ птичекъ, чтобы себѣ горло для пѣнья прочищать:

The cuckoo sucks little birds eggs, to make his voice clear.

Пѣніе кукушки продолжается не долго:

Der Kukuk schreit nur kurze Zeit.

Нѣмцы говорятъ, что кукушка и Плеяды другъ друга не переносятъ,—когда Плеяды появляются на небѣ, кукушка замолкаетъ:

Der Kukuk nnd das Siebengestirn (Pleiaden) können sich nicht vertragen (man sieht sie beide nicht zusammen).

So lange der Kukuk ruft, ist das Siebengestirn nicht sichtbar; geht es aber auf, so hört der Kukuk auf zu rufen.

Пѣніе кукушки, какъ и соловья, прекращается въ періодъ созрѣванія хлѣбовъ и цвѣтенія нѣкоторыхъ растеній:

Кукушка житнымъ зерномъ (колоскомъ) подавилась.

Зозуля на Петра (29-го іюня) мандрыкою вдавыцця — хрыпко стане куваты (Полтав. губ.).

Der Kukuk hört auf zu rufen, wenn er den Wiesbaum fallen hört, oder das erste Mandel auf dem Kornacker sieht.

The first cock of hay fright the cuckoo away (Первая копна сѣна кукушку отпугиваетъ).

Если кукушка долго не замолкаетъ, то это служитъ плохимъ предзнаменованіемъ:

Когда кукушка послѣ Петрова дня продолжаетъ куковать, плохой годъ будетъ, самъ закукуешь, какъ кукушка (Смол. губ.).

Когда кукушка замолкаетъ, начинаетъ пѣть жаворонокъ:

Wenn der Kukuk schweigt, beginnt die Lerche.

Ночная кукушка денную перекукуетъ,

— говорится у насъ иносказательно про жену, вліяніе которой надъ мужемъ всегда сильнѣе вліянія тѣхъ, кого онъ видитъ только при дневномъ свѣтѣ, а жена, что захочетъ, то ночью ему и напоетъ.

Какъ уже замѣчено выше, кукушка улетаетъ раньше другихъ птицъ, въ виду приписываемыхъ ей въ вырѣ особенныхъ обязанностей ключницы.

Сколько бы кукушка ни куковала, а къ зимѣ отлетаетъ.

Малороссы увѣряютъ, что кукушка не сама летитъ въ теплыя страны, или въ вырай, а ее несетъ на себѣ удодъ (Подольск. губ.); такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ, какъ при высиживаніи яицъ, кукушка предпочитаетъ чужимъ трудомъ пользо-

ваться. Но само собою разумѣется, что это представленіе вполнѣ фантастично.

Повсемѣстно приписываютъ кукушкѣ свойство куκованіемъ предсказывать человѣку года его жизни.

Кукушка человѣку года предрекаетъ.

У насъ считаютъ нужнымъ обращаться къ кукушкѣ за такимъ предсказаніемъ натощакъ — только тогда оно дѣйствительно:

Сколько разъ кукушка *натощакъ* кого окукуетъ (кому закукуетъ), столько лѣтъ тому жить.

Обращаются къ кукушкѣ за пророчествомъ о годахъ жизни различно; въ Смоленской губерніи, напримѣръ, говорятъ при этомъ такъ:

Кукушка сѣра, загодуй смѣла: сколько лѣтъ жить, когда помереть?

Во Франціи употребляютъ разныя формулы обращенія къ кукушкѣ:

«Coucou, regarde dans ton grand livre, combien j'ai d'années à vivre?»

«Coucou des vignes, coucou des champs, combien vais-je encore vivre d'ans?»

Формы обращенія къ кукушкѣ у нѣмцевъ такія:

«Kukuk vom Himmel, wie lange soll ich leben?»

«Kukuksknecht, sag mir recht, wie lang ich leben soll ohne Mann und ohne Kind, ohne Kukuk Fingerring (Thüringen).

Спрашиваютъ во Франціи молодыя дѣвушки кукушку также о томъ, сколько еще имъ лѣтъ до замужества осталось:

«Coucou des villes (des vignes?), coucou des bois, combien ai-je d'ans à me marier?»

Нехорошо въ первый разъ, натощакъ, услыхать пѣніе кукушки—это будетъ имѣть печальныя послѣдствія для самого и для скота:

Если весной въ первый разъ услышишь, натощакъ, пѣніе кукушки, будешь цѣлый годъ бѣденъ хлѣбомъ (Вотяц.).

Какъ кукушка закукуетъ голоднаго, - осенью не закармливай скотины, всю зиму будетъ голодная (Яросл. губ.).

Кукушки смолоду отличаются большою прожорливостью:

Un jeune coucou mange beaucoup.

У кукушки тоже есть свой праздникъ—14-го или 15-го апрѣля; въ Англіи 14-го апрѣля называется «кукушкинымъ днемъ»:

The cockook's day.
Der Kukukstag,

— въ Германіи 15-го апрѣля.

Повсемѣстно почти существуетъ убѣжденіе, что кукушка подъ старость, или когда она перестаетъ куковать, или на зиму, превращается въ ястреба-перепелятника:

Entre juin et juillet le coucou devient émouchet (oiseau de proix).
Im Winter der Kukuk verwandelt sich in einen Sperber.

Вѣроятно, тутъ играетъ роль нѣкоторое сходство оперенія кукушки съ ястребомъ-перепелятникомъ.

На ряду съ этимъ существуютъ разсказы, по которымъ кукушка претерпѣваетъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ превращеній, — въ крагульца (копчика), въ ястреба и даже въ орла; черезъ годъ кукушка обращается въ крагульца, черезъ два года въ ястреба, черезъ три—въ орла, такъ что эти птицы самостоятельно не родятся, а всѣ происходятъ отъ кукушки. По другому повѣрью, кукушка на седьмомъ году своей жизни превращается въ крагульца и дѣлается врагомъ человѣка, скрывается подъ стрѣхой хатъ и нападаетъ на домашнюю птицу, ласточекъ и воробьевъ. Благодаря этому, птицы боятся кукушки, хотя она сама и не хищная птица, но потому, что видятъ въ ней будущаго хищника-ястреба; завидя кукушку, ласточки и воробьи собираются въ стаи и летаютъ за ней, стараясь ей мстить (Н. Ѳ. Сумцовъ).

Съ другой стороны, народная поговорка ставитъ и старую кукушку выше ястреба:

И старую кукушку на ястреба не промѣнять.

Про человѣка, сдѣлавшаго неудачный обмѣнъ, говорится:

Вымѣнялъ кукушку на ястреба.

Соловей.

Почти всѣ изреченія про соловья, пѣвца лѣсовъ и рощъ, касаются его пѣнія, которымъ онъ превосходитъ всѣхъ другихъ птицъ; поминается также про несоотвѣтствіе его роста, его сѣраго, некрасиваго оперенья, съ его чуднымъ и сильнымъ голосомъ.

Малъ соловейко, да голосъ великъ (да голосистъ).
Die Nachtigall ist ein kleiner Vogel, aber ihr Gesang hört man weit.

Соловей — птичка невеличка, а поетъ—лѣсъ дрожитъ.
Wer die Nachtigall loben will, muss nicht auf die Federn sehen.

Соловья-разбойника не пересвищешь.

Пѣньемъ своимъ соловей-самецъ старается привлечь и развлечь самку, хотя весьма вѣроятно, что онъ услаждается имъ и самъ; поговорка гласитъ:

Соловей поетъ—себя тѣшитъ.

Соловьи въ разныхъ мѣстахъ поютъ на разные лады; лучшими, какъ извѣстно, у насъ считаются курскіе. Всѣхъ колѣнъ соловьинаго пѣнья различаютъ двѣнадцать, а у курскихъ еще больше. Каждое колѣно имѣетъ у знатоковъ и любителей свое названіе: пульканье, клыканье, дробь, раскатъ, пленьканье, лѣшева-дудка, кукушкинъ перелетъ, гусачекъ, юлиная стукотня, починъ, оттолчка и пр.

Не выпускай соловья изъ клѣтки, пока пѣсни не споетъ.

Соловей да кукушка въ одно время поютъ, да не одну пѣсню.

Nachtigall und Kukuk singen wohl zu einer Zeit, aber nicht ein Lied.

The nightingale and the cuckoo sing both in one month (Соловей да кукушка въ одномъ мѣсяцѣ поютъ).

Хотя нѣмцы и говорятъ, что голодный соловей лучше поетъ:

Eine hungernde Nachtigall singt am schönsten,

—но, однако, и соловью кормиться надо:

Соловья баснями (пѣснями) не кормятъ.

Auch die Nachtigall wird nicht mit Worten gefüttert.

Любимую пищу соловья составляютъ мелкія насѣкомыя, въ неволѣ же онъ всего охотнѣе ѣстъ таракановъ:

Падокъ соловей на таракановъ (а человѣкъ на льстивыя рѣчи).

Соловья за пѣсни кормятъ.

Начинаетъ соловей свои трели въ лѣсу, обыкновенно, уже послѣ распусканья листьевъ на березѣ:

Соловей начинаетъ пѣть, когда можетъ напиться росы съ березоваго листа (Южн. губ.),

—болѣе раннее начало пѣнья соловья (какъ и кукушки)—на голомъ лѣсу считается предвѣстіемъ неурожая.

Пѣніе соловья, такъ же, какъ и кукованье кукушки, прекра-

щается ко времени уборки сѣна, созрѣванія хлѣбовъ, и вывода имъ птенцовъ.

Соловей співа (поетъ), поки дітій ні вывиде (Малор.).

Quand le rossignol a vu ses petits, il ne chante plus.

Wenn die Nachtigall Heuhaufen sieht, hört sie auf zu schlagen.

Когда ячмень колосится—соловей замолкаетъ.

Соловійко вдавився ячмінымъ колоскомъ (Малор.).

Соловійко щебече, покы жито почне колосъ выкыдаты, а тоды вже його не чуты (Полтав. губ.).

Соловейко спивае, покы на ячмени колосу не мае; якъ показывся колосъ, тоды пропавъ його голосъ (Кіев. губ.).

Потерявъ соловейко голосъ черезъ яшный колосъ (Кіев. губ.).

Плохо приходится соловью, коли онъ не успѣлъ во время хорошимъ кормомъ поживиться:

Щипать соловью калину, пропустя малину,

—эта поговорка имѣетъ такой же смыслъ, какъ и другая, всѣмъ извѣстная «спустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходятъ».

Соловьи стараются свои гнѣзда скрывать отъ взоровъ людей и будто бы сейчасъ покидаютъ ихъ и летятъ прочь, если люди дотронутся до гнѣзда, либо даже только заглянутъ въ него, хотя бы ихъ самихъ въ это время въ гнѣздѣ не было, а только одни яйца; какимъ то образомъ они немедленно узнаютъ о такомъ нарушеніи неприкосновенности ихъ жилища:

Коли доторкнути ся до соловіевого гнізда, або заглянути въ него, хоч би там і не було старих, а тілько сами яйця, то він зараз пізнае, покине гніздо і яйця і летить четь (Галиц.).

Дятелъ.

Про дятла ходитъ въ народѣ разсказовъ сравнителько не много, при чемъ они почти всѣ вращаются вокругъ его свойства дерево долбить; выше было приведено французское объясненіе этого свойства, которое дано ему Богомъ въ наказаніе за то, что онъ Божьей воли ослушался; въ дѣйствительности, онъ долбитъ дерево, выковыривая изъ него насѣкомыхъ и личинокъ, которыми питается. Извѣстно, что дятелъ, подолбивъ дерево съ одной стороны, тотчасъ же перелетаетъ на другую, тамъ подолбитъ и опять обратно. Это объясняется тѣмъ, что онъ—глу-

пая птица,—летитъ на другую сторону дерева, чтобы посмотрѣть, не прошелъ ли насквозь его клювъ. Французы говорятъ, что дятелъ перелетаетъ съ одной стороны дерева на другую, чтобы посмотрѣть, не продолбилъ ли онъ стволъ насквозь:

Le pivert donne un coup de bec dans l'arbre et passe de l'autre coté pour voir, s'il est traversé.

Въ дѣйствительности же, образъ дѣйствія дятла въ этомъ случаѣ гораздо разумнѣе: когда онъ тюкаетъ дерево съ одной стороны, гнѣздящіяся въ разсѣлинахъ коры насѣкомыя переходятъ на другую, и онъ тутъ ихъ ловитъ, и такъ постоянно.

Дятель никогда не натыкается.
Дятелъ и дубъ продалбливаетъ.

Для дерева работа дятла представляется, однако, очень вредной. Если же дятелъ прилетитъ и начнетъ долбить домъ, то это считается очень плохою примѣтою:

Если дятелъ долбитъ дерево живое (растущее), то къ смерти дерева (оно засохнетъ).

Дятелъ держится иногда и вблизи строеній и тогда, смотря по тому, что онъ клюетъ, выводятся и разныя предсказанія, болѣе или менѣе неблагопріятныя для людей; такъ:

Если дятелъ долбитъ домъ въ переднемъ углу—то къ смерти хозяина.

Если дятелъ весною долбитъ по преимуществу изгородь, то наступающее лѣто будетъ червивое; если стѣны холодныхъ строеній—будетъ много мышей; стѣны жилыхъ помѣщеній—къ смерти одного изъ членовъ семьи (Витеб. губ.).

Согласно всѣмъ этимъ примѣтамъ, дятелъ—птица зловѣщая, своимъ стукомъ предвѣщаетъ несчастье. Однако, по инымъ повѣрьямъ, онъ птица священная, приносительница огня молній; въ весеннюю пору гнѣздо дятла отмыкается молніей. Во многихъ мѣстахъ — въ губерніяхъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ, въ Галиціи, въ Чехіи и въ Германіи — дятлу приписывается свойство находить разрывъ-траву: повѣрье говоритъ, что дятелъ знаетъ такую траву, которая можетъ отомкнуть всякій замокъ; чтобы отнять у дятла эту траву, нужно найти его гнѣздо и заткнуть входъ въ него деревянными колышками; дятелъ попробуетъ сперва силу своего клюва, чтобы проникнуть въ гнѣздо, а затѣмъ полетитъ и принесетъ добытую имъ гдѣ-то разрывъ-

траву; подъ деревомъ, гдѣ гнѣздо, нужно разстелить красный платокъ,—дятелъ приметъ его за огонь, разложенный подъ деревомъ, и упуститъ на него траву.

Дятла носъ кормитъ, но отъ него онъ же и пропадаетъ, такъ какъ по далеко слышному въ лѣсу тюканью дятла, его и находятъ:

Der Specht muss den Schnabel wagen, will er füllen seinen Magen.
Кабы на дятла не свой носокъ, никто бы его въ лѣсу не нашелъ.
Чортъ бы дятла знавъ, коли бь не его нісъ! (Подоль. губ.).
Le pivert se perd par son bec.

Отъ вѣчнаго тюканья по дереву у дятла головка разбаливается, и онъ по ночамъ стонетъ:

Якъ послухать въ'ночі коло дятлова гніада, то можно почуть, якъ вінъ стогне; то въ ёго голова болыть отъ того, що він цілый день клювавъ (Малор.).

Такъ какъ дятелъ, по приведенному выше французскому повѣрью, можетъ пить одну дождевую воду, то онъ знаетъ и способъ искусственно вызывать дождь; для этого стоитъ только ему, будто бы, разорить и разбросать муравьиную кучу — и дождь непремѣнно пойдетъ...

Перепелъ.

Перепелъ имѣетъ во многихъ мѣстахъ Россіи большое значеніе, какъ предметъ охоты, преимущественно промысловой и любительской, на дудку. На Меѳодія, 20-го іюня, хотя охота въ это время теперь у насъ запрещена, перепелятники стараются непремѣнно поймать хоть одного перепела, иначе будетъ неудача на весь годъ. Особенное же счастье поймать бѣлаго «Князь-перепела», тогда вся будущая охота будетъ удачна, перепела сами будутъ летѣть въ руки.

Перепеловъ всего больше ловятъ зо́рями, на дудку:

Не ударишь въ дудку—не полетитъ и перепелъ.

Удачный ловъ перепеловъ предсказывается по слѣдующій примѣтѣ:

Коли надъ озимью носится тенетникъ (паутина) и мошка, будетъ уловъ перепеловъ (Курск. губ.).

Перепела вьютъ гнѣзда на землѣ и на деревья не взлетаютъ:

Перепелка не садится на деревья, такъ какъ это ея роду несвойственно (Имерет.).

Въ подростающемъ хлѣбѣ перепелкѣ есть гдѣ скрываться; всего же болѣе, повидимому, любитъ она просо:

До уборки проса перепелка барствуетъ (Татар., Эрив. губ.).

Впрочемъ, перепелкѣ вездѣ хорошо, лишъ былъ бы кормъ, да возможность отъ враговъ укрыться:

У перепелки нѣтъ дома: куда ни полетитъ—пѣсни поетъ (Сарт., Туркест. кр.).

Пѣнье, или, какъ у насъ говорится, бой перепела довольно однообразенъ; за то, ему приписываютъ особое значенье: глядя по тому, сколько разъ перепелъ вавакнетъ, судятъ о томъ,—и у насъ, и за границей,—сколько съ полосы хлѣба соберется, или сколько хлѣбъ будетъ на рынкѣ стоить, и т. п. Этого рода повѣрья были уже приведены въ другой части нашей книги и повторять ихъ здѣсь нѣтъ надобности.

На зиму перепела, какъ и бо̀льшая часть другихъ птицъ, изъ-за недостатка корма, улетаютъ въ теплые края. Существуютъ, однако, указаніе, едва ли основательное, что

Перепела-поздныши нерѣдко зимуютъ въ норахъ.

Есть и другое мнѣніе, распространенное въ Галиціи, что иногда перепела, не отлетая, проводятъ зиму въ дуплахъ деревьевъ:

Перепелиця нераз зимуе у нас: запхае ся въ дупло, закоченіе тамъ, а на весну знов прийде до себе.

Къ осени перепела въ отлетъ собираются; въ это время на нихъ охотятся бо̀льшею частью съ собаками—наѣвшись спѣлыхъ зеренъ, они летаютъ съ трудомъ и потому ихъ осенью особенно много бьютъ и готовятъ впрокъ на зиму, заливая жиромъ; какъ ни горестно перепелкѣ съ насиженными мѣстами разставаться, однако, ничего не подѣлаешь, у насъ ей оставаться нельзя:

Тужитъ—горюетъ перепелочка, гдѣ-то мнѣ зимовать будетъ?

Скворецъ.

Очень извѣстная, повсюду распространенная птица-скворецъ, весьма полезная тѣмъ, что она поѣдаетъ огромное количество насѣкомыхъ, для чего ее стараются привлечь въ сады, нарочно строя для нея скворешницы, въ которыхъ она охотно гнѣздится,—тѣмъ не менѣе, почти не останавливаетъ на себѣ вниманія народныхъ

наблюдателей и никакими изреченіями не характеризуется. У насъ въ Сибири, замѣчаютъ только, что скворцовъ ѣсть нельзя, и опять-таки по очень оригинальной причинѣ—потому, что они скачутъ, а не ходятъ. Впрочемъ, скворцы и не могутъ быть особенно вкусны, такъ какъ они, при всей своей необычайной прожорливости, бываютъ большею частью очень худы. Французы это объясняютъ тѣмъ, что скворцы, обыкновенно, особенно къ осени, собираются большими стаями, такъ что на долю каждой птички немного корма достается:

Ce qui fait l'étourneau maigre, c'est la grosse bande.
Les étourneaux sont maigres, parce qu'ils vont en troupes.

Въ Ставропольской губерніи и скворецъ считается птицею, приносящею дому несчастье:

Много скворцовыхъ гнѣздъ на домѣ—къ несчастью.

Кромѣ обыкновеннаго, всѣмъ извѣстнаго, скворца, на югѣ существуетъ еще розовый или каменный скворецъ, который является самымъ усерднымъ истребителемъ саранчи, и обыкновенно слѣдуетъ за ея стаями, истребляя ее въ огромныхъ количествахъ. Въ Турціи есть повѣрье, что скворецъ, прежде чѣмъ съѣсть одну саранчу, убиваетъ ихъ десять. Но осенью, когда поспѣваетъ виноградъ, онъ уже становится вреднымъ, такъ какъ сильно опустошаетъ виноградники. Поэтому, въ Малой Азіи розоваго скворца весною зовутъ «святою птицею» за то, что онъ саранчу истребляетъ, а въ концѣ лѣта его называютъ уже «чортовой птицею», за то, что онъ виноградникамъ вредитъ.

Воробей.

Къ воробьямъ отношеніе народа довольно презрительное и даже враждебное; ихъ считаютъ ворами, дѣлающими большія опустошенія вокругъ дома, и ничего хорошаго про нихъ не говорятъ:

Воръ-воробей домосѣдъ, да люди не хвалятъ.
Повадился воръ-воробей въ конопельку.
Повадился воробей у конопель.
Суетливъ воробей, а пива не сваритъ.
Воробьи горохъ тормошатъ.
По воробьямъ изъ пушекъ не стрѣляютъ.
Sperlinge schiesst man nicht mit Kanonen.

Воробьевъ уничтожать не грѣхъ, ихъ называютъ «Христопродавцами» за то, что они, какъ сказано выше, кричали «живъ, живъ», когда Христа распинали... Спаситель сказалъ: «Хай горобецъ буде, якъ жыдъ». Сталъ съ тѣхъ поръ воробей жидовскою птицею, и справляетъ по субботамъ шабашъ, какъ жиды. По другому, малорусскому, повѣрью прегрѣшеніе воробьевъ относится не ко времени Страстей Господнихъ, а къ тому времени, когда жиды искали младенца Христа, чтобы его убить; православные говорили, что его нѣтъ болѣе на свѣтѣ, а воробьи кричали—живъ. «Тымъ горобецъ проклятой и тымъ винъ у субботу ничего не займае».

Было воробьямъ за ихъ прегрѣшенія и другое наказаніе: Богъ имъ ноги спуталъ, «щобъ воны не ходылы по земли, а плыгалы»; — говорятъ даже, что Богъ положилъ имъ на ноги оковы, только невидимыя, и съ тѣхъ поръ стали воробьи скакать, а не ходить, какъ другія птицы.

По этой ли причинѣ, или по иной, малороссы считаютъ воробья чортовой птицей:

Воробець—то дидчий птах (Галиц.),

— и увѣряютъ, что есть такая одна ночь въ году, по осени, когда чортъ забираетъ ихъ себѣ; передъ наступленіемъ этой ночи воробьи сидятъ, насупившись, и пищатъ такъ, что страхъ. А придетъ ночь, они всѣ слетаются въ одно мѣсто и тамъ чортъ забираетъ ихъ, насыпая ими цѣлую мѣру, четверикъ; наполнивъ четверикъ воробьями, чортъ выравниваетъ верхъ чубукомъ; которые при этомъ ссыпятся, тѣ и остаются на землѣ, а остальныхъ, что въ мѣрѣ остались, чортъ съ собою уноситъ. Оттого лѣтомъ воробьевъ видно много, вездѣ такъ и кишатъ, а придетъ зима—и рѣдко, рѣдко котораго встрѣтишь.

Живя бокъ-о-бокъ съ людьми, воробей къ нимъ и къ домашнимъ животнымъ привыкаетъ и не боится ихъ, почему малороссы и называютъ его удальцомъ:

Горобець на все удалець (Малор.).

Воробей и на кошку чирикаетъ.

Къ воробьямъ татары примѣняютъ поговорку, имѣющую одинаковый смыслъ съ нашей: «яйца курицы не учатъ».

Годовой воробей прошлогодняго чириканью учитъ!

Какъ бы высоко воробей ни залеталъ, орломъ онъ не будетъ:

Ein Sperling fliege noch so hoch, kein Adler wird er doch.

Умный воробей подъ кровлею хлѣбнаго амбара гнѣздо себѣ вьетъ—знаетъ, гдѣ можно поживиться:

Ein kluger Sperling nistet am Scheunendach.

Когда воробью есть гдѣ подъ кровлей укрыться, никакое ненастье ему не страшно:

Въ добру перу воробью ненастье, коли стрѣха подъ бокомъ.

Не мало терпятъ отъ воробьевъ хозяева въ поляхъ, садовники въ садахъ и т. п., хотя поговорки и не совѣтуютъ передъ этой опасностью останавливаться:

Воробья боятся—проса не сѣять.
Wer die Spatzen fürchtet, wird nie Hirse säen.
Chi timere le passere, non semere panica (тоже).

Ласточки стараются у воробья гнѣздо отбить и пользуются для этого его отсутствіемъ, но когда воробей подъ крышей сидитъ, то имъ остается только вокругъ летать, онъ ихъ близко не подпускаетъ:

Wenn der Sperling unter dem Dach ist, muss die Schwalbe herum fliegen.

Приходится воробьямъ и другъ съ другомъ воевать, изъ-за корма. Два воробья на одномъ колосѣ долго вмѣстѣ не уживутся, говорятъ нѣмцы:

Zwei Sperlinge auf derselben Aehre vertragen sich nicht lange.

То же говорятъ нѣмцы и про другую маленькую птичку—горихвостку:

Auf einem Strauch können zwei Rothschwänzchen nicht leben.

Истиннаго смысла слѣдующей нѣмецкой поговорки, по которой лучше имѣть другомъ одного воробья, нежели десять ласточекъ, я объяснить не берусь:

Besser einen Sperling zum Freunde, als zehn Schwalben.

Бо̀льшій смыслъ, хотя и иносказательный, имѣетъ слѣдующая поговорка, еще разъ свидѣтельствующая о нелюбви нѣмцевъ къ общему пользованію чѣмъ бы то ни было:

Besser ein Spatz allein, als einen Ochsen in gemein,

— лучше одинъ (свой) воробей, нежели общій быкъ.

Синица.

Въ противоположность воробью, отношеніе народа къ зинькѣ-синичкѣ у насъ очень благодушное, хотя почему-то говорится, что синица можетъ считаться птицею только за моремъ:

Не велика птичка синичка.
За моремъ и синица—птица.
Не велика синичка, да та же птичка.
Мала синичка, да ноготокъ востеръ.

Про синицу пустили славу, что она когда-то собиралась море зажечь, но эта операція ей, какъ извѣстно, не удалась:

Хвалилась синица море спалить (зажечь).
Нарахтилась (наровила, порывалась) синица море зажечь.
Славу пустила синица, а моря не зажгла.

Синичка—птичка малая, не прожорливая, да за то веселая:

Не много зинька ѣстъ-пьетъ, да весело живетъ.
Не много синичка изъ моря упьетъ.

Въ день Зиновія—Зины (30-го октяоря) зинька-синичка именинница:

На Зиновья-Зину праздникъ зинекъ-синичекъ.
Не велика зинька-синичька, а и та свой праздникъ имѣетъ.
И на зиньку-синичку, птичью сестричку, свои святые Богу молятся.

Куликъ.

Про кулика изреченій не много:

Куликъ не великъ, а все-таки птица.
Боровой куликъ тянетъ зорями по просѣкѣ.
Далеко кулику до Петрова дня...

Куликъ обыкновенно держится у воды, хотя птица не водяная:

Зуй (куликъ) до воды охочь, а плавать не умѣетъ.
Всякъ куликъ свое болото хвалитъ.

Куда бы куликъ ни залеталъ, всегда онъ куликомъ останется, и честь ему не большая:

Кулікъ на містi соколіномъ не буде птичьимъ господыномъ (Малорос.).

Ночныя птицы.

Ночныя птицы—сова, сычъ, филинъ,—имѣютъ между собою много общаго, какъ по внѣшности, такъ и по образу жизни, и по приписываемымъ имъ свойствамъ. Заподозриваются онѣ и въ близкихъ сношеніяхъ съ нечистою силою. Птицы эти—зловѣщія, крикъ ихъ предвѣщаетъ несчастье:

Сова не принесетъ добра.

На чьемъ домѣ кричитъ сычъ—быть тамъ несчастью (Смол. губ.).

Филинъ да воронъ—зловѣщія птицы, крикъ ихъ къ несчастью.

Самая дрянная птица—сова (Киргиз.).

Самая дрянная птица—сычъ (Сарты, Туркест. кр.).

Не бачить сова, яка сама (Малор.).

Сова не родитъ сокола, а такого жъ чорта, якъ сама (Малор.).

Сычъ хозяина выживаетъ (кричитъ на дому къ смерти хозяина).

Во Франціи, какъ и у насъ, птицы эти и ихъ крикъ надъ домомъ, считаются вѣстниками несчастья; чтобы избѣжать предвѣщаемой ими бѣды, совѣтуютъ соли въ огонь бросить:

Les hiboux et les chouettes sont des oiseaux de malheur: dès qu'on entend les cris de ces oiseaux, on jette du sel au feu.

Quand la chouette se pose sur une maison, c'est signe de mort.

Тѣ же зловѣщія свойства приписываются филину армянами;

Филинъ кричитъ на крышѣ—помрутъ хозяева дома и самый домъ развалится (Эрив. губ.).

У насъ, впрочемъ, стараются различить, что именно выкрикиваетъ филинъ,—иногда онъ можетъ и счастье предвѣщать:

Если филинъ кричитъ «поховывъ»—къ смерти, а если онъ кричитъ «повывъ»—къ новорожденному (Ворон. губ.).

Если филинъ бьется въ окно—къ смерти.

Крикъ филина надъ селомъ—къ пожару.

Пустошка (маленькій видъ совы) клюетъ (кричитъ)—не къ добру живетъ.

Филинъ—бугуй,—по убѣжденію крестьянъ Архангельской губерніи,—великій охотникъ «сквернриться», т. е. браниться. Слыша въ лѣсу повторяемыя эхомъ свои слова, крестьяне по-

дозрѣваютъ въ этомъ передразниваніе со стороны бугуя—филина, и посылаютъ ему въ отместку крѣпкое словцо, снова повторяемое эхомъ и вновь вызывающее усиленную брань, которая, наконецъ, прекращается, на томъ основаніи, что «бугуя не перебранишь» (Запечор. кр.).

Колдуньи, обыкновенно, держатъ при себѣ совъ, какъ олицетвореніе нечистой силы; имъ же послѣдняя поручаетъ охраненіе заклятыхъ кладовъ:

Сова клады сторожитъ.

Филинъ—совкинъ деверь, спутникъ лѣшаго.

Въ Малороссіи различаютъ два рода совъ: одна—бѣлая, весенняя, которая называется «иржунъ, вона ирже, якъ кинь» (ржетъ какъ конь) и плодится въ бурьянахъ, а другая сѣрая, которая выводитъ своихъ дѣтей на дубѣ, въ гнѣздахъ (Харьк. губ.).

Сова—птица ночная, выходитъ на ловлю только тогда, когда вся другая птица засыпаетъ:

Воробьи подъ кровлю, а сова на ловлю.

Свѣта сова не переноситъ:

Eulen und Licht vertragen sich nicht.

Въ своемъ гнѣздѣ сова владыка:

Eine Eule ist Herrin in ihrem Nest.

Любимое пребываніе совъ и сычей — въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, тутъ же, впрочемъ, народная фантазія и нечистую силу помѣщаетъ:

Изъ пустого дупла — либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана.

Всѣ пернатыя боятся совы и смотрятъ на нее, какъ на чудище; днемъ она слѣпа и беззащитна, поэтому, если она случайно вылетитъ днемъ изъ своего убѣжища, то ее часто птицы рвутъ и заклевываютъ до смерти:

На сову всякая птица слетается.

Сова — найпоганийший птах, через то, що має велику голову і витріщені очи; всі птахи ії цурають ся і де тілько побачуть, зараз кричать и бьютъ ії (Галиц.).

Ворона совѣ не оборона,

— когда птицы примутся клевать сову, то и воронѣ ее не защитить, чего она, конечно, и не пытается дѣлать,—въ этой поговоркѣ рифма беретъ верхъ надъ содержаніемъ.

Зато ночью плохо отъ совы мелкимъ птичкамъ и малымъ звѣркамъ, и даже болѣе крупной домашней птицѣ:

Сова спитъ, да видитъ курицу (а курей бачитъ.—Малор.).

Извѣстно, что сова считается почему-то птицей премудрой, вслѣдствіе чего она и фигурируетъ въ качествѣ эмблемы мудрости на нѣкоторыхъ медаляхъ, гербахъ и т. п. Быть можетъ, ея большая голова, мало походящая на головы другихъ птицъ, заставляетъ предполагать въ ней и такой же большой умъ, но едва ли въ проявленіяхъ ея жизни можно найти что-либо такое, что бы обосновывало столь лестную для нея репутацію и что бы отличало ее въ этомъ отношеніи отъ многихъ другихъ представителей пернатаго царства.

Любопытные предразсудки существуютъ во Франціи и въ Бельгіи насчетъ употребленія въ пищу совиныхъ яицъ: во Франціи считаютъ, что человѣкъ, съѣвшій яичницу, сдѣланную изъ такихъ яицъ, въ умѣ повредится; въ Бельгіи же ее рекомендуютъ, какъ прекрасное средство противъ пьянства:

Une omelette aux oeufs de hiboux dérange l'esprit.
Une omelette aux oeufs de hiboux est excellente pour guérir l'ivrognerie (Belgique).

Разныя птицы, большія и малыя.

Кромѣ приведенныхъ изреченій, существуетъ нѣсколько другихъ, касающихся разныхъ большихъ и малыхъ птицъ; изреченія эти слишкомъ случайны и ихъ слишкомъ мало, чтобы характеризовать ими тѣ или другія породы; но привести ихъ все же необходимо, для полноты обозрѣнія пернатаго царства, съ точки зрѣнія народной мудрости.

Такъ, нѣмцы поминаютъ про самую крупную птицу—*страуса*, отмѣчая, что онъ думаетъ стать невидимымъ и избѣжать опасности, спрятавъ голову въ землю:

Wenn der Strauss den Kopf in den Sand steckt, ist er nicht verborgen.

Другую особенность страуса составляетъ его прожорливость, его необычайно крѣпкій желудокъ; однако, и страусовый желудокъ, говорятъ нѣмцы, не можетъ всего переварить:

Auch ein Straussenmagen verdaut nicht alles.

Про *выпь* (бухало) у насъ говорится:

Кабы выпь не выла, такъ не была бы выпь.

Въ другомъ мѣстѣ уже были приведены указанія, что бухало своимъ крикомъ предсказываетъ, будто бы, урожай.

Про *удода* малороссы говорятъ, что онъ перомъ красивъ, да воняетъ:

Красне перья на вудвудѣ, але самъ смердить (Малор.).

Въ Галиціи удода называютъ жидовскою кукушкою:

Вудвуд—то жидівська зазуля,

— евреи считаютъ удода мудрой птицей, такъ какъ онъ евреевъ отъ христіанъ отличить можетъ и привѣтствуетъ ихъ крикомъ «юдъ, юдъ, юдъ».

Если удодъ поселится подъ крышей дома, то это у сибирскихъ бурятъ считается предвѣстьемъ несчастья.

Въ отношеніи *дикихъ гусей* отмѣчается ихъ прилетъ большими стаями, на Руси погостить, ихъ умѣнье отвлекать охотника отъ того мѣста, гдѣ находится гнѣздо съ птенцами, чтобы спасти ихъ отъ гибели:

Дикіе гуси станицами летятъ.
Прилетѣлъ гусь на Русь: погоститъ, да и отлетитъ.
Гусь отъ гнѣзда отводитъ, собаку отманиваетъ.

Прилетъ и отлетъ дикихъ гусей знаменуетъ два важныхъ момента въ жизни крестьянина: начало и конецъ полевыхъ и сельскохозяйственныхъ работъ.

Гусь съ полденъ (съ юга) — мужикъ съ печи; гусь на полденъ — мужикъ на печь.
Гусь веснуетъ и осенюетъ въ перелетѣ, лѣтуетъ и плодится — у насъ, а зимуетъ въ отлетѣ:
Кога почнатъ да хвъркатъ гъскитѣ, хвърка и лѣтото (Болгар.— Когда гуси начинаютъ улетать, улетаетъ и лѣто).

Про *дикихъ утокъ* разговору почти совсѣмъ нѣтъ. Поминается про селезня:

На то селезню зеркальце дано, чтобы утки глядѣлись,

да про чирятъ — самой мелкой породѣ утокъ:

Два чиренка — тотъ же утенокъ.

Уткѣ лишь бы вода была:

Если весь міръ водою потопитъ, что за дѣло уткѣ? (Татар.).

Утка да рыбка — Божья дань,

— говорится еще у насъ.

Характеристика *лебедя* уже была приведена въ одной изъ предыдущихъ главъ; здѣсь можно добавить, что крикъ пролетающихъ лебедей считается приносящимъ несчастье:

Гдѣ лебеди пролетятъ, крича, тамъ семь лѣтъ урожая не будетъ (Бѣлор.).

Отмѣчается еще, что:

Бѣлый лебедь сѣрому гусю не товарищъ.

На сѣверѣ водится одна порода морскихъ *чаекъ*, которыя отличаются своимъ чрезвычайно жалобнымъ крикомъ; поморы называютъ ихъ поэтому «плаксивыя кумушки» (Арханг. губ.). Малороссы увѣряютъ, что чайки — обращенныя въ птицъ дѣвушки,—по этому то онѣ и кричатъ такъ жалобно.

Про *гагару* существуетъ поговорка:

Пара — куликъ да гагара,

хотя, въ дѣйствительности, между этими двумя птицами нѣтъ ничего общаго; да еще говорится:

Сколько ни мой гагару — бѣлѣе не будетъ.

Гагара будто бы очень крѣпка на рану, такъ что олонецкіе охотники увѣряютъ:

Дробь отъ гагары скорзаетъ, отскакиваетъ,

— скользитъ по птицѣ, не пробивая ея перьевъ, быть можетъ вслѣдствіе особой ихъ маслянистости.

Говоря про *тетерева*, упоминаютъ о его обросшихъ перьями ногахъ, и о его храбрости въ періодъ токованія:

Слава тетереву, что ноги мохнаты.

Храберъ тетеревъ на току,

— когда онъ, охваченный страстью, забываетъ про опасность и легко дѣлается жертвою охотника.

Про *глухаря* говорится:

Мошнику (глухарю) вся зима — за одну ночь.

Опытные охотники-промышленники, умѣющіе различать слѣдъ каждой птицы, по слѣду доходятъ и до *куропатки*, не взирая на то, что

Чуть видный слѣдокъ — куропачій слѣдочекъ.

Французскіе охотники-браконьеры замѣчаютъ, что когда ку-

коль зацвѣтаетъ, пора идти на ловлю куропатокъ, хотя въ это время охота еще во Франціи не разрѣшается:

Les braconniers disent que quand la mielle fleurit, il est temps d'aller prendre les perdraux.

Въ наибольшемъ количествѣ куропатки высыпаютъ осенью, но какъ одна ласточка не дѣлаетъ весны, такъ, по нѣмецкому изреченію, одна бѣлая куропатка и зимы не дѣлаетъ:

Ein Schneehuhn macht keinen Winter.

Лопари называютъ бѣлыхъ куропатокъ «летучей рыбой» и считаютъ поэтому дозволеннымъ употреблять ихъ въ пищу даже и въ постъ (Архан. губ.).

У куропатокъ и рябчиковъ, по наблюденію сѣверянъ, на зиму лапки мохной (пухомъ) обрастаютъ, для предохраненія ихъ отъ стужи (Архан. губ.); передъ наступленіемъ очень холодныхъ зимъ, куропатки выводятся осенью и держатся по близости отъ жилыхъ мѣстъ.

Бекасы зелень сѣютъ, говорятъ нѣмцы:

Die Himmelsziege säet grünes,

— весною бекасы появляются тогда, когда трава зазеленѣетъ.

Про *иволгу* французы говорятъ, что она запираетъ овецъ и выпускаетъ воловъ; появляются иволги въ большихъ количествахъ къ осени, когда пастьба овецъ прекращается, а волы выходятъ на работу — жнивье пахать:

Le loriot enferme les brebis et met au large les boeufs.

У насъ, мѣстами, иволга называется «лѣсною кошкою»; крикъ этой птицы издали напоминаетъ крикъ дерущихся котовъ. Про иволгу руссины говорятъ, что она очень боится человѣка, не легко даетъ себя видѣть.

Про *сойку* проф. Н. Ѳ. Сумцовъ приводитъ повѣрье, рисующее ее очень глупой птицей: соя три раза въ годъ начинаетъ летѣть въ вырай, и все неудачно: первый разъ она летитъ, когда расцвѣтаетъ греча, второй—когда созрѣваютъ хлѣба, и третій—когда упадетъ снѣгъ. Въ первые два раза она принимаетъ бѣлѣющій цвѣтъ полей за выпавшій снѣгъ, и спѣшитъ на югъ, но съ половины пути возвращается назадъ, чтобы узнать, много ли она пролетѣла; въ третій разъ она не долетаетъ до вырая по недостатку корма.

Отмѣчаютъ русины птицу *турухтана* (дуринтах, дуринотя)—

которая имѣетъ такой обычай, что передъ человѣкомъ садится и притворяется слабой, не могущей летѣть, подпускаетъ совсѣмъ близко, такъ что вотъ-вотъ ее поймаешъ, а потомъ, когда кажется, что остается только руку за нею протянуть, поднимается, перелетаетъ нѣсколько шаговъ, садится и начинаетъ тотъ же маневръ сначала, и такъ обманываетъ человѣка до тѣхъ поръ, пока тотъ совсѣмъ не утомится. Этой пташкѣ поэтому никогда вѣрить нельзя — заведетъ далеко и понапрасно только измучаетъ (Галиц.).

Про *клеста* была уже выше приведена легенда, объясняющая своеобразную форму его клюва; вѣроятно, по этой же причинѣ народъ у насъ говоритъ:

Сѣрые клесты — Христовы птицы.

Также и нѣмцы называютъ клеста «der Christsvogel». Клесты, по нѣмецкому повѣрью, спасаютъ домъ отъ грозы:

Hat man den Krienitzer (Kreuzschnabel) im Hause, so schlägt das Gewitter darin nicht ein.

Французы про *зяблика* говорятъ, что онъ несчастье приноситъ:

Les pinsons portent malheur.

Такое же свойство они приписываютъ и *малиновкѣ* (зарянкѣ)— у нея глазъ дурной:

Le rouge-gorge est un oiseau de mauvais présage, il a un mauvais oeil.

Наоборотъ, *черный дроздъ*, по-французскому повѣрью, счастье приноситъ:

Voir un merle traverser le chemin devant soi, porte bonheur.

Дрозды у насъ появляются осенью, какъ вѣстники зимы: надо запасать дрова и укрываться въ домѣ отъ холода. Сельскохозяйственныя работы въ это время уже закончены,— почему французы не совѣтуютъ работнику, какъ скоро онъ заслышитъ пѣнье дрозда, мѣнять даже и плохого хозяина, такъ какъ лучшаго онъ уже не найдетъ и негдѣ будетъ ему пристроиться на зиму:

Quand on entend la grive chanter — cherche la maison pour t'abriter et du bois pour te chauffer.

Si tu entends la draine (grive de gui — деряба) chanter, bien que tu aies un mauvais maître, il ne faut pas le quitter.

Дрозды, какъ извѣстно, особенно лакомы на рябину и по преимуществу ею питаются, почему ихъ и называютъ рябин-

никами. Собирая рябину, у насъ оставляютъ дроздамъ ягоды на прокормъ въ позднее осеннее и зимнее время.

Чернымъ дроздамъ приписывается необычайное долголѣтіе. Французы увѣряютъ, что они три человѣческихъ жизни переживаютъ:

Le merle à bec jaune vit trois âges d'homme.

Дрозды (и сороки) съ весны всѣхъ раньше гнѣзда вьютъ и яйца кладутъ.

Malgré février et mars bâtit la pie et pond la grive.

По тому, какъ дрозды на деревьяхъ сидятъ, поляки судятъ о наступленіи весны:

Jak drozdy śpiewają na wierzchołkach drzew, wiosna wnet; a jak między gałęziami, to jeszcze net (Польск.— Если дрозды поютъ на верхушкахъ деревъ,— значитъ, весна на порогѣ; а когда между вѣтвями, то еще наступитъ нескоро).

У насъ, глядя по тому, какъ дроздъ располагается на деревьяхъ, судятъ о томъ, каковъ будетъ годъ:

Если дроздъ садится на самыхъ нижнихъ сучкахъ елокъ, годъ будетъ хорошій; если садится на срединѣ дерева, цѣны на хлѣбъ будутъ среднія; если садится на макушкѣ, цѣны будутъ высокія, и самъ мужикъ запоетъ, заскуляетъ, какъ дроздъ той... (Смолен. губ.).

Нѣмцы считаютъ, что черные дрозды въ домѣ предохраняютъ домъ отъ молніи, а кто черному дрозду зимою корму посыплетъ, тотъ будетъ счастливъ и избѣжитъ лихорадки:

Wenn eine Amsel im Haus, so bleibt der Blitz daraus.

Wer Amseln im Winter Futter streit, hat Glück und wird vom Fieber befreit.

Пѣвчій дроздъ съ медвѣдемъ дружитъ; звуками: «цыцъ, цыцъ», или «чуръ, чуръ», предупреждаетъ его объ опасности (Смолен. губ.).

Дрозды очень цѣнятся, какъ дичь; французы говорятъ даже, что кто не ѣлъ дрозда — и почему-то еще чибиса, который считается у насъ очень плохою птицею, пренебрегаемой заправскими охотниками,—тотъ никогда не ѣдалъ хорошаго куска:

Qui n'a jamais mangé grive ni vanneau, n'a jamais mangé bon morceau.

Къ числу птицъ, которыхъ отнюдь не слѣдуетъ убивать, фран-

цузы причисляютъ и *королька,* — убить его — на домъ небесный огонь навлечъ:

Celui qui tuerait un roitelet, attirerait sur la maison le feu du ciel.

Щеглы у французовъ считаются плохой дичью:

Chasseurs de chardonneret (et pêcheur à la ligne) n'eurent jamais bonne cuisine.

У насъ за щеглами вовсе не охотятся, и ловятъ ихъ только для того, чтобы держать въ клѣткахъ, научая разнымъ штукамъ, напр., возить кормъ въ телѣжкѣ и т. п., такъ какъ эта птичка очень способна къ дрессировкѣ.

Существуетъ птичка *ремезъ,* особенно отличающаяся по своеобразной формѣ своего гнѣзда, сплетаемаго ею изъ растительныхъ волоконъ крапивы, льна, изъ летучекъ ивы, тополей и т. п., образующихъ чрезвычайно плотную и мягкую, какъ бы войлочную, ткань. Гнѣздо свое, имѣющее форму небольшой ко шолки, ремезъ, обыкновенно, подвѣшиваетъ къ тонкимъ вѣткамъ деревъ, растущихъ надъ водою, въ глухихъ, мало доступныхъ мѣстахъ, на болотахъ, озерахъ, на низинахъ, заливаемыхъ водою, гдѣ птичка эта можетъ чувствовать себя, болѣе или менѣе, въ безопасности. Однако, и тутъ ее преслѣдуютъ, если не изъ-за нея самой, то ради ея гнѣздъ, которымъ придаютъ разныя чудодѣйственныя свойства. Въ Польшѣ ихъ считаютъ цѣлебнымъ средствомъ отъ разныхъ болѣзней; въ Сибири ремезовымъ гнѣздомъ обкуриваютъ ловушки и рыболовныя снасти, а въ Малороссіи также скотъ и пчелъ; въ Италіи гнѣздо ремеза вѣшаютъ надъ дверями, для предохраненія дома отъ молніи и т. п. Въ Малороссіи замѣчаютъ, что гнѣздо ремеза бываетъ съ однимъ, либо съ двумя отверстіями:

Якъ ремезяче гниздо у ёго перво, такъ и гниздо буде зъ однією диркою, а якъ друга — такъ зъ двома; зъ однією диркою тилько и иде гниздо въ дѣло: его святять зъ пасками та коровъ пидкурюють (Екатерин. губ.).

Въ Харьковской губ. существуетъ повѣрье, что два отверстія въ ремезовомъ гнѣздѣ бываютъ когда пара — самецъ и самка — живетъ между собою не въ ладу, тогда — какъ только самецъ прилетаетъ къ гнѣзду, — самка быстро удаляется черезъ другое отверстіе, и наоборотъ. Въ виду этого, крестьяне старательно разыскиваютъ гнѣздо ремеза съ однимъ отверстіемъ и вѣшаютъ ихъ у себя въ хатахъ, въ надеждѣ, что послѣ этого и у нихъ въ семьѣ водворятся миръ и согласіе.

X.

ПОДВОДНОЕ ЦАРСТВО—РЫБЫ И РЫБАЧЕСТВО.

Рыбамъ—вода...
Что въ водѣ—то рыба.

И въ подводное царство проникаетъ народная наблюдательность, и про рыбъ сложено народомъ множество изреченій, относящихся частью къ рыбамъ вообще, частью къ отдѣльнымъ породамъ ихъ, частью, наконецъ, къ рыболовному промыслу, которымъ во всѣхъ странахъ живутъ многія тысячи людей, находящихъ себѣ хлѣбъ уже не отъ земли, а отъ того, что доставляетъ имъ водная стихія. Бо̀льшая часть этихъ изреченій и сложена рыбаками, такъ же зорко слѣдящими за тѣмъ, что въ водѣ творится,—сулитъ ли имъ данный годъ хорошій уловъ или нѣтъ?—какъ слѣдитъ земледѣлецъ за тѣмъ, что происходитъ на его поляхъ. Будетъ рыбка, будетъ рыболову и хлѣбъ:

Рыбка—Божье дарованье (Помор., Арханг. губ.).
Рыбка—Божья дань.
Далъ бы Господь рыбки, а хлѣбецъ будетъ.
Далъ Богъ рыбу, дастъ и хлѣба (Арханг. губ.).
Рѣка рыбки даетъ, рыбка хлѣбцемъ покормитъ.
Не накормитъ земля—накормитъ вода.
Поживи у рѣки, подрядись въ рыбаки—безъ пашни съ хлѣбомъ будешь.
Воды—не нивы: не орешь ихъ, не сѣешь, а сытъ бываешь.
Море—рыбачье поле. Море—то же поле (Арханг. губ.).

Подводное царство—и моря, и озера, и рѣки, и пруды,—населены рыбами разныхъ видовъ и величинъ, которыя служатъ на потребу человѣку, но каждая изъ нихъ имѣетъ свои свойства, живетъ своею жизнью, кормится, какъ ей отъ Бога положено,—большая рыба малую поѣдаетъ,—и въ свой чередъ рыбаку попадаетъ въ сѣть, либо на удочку, либо на острогу, причемъ, однако, сколько рыбы ни лови, всей не переловишь, говорятъ англичане и нѣмцы:

Море по рыбѣ не тужитъ.

Сколько рыбы не лови, въ морѣ (въ озерѣ) рыбы не накопишь (Новгор. губ.).

There is more fish in sea then was ever cought.

Es gibt noch so gute Fische im Meer, als man je daraus geholt hat.

Alle Fische im Meere stehen Gott zu Gebot.

Большая рыба маленькую цѣликомъ глотаетъ.

Рыба рыбою сыта,—а человѣкъ человѣкомъ.

Les grands poissons mangent les petits.

Il pesce grasso mangia il minuto (Большія рыбы малыхъ ѣдятъ).

Von kleinen Fischen werden die Hechte gross.

Отъ природы рыба плаваетъ, учить ее этому искусству нечего; въ водѣ рыбы (и рака) не утопишь; внѣ воды—рыбѣ смерть:

Не учи рыбу плавать!

Рыба въ водѣ, а ягода въ травѣ.

Рыбка безъ воды скоро уснетъ.

Выходъ изъ воды—рыбѣ смерть (Татар., Зак. кр.).

Рыба водою живетъ (Киргиз., Сырдар. обл.).

Il ne faut pas enseigner les poissons à nager.

Au poisson à nager ne montre.

Kein Fisch bleibt ausser dem Wasser frisch.

Il pesce piccola sa nuotor come il grande (Маленькія рыбки умѣютъ плавать, какъ большія).

Ein kleiner Fisch schwimmt so wohl als ein Grosser (als ein grosser Hecht).

Es ertrinkt im Meer kein Fisch.

Den Krebs straft man nicht mit ersäufen..

Замѣчаютъ, что разныя рыбы долѣе могутъ пробыть безъ воды,—всѣхъ живучѣе, повидимому, щука, но еще болѣе—угорь, также линь.

Рыба безъ воды не ровно снетъ: щука дольше живетъ.

Каковы воды, таковы и рыбы бываютъ; въ большихъ водахъ большія и рыбы живутъ:

Telles eaux—tels poissons.

Grosse Flüsse—grosse Fische.
U veliké vodě veliké ryby bivaji (Чешск.).
De petites rivières de grands poissons n'espère.
En grand torrent grand poisson se prend.

Но и въ малыхъ водахъ бываютъ рыбы хорошія:

In kleinen Bächen fängt man gute Fische.
In grossen Wassern fängt man grosse Fische, in kleinen Wassern kleine (gute) Fische.
Въ тихихъ водахъ крупныя рыбы живутъ (Швед.).
Kleine Wasser machen niemand reich, grosse Fische findet man in grossen Teich.
Якъ добрій ставъ (прудъ)—рыба буде, а стече ставъ—болото буде (Малор.).

Въ болотахъ же и вовсе рыбы не живутъ:

Im Sumpfe gedeihen keine Fische.

Народныя изреченія поминаютъ про рыбъ крупныхъ и мелкихъ, причемъ первымъ бо̀льшею частью отдается предпочтеніе,—за неимѣніемъ ихъ, однако, и мелкая рыбка въ чести; хороша та рыба, которая поймана, а всѣхъ крупнѣе та, которая отъ рыбака ушла:

Всякая рыба хороша, лишь бы въ сѣть (коль на уду) пошла.
Рыба въ рѣкѣ—не въ рукѣ.
Не рыба въ рѣкѣ, а рыба въ садкѣ.
Въ водѣ рыбу не оцѣнишь (Грузинск.).
Рыбѣ въ водѣ цѣны нѣтъ (Армян., Закав. кр.).
Рыба въ морѣ не продается (Армян.).
Безъ костей рыбки не бываетъ.
Нема риби безъ ості (кости),—а чоловіка безъ злости (Малор., Подольск. губ.).
Хороша рыба—на чужомъ блюдѣ.
И маленькая рыбка лучше большого таракана.

Ein grosser Fisch ist ein guter Fisch.
Je mehr der Fisch wiegt, desto mehr gilt er.
Ein kleiner Fisch auf dem Tisch ist besser, als im Bach ein grosser Fisch.
Die grössten Fische sind nicht stets die besten Fische.
Die kleine Fische (und Krebse) sind am besten, wenn man Grosse nicht haben kann.
Der Fisch ist gut, wenn er nur gefangen wäre.
Der Fisch, welcher entwischt ist, erscheint immer grösser.
Grosse Fische haben starke Gräten.

Viel kleine Fischlein geben auch ein Mahl.

Better one small fish then an empty dish (Лучше маленькая рыбка, нежели пустое блюдо).

Every fish, that escaped, appears greater, it really is (Каждая вырвавшаяся рыба кажется больше, нежели она есть).

Хвостъ для рыбы имѣетъ такое же значеніе, какъ для птицы

И рыбы, и птицы хвостомъ правятъ.

Голоса Богъ рыбѣ не далъ.

Спѣла бы и рыбка пѣсенку, когда бы голосъ былъ...

Рыба и много бы сказать хотѣла, да ротъ полонъ воды (Армян., Закав. кр.).

Вынутая изъ воды рыба очень скоро портится, причемъ порча начинается съ головы; объ этомъ есть у всѣхъ народовъ изреченія, примѣняемыя иногда и иносказательно:

Рыба напередъ говядины чиаетъ.

Der ganze Fisch verdirbt, wenn der Kopf zum stinken kommt.

Рыба отъ головы тухнетъ.

Pisces primum a capite foetet (Лат.— то же).

Wod holowy ryba smerdyt.

Рыба съ головы своей гніетъ, а камышъ отъ корня (Татар., Зак. кр.).

Fish begins to stink at the head (то же).

Fische fangen am Haupte an zu stinken.

Il pesce commencia a puzzor del capo (то же).

За то въ рѣкѣ рыба всегда свѣжая:

Когда рыбу ни ловить—всегда свѣжая будетъ (Татар., Зак. кр.).

Французы считаютъ, что у рыбъ лучшая для ѣды часть—брюшина, у млекопитающихъ же—спина:

Ce qu'il y a de meilleur dans un mammifère—c'est le dos, et dans un poisson—le ventre.

Вообще рыба—несытная ѣда:

Рыба не хлѣбъ, ею сытъ не будешь,

— и подливка иной разъ лучше рыбы бываетъ:

La sauce souvent vaut mieux que le poisson.

C'est la sauce qui fait manger le poisson.

Поѣвши рыбы, человѣкъ чувствуетъ себя легко:

Поѣшь рыбки—будутъ ноги прытки

Съ рыбки глаза прытки (?).

Для маленькихъ дѣтей рыба считается пищею не пригодною:

Ребенка нельзя кормить рыбою—долго не будетъ говорить (Ставроп. губ.),

—то же повѣрье существуетъ въ Галиціи.

За границею не совѣтуютъ ѣсть рыбу (а также и устрицъ) въ тѣ мѣсяца, названія которыхъ не имѣютъ буквы Р (май, іюнь, іюль, августъ):

Si les mois ne sont errés, de poisson ne mangerez.

Man mus die Fischen nicht essen in Monden ohne R.

Oysters are not good to eat in a month, that has not an R in it (тоже—про устрицъ).

Раковъ же, наоборотъ, нѣмцы рекомендуютъ ѣсть въ мѣсяцы, не имѣющіе буквы Р:

Krebse man isst, wenn kein R im Monat ist.

У насъ изъ рыбы дѣлаютъ уху, причемъ на уху всякая, даже маленькая, рыбка идти можетъ,—болѣе же крупныя рыбы обыкновенно въ продажу поступаютъ:

Съ мелкой рыбы уха сладка.

Рыба мелка—да уха сладка.

Изъ костлявой рыбки уха сладка.

Старъ пискарь (пестрецъ), да уха сладка.

Дешева рыба—дешева и уха.

Дешева рыбка, та погана юшка (Малор.).

Рыба худа — не наварна уха; рыба жирна—янтарна уха.

Хоть ершокъ въ горшокъ—а все съ наваромъ уха.

Тараньей юшки (наваръ) ложкой не мути—костлява.

Хлебай уху, а рыба вся наверху (увозится вверхъ по рѣкѣ).

Ушица рыбаку, а рыбка торгашу.

Чудакъ рыбакъ, рыбу ловитъ, а самъ не ѣстъ (продаетъ).

Ушица вмѣстѣ, а рыбка въ дѣлежъ.

Рыбы повсемѣстно считаются постною ѣдою; нѣмцы объясняютъ это тѣмъ, что во время всемірнаго потопа всякая тварь обречена была на погибель, а рыба нѣтъ, и потому она чище другихъ животныхъ, ее можно вкушать и въ постъ:

In der Sündfluth ist alles verdorben, nur die Fische nicht, darum dienen sie zum Fasten.

У нѣмцевъ же наиболѣе подходящею рыбою для поста считается треска:

Kein Fasten ohne Stockfisch.

Въ неурожайные годы на сѣверѣ рыба замѣняетъ хлѣбъ; для этого разную мелкую малоцѣнную рыбу сушатъ и употребляютъ ее въ пищу въ такомъ видѣ подъ характернымъ названіемъ «напастницы». Тамъ же рыба и разные рыбьи остатки употребляются въ зимнее время и въ кормъ скоту; сушеныя кости и головы рыбы всыпаются въ истолченномъ или молотомъ видѣ въ пойло коровамъ; этотъ оригинальный кормъ называется въ Олонецкой губерніи «калахта».

По качеству и промысловому значенію, а также по образу жизни и мѣсту нахожденія, рыба раздѣляется на «красную»— осетръ, стерлядь, шипъ, бѣлуга и т. п.,—и «бѣлую», или частиковую,—болѣе мелкая и менѣе цѣнная рыба, живущая по преимуществу въ рѣкахъ и озерахъ—окунь, судакъ, вобла, щука, ершъ и пр. Далѣе различаютъ рыбу морскую и рѣчную, которая у насъ называется «туводной», въ отличіе отъ рыбы «проходной», которая часть года живетъ въ морѣ и затѣмъ входитъ въ рѣки для нереста — метанія икры; къ проходнымъ рыбамъ относятся осетръ, бѣлуга, лосось, астраханская сельдь, вобла и многія другія породы. На сѣверѣ рыба, мечущая икру въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ она обыкновенно водится, называется (въ Олонецкой губерніи) «жировкой», въ отличіе отъ рыбы «подхожей» или «подходной», идущей метать икру въ рѣки, ручьи и т. п. Въ Тамбовской губерніи дѣлается различіе между рыбою, плывущею по теченію, или противъ теченія: рыба, плывущая по водѣ, считается почему-то чистой, а плывущая противъ воды — нечистой. Въ Сибири существуетъ еще названіе «ключевая рыба», — для той рыбы, которая въ зимнее время ловится въ рѣкахъ и озерахъ около ключей. Зимою въ сплошь замерзающихъ водныхъ пространствахъ рыбѣ приходится плохо. Вслѣдствіе толстаго слоя льда, покрывающаго воду и если въ немъ нѣтъ незамерзающихъ мѣстъ—«полыней», или если во льду не дѣлаются проруби, вода, вслѣдствіе отсутствія кислорода, портится, становится непрозрачной, невкусной; такая вода вредна для питья и для рыбы, которая массами гибнетъ, «снетъ», если не можетъ добраться до чистой воды. Эту чистую воду рыба находитъ около подводныхъ ключей, гдѣ она иногда собирается въ большихъ количествахъ и гдѣ ее и вылавливаютъ подъ названіемъ ключевой. Такое вредное для рыбы свойство воды сибирскіе жители приписываютъ тому, что вода въ это время замираетъ, горитъ, и называютъ это явленіе «заморъ»,

«загаръ» или «духъ», въ западной Россіи «тохи». Ключъ же со свѣжей чистой водой, у котораго скопляется рыба во время замора, называется сибиряками «живецъ». Къ прорубямъ, дѣлаемымъ во льду зимою, рыба иногда массами собирается, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; тутъ ее обыкновенно и вылавливаютъ. Въ Олонецкой губерніи проруби, черезъ которыя закидываются неводы для ловли рыбы, носятъ названіе «Ердань».

Въ Витебской губерніи наблюдаютъ, что рыбные «тохи» случаются въ такія зимы, послѣ которыхъ не будетъ посредственнаго лѣта; оно будетъ или очень хорошо, или очень худо.

Какъ и другія животныя, по повѣрью крестьянъ, рыбы имѣютъ своего царя, который правитъ и распоряжается всѣми рыбами, находящимися въ нѣсколькихъ сообщающихся между собою водовмѣстилищахъ. Однако, до сего времени еще ни одинъ человѣкъ не только не поймалъ, но даже и не видалъ рыбнаго царя, и рыба ли онъ, или другое существо, никто этого не знаетъ (Витеб. губ.); впрочемъ, на сѣверѣ, какъ будетъ указано ниже, повелителемъ подводнаго царства считается гигантской величины ракъ (поморы), а въ Олонецкой губерніи владыкою рыбъ почитается водяной. Видали много разъ, какъ словно повинуясь чьему-то велѣнію, рыба переплываетъ большими стаями изъ одного озера въ другое, изъ одной рѣки въ другую: это перегоняетъ рыбу рыбный царь, вслѣдствіе чего одни мѣста пустѣютъ, а другія переполняются рыбою; въ Олонецкой губерніи увѣряютъ, что когда замѣчается массовое переселеніе рыбъ изъ однихъ водовмѣстилищъ — озеръ или рѣкъ,—въ другія, то это ихъ одинъ водяной другому въ карты проигралъ. Само собою разумѣется, что можно получить большую прибыль, если напасть съ рыболовными снарядами на такую перемѣщающуся рыбу.

Существуютъ, по повѣрью волжскихъ рыбаковъ, рыбьи «князьки», ведущіе косякъ рыбъ за собою. Князьками называются красныя (золотистыя) или бѣлыя особи, которыя чаще встрѣчаются у воблы и стерляди.

Хотя *китъ*, который представляетъ собою самое крупное изъ всѣхъ водныхъ животныхъ, причисляется, какъ извѣстно, народомъ къ рыбамъ, однако онъ рыбнымъ царемъ не считается, а только всѣмъ рыбамъ матерью:

Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.

Киту приписывается въ міровомъ дѣлѣ важнѣйшая роль— держать на себѣ землю; объ этомъ, впрочемъ, и было, и будетъ

еще говорено. Обыкновенно считаютъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ, мѣстами говорятъ—на четырехъ, а то и на одномъ, или на двухъ, самцѣ и самкѣ, попеременно. Движенію поддерживающихъ землю китовъ приписываются землетрясенія:

Какъ китъ-рыба потронется, вся земля всколебается.

Наибольшею славою изъ числа красныхъ рыбъ пользуется у насъ *осетръ*, про котораго говорятъ:

Осетръ—князь рыбій.

Красны промыслы осетромъ.

Славна Астрахань осетрами, что Сибирь соболями.

Про осетра же сложена ироническая поговорка, иносказательно примѣняемая къ тѣмъ, кто ничѣмъ не доволенъ:

Просить осетръ дожжа въ Волгѣ лежа.

Изъ большихъ рыбъ поминаютъ еще про *сома*, да про *бѣлугу:*

Рыба сомъ съ большимъ усомъ.

Попалъ, какъ сомъ въ вершу.

Общеупотребительная поговорка «заревѣть бѣлугой», не имѣетъ, повидимому, никакого основанія, такъ какъ гг. ихтіологи, къ которымъ авторъ обратился за разъясненіемъ этой поговорки, удостовѣряютъ, что бѣлуга никакихъ звуковъ не издаетъ и никогда не реветъ, сѣверная же «бѣлуха»—видъ дельфина,—тоже не реветъ, а пыхтитъ.

Больше всего изреченій про *щуку*, которую нѣмцы называютъ разбойникомъ; мелкой рыбѣ (и лягушкамъ) отъ нея житья нѣтъ, зубы у нея такіе, что даже и послѣ смерти страшны и т. п.:

Постится щука—а пискарь не дремли.	Ein Hecht ist ein Räuber.
Поучи плавать щуку, отдай карасю въ науку...	Der Hecht spielt nicht mit kleinen Fischen.
Не грози щукѣ моремъ, а нагому горемъ.	Die Hechte werden in den Teich gesetzt, damit die Fische nicht faulen.
Не велика штучка щучка, да зубокъ остеръ.	Ein Hecht ist besser als zehn Frösche.
Щука умерла—да зубы остались (живы).	Je mehr Hechte, je weniger Frösche.
Szczuka sdechla, ale zęby zostały (Польск.—Щука издохла, а зубы остались).	Ehe ein Hecht gross wird, muss er viel kleine Fischlein verschlingen.
Уснула щука—да зубы не спятъ.	Auch ein todter Hecht hat Zähne.

Зубы свои щука будто бы лѣтомъ мѣняетъ:

Щука лѣтомъ зубы рóнитъ (Яросл. губ.).

Щучьимъ зубамъ приписываются и нѣкоторыя полезныя свойства:

Если носить щучьи зубы въ ладонкѣ на шеѣ, то это предохраняетъ отъ укушенія ядовитыхъ змѣй.

Хотя по извѣстной поговоркѣ

На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ,

— однако, по бѣлорусской поговоркѣ:

Не всѣ старыя щуки карасей хватаютъ.

Какъ ни прожорлива щука, передъ нѣкоторыми рыбами и она пасуетъ:

Щука сома не ѣстъ.

Какъ щука ни остра, а не возьметъ ерша съ хвоста.

За всѣ ея злодѣянія и обиды малымъ рыбамъ:

Стали щукѣ грозить, хотятъ щуку въ рѣкѣ утопить,

— да не очень-то она испугалась; однако, не вѣкъ ей разбойничать; попадетъ и она либо на удочку, либо въ вершу:

Попадаетъ и щука на крюкъ.

Не думай, щука, какъ влѣзть (въ вершу) — думай, какъ вылѣзть.

Не бѣда бы щукѣ въ вершу влѣзть,— бѣда, что вонъ не вылѣзть.

Нѣмцы хвалятъ у щуки хвостъ (для ѣды), французы спину, а у карпіи брюшко:

Am Hecht ist der Schwanz das Beste.

Dos de brochet, ventre de carpe.

У насъ считаютъ, что употребленіе въ пищу щуки можетъ иногда быть вреднымъ для здоровья:

Отъ щуки бываетъ лихорадка (Воронеж. губ.).

— но та же щука рекомендуется и какъ средство противъ лихорадки и желтухи — для этого совѣтуютъ взять щуку и, вынувъ ее изъ воды, смотрѣть, какъ она будетъ засыпать, мѣняя при этомъ свою окраску: когда рыба станетъ желтой, тогда у человѣка желтуха пройдетъ.

Щуки вообще не славятся своимъ вкусомъ, за исключеніемъ только такъ называемой щуки-голубое-перо; только у евреевъ

щука — щупакъ, — особенно фаршированная, составляетъ лакомое и, можно сказать, національное блюдо.

Въ желудкѣ у щуки можно иногда найти не только рыбу, но и ящерицу (тритона), или иную гадину; такую щуку ѣсть не годится (Галиц.).

Въ Галиціи, да и во многихъ мѣстностяхъ западной Россіи принято ѣсть щуку (щупака) за ужиномъ въ святъ-вечеръ, т. е. наканунѣ Рождества. При этомъ замѣчаютъ, что у щуки въ головѣ есть косточки, напоминающія изображеніе страстей Господнихъ; кто такія косточки найдетъ и будетъ хранить при себѣ, тотъ будетъ отъ всякой бѣды предохраненъ:

> У щупаковій голові є такі кісточки (косточки), що выглядають так, як Христова мука: є хрест, є піка, є драбина, є цьвоки, тростина; як на святий вечор едять щупака, то хто повіднаходить у голові всі ті кісточки, повинен сховати їх і мати весь рік при собі, то до него не приступить ніяке лихо (Галиц.,—тоже повѣрье у нѣмцевъ).

У крестьянъ западной Россіи (Витеб. губ.) существуетъ любопытное наблюденіе, что будто бы щука (щупакъ) всегда стоитъ головою въ ту сторону, гдѣ должно быть солнце, и потому по направленію щучьей головы всегда можно знать о положеніи солнца на небосклонѣ, хотя бы небо и было закрыто тучами.

Весьма цѣнныя рыбы лососевыхъ породъ въ изреченіяхъ народной мудрости поминаются, почему-то, мало. Одинъ *лосось,* по словамъ нѣмцевъ, дороже стоитъ, нежели тысяча лягушекъ—похвала еще небольшая:

> Ein Lachs ist mehr Werth, als tausend Frösche.

Про лососей же разсказывается, что они назадъ въ свои воды не возвращаются, если слишкомъ далеко отъ нихъ уплываютъ:

> Wenn der Lachs zu weite Reisen macht, kommt er nicht mehr in sein Wasser zurück.

Въ дѣйствительности это невѣрно, такъ какъ, напротивъ того, лососи всегда возвращаются, послѣ дальнихъ странствій въ моряхъ, въ тѣ самыя рѣки, гдѣ они вывелись, и тамъ же мечутъ икру: на этотъ счетъ имѣется много наблюденій. Французы увѣряютъ, что форели грозу отвращаютъ,— когда видно, что онѣ на поверхности воды играютъ, значитъ, грозѣ скоро конецъ:

> Les truites détournent de l'orage,—on les voit se jouer à la surface de l'eau, quand l'orage touche à sa fin.

За неимѣніемъ форели совѣтуютъ довольствоваться усачемъ:

Faute de truite on mange des barbeaux.

Не жалѣй уклейки, коли хочешь поймать лосося,—уклейка употребляется для наживки при ловлѣ лососей:

Il faut perdre un véron pour pêcher un saumon.

Налима французы очень высоко цѣнятъ за его печенку, это столь лакомое блюдо, что за него человѣкъ разориться готовъ:

Pour le foie de lotte l'homme donne sa culotte.

Про *угря* у насъ и за границею поговорки одинаковыя; отмѣчается, что его въ рукахъ удержать невозможно — соскользнетъ,— да и сѣть нужна мелкая и частая, чтобы его поймать:

Угря въ рукѣ не удержишь.
Угря, и не масливъ рукъ, упустишь.
Celui qui tient l'anguille par la queue, ne tient rien.
A grand pêcheur échappe anguille.
Auch einem guten Fischer entwischt ein Aal.
Das Netz muss kleine Maschen ha'n (haben), wenn's kein Aal soll zwischen gahn (gehen).

Простые люди у насъ угрей не ѣдятъ и говорятъ, что ихъ только тогда можно ѣсть, когда въ семи городахъ рыбы отыскать нельзя.

Извѣстно, что угри нерѣдко выходятъ изъ воды и особенно по мокрой травѣ уползаютъ иногда очень далеко, будто бы даже за нѣсколько верстъ. Русины говорятъ, что онъ дѣлаетъ это очень охотно, когда горохъ цвѣтетъ, и лакомится гороховымъ цвѣтомъ:

Вугор у ночи, як горох цвите, вылизає з воді на беріг і есе гороховий цъвіт,

— но бѣда, если на пути угря попадется песокъ,— черезъ него онъ никоимъ образомъ переползти не можетъ — весь облѣпится пескомъ и потеряетъ возможность движенія. Тутъ его и ловятъ, а если замѣтятъ, какими путями угри изъ воды идутъ, то на обратномъ пути посыпаютъ полоску песку, которая служитъ для нихъ непреодолимою преградою. При ловлѣ угрей сѣтями также стараются выволочить ихъ на песокъ, такъ какъ иначе они немедленно же уползутъ обратно въ воду, и удержать ихъ руками невозможно, да и убить трудно, такъ какъ угри очень живучи.

Вотъ еще нѣсколько изреченій про разныхъ рыбъ:

Рыбка плотичка — осетру сестричка,

тутъ очевидно, кромѣ созвучья, ничего нѣтъ, такъ какъ между мелкой рыбой плотвой и князь-рыбой осетромъ общаго ничего не имѣется. Отмѣчается еще, что плотва близко къ поверхности воды держится, тогда какъ линь обыкновенно скрывается на днѣ:

Линь по дну ходитъ, плотичка верхомъ.

Линя малороссы цѣнятъ почему-то очень высоко:

Нема подь рыбу линину (мясо свинину, ягоду сливину).

Способность долгое время жить внѣ воды приписывается— основательно или нѣтъ— линю. Объ этомъ русины разсказываютъ такъ:

Линь може жити довго й без води; аби тілько знойшовъ де вохку (?) ямку, то там соби надує піни (пѣны) якъ добру шапку, і в ній буде жити й місяць або й більше (Галиц.).

Ерша славится своими иглами и обиліемъ костей, и своею хищностью:

Дать бы ершу силу — всѣхъ бы со свѣту сжилъ.

Ершъ и щукѣ поперекъ горла становится.

На Руси не все караси — есть и ерши (поговорка иносказательная).

Ершъ не важное кушанье: съѣшь на грошъ, на гривну расплюешь.

Много ерша и на деньгу, да столько не съѣшь, сколько расплюешь.

Ершъ считается, какъ извѣстно, наиболѣе подходящей рыбой для ухи, а леща совѣтуютъ употреблять въ пирогъ:

Ершъ бы въ ухѣ, да лещъ въ пирогѣ,

— говорятъ деревенскіе гастрономы.

Про *пискарей* упоминаютъ руссины въ Галиціи, совѣтуя ловить ихъ зимою, при помощи гороховой соломы, которая будто бы ихъ приманиваетъ:

Пискарі найліпше ловлять ся в зимі на гороховянку: в тоню треба встромити вязанку гороховянки і лишити через ніч, то до рана в неі налізе повно пискарів.

Сезонъ *лещей*, повидимому, не дологъ, если судить по поговоркѣ:

Рыба лещъ — минуща вещь.

Карась и *окунь* даютъ хорошую уху, даромъ, что послѣдній костлявъ: отъ *сига*, напротивъ, уха плохая:

Карасева уха — гостинная ѣда.
Костлявъ окунекъ, да уха сладка.
Сигъ алтынъ, а уха подъ тынъ (не вкусна).

Упустишь карася — не бѣда, можешь еще взамѣнъ щуку поймать:

Не поймалъ карася — поймаешь щуку.
Карась сорвется — щука наверпется.
Нежданный карась въ вершу попалъ (иносказ.).

Окуни хорошо идутъ на удочку, на червя:

Окунь на червяка клюнетъ.
Гдѣ въ берегу колода, тамъ и окунь.

Окуни, повидимому, не уживаются ни съ ершами, ни съ раками:

Окунекъ въ воду — ершокъ ко дну.
Окунекъ съ ракомъ не помирятся (Малор.).

Малороссы предостерегаютъ противъ употребленія въ пищу *вьюна*, вслѣдствіе сходства его со змѣей:

Вьюна нельзя йисты, винъ гадючайи породы (Харьк. губ.).

Про *бычка* руссины замѣчаютъ, что у него тѣло рыбье, а голова жабья (лягушечья); поэтому бычка не годится ѣсть съ головою, а голову сперва отрубить, и потомъ уже рыбу варить:

Бабка головата така риба, що тiло рибяче, а голова жабяча; ii не годить iсти з головою, а треба насамперед голову вiдтяти, а потiм варити.

Извѣстно, что маленькая рыбка-*колюшка* дѣлаетъ себѣ гнѣздо, въ которое и мечетъ свою икру, причемъ и самецъ и самка охраняютъ гнѣздо и икру отъ всякихъ враговъ. Въ Олонецкой губерніи существуетъ легенда, что колюшка устроила себѣ гнѣздо въ паклѣ, который былъ проконопаченъ Ноевъ ковчегъ, отчего образовалась въ ковчегѣ течь и онъ могъ бы погибнуть, если бы ужъ не заткнулъ собою дыры (В. Майновъ, Онежскій край).

Не мало изреченій и примѣтъ про разныхъ рыбъ у поморовъ Архангельской губерніи, а равно у рыбаковъ Прионеж-

ского края, для которыхъ ловъ рыбы и бой морского звѣря составляетъ главный промыселъ, а во многихъ случаяхъ и единственное средство существованія «годъ на́кругъ» — въ теченіе всего года.

Наибо́льшее значеніе поморы, повидимому, придаютъ *семгѣ*:

Сёмужка — мать родная, барышная рыба,

— говорятъ они про нее. Ловится семга по преимуществу тогда, когда она къ рѣкамъ направляется и вверхъ по водѣ идетъ для икрометанія:

Сёмужка-рыбка все противъ воды идетъ на устрѣчу (навстрѣчу воды).

По осенямъ завсегда семга вверхъ вадымается.

Въ Олонецкой губерніи большое значеніе имѣетъ рыба *ряпушка*, но она не во всякое время года бываетъ одинаковаго качества; различаютъ ряпушку «колосовйцу», ловимую въ то время, когда у ржи наливается колосъ; въ эту пору мясо ея вяло и сама она еще очень мелка, такъ что пожива отъ нея плохая; наоборотъ, ряпушка «листопадка», ловимая осенью, когда падаетъ листъ съ деревьевъ, отличается наибольшими качествами, она къ этому времени становится крупною и мясо ея плотнѣе и вкуснѣе. «Меженная рыба», которая ловится въ самое жаркое время года, въ іюлѣ, скоро портится и потому въ дѣло не идетъ.

Заслуживаютъ вниманія народныя наблюденія надъ временемъ икрометанія разныхъ рыбъ:

Рыба выходитъ изъ глубины для весенняго тёрла: прежде всѣхъ рыбъ выходитъ щука, зачинаетъ весну, а кончаетъ толстый корогъ (Малор.).

Щука ростится въ самый ледоломъ.

Щука бьется (нерестится) на шестнадцатой недѣлѣ отъ Святого Рождества (Смол. губ.).

На Благовистномъ тыжднѣ щука трется (Екатер. губ.).

Окунь трется за щукой (Смол. губ.).

Плотва трется въ первый разъ на вербной, въ другой разъ когда распускается береза, и въ третій разъ на Вознесеніе (Южн. губ.).

Якъ березка разворачивается, такъ плотица трется (Смол. г.).

Сазанъ першится (трется) по первому ледолому.

Линь первой стаи трется якъ покажется колосъ во ржи; линь второй стаи — якъ ленъ зацвѣтетъ; линь третьей стаи — черный, якъ головня,—какъ листъ станетъ на ольхѣ выпадать (Смол. губ.).

Въ сухое лѣто всякая рыба, и язь по преимуществу, мечетъ свою икру на бо̀льшей глубинѣ, нежели въ сырые годы, причемъ запоздалое метанье икры указываетъ на сухое лѣто.

Зима и для рыбъ тяжелое время,—подо̀ льдомъ имъ дышать трудно, и если, особенно въ прудахъ со стоячей водой, не дѣлать прорубей, то онѣ и задохнуться могутъ:

Какъ рыба объ ледъ биться,

— выраженіе, которымъ обрисовывается тяжелое положеніе человѣка, не находящаго себѣ никакого выхода. Однако, къ веснѣ

Щука-рыба хвостомъ ледъ разбиває (Малор.).

Многія рыбы на зиму какъ бы засыпаютъ, обвертываются слизью, иныя зарываются въ илъ, другія ложатся на дно, или держатся почти неподвижно въ состояніи оцѣпенѣнія, изъ котораго онѣ только къ веснѣ выходятъ:

На Алексѣя — съ горъ вода (17-го Марта), а рыба со стану (съ зимней лежки).

Существуютъ многочисленныя примѣты на уловъ рыбы, основанныя на наблюденіи различныхъ явленій въ области физическаго, животнаго и растительнаго міра; такъ, уловъ рыбы находится въ зависимости отъ вѣтровъ, фазисовъ луны, состоянія атмосферы, грозъ, дождей:

Если раннею весною (1-го Марта) вѣетъ вѣтеръ отъ запада, то будетъ рыба хорошо ловиться (Малор.).

Если весной первый громъ застанетъ рыбу подо̀ льдомъ, то будетъ большой уловъ (Перм. губ.).

При перекатахъ (короткихъ перемѣнныхъ вѣтрахъ) уловъ рыбы лучше (Архан. губ.).

Вскроется рѣка въ постный день — будетъ много рыбы.

Kommen die Winde aus Süden oder Westen, so gehn die Fische aus ihren Nesten.

Westwind erfreut manches Fischerkind (— при западномъ вѣтрѣ рыба хорошо ловится)

Bei trüben Wetter ist gut fischen.

Schön Wetter und leere Netze, sagt der Fischer (Holland).

When the wind is in the north, the skilfull fisher goes not forth (Когда вѣтеръ съ сѣвера, опытный рыбакъ на ловлю не выходитъ).

На молодомъ мѣсяцѣ рыба клюетъ.

Въ послѣднюю четверь луны рыба не идетъ въ сѣти, оттого. что уходитъ въ завѣтеръ (навстрѣчу вѣтру) (Архан. г.),

Рыба не клюетъ въ рѣкѣ послѣ грома, а въ озерахъ ничего клюетъ (Архан. губ.).

Передъ дождемъ рыба плохо клюетъ, послѣ дождя хорошо.

Нуженъ дождь — поклонись матушкѣ водицѣ, пусть рыбку отъ клёва отучитъ.

Nach dem Regen ist gut fischen.

Уловъ рыбы сообразуется съ разными моментами развитія и цвѣтенія разныхъ растеній:

Когда цвѣтетъ черемуха, тогда уловъ на лещей (Пенз. г.).

Когда листъ на дубу развивается, уловъ щукъ (Пенз. губ.).

Караси идутъ въ сѣти, когда цвѣтетъ таволожникъ.

Шипица или шипишникъ (шиповникъ) цвѣтетъ — карасямъ ходъ (Перм. губ.).

Wenn die Ulme blüht, soll man Laichnetze auswerfen (Когда цвѣтетъ илимъ, выставляй сѣти на икряную рыбу).

Въ то время, когда цвѣтетъ рожь, негодится ловить рыбу (Вотяц.)

Ершъ привалилъ къ берегу — суровую воду почуялъ (Яросл. г.),

— тутъ ему и самый ловъ. Суровой водой называется весенняя, стекающая послѣ молодого снѣга, мутная вода, льющаяся въ рѣчки или озера изъ населенныхъ мѣстъ, и потому пропитанная навозомъ, которую ершъ, повидимому, особенно любитъ.

У поморовъ есть примѣты на ловъ рыбы сайды — (родъ трески,—Gadus saida):

Если на водѣ слышится запахъ водоросли, то будетъ обильный ловъ сайды,

— эта рыба называется у поморовъ сайда-игрунъ, потому что она рѣдко уходитъ въ глубь и держится больше на поверхности воды.

Много сойки —много корму,

— т. е. будетъ обильный промыселъ морского звѣря; сойка — небольшая рыбка въ родѣ налима (Gadus virens) служитъ пищею морскихъ звѣрей.

Обиліе раковъ предвѣщаетъ и хорошій уловъ рыбы:

Много раковъ — къ хорошему улову рыбы.

У французовъ есть наблюденіе, что рыба чопъ (Aspro vulgaris) уходитъ на дно въ хорошую погоду и поднимается на поверхность въ дурную, тогда какъ всѣ другія рыбы поступаютъ наоборотъ; если поймать чопа — уловъ будетъ неудаченъ. У насъ предвидятъ плохой уловъ, если при первой тони поймаешь ерша, или когда на удочку ершъ попадется:

Ершъ въ первомъ заловѣ — къ неудачному промыслу.

Когда на удочку поймаешь ерша, вмѣсто леща, складывай удочки и иди домой — улова не будетъ.

На Уралѣ у казаковъ существуетъ подобная же примѣта въ отношеніи лягушки:

Если во время багренія рыбы попадется на багоръ лягушка, то уже ни одной рыбы во всю зиму не изловишь, сколько ни перемѣняй багры и мѣста.

Выше уже были приведены многочисленныя и у всѣхъ народовъ между собою согласныя примѣты о томъ, что въ благопріятные, урожайные годы уловъ рыбы бываетъ плохой, и обратно, причемъ только нѣкоторыя русскія примѣты этому общему правилу противорѣчатъ. Повторять здѣсь всѣ эти примѣты нѣтъ надобности,— онѣ изложены въ главѣ «Примѣты на урожай»; резюмируютъ ихъ слѣдующія русскія и иностранныя изреченія:

Когда рыба ловится въ изобиліи, то ожидаютъ голоднаго года.

Когда рыбно — то и голодно.

Wasser reich — Land arm.

Wenn das Wasser arm ist an Fischen, so ist das Land reich an Früchten.

Beaucoup de poissons—petite moisson.

Изъ числа примѣтъ, противорѣчащихъ вышеприведеннымъ, отмѣтимъ только двѣ:

Хорошій ловъ рыбы — къ урожайному году.

При хорошемъ урожаѣ ржи — большой ловъ рыбы (Кур. губ.).

Болгары держатся мнѣнія средняго; у нихъ только нѣкоторыя рыбы, а именно окуни и ерши, при обильномъ ловѣ предвѣщаютъ хорошій урожай.

Существуетъ не мало изреченій на ловъ рыбы вообще, причемъ на всѣхъ языкахъ и на всѣ лады повторяется поговорка, нерѣдко примѣняемая иносказательно, что хорошо ловить рыбу въ мутной водѣ:

Въ мутной водѣ хорошо рыбу ловить.
Ладно въ мутной водѣ рыбу ловить.
Мутная води для рыболова лучше, нежели для рыбы (Суринамъ).
Pescare nel torbido (ловить рыбу въ мутной водѣ).
Если ловишь рыбу, и въ мутной водѣ долженъ ловить (Турец.).

m trüben Wasser ist gut fischen.
Im trüben Flusse macht der Fischer gute Beute.
Wer Fische fangen will, muss zuerst das Wasser trüben.
Il n'est que pêcher en eau trouble.
Eau trouble—gain du pêcheur.
T'is good fishing in troubled water (тоже).
A fiume torbido quadagna di pescatore (Въ мутной рѣкѣ рыбаку пожива).

Всего лучше ловить рыбу въ морѣ, потомъ въ глубокихъ, да тихихъ водахъ, а также при розливѣ рѣкъ,—и хуже въ большихъ рѣкахъ при очень быстромъ теченіи; хорошо ловится рыба подъ крутымъ берегомъ, да подъ листьями кувшинки:

Рыба ищетъ—гдѣ глубже (а человѣкъ—гдѣ лучше).
Крутъ бережокъ—да рыбка хороша.
Не лови рыбку въ озерѣ, а лови у берега (Новгор. губ.).
Держись берега—а рыба буде (Малор.).
Лови рыбу, де лопухъ е (лопухъ—кувшинка, Nymphaea) (Малор.).
По рѣчному стрежню (быстрому теченью) мечешься — намаешься, а все безъ рыбы останешься.
A fiume famoso non andar a pesca (Въ большихъ рѣкахъ не ходи рыбу ловить).

No fishing to fishing in the sea (Нѣтъ рыболовства лучше, чѣмъ въ морѣ).
Il fait bon pêcher en eau large.
Il fait bon pêcher aux endroits où l'eau dort.
In grossen Wassern ist gut fischen.
Im grossen Teich fischt sich's leich reich.
Wenn der Fluss über die Ufer gegangen, sind die Fische leicht zu fangen.
In grossen Strömen ist schlimm fischen.
In bösen Wässern ist nicht gut fischen.

Приводимъ затѣмъ нѣсколько касающихся лова рыбы предразсудковъ, которыхъ у рыбаковъ безчисленное множество.

Когда рыбакъ отправляется на ловлю (либо охотникъ на охоту), то не слѣдуетъ ему говорить «дай Богъ щасливо», потому что тогда Богъ пошлетъ счастья рыбѣ или звѣрю, и рыбакъ ничего не поймаетъ, а охотникъ ничего не застрѣлитъ.

Если рыбакъ на первомъ заловѣ поймаетъ большую рыбу, то онъ этому не радъ, потому что потомъ все будетъ ловится мелочь, а если сперва поймаетъ мелкую рыбку, то за нею пойдутъ и большія; первую попавшуюся рыбу, какая бы она ни была маленькая, непремѣнно нужно взять, ибо если ее упустить, то уже ничего больше не поймаешь. Совѣтуютъ еще на первую пойманную рыбу три раза плюнуть, сказавъ: «тьфу, тьфу, тьфу, на ноготокъ!», тогда всякая рыба будетъ потомъ хорошо ловиться (Галиц.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принято первую пойманную рыбу пускать обратно въ воду, «чтобы задобрить водяного».

Рыбаки народъ суевѣрный,—не любятъ они, въ особенности, когда щука передъ ними плеснетъ,—это предвѣщаетъ несчастье:

Если щука плеснетъ хвостомъ передъ рыбакомъ, то ему не долго жить.

Быть можетъ, это повѣрье связывается съ другимъ, по которому водяной любитъ являться рыбакамъ въ образѣ щуки огромныхъ размѣровъ и отличающейся необычайной увертливостью; не мало существуетъ разсказовъ про то, какъ спящая щука,—т. е. спящій водяной,—будучи уколота острогой, топила и рыбака, и лодку, и т. п.

У насъ не совѣтуютъ живую рыбу домой носить, удачи не будетъ, да и вообще, чтобы рыбу ловить—нужно счастье, такъ какъ въ рыбачьемъ дѣлѣ большую роль играетъ случайность:

Живую рыбу домой носить—не станетъ ловиться.
Не тотъ рыбакъ богатъ, который уменъ, а тотъ, кто счастливъ.
Уловъ на рыбу—наваръ на ушицу.
Словно заколодило—ни одной рыбки не поймаешь.
Либо рыбку съѣсть, либо на мель (либо ракомъ) сѣсть.
Уловъ—не уловъ, а обрыбиться надо (Урал. каз.).
Авось и рыбака толкаетъ въ бока.

Чтобы добиться удачи, рыбаки прибѣгаютъ къ разнымъ суевѣрнымъ пріемамъ, между которыми любопытенъ слѣдующій,

практикуемый поморами сѣвернаго края: къ рыболовнымъ снастямъ они привязываютъ для счастья янтарь и обкуриваютъ имъ сѣти. На берега Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря иногда выбрасывается волнами янтарь, называемый поморами «морской ладонъ».

Отправляясь на промыселъ, надо подавать милостыню нищимъ и странникамъ:

Страннику далъ—на промыслѣ десять разъ взялъ (Архан. губ.).

Не хвались передъ началомъ лова, не продавай рыбы, пока она не поймана, а какъ поймаешь, тогда и расцѣнивай:

Передъ тоней—рыбой не хвались.
Man kann die Fische nicht eher verkaufen, bis man sie getangen hat.
Самъ смекни, почемъ снѣтки, потомъ и маленькая рыбка (?).

Интересны слѣдующія изреченія, рисующія народныя юридическія понятія о правѣ на рыбу и рыболовство:

Чей берегъ—того и рыба.
Чей берегъ—того и рѣка, чья вода—того и рыба.
Wem der Teich gehört, dem gehören auch die Fische.
Въ чужой прудокъ не кидай неводокъ.
Худо ловить рыбу подъ чужимъ берегомъ (поймаютъ, да въ шею накостыляютъ).

Однако, нѣмцы замѣчаютъ, что въ чужихъ, да запретныхъ водахъ рыба хорошо ловится:

In verbotenen Säen (Teichen) fischt man gern.
In verbotenen Wassern fischet man am liebsten.

На всѣхъ языкахъ существуютъ поговорки о томъ, что, не замочившись, рыбы не поймаешь:

Не обмочась, рыбки не поймаешь.
Чтобы рыбу съѣсть, надо въ воду лѣзть.
Пола мокра, такъ и брюхо сыто (Арханг. губ.).
Безъ труда не вынешь и рыбки изъ пруда.
Den Fisch bekommt man nicht mit trockenen Füssen.
Man fängt keine Hechte mit trockenen Händen.
Non si puo prender il pesce, senza bagnarsi (Нельзя рыбы достать, не замочившись).
Chi vuol de pesce convien che s'amolli le brachi (Кто хочетъ рыбы, долженъ замочить штаны).

Для лова рыбы употребляются разныя орудія,—исѣти, и вёрши, и крючки съ разными наживками:

На всякую рыбку свое ловище.
Идетъ рыба на блевку, идетъ и на блесну.
Выбирай удилище по лову, а крючокъ по рыбѣ.
Wer Fische fangen will, muss zuvor die Netze flicken.
Man muss das Netz auswerfen, wenn man Fische fangen will.
Ein Netz, das der Herr selbst auswirft, thut einen reichen Zug.
Wie die Netze, so der Fischer.

Въ сѣть разныя рыбы идутъ, но плохо ловить рыбу впереди—и еще того хуже—позади невода; большія рыбы сѣти рвутъ, малыя насквозь проходятъ:

Впереди невода рыбы не ловятъ.
По передъ невода рыбы не лови (Малор.).
Пресвятая Богородица, почто рыба не ловится? Либо неводъ худъ, либо нѣтъ ее тутъ.
Не всегда рыба въ тонѣ, былъ бы тонщикъ на тонѣ (Даль).
En fleuve, où manque le poisson, jeter filet est sans raison.
Es fangen sich vielerlei Fische in einem Netz.
Wenn das Netz auf's Land kommt, sieht man, was für Fische darin sind.
Grosse Fische reissen die Netze.
Es müssen enge Netze sein, die nicht ein Fischlein durchwischen kann.
Mit groben Netzen sind kleine Fische nicht zu fangen.
T'is ill fishing before the net (Плохо ловить рыбу передъ сѣтью).
Es ist bös fischen hinterm Netz.
Hinter dem Netz ist nützlos fischen.
Was nützt das beste Netz, wenn die Fische fehlen?
Der Fisch ist wohl immer im Wasser, aber nicht immer im Netz.

На удочку ловъ небогатый, съ нею хлѣба не наживешь:

Удочкою не много рыбы наловишь.
Der Fischer mit der Angel hat selten Brot und häufig Mangel.
Grosse Fische kommen selten zur Angel.

Къ лову рыбы на удочку народъ относится вообще саркастически:

Вудка (уда, удочка) мокне, а рыбакъ сохне.
Рыбу удишь, а исты що будешь?
На одномъ концѣ (удочки) червякъ, а на другомъ—дуракъ.
Рыбки да рябки—теряешь уповодки (ловъ рыбы на удочку да охота за рябчиками—потерянное время) (Новг. губ.).

Ловъ рыбы на удочку тоже требуетъ извѣстной сноровки,—на крючекъ надо червя или маленькую рыбку насаживать, по рыбѣ выбирать удилище и лёсу:

Рыбу удять со сноровкой,—когда посноровить, когда подсѣчь.

Удилище выбирай по лову, а крючекъ по рыбѣ.

Что чему—а червя лещу.

За толстой лёсой можно полежать (рыба тихо клюетъ), за тонкой—посидѣть впору.

Какъ только рыба начала клевать, нельзя смотрѣть по сторонамъ и оглядываться назадъ — рыба перестанетъ удиться.

Хорошій рыбакъ долженъ по клёву знать, что рыбу сазаномъ звать.

Плохо ссучишь—скоро оборвешь, толсто ссучишь—ничего не поймаешь.

Man muss einen Wurm an die Angel binden.

Mit kleinen Fischen fängt man die Grosse.

Der schlechteste Wurm an der Angel lockt oft die beste Fische.

Quand le poisson est pris, la ligne danse.

Самое важное, однако, чтобъ была удочка, хоть какая ни на есть:

Была бы уда, а рыба будетъ...

При ловѣ рыбы на удочку надо соблюдать тишину—нѣкоторыя породы рыбъ ко всякому шуму очень чутки:

Леща на барабанъ не выловишь.

Надо умѣть выбрать и мѣсто, и время лова; нѣмцы рекомендуютъ закидывать удочку въ тихую воду;

Der Fischer wirft die Angel an, wo das Waser am ruhigsten.

По наблюденію сибирскихъ рыболововъ,

Ловъ рыбы удочками начинается, когда вода стоитъ въ трубѣ (Тобол. губ.),

—т. е. когда весной разливъ рѣкъ кончился и вода вошла въ берега.

Какая рыбка съ крючка сорвалась—той уже не поймаешь, она снова не попадется—учена:

Welcher Fisch dem Hacken entgangen, wird nicht wieder leicht gefangen,

— а попалась рыбка на крючекъ, тогда уже ей плохо приходится, сама виновата, что крючка не остереглась:

Когда попалась рыбка, тогда и крючокъ учула (учуяла).
Не до шутокъ рыбкѣ, какъ крючкомъ подъ жабру хватаютъ.

Удильщикъ не долженъ много рыбы разбирать, но и не все брать, что ни клюнетъ:

Что плыветъ, то и уди.
Не все уди, что клюетъ.

Какъ начнется уловъ—такъ и пойдетъ:

По заклеву—уловъ.
Клёвъ на уду,

— привѣтствіе рыболову удильщику.

Рыболовство—занятіе опасное,—много людей оно губитъ, но рыбаки народъ смѣлый, своего промысла не бросаютъ, и отъ отца къ сыну свое искусство передаютъ:

Рыбу ловить—край смерти (близъ смерти) ходить.
Ловцы рыбные—люди гиблые.
Кто въ лѣсу убился?—бортнякъ; кто въ рѣкѣ утопился?—рыбакъ.
Ловцы да пловцы домой не бываютъ (часто гибнутъ).
На водѣ вѣкъ вѣковать (рыбаку), на водѣ его и покончитъ.
Рыбаку дождь не помѣха.
У рыбака рубаха грязна, да уха горяча.
Отецъ рыбакъ,—и дѣти въ воду смотрятъ.
Если батька рыбакъ, и сынъ въ воду глядитъ (Смолен. губ.).
Дѣдка рыбакъ—туда же и внуки глядятъ.

Въ разгаръ рыболовнаго сезона, который обыкновенно бываетъ короткимъ, работа тяжелая, называется, какъ и лѣтняя работа земледѣльца въ полѣ во время уборки хлѣбовъ—«страдою». «Страда мурманская», весенній періодъ морскихъ промысловъ на рыбу и звѣря у мурманскихъ береговъ; называется еще «страдной промыселъ». На Каспіѣ и въ низовьяхъ Волги весенній и осенній ловъ называется «путиною»,—весенняя путина, осенняя путина.

Мѣсто, гдѣ постоянно ловятъ рыбу, и гдѣ строятся на берегу рыбацкія избушки для ночевки, носитъ на сѣверѣ названіе «ло-

вища», на Волгѣ — «тоня». Мѣста эти распредѣляются между рыбаками и считаются какъ бы ихъ собственностью, откуда поговорка:

Всякъ на своемъ ловищѣ хозяинъ (Олонец. губ.).

Для рыбаковъ нуженъ просторъ, въ тѣснотѣ имъ не ужиться:

На одномъ плесѣ двоимъ рыбакамъ не житье.
Каковы рѣки—таковы и рыбаки.
Рыбакъ рыбака видитъ издалека.
Рыбакъ рыбака далеко видитъ на плесу.

Интересенъ варіантъ этой поговорки:

Рыбакъ рыбака ненавидитъ на плесѣ,

— очевидно, какъ нежелательнаго конкурента.

Не всякъ рыбакъ, кто разъ рыбу поймалъ:

Der ist noch kein Fischer, der einmal einen Fisch gefangen.

Занятіе рыболовствомъ благословенное Богомъ дѣло,—недаромъ и Апостоловъ Своихъ Христосъ среди рыболововъ избралъ:

Самъ Богъ зъ рибалокъ апостоли вчинивъ (Малор.).

Естественно поэтому, что рыболовство имѣетъ и своихъ особыхъ покровителей между святыми, причемъ въ разныхъ мѣстахъ рыболовы разнымъ святымъ празднуютъ. Какъ самъ рыбакъ, Апостолъ Петръ считается главнымъ покровителемъ рыболововъ и Петровъ день—наиболѣе ими чтимый, рыбачій праздникъ. Въ Виленской губерніи покровителемъ рыболовства считается Св. Алексѣй,—человѣкъ Божій; въ сѣверной Россіи рыболовы справляютъ свой праздникъ въ день памяти Св. Нила Сорскаго (27-го мая). Въ Уральской области покровителемъ рыболовства считается Св. Николай Чудотворецъ. Ни одна промысловая повозка на Уралѣ безъ образа Св. Николая Чудотворца на ловъ не выѣзжаетъ, а при зимнемъ подледномъ багреньѣ рыбы на долю Святителя отчисляется пай, доходъ съ котораго идетъ на церкви, посвященныя его имени, на свѣчи и масло къ его иконамъ и т. п. Отъ милости тѣхъ или другихъ святыхъ зависитъ удача промысла, бо̀льшее или меньшее количество рыбы, благополучіе самого рыбака и т. п.

Но, кромѣ святыхъ, въ рыбномъ дѣлѣ играетъ роль также и «добрый дѣдушка-водяной». Суевѣрные рыбаки считаютъ нужнымъ и его тоже ублажить и задобрить:

Кто съ водянымъ ладитъ, у того и рыбы въ неводахъ вдоволь.

Особенно важно ублажить водяного, когда онъ отъ зимней спячки въ Никитинъ день (3-го апрѣля) проснется. Проснется онъ сердитымъ—разгонитъ и истребитъ рыбу, и тогда уже хорошихъ промысловъ не жди. Чтобы водяного задобрить—его угощаютъ гостинцемъ, топятъ въ рѣкѣ лошадь, хоть плохенькую какую, или вливаютъ въ воду масло.

Не однѣ рыбы являются жителями царства подводнаго, поминаетъ народная мудрость и про раковъ, а за границею и про устрицъ, да про тѣхъ раковинъ, что жемчугъ даютъ. Хотя

Не рыба въ рыбахъ ракъ,

однако,

На безрыбьи и ракъ рыба.

Ракъ—водяной сверчекъ,

— считается поганымъ, да и ѣсть раковъ—дѣло не спорое:

Поколѣ наѣшься раковъ, потоль проголодаешься.

Спасибо за рыбу, а за раки нема дяки (Малор.),

— за раковъ не стоитъ и благодарить.

Малороссы и бѣлоруссы высмѣиваютъ раковъ за то, что у нихъ глаза не на мѣстѣ:

Змиловавсь Богъ надъ ракомъ, та давъ ёму очи ни тамъ, де треба (Малор.).

Грозенъ ракъ, да гдѣ его вочи (Бѣлор.)?

Раки бываютъ наиболѣе вкусными лѣтомъ, въ то время, когда цвѣтетъ пшеница:

Раки найсмачнійши тоді, коли цвите пшениця (Галиц.).

Въ періодъ линянія ракъ называется «прѣлымъ» и ѣсть его въ это время негодится.

Ловятъ рыбаки и раковъ, которые иной разъ и сами въ ловушку идутъ:

Въ помгу (рыболовный снарядъ, сѣть, ловушка) ракъ напередъ рыбы лѣзетъ.

Другой способъ ловли раковъ—вытаскиваніе ихъ изъ норъ:

Раку нора (а рыбѣ яма) за обычай,

— но при этомъ не диво, если за пальцы клешнями ухватятъ:

Wer krebst, muss sich gefallen lassen, dass er in die Finger gezwickt wird.

Ловилъ бы раки, кабъ не были щипляки (Бѣлор., Минск. губ.).

У рака вся сила въ клешняхъ:

У рака мочь въ клешнѣ (а у богатаго въ мѣшкѣ).

Всѣмъ извѣстна иносказательная поговорка:

Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней,

— но менѣе извѣстенъ слѣдующій варіантъ:

Далеко кулику до Петрова дня, а раку съ клешней до коня съ копытомъ.

Отмѣчается своеобразная рачья походка:

Криво ракъ выступаетъ, да иначе не знаетъ.
Ein Krebs lernt niemals vorwärts gehen.

Такая походка дана раку въ наказанье: онъ укралъ одинъ изъ гвоздей, которыми распинали Іисуса Христа; за это Богъ повелѣлъ ему ходить задомъ, а людямъ позволилъ его ѣсть (Бессарабія).

Отъ варки раки краснѣютъ:

Горе одного только рака краситъ,

— говорится у насъ; нѣмцы же замѣчаютъ—невдомекъ ракамъ, что ихъ красными на столъ подаютъ:

Die Krebse bilden sich nichts darauf ein, dass sie roth auf den Tisch kommen.

Про морскихъ раковъ—омаровъ и крабовъ—въ изреченіяхъ народной мудрости совсѣмъ не упоминается. Между мурманскими промышленниками распространено повѣрье, что на днѣ Сѣвернаго Океана, между Новой Землей и Грумантомъ (Шпицбергенъ) пребываетъ колоссальной величины морской звѣрь, «громаднѣющій рачій царь», повелѣвающій всѣми морскими звѣрями (Помор., Архан. губ.).

Французы увѣряютъ, что раки помогаютъ отъ змѣинаго яда:

Ecrevisses valent contre venin.

Въ Австраліи совѣтуютъ при постройкѣ дома живого рака въ стѣну вмазать—клопы водиться не будутъ:

Wenn man einen lebenden Krebs im Hause einmauert, so ziehen die Wanzen fort.

У галичанъ насчетъ присутствія живого рака въ домѣ предубѣжденіе совершенно иное; именно, они увѣряютъ, что если въ хату принести живыхъ раковъ, и одинъ изъ нихъ случайно

уползетъ и забъется въ дыру, такъ что его потомъ не найдутъ, то онъ можетъ тамъ жить, но на седьмой годъ превратится въ чорта (як перебуде сім літ, то з него зробить ся дідько). И тогда въ такой хатѣ такъ будетъ страшно жить, такія дѣла въ ней будутъ твориться, такъ будутъ люди умирать, что останется только хату разобрать и перенести на другое мѣсто.

У тѣхъ же галичанъ есть и другое повѣрье, столь же, конечно, неосновательное; именно они увѣряютъ, что болѣзнь ракъ приключается у людей, если муха, посидѣвъ на живомъ ракѣ, укуситъ потомъ человѣка—на укушенномъ мѣстѣ и сдѣлается, будто бы, ракъ.

У насъ существуетъ наблюденіе:

Раки мрутъ отъ сосѣдства свиней.

Раки на зиму скрываются въ норахъ, ловить ихъ въ эту пору нужна особая сноровка:

Хитеръ парень—знаетъ, гдѣ раки зимуютъ.

Раки никакихъ звуковъ издавать не могутъ. То, что случиться не можетъ, сулятъ тогда: «когда ракъ свиснетъ».

Извѣстно, что въ рѣкахъ сѣверной Россіи, преимущественно въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской, — въ раковинахъ попадается жемчугъ, служащій предметомъ довольно развитаго тамъ жемчужнаго промысла, доставляющаго иногда довольно цѣнныя жемчужины. Створчатыя раковины, въ которыхъ находятъ жемчугъ, называются «жемчужная розѝнька». Хотя въ старые годы жемчужный промыселъ имѣлъ гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ нынѣ, при чемъ жемчугъ добывался и въ рѣкахъ балтійскаго бассейна, напримѣръ, въ губерніяхъ Новгородской, Псковской и др., и несомнѣнно, что многія украшенія древнихъ иконъ, царскихъ одѣяній, архирейскихъ облаченій и митръ дѣлались изъ русскаго жемчуга, народная память не сохранила, повидимому, никакихъ изреченій, до этого промысла относящихся.

Нѣмцы замѣчаютъ, что въ самой невзрачной раковинѣ можно иногда найти цѣнную жемчужину:

In der rauhesten Muschel ist oft die schönste Perle.
Es giebt oft in einer ungestalten Muchel ein köstliches Perlein.

Въ отношеніи сбора жемчуга говорится ими же, что хотя и не во всѣхъ раковинахъ есть жемчугъ, но всѣ ихъ надо пересматривать:

Es sind nicht in allen Muscheln Perlen, aber man muss sie alle durchsuchen.

Относительно происхожденія жемчуга существуетъ такое повѣрье у татаръ:

Во время грозы раковины раскрываются, и дождевыя капли, попавшія въ нихъ, превращаются въ жемчугъ (Татар., Шемахин. у., Бак. губ.).

Про устрицъ, кромѣ указаній на то, что ихъ не слѣдуетъ ѣсть въ мѣсяцы безъ буквы Р, замѣчается, что съ лучшею сѣтью ихъ въ пруду не добудешь:

In einem Teiche fängt man mit dem besten Netze keine Austern.

Есть не мало изреченій еще и про лягушекъ; хотя малороссы ихъ причисляютъ къ рыбамъ, на томъ основаніи, что они въ водѣ живутъ:

И жаба рыба, бо въ водѣ сидить (Малор.),

— но настолько расширять предѣлы подводнаго царства, чтобы причислить къ нему и лягушекъ, нѣтъ основанія, и такъ какъ лягушки принадлежатъ къ классу земноводныхъ, только часть своей жизни проводя въ водѣ, то о нихъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

XI.

ГАДЪ И ГНУСЪ.

Подъ словомъ «гадъ» по преимуществу разумѣются земноводныя, лягушки, змѣи и т. п., но иногда наименованіе это примѣняется и къ нѣкоторымъ вреднымъ животнымъ, какъ, напримѣръ, въ приведенныхъ выше изреченіяхъ: «нѣтъ гада плодливѣе мыши», «гадъ въ саду пакоститъ», «гадъ всю шишку поѣлъ» (Сибир.—птицы поѣли всѣ кедровые орѣхи), и пр. Въ настоящей главѣ подъ именемъ гада будутъ имѣться въ виду только тѣ животныя, которыя и въ наукѣ разумѣются подъ этимъ же названіемъ. Иногда, однако, названіе гадъ примѣняется и къ насѣкомымъ, какъ, напримѣръ, въ поговоркѣ: «отъ всякаго гада не отмашешься». Въ Олонецкой губерніи существуетъ для обозначенія какъ гадовъ, такъ и разныхъ насѣкомыхъ, общее слово «гàведь». Слово «гнусъ», болѣе распространенное въ Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи, означаетъ разныхъ вредныхъ или назойливыхъ насѣкомыхъ, въ родѣ комаровъ, мошекъ, оводовъ, мухъ, а также червей, гусеницъ и т. п.; однако, въ Архангельской губерніи подъ этимъ названіемъ разумѣютъ не насѣкомыхъ, а крысъ и мышей. Мелкія насѣкомыя, особенно мучительныя въ лѣтнюю пору для людей и скота, носятъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и другія названія, какъ напримѣръ, «бызы» — «на Акулину пали бызы на скотину». Въ Малороссіи вредныхъ насѣкомыхъ называютъ «казюкы»; въ Архангельской губерніи мошки, комары и пр. насѣкомыя носятъ названіе «нуда». Въ Сибири имъ есть и другое выраженіе «гнусина», но оно примѣняется и къ такимъ вреднымъ животнымъ, какъ

волкъ, мышь, крыса. Въ Ярославской губерніи всякія мелкія насѣкомыя носятъ собирательное названіе «мураша». Въ этой главѣ будутъ приведены изреченія, касающіяся не только тѣхъ вредныхъ насѣкомыхъ, которыя разумѣются подъ словомъ гнусъ, но и всѣхъ насѣкомыхъ вообще, кромѣ пчелъ и шелковичныхъ червей, о которыхъ уже была рѣчь выше.

Происхожденіе всѣхъ гадовъ, которые вообще не служатъ къ украшенію вселенной, малороссы объясняютъ такъ:

Разъ Господь плюнувъ на землю—изъ слюны Его и наробылись вси гады: змѣи, ящерки, гады (Купян. у., Харьк. губ.).

Всѣ земноводныя въ нашихъ краяхъ на зиму засыпаютъ и просыпаются только съ первымъ пробужденіемъ весны, когда до нихъ коснется весеннее тепло и вызоветъ ихъ къ жизни отъ зимняго оцѣпенѣнія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и русская народная поговорка:

Кажинъ (каждый) гадъ теплу радъ.

Въ народѣ существуетъ, впрочемъ, повѣрье, что змѣи на зиму въ тотъ же сказочный вырай уползаютъ, въ который улетаютъ и птицы, причемъ на югѣ говорятъ, что змѣи лѣзутъ въ вырай не по землѣ, а по деревьямъ; остаются же зимовать у насъ, въ наказаніе за свое прегрѣшеніе, только тѣ змѣи, которыя лѣтомъ человѣка укусили. Убить такую змѣю благодѣяніе для нея, такъ какъ иначе она только живетъ да мучается.

Существуютъ на этотъ счетъ, однако, и другія повѣрья. Исчезновеніе змѣй, начало ихъ зимней спячки, обыкновенно происходитъ у насъ около половины сентября, вблизи праздника Воздвиженья. Разныя поговорки на этотъ счетъ уже были приведены въ первой части этой книги. Но куда змѣи дѣваются, на этотъ счетъ существуютъ въ народѣ мнѣнія и повѣрья различныя. Одно изъ такихъ повѣрій, сообщаемое г. Костинымъ (Прилож. къ Нивѣ, Ноябрь 1901 г.), заключается въ томъ, что змѣи на Воздвиженье сползаются со всего свѣту въ подземелье, гдѣ живетъ король-змѣя-Скоропія, змѣиная мать-царица, осужденная вѣчно пребывать подъ землею за то, что, принявъ въ себя дьявола, соблазнила въ раю Адама и Еву. Въ подземельи змѣи остаются всю зиму и вылѣзаютъ изъ него тогда, когда весною прогремитъ первый громъ. По другому повѣрью: «на Вадвиженье бываетъ змѣиное сдвиженье: змѣи сползаются и со-

вѣщаются о житьѣ-бытьѣ въ предстоящую зиму: въ это же время происходятъ и змѣиныя свадьбы» (Терск. обл.).

Есть, будто бы, у змѣй и свой царь. По повѣрію Нахичеванскихъ армянъ, змѣиный царь, съ короною на головѣ, живетъ на горѣ Иланъ-дагъ, (Змѣиная гора), близъ Нахичевани, и на поклоненіе ему въ извѣстное время года сползаются всѣ окрестныя змѣи. По разсказамъ галицкихъ русинъ, «гадины (змѣи) имѣютъ надъ собою старшаго, кріля; його можно пізнати по тім, що має діямантову корону на голові»,—если кто такую гадину увидитъ и убьетъ, то заразъ столько змѣй набѣжитъ, что его на мѣстѣ разнесутъ, и потому лучше «погодуваті ії, дати ій молока и поводити ся з нею добре». За добро она добромъ и отплатитъ. Такъ, одинъ человѣкъ высвободилъ однажды нѣкоего змѣинаго «кріля» отъ аиста, который хотѣлъ его съѣсть. Змѣя сказала—«положи свою ладонь подъ мою голову»; человѣкъ тотъ сперва не рѣшался, думалъ—укуситъ, но потомъ сдѣлалъ, какъ змѣя велѣла, и она выложила ему на ладонь со своей короны такой камень, что онъ въ ночи свѣтилъ какъ свѣча, и продалъ тотъ человѣкъ подаренный ему змѣинымъ королемъ драгоцѣнный камень «за велыкі гроши».

Обще распространено повѣрье, что попадаются змѣи, — ужи, гадюки—у которыхъ есть два рожка на головѣ; если эти рожки золотые, то они считаются принадлежностью змѣинаго царя и обладаютъ чудодѣйственною силою; однако, такіе рожки бываютъ и обыкновенные, роговые, но тоже обладаютъ особенною силою, и при томъ одинъ изъ нихъ добрый, другой худой. По наружному виду оба рожка одинаковые, и чтобы опредѣлить, какой изъ нихъ добрый, какой худой, надо вкопать ихъ подъ два одинаковыхъ дерева: черезъ ночь одно дерево станетъ пригожѣй, а другое засохнетъ; если положить подъ уголъ дома добрый змѣиный рожокъ, то въ домѣ начнется цѣлый рядъ благополучій, а отъ худого—наоборотъ. Рогатая змѣя появляется въ данной мѣстности черезъ двадцать лѣтъ, а добытыя отъ нея рожки хранятъ свою силу пожизненно, въ рукахъ человѣка, лично ихъ добывшаго. Существуетъ еще якобы змѣя-гадюка съ красными рожками, которая называется у малороссовъ Харьковской губерніи «царыця голыця». Змѣиный (ужиный) царь, по повѣрью поляковъ, живетъ подъ лещиной, на которой растетъ омела. Этотъ царь ужей вдвое больше другихъ своихъ собратій,

и если, сварившн его въ оливковомъ маслѣ, питаться этимъ жиромъ, то изъ стараго можно сдѣлаться молодымъ.

Змѣямъ приписывается особая мудрость, въ отношеніи которой изъ всего животнаго міра только будто бы одна пчела ихъ превосходитъ, о чемъ свидѣтельствуетъ уже цитированная выше поговорка «на что мудръ гадъ-змѣя подколодная, а пчела и ее перемудритъ»; малороссы увѣряютъ, что змѣиная мудрость можетъ передаваться человѣку; для этого нужно съѣсть вываренное мясо змѣи, послѣ чего человѣкъ получитъ будто бы способность слышать и понимать говоръ животныхъ и растеній, а также постигнетъ цѣлебное значеніе послѣднихъ. Но, вмѣстѣ съ мудростью, змѣѣ приписывается и особая злоба, чисто сатанинская, быть можетъ, потому, что и діаволъ, когда хотѣлъ соблазнить нашихъ прародителей въ раю, явился къ нимъ въ образѣ змѣи.

Змѣй народъ очень боится, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, такъ какъ часто не различаетъ змѣй совершенно безвредныхъ, въ родѣ ужей и мѣдяницъ, отъ змѣй дѣйствительно ядовитыхъ, гадюкъ, ехиднъ и т. п.

Не присмотришься, такъ и ужа отъ змѣи не отличишь (не то, что добраго человѣка отъ злого).

Поэтому, народъ совѣтуетъ змѣй избивать, когда ихъ ни встрѣтишь, и считаетъ даже это особеннымъ подвигомъ, за который слѣдуетъ награда, а кто змѣю пожалѣетъ, тотъ людямъ навредитъ:

За одну убитую змѣю Богъ прощаетъ человѣку двѣнадцать грѣховъ, а за двѣнадцать убитыхъ въ одинъ день змѣй самому страшному грѣшнику прощаются всѣ грѣхи (Вит. г.).

Если убьешь гадюку — сорокъ грѣховъ прощается (Куб. об.).

Хто убье змѣю, тому сто грѣховъ скинетца (Бѣлор.).

Если гадюку убить коржомъ (?), то простится двѣнадцать грѣховъ (Воронеж. губ.).

Змѣю хлѣбомъ бить (Смолен. губ.).

Обѣ послѣднія поговорки, Воронежская и Смоленская, говорящія объ убіеніи гадюки или змѣи коржомъ или хлѣбомъ, — коржъ, коржикъ тотъ же хлѣбъ, только въ формѣ лепешки,— представляются неясными. Непонятно, почему змѣю надо бить именно хлѣбомъ и какое съ этимъ связывается символическое значеніе?

Змѣю грѣхъ не забить. (Смол. губ.).

Кто пощадитъ встрѣченную змѣю и намѣренно не убьетъ ее, на того три дня не будетъ свѣтить солнце (Витеб. губ.).

Wer sich einer Schlange erbarmet, thut den Menschen Wehe.

Малороссы увѣряютъ, что убіенію змѣи-гадюки радуется даже природа:

Гадюку вбый—сонечко засміется, выяснится (Кіев. губ.).

Въ своей нелюбви къ змѣямъ народъ мѣстами избѣгаетъ называтъ ихъ, а выражается о нихъ иносказательно—«худой, червь шишокъ, гадина» и т. п.

Змѣя во многихъ изреченіяхъ разсматривается какъ олицетвореніе дьявола и воплощеніе всего злого на землѣ:

Le serpent est la bête du diable et du mal, ceux qui ont l'occasion da le tuer et ne le font pas, seront punis.

Змѣя кусается не ради сытости (не отъ голода), а ради лихости.

Злой человѣкъ на свѣтѣ змѣѣ родной братъ (Санскр.).

Много поговорокъ, часто употребляемыхъ иносказательно, про то, что змѣя добра не помнитъ, что того, кто ее отогрѣетъ, она перваго же и укуситъ, а потому довѣрять змѣѣ нельзя, и т. п.—существуетъ на всѣхъ языкахъ:

Отогрѣлъ змѣю за пазухой.

Отогрѣлъ змѣйку на свою шейку.

Сколько змѣю ни держать, а бѣды отъ нея ждать.

Не грій гадюки за пазухою, бо вкуситъ (Малор.).

Гадини ніколи не грій за пазухою, бо якъ разогріешь, то вкусить (Кіевск. губ.).

Змиіче се у пазуху не тура (Болгар.—Не прячь змѣю за пазухой).

Змѣя ужалитъ всѣхъ раньше того, кто ее отогрѣлъ (Татар).

Wer eine Schlange im Busen ernährt, der wird mit Gift belohnet.

Although you feed a snake with milk, it will not refrain from biting you (Гадюку хоть молокомъ корми, она укуситъ не упуститъ).

Лаской и змѣю изъ норы вызовешь (Черкес.),

— да только себѣ на бѣду.

И у маленькихъ, и у большихъ змѣй ядъ есть, но только ядовитыхъ змѣй Богъ гремушками отмѣчаетъ:

Ogni serpe ha il suo veneno (У каждой змѣи свой ядъ есть).

Il n'y a si petit serpent qui ne porte son venin.
Zahme Schlangen haben auch Gift.
Jede Schlange hat ihr eigen Gift.
Когда змѣя слишкомъ ядовита, Богъ даетъ ей гремушку (гремучая змѣя) (Абиссинія).

И маленькая змѣя можетъ большого быка убить:

Eine kleine Schange tödtet einen grossen Ochsen.

Нѣмцы, однако, справедливо замѣчаютъ, что не всякая змѣя имѣетъ ядовитые зубы:

Nicht jede Schlange hat Giftzähne.

Армяне различаютъ змѣй ядовитыхъ отъ безвредныхъ ужей и говорятъ о нихъ такъ: змѣя принадлежитъ татарамъ, и потому кусается; ужъ принадлежитъ христіанамъ, почему и не кусается (Армян., Елисавет. губ.).

Народъ задается вопросомъ о томъ, откуда змѣи запасаются ядомъ, и рѣшаетъ его различно, но одинаково не основательно. Такъ, существуетъ мнѣніе, что змѣи набираютъ ядъ изъ различныхъ ядовитыхъ травъ, которыя онѣ, будто бы, поѣдаютъ съ этой цѣлью:

Змѣя умираетъ, а зелья хватаетъ.

Другое мнѣніе еще болѣе фантастично:

Змѣю ядомъ снабжаютъ ящерицы (Татарское повѣрье).

Въ теченіе осени и зимы змѣиный ядъ «моцунитца» — становится болѣе крѣпкимъ, мощнымъ — и пріобрѣтаетъ, наконецъ, къ веснѣ такую силу, что первыя жертвы змѣи весною скоротечно умираютъ (Витеб. губ.).

Змѣиный ядъ сохраняется, будто бы, въ тѣлѣ змѣи и послѣ ея смерти; убитую змѣю нужно поэтому немедленно зарыть въ землю, но только не пахатную или сѣнокосную, гдѣ не станетъ расти ни хлѣбъ, ни трава, а въ песокъ или болото, и притомъ по возможности глубже. Когда мухи пососутъ разлагающійся трупъ змѣи, то онѣ сами становятся настолько ядовитыми, что своимъ укушеніемъ немедленно причиняютъ смерть. Если убитая змѣя осталась незарытою, то солнце начинаетъ прятаться за тучи и вообще тускло свѣтитъ; солнце считаетъ змѣй своими врагами, потому что, грѣясь на солнцѣ и лежа въ тѣни, змѣи высасываютъ его силу, отчего солнце лѣтомъ постепенно умень-

шается и снова отрастаетъ зимою, когда спрятавшіяся подъ землю змѣи не видятъ его; если змѣй разведется «неизмѣрное число», то солнце можетъ и совсѣмъ уничтожиться; это одна изъ причинъ, почему каждый, встрѣтившій змѣю, долженъ непремѣнно убить ее. Всѣ эти повѣрья записаны г. Никифоровскимъ въ Витебской губерніи.

Если змѣиный ядъ опасенъ для человѣка при укушеніи его змѣею, онъ, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется какъ лекарство:

Auch Schlangengift kann zu Arznei werden.

И не одному змѣиному яду приписываютъ цѣлебную силу; идетъ въ пользу и змѣиный жиръ:

Ужевымъ жиромъ знахари лечатъ.

Вездѣ, гдѣ водятся въ большомъ количествѣ ядовитыя змѣи, въ Индіи, Африкѣ, на Кавказѣ, на югѣ Европы и даже у насъ въ южныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, существуютъ укротители змѣй, обладающіе чудеснымъ даромъ безопаснаго обращенія съ самыми ядовитыми змѣями. Они ихъ сзываютъ, особеннымъ образомъ насвистывая, берутъ ихъ въ руки, заставляютъ плясать и продѣлывать всевозможныя штуки. Они же могутъ вылечивать и людей, укушенныхъ змѣями; мѣстами для этого употребляется какой-то таинственный камень, который прикладывается къ ранкѣ; онъ такъ и называется «змѣиный камень», но цѣлебная его сила отрицается учеными, производившими надъ нимъ испытанія. Малорусскіе знахари пользуются ясеневымъ деревомъ, какъ средствомъ для оцѣпенѣнія змѣй, и ясеневымъ сокомъ, какъ средствомъ для исцѣленія укуса. О цѣлебныхъ свойствахъ въ этомъ отношеніи ясеня (Fraxinus excelsior) было извѣстно еще Плинію, который называлъ его «arbor serpentibus». Но всего болѣе народъ нашъ вѣритъ въ силу разныхъ заговоровъ отъ укушенія змѣй, и когда такая бѣда случится, обращается къ знахарямъ, знающимъ эти заговоры.

Сбрасываемая змѣями во время линянія ихъ шкурка считается цѣлебнымъ средствомъ,— ее совѣтуютъ носить на себѣ отъ лихорадки; змѣиную голову тоже носятъ какъ средство отъ зубной боли. Вообще, змѣѣ приписывается большая цѣлебная сила, не даромъ ее помѣщаютъ рядомъ съ изображеніемъ Эскулапа и Гиппократа.

Ядовитая змѣя сколько ни живи, какъ ни мѣняй кожи, всегда

остается одинаково опасной, и своихъ ядовитыхъ зубовъ не теряетъ:

Die Schlange wechselt wohl die Haut, aber nicht die Giftzähne.

Счастье еще, что у змѣй крыльевъ нѣтъ, а то онѣ бы всѣхъ воробьевъ истребили:

Wenn die Schlangen Flügel hätten, wäre es um die Spatzen geschehen,

— впрочемъ, изъ послѣдующаго будетъ видно, что змѣю у насъ народъ иногда даже и крыльями надѣляетъ.

Змѣю можно вездѣ встрѣтить,— и тамъ, гдѣ ее не ожидаешь:

Льстецъ подъ словами, змѣй подъ цвѣтами.
Die Schlange verbirgt sich oft unter Blumen.
Il serpento e nascoso sotto i fiori (то же).

Опасна и спящая змѣя, если ей на хвостъ наступить:

Einer schlafender Schlange muss man nicht auf den Schwanz treten.
Der muss nicht auf den Schwanz der Schlange treten, der nicht gebissen sein will.
Ако іе зга́зит на змѝата на опа́шката, ке се свѧртит да те у́касат (Болгар.— Если наступить змѣѣ на хвостъ, она повернется, чтобы укусить).

Лучшее средство обезопаситься отъ змѣи — разможжить ей голову:

Змѣя мѣтитъ въ пятки человѣку, а человѣкъ въ голову змѣѣ. (Татар., Закавк. кр.).
Eine Schlange, der man den Kopf zertreten hat, sticht nicht mehr.
Einer Schlange, die stechen will, muss man den Kopf zertreten.

Однако, и убить змѣю — не всегда отъ бѣды избавишься; такъ, армяне Зангезурскаго уѣзда увѣряютъ, что,

Если убить маленькую змѣю, то мать непремѣнно будетъ мстить за убійство, поэтому надо убить и ее (Армян.).

Оказывается, что даже и убитой змѣѣ довѣрять нельзя:

Если убитую змѣю повѣсить на осинѣ, то очнется и ужалитъ.

Съ другой стороны, у тѣхъ же армянъ есть и такое повѣрье:

Каждый домъ имѣетъ свою змѣю-покровительницу; если ее убить, счастье навсегда удалится изъ дому.

У насъ существуетъ то же мнѣніе, но только примѣняемое въ частности къ ужамъ:

Домъ, въ которомъ поселился ужъ, будетъ счастливъ.

Хлѣвъ не можетъ существовать безъ своей дворовой змѣи, которая своего скотника и своей скотины никогда не укуситъ: если же случится, что змѣя въ хлѣву укуситъ хозяина или скотъ, то значитъ, что это не своя змѣя, а чужая (Смолен. губ.).

Французы въ своихъ повѣрьяхъ о томъ, что змѣя приноситъ счастье, идутъ еще далѣе и увѣряютъ, что даже змѣиная кожа въ карманѣ должна удачу приносить:

Avoir dans sa poche ou bien suspendre dans sa maison un morceau de peau de serpent porte chance.

То же повѣрье существуетъ во многихъ мѣстахъ и у насъ. Однако, не всегда змѣя счастье приноситъ, есть на этотъ счетъ противупоказанія:

Если змѣя дорогу переползетъ — къ неблагополучію въ пути (Твер. губ.).

Un serpent traversant le chemin devant quelqu'un est un mauvais présage.

Чтобы убить ядовитую змѣю — не всегда и ружье помогаетъ, не даромъ она считается въ родствѣ съ дьяволомъ:

У змѣи-гадюки — чортъ батюшка, нечистая сила — матушка.

Французы увѣряютъ, что если въ змѣю выстрѣлить, то ружье разорветъ:

Si on tire sur un serpent, le fusil éclate.

Коли гадыну зарубить косою — такъ коса порвется,

— говорятъ малороссы.

Хорошо только

Чужими руками змѣю ловить (Татар., Закавк. кр.).

Какъ ни остерегайся змѣи, иной разъ она все-таки укуситъ, и тогда дѣло плохо:

Кого змѣя ужалила, тотъ спокойно не заснетъ (Татар., Зак. кр.).

Ужаленный змѣей не спитъ (Татар., Эриван. губ.).

Не касаясь совѣтовъ народной медицины о способахъ леченія отъ укушенія змѣи, интересны указанія о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, когда такая бѣда приключится:

Человѣкъ, ужаленный змѣею, ни на минуту не долженъ са-

диться, какъ сейчасъ послѣ укушенія, такъ и на пути къ лекарю или знахарю; въ противномъ случаѣ никто уже не вылечитъ (Грузин.).

Когда укуситъ ужъ (змѣя), то штобъ живымъ быть, надо упередъ яво воды напиться (Смол. губ.).

Пермяки же вообще считаютъ воду хорошимъ средствомъ отъ укушенія змѣи; укушенный змѣей долженъ тотчасъ же укушенное мѣсто омочить въ водѣ; тогда укушеніе будетъ безвредно.

Укушенный или даже просто испуганный змѣею человѣкъ свою бѣду будетъ долго помнить и бояться всякаго предмета, даже издали напоминающаго змѣю:

Ужаленный змѣею боится и веревки (Татар., Эрив. губ.).

Лѣтомъ змѣю увидѣвшій зимою веревки пугается (Авар.).

Кого гадъ укусивъ, той и глисты боится (Малор.).

He that has been bitten by a serpent, is afraid of a rope (Укушенный змѣею веревки боится).

Кога ін змиіа іела, он се боіи и од чуентера (Болгар.— Кого змѣя укусила, тотъ боится и ящерицы).

Chi della serpe e punto ha pauro della lacertola (то же).

Wen eine Schlange gebissen, den erschrekt eine Eideckse (eine Raupe).

Почти у всѣхъ народовъ существуютъ разсказы о змѣяхъ, заползающихъ въ ротъ человѣка, во время его сна въ лѣсу или полѣ; казаки Сунженскаго округа, Терской области, поэтому предостерегаютъ:

Не спи въ полѣ съ открытымъ ртомъ: змѣя можетъ заползти и свить гнѣздо въ желудкѣ — будетъ тебя мучить постоянный холодъ.

Повѣрье про змѣй, заползающихъ въ ротъ человѣка, если онъ заснетъ на землѣ въ полѣ или въ лѣсу съ открытымъ ртомъ, распространено повсемѣстно. Увѣряютъ, что заползшая такимъ образомъ внутрь человѣка змѣя поселяется въ желудкѣ и живетъ въ немъ иногда очень долго. Указываютъ мѣстами на нѣкоторыхъ болѣзненныхъ крестьянъ, увѣряя, что болѣзнь ихъ зависитъ отъ живущей внутри ихъ змѣи. Части этой змѣи иногда выходятъ наружу, чѣмъ такое повѣрье еще болѣе подтверждается. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ принимаются за змѣй солитеры или какіе-нибудь другіе глисты.

Армяне Зангезурскаго уѣзда дѣлаютъ такое наблюденіе:

Если провести нѣсколько разъ по спинѣ живой змѣи, то руки никогда не вспотѣютъ.

Сербы считаютъ змѣй порожденіемъ дьявола, которому онѣ и принадлежатъ. Поэтому змѣя боится Св. Креста и прячется передъ наступленіемъ праздника Воздвиженія Креста (14-го Сентября). Которыя же остаются послѣ этого дня—остаются только людямъ на зло и, между прочимъ, предвѣщаютъ большое наводненіе.

Между Уральскими золотоискателями распространено убѣжденіе, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится много змѣй, встрѣчается и самое богатое золото; быть можетъ, это мнѣніе находитъ себѣ основаніе въ томъ, что змѣи любятъ ютиться между камнями, гдѣ онѣ грѣются на солнцѣ, выходъ же нѣкоторыхъ каменистыхъ породъ на поверхность, напр., такъ называемаго березита, дѣйствительно часто служитъ признакомъ присутствія золота въ видѣ жилъ въ березитѣ.

Изъ змѣй у насъ наиболѣе дурной репутаціей пользуется ядовитая *гадюка*, про которую народъ говоритъ:

Нѣтъ хуже гадины — какъ змѣй-гадюка.

Завелась гадюка — лѣсъ нѣчистью запахъ.

Гадюка — твореніе лукаваго и зубы у нея такіе же, какъ у него (Харьк. губ.).

Не гадюкѣ бы поганой землю-матушку осквернить.

У гадзюки нима иншей науки, якъ кусаць (Бѣлор., Минской губ.).

Гадюку завидишь — глаза изгадишь навѣкъ.

Довольно много занимаются гадюкой русскины въ Галиціи, которые, однако, такъ ее не любятъ, что избѣгаютъ называть ее своимъ именемъ, а обозначаютъ словами «долгая»; «поганка», «та, что подъ пнемъ сидитъ» и т. п. До гадюкъ, по ихъ повѣрью, не слѣдуетъ дотрогиваться рукою; если взять ее въ руку, то вся кожа на рукѣ потрескается и облѣзетъ. Если грѣшнымъ часомъ гадюка человѣка укуситъ, то немедленно устремляется къ водѣ, также къ водѣ долженъ бѣжать и укушенный ею человѣкъ; если человѣкъ раньше добѣжитъ и напьется, то онъ будетъ здоровъ, а гадюка сдохнетъ, если же гадюка поспѣетъ раньше, то она будетъ жива, а человѣкъ умретъ. То же повѣрье о необходимости какъ можно скорѣе послѣ укушенія змѣей воды напиться, су-

ществуетъ, какъ мы видѣли выше, и у крестьянъ Смоленской губерніи, но безъ добавленія о томъ, что и гадюка послѣ укушенія къ водѣ стремится, а иначе издохнетъ.

Впрочемъ, въ случаѣ укушенія гадюкой человѣка или животнаго всего чаще прибѣгаютъ къ заговорамъ, причемъ для человѣка и для скота существуютъ заговоры особые. Знаютъ эти заговоры обыкновенно знахари. Послѣ каждаго нашептыванія заговора, надо по разу дунуть на укушенное мѣсто, и плюнуть. Кромѣ того, считаютъ нужнымъ подкладывать подъ укушенное мѣсто сковородку, на которую будто бы падаютъ изъ ранки два змѣиныхъ зуба. Прибѣгаютъ еще иногда и къ такому пріему. Послѣ каждаго раза нашептыванія заговора льютъ на рану колодезной или озерной воды. Оставшаяся въ чашѣ вода выливается на такое мѣсто, куда не можетъ ступить нога человѣка, напримѣръ, на заборъ, стѣну дома и т. п. Эта вылитая такимъ образомъ вода называется «непочатой водой» (Могилев. губ.). Иногда вмѣсто заговора употребляютъ для излеченія укуса настой травы Львиный зубъ (Leontodon autumnalis). Въ Херсонской губерніи нѣкоторые увѣряютъ, что на змѣй отталкивающимъ образомъ дѣйствуетъ дерево «чернòклинъ (Acer Tataricum).

Если гадюку убить, то ее не слѣдуетъ оставлять просто лежать на землѣ, потому что она оживетъ, а надо заостреннымъ прутомъ проткнуть ей голову, а другой конецъ прута воткнуть въ землю съ края дороги (Галиц.).

Малороссы рекомендуютъ деготь — какъ средство избавиться отъ гадюкъ:

> Якъ де заведутся гадюкы — помажь яку дегтемъ — уси змандрують (Екат. губ.).

Другой способъ еще болѣе оригиналенъ:

> Якъ побачышь по весни перву гадюку — покажы ій голе колино, такъ того году бильшь вже не бачытымешь и одніеи.

Гадюкѣ приписывается малороссами одна черта, для людей спасительная, поѣдать своихъ собственныхъ дѣтей:

> Гадюка якъ наведе гадючинятъ, то возьме и обивыіцця зъ нымы на суци (суку) и начне йихъ ість и ото, котре впаде, втече, те тико и застаецця житы, а то, якъ бы вона цего не робыла, хиба бъ йихъ стико було бъ?

— столько ихъ развѣ было бы, кабы не это!

Французы по степени ядовитости различаютъ змѣй такъ:

L'orveau (orvet—мѣдяница) mêne au tombeau, l'aspie (аспидъ) nous ensevelie, la vipère (гадюка) mêne en terre, la couleuvre (ужъ) — on en relève,

— изъ этого выходитъ, что мѣдяница, аспидъ и гадюка въ землю человѣка укладываютъ, да и ужъ, почему-то, къ ядовитымъ змѣямъ причисляется, хотя послѣ его укушенія человѣкъ и можетъ поправиться. Съ другой стороны, тѣ же французы увѣряютъ, что мѣдяница — другъ человѣка, и предупреждаетъ свистомъ уснувшихъ въ полѣ жнецовъ, когда къ нимъ подползаетъ гадюка:

L'orvet est l'ami de l'homme,— il rèveille par un coup de sifflet les moissonneurs endormis, menacés par une vipère.

Французы говорятъ, что гадюка-самецъ наноситъ двѣ ранки, а гадюка-самка — четыре:

Le mâle de la vipère fait deux piqûres et la femelle quatre.

Они же увѣряютъ, что гадюка-самка издыхаетъ, какъ только она выведетъ дѣтенышей:

La vipère femelle meurt aussitôt qu'elle a mis bas.

Нѣмцы замѣчаютъ, что змѣи вообще кладутъ яйца въ траву:

Die Schlange brütet im Gras.

Народъ вообще плохо различаетъ виды змѣй и часто смѣшиваетъ ядовитыхъ съ неядовитыми, одинаково преслѣдуя и убивая, для бо̀льшей вѣрности, и тѣхъ и другихъ. Создается насчетъ змѣй не мало и повѣрій, иногда и мистическаго свойства. Такъ, въ Могилевской губерніи, по удостовѣренію г. Врадія, самой ядовитой змѣей считаютъ, такъ называемый, *сливень* (Anguis fragilis, L.), мѣдяницу, которая на самомъ дѣлѣ вовсе не ядовита, Этой же змѣѣ приписываютъ свойство распадаться на шесть кусковъ, при ударѣ ея палкой. Затѣмъ говорятъ, что у нея есть много бѣленькихъножекъ, которыя она прячетъ Первое изъ вышепомянутыхъ повѣрій г. Врадій объясняетъ тѣмъ, что хвостовыя связки этого вида очень неустойчивы, благодаря чему хвостъ при незначительномъ даже ударѣ отдѣляется отъ тѣла (извѣстно, что то же бываетъ и у обыкновенныхъ ящерицъ) и можетъ распасться на нѣсколько кусковъ, но, конечно, не обязательно на шесть, какъ увѣряютъ крестьяне. Второе повѣрье объяснимо тѣмъ, что если съ ожесточеніемъ бить ту же змѣю, то въ концѣ концовъ при

повреждении ея внѣшнихъ покрововъ могутъ показаться бѣлыя кости реберъ, которыя крестьянами и принимаются за скрытыя ножки.

Про *мѣдяницу* (безногая веретеница, сливень) нѣмцы увѣряютъ, что она слѣпа въ наказаніе за то, что ужалила Матерь Божію:

> Die Blindschleiche stoch die Mutter-Gottes, von dort an ist sie blind.

По русскому народному повѣрью, мѣдяница страшно ядовита и зла; счастье людей въ томъ, что мѣдянка слѣпа,—если бы она имѣла глаза, то каждый день плакало бы 40 матерей, сорокъ бы человѣкъ ежедневно отъ нея погибало. Потеря зрѣнія мѣдянкою объясняется такъ: прежде мѣдянка была зрячею, а кошка слѣпою; кошка попросила у мѣдянки глаза на время, чтобы сходить на праздникъ; мѣдянка согласилась, дала ихъ кошкѣ, но та назадъ ихъ уже не вернула. Въ дѣйствительносви мѣдяница совсѣмъ не слѣпа, а напротивъ того отличается очень острымъ зрѣніемъ и въ то же время совершенно безвредна и даже принаджитъ не къ змѣямъ, а къ ящерицамъ, хотя отсутствіе ногъ и дѣлаетъ ее гораздо болѣе похожей на змѣю, нежели на ящерицу.

Во Франціи существуетъ убѣжденіе, конечно, вполнѣ неосновательное, что змѣя-*аспидъ* родится изъ конскаго волоса, попавшаго въ стоячую воду:

> Les aspics naissent de crins de cheval, plongés dans l'eau dormante, à certaines époques de l'année.

Любопытно, что тоже повѣрье мнѣ пришлось слышать отъ крестьянъ Воронежской губерніи, но только въ отношеніи червя-волосатика.

Ужа, какъ извѣстно. у насъ обвиняютъ въ томъ, что онъ, будто бы, по ночамъ высасываетъ молоко у коровъ, почему его и называютъ «ужъ-коровникъ» (Кубан. Обл.).

Повѣрье о томъ, что ужъ высасываетъ молоко у коровъ, распространено почти повсемѣстно; увѣряютъ, что корова не только позволяетъ себя высасывать ужу, но привыкаетъ къ нему, какъ къ теленку, и если такого ужа убить, то она издохнетъ:

> Є такій вуж, що корову ссе; і він ссе, і молоко є, а корова ричит за ним, як за тельитом; якъ же би його забив, тоби корова здохла (Галиція).

Не знаю, есть ли достаточное основаніе безусловно отвергать возможность высасыванія ужами коровъ, въ особенности имѣя въ виду извѣстную любовь ужа къ молоку. Та же способность приписывается, впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, ящерицамъ, и даже жабамъ. Но несомнѣнно то, что ужъ дѣйствительно часто водится въ коровьихъ хлѣвахъ, забираясь туда для кладки яицъ въ тепломъ навозѣ. Съ этими яйцами связывается еще и другое повѣрье. Найдя въ навозѣ такое, непохожее на обыкновенное куриное, яйцо, крестьяне думаютъ, что его снесъ пѣтухъ, и что изъ такого якобы пѣтушинаго яйца выходитъ змѣй.

Извѣстно, что ужи очень любятъ питаться лягушками. Народъ и въ этомъ отношеніи создалъ фантастическій разсказъ, согласно которому всякій, кто увидитъ жабу или лягушку, дерущихся съ ужемъ, долженъ рознять ихъ палочкой, но такъ, чтобы ни къ той, ни къ другому не прикасаться, и эту палку хранить, такъ какъ она получаетъ способность разгонять градовыя тучи если этой палочкой перекрестить градовыя тучи, то онѣ разойдутся (Подоль. губ.).

Ужъ отличенъ Богомъ отъ другихъ змѣй и сдѣланъ безвреднымъ за его извѣстную заслугу во время плаванія Ноева ковчега:

> Мышь прогрыла въ ковчегѣ дыру, а ужъ заткнулъ ее своею головою—

— и тѣмъ спасъ ковчегъ со всѣми въ немъ находившимися отъ потопленія. Въ награду за это Богъ далъ ему красную полоску на голову и запретилъ людямъ ужей убивать:

> Кто ужа убьетъ, тому запишется сорокъ грѣховъ,

— тогда какъ за убіеніе гадюки, наоборотъ, столько же грѣховъ прощается.

Про ужей говорятъ еще, что они любятъ сидѣть въ водѣ, въ норахъ:

> Вужъ любитъ часомъ сидіти въ воді, у печерах; не один ловлячи руками раки, або рыбы, въ печерах при березі (въ норахъ у берега) витягнув вужа з печеріе; але він чоловіка не кусае (Галиц.).

Что ужи часто сидятъ въ водѣ, прекрасно плаваютъ,—иногда на большія разстоянія, это совершенно вѣрно, причемъ они ловко ловятъ маленькихъ рыбокъ; замѣчаютъ еще, что ужи очень дружны съ утками, и, взбираясь къ нимъ на спину, свертыва-

ются клубками и спятъ, причемъ утки этимъ будто бы совсѣмъ не тяготятся. Достовѣрность подобнаго факта подтверждается многими натуралистами, но народъ выводитъ изъ этого фантастическое предположеніе, что ужи будто бы спариваются съ утками, вслѣдствіе чего никому не совѣтуютъ ѣсть утиныхъ яицъ.

Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ сказаніяхъ упоминается змѣя-«*полозъ*»,— пресмыкающееся огромнаго размѣра, которое, однако, людямъ вреда не дѣлаетъ, а только скоту. Русины описываютъ его такъ:

> У великих ріках та болотах виводит ся полозъ, то є така, гадюка велика як оборожина, вона чоловіка не чінає, але на худобі робитї богато шкоды (Галиц.),

— при этомъ идетъ разсказъ, какъ однажды въ Галиціи такой полозъ преслѣдовалъ человѣка, спасавшагося отъ него на конѣ, и умершаго отъ страха при видѣ такого чудовища, причемъ и полозъ, въ свою очередь, издохъ.

Еще болѣе фантастическія легенды про полоза и его превращенія въ летучаго змѣя разсказываются малороссами у насъ въ Россіи: «вінъ пребуде семь литъ полозомъ, и тоди вже крыла выростаютъ и робиться зміемъ, летае; якъ хто раздражне полоза, то й чоловіка и коня вбие; а якъ догоняе, то клубкомъ катыться» (Кіевск. губ.).

Въ Подольской губерніи исторія полоза еще сложнѣе. Полозъ — длинный толстый змѣй, вырождается изъ обыкновенной гадюки, которая проживетъ въ землѣ не выходя на свѣтъ Божій въ теченіе 30-ти лѣтъ, если притомъ въ логовищѣ ничто не потревожитъ выростающаго полоза, который за все это время не долженъ слышать ни одного звука. По выходѣ изъ земли превращенной въ полоза гадюки, никому отъ него нѣтъ пощады, онъ все пожираетъ.. Другая легенда про полоза уже прямо называетъ его діаволомъ, который семь лѣтъ бываетъ обыкновенной змѣей, потомъ на семь лѣтъ превращается въ полоза, послѣ новыхъ семи лѣтъ получаетъ способность летать, производитъ своими крыльями губительные вихри и т. п.

Подъ названіемъ полоза въ наукѣ разумѣется удавъ, но такъ какъ удавы въ Европѣ не водятся, то надо признать, что всѣ представленія о громадной змѣѣ полозѣ, яко бы водящейся въ болотахъ и наносящей большой вредъ скоту, — оставляя даже въ сторонѣ разсказы о ея чудесныхъ превращеніяхъ въ крыла-

таго змѣя,— совершенно фантастичны и не подходятъ ни къ одной изъ змѣй, живущихъ у насъ; о настоящей же змѣѣ удавѣ (Boa Constrictor) народъ въ Европѣ едва ли могъ получить какое-либо понятіе. Сомнительно тоже, чтобы всѣ эти разсказы, оставляя въ сторонѣ фантастическія ихъ прикрасы, могли относиться къ одному изъ видовъ полоза,— бурый полозъ, желтобрюхій (Elaphis flavescens) — изъ породы большихъ безвредныхъ ужей, встрѣчающихся, хотя и весьма рѣдко, въ западной Европѣ, куда эта змѣя была будто бы занесена римлянами, и поселилась вблизи купаленъ Эмса и Шлангенбада. У римлянъ она считалась одною изъ принадлежностей бога Асклепія и часто изображалась вмѣстѣ съ нимъ. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ (Культурныя переживанія, «Кіевская Старина», 1889 г.), говоритъ, что если римляне занесли въ среднюю Европу священныхъ змѣй Асклепія, то тѣмъ легче могли они занести и распространить сказанія объ ихъ цѣлебномъ значеніи, которыя проникли впослѣдствіи въ эпическую поэзію, лечебники и повѣрья.

Увѣряютъ, что полозъ попадается иногда и въ Новороссіи. Мѣстопребываніемъ его считаются неприступныя скалы надъ Днѣстромъ, гдѣ онъ живетъ вмѣстѣ съ черными и бѣлыми ужами. Охотиться за полозомъ нужно въ ясный солнечный день, и если онъ погонится за человѣкомъ, то надо уходить отъ него противъ солнца, которое ослѣпляетъ змѣю своимъ блескомъ.

Въ Бессарабіи считаютъ, что полозъ водится въ мѣстахъ заросшихъ высокой и густой травой, или въ камышахъ, откуда онъ кидается на овецъ и проглатываетъ ихъ. Въ отличіе отъ обыкновенной змѣи, полозъ всегда ползетъ съ высоко приподнятой головой и свиститъ, какъ человѣкъ. Полозъ обладаетъ страшною силою и можетъ обломать человѣку всѣ члены; убить его можно только въ томъ случаѣ, если пуля попадетъ ему въ бѣлое пятнышко подъ горломъ. Изъ всего этого видно, что въ разсказахъ о полозѣ фантазія на каждомъ шагу смѣшивается съ тѣмъ, что можетъ быть и похоже на истину, если только допустить, что на югѣ Россіи дѣйствительно живетъ, или жила прежде, большая змѣя изъ породы удавовъ, хотя конечно и не настоящій удавъ,— обитатель странъ гораздо болѣе южныхъ. О дѣйствительномъ существованіи полоза въ прежнее время въ южной Россіи можно заключить, между прочимъ, и изъ упоминанія о немъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ»—«полозію ползаше», говорится въ одномъ мѣстѣ этой старо-русской поэмы.

Въ отношеніи змѣй, какъ и многихъ другихъ земноводныхъ, существуетъ повѣрье, что если ихъ убить, то это вѣрное средство вызвать дождь:

Если убить змѣю и повѣсить на осинѣ, то пойдетъ дождь.

Вотъ еще нѣсколько изреченій, характеризующихъ змѣй и ихъ повадки:

Не пришпинитъ змѣя языка.

Змѣя своихъ извивовъ не замѣчаетъ (Татар., Эрив. губ.).

Змѣя вездѣ ползетъ криво, а въ свою нору лѣзетъ прямо (Татар., Эрив. губ., тоже Киргиз.).

Змѣя въ ногахъ ползаетъ; а за пятки хватаетъ.

Пока змѣя не увидитъ звѣздъ, не околѣетъ (Татар., Эрив. г.).

Змѣя—заклятый врагъ сверчка—говорятъ французы:

Le serpent est l'ennemi déclaré du grillon.

Совсѣмъ иначе, нежели къ змѣямъ, народъ относится къ ящерицамъ (на сѣверѣ—«жигалка»), которыхъ онъ основательно считаетъ невинными существами и даже друзьями человѣка; хотя у нихъ зубы и остры, однако, вреда онѣ никому не дѣлаютъ:

Ящерка юлитъ—никому пакости не творитъ.

Мѣстами въ народѣ у насъ существуетъ, впрочемъ, повѣрье, конечно, вполнѣ неосновательное, что и ящерица можетъ ужалить, и послѣдствія этого не менѣе опасны, чѣмъ укушеніе змѣи (Олонецк. губ.). Хотя нижеслѣдующая поговорка и приписываетъ ящерицамъ острые зубы, однако укусить она, тѣмъ не менѣе, не можетъ:

Ящерка маленька, да зубы востры.

Французы приписываютъ ящерицѣ почему-то особую любовь и дружбу къ человѣку:

Le lézard est l'ami de l'homme.

Вѣроятно, по этой причинѣ болгары считаютъ грѣхомъ убить ящерицу:

Нибúва да са прибнва гущерица, чи е грéхота (Нельзя убивать ящерицъ, это—грѣхъ).

Вотяки же совѣтуютъ первую встрѣченную весною ящерицу убивать,—но для того, чтобы брать съ собой и носить въ видѣ амулета, такъ какъ она будто бы приноситъ счастье.

Малороссы различаютъ ящерицъ зеленыхъ и сѣрыхъ:

Ящирокъ два сорта: дивчача—зелена и хлопьяча—сира,

— называются онѣ такъ потому, что первая будто бы кусаетъ дивчатъ, а вторая хлопцевъ.

Любовь ящерицы къ человѣку выражается въ томъ, что она вползаетъ на лицо спящаго человѣка, чтобы предупредить его о приближеніи змѣи:

Quand un homme endormi est menacé par un serpent, le lèzard lui passe par la figure pour le réveiller.

Однако, и ящерицъ обвиняютъ въ томъ, что онѣ, какъ и ужи, высасываютъ молоко у коровъ:

Le lézard tête les vaches.

Мѣстами, какъ, напримѣръ, въ Ярославской губерніи, ящерицъ обвиняютъ въ гораздо болѣе важномъ преступленіи. Именно существуетъ повѣрье, что ящерицы, какъ и змѣи, грѣясь на солнцѣ, «пьютъ солнце», т. е. уменьшаютъ его теплоту, вслѣдствіе чего этихъ безвинныхъ существъ и истребляютъ безжалостно, наравнѣ со змѣями. Опять приходится удивляться тѣмъ предѣламъ, до которыхъ доходитъ иногда народная фантазія.

Саламандра, по удостовѣренію французовъ, служитъ для опредѣленія того, пригодна ли вода въ колодцѣ для питья:

Lorsqu'on creuse un puits, on y jette des salamandres,—l'eau n'est bonne que si ces animaux peuvent y vivre,

— когда копаютъ колодезь, въ него бросаютъ саламандръ,—если онѣ могутъ въ немъ жить, значитъ и вода хороша.

Не мало изреченій про *жабъ* и *лягушекъ*,—первыя считаются почему-то ядовитыми:

Земляна жаба ядовита и кусается; ядовита также «скракуля» велика зелена жаба, живе бильши у болоти, бува и у ричци (Малор.—Екатериносл. губ.).

Jëde Krōte hat eigenes Gift.

Kleine Krōten haben auch Gift.

Grosse Krōten haben oft das wenigste Gift.

Вѣра въ ядовитость жабъ распространена повсемѣстно, какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границею; существуютъ разсказы, что жабы передаютъ свой ядъ даже тѣмъ деревамъ и кустамъ,

подъ которыми сидятъ, причемъ листья и плоды этихъ деревьевъ, въ свою очередь, становятся ядовитыми.

Жабы и лягушки держатся по преимуществу въ сырыхъ мѣстахъ.

Аби було болото, то жабы будутъ (Волынск. губ.).

Въ сухомъ мѣстѣ жабы не квакаютъ, замѣчаютъ болгары:

На сухо жабате не кре́ке.

Русскія изреченія про жабъ не характерны:

Всяка жаба сама себя хвалитъ.

Не давъ Богъ жабі хвоста, а тобъ траву усю потолочила (щобъ травы не волочыла) (Малор.).

Въ Черниговской губерніи распространено мнѣніе, что гдѣ много жабъ, тамъ хорошо родится картофель:

Де жабивъ богато, то въ тому кущи картопли, якъ начынено; що грыбнешь картоплю (на огороди), то и жаба.

Во Франціи (и Англіи) жабамъ придаютъ удивительно цѣлебныя свойства: если положить мѣшокъ съ жабами къ ногамъ больного, то онъ непремѣнно выздоровѣетъ:

Un sac de crapauds aux pieds d'un malade amène une guérison certaine.

Жаба вылечиваетъ отъ лихорадки, очищаетъ какъ воздухъ, впитывая въ себя ядовитыя испаренія, такъ и воду:

Le crapaud guérit de la fièvre et garantit du mauvais air.

Le crapaud absorbe le mauvais air: il condense dans son corps le venin de l'atmosphère.

Les crapauds (et les salamandres) purifient les eaux dans lesquelles ils se réfugient.

Въ этомъ же родѣ есть повѣрье у малороссовъ, которые утверждаютъ, что лягушка вбираетъ въ себя ядъ, который змѣя въ колодце напуститъ:

Жаба уловлює на себе той ядъ, шо бува гадина у крыныцю напусти (Екатериносл. губ.).

Въ Бессарабіи считаютъ, что лягушку убивать грѣшно, потому что она сотворена Богомъ для того, чтобы очищать воду, которую діаволъ отравляетъ на погубу людей.

Вообще, гдѣ много жабъ, тамъ мѣстность считается здоровою (Новороссія). По этой ли причинѣ или по другой, жабъ не слѣ-

дуетъ убивать: умретъ мать или отецъ (Херсон. губ.). Замѣчаютъ, что мертвыя жабы складываютъ переднія лапки такъ, какъ руки у покойника.

Встрѣча жабы, по мнѣнію малороссовъ и французовъ (по утру), приноситъ несчастье:

Якъ що жаба перебыжить дорогу, такъ буде що небудь погане (Черниг. губ.).

La rencontre d'un gros crapaud avant le déjeuner est un mauvais présage.

Ужъ на что, кажется, жабы и лягушки некрасивыя и непоэтичныя животныя, однако, и про нихъ существуетъ у малороссовъ легенда, и при томъ настолько любопытная и поэтичная, что мы не можемъ удержаться, чтобы не привести ее здѣсь цѣликомъ, заимствуя ее изъ статьи П. И. «Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ», «Этнограф. Обозр.», 1893 г., № 2. Оказывается, что именно жабы внушили Давиду слова его псалма: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа». Дѣло происходило такъ: когда Давидъ писалъ свой псаломъ 150, то онъ сидѣлъ у моря, гдѣ было много жабъ (лягушекъ) и онѣ кваканьемъ своимъ надоѣдали Давиду и мѣшали ему думать. Онъ не разъ посылалъ слугъ своихъ разогнать жабъ; какъ только слуги начнутъ бросать въ жабъ камнями, онѣ попрячутся въ воду, но какъ только напишетъ «Хвалите Бога», жабы вынырнутъ и всѣ разомъ закричатъ и перебьютъ теченіе мыслей у Давида—онъ и забудетъ, что ему писать дальше. Снова посылаетъ онъ слугъ и снова начинаетъ писать «Хвалите», а жабы опять за свое; послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ заставить жабъ молчать, выведенный изъ терпѣнья, Давидъ крикнулъ своимъ слугамъ «да перебейте ихъ всѣхъ до одной!» Тогда вышла изъ воды старая жаба и сказала ему: «зачѣмъ ты приказываешь насъ убить, вѣдь и мы хвалимъ Бога по своему». Вотъ почему 150-й псаломъ состоитъ весь изъ стиховъ, начинающихся словомъ «Хвалите» и оканчивается стихомъ «всякое дыханіе да хвалитъ Господа» (Сообщеніе уч. Марусова, Купян. уѣз., Харьк. губ.).

Жаба и ласка злѣйшіе враги; если онѣ встрѣтятся, то одна другую поѣдаетъ; такая же вражда между жабами и пауками:

Si le crapaud et la belette se rencontrent, le premier qui voit l'autre, le dévore.

Entre le crapaud et l'araignée il y a inimitié mortelle.

Лягушекъ французы считаютъ злыми; если онѣ не кусаются, то только потому, что зубовъ нѣтъ:

La grenouille ne mord pas, parce qu'elle n'a pas de dents.

Выше уже было сказано, что жабамъ, также какъ ужамъ и ящерицамъ, приписывается свойство лакомиться коровьимъ молокомъ; онѣ будто бы какимъ-то образомъ умѣютъ присасываться къ коровьему вымени и выдаивать заключающееся въ немъ молоко. Впрочемъ, жабы, сосущія коровъ, не простыя, а чаще оборотившіяся въ жабъ вѣдьмы...

Жабы и лягушки принадлежатъ къ числу самыхъ пугливыхъ животныхъ. Болгары замѣчаютъ, что жабы пугаются даже зайцевъ, которые, какъ извѣстно, сами всего боятся:

Жабитѣ се плашат и от заіацитѣ.

Лягушки вѣчно квакаютъ, бабы вѣчно болтаютъ, нищіе вѣчно попрошайничаютъ, гуси вѣчно гогочутъ, а потому три бабы, три нищихъ и три лягушки дѣлаютъ базаръ, говорятъ французы и нѣмцы;

Trois femmes, trois mendiants et trois grenouilles font une foire.
Drei Frösche, drei Gänse und drei Weiber machen eine Jahrmarkt.

У малороссовъ существуетъ въ томъ же родѣ изреченіе:

Де двѣ бабы, да три жабы соберутця вмѣстѣ, не переспорить ихъ чоловика двѣсти.

Такъ какъ лягушка на сушѣ не движется иначе какъ скачками, то ее и называютъ

Лягушка — скакуха.

Про кваканье лягушекъ упоминается въ цѣломъ рядѣ поговорокъ:

Лягушка квохчетъ — свой недугъ тѣшитъ.
Жаба да баба квогчутъ, да клохчутъ.
Въ своемъ болотѣ и лягушка поетъ.
Жаба квокчыць — свое болото хвалиць (Бѣлор., Мин. губ.).
Лягушка въ свое время (весною) квакаетъ (Сарты, Турк. кр.).

Любопытно существующее у насъ наблюденіе:

Въ холеру лягушка не квакаетъ.

Молчаніе лягушекъ служитъ вообще дурнымъ предзнаменованіемъ:

Если въ который годъ лягушка не квакаетъ, то будетъ голодъ (Новгор. губ.).

Время начала кваканья лягушекъ связывается у насъ съ удойливостью коровъ:

Когда лягушки появились весною и заквакали въ скоромные дни, лѣтомъ коровы будутъ давать много молока, а если въ среду или пятницу, то мало (Витеб. губ.).

Передъ концемъ лѣта лягушки, какъ извѣстно, перестаютъ квакать; народъ объясняетъ это тѣмъ, что у лягушекъ къ осени заростаетъ ротъ.

Нѣмцы замѣчаютъ, что лягушки учатся квакать либо сами, либо отъ старыхъ перенимаютъ, но соловьемъ лягушка не запоетъ:

Der Frosch lernt das Quacken von selbst.
Die jungen Frösche lernen das Quacken von den Alten.
Ein Frosch kann nicht singen wie eine Nachtigall.

Хотя, какъ будетъ указано ниже, лягушки своимъ кваканьемъ предсказываютъ погоду, однако, сами онѣ погоды не дѣлаютъ:

Die Frösche quacken wohl, aber das Wetter machen sie nicht.
Не каждое кваканье лягушки дождь предвѣщаетъ (Англ.).

По нѣмецкому наблюденію, лягушки не выносятъ вѣтра, и во время вѣтра прячутся:

Wenn der Wind pfeift, verbergen sich die Frösche.

Лягушки вездѣ служатъ пищей для аистовъ:

Die Frösche sind allweg der Storchen Speise.

Когда колосятся хлѣба, лягушка становится жирной, замѣчаютъ итальянцы:

Quand la spiga punge, la rana unge.

Извѣстный разсказъ про лягушку, которая захотѣла съ быка раздуться, нашелъ себѣ выраженіе въ нѣсколькихъ поговоркахъ:

Силилась и жилилась лягушка, а до вола не надулась.
Какъ ни дуйся лягушка, а до вола далеко.
Лягушкѣ воломъ не быть, сколько ни пить.

Къ лягушкѣ, такъ же какъ и къ змѣѣ, относится повѣрье:

Если убить лягушку—то пойдетъ дождь.

Грузины не совѣтуютъ брать лягушекъ въ руки:

Лягушку возьмешь въ руки — на рукахъ появятся бородавки.

За то лягушечья икра, которая весною во множествѣ лежитъ во всѣхъ стоячихъ водахъ, употребляется мѣстами какъ косме-

тическое и даже какъ цѣлебное средство, — бабы ее собираютъ и моются ею,—она избавляетъ отъ веснушекъ, помогаетъ и отъ опухолей (Смолен. губ.).

Лягушкамъ, какъ и змѣямъ, приписывается свойство вползать въ ротъ спящаго человѣка и помѣщаться въ его животѣ; тамъ онѣ растутъ особенно быстро и неимовѣрно сушатъ человѣка, вгоняя его въ сухотку. Чтобы извлечь лягушку изъ живота, передъ раскрытымъ ртомъ больного нужно продолжительно держать зеркало, миску съ молокомъ, болотную траву и лягушиную самку; тогда лягушка столь же быстро тончаетъ и, дойдя до прежняго объема, при кровавой рвотѣ человѣка извергается вонъ. Такую лягушку слѣдуетъ немедленно убить, иначе она войдетъ въ ротъ другого человѣка (Витеб. губ.).

Про *черепахъ* говорятъ у насъ, отмѣчая медленность ихъ движенія и неповоротливость:

Черепаха ежа не выпередитъ.
Черепаха зайцу не попутчикъ.
Научи-ка зайца плавать, черепаху петли выматывать.
Молодость пташкой, а старость черепашкой...

— изреченіе иносказательное, рисующее пылкость юности и хладнокровіе, спокойствіе старости.

Въ Малороссіи черепахи, также какъ и ящерицы, считатся ядовитыми, и, что еще хуже, отъ укушенія ихъ никакой заговоръ не помогаетъ:

Одъ черепахы нема шептухы.

Кромѣ того, ей тоже приписывается свойство залѣзать внутрь человѣка и тамъ даже распложаться. Въ Полтавской губерніи разсказываютъ, что былъ случай, когда баба, проглотившая какимъ-то образомъ черепаху, послѣ леченія молочаемъ, стала блевать и «наблювавъ симдесятъ живыхъ черепашенятъ уразъ».

Быть можетъ потому, что черепаха ни на какихъ другихъ животныхъ не похожа, говорятъ, что она была сотворена Богомъ уже послѣ общаго сотворенія міра. По другому сказу, черепаха была сотворена не Богомъ, а чертомъ, и потому знаетъ всякія зелья, умѣетъ даже находить чудодѣйственную разрывъ-траву, которую можно при посредствѣ черепахи доставать. Малороссы утверждаютъ, что если найти гнѣздо черепахи и обгородить его со всѣхъ сторонъ такъ, чтобы она не могла въ него попасть,

то она немедленно отправляется въ поиски за разрывъ-травою, которую приноситъ во рту, и сдѣланную вокругъ гнѣзда загородь «сімъ зіллемъ заразъ разрывае». Воры эту траву у нея тотчасъ же отнимаютъ и пользуются ею, чтобы ломать при посредствѣ ея всякіе замки и запоры. Такимъ образомъ, черепаха становится невольной пособницей воровского промысла. Но черепахамъ приписывается, кромѣ того, и чисто хозяйственное значеніе: онѣ будто-бы очень полезны для коровъ и потому ихъ совѣтуютъ держать въ ушатѣ съ помоями, изъ котораго поятъ коровъ: «черепаху держатъ въ помойныці для того, щобъ більше корова молока давала» (Кіев. губ.).

Черепаха фигурируетъ въ нѣкоторыхъ народныхъ повѣрьяхъ, частью глубокой древности, какъ животное, на спинѣ котораго покоится земля, занимая мѣсто въ этомъ отношеніи традиціонныхъ русскихъ китовъ. Это повѣрье сохранилось до сихъ поръ у бурятъ. Когда держащая землю черепаха (мылхэй) утомится и содрогнется, тогда и земля колеблется, трясется.

Подъ понятіе «гнуса» подходятъ, какъ уже сказано, всякія вредныя и назойливыя насѣкомыя, которыя либо уничтожаютъ труды человѣка, пожирая воздѣлываемыя имъ растенія, либо отравляютъ существованіе ему и его скоту своимъ приставаніемъ, уколами и доводятъ его иногда, какъ въ дебряхъ Сибирской тайги, до полнаго отчаянія и необходимости самозащиты, путемъ надѣванія на лицо пропитанныхъ дегтемъ сѣтокъ и т. п. Какъ уже замѣчено выше, для обозначенія всей совокупности этихъ вредныхъ либо надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, существуетъ много собирательныхъ выраженій,—«гнусъ», въ сѣверо-восточной части Европейской Россіи и въ Сибири, «нуда» въ Архангельской губерніи, «сувой» тамъ же, «козюки» въ Малороссіи, «бызы» въ средней Россіи, и т. п. Подъ словомъ «сувой», понимаются впрочемъ, въ частности болѣе мелкія насѣкомыя, тоже, что въ средней Россіи «толкуны»,—комары, мошки и т. п., въ особенномъ изобиліи появляющіяся лѣтомъ въ теплые сырые вечера и дающія основанія для разныхъ примѣтъ на погоду. Въ разныхъ народныхъ изреченіяхъ поминаются либо всѣ эти вредители вмѣстѣ подъ тѣми или другими мѣстными названіями, либо отдѣльные виды ихъ, мухи, комары, мошки, жуки и проч.

Отъ всякаго гнуса не отмашешься.

Мошка, а человѣческую кровь пьетъ.
Ино и отъ комара въ двѣ руки не отмашешься.
За комаромъ не съ топоромъ, за мухой не съ обухомъ.
За каждой мухой не погонишься съ обухомъ.
Мушиный обычай—приставать.
И комары лошадей заѣдаютъ,

—впрочемъ, другая поговорка гласитъ, что для того, чтобы комаръ лошадь свалилъ, нужна помощь волка:

И комаръ лошадь свалитъ, коли волкъ пособитъ.
Всѣхъ комаровъ (мухъ) на себѣ не перебьешь.
И муха укуситъ—такъ вспухнетъ.
Не велика блошка—да спать не даетъ.
Eine Floh ist nicht viel Werth, und sticht doch Reiter und Pferd.
Eine Fliege ist ein kleines Ding; und macht viel Verdruss.

Нѣмцы всякихъ вредныхъ насѣкомыхъ разумѣютъ подъ общимъ наименованіемъ «Ungeziefer» и отмѣчаютъ, что они за ночь родятся, а отъ холода исчезаютъ:

Ungeziefer wächt über Nacht.
Kälte vertreibt das Ungeziefer.

Про вредныхъ насѣкомыхъ малороссы думаютъ, что «воны заводятся изъ земли».

У насъ народъ какимъ-то образомъ различаетъ букашекъ отъ козявокъ, считая, что первыя какъ бы чиномъ выше, если судить по поговоркѣ:

Всякая козявка лѣзетъ въ букашки.

Довольно много изреченій посвящается *мухамъ*, которыя въ крестьянскихъ избахъ особенно назойливы; отмѣчается, что къ осени онѣ больнѣй кусаются,—это появляются такъ называемыя мухи-кусачки, — особый видъ мухи, которыхъ народъ, однако, отъ обыкновенныхъ не различаетъ:

И муха не безъ брюха.
И муха набиваетъ брюхо.
Муха не спорте брюхо (Малор.).
Мухи летаютъ — олуховъ оплетаютъ.
На дурака и муха валится.
Въ Петровку мухи роблятъ на панівъ, а въ Спасівку на себе(дюже кусаютъ)(Малор.)
Лѣтомъ муха работаетъ на барина, а осенью на себя(Смол.г.).
Осенняя муха больнѣй кусаетъ.
Hungrige Fliegen stechen scharf.
Satte Fliegen stechen nicht.
Hungry flies bite sore (Голодныя мухи больно кусаютъ)
Je heisser das Wetter, je mehr stechen die Fliegen.

Мухи вѣчно жужжатъ, изъ чего заключаютъ, что живется имъ на свѣтѣ весело, почему и прозваніе имъ народъ далъ:

Муха-негорюха (Яросл. губ.).

У насъ замѣчено, что обиліе мухъ совпадаетъ съ годами обильнаго урожая:

Есть мушка, будетъ и мучка.

Осенняя муха докучлива, брюжжитъ; отсюда дѣлаютъ сравненіе, примѣняемое къ людямъ:

Брюжжитъ, какъ осенняя муха.
Докучливъ, какъ осенняя муха.

На зиму мухи пропадаютъ, но черемисы увѣряютъ, что мухи, какъ и комары, зимуютъ въ дуплахъ деревьевъ, гдѣ имъ будто бы очень тепло.

Мухи у насъ считаются погаными:

И муху убить, такъ руки умыть.

У насъ же замѣчаютъ, что будто въ холерные годы ни мухъ, ни ласточекъ нѣтъ:

Въ холеру ни мухи, ни ласточки.

Летаетъ муха, покуда либо къ пауку въ тенета не попадетъ, либо на огонь не угодитъ, либо въ меду не завязнетъ, либо въ молокѣ не утонетъ:

Гдѣ муха ни летала, а къ пауку попала.
Шмель проскочетъ, а муха увязнетъ (въ паутинѣ).
Die Fliege hat viel Augen, und fällt doch ins Netz der Spinne.
Tant vole mouche, qu'elle est prise.
La mouche va si souvent au lait, qu'elle y demeure.
Tanto va la mosca al miele, che vi lascia il capo (Летитъ муха на медъ, пока головы въ немъ не сложитъ).
Die Fliege flattert so lange ans Licht, bis sie sich die Flügel verbrennt.

Мухи появляются лѣтомъ, но одна муха лѣта не дѣлаетъ:

Eine Fliege macht keinen Sommer.

Отмѣчается свойство мухъ на свѣтъ летѣть, хоть и на свою погибель, въ противуположность мышамъ, которыя въ темнотѣ прячутся.

Мухи къ свѣту, мыши въ тьму спѣшатъ.

Не любитъ народъ тѣхъ, кто

Изъ мухи дѣлаетъ слона,

—преувеличиваетъ то, что само по себѣ не важно, не велико, и видитъ всякія затрудненія иногда въ самыхъ пустыхъ обстоятельствахъ.

Нѣкоторыя извеченія про *комаровъ* уже были приведены выше. Вотъ еще другія. Комары летаютъ и кусаются больше по вечерамъ; малороссы выводятъ изъ этого такое заключеніе:

Комаръ боицця сонца; вінъ каже: на сонці я разтоплюсь (Малор.)

Нѣмцы замѣчаютъ, что комаръ хотя и кусается, да не весь годъ; комаръ и большихъ животныхъ не боится; и у маленькаго комара свой ядъ есть; кто за двумя комарами погонится, ни одного не поймаетъ; одинъ комаръ, какъ и одна муха, лѣта не дѣлаетъ:

Кусаютъ и комары до поры.
Die Mücken stechen wohl, aber nicht das ganze Jahr.
Die Mücke fürchtet sich nicht vor den Hörnern des Ochsen.
Hungrige Mücken stechen scharf.
Auch kleine Mücken haben ihr Gift.
Wer zwei Mücken auf einmal jagt, fängt keine.
Eine Mücke macht kein Sommer.

Вотяки считаютъ, что комары родятся весною изъ орѣшковъ, которые вырастаютъ на листьяхъ нѣкоторыхъ деревьевъ. Они вѣрно подмѣтили, что изъ этихъ орѣшковъ выходятся насѣкомыя, но только неправильно приняли ихъ за комаровъ, личинки которыхъ, какъ извѣстно, живутъ въ водѣ. Въ Сибири начало лѣта, когда комары появляются въ наибольшемъ количествѣ, называютъ «комарникъ», и даже «комариная напасть».

Слѣдующія поговорки имѣютъ смыслъ иносказательный:

На праздникъ и у комара пиво.
Былъ комаръ комаришко, сталъ комаръ комарище,

— говорятъ про зазнавшагося человѣка.

Комаровъ исцѣживаетъ, а перепелки сквозь пальцы летятъ,

— говорятъ про человѣка скупого, но не расчетливаго.

Не менѣе назойливы, чѣмъ мухи и комары — особенно для животныхъ, — *оводы;* ихъ также поминаетъ народъ въ своихъ изреченіяхъ; появляются оводы въ жаркое время лѣта:

Хоть оводно, да не холодно.
Холодно, такъ не оводно.

Овода почему-то народъ у насъ считаетъ лукавымъ и противопоставляетъ его въ этомъ отношеніи *слѣпню,* быть можетъ потому, что слѣпень летаетъ грузнѣй, менѣе увертливъ, нежели оводъ:

Слѣпень простакъ, а оводъ лукавецъ.
Слѣпень толстъ, да простъ.

Какъ комаръ солнца, такъ оводъ, по словамъ малороссовъ, росы боится:

Оводъ роси боиться: уранці на росі я каптанъ замочу (Малор.).

Время, когда появляются оводы и начинаютъ кусать и безпокоить коровъ, называется въ Смоленской губерніи «коровій зикъ»; позже, въ Іюлѣ, когда оводы начинаютъ кусать лошадей, начинается «конскій зикъ».

Въ Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи оводовъ, а также мухъ и мошкару, называютъ однимъ общимъ именемъ «паута».

Про *осъ* уже было кое-что сказано выше, въ главѣ о пчелѣ. Нѣмцы ихъ считаютъ опасными, — семь осъ могутъ лошадь до смерти закусать:

Sieben Wespen stechen ein Ross todt.

Осы меду не дѣлаютъ, хоть изъ жасмина соси:

Wespen machen keinen Honig.
Wenn die Wespe auch am Jasmin saugt, so bereitet sie doch keinen Honig.

Осинаго гнѣзда не тронь, палки въ него не суй, коли не хочешь быть больно ужаленнымъ:

Il ne faut pas metre son bâton dans un guêpier.
Wer in ein Wespennest stösst, bleibt nicht ungestochen.

Шмелей у насъ мѣстами называютъ «медуницами», въ отличіе отъ пчелы, которую называютъ «медовицей».

Нѣкоторыя поговорки про *муравьевъ* были уже приведены выше—именно заключавшія въ себѣ сопоставленіе ихъ съ пчелами. Муравьиное гнѣздо разорить — бѣду накличешь, хотя это и считается вѣрнымъ средствомъ вызвать дождь. Появленіе муравьевъ въ домѣ приноситъ счастье. Муравей, какъ и пчела, служитъ эмблемой трудолюбія и запасливости, хотя работаетъ только на себя:

Муравъ (муравей) —труженикъ у Бога (Архан. губ.).
Муравей не великъ, а горы копаетъ.
Die Ameise schaft nach ihrer Kraft
Муравей по своимъ силамъ работаетъ (Турецк.).
Безъ пригляду одни только муравьи плодятся.
Мураши въ домѣ—къ благополучію.
Много муравьевъ въ домѣ — къ богатству (Ставроп. губ.).
Если въ домѣ появляется много муравьевъ, и если они тащутъ кормъ изъ дому на дворъ, то домъ этотъ обѣднѣетъ; если же муравьи тащутъ со двора въ домъ, то въ домѣ томъ пріумножится (Болгар.).
Détruire les fourmilières porte malheur.
Die Ameise hat es gut, sie trägt im Sommer ein, dass sie zur Winterzeit kann ohne Sorge sein.

Въ Архангельской губерніи распространяются о мудрости муравья,—онъ всѣ языки понимать можетъ, да только самъ не говоритъ:

Муравъ—мудрòй; ему всѣ языки понимать дано, только своего языка не положено, оттого онъ все молчитъ и слушаетъ больше.

Про *жуковъ,* вообще, изреченій не много, если не считать приведенныхъ выше о томъ, что изобиліе жуковъ предвѣщаетъ урожайный годъ и т. п. О жукѣ-кузькѣ, который, наоборотъ, въ иные годы уничтожаетъ цѣлые урожаи, народная мудрость не упоминаетъ вовсе:

Въ степи и жукъ мясо.
Жуку нора за обычай.
Жукъ лѣзетъ въ нору, узнавъ свою пору.
За жучкомъ пойдешь, до навозу дойдешь.
И у жука рогъ, да пѣтушьяго бодня не стоитъ

Божья коровка у французовъ приноситъ счастье тому, кто ее найдетъ:

La petite bête de la Vierge porte bonheur à qui la trouve.

Убить Божью коровку вотяки считаютъ большимъ грѣхомъ; этого не сдѣлаетъ даже самый отъявленный мальчикъ-шалунъ. Если Божья коровка сядетъ на руку, то вотяки вопрошаютъ ее о погодѣ, говоря: «если будетъ дождь — лети, а если нѣтъ — сиди»! У насъ дѣти ей совѣтуютъ поскорѣе улетѣть: «Божья коровка—лети на волю, тамъ тепленько, здѣсь холодненько».

Въ Малороссіи (Харьк. г.) Божью коровку называютъ «солнышко», въ Галиціи—«куколка. зозулька, седьмувка».

Убить жука—дождь пойдетъ:

Si on tue un scarabé doré, c'est une cause de pluie.

If you kill a beetle, it is sure to rain (Если убьешь майскаго жука, навѣрняка дождь пойдетъ).

Скрипунъ да щелкунъ (жуки) въ скоморохи пошли (?) (Даль).

Выше уже были приведены изреченія про свѣтляковъ, которые представляютъ собою безкрылую самку жучка Lampyrus noctiluca, своимъ свѣченіемъ въ травѣ привлекающую жука — самца. Наибольшей интенсивности свѣченіе ихъ достигаетъ къ Иванову дню, почему они и называются Ивановыми червячками — Johanniskäfer. Итальянцы говорятъ про нихъ:

Ogni lusciolo non e fuoco—(Не всякъ свѣтлякъ—огонь).

Саранчу народъ считаетъ Божьимъ бичемъ для полей и луговъ.

Саранча — Боже наказанье (Кіев. губ.).

Народъ останавливается даже и на ея внѣшности, которую описываетъ, впрочемъ, довольно фантастически. Русскіе говорятъ, что у саранчи на крыльяхъ написаны слова: «кара Божья», а на грудномъ щиткѣ: «азъ есмь сарана, отъ Бога наслана». Въ Азіи увѣряютъ, что на крыльяхъ саранчи начертаны халдейскими письменами слова «гнѣвъ Божій». Въ Персіи саранчу называютъ «Божій гость».

Исходя изъ того, что саранча есть Божье наказаніе, народъ считаетъ, что ее не только невозможно, но и грѣшно истреблять,— чѣмъ больше будешь убивать и гнать ее, тѣмъ больше она бу-

детъ расплождаться и приносить вреда; противъ нея только одно средство—молитва. Извѣстно, что съ этимъ предразсудкомъ приходилось очень считаться во время борьбы съ саранчею и разновидностью ея—кобылкою—въ тѣ годы, когда она сильно распложалась въ южной Россіи и въ Сибири, производя иногда страшныя опустошенія.

Боящійся саранчи не пашетъ землю,

— говорятъ турки, но эта поговорка имѣетъ тотъ смыслъ, что изъ-за боязни саранчи, которая либо будетъ, либо нѣтъ, не слѣдуетъ оставлять земледѣлія, и соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, приведеннымъ ранѣе поговоркамъ о томъ, что изъ боязни птицъ не надо переставать сѣять проса и т. п.

Арабы, близко знакомые съ саранчей, такъ какъ она въ Африкѣ производитъ особенно частыя и губительныя опустошенія,—увѣряютъ, что у нея голова лошадиная, глаза слоновьи, шея бычачья, рога антилопы, грудь львиная, крылья орлиныя, ляшки верблюжьи, лапы страуса, а тѣло змѣиное. Узнать по этому описанію саранчу, очевидно, довольно трудно. Нѣмцы говорятъ, что у саранчи лошадиный ротъ, волчій голодъ и страусовый желудокъ:

Die Heuschrecke hat ein Pferdegebiss, einen Wolfshunger und einen Straussenmagen.

Тѣ же нѣмцы замѣчаютъ, что то, что пощадила саранча, доѣдятъ гусеницы, а французы высказываются на этотъ счетъ обратно,—саранча съѣдаетъ то, что оставила гусеница:

Was die Heuschrecken sparen, fressen oft die Raupenscharen.
Ce que la chenille n'a pas mangé, les sauterelles le dévorent.

Нѣкоторыя племена негровъ въ Африкѣ ѣдятъ саранчу, и тамъ на нее смотрятъ уже какъ на особый даръ Божій; извѣстно, что разные виды саранчи употребляются въ пищу и въ Китаѣ.

Большую помощь человѣку въ дѣлѣ истребленія саранчи и ея разновидности—кобылки оказываютъ птицы, и при томъ какъ домашнія (особенно индѣйки), такъ и дикія. Между послѣдними особенно славятся, какъ истребители саранчи, такъ называемые каменные дрозды. Иногда вслѣдъ за стаей саранчи, летящей черной тучей надъ землею, слѣдуютъ цѣлыя стаи скворцовъ. Если же этихъ скворцовъ почему-либо нѣтъ, то татары закавказ-

скаго края отправляются за ними въ горы, гдѣ онѣ живутъ, ловятъ двухъ-трехъ изъ нихъ и отправляются съ ними въ тѣ мѣста, гдѣ саранча опустилась и начала свои опустошенія, — за ними будто бы слѣдомъ отправляется и цѣлая стая такихъ же птицъ, которыя тотчасъ же и принимаются за дѣло. Во время полета саранчи, ее стараются испугать шумомъ, ударами въ желѣзные листы, выстрѣлами и пр., но это не всегда, къ сожалѣнію, помогаетъ.

Есть насѣкомое *медвѣдка*, которое повсемѣстно распространено въ огородахъ, и, по общему мнѣнію, причиняетъ большой вредъ; тѣмъ не менѣе, никакихъ народныхъ изреченій о ней мнѣ неизвѣстно, и можно только отмѣтить оригинальныя даваемыя ей у насъ народомъ названія, въ средней Россіи: — «земляной сверчокъ», въ западныхъ губерніяхъ «земляной ракъ», въ Бессарабіи «волчокъ». Такъ какъ медвѣдка часть своей жизни проводитъ въ норкахъ, которыя дѣлаетъ очень искусно, съ большою пустотою въ центрѣ и нѣсколькими ходами въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ, то французы, нѣмцы и англичане сравниваютъ ее съ кротомъ и даютъ ей названія «Maulwurfsgrille», «taupegrillon», «mole-cricket» и т. п.

Упоминаютъ французы и про *богомола*, «le Prie-Dieu», получившаго это названіе, какъ извѣстно, потому, что онъ, приподнимаясь переднею частью своего длиннаго туловища вверхъ, лапки на груди складываетъ, какъ бы на молитву. Изрѣдка, онъ то одну, то другую лапку въ сторону обращаетъ — считается, что онъ этимъ показываетъ заблудившимся путникамъ дорогу:

> La mante (le Prie-Dieu) perché sur un gramen, montre la route aux voyageurs égarés (elle tend ses pattes tantôt à droite, tantôt à gauche).

Очень любовно народъ относится къ *сверчку*, который дому счастье приноситъ.

Если сверчки въ домѣ постоянно поютъ, то домъ считается веселымъ и жить въ немъ хорошо и весело (Кубан. обл.).

Сверчокъ поетъ — Бога хвалитъ.

Если на ночь кричатъ сверчки въ хатѣ, то ночь пройдетъ благополучно (Кубан. обл.).

Не великъ сверчокъ — да звонко поетъ.

Le grillon est la bête du bonheur. Le chant du grillon présage le bonheur de la maison.

Grillon chantant sur le foyer dans toute maison est aimé.

Во всякой избѣ сверчки, какъ и тараканы, сами заводятся:

Была бы изба нова, а сверчки будутъ.
Сверчки напередъ хозяина въ новый домъ перебираются,

— впрочемъ, если это случится, то житье въ домѣ будетъ неспокойное.

Сверчкамъ совѣтуютъ знать свое мѣсто и не лѣзть, куда ихъ не спрашиваютъ—иначе нехорошо будетъ.

Знай сверчокъ—свой шестокъ.
Не великъ сверчокъ, да поганитъ горшокъ,

— коли въ него заберется; иногда сверчокъ можетъ и несчастье предсказать:

Сверчокъ по избѣ летаетъ—къ смерти, либо къ пожару.

Упоминается въ народныхъ изреченіяхъ и *кузнечикъ*—«скакунъ», но больше въ связи съ разными метерологическими примѣтами, которыя приводятся въ другомъ мѣстѣ.

Непріятныя культурному человѣку насѣкомыя—*тараканы*, *прусаки* и *клопы*, крестьянину никакихъ непріятныхъ чувствъ не внушаютъ, онъ смотритъ на нихъ, какъ на неизбѣжную принадлежность каждой хаты, такихъ же законныхъ жильцовъ въ ней, какъ и онъ самъ, которые при томъ даже счастье дому приносятъ, а передъ бѣдою изъ него выбираются:

Прусаки и тараканы заводятся—къ добру.

Тараканы—первые жильцы, избу обновляютъ, напередъ хозяевъ перебираются.

Избу сруби, а тараканы свою артель приведутъ.

Была бы изба, будутъ и тараканы.

Много черныхъ таракановъ въ домѣ—къ богатству.

Черные тараканы заводятся—къ прибыли.

Желтоватые прусаки предвѣщаютъ убытокъ (Куб. Обл.).

Въ домѣ, гдѣ прусаки и тараканы, безопасно отъ пожара (Смол. губ.).

Такъ какъ тараканы приносятъ хозяину богатство и даже своимъ присутствіемъ обезпечиваютъ избу отъ пожара, то крестьяне сами заботятся о водвореніи ихъ въ домѣ, а входя въ но-

вый домъ приносятъ ихъ съ собою изъ старой избы на обзаведеніе.

Тараканы (и мыши) изъ дому ползутъ—передъ пожаромъ.

Вотъ еще нѣсколько изреченій, характеризующихъ таракана:

Не трусъ тараканъ, да ножки хрупки.
И большой тараканъ не мерину чета.
Тараканъ не муха, не взмутитъ брюха,

— если нечаянно его проглотишь, а отъ мухи, будто бы, непремѣнно стошнитъ.

Клопы заводятся отъ сырости въ избѣ и отъ сырости дерева (Вотяц.).

Тараканы, прусаки и клопы выведутся, если покурить купальскимъ папоротникомъ три дня сряду (Витеб. губ.). Клопы хотя и надоѣдливы, но въ крестьянскихъ избахъ имъ житье хорошее:

Кусаетъ клопъ, досаждаетъ, что холопъ.
Попамъ да клопамъ жить добро.

Поминается въ народныхъ изреченіяхъ про *блоху* и даже про *вошь*. Нѣмцы замѣчаютъ, что голодныя блохи больно кусаются:

Dürre Flöhen beissen scharf.

У насъ замѣчаютъ, что блохи всего злѣе весною:

Избави Богъ отъ майскихъ блохъ...

Блохи единственныя существа, при ловлѣ которыхъ торопливость не вредитъ:

Лови блошку, покуда не упрыгнула.
Торопливость годна только блохъ ловить.
Nichts mit Hast als Flöhe fangen.
Nothing to be done in haste, but gripping fleas (то же).

Истреблять блохъ у насъ совѣтуютъ съ весны, во время прилета ласточекъ и соловьевъ; упустишь это время—отъ нихъ не избавишься:

Когда ласточка прилетитъ — мети хату, чтобы блохъ не было (Смолен. губ.).

Когда соловей пропоетъ—вытряхай блохъ: блохи не будутъ кусаться; послѣ того блохъ не гоняй, а то совсѣмъ заѣдятъ (Смолен. губ.).

По увѣренію вотяковъ, блохи заводятся изъ пыли, если въ нее попадетъ вода,—своего рода самозарожденіе. Малороссы же говорятъ, что блохи (и мухи) плодятся изъ навоза.

Отъ вшей, при обычныхъ условіяхъ народной жизни, избавиться трудно, лишь бы онѣ не слишкомъ расползались:

Держись, вошь, своего тулупа.
Быстрая вошка попадаетъ на гребешокъ.
Не вошь ѣстъ, а гнида точитъ.
Не вши ѣдятъ, а гниды,

— коли завшивѣешь; подъ словомъ гнида здѣсь разумѣется, повидимому, цѣлая колонія вшей, складывающихъ яйца; вшиное яичко — гнида. Особенно приходится отъ вшей страдать по ночамъ:

Вошъ, что заемный грошъ, спать не даетъ.
То не вши, что двѣ-три, а то вши, что хоть избу намши (Смолен. губ.).

Присутствіе же вшей считается совершенно неизбѣжнымъ:

У лѣса не безъ звѣря, у головы не безъ вши (Смолен. губ.).

Заводятся вши у человѣка отъ тоски, отъ дурной воды, да отъ нужды:

Вши заводятьця изъ тила чоловика одъ журбы, одъ заботы и одъ плохой воды (Малор., Харьк. губ.).
Вши нападаютъ отъ дурной воды и отъ нужи.

Размноженіе вшей связывается съ появленіемъ накожныхъ болѣзней:

Зазналася вошь въ коростѣ.

Чтобы избавится отъ этихъ противныхъ насѣкомыхъ, тоже снасть нужна,—въ данномъ случаѣ гребенка:

Безъ снасти и вши не убить,

— такъ какъ обычный у нашихъ крестьянъ пріемъ исканія въ головѣ мало дѣлу помогаетъ. Впрочемъ, малороссы говорятъ, что если вовсе нѣтъ вшей, то это признакъ большого несчастья, а потому и не слѣдуетъ стараться совсѣмъ отъ нихъ избавиться.

Не лучше и вши травяныя; когда онѣ въ капустѣ заведутся, ничѣмъ отъ нихъ не избавиться:

Wo Blattläuse im Kraute sitzen, da hilft kein Gottes Segen was.

Много занимается народная наблюдательность *пауками*, которымъ приписывается свойство предсказывать погоду, о чемъ будетъ подробно сказано ниже. При разныхъ условіяхъ паука увидать, бываетъ либо къ добру, либо къ худу. Главное занятіе паука—паутину (тенета) ткать, почему и зовутъ его паукъ-тенятникъ,—да мухъ и другихъ мелкихъ насѣкомыхъ ловить:

Spinne am Morgen—Gram und Sorgen; Spinne am Abend—süss und labend.

Araignée du matin—signe de mauvaise fin; araignée du soir—signe de bonne nouvelle pour le lendemain.

Araignée du matin — grand chagrin; araignée de midi — grand souci; araignée du soir — bon espoir,

— утренній паукъ—къ печали; полдневный — къ заботамъ; вечерній—къ доброй надеждѣ, либо къ добрымъ вѣстямъ; соотвѣтственныя примѣты есть и у насъ:

Паука вечеромъ видѣть—счастливая примѣта, днемъ—плохая (Смолен. губ.).

Паутину паукъ плететъ не ради пустого времяпровожденія:

Die Spinne webt ihr Netz nicht bloss zum Zeitfertreib.

Die fleissige Spinne hat ein grosses Gewebe.

Бываетъ, однако, что паукъ въ своей собственной паутинѣ ловится; это изреченіе часто употребляется иносказательно:

Die Spinne wird oft in ihrem eigenem Netz gefangen.

Запутался, что паукъ (мизгирь) въ тенетахъ.

У многихъ народовъ существуетъ мнѣніе, совершенно неосновательное для бо́льшей части видовъ пауковъ, живущихъ въ нашихъ странахъ, о ихъ ядовитости.

Нѣмцы увѣряютъ, что, въ противоположность пчелѣ, пауки высасываютъ ядъ изъ цвѣтовъ:

Die Spinne saugt Gift, die Biene Honig aus der Blume.

Die Spinnen saugen aus den besten Blumen lauter Gift.

По этой причинѣ и еще вслѣдствіе той роли, которую пауки, согласно преданію, играли во время страданій Господнихъ, ихъ полагается убивать, когда только это возможно:

Когда Христа на крестѣ распинали, паукъ Ему паутиной ротъ заплелъ, отчего Христосъ во время крестныхъ страданій не могъ говорить, и молчалъ. Поэтому, пауковъ надо убивать, гдѣ ихъ ни увидишь: кто увидитъ паука и не убьетъ, тотъ да лишится въ жизни радости (Грузин.).

Наши сѣверяне въ своемъ страхѣ передъ пауками заходятъ такъ далеко, что ожидаютъ за убіеніе паука, какъ и змѣи, особую отъ Бога награду:

Убить мизинцемъ (пальцемъ) паука — сорокъ грѣховъ отпустятся (Архан. губ.).

Кто убьетъ паука — тому сорокъ дней всѣ грѣхи прощаются, — убивать паука слѣдуетъ еще за то, что онъ смѣялся надъ Богородицей, не умѣвшей такъ искусно ткать, какъ онъ (Бессар. губ.).

Паука (мизгиря) убьешь—сорокъ грѣховъ сбудешь.

Послѣднее изреченіе хотя и примѣняется иногда къ паукамъ вообще, относится въ частности къ мизгирю, виду тарантула, обитающему въ нашихъ краяхъ и, повидимому, дѣйствительно отчасти ядовитому, хотя укушеніе его и не производитъ у насъ тѣхъ послѣдствій, какъ въ странахъ болѣе жаркихъ. Тамъ укушеніе тарантула вызываетъ судорожныя явленія во всѣхъ членахъ, по сходству съ которыми въ Испаніи названъ будто бы извѣстный танецъ «тарантелла»; другое мнѣніе заключается, однако, въ томъ, что послѣ укушенія тарантула надо дѣлать усиленныя движенія, плясать, чѣмъ якобы парализуется вредное дѣйствіе яда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ укушеніе тарантула считается даже смертельнымъ и неизлечимымъ:

Якъ тарантель (тарантъ, таранкуль) укусыть, нема одъ ёго дохтора, чоловикъ той помреть (Малор.).

Въ Воронежской губерніи отъ укуса тарантуха (тарантула-мизгиря) совѣтуютъ укушенное мѣсто лечить тарантуховымъ масломъ, которое приготовляется такъ: пойманнаго тарантула сажаютъ въ сосудъ, куда наливаютъ оливу (деревянное масло); когда тарантулъ издохнетъ и испуститъ ядъ, то масло готово къ употребленію. Тарантуховое масло употребляется и для леченія сибирки (Воронежск. губ.). Болѣе ядовитъ нежели мизгирь, такъ называемый «черный паукъ, черновобикъ» (каракуртъ), по-калмыцки «черная вдова», у нѣмцевъ-колонистовъ— «die schwarze Wittwe»; онъ живетъ въ южной Россіи и въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ; его укушеніе бываетъ часто смертельно, какъ для животныхъ, такъ даже и для людей.

Большинство же пауковъ опасно только для мухъ и другихъ мелкихъ насѣкомыхъ:

Позатенятилъ мизгирь (паукъ) муху, не вырвется.

Лови паукъ мухъ, покелѣ ноги не ощипаны.

Французы замѣчаютъ, что паукъ поѣдаетъ мухъ, а самаго паука ѣстъ ящерица:

L'araignée mange la mouche et le lézard—l'araignée.

Во Франціи паукамъ приписываютъ цѣлебныя свойства и совѣтуютъ проглотить натощакъ трехъ или девять живыхъ пауковъ, какъ средство отъ лихорадки:

Pour se débarasser de la fièvre, avalez le matin à jeun trois ou neuf araignées vivantes.

Les toiles d'araignées sont bonnes pour mettre sur les coupures,

— какъ средство отъ порѣзовъ паутина употребляется у всѣхъ народовъ, хотя этотъ пріемъ и осужденъ современной медициной, въ виду тѣхъ зловредныхъ микробовъ, которыми паутина можетъ заразить рану.

Бабочки въ нѣкоторыхъ народныхъ изреченіяхъ поминаются вмѣстѣ съ гусеницами, послѣднихъ же народъ часто не отличаетъ отъ червей.

Выше уже были приведены изреченія, связывающія появленія нѣкоторыхъ видовъ бабочекъ со временемъ посѣва; повторять изъ здѣсь мы не будемъ. Но вотъ интересная примѣта, опредѣляющая по цвѣту бабочекъ характеръ года:

Если весною первыя бабочки будутъ бѣлаго цвѣта, то годъ будетъ молочный, а если желтаго—то хорошій годъ на медъ (Черниг. губ.).

Въ другихъ поговоркахъ отмѣчается, что бабочки всего охотнѣе посѣщаютъ самые красивые цвѣты:

На красный цвѣтокъ летитъ и мотылекъ.

Нѣмцы идутъ въ этомъ отношеніи далѣе и увѣряютъ, что красивая бабочка только одинъ цвѣтокъ и посѣщаетъ:

Das ist ein schöner Schmetterling, der nur auf eine Blume angewiesen ist.

Бабочки зиму прогоняютъ, говорятъ французы:

Les papillons font partir l'hiver.

Кто хочетъ въ году жениться, долженъ, по французской примѣтѣ, поймать первую бабочку, которая попадется:

Qui veut être marié dans l'an, prenne le premier papillon qu'il verra,

— эту поговорку можно понимать и иносказательно,—кто хочетъ поскорѣе жениться, не долженъ невѣстъ разбирать.

Нѣтъ бабочки, замѣчаютъ нѣмцы, которая не была бы предварительно гусеницей и куколкой; французы же говорятъ, что самая красивая бабочка есть ничто иное, какъ разодѣтая гусеница:

Aus der Raupe wird ein Schmetterling.
Kein Schmetterling ohne Vorpuppen.
Le plus beau papillon n'est qu'une chenille habillée.

Слѣдующія изреченія относятся къ гусеницамъ и касаются производимыхъ ими опустошеній, иногда весьма значительныхъ, причемъ нѣмцы справедливо отмѣчаютъ, что любая гусеница гораздо больше съѣстъ, нежели сама вѣситъ; въ томъ же родѣ высказываются у насъ про червей, разумѣя подъ ними тѣхъ же гусеницъ:

Die Raupe frisst mehr als sie wiegt.
Eine Raupe frisst viel und nützt wenig.
Удалось червяку на вѣку листа поѣсть!

Разныя гусеницы и разныя деревья повреждаютъ:

Jeder Raupe die eigene Bäume.

У французовъ про гусеницъ, поѣдающихъ капусту, такая поговорка:

Il faut que la chenille vive du choux et le prêtre de l'autel.

Тѣ же французы замѣчаютъ, что гусеницы прекращаютъ свои опустошенія осенью, между двумя Спасами:

Entre les deux Sacres les chenilles cessent leurs ravages.

Нѣмцы же совѣтуютъ гусеницъ уничтожать, когда онѣ окуклятся въ гнѣздѣ, а то и самыя гнѣзда сжигать.

Man muss die Raupe in der Puppe tödten.
Raupen muss man im Neste tödten.
Wer die Raupen will tilgen, der muss das Nest verbrennen.

У насъ, какъ уже сказано, народъ не различаетъ гусеницъ и личинокъ отъ червей:

Что червь въ орѣхѣ, что печаль въ сердцѣ,

— въ орѣхахъ сидятъ личинки различныхъ насѣкомыхъ, но ихъ за одно называютъ червями.

Червь капусту съѣдаетъ, а самъ прежде пропадаетъ.

— тутъ идетъ рѣчь о гусеницѣ, изъ которой впослѣдствіи выходитъ бабочка-капустница; замѣчаніе о томъ, что капустный червь пропадаетъ ранѣе созрѣванія капусты, конечно, совер-

шенно вѣрно. Черви не очень разборчивы на кормъ, есть такіе, которые всякія растенія поѣдаютъ:

Хробакъ (робакъ—червь) влізъ въ хрінъ, та й думаэ, что нема солодчого коріння (нѣтъ слаще корня) (Малор.).

Болгары рекомендуютъ любопытный способъ истребленія гусеницъ, при нападеніи ихъ на стручковый перецъ:

Если гусеницы ѣдятъ стручковый перецъ, то ловятъ въ воскресенье одну гусеницу и вѣшаютъ ее ниткою на палкѣ, вбитой въ грядку, гдѣ растетъ перецъ; тогда другія гусеницы, видя это, перестаютъ перецъ поѣдать.

Земляные черви, по замѣчанію нѣмцевъ, выползаютъ въ хорошіе дни, а по нашимъ наблюденіямъ—къ ненастью:

Auch die Regenwürmer kriegen hervor, wenn ein schöner Tag ist.
Если раздавить червяка—будетъ дождь въ тотъ же день,

— неудивительно, такъ какъ черви выползаютъ по преимуществу въ сырую погоду, къ ненастью.

Отсутствіе глазъ у земляныхъ червей не мѣшаетъ имъ въ темнотѣ въ землѣ копаться:

Die Würmer alle ohne Augen zum Graben gut im Finstern taugen.

И у самаго маленькаго червяка своя норка есть, самый маленькій червякъ крутится, если на него наступить:

Der kleinste Wurm hat sein Löchlein.
Il n'y a pas de si petit ver qui ne se recroqueville, si l'on marche dessus.
Un ver se rebèque, quand on le presse,
Auch der Wurm krümmt sich, wenn er getràten wird.
Tread on a worm, and it will turn (Наступи на червяка—завертится).
I robak piśnie, gdy go kto przyciśnie (Поль. — И червякъ пискнетъ, коли его притиснуть).

Страшатъ людей тѣ черви, что ихъ самихъ послѣ смерти ѣдятъ:

Ня той робакъ, што мы его зъѣдзимъ (въ червивомъ плодѣ), а той робакъ, што насъ зьесцъ (Бѣлор., Мин. губ.).

Остается упомянуть еще объ *улиткахъ* и *смизнякахъ,* про которыхъ у насъ говорится:

Улита ѣдетъ—когда-то (коли-то) будетъ.

Нѣмцы высказываются на счетъ ихъ подробнѣе и съ нѣкоторымъ остроуміемъ. Хотя улитка зайца не догонитъ, однако со временемъ можетъ доползти такъ же далеко, какъ заяцъ добѣжать, и во всякомъ случаѣ придетъ туда, куда хочетъ:

Eine Schnecke hohlt keinen Hasen ein.
Eine Schnecke kommt so weit mit kriechen, als ein Hase mit laufen.
Eine Schnecke kommt mit der Zeit, wo sie hin will,

— лишь бы это было не слишкомъ далеко; французы замѣчаютъ, что сколько человѣкъ въ день пройдетъ, на то улиткѣ сто лѣтъ нужно:

Autant chemine un homme en un jour, autant une limace en cent ans.

Улиткамъ и женщинамъ, говорятъ нѣмцы, всего лучше дома сидѣть:

Der Schneck'und der Frau ist am wohlsten im Haus,

— если улитки всюду за собой свой домъ тащутъ, то потому, что сосѣдямъ не довѣряютъ:

Die Schnecke trägt ihr Haus bei sich, weil sie dem Nachbar nicht traut.

Нѣмцы же подмѣтили, что улитки соли не переносятъ:

Schnecken vertragen kein Salz,

и совѣтуютъ, поэтому, посыпать солью тѣ мѣста, которыя хотятъ оградить отъ ихъ нашествія.

Для истребленія всякаго рода насѣкомыхъ народъ принимаетъ множество мѣръ, частью болѣе или менѣе дѣйствительныхъ, частью же основанныхъ на разныхъ предразсудкахъ, до заговоровъ включительно, но останавливаться на нихъ мы здѣсь не будемъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Приведемъ только указаніе на время, которое считается для этого наиболѣе подходящимъ:

Ветошкомъ (на старомъ мѣсяцѣ) хорошо истреблять вредныхъ насѣкомыхъ и червей въ огородахъ (Вилен. губ.),

— тутъ та же вѣра во вліяніе фазисовъ луны на животную, а также и растительную жизнь, съ которою намъ уже не разъ приходилось встрѣчаться въ нашихъ этюдахъ народной мудрости.

ДОПОЛНЕНІЯ И ВАРІАНТЫ

КЪ ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ.

I.

Животный миръ въ воззрѣніяхъ народа.

Къ стр. 5.

На кукушкиныхъ яйцахъ не высидишь цыплятъ.
Свое дитя и змѣя не жалитъ.

Къ стр. 11.

Убрався мижъ вороны и крякай, якъ воны. (Малорос.).
Ворона подъ пару воронѣ, сорока-сорокѣ. (Эстон.).

Къ стр. 12.

Повѣрью о томъ, что медвѣдь оборотнемъ не бываетъ, какъ бы противорѣчитъ распространенное почти повсемѣстно повѣрье о томъ, что медвѣдь есть превращенный въ звѣря человѣкъ. Въ дѣйствительности же здѣсь противорѣчія нѣтъ, такъ какъ подъ словомъ оборотень понимается человѣкъ, только временно принявшій на себя форму звѣря; медвѣдь же, какъ и нѣкоторыя другія животныя, былъ только нѣкогда человѣкомъ, а потомъ, за разныя провинности, превращенъ Богомъ въ звѣря, какимъ и остался навсегда.

Кромѣ широко распространенныхъ повѣрій о превращеніи людей въ животныхъ, встрѣчаются, хотя и гораздо рѣже, повѣрья о звѣряхъ, принявшихъ на себя форму человѣка. Такъ, у японцевъ, лисица, которую они считаютъ покровительницею земледѣлія, является иногда въ видѣ человѣка; то же можетъ будто

бы дѣлать и волкъ. Малайцы вѣрятъ въ то, что въ человѣка превращается крокодилъ; у гренландцевъ это говорятъ про моржей, которые, принявъ на себя человѣческій образъ, нападаютъ на промышленниковъ, чтобы отмстить за своихъ, убитыхъ ими, родичей и т. п.

Къ стр. 13.

Пуганый звѣрь и воробья боится.
Бояться волка—бѣгать и отъ бѣлки.

Къ стр. 14.

Охота—бездѣльная работа.
Охотникъ лапти плететъ, а рыбакъ рыбку пекетъ (печетъ),

— рыболоводство, въ смыслѣ прибыльности промысла, ставится выше охоты.

II.

Лошадь и оселъ—работники.

Къ стр. 22.

Цѣной коня не купишь (Волог. губ.).

Къ стр. 23.

Цыганьска кобыла день бижить, а три дни лежить (Малор.).
Лошадь лишь бы не хромала у хозяина (пока не продали) (Турецк.).

Къ стр. 24.

Коневники (барышники, любители лошадей) предпочитаютъ ту лошадь, у которой грива на правую сторону (Витебск. губ).

Если у лошади глаза выпуклые и красные, то эта лошадь «клятая», т. е. злая.

Къ стр. 26.

При покупкѣ лошади пьютъ «покопытное»,—обливаютъ у лошади копыта чаемъ или водкою, а затѣмъ покупатель угощаетъ продавца (Арханг. губ.). Въ Ярославской губ. съ того, кто купилъ (лошадь, скотину), идутъ «литки», а тотъ, кто продалъ, ставитъ «могарычъ».

Къ стр. 28.

Хорошая лошадь — конь-Буракъ (Эль-боракъ) на дорогѣ (Киргиз., Сырдар. Обл.).

Къ стр. 34.

Въ Малороссіи жеребенкомъ (лошонокъ, лошя) по второму году получаетъ названіе стрыжокъ, стрыгунъ, стрыга, стрыгуля, а по третьему—лошакъ и лошиця.

Надежнымъ жеребенкомъ можно считать того, у котораго уши тверды и стоятъ торчкомъ (Витебск. губ.).

Аргамакъ долженъ быть такимъ еще жеребенкомъ (Бурят.).

Къ стр. 36.

Коли конь—такъ вози, а коли корова—то давай молоко.

Къ стр. 37.

Лѣнивому коню и дубина не страшна (Бѣлор.).

Хорошему коню—одна нагайка, плохому коню — тысяча нагаекъ (Киргиз., Сырдар. Обл.).

Къ стр. 40.

Чужая лошадь потная (Киргиз., Сырд. обл.).

Уставшему коню и узда тяжела (Бурят.).

Къ стр. 41.

Хорошій конь смиренъ, плохой конь съ норовомъ (Киргиз., Сырдар. обл.).

Щекотливой лошади всегда берегись.

Солощая лошадь лучше тѣло держитъ (неразборчива на кормъ) (Яросл. губ.).

Къ стр. 44.

Табунщикамъ выгода—даромъ ѣздить (Татары, Бакинск. губ.).

Къ стр. 45.

Конина считается проклятой потому, что на лошадяхъ ѣздитъ домовой, что у нихъ копыта не разрѣзныя, и потому еще, что «якъ Хрыстосъ заховався отъ жидовъ въ ясли, кобыла Его вытрубыла»—пробрала сѣно до дна (Малор.).

Не конь везетъ, а Богъ несетъ...

Къ стр. 49.

Весною у якутовъ устраивается «праздникъ кумыса»; собираются якуты нѣсколькихъ наслеговъ на лугу, гдѣ стоятъ громадныя чаши съ ихъ любимымъ напиткомъ; послѣ того, какъ шаманы произнесутъ надъ чашей свои молитвы, они разбрызгиваютъ часть кумыса во всѣ стороны, затѣмъ чаши выпи-

ваются, юноши состязаются въ единоборствѣ, дѣвушки пляшутъ и поютъ пѣсни.

У мерина обычай, у кобылы—свой (Пермск. губ.).

Къ стр. 53.

Чѣмъ ѣздить на плохой лошади, лучше ходить пѣшкомъ (Киргиз., Сырдар. обл.).

Къ стр. 59.

Конь, гдѣ ни поваляется, вездѣ клокъ шерсти оставитъ.

III.

Крупный рогатый скотъ.

Къ стр. 67.

Украшеніе народа—скотъ (украшеніе земли—деревья) (Кирг.).

Къ стр. 69.

Тая корова молошна, которую продали (Могил. губ.).

Къ стр. 70.

Сказавъ бы и вилъ, алы языкъ—якъ килъ (Волын. губ.).

Къ стр. 72.

Волики, короуки и говечки — свяицона куосточка, а коня погане (Гродн. губ.).

Къ стр. 73.

Повѣрье о томъ, что скотъ получаетъ способность говорить и славить Христа въ ночь на Рождество, подъ Новый годъ, или подъ Свѣтлое Христово Воскресенье, существуетъ не только во Франціи, но во многихъ мѣстахъ и у насъ, и въ другихъ государствахъ.

Скотына понима лучче чоловика, та тилько ни балака; вона те и балака, та тико у ничи пидъ Риздво и Велыкдень (Харьк. губ.).

Къ стр. 74.

Молоко коровы при покупкѣ изслѣдуютъ, брызгая на ладонь и растирая: молоко, сбивающееся въ маслянистый комокъ, указываетъ на хорошій сборъ и такую корову покупаютъ (Полт. губ.).

Хозяйка при продажѣ коровы можетъ задержать ея молоко у себя; для этого, сдоивъ продающуюся корову на кусокъ хлѣба, даютъ его съѣсть остающейся коровѣ, причемъ у проданной молоко пропадетъ, а у своей удвоится (Полт. губ.).

Если скотины не покупаешь, то и за хвостъ не трогай (Татар.).

По приводѣ во дворъ купленной на ярмаркѣ коровы нужно заставить ее переступить въ воротахъ черезъ разостланный красный поясъ, на который положенъ хлѣбъ съ солью, и затѣмъ дать съѣсть этотъ хлѣбъ коровѣ: если съѣстъ, то пойдетъ въ въ руку (Полт. губ,).

Къ стр. 75.

«Дѣдушко, атаманушко, полюби мою чернавушку (пестравушку и т. п., смотря по масти коровы), корми сытно, гладь гладко, самъ не шути и жены не спущай, и дѣтей укликай»—уговариваютъ женщины домового при приводѣ новокупленной коровы во дворъ (Арх. губ.).

Кромѣ домового, въ хлѣвахъ живутъ «хлѣуники», которые портятъ скотъ (Витеб. губ.).

Къ стр. 76.

Для того, чтобы навсегда обезопасить коровъ отъ вѣдьмъ, дѣлаютъ маленькимъ буравчикомъ дырочки на рогахъ коровы и забиваютъ туда нѣсколько капель «живого серебра» (ртути) или «дэвэль-дрека» (чортова помета — ассафетида), котораго нечистая сила не выноситъ и никогда не подойдетъ къ той коровѣ, надъ которой это продѣлано (Бѣлор.).

Къ стр. 77.

Отпускъ—первый весенній выгонъ скота на пастьбу, съ разными обрядами: въ полѣ, куда выгоняютъ скотину, раскладываютъ огонь, чрезъ который знахарь перегоняетъ скотъ, вырвавъ предварительно у каждой скотины клочекъ шерсти (Архан. губ.).

Въ первый разъ пастухъ выгоняетъ скотъ безъ торбы и хлѣба, для того, чтобы скотъ лучше наѣдался (Полт. губ.).

Мѣстами при выгонѣ скота въ первый разъ на пастьбу перегоняютъ его въ воротахъ черезъ огонь, окропляютъ іорданскою водой, ударяютъ освященною вербой и пр. При этомъ употребляются разные приговоры, какъ, напр.: «гей, сира скотына, иди за густымъ молокомъ, за густою сметаной, де вчора ходыла; що

ты тамъ сгубыла, пиды знайде и до дому принесы» По возвращеніи съ пастьбы, хозяйка креститъ корову, приговаривая: «одверны, Господи, Грыгорій (sic) Побидоносецъ, одъ моего двора, одъ моей скотыны нарожденной, сирой, злу тварь» (Полт. губ.).

Отпасъ—прекращеніе, съ наступленіемъ осенникъ морозовъ, пастбищнаго времени. Отпасное — отдача пастуху условленнаго вознагражденія натурою, иногда въ одинъ разъ, по окончаніи пастбищнаго періода (осенщина), иногда въ два пріема—въ Петровъ день и въ отпасъ (Архан. губ.).

Што скотына—то и чередъ,

— пастухи столуются поочередно у хозяина каждой пущенной въ стадо скотины.

Цѣло стадо—пастырю радость.

Не всегда, однако, пастухи (чередники) бываютъ добрые, да о скотинѣ заботливые:

Колы бъ Богъ слухавъ чередныка, то бъ за лито уся выдохла череда (Малор.).

Къ стр. 78.

Быкъ съ рогами коровы не имѣетъ силы; корова съ бычьими рогами не имѣетъ молока (Киргиз., Сырдар. обл.).

Малороссами наиболѣе цѣнятся у скота разные оттѣнки сѣрой масти: «сира, сыва, прыкросыва (свѣтло-сѣрая) и голуба (стальная, желѣзистая)», но важно знать, скотъ какой масти «у дворъ иде» (Полт. губ.).

Къ стр. 82 и 83.

Волъ долженъ имѣть хорошо развитой костякъ—«щобъ бувъ вязыстый, костыстый, круторебрый, густоребрый, щобъ крыжъ бувъ пьядъ съ корхомъ (т. е. 7 вершковъ въ обѣ стороны)». Рога у хорошаго вола должны быть лирой или полумѣсяцемъ (Полт. губ.).

Если у вола глаза выпуклые, а шерсть на лбу гладкая, или глаза глубоко во лбу, а шерсть «надутая», то это волъ «клятый», т. е. злой (Харьк. губ.).

Къ стр. 84.

Въ плугѣ лучшій волъ ставится справа и называется «борозденнымъ» (идетъ въ бороздѣ), лѣвый—«пидручній» можетъ быть и послабѣе; впереди ставятся опытные волы, понимающіе «цобъ-цобе» («собъ и цабе») (Полт. губ.).

Къ стр. 86.

Если животное убить въ тотъ мѣсяцъ, въ которомъ есть буква *р,* то мяснымъ запасамъ грозятъ «рыбаки», т. е. червяки (Витебск. губ.).

Къ стр. 90.

Сметану любить—корову кормить.

Отъ кормленія коровы лебедою молоко становится жидкимъ и масло сметанится (Витебск. губ.).

Отъ лѣтнихъ кормовъ масло растовое (желтое) (Яросл. губ.).

Къ стр. 92.

Море подъ корову.

— привѣтствіе бабѣ доильщицѣ.

У малороссіанокъ признаки молочной коровы таковы: предпочитаютъ коровъ длинныхъ, широкихъ, округленныхъ, на низкихъ ногахъ; рога лучше крутые, въ видѣ ухвата, чѣмъ стоящіе впередъ или опущенные внизъ; хороша толстая шея, «щобъ корова була волыста», хвостъ долженъ быть длинный, съ рѣпицей до колѣнъ, толстой, слегка потрескавшейся, съ перхотью (лупою), а на концѣ хвоста должно быть утолщеніе въ родѣ лука. Лучшей коровой признается та, у которой толстыя молочныя жилы подъ животомъ (родныкы, крынычки), а подъ дойками должны быть углубленія, въ которыя входили бы три пальца (Полтавск. губ.).

При покупкѣ телицы замѣчаютъ, гдѣ у нея расположенъ завитокъ изъ волосъ—вихоръ; если на лбу между глазами, то она будетъ ежегодно съ теленкомъ, если вихоръ выше или совсѣмъ отсутствуетъ, то только черезъ годъ — перелѣтокъ (Полт. губ.).

Не слѣдуетъ покупать коровы съ дырявымъ рогомъ, съ недостающимъ ребромъ или съ впадиною между ребрами; послѣ пропажи такой скотины у хозяина издыхаетъ еще 11 головъ скота и только двѣнадцатая выживаетъ (Полт. губ.).

Въ Витебской губерніи молочная корова узнается по слѣдующимъ признакамъ: концы роговъ ея «филтовы» (?), ребрина отъ ребрины «кылы пахвовъ» (около паховъ) отстоитъ на 2 пальца, «остатная костка у хвости» ниже колѣна.

Молоко только что отелившейся коровы считается поганымъ и въ первый день доятъ два удоя не въ подойникъ и вообще не въ посудину какую-либо, а прямо «въ навозъ». Слѣдующіе

десять разъ въ продолженіе пяти дней доятъ въ поганую посудину и поятъ этимъ молокомъ теленка. На седьмой день корову и теленка моютъ теплой водой, въ которую кладутъ серебряный крестъ, или такое же кольцо. Послѣ этого корову доятъ въ чистую посудину и на молокѣ ея стряпаютъ въ этотъ день всю стряпню. Затѣмъ старшая женщина въ домѣ, обыкновенно старушка, зажигаетъ восковую свѣчу предъ иконой, кадитъ ладономъ домъ, иконы, стряпню и молится Богу по лѣстовкѣ, кладя черезъ каждые 10 поясныхъ поклоновъ одинъ земной; «вымолить» необходимо 2 лѣстовки (200 поклоновъ), одну за домашнихъ и за себя, другую—за корову. По окончаніи «моленія» предъ иконой, большуха беретъ первый блинъ, намазываетъ его кашей и несетъ коровѣ; второй такой же блинъ должно дать непремѣнно дѣвушкѣ (если своей нѣтъ, то чужой) для того, чтобы корова приносила на будущее время теличекъ, а не бычковъ. Послѣ этого вся семья садится обѣдать, при чемъ ѣдятъ преимущественно стряпню, приготовленную на молокѣ отелившейся коровы. Этотъ день считается какъ бы семейнымъ праздникомъ (Олонец. губ.).

Къ стр. 93.

Корова, которая доится половину года — половинница (Арх. губ.).

Многодойная корова—доёха (Арханг. губ.).

Корова съ большимъ вымянемъ — товаристая корова (Арханг. губ.).

Къ стр. 95.

Крынки (глечики) надо держать въ чистотѣ; ихъ выпариваютъ стружками, житной соломой, крапивой, щебуемъ (Thymus serpyllum), глечкопаромъ (чистотѣлъ — Chelidonium majus), потомъ окуриваютъ скорлупой освященнаго яйца, «щобъ билыпъ виршка було» (Полт. губ.).

Нельзя хвалиться удоями молока—корова молоко сбавитъ.

Къ стр. 97.

Молоко надо непремѣнно употреблять въ пищу съ хлѣбомъ, или же, если его ѣдятъ безъ хлѣба, надо, наливая его въ чашку, положить туда хоть крошку хлѣба, иначе «корова буде пуста» — не дастъ молока (Малорос.).

Молошная ѣда—до порогу хода (Бѣлор.).

Къ стр. 98.

Самымъ благопріятнымъ временемъ для сбиванія масла признается то, когда скотъ возвращается домой съ поля и по небу ходятъ небольшія разрозненныя облака (Витебск. губ.).

Хорошій сыръ опредѣляется такъ:

Сыръ ноздрякъ, а въ каждой слезинкѣ по масляной росинкѣ.

Къ стр. 99.

Ведя корову къ быку, нѣкоторыя хозяйки рядятся въ плахту, шелковый платокъ, и пр., для того, чтобы люди засматривались на женщину, а не на корову, и ее бы не сглазили (Полт. губ.).

Когда двѣ стельныя коровы часто ходятъ вмѣстѣ, и рядомъ лежатъ, то онѣ отелятся однополыми телятами (Витебск. губ.).

Если стельная корова преимущественно лижетъ свою спину, то она отелится бычкомъ, если лижетъ бока—телкою (Витебск. губ.).

Въ первый разъ отелившаяся корова называется первотелка.

Къ стр. 101.

Вспоминай, корова, лѣто, какова трава была, да ѣшь соломку (Новгор. губ.).

«Обрядить корову» — дать ей кормъ, напоить, подослать соломы и пр. (Яросл. губ.).

Провалистая корова — плохо держитъ тѣло, кормъ сквозь нее проваливается (Яросл. губ.).

Зимой скотинѣ только и угрѣва, что около корма (Яросл. губ.)

Къ стр. 103.

Если заговорить отъ волковъ скотину, что умѣютъ дѣлать нѣкоторые знахари, то она уже отъ нихъ безопасна; но иногда бываетъ «насылъ волковъ», отъ другого сильнѣйшаго колдуна, и тогда уже скотину ничто не спасетъ.

Къ стр. 104.

Баловливая корова все стадо балуетъ.

Коровѣ сѣдло не пристало.

Къ стр. 106.

Годовой бычекъ—погодникъ (Яросл. губ.).

Теленокъ по второму году—однотравокъ (Арханг. губ.),

—говорятъ: корова, лошадь двухъ, трехъ травъ, т. е. лѣтъ.

Къ стр. 109.

Падежъ на скотъ—«на скотъ не смирно» (Олонецк. губ.).

У скота живетъ и ускотье (падежъ).

Падижъ и чума ни все одно, це разныця: одъ падижа хочь и болие скотына, та ни уся, и хвора ни вся пропадае, а одъ чумы котора занесена въ лыніи (Сѣверн. Кавказа) вся подохне, якъ заболие, и вся заразится одъ одной хворой (Харьк. губ.)

Къ стр. 113.

Nie daje krówka, ale komórka. (Польск. — Не корова даетъ, а хлѣвъ),

т. е. доходъ отъ коровы зависитъ отъ условій ея содержанія.

Къ стр. 114.

О значеніи верблюдовъ для кочевниковъ можно судить по слѣдующей киргизской поговоркѣ:

Когда твой верблюдъ околѣетъ, пропадетъ твое счастье (Киргиз., Сырдар. Обл.).

Черная буйволица даетъ такое же бѣлое молоко, какъ и черная корова:

Биволица—та іе черна, а бѣло млѣко дава! (Болгар.).

IV.

Мелкій домашній скотъ—овцы, козы и свиньи.

Къ стр. 116.

Овечка кругомъ человѣчка (Могилевск. г.).

Къ стр. 119.

Существуетъ убѣжденіе, что цвѣтъ пастушьихъ собакъ и вообще предметовъ, окружающихъ животныхъ во время случки, вліяетъ на цвѣтъ шерсти овечьяго приплода.

Когда съ пастухомъ находится на пастбищѣ черная собака, большинство ягнятъ родится съ черною шерстью (Витебск. губ.).

Извѣстенъ библейскій разсказъ про то, какъ Іаковъ, живя у Лавана, чтобы рождались овцы съ черною или бѣлою шерстью, клалъ передъ ними во время случки черныя, бѣлыя или

пестрыя палочки, и получалъ скотъ бурый, или черный, или пестрый, по желанію.

Къ стр. 120.

Блудна вівця—вовча вечеря (волчій ужинъ) (Галиц.).
Будь овца—и волки готовы (Нижегородск. губ.).

Къ стр. 121.

Худо овцамъ, гдѣ волкъ воевода (Яросл. губ.).

Къ стр. 123.

За едновъ вівцев ціло стадо біжитъ (Галиц.).

Къ стр. 126.

Якъ найдешь двойчатый колосъ жита—вырви его и дай съѣсть овечкѣ, она будетъ водить близнятъ (рождать двойней) (Бѣлор.).

Когда кто хочетъ, чтобы у него хорошо разводились овцы, тотъ не долженъ заводить козъ (Витебск. губ.).

Нельзя оставлять на племя ягненка «поёныша»—онъ не будетъ любить своихъ ягнятъ (Витебск. губ.).

Овецъ Господь благословилъ на пользу людямъ за то, что онѣ кормомъ и своей шерстью прикрыли Христа, когда Онъ прятался отъ жидовъ (Малорос.).

Въ Сербіи и Болгаріи до вешняго Егорья баранины не ѣдятъ, въ этотъ же день непремѣнно колятъ ягненка, который считается священнымъ: его водятъ благословлять въ церковъ, зажигаютъ у него на рогахъ свѣчи; священникъ получаетъ его шкуру, а мясо съѣдается за торжественной священной трапезой. Ягненокъ этотъ считается посвященнымъ Св. Егорью и хозяинъ дома, прежде чѣмъ его заколоть, говоритъ: «Св. Горги, на ти ягне». Въ этотъ обычай входитъ остатокъ древняго обряда чествованія перваго весенняго приплода домашнихъ животныхъ.

Къ стр. 127.

Чия вівця, того й вовна (Галиц.).
Овчинка и лѣтомъ и зимой добра (Бѣлор.).

Къ стр. 131.

Овецъ нельзя въ первый разъ выгонять на пастьбу въ понедѣльникъ, субботу или день св. мученика (Полт. губ.).

Передъ постановкой овецъ на зимній кормъ имъ три дня подъ рядъ даютъ въ кормѣ хрѣнъ съ солью (Полт. губ.).

Къ стр. 132.

Болѣзни овецъ приписываются несоблюденію хозяиномъ праздничныхъ дней (Полт. губ.).

Сглаза овецъ совсѣмъ не бываетъ, потому что овца, въ особенности стриженная, представляется предметомъ, мало возбуждающимъ зависть: «малый взятокъ тому, хто дывытся» (Полт. губ.).

Раздутіе брюха у овецъ, происходящее иногда отъ поѣданія нѣкоторыхъ травъ, пастьбы на сочныхъ озимяхъ, на лугахъ покрытыхъ каплями дождя или росы, присывается тому, что овца «сбижыть на росу таку, де лазывъ павукъ, або зъистъ веху (Cicuta virosa)» (Полт. губ.).

Къ стр. 133.

Не стоитъ козами сѣно травить,

Къ стр. 134.

Вѣдьма никогда не отбираетъ у козы молоко (Харьк. губ.).

Въ бѣдности козъ разводить, въ богатствѣ — верблюдовъ. (Бурят.).

Къ стр. 135.

Козловъ держатъ на конюшнѣ, чтобы домовой по ночамъ ѣздилъ на нихъ, а не на лошадяхъ. (Харьк. губ.).

Къ стр. 138.

Не рада коза пиру, а курица веселью (свадьбѣ). (Бѣлор.).

Къ стр. 137.

Козьему молоку приписывается свойство тушить пожаръ, происходящій отъ молніи:

Kozie mieko gasi ogién (Польск.).

Къ стр. 146.

Въ отношеніи откорма свиней даются слѣдующія указанія: закармливать свиней лучше «на молодыци,—буде молода шкура и сало мякеньке, а якъ на старому мисяци, то буде застаркувата шкура, така, што ни вкусишь, и сама тилькы шкура, сало ни буде набираты; можно и на пидповнимъ мисяци» (Полт. губ.).

Качества свиньи опредѣляются малороссами по слѣдующимъ признакамъ:

«Свыня, або кабанъ, треба шобъ были таки, якъ лава (скамья),—въ гостроспыннаго ни буде сала» (Полт. губ.).

Свѣтлыя масти у свиней: «била, руда, перыста, ряба» предпочитаются черной, потому что черная щетина будто бы обусловливаетъ болѣе темный цвѣтъ сала и мяса (Полт. губ.).

Къ стр. 150.

Если свинью заколоть въ четвергъ, въ салѣ заведутся черви, въ среду и въ пятницу—сало будетъ постное; лучше всего забивать свиней въ субботу, когда обыкновенно и дѣлаютъ запасы на предстоящую недѣлю. (Черниг. губ.).

Рѣзать (колоть) свиней нельзя ни на третьей лунной четверти, потому что будетъ непрочное, гнилое сало и мясо, ни по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, такъ какъ сало «буде слызьке», ни до зимняго Николы — будутъ черви въ мясѣ (Полт. губ.).

V.

Собака и кошка—людскіе сожители.

Къ стр. 158.

Лучшіе щенки—девятаго помета, или въ пометѣ девятый (Витебск. губ.).

Во многихъ мѣстностяхъ существуетъ повѣрье объ особыхъ свойствахъ собаки «ярчука»—духовидца: собака ярчукъ страшно злая, она имѣетъ волчій зубъ, беретъ волка и мѣшаетъ вѣдьмамъ ходить въ загороду; поэтому нечистая сила и старается ее истребить (Харьк. губ.).

Перворожденная собака-ярчукъ—обладаетъ способностью видѣть вѣдьмъ и злыхъ духовъ и ихъ прогонять; рана отъ укушенія ярчука очень опасна и трудно заживаетъ (Подольск. губ.).

Если первородящая сука родитъ перваго щенка — самку, а эта послѣдняя родитъ перваго щенка самца, то это и будетъ ярчукъ, сильная собака, которая можетъ одолѣть не только волка, но и медвѣдя (Волынск. губ.).

Къ стр. 159.

Хорошія собаки узнаются смолоду по слѣдующимъ признакамъ:

Хорошая, т. е. злая собака выйдетъ изъ того щенка, у котораго во рту черно (Витебск. губ.).

Выбирай щенка съ чернымъ понёбомъ—злой будетъ (Яросл. губ.).

При выборѣ щенка надо въ отсутствіи суки размѣстить щенятъ по разнымъ мѣстамъ; по возвращеніи сука начинаетъ ихъ разыскивать и носить въ гнѣздо, причемъ котораго принесетъ первымъ, тотъ и есть лучшій въ пометѣ (Витеб. губ.).

Приблудная собака часто бываетъ удачливая, но никогда не станетъ такой злою, какъ доморощенная (Витебск. губ.).

Къ стр. 162.

Собака на кости лежитъ, да другому не дае (Малорос.).

Къ стр. 163.

Старая собака на пустое дерево не лаетъ (Перм. губ.).

Не всякая собака кусаецца, а всякая бреше (Бѣлор.).

Къ стр. 164.

Щенокъ лаетъ — отъ большихъ слышитъ.

Къ стр. 169.

Лиха собака, а волка не съѣстъ.

Злой песъ и господина грызетъ.

Къ стр. 171.

Собачьей слюнѣ приписываются ядовитыя свойства; если ребенокъ съѣстъ кусокъ хлѣба, облизанный или даже только обнюханный собакой, то у него дѣлается болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ собачьей старости; чтобы отъ нея избавиться, надо постараться, путемъ особыхъ пріемовъ, передать болѣзнь обратно отъ ребенка къ собакѣ (Олон. губ.).

Къ стр. 178.

Что кошка ни родитъ, то мышей ловитъ.

Къ стр. 183.

Знаетъ кошка, чью сметану съѣла.

Къ стр. 185.

Какой шерсти уживается въ домѣ кошка, такой масти и скотъ слѣдуетъ держать—«домовой заразъ же задуше кишку, якъ то ему не полюбыцьця ыи шерсть» (Харьк. губ.).

Къ стр. 187.

Два коты у однимъ мишку (вар: — на одномъ салѣ) не помирятьця (Малорос.).

Не играй, кошка, углемъ — обожжешь лапу.

VI.

Домашняя птица.

Къ стр. 191.

И слипа курка де коли найде зерно (Малор.).

Къ стр. 192.

Les poules huppées passent pour les meilleures pondeuses.

Къ стр. 193.

Куръ надо держать той масти, которая идетъ въ руку: «кому йдуть били, глынясты, червони, а кому попельнясти, зазулясти». Куры свѣтлыхъ мастей, особенно желтоватыя, хохлатыя, какъ болѣе красивыя и носкія, предпочитаются темнымъ: «черни куры дрибни, негарни» (Полт. губ.).

Бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домѣ счастье и охраняетъ отъ злыхъ чаръ (Чешск.).

Существуетъ пѣтухъ «царикъ», обладающій чудодѣйственной силою, его всѣ пѣтухи боятся, и даже діаволъ; узнать его можно еще въ яйцѣ, потому что онъ въ яйцѣ пищитъ; онъ первый запѣваетъ въ полночь; діаволъ не смѣетъ войти въ тотъ дворъ, гдѣ онъ находится. Чумаки, отправляясь въ дорогу, берутъ съ собою пѣтуха царика (Малор., Н. Ф. Сумцовъ: «Нар. пережитки»).

Красный пѣтухъ открываетъ клады, онъ же и хранитель кладовъ (Малорос., Н. Ф. Сумцовъ).

Къ стр. 194.

Пѣтухъ фигурировалъ въ мистическихъ воззрѣніяхъ древнѣйшихъ народовъ и ему приписывалась власть надъ нечистою силою, быть можетъ потому, что его пѣніе совпадаетъ съ разсвѣтомъ, разгоняетъ ночную тьму, привѣтствуетъ восходящее солнце. Такая роль пѣтуха олицетворяетъ въ иранскихъ вѣрованіяхъ борьбу свѣта съ тьмою, добра со зломъ, жизни со смертью. Слѣды этихъ вѣрованій находятъ себѣ выраженіе въ представленіи ихъ о томъ, что пѣтухъ — птица свѣта-солнца, птицею

же мрака считался голубъ. Властью пѣтуха надъ нечистою силою объясняется и приписываемая ему власть надъ болѣзнями, этой силой насылаемыми:.

Если не было бы пѣтуха, болѣзни овладѣли бы всѣмъ міромъ, говорится въ одной изъ Зороастровскихъ книгъ, и доселѣ у финновъ сохранилось повѣрье, что болѣзни не могутъ проникнуть въ домъ, гдѣ находятся пѣтухъ. На томъ же основывается и наше русское повѣрье, что пѣтуха надо держать на скотномъ дворѣ, иначе скотъ вестись не будетъ.

Курица, поющая пѣтухомъ,— «распѣтушье» (Яросл. губ.).

Къ стр. 198.

Якъ рясный гребинь и хвистъ у пивня, то буде рясно яець и курчатъ (Полт. губ.).

Къ стр. 199.

Сосѣдская курица кажется сосѣду индюкомъ (Турецк.).

Къ стр. 200.

Коли у курицы желтыя ноги, то будетъ много яицъ нести (Минск. губ.).

Куръ лучше покупать «зъ запада сонця» и противъ теченія рѣки, такъ какъ все, купленное по теченію, быстро уплываетъ (Полт. губ.).

Къ стр. 202.

Вмѣсто кувшиновъ ставятъ иногда въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся куриныя насѣсти, старые горшки, помѣщенные на высокомъ шестѣ; имъ придается особое чудодѣйственное значеніе — въ такомъ горшкѣ поселяется покровительствующій курамъ курячій богъ (Яросл. губ.).

Въ Тульской губ. куринымъ богомъ называютъ круглые, плоскіе и съ дырочкой по серединѣ камешки, которые попадаются иногда въ рѣкахъ; эти камешки подвѣшиваются въ курятникахъ къ насѣстамъ и имѣютъ, будто бы, большое вліяніе на благополучное состояніе курятника.

Снесшая въ первый разъ яйцо курица—молодушка (Арханг. г.).

Къ стр. 203.

Въ противоположность поговоркѣ «за очи только яйца торгуютъ», существуетъ мѣстами и другая:

За глаза и яйца нельзя купить.

Къ стр. 204.

Не разбивши яицъ, яишницы не сдѣлаешь (Перм. губ.).

Съ яйца яишни не наѣшься (Смол. губ.).

Въ средней Россіи существуетъ повѣрье, согласно которому

Грѣхъ ѣсть яйца, снесенныя до масленицы.

Чтобы куры не клевали яицъ, когда несутъ ихъ, имъ нужно прижекать клювъ накаленной кочергой (Минск. губ.).

Къ стр. 208.

Насѣдку садятъ на яйца на молодикѣ — утромъ (Полтавской губ.).

У куръ нельзя ѣсть лапокъ: «якъ Ісусъ Христосъ заховався въ ясли, а курица и выгребла Его лапами; якъ яечко снесла, то сама освятылась, а лапы всежъ прокляты» (Малор.).

Къ стр. 211.

Лучше свое яйцо, чѣмъ общая курица (Татар., Закавк. кр.).

Къ стр. 212.

Гуска снесе стильки яецъ, скильки нидиль мясойида (Полтавск. губ.).

Къ стр. 213.

Cztery gęsi, dwie niewieście, uczyniły jarmark w miescie (Польск.— Четыре гуся да двѣ бабы—вотъ и ярмарка).

У поляковъ есть любопытное, но едва ли вѣрное, замѣчаніе, что та утка, которую высидѣла курица, сама не будетъ утятъ выводить, а только та, которую вывела утка же:

Tylko ta kaczka wylęgnie młode, którą nie kura, tylko kaczka wywiodła.

Къ стр. 214.

Утокъ слѣдуетъ чаще кормить гречкой, будутъ лучше нестись: «якъ гречка, такъ и яечко» (Полтавск. губ.).

Къ стр. 215.

Индюшка—«пырка» (Яросл. губ.); въ средней и южной Россіи—«канка».

У индюшекъ нельзя ѣсть головокъ, у нихъ—«гадюча головка, бо въ ней гадына на шеи высыть» (Малор.).

Къ стр. 218.

Хорошъ павлинъ—да ногами худъ.

U pawia strój anielsky, chod zledziejski, głos djabelski, a mięso baranie (Польск.—У павлина строй ангельскій, ноги злодѣйскія, голосъ дьявольскій, а мясо баранье).

Павлинье мясо не ѣдятъ, вслѣдствіе происхожденія павлина отъ діавола; на этотъ счетъ есть у поляковъ легенда, объясняющаяся и то, почему павлинъ такъ красиво украшенъ, а павасамка его передъ нимъ въ сравненье не идетъ. Дѣло было такъ. Въ свободное отъ терзанія людей время усѣлся чортъ со своей женою. Она, ласкаясь и ухаживая за нимъ, принесла красивыя, лоснящіяся, разноцвѣтныя перья и стала украшать своего милаго, и украсила его со вкусомъ женщины до неузнаваемости. Осмотрѣлся тогда діаволъ и не мало удивился красотѣ своей. Пожелалъ онъ, чтобы и его половина такъ же была изукрашена. Взялъ тогда перья, прикладывалъ, пристраивалъ и дошелъ до шеи. Въ это время запѣлъ пѣтухъ; діаволъ остался въ своемъ одѣяніи въ образѣ павлина, діаволица же недоубранная въ образѣ павы.

VII.

Пчела-медуница.

Къ стр. 219.

Пчела—Herrgottvogel, Marienvogel.

Къ стр. 220.

Мертвыхъ пчелъ, сметенныхъ весною, закапываютъ въ землю, или высыпаютъ въ закрытое мѣсто, куда никто не ходитъ; оставлять наружи мертвыхъ пчелъ грѣшно, пчела чистое животное, плодъ ея трудовъ служитъ жертвою Богу (Малорос.).

Бжола—рабоча муха, труждящася, свята; ін треба, якъ чоловика: выкопать ямку и святою землею покрыть (Полтавск. губ.).

Св. Зосима и Савватій «пасышныки, съ корзыною и намалеваны; Изосимъ завидувавъ нею (пчелою) спрежду и до вику буде завидувати; винъ и теперь иде помижь бжолою и несе казаночикъ у рукахъ и кормыть усю бжолу; винъ варыть ій сыту». (Полтавск. губ.).

Къ стр. 221.

Когда начинаются весеннія работы, пчелякъ, выѣзжая въ поле, беретъ съ собой мѣшокъ, въ который забираетъ первый

попавшійся ему муравейникъ, и дома варитъ его въ меду, которымъ кормитъ пчелъ; это дѣлается для того, чтобы пчелы были многочисленны и трудолюбивы, какъ муравьи. Нѣкоторые кладутъ еще въ медъ крестообразную косточку изъ щучьей головы и щучьи зубы, чтобы пчелы хорошо откусывались при нападеніи чужихъ роевъ,—толченый перецъ, чтобы крѣпки были,—горицвѣтъ, чтобы были въ цвѣтущемъ состояніи. Медъ этотъ разводятъ Крещенскою водою, или росою, собранной на Георгія рано утромъ (Малорос.).

Къ стр. 224.

При выносѣ ульевъ, ихъ окуриваютъ васильками и клечальнымъ (троицкимъ) листомъ, въ предупрежденіе гнильца; имъ же хозяинъ натираетъ улья, чтобы они нравились пчеламъ, и себя, чтобы пчелы не кусали; при постановкѣ пчелъ, ихъ окуриваютъ ладономъ, окропляютъ св. водой и говорятъ—Христосъ Воскресе (Малорос.).

Пчелъ нельзя вынимать изъ погреба въ день, когда празднуется память св. мученика, а то будутъ умирать и будешь съ ними мучиться. Нужно вынимать, когда церковь поминаетъ преподобнаго и на полнолуніе, чтобы ульи были полны сотовъ и меда (Малорос.).

Кто воруетъ чужихъ пчелъ, тотъ долго не проживетъ, потому что онѣ дѣлаютъ свѣчи для Бога (Бессар.).

Божлы безъ матки порядку не найдутъ; начне бжола мутыться, начне грать; гуде, свыщи, становить на труты; потомъ растратыся сыла и улыкъ спустіе (улей опустѣетъ) (Полтавск. губ.).

Маткы бувають: сирка, выдра, трутова, котора кладе тильки трутнивъ; вона наибильша, рудовата роди шмиля: ін унычтожать (Полтавск. губ.).

Трутынь у улыку для того, щобъ плидъ бувъ; на зиму ихъ вигонять сами бжолы (Полтавск. губ.).

Рабоча бжола бува жовта, котора бере обножкы (хлѣбину) съ вербы, буває сира, най гирша чирна—злодіи и разбойныкы (Полтавск. губ.).

Къ стр. 226.

Въ какое время начнетъ пчела играть, въ такое же время дастъ она рой, хотя бы черезъ нѣсколько дней (Ворон. губ.).

Во время роенія пчелъ, улья смазываютъ по серединѣ матошникомъ, запахъ котораго походитъ на запахъ пчелиной матки и потому привлекаетъ рой. Матошникъ—Dracocephalum Moldavica или Melissa Canariensis; она же—медовикъ, пчельникъ-трава (Малорос).

Къ стр. 231.

Медъ ѣсть—въ улей лѣзть.

Къ стр. 232.

Пчелѣ на зиму надо оставлять столько меда, сколько вѣситъ ржаной хлѣбъ.

Къ стр. 233.

Подержавши медъ—пальцы оближешь (Бурят.).
Le miel est fait pour qu'on le lêche.

VIII.

Вольное звѣрье четвероногое.

Къ стр. 246.

Культъ медвѣдя.

Почитаніе медвѣдя во многихъ мѣстахъ, у живущихъ въ лѣсныхъ дебряхъ народовъ, заходитъ такъ далеко, что получаетъ характеръ настоящаго культа, съ обоготвореніемъ этого животнаго, празднествами въ честь его, жертвоприношеніями и т. п. Особенно много слѣдовъ этого культа у нашихъ сибирскихъ инородцевъ—остяковъ, айновъ, гиляковъ, а также у самоѣдовъ и вогуловъ. Слѣды его можно найти и у западныхъ полѣщуковъ и т. п.

У айновъ медвѣдь называется богомъ горъ. Остяки называютъ медвѣдя сыномъ неба, спустившимся на землю, вопреки волѣ отца. Всѣ сѣверные и сѣверо-восточные народы думаютъ, что душа у медвѣдя, какъ у человѣка, безсмертная. Енисейскіе остяки убѣждены, что медвѣдь человѣкъ и даже сверхъ-человѣкъ, и что медвѣжья шкура только покровъ, подъ которымъ скрывается существо, одаренное божеской силой и мудростью. Алтайцы говорятъ, что медвѣдь слышитъ черезъ землю.

Описаніе медвѣжьихъ праздниковъ можно найти у разныхъ

бытописателей отдаленныхъ мѣстностей Сибири. Они состоятъ въ закланіи пойманнаго медвѣдя въ жертву и сопровождаются пиромъ съ соотвѣтствующими плясками, пѣснями и различными обрядами. У айновъ и гиляковъ закалываютъ двухлѣтняго медвѣдя, нарочно для этой цѣли выращиваемаго.

Праздникъ медвѣдя справляется и въ Минской губ. (Борисов. уѣзда) подъ названіемъ «праздника комоѣдицы», и пріурочивается къ кануну Благовѣщенья. Въ этотъ день приготовляются особыя кушанья,— сушеный рѣпникъ, въ знакъ того, что медвѣдь питается по премуществу растительной пищею; овсяный кисель, въ знакъ того, что медвѣдь любитъ овесъ, гороховые комы, отъ котораго самый праздникъ и получилъ свое названіе «комоѣдицы». Послѣ обѣда всѣ, старъ и младъ, ложатся, но не спятъ, а поминутно, самымъ медленнымъ образомъ, перекатываются съ боку на бокъ, подражая этимъ поворачиванью медвѣдя въ берлогѣ. Церемонія эта продолжается около 2 часовъ, и все это дѣлается для того, чтобы медвѣдь легче всталъ со своей зимней берлоги. Послѣ обѣда крестьяне уже во весь день не работаютъ — празднуютъ.

Гилякъ думаетъ, что медвѣдь только тогда достается ему въ добычу, когда онъ самъ этого хочетъ,— въ борьбѣ съ человѣкомъ медвѣдь тогда самъ подставляетъ ему мѣсто для смертнаго удара, иначе его не убить. Съ другой стороны, и самъ медвѣдь (Сахалинскій) на человѣка никогда первый не нападетъ; если гилякъ на охотѣ отъ медвѣдя погибаетъ, то это былъ не медвѣдь, а чортъ въ образѣ медвѣдя, или же медвѣдица, которая полюбила гиляка и пожелала переселить его душу въ себя. Бываютъ, однако, случаи, когда медвѣдь, преждевременно вставшій отъ зимней спячки, въ изступленіи голода бросается на человѣка, но это медвѣдь сумасшедшій, или медвѣдь бродяга, прогнанный «Хозяиномъ», т. е. божествомъ горы.

Остяки Тобольской губ., прежде чѣмъ стрѣлять въ медвѣдя, считаютъ нужнымъ передъ нимъ извиниться за причиняемую непріятность; если же не успѣютъ этого сдѣлать надъ живымъ медвѣдемъ, то надо извиниться передъ мертвымъ. При этомъ медвѣдя обязательно величаютъ «добрый старичекъ». Вообще, остяки избѣгаютъ называть медвѣдя по имени, а говоря про него, означаютъ его словами: «священный звѣрь, старикъ, старикъ съ когтями, отецъ, онъ, добрый звѣрь и т. п. Когда медвѣдь убитъ, сдираютъ съ него шкуру и несутъ домой съ разными причита-

ніями и обрядами, а мясо зарываютъ въ землю, иначе медвѣдь можетъ ожить, опять надѣть на себя шкуру и начать мстить за все, что надъ нимъ продѣлали. Послѣ приноса медвѣжьей шкуры въ домъ, всѣ приходятъ медвѣдю на поклоненіе, приносятъ ему подарки, угощаютъ, поютъ въ честь его пѣсни и проч. Празднество продолжается три дня, послѣ чего медвѣдь считается умилостивленнымъ (Куликовскій, Остяки Тобольской губ.).

Такъ такъ не только самъ медвѣдь, но и его шкура и другія части его тѣла считаются священными, у остяковъ, вогуловъ и другихъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ существуетъ такъ называемая «медвѣжья присяга», т. е. присяга на медвѣжьей шкурѣ, медвѣжьемъ ухѣ, зубѣ и т. п. Въ старыя времена остяки, такимъ образомъ, присягали и новому царю, съ особымъ, обычаемъ для того установленнымъ, ритуаломъ.

Жиру и мясу медвѣдя приписывается цѣлебная сила. Медвѣжій коготь доселѣ встрѣчается, какъ амулетъ, и находится иногда въ могилахъ каменнаго вѣка.

Въ Олонецкой губ. увѣряютъ, что самка медвѣдя,—«матика»—особенно склонна пугать человѣка, когда онъ идетъ по лѣсу со своими дѣтьми; однако — бросится, пугнетъ, но не тронетъ.

Медвѣдей различаютъ, смотря по роду ихъ питанія: «стервятники»—питаются падалью, «конинники» — загрызаютъ лошадей и т. п.

Къ стр. 255.

Волкъ — большой шутникъ: ночью онъ часто бросается человѣку подъ ноги и валитъ его, съ единственною цѣлью пошутить надъ нимъ и позабавиться его страхомъ (Смоленск. губ.).

Если при встрѣчѣ съ волками поговорить съ ними «по хорошему»,— сказать имъ «здравствуйте, молодцы» и т. п., то они человѣка не тронутъ и пойдутъ своей дорогой (Смол. губ.).

Волкъ легко поддается заговорамъ и внушеніямъ; если заговорить отъ волковъ скотину, что умѣютъ дѣлать нѣкоторые знахари, то она уже отъ нихъ безопасна, пока не будетъ «насыла волковъ» отъ сильнѣйшаго знахаря.

Къ стр. 259.

Главнымъ начальникомъ надъ волками, кромѣ Егорья, въ Смоленской губ. считается «Честной Лѣса», или лѣсной Царь,

часто принимающій видъ бѣлаго волка. Чтобы пріобрѣсти расположеніе Честного Лѣса, пастухъ оставляетъ въ лѣсу на съѣденіе волкамъ одну овечку.

Волку особенно нравится ослиное мясо: если ему хоть разъ удалось гдѣ-нибудь съѣсть осла, то онъ будетъ 9 лѣтъ приходить на то же мѣсто; поэтому и оселъ, зачуявши волка, страшно реветъ и безпокоится больше всякаго другого скота, чувствуя, что волкъ съѣстъ его первымъ (Бессараб.).

Чтобы сдѣлаться вовкулакомъ (см. Гл. I, стр. 12), нужно вбить въ землю пять осиновыхъ кольевъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, такъ, чтобы 2 колышка служили подобіемъ переднихъ ногъ, 2—заднихъ, а пятый—хвоста, и перепрыгивать черезъ всѣ, начиная съ задняго—тогда и сдѣлаешься волкомъ; когда же вовкулакъ захочетъ опять стать человѣкомъ, то долженъ перепрыгивать черезъ тѣ же 5 колышковъ, но въ обратномъ порядкѣ и задомъ напередъ; если же кто-нибудь колышки вынетъ, то перевертень (оборотень) навсегда останется волкомъ. Вовкулака нельзя ни убить, ни поймать (Бѣлор.).

Есть волки, обращенные въ волковъ изъ людей по злому умыслу знахарей (знатоковъ); бо́льшею частью обращаютъ въ волковъ цѣлый свадебный поѣздъ. Узнать такихъ волковъ можно по тому, что они всегда ходятъ попарно и притомъ вблизи селъ и деревень, и никогда не нападаютъ на человѣка; не тревожатъ они и домашняго скота, и даже не трогаютъ лѣсныхъ звѣрей, но питаются травами и кореньями. У настоящихъ волковъ они находятся въ подчиненіи и исполняютъ ихъ порученія, приносятъ имъ добычу, а если ослушаются, то тѣ ихъ разорвутъ. Обратить ихъ обратно въ людей можетъ только самъ знатокъ; въ случаѣ же его смерти, они остаются волками на всю жизнь. Есть, однако, одно средство вернуть имъ человѣческій образъ: увидавъ превращенную свадьбу (замѣтную потому, что волки идутъ попарно), надо какъ можно скорѣе воткнуть острый ножъ въ хлѣбное тѣсто, когда оно еще въ квашнѣ, и тогда съ превращенныхъ спадаетъ волчья шкура и они становятся снова людьми (Малор.).

Къ стр. 262.

Stary lis dwa razy złapać się nie da (Польск. — Старая лиса дважды поймать себя не дастъ).

Къ стр. 267.

Какъ зайца ни корми, заяцъ въ лѣсъ бѣжитъ.
Заяцъ скоръ, да ѣсть не споръ (Перм. г.).

Къ стр. 275.

Сытая мышь и муки не ѣстъ (Перм. г.).

Къ стр. 277.

Мышьи оглодки ѣсть—зубамъ здорово.

Къ стр. 278.

Мѣстами человѣка, выводящаго мышей и крысъ, называютъ «мышиный царь» (Ворон. г., Малор.).

Къ стр. 279.

Изображеніе души умершихъ въ видѣ мышки распространено не только у насъ; такъ, одна католическая святая, покровительница умершихъ, изображается на иконахъ вся покрытая мышами. Впрочемъ, души умершихъ олицетворяются въ народныхъ воззрѣніяхъ не всегда въ видѣ мышей, а также въ видѣ бабочекъ, пчелъ, у насъ иногда въ видѣ голубя и т. п.

Къ стр. 280.

Осетины приписываютъ снотворную силу лѣвому крылу летучей мыши, его кладутъ подъ голову ребенка, сонъ котораго безпокоенъ.

Къ стр. 283.

Поляки считаютъ счастливымъ тотъ домъ, въ которомъ поселяется ласка; но если ласку раздразнить преслѣдованіемъ или отнять у нея дѣтей, то она мститъ обидчику — плюетъ ему въ глаза, отчего тотъ ослѣпнетъ.

Хомяка поляки зовутъ земляною собакою:

Chomika lud zowie powszechnie psem ziemnym.

Къ стр. 284.

Горностай на сѣверѣ таскаетъ рыбу изъ амбаровъ, почему лопари зовутъ его «бабьимъ пакостникомъ».

Къ стр. 285.

Na sobola więcej ważą, niż na tchórza, bo lepszą skórę ma (Польск.—За соболемъ охотнѣе идутъ, чѣмъ за хорькомъ—шкурка лучше).

У киргизовъ ежъ почитается священнымъ животнымъ.

Къ стр. 286.

Россомаха воруетъ мясо оленей изъ подъ камней, гдѣ лопари его прячутъ, лазитъ за оленьими шкурами въ амбары и проч., почему лопари называютъ ее «мужскимъ пакостникомъ».

IX.

Вольное пернатое царство.

Къ стр. 294.

Названіе птицы «конюкъ, коня, канюкъ» производится отъ слова «канючить»—просить, птица эта вѣчно канючитъ, что объясняется ея вѣчною жаждой.

Vol de faucon—mort de pigeon.

Къ стр. 314.

Bociek wyrzuca jedno z młodych wtedy, gdy ma ich nie do pary (Польск. — Аистъ выбрасываетъ изъ гнѣзда одного птенца въ томъ случаѣ, когда ихъ нечетное число).

Къ стр. 322.

Coby sroki robiły, gdyby nie krzyczały? (Польск.—Что бы сороки и дѣлали, кабы не кричали?).

Какъ и другія птицы, сороки на сову слетаются и ее преслѣдуютъ, если ей случится днемъ вылетѣть, но изъ этого въ концѣ концовъ ничего не выходитъ:

Sroki za sową latają, nakrzektawszy się darmo, nic zato nie mają (Польск.—Сороки за совой летаютъ, накричавшись даромъ, ничего за это не получаютъ).

Къ стр. 349.

Dudek i sam smierdzi, i swe gniazdo zaplugawi (Польск.—Удодъ и самъ смердитъ, и гнѣздо поганитъ).

Къ стр. 351.

Приписываемая сойкѣ глупость подтверждается еще нижеслѣдующими польскими изреченіями:

Sojka jest durna jak dziecko (Сойка глупа какъ ребенокъ).

Sojka zakopuje orzechy na zimę, których potem znaleść nie może. (Сойка на зиму закапываетъ въ землю орѣхи, которыхъ потомъ найти не можетъ).

X.

Подводное царство — рыбы и рыбачество.

Къ стр. 359.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребленіе рыбы въ пищу считается недозволеннымъ. Въ Египтѣ, напр., вкушеніе рыбы воспрещалось жрецамъ, причемъ нѣкоторыя породы рыбъ считались священными, на томъ основаніи, что онѣ поглотили часть тѣла бога Озириса. Нѣкоторыя негритянскія племена не ѣдятъ рыбъ, на томъ основаніи, что въ нихъ, будто бы, вселяются человѣческія души, или потому, что онѣ въ родствѣ со змѣями и т. п.

Къ стр. 362.

При рѣзкѣ (потрошеніи) бѣлуги часто слышенъ звукъ, вслѣдствіе выхода изъ пузыря или кишечника. Не отсюда ли выраженіе: «ревѣть бѣлугою?».

Къ стр. 363.

Chwal zczupaka ogon, a u karpia głowę. (Польск.—Хвали у щуки хвостъ, а у карпіи голову).

Къ стр. 372.

Pêcher en eau trouble est gain triple ou double.

Gruba ryba spodem pływa (Польск.—Крупная рыба низомъ идетъ).

Къ стр. 374.

Рыбаки въ Польшѣ привязываютъ къ сѣтямъ ноги цапель, считая это средствомъ привлеченія рыбы и полученія хорошаго улова.

При рыбной ловлѣ нечего жалѣть наживы;

Pêcheur, lésinant sur l'appât, voit du poisson, mais n'en prend pas.

Къ стр. 376.

Każdą rybę złapie na wędke, sztuka tylko dobrać wędki (Польск.—Всякую рыбу на удочку поймаешь, дѣло только въ удочкѣ, т. е. въ выборѣ удочки).

Głupi, kto złotą wędą drobne rybki łowi; urwie się, aż przepadnie, co dał złotnikowi (Польск.—Глупо золотою удочкою мел-

кую [дешевую] рыбку ловить—оборвавшійся крючекъ рыбою не окупится,—то же, что: «овчинка выдѣлки не стоитъ»).

Vieux poisson se connaît en amorces.

XI.

Гадъ и Гнусъ.

Къ стр. 393.

Поляки довольно много говорятъ про змѣю василиска, которая, однако, въ ихъ понятіяхъ пріобрѣтаетъ совершенно фантастическій характеръ, въ родѣ того, какъ у насъ полозъ. Такъ, василискъ можетъ будто бы однимъ взглядомъ своимъ превратить человѣка въ камень, его взоръ настолько зорокъ, что онъ, видитъ и сквозь стѣну; тотъ, кого перваго василискъ увидитъ, тотчасъ умретъ, василискъ сторожитъ великіе клады и т. п. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ представленіяхъ о василискѣ ничего реальнаго нѣтъ.

Къ стр. 396.

Согласно польскому повѣрью, Богъ ослѣпилъ мѣдяницу за то, что она прежде очень кусала людей.

Къ стр. 397.

Про ужей есть изреченія у поляковъ:

Węże dzieciom nic nie robią (Ужи дѣтямъ не наносятъ вреда).

W polu, w którym gniezdzi się zaskroniec, rodzi się wszystko dobrze (Въ полѣ, гдѣ гнѣздится ужъ, все хорошо родится).

Къ стр. 400.

Jaszczurka ma władzę oczarownia człowieka (Польск.—Ящерица имѣетъ силу очаровывать человѣка).

При укушеніи человѣка ящерицей (чего въ дѣйствительности никогда не бываетъ) поляки совѣтуютъ прибѣгать къ тому же средству, которое рекомендуется какъ средство противъ укушенія змѣи, т. е. какъ можно скорѣе воды напиться:

Gdyby człowiek ukąszony od jaszczurki znalazł pierwej wodę i pił, wówczas jaszczurka niechybnie ginie; wprzeciwkym wypadku umiera człowiek (Польск.—Если человѣкъ, уку-

шенный ящерицею, напьется воды раньше ея, то ящерица неминуемо гибнетъ; въ противномъ случаѣ умираетъ человѣкъ);

У ящерицъ, какъ извѣстно, очень легко отламывается хвостъ; поляки увѣряютъ, что такой отломленный хвостъ сохраняетъ способность до захода солнца шевелиться:

Ogon odłamany u jaszczurki porusza się aż do zachoda słońca.

Къ стр. 407.

Мнѣніе о томъ, что черепахи вліяютъ на увеличеніе удоевъ у коровъ, раздѣляется и поляками:

Krowa napiwszy się wody z tego stawu, w którym żółw przebywa, daje wiele mleku (Корова, напившаяся воды изъ того пруда, въ которомъ водится черепаха, даетъ много молока).

Къ стр. 409.

Mucha mała i wełykomu medwedewi dokuczyt (Польск.—Малая муха и большого медвѣдя изведетъ).

Къ стр. 417.

Любопытно польское объясненіе происхожденія блохъ,—онѣ созданы Богомъ для того, чтобы люди пошевеливались:

Gdy ludzie zniewieścieli i stali się tak powolnymi, że się zaledwie z miejsca ruszyć mogli, stworzył Bóg pchłę, aby człowieka do ruchu pobudzała (Польск.—Когда люди изнѣжились и стали столь медлительными, что едва съ мѣста могли тронуться, сотворилъ Богъ блоху, чтобы она побуждала человѣка къ движенію).

Къ стр. 418.

Najżałośniejsza człowiekowi bieda, gdy nie tylko wesz gryzie, ale też i gnida (Польск.—Нѣтъ хуже бѣды, когда грызетъ не только вошь, но и гнида).

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
10	18—21 сверху вправо	Всякая птица своимъ перомъ красуется Красна птица перьемъ	Обѣ эти поговорки должны быть перенесены на верхъ страницы.
—	29 »	Dol	Dal
11	11—10 слѣва	Corvi con corvi non si covano gli occhi	Różni różnie szkodzą sobie, ale kruk krukowi oka nie wydziobie (Польск.—Разное разному вредитъ, а воронъ ворону глазъ не выклюетъ).
—	7 справа	przy jdziesz	przyjdzisz!
12	11 сверху	źle, źie	źle, źre
14	3 снизу влѣво	le peau	la peau
21	12 снизу	bialim	białym
24	8 сверху,	panniè;	pannie
—	19 »	który, kon, duży	który, koń, duży
25	4 »	konioni	koniowi
—	11 снизу влѣво	kone	koně
29	10 сверху	цѣльи	цѣли
30	5	kon, wiedzal, zaden, siedziat	kon, wiedział, żaden, siedział
31	20 »	eine	eines
32	2 »	nòżka	nóżka
—	5 »	piers	pierś
—	7 »	cudne	cudny
—	8 »	czułosć	czulość
—	14 снизу вправо	Kon, cstery	Koń, cztery
38	11 сверху вправо	lawd	load
—	14 » »	vzczerszy	szczerszy
—	13 снизу »	Każdy	Każdy
40	4 сверху влѣво	ktòry, gòrę	który, górę

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
40	5 сверху влѣво	gòry, pocągnąc	góry, pociągnać
43	3 снизу	pożyczaj	pożyczaj
44	8 сверху влѣво	sród	śród
—	11 » »	zonie	żonie
—	14 »	wpol, drodzé, zsadzają	wpół dzodzie, zsadzają
53	18 снизу	ochędòstwa	ochędóstwa
54	10 сверху вправо	wiezć	wieźć
55	9 » »	koni owiowsa	koniowi owsa
59	5 »	dużo psòw f konf	dużo psów i koni
78	9 »	употреблямого	употребляемаго
84	16 сверху	hicht	nicht
89	8 »	kràva, mléka	kráva, mléko
99	15 снизу	отилившаяся	отелившаяся
—	5 »	Ели	Если
102	3 сверху	żałuje,	żałuje
—	6 »	dźwiga,	dźwiga
—	19 »	nechodí	nechodí
112	2 снизу вправо	des	das
118	15 » »	Dobrỳ, strize, kúze	Dobrý, střiže, kůzí
—	16 » »	nesdirac	nesdira
119	13 сверху	nazu	názu
121	12 снизу вправо	dem	den
—	3 » влѣво	vlei	vlci
125	14 сверху вправо	taź	taź
137	3 »	ròg	róg
155	5 сверху вправо	cèst	čest
161	13 » влѣво	liha	liha
163	3 снизу »	acqua	aqua
164	12 сверху вправо	une	und
—	13 снизу »	ant	an
165	4 сверху	niedidzie do niebies	niedoidzie do niebios
167	13 » вправо	и мыши	и мышь
168	11 »	Kolh	Kohl
174	15 снизу	holt	hohlt
177	13 сверху	волкамъ	лисѣ
179	7 снизу слѣво	мышѣ	мышкѣ
181	14 сверху вправо	csuja	czują
—	15 » »	tancuja	tancują
183	15 снизу влѣво	maszai	maczać
—	16 » »	lady	ladł
187	8 сверху	woh	wohl
—	12 »	Zim	Cim
191	6 »	Hörnlein	Körnlein
—	1 снизу	сжниyie	съпува
207	14 »	то нихъ	то изъ нихъ
218	6 сверху	Páv mà krásu andélskou, hlos dábelskỳ	Páv má krázu andélskou, hlos dábelský

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
230	4 »	сѧ	сѫ
—	10 »	сѧ	сѫ
231	9 снизу	leiden	lecken
252	11 и 12 снизу вправо	zĕ sĕry, zĕ snĕdl	zĕ sĕry, zĕ snĕdel
253	5 снизу вправо	wywolaj	wywołaj
237	13 снизу влѣво	Posnaci, baraniėy, skórzu	Poznać, baraniej, skórże
258	15 сверху	Влака-тъ	Влѫкъ-тъ
261	4 снизу	Еели	Если
263	10 сверху	пролзе, можешъ	пролјеze, можеш
270	8 » вправо	будетъ	будешь
275	3 снизу	Нашал	Нашѫл
289	12 »	птици	птицамъ
290	6 снизу вправо	ide	die
298	19 снизу влѣво	Malỳch, małe	Małych, małe
313	10 »	możecie, dwòr	możecie, dwór
—	12 »	już, snieżne	już, snieżne
315	1 сверху	Jerzabekt panski	Żórawiek pański
—	6 снизу	przy lecą żórawie, tapać	przylecą żórawie, łapać
—	8 »	żorawie, można	żórawie, można
317	7 сверху	Krodna	Kradną
—	11 снизу	вороны	нóрона
329	7 сверху	mysla	myślą
345	14 снизу	И на зиньку	И за зиньку
357	2 сверху	vodĕ	wodĕ
362	4 снизу вправо	sdechla, zostały	zdechła, zostały
370	7 сверху	нигего	ничего,
372	5 » вправо	m trûben	Im trûben
—	9 » влѣво	води	вода
374	3 снизу вправо	brachl	brache
380	7 »	Въ Австралiи	Въ Австрiи
390	18 »	свѧртит	свѫртит
396	18 сверху	приподжитъ	принадлежитъ
397	16 »	тучи	тучи:
402	8 снизу	колодце	колодезь
408	1 сверху	мошка	Мала мошка
410	11 снизу	выходятся	выводятся
413	20 сверху	интеисивности	интенсивности
415	1 »	онѣ	они

ОБМЕН

Л

IST BR 4089
-005-0

3 6105 00017 2622

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004